Васильев Л. С.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ Том 5

Том 1. Древний Восток и Античность

Том 2. Восток и Запад в Средние века

Том 3. От Средних веков к Новому времени (XVI–XVIII вв.)

Том 4. Новое время (XIX в.)

Том 5. От Нового времени к современности

Том 6. Современность и глобальные проблемы человечества

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Институт востоковедения РАН

Васильев Л. С.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Том 5

От Нового времени к современности

УНИВЕРСИТЕТ
книжный дом
Москва

УДК 94(100)"654"(075.8)
ББК 63.3(0)53я73-1+63.3(0)6я73-1
В19

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник ИМЭМО РАН *Г. И. Мирский;*
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института Европы РАН *Д. Е. Фурман*

Васильев Л. С.

В19 Всеобщая история. Том 5. От нового времени к современности : учебное пособие / Л. С. Васильев. — М. : КДУ, 2013. — 680 с.

ISBN 978-5-98227-849-4
ISBN 978-5-98227-854-8 (Том 5)

Читателю предлагается серьезная авторская работа, имеющая характер не только учебного пособия, но и новаторского научного исследования. Первые четыре тома были опубликованы в 2007–10 гг., но были серьезно переработаны для нынешнего издания.

Пятый том публикуется впервые. В нем речь идет о событиях первой половины XX в. Начало их — Первая мировая война, завершившаяся для России крушением самодержавия и попыткой революции. Говорится также о послевоенной Европе, вынесшей тяготы войны, о «коричневой заразе», родственной красной (тоталитаризм левого и правого толка). Период между войнами — соперничество между ними и сложная игра на их противоречиях с ослабевшей буржуазной демократией, представленной Англией и Францией (США в дела вне Америки тогда не вмешивались — доктрина Монро). И, наконец, Вторая мировая, результат соперничества между вождем и фюрером, которое обошлось отечеству так дорого, что после 1945 г. оно оказалось навсегда внутренне подорванным, что и неудивительно, если учесть, сколько оно потеряло в войнах и репрессиях.

Пятый том перенасыщен важными событиями и соответственно авторским анализом и выводами, подчас неприятными для отечественного читателя, да и для самого автора.

Для студентов исторических и иных гуманитарно-обществоведческих факультетов вузов (бакалавриат и магистратура), преподавателей и всех читателей, интересующихся историей

УДК 94(100)"654"(075.8)
ББК 63.3(0)53я73-1+63.3(0)6я73-1

ISBN 978-5-98227-849-4
ISBN 978-5-98227-854-8 (Том 5)

© Васильев Л. С., 2012
© Издательство «КДУ», 2012

Оглавление

Введение 9
Часть первая. МИР В НАЧАЛЕ XX в. (ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ) 20
Глава первая. ГЕРМАНИЯ И ЕЕ СОЮЗНИКИ 22
Германия в начале XX в. 23
Австро-Венгрия 26
Италия 29
Другие потенциальные союзники Германии 32
Внешняя политика Германии и Австро-Венгрии до 1914 г. 39
Глава вторая. СТРАНЫ АНТАНТЫ 42
Англия в начале века 43
Франция в начале века 47
Формирование Антанты 48
Россия перед мировой войной 51
Достижения реформируемой России и ее недруги 58
Глава третья. ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ СОЮЗНИКИ СТРАН АНТАНТЫ 65
США в начале XX в. (до войны) 66
Другие союзники Антанты в странах Запада 70
Страны мира, вступившие в войну на стороне Антанты 73
Глава четвертая. КОЛОНИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ СТРАН АНТАНТЫ 83
Британские доминионы 84
Другие колонии Англии 89
Колонии Франции и других государств 100
Глава пятая. НЕЙТРАЛЬНЫЕ СТРАНЫ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ 110
Европа 111
Страны Азии 116
Страны и колонии Африки 119
Государства Латинской Америки 121
Глава шестая. МИР ПЕРЕД ВОЙНОЙ 131
Борьба за сферы влияния и позиция Германии 131
Дипломатические игры немцев и Антанта 135
О ресурсах и мотивах разных стран 139

Часть вторая. МИРОВАЯ ВОЙНА. БОЛЬШЕВИКИ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ ... 142
Глава седьмая. НАЧАЛО И ХОД МИРОВОЙ ВОЙНЫ ... 144
Убийство в Сараево как повод для войны ... 147
Как выглядело начало войны? ... 150
Восприятие приближавшейся войны ... 153
Начало войны и реальная стратегия воюющих сторон ... 157
Кампания 1915 г. ... 160
1916 год. Канун серьезных перемен ... 165
Глава восьмая. СОБЫТИЯ В РОССИИ ... 168
Существенные сдвиги в 1913–1916 гг. ... 169
Февральско-мартовские события и путь к несостоявшейся республике ... 172
Большевики в попытках разогреть смуту ... 177
Проблемы Временного правительства ... 179
Кризис и конец Временного правительства ... 184
Глава девятая. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ ... 186
Ранние формы протопартийных групп ... 188
Прото- и предпартии в античных и предбуржуазных обществах ... 191
Религиозные ордена как предполитические организации ... 194
Возникновение политических партий в буржуазных обществах ... 195
Либеральная буржуазия и социал-демократия ... 199
Либеральная демократия и политические партии в России ... 201
О большевистской партии *нового типа* ... 205
Глава десятая. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ЖЕСТОКИЙ ТРИУМФ БОЛЬШЕВИКОВ ... 210
Военный коммунизм ... 213
Победа большевизма в России ... 215
Реставрация структуры власти-собственности ... 221
События в России и их влияние на окружающий мир ... 228
Глава одиннадцатая. ЗАВЕРШЕНИЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1917–1918 гг.) ... 231
Заключительный этап войны ... 233
Германия после перемирия ... 235
Крушение Австро-Венгрии и новые государства ... 238
Турция и Болгария ... 243

Англия и Франция в дни войны и после нее ... 245
Италия и некоторые другие союзники ... 249
Нейтральные страны ... 252
США как союзник Антанты ... 254
Глава двенадцатая. ПЕРЕГОВОРЫ В ВЕРСАЛЕ, МИРНЫЕ ДОГОВОРЫ И ПЕРЕДЕЛ МИРА ... 257
О межгосударственных учреждениях ... 259
Мирные договоры ... 261
Итоги передела мира и послевоенные реформы ... 264
Мировая война как знамение истории ... 268
Глава тринадцатая. ИМПЕРИИ И ИМПЕРИАЛИЗМ ... 274
Что такое империя ... 277
Этническая характеристика империй ... 280
Империи и войны ... 282
Подлинный империализм XX столетия ... 285
Империализм партий-государств *нового типа* ... 289
Часть третья. МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ (20–30-е гг.) .. 294
Глава четырнадцатая. РОССИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ БОЛЬШЕВИКОВ ... 304
Смерть Ленина и конец НЭПа ... 307
Индустриализация, коллективизация и голодомор ... 310
Пятилетки и кровавый террор 30-х гг. ... 318
Внешняя политика ... 328
Глава пятнадцатая. ГЕРМАНИЯ В 20–30-е гг. НАЦИЗМ У ВЛАСТИ ... 330
Политическая нестабильность и стабилизация ... 331
Приход к власти нацистов ... 333
О причинах успехов нацизма ... 337
Нацизм у власти ... 341
Внешняя политика и военные планы ... 343
Глава шестнадцатая. СОЮЗНИКИ ГЕРМАНСКОГО НАЦИЗМА ... 347
Италия ... 348
Испания ... 350
Португалия ... 356
Австрия и Венгрия ... 357
Румыния, Хорватия и Болгария ... 361
Япония ... 363

Некоторые итоговые замечания ... 365
Глава семнадцатая. США, АНГЛИЯ И ФРАНЦИЯ ... 369
Соединенные Штаты Америки ... 369
Англия ... 373
Британские доминионы ... 376
Франция ... 379
Буржуазный Запад в противостоянии тоталитаризму ... 383
Глава восемнадцатая. ПРОЧИЕ ЕВРОПЕЙСКИЕ ГОСУДАРСТВА ... 389
Небольшие страны Западной Европы ... 389
Восточноевропейские страны ... 391
Нейтральные страны ... 397
Замечания итогового характера ... 403
Глава девятнадцатая. МИР ВНЕ ЗАПАДА. ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА ... 404
Мексика, Аргентина, Бразилия, Уругвай и Чили ... 407
Прочие страны субконтинента ... 413
Острова Карибского моря (Вест-Индия) ... 417
Латинская Америка в первой половине XX века ... 419
Глава двадцатая. СЕВЕРНАЯ АФРИКА И БЛИЖНИЙ ВОСТОК ... 423
Арабская Африка ... 424
Арабские страны Азии ... 434
Турция, Иран, Афганистан ... 440
Специфика эволюции ближневосточных стран ... 445
Глава двадцать первая. ИНДИЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ ... 446
Британская Индия ... 447
Индокитай ... 453
Островной мир Юго-Восточной Азии ... 462
Индо-буддийский регион и его традиции ... 464
Глава двадцать вторая. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК, ТРОПИЧЕСКАЯ АФРИКА И ОКЕАНИЯ ... 465
Дальний Восток ... 466
Китай в конце 10-х и в 20-х гг. XX в. ... 467
Нанкинское десятилетие (1928–1937 гг.) ... 471
Война с Японией (1937–1945 гг.) ... 475
Корея и Монголия ... 476
Тропическая Африка ... 478
Океания ... 481
Сопоставление регионов ... 483

Глава двадцать третья. ИТОГИ РАДИКАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН В МИРЕ ... 485
Буржуазное производство и города ... 486
Государство, предприниматели и труженики ... 492
Экономические и социальные отношения в тоталитарных странах ... 496
Часть четвертая. ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА ... 503
Глава двадцать четвертая. ИСТОКИ И ПОДЛИННАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ ВОЙНЫ ... 507
Политика ВКП(б) в конце 30-х гг. ... 508
Сталин и Гитлер ... 511
Канун войны. Положение в мире после 1938 г. ... 515
Переговоры (лето 1939 г.) ... 519
Глава двадцать пятая. НАЧАЛО ВОЙНЫ. ГЕРМАНИЯ И СССР ... 524
Советский Союз и раздел Польши ... 526
Успехи Германии на западном фронте ... 528
Битва за Англию ... 531
СССР в сентябре 1939 — июне 1941 г. ... 533
Фюрер и план «Барбаросса» ... 539
Глава двадцать шестая. ОСНОВНОЙ ЭТАП ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.) И ЕЕ ЗАВЕРШЕНИЕ ... 542
Начало войны нацистской Германии с СССР ... 543
СССР и его союзники ... 546
Конференция в Тегеране в конце 1943 г. ... 549
Завершение войны: 1944 — лето 1945 г. ... 551
Что означал конец войны? ... 554
Глава двадцать седьмая. СССР И ЕГО СФЕРА ВЛИЯНИЯ В ГОДЫ ВОЙНЫ И В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ НЕЕ ... 557
Вождь и война ... 557
Население и власть ... 560
Страны, вошедшие в сферу советского влияния ... 563
Прибалтика и страны Восточной Европы ... 564
Приобретения СССР вне Восточной Европы ... 570
Глава двадцать восьмая. ИТОГИ ВОЙНЫ ... 571
Франция, Англия и США ... 572
Германия, Италия, Япония ... 573
Нейтральные страны ... 576
Реализация итогов войны ... 580

Часть пятая. СЕРЕДИНА ВЕКА: ВЕЛИКИЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ СДВИГ ... 583
Глава двадцать девятая. У ИСТОКОВ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ ... 585
Начало противостояния ... 585
План Маршалла и берлинский кризис ... 588
Укрепление позиций обеих сторон ... 592
Накал страстей ... 595
Война в Корее как проба сил ... 599
Глава тридцатая. ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРА ВНЕ ЗАПАДА ... 602
Модернизация как ответ на вызов ... 604
Специфика вестернизации ... 606
Реалии вестернизации ... 610
Глава тридцать первая. МИР ВНЕ ЗАПАДА: ОТ ВЕСТЕРНИЗАЦИИ К ДЕКОЛОНИЗАЦИИ ... 613
Латинская Америка ... 615
Ближний Восток ... 617
Индия ... 620
Судьба колоний, оказавшихся под властью Японии ... 624
Тропическая Африка ... 631
Деколонизация Африки ... 635
Проблема выбора пути ... 636
Вестернизация — основа деколонизации ... 637
Глава тридцать вторая. СТРАНЫ ЗАПАДА В СЕРЕДИНЕ XX в. ... 640
США ... 641
Великобритания и Содружество наций ... 643
Франция ... 646
Германия (ФРГ) и Австрия ... 648
Прочие страны ... 650
Специфика развития стран Запада в середине XX в. ... 655
Глава тридцать третья. СССР И СТРАНЫ МАРКСИСТСКОГО СОЦИАЛИЗМА В СЕРЕДИНЕ ВЕКА ... 657
СССР до весны 1953 г. ... 658
Страна после вождя. Н. С. Хрущев у власти ... 664
Продолжение холодной войны: внешняя политика ... 668
События в социалистическом лагере ... 670
Итоговые замечания ... 677

Введение

Очередной (пятый) том издания, посвященного истории человечества с момента его возникновения до сегодняшнего дня, относится к одному из самых поздних этапов пути, уже пройденного населением планеты. Это XX век, причем не весь, хотя и в большой его части. Размышляя над тем, как наиболее справедливо и разумно очертить хронологические пределы тома, точнее, его заключительного периода, и чем обосновать свой выбор, автор достаточно долго был в затруднении. Причины вполне ясны. Середина XX в. дает несколько рубежных граней, которые могли бы с немалой долей очевидности очертить предел, завершающий том. Одна из них — конец Второй мировой войны и почти одновременный с этим переход от нее к конфронтации двух блоков мировых держав, т.е. к холодной войне. Но при этом остается в стороне огромный третий мир бывших колоний, зависимых государств и иных развивающихся стран, не связанных никакими обязательствами и союзами с противостоящими друг другу блоками. Поэтому стоило бы, несколько растянув заключительную грань периода, включить в нее часть середины века, отмеченную деколонизацией, которая сыграла роль переломного этапа в истории столетия и в современной истории человечества.

Сложность, однако, в том, что процесс деколонизации являл собой не кратковременный акт, но, напротив, продолжался десятилетия. Это для сравнительно короткого по времени периода, рассматриваемого в одном из заключительных томов все более насыщенной фактами, событиями и оценками всеобщей истории, не так уж и мало. Все эти соображения заслуживают внимания и, будучи взятыми вместе, убедительно свидетельствуют, что четкую хронологическую грань, неоспоримо завершающую какой-либо явственно определяемый исторический период в XX в., провести трудно, если вообще возможно. Поэтому стоит принять лабильные рамки. Это значит, что хронологические рамки тома следует ограничить серединой века, не стремясь к более четкому определению, но имея в виду смерть советского вождя и последовавшие за этим реформы Н. С. Хрущева в СССР.

Теперь несколько самых общих замечаний о периоде, которому посвящен том (отчасти и обо всем XX в.). Спецификой его следует считать прежде всего обилие конфликтов и страшный по объему террора, которые потрясли мир своей чудовищной жестокостью. В связи с этим гораздо важнее обратить внимание на то, что именно в интересующий нас период **мир был охвачен своего рода эпидемией насилия**. Проблема насилия применительно к XX в. решительно вышла на передний план[1]. Она стала чаще обсуждаться и всерьез исследоваться. Выводы самые разнообразные, но всегда не слишком утешительные. Ведь при изучении проблемы необходимо было учитывать не только прирожденную склонность к агрессии (каннибализм по мере роста значимости религиозно-этической традиции уходил в прошлое, оживая лишь в экстремальных обстоятельствах), но и объективные факторы, в том числе подмеченную еще Т. Мальтусом зависимость между приростом населения — без учета войн — и количеством пищи, имея в виду прежде всего возможность рассчитывать на произведенное и добытое данной общностью продовольствие. Эта очевидная зависимость тоже не могла не служить основой для военных столкновений.

А по мере возникновения и укрепления государств как субъектов власти проблема насилия решалась уже не только по этой причине, но и в связи с самим фактом существования более или менее процветающих государств, не говоря уже о политике их правящих верхов. При этом стоит обратить внимание на некоторые закономерности столкновений. Как правило, наиболее сильными в ходе войн крупного

[1] Конечно, жестокость, как и вообще насилие в любой его форме, — неотъемлемая часть всей истории людей и человекообразных их предшественников, не говоря уже о мире животных. Это нечто, гарантирующее жизнь для большей части живого, так как только таким образом обеспечивалось выживание вида, от этого зависел необходимый объем пищи в рамках существующей среды обитания (вспомним законы *естественного отбора* и *борьбы за существование*, сформулированные Ч. Дарвиным). С формирования сапиентных людей и их общностей насилие оставалось сопутствующей их жизни нормой. Оставляя в стороне охоту на животных, заметим, что примерно таким же образом наиболее ранние этносоциальные общности относились ко всем *чужим* сапиентам. Сначала это были мелкие стычки враждующих коллективов, нередко сопровождавшиеся каннибализмом, затем, с первых шагов процесса политогенеза, с возникновения самых примитивных племенных протогосударств и тем более очагов урбанистической цивилизации — военные набеги и столкновения, а затем и более или менее крупномасштабные войны, которые становились обыденной практикой. И редко кому из людей, особенно из мужчин, удавалось в те далекие времена, да и намного позже, доживать до естественной кончины.

масштаба в многотысячелетней истории урбанистической цивилизации оказывались кочевые полупервобытные протогосударственные образования. Конники с легкостью одолевали оседлое население, брали и укрепленные, обнесенные стенами города. Впрочем, по мере завоевания чужих государств кочевники часто слезали с коней и, подвергаясь аккультурации, становились во главе создававшихся ими новых государств. За этот счет число государств возрастало, а **войны** между ними **становились нормой, которая в известном смысле превращалась в основу существования жизнеспособного государства**[1].

Следует принять во внимание и еще одно важное обстоятельство. Если на ранних этапах существования общества и государства насилие по отношению к своим, как правило, исключалось, то со временем ситуация постепенно изменялась. По мере институционализации власти росло противостояние между ней и подчиненными ей подданными, возникали условия для недовольства и протестных движений, для мятежей, а то и гражданских либо религиозных войн. Никто никогда не сосчитает их, как нет возможности посчитать и количество жертв в ходе массовых протестных движений в разных странах. Особенно характерна неточность такого рода данных в отличавшемся этими движениями Китае, где заметные преувеличения всегда были обычным делом. Существенно принять во внимание и преувеличения во многих иных случаях, связанных с насилием, будь то торговля рабами в Тропической Африке или колониальные войны европейских держав. Но дело в ко-

[1] Опорой власти и фактически главным если и не правящим, то привилегированным слоем общества оказывались воины, будь то варна кшатриев у индийских ариев, дафу в чжоуском Китае, римские легионеры, арабские иктадары, турецкие тимариоты, японские самураи, европейские рыцари или русские дворяне. Все эти и многие аналогичные им категории населения являли собой фундамент государства. Их усилиями в немалой степени творилась история. Они уходили в прошлое постепенно, особенно явно после изобретения и начала активного применения огнестрельного оружия, превратившего войны в столкновения, ведшиеся пехотинцами, кавалеристами, артиллеристами, а при случае и военными моряками. Нельзя сказать, что именно это вело к увеличению количества жертв. Ведь никто никогда не считал, сколько миллионов жителей захваченных и обычно поголовно уничтожавшихся городов и оказывавших сопротивление государств было уничтожено монголами во времена Чингис-хана и его преемников, Тамерлана или иных кровожадных восточных деспотов. Но, тем не менее, объем насилия не мог не расти с этого времени — с появления войн нового облика, с огнестрельным оружием, — хотя бы за счет того, что число жителей на планете именно в эти века стало понемногу, но чем далее, тем заметнее увеличиваться.

нечном счете не только в неточности или невозможности точных подсчетов. Важно уловить тенденцию. А тенденция очевидна и сводится к тому, что **по мере эволюции и роста количества населения масштаб насилия возрастал.**

Быть может, он не увеличивался настолько, чтобы резко нарушить некую константу, своего рода баланс между числом населения и достигавшимся в ходе совершенствования технологии и агротехники постоянным увеличением произведенного в мире продовольствия. Но вплоть до XX в. это давалось с трудом, даже учитывая спорадические страшные эпидемии вроде чумы, оставившей в XIV в. в Европе едва половину населения. Многие миллионы людей, помимо всего, еще совсем недавно умирали в голодные годы, причем не только в перенаселенных странах Востока, но подчас и на окраинах Европы. Однако, оставляя в стороне вопрос о значимости этого баланса, мы уделяем большое внимание проблеме войн, стихийных бедствий и прямого насилия далеко не случайно. Скорее наоборот. Дело в том, что весь XX век, самый страшный по количеству пролитой человеческой крови, прошел под знаком именно всех этих ужасов. Он начался с нескольких сравнительно небольших войн (но с применением только что изобретенных пулеметов — чувствуете разницу?) в разных частях мира и затем как бы по инерции двинулся в том же направлении дальше. Сначала это была Первая мировая война, затем она переросла в России в гражданскую. Эти войны, особенно развязанный большевиками страшный *красный террор*, в огне которого уничтожались различные социальные слои российского населения (офицеры, дворяне, интеллигенты, духовенство, казаки, да и многие иные), десятки миллионов людей, были еще далеко не самым страшным из того, что предстояло пережить России. Переведя страну в поистине людоедский социальный эксперимент, с рубежа 20–30-х гг. большевики сначала начали войну с зажиточным крестьянством, лишив село возможности производить товарное зерно. А затем, поставив целью военным путем добиться *мировой революции* и стремясь найти средства для закупки по дешевке промышленного оборудования в годы мирового кризиса, они, проведя коллективизацию, завершили ее тем, что дочиста вымели и продали за рубеж весь урожай не одного только года. После этого в сельскохозяйственных регионах страны, особенно на Украине, стало поголовно вымирать все или почти все крестьянское население. Начался страшный голодомор, унесший, считая высланных из деревни зимой в годы коллективизации в тайгу на смерть всех зажиточных крестьян, кулаков, с их многочисленными семьями, включая малых детей, 5–7 млн жизней. Но только этим дело не ограничилось.

Век стал свидетелем чудовищных социальных экспериментов не только в России, но и в других больших тоталитарных государствах, особенно в Китае, а также в ряде менее значительных, вплоть до отсталой и небольшой Камбоджи, где захватившие власть уничтожили около четверти населения своей страны. Эксперименты, которые имеются в виду, были спровоцированы партиями коммунистов с их извращенной интерпретацией и без того бесчеловечного марксизма, открыто и громко призывавшего уничтожать враждебные *классы* людей, т.е. миллионы и даже десятки миллионов тех, кто не соглашался с его теорией. Аналогичным путем в 30–40-х шли нацисты в Германии. Разница была в том, что коммунисты репрессировали десятки миллионов соотечественников по *классовому* признаку, а нацисты — миллионы их (особенно евреев и цыган) по этнорасовому, хотя и старались, после нападения на СССР в 1941 г., лишать жизни и коммунистов.

Если прибавить к этому средства массового уничтожения, от газовых атак в Первой мировой войне до ядерных бомб во Второй, которая обошлась человечеству еще в несколько десятков миллионов человеческих жизней, а также учесть разные эпидемии (вспомним знаменитую «испанку» 20-х гг.) и иные обретшие массовый характер болезни-пандемии, унесшие еще многие миллионы людей, то картина в целом окажется еще более безрадостной. Мир вошел в период, когда массовая гибель десятков миллионов стала чем-то обыденным, когда эти миллионы уже практически перестали считать, особенно в такой стране, как наша. Ведь хорошо известно, что в России до сих пор не учтены и не захоронены по-человечески миллионы солдат, погибших во Второй мировой войне.

Насилия сыграли бы еще много более страшную роль, если бы не существовало противоположных тенденций. Достижения современной медицины и гигиены, проникшие во все уголки планеты вслед за их колонизацией и буржуазными преобразованиями в колониях и иных странах, сыграли существенную роль в том, что смертность среди народов мира с конца XIX в. резко снизилась, а выживаемость детей возросла. В итоге население за XX в. — несмотря на массовое уничтожение людей — возросло почти в четыре раза, с 1,6 до 6 с лишком миллиардов, чего никогда за всю длительную историю человечества столь быстро еще не происходило. Разумеется, есть резон сопоставить цифры потерь и обретений, после чего возникает соблазн сделать вывод, что уничтожили не так уж и много. Но, сопоставив соответствующие данные, мы убедимся в том, что разница между

XX и XIX вв. с точки зрения количества жертв насилия в процентном отношении пятикратна[1]. Огромное возрастание числа погибших от тех либо иных насильственных действий показательно для оценки количества крови, пролитой в XX в. по сравнению с прошлым (о более ранних в этом плане, даже имея в виду чуму XIV столетия, говорить не приходится). А если принять во внимание, что использованные для XX столетия цифры не следует относить к тому периоду, который выходит за пределы холодной войны, после которой количество войн, в основном местных, было сравнительно небольшим, то кратность разницы окажется еще большей.

Встает один из самых главных вопросов века: почему же все случилось именно так? Откуда взялись те силы, которые вызвали к жизни пятикратное увеличение объема насилия? Вопрос очень нелегкий, и ответу на него будет уделено много внимания в последующем изложении. Пока же ограничимся тем, что выдвинем несколько основных причин. Первой из них следует считать огромную оплодотворяющую роль идей как первичного начала. Именно они — имеются в виду идеи, лежащие в основе тоталитарных режимов, породившие их, — были зримо и вполне материально воплощены в ужасающую реальность. Но почему эти идеи, маскируя свою звериную сущность приятной для людей убаюкивающей риторикой, оказывались победителями? Достаточно обратить внимание на ситуации, в которых они проявляли себя и выплывали наверх, чтобы многое понять. Эти ситуации в XX в. были в принципе одинаковыми и для России, и для Германии, и для Китая. Всюду идеи насилия вызревали в обстановке бедствий, страдания, а также безотчетной и сознательно разжигавшейся ненависти значительной части населения к кому-то из тех, кто мог показаться главной причиной невзгод и на кого услужливо и громче других гневно указывали носители упомянутых идей.

Второй наиболее серьезной причиной кардинальных перемен в темпах и масштабах событий, что очень заметно отличает XX столетие от всех остальных, следует считать явную тенденцию к некоему холизму процессов и к выходу на историческую арену глобализации,

[1] Обратите внимание на с. 22–24 журнала «Историческая психология и социология истории», 2008, № 1, где приведены цифры, и заодно убедитесь, что получается, когда автор не умеет сосчитать им же приведенные данные и потому, пятикратно ошибаясь, делает совершенно ложные выводы. Ведь, по его же данным, в XIX в. погибло 35 млн человек на 3 млрд интегрального населения, т.е. суммы нескольких поколений за век (примерно 1:100), а в XX в. по таким же подсчетам было 500 млн насильственных жертв на 10 млрд (1:20).

вызывавшей в обществе все более заметные и серьезные перемены. Действительно, за XX век наш мир изменился, да еще как! Он уже в начале века стал восприниматься как нечто великое единое целое. Или — если иначе — как съежившаяся до минимальных размеров небольшая планета. Пересечь, объехать, облететь ее оказалось возможным уже не в 80 дней, как то было еще за несколько десятилетий до того при великом фантасте Ж. Верне, а буквально за считанные дни (а в конце века даже часы). Следствием этого стало сближение не только людей, но и их проблем. Все они стали все более ощущать себя частями единого целого, воспринимать свои беды как всеобщие. А поскольку различных бедствий, страданий и несчастий, о которых только что было упомянуто, в мире становилось все больше, ибо число их множилось пропорционально увеличению количества населения, то не приходится удивляться тому, что все эти невзгоды обретали глобальный облик и становились чем-то вроде вселенского несчастья. Этот процесс, ощущавшийся в начале столетия еще достаточно слабо, играл, тем не менее, уже тогда свою важную, в чем-то даже роковую роль. Эта роль проявлялась не только и даже не столько во вполне естественной солидарности народов, что было бы понятно в обществе с заметной ролью холизма и глобализации, сближения людей мира и их интересов, сколько во втягивании если и не всех их, то во всяком случае значительного их большинства в различного рода конфликты, все более угрожающими темпами превращавшиеся в следовавшие друг за другом мировые войны.

Еще одной существенной причиной всего того, что стал с первых десятилетий представлять собой XX век, стоит считать сложение в конце XIX и начале XX в. коалиций крупнейших держав. Созданный в 90-е гг. XIX в. Бисмарком Тройственный союз со временем все очевидней противостоял России и Франции, к которым вскоре присоединилась и Англия, что привело к формированию Антанты. Именно возникновение двух мощных альянсов, каждый из которых претендовал на многое, сыграло решающую роль в развязывании Первой мировой войны, следствием которой стали как большевистский переворот в России, так и — несколько позже — приход к власти нацистов в побежденной Германии. Если прибавить к этому охвативший великий Китай длительный кризис, который с особой силой проявил себя уже в годы Второй мировой войны и особенно сразу же после ее окончания, то все концы сойдутся с концами.

В условиях XX в. с его обилием сравнительно легких коммуникаций и быстрыми темпами распространения информации, когда весь мир как бы сжался в небольшой комок и события в одной его части

начинали мгновенно осмысляться и приниматься к сведению в другой, многое изменилось. И эти перемены стремительно разворачивались в сторону увеличения числа конфликтов и роста массового насилия. Важным фактором, толкавшим мир в направлении к насилию, был невиданный прежде прогресс в средствах войны. Начиная с пулеметов, через усовершенствование смертоносной артиллерии, строительство подводных лодок, танков и самолетов, создание огнеметов и ракет, наконец — в качестве завершающего аккорда — с появлением и использованием оружия массового уничтожения, начиная с примененных в Первой мировой войне газов, изменился характер войн. Они перестали быть просто серией сражений, пусть даже с использованием огромного числа солдат, как то было характерным для всей истории вплоть до XIX в. Войны стали иными, а ведшие их генералы — во всяком случае в некоторых из тоталитарных стран — все менее заботились о сохранении солдат, считая главным добиться успеха во чтобы то ни стало, особенно (это касается коммунистического руководства России, СССР) к какому-либо ближайшему празднику. Результаты обычно сразу же сказывались.

В связи с этим, а также вследствие резкого роста численности населения в мире снова, как и в далеком прошлом, стала очень невысоко цениться жизнь человека. Речь об отношении к мирному населению, как собственному, так и чужому, причем не только в ходе гражданских войн, но и — это касается уже только тоталитарных режимов, число которых, к слову, постепенно росло, — в годы массовых репрессий. Конечно, в свое время поголовно уничтожали мирных жителей и различные варварские народы, особенно кочевники. Но уже в XIX в. в цивилизованных странах, в частности, в длительный период наполеоновских войн, было иначе. XX же век в странах с тоталитарными режимами возродил варварское отношению к преследуемым согражданам. Неважно, кого и почему преследовали, руководствовались при этом расовыми либо классовыми критериями. Еще менее важно, кто конкретно попадал в гигантскую мясорубку. Многие оказывались в ней случайно, мимоходом, для порядка и внушения в сердца уцелевших отчаянного повседневного страха, столь помогающего жестокому режиму проводить любую политику. В результате в многочисленных концлагерях гибли десятки миллионов людей, а другие сотни тысяч, а то и миллионы их сограждан с охотой становились хорошо известными со времен римских проскрипций и церковных инквизиций доносчиками, рассчитывавшими на скромное личное вознаграждение за уничтоженную чужую жизнь. Не стоит забывать также о массах выродков, готовых стать палачами и вы-

полнявших свою работу если и не с удовольствием, то с высоким чувством хорошо исполненного долга.

Следует иметь в виду и еще одно из важных изменений века, связанных с теми новациями, которые были следствием триумфа буржуазии и резкого роста городов в ходе модернизации и вестернизации. Речь о поведении миллионов, о легкости на подъем готовых для организации и пригодных для ее ускоренной реализации жителей больших городов мира, вначале преимущественно западного. Х. Ортега-и-Гассет одним из первых обратил внимание на то, что буржуазная либеральная демократия, распростершая свои крылья на Западе, способствовала выходу на авансцену истории не слишком привыкших к цивилизации необузданных толп, готовых пренебречь вырабатывавшимися веками и принятыми нормами поведения и претендующих на то, чтобы присущие им вульгарно-примитивные маргинальные манеры заместили эти нормы. Больше того, люди из толпы стремятся сами прийти к власти. Взгляд мудрого аналитика не был напрасным. Напротив, им был подмечен важный момент притока в большие западные города той части *мировой деревни*, что была характерна не только для традиционного Востока, но и для сравнительно отставших западных стран. Тех, которые, в отличие от передовых (Англия и некоторые другие страны протестантского европейского севера, а также Франция и немногие другие), были отягощены большим количеством не слишком еще приобщенного к благам цивилизации крестьянства, что было характерно для восточной части Европы, включая Россию, для пиренейских стран, отчасти также только недавно бурно стартовавших Италии и Германии.

Массы, которые имелись в виду, — это маргинальные слои с психологией примитива, которые, причастившись к городскому индустриальному росту буржуазных стран, начинали жить лучше, но сохраняли стереотипы, которые диктовали им выражать недовольство кое-чем из того, что позволило им жить лучше. Если вдуматься в то, о чем идет речь, многое из происходившего в Европе в первой половине XX в. станет более понятным. В частности, **почему триумф буржуазии, столь ярко проявившийся в предшествующем столетии, особенно во второй его половине, так легко — правда, в необычных условиях жесточайшего кризиса, обостренного мировыми войнами, — сменился торжеством смертоносных тоталитарных режимов с их террором.**

К числу проблем, помимо упомянутых, относится еще очень многое. Здесь и полная разными, в том числе весьма значимыми со-

бытиями история многих стран, численность которых резко увеличилась к моменту деколонизации. Тут и попытки создать всемирные организации — Лигу Наций, затем ООН, — которые в меру своих сил и возможностей призваны были регулировать складывающиеся в мире взаимоотношения стран и народов. Немало нового появилось в мире вследствие постоянно ощущавшегося, но очень медленно реализовавшегося стремления отдельных групп стран к сближению, а то и к почти полному объединению, что резко усилилось по завершении обеих мировых войн. Первым результатом этой тенденции стало возникновение разного типа международных организаций, ставящих в середине XX в. своей целью активное и на сей раз — в отличие от альянсов начала века — мирное сотрудничество стран и народов. Особого внимания заслуживают оценка и восприятие в мире роли США, которые уже на рубеже XX столетия были кандидатом в мировые лидеры, а к концу холодной войны стали бесспорно первыми по силе, экономической мощи, научному прогрессу и многим иным очень важным объективным показателям. Ведущая роль США далеко не всем нравилась, у некоторых в буквальном смысле слова и сейчас стоит поперек горла. Но она пока что является фактом.

В связи со спецификой событий и глобальностью проблем, важных для изложения и оценки множества рассматриваемых событий, в центр внимания будут поставлены не столько хронологически крупные периоды, в рамках которых излагаются процессы в разных частях мира, обычно отдельно на Западе и на Востоке, сколько серьезные узлы событий, затронувших так либо иначе всех или почти всех. Это прежде всего мировые войны и все то, что к ним привело и стало их следствием. Причины понятны, ибо вполне очевидно, что именно в этих войнах квинтэссенция всего наиважнейшего, чем отличается XX век от остальных. Но, разумеется, при этом не будут обделены вниманием и все остальные процессы, как общепланетарного значения, которые будут рассматриваться в качестве приоритетных, так и внутригосударственные, особенно те, что происходили в странах, привлекавших в силу вполне понятных причин особое внимание, что касается прежде всего России.

Важно также всегда иметь в виду, что по мере хронологического движения вдоль XX в. автор и читатель будут неизбежно сталкиваться со все возрастающим, как снежный ком, количеством материала и проблем, буквально жаждущих специального к себе внимания. Это побуждает автора заранее оговориться и извиниться перед теми читателями, кто хотел бы более подробного изложения. Им целесообразнее обратиться к различного рода многочисленным

справочникам, специальным изданиям, посвященным современным событиям как в широком плане, так и и в более узких рамках, вплоть до каждой небольшой страны, до любого значимого события и конфликта. Таких изданий сегодня видимо-невидимо. Правда, необходимо внимательно разбираться, что заслуживает внимания, а что его не стоит. Но здесь уже трудно помочь. Каждый будет решать это самостоятельно. Возможно, сжатое изложение соответствующего материала в данном издании сможет оказать при этом некоторую помощь. В любом случае приоритет преимущественно проблемного подхода кажется наиболее приемлемым. Он будет неким путеводителем для того, чтобы читатель, не теряясь в важных, но поистине неисчислимым мелочах, не забыл при этом обратить должное внимание на самое главное.

Часть первая

Мир в начале XX в. (до Первой мировой войны)

Рубеж XIX–XX вв. был во многом достаточно напряженным. Очаги напряжения и проблемные узлы постоянно возникали во многих местах планеты, причем каждый из них достаточно громко давал о себе знать. Этому активно способствовали средства массовой информации (тогда еще, конечно, без интернета, телевидения и даже радио, но зато с телеграфом, а затем и с телефоном). Они уже вполне справлялись с тем, чтобы доносить до всех читателей — а их становилось все больше, ибо реформы в сфере образования не только на Западе, но и в остальном мире уже давали о себе знать[1], — главные новости. Новости со всех уголков мира собирались воедино и превращали каждый из более или менее развитых регионов и континентов (более всего Европу, Америку, особенно США, в чуть меньшей степени Ближний и Дальний Восток, Латинскую Америку, север и крайний юг Африки, Юго-Восточную Азию и в наименьшей мере такие далекие и отсталые районы планеты, как Тропическая Африка либо Океания, а также значительная часть Центральной Азии и таежного арктического Севера) в активных участников событий. Эта активность, пожалуй, впервые и в наиболее яркой форме проявилась в начале века в связи с событиями на юге Африки, а точнее, с войной англичан с бурами.

---

[1] Стоит напомнить о классической формуле Бисмарка, который в ответ на вопрос о том, что помогло немцам выиграть в 1871 г. войну с французами, ответил, что победил «прусский школьный учитель». И хотя фраза эта была более чем недостаточно серьезной и вовсе не убедительной, в ней таился глубокий смысл, отчего она и вошла в школьные учебники разных стран. Этот смысл сводится как раз к тому, о чем идет речь. Мир, во всяком случае буржуазный Запад — в случае с Бисмарком население Германии — обращал все большее внимание на повышение уровня образования населения. Конечно, тот же процесс шел и в побежденной Пруссией Франции, отчего фраза по существу дела теряет свою значимость. **Но очень важно учесть смысл сказанного. Он сводится к тому, что всеобщее школьное образование становится важнейшим критерием, свойственным развитым буржуазным странам.**

Англо-бурская война 1899–1902 гг., не отличавшаяся пулеметными атаками на безоружных туземцев, столь сильно повлиявшими на результат в ходе почти одновременных с ней военных действий в Судане против махдистов или в Китае против ихэтуаней, была новой по сравнению с предшествующей ей франко-прусской. Германия, видевшая в бурах союзников в борьбе с англичанами за Южную Африку и немало преуспевшая в установлении с ними соответствующих связей, помогла им создать неплохую армию. Хорошо организованная, имевшая на вооружении пулеметы и пушки со шрапнелью, одетая в цвет *хаки*, ставший с тех пор нормой (этот цвет начали использовать и англичане, ибо красные мундиры их солдат оказались слишком заметной мишенью), она впервые в истории использовала окопно-траншейные оборонительные сооружения и в целом оказалась более подготовленной к войне.

Важно отметить и еще одно значимое обстоятельство. Хотя буры были не слишком-то демократически настроенными и отличались безжалостной эксплуатацией оказывавшихся в зависимости от них африканцев, хотя они сами начали войну, сочувствие большинства стран мира было на их стороне. В ходе этой войны за англичан почти никто не переживал, несмотря на то, что их отношение к туземцам (рабство было законодательно запрещено) было гораздо более мягким. Дело в том, что туземцы мало кого в Европе волновали. Мало кто слишком серьезно в этом смысле переживал и за соблюдение демократических норм. Для большинства (это напоминает сегодняшнее отношение многих к США) Англия давно уже была своего рода бельмом на глазу. Ей завидовали, ее не любили, считали захватчиком, обижающим малочисленную колонию потомков переселившихся в Африку голландцев. Тысячи добровольцев ехали на помощь бурам. Неудивительно, что вначале англичане терпели поражения. Но, собравшись с силами, они в конечном счете одержали победу, что и привело в 1910 г. к включению бурских республик Трансвааль и Оранжевая с их неисчислимыми природными богатствами в британский доминион Южно-Африканский союз.

После англо-бурской войны на передний план выступила русско-японская. Япония, продолжая целеустремленную политику умных и умелых реформ, достигала одного успеха за другим. В кратчайший срок в стране с помощью государства была создана мощная тяжелая промышленность, сразу же переданная за гроши в руки заботливых и дороживших честным именем компаний, которые сумели наладить производство на высоком современном западном уровне, что и создало фундамент военной мощи. Англо-японский союз 1902 г. помог

Японии не просто усилиться и обрести важное для нее покровительство крупнейшей мировой державы, но и способствовал ее победе над все еще сильно отставшей от западного стандарта Россией в войне 1904–1905 гг. Все это свидетельствовало о том, что Англия еще держалась, что называется, на плаву. Однако силы ее заметно иссякали. Более того, быстро изменявшееся соотношение сил в мире заставляло ее искать выход. К этому, в основном, сводятся все наиболее значительные события накануне Первой мировой войны. Обратимся к более подробному их рассмотрению.

Глава первая. ГЕРМАНИЯ И ЕЕ СОЮЗНИКИ

Хотя только что затрагивавшиеся театры военных действий в начале XX в. вроде бы относятся к событиям, протекавшим далеко от стран Запада, на деле они имели самое непосредственное отношения к тому, о чем только что было сказано. Речь о серьезных и шедших все ускоряющимися темпами изменениях в соотношении сил в Европе. И надо сказать, что связь между странами Запада и событиями в южной части африканского континента или на еще более далекой от Европы восточной окраине Евразии совершенно определенная. Европейский Запад, хотя соотношение сил внутри него и начинало меняться, в начале XX века все еще прочно удерживал в своих руках не только инициативу, но и все основные нити мировой политики. Западноевропейские державы — имея, конечно, в виду и все принадлежащие им колонии, и хоть частично зависевшие от них страны — еще воплощали в своем лице почти весь мир. Иными словами, то, что происходило на других континентах, кроме разве что Америки, да и то за исключением Канады, было в определенной и весьма большой степени делом их рук. Даже заметно продвинутая и политически самостоятельная Япония зависела от Запада, что наиболее полно проявилось накануне и особенно после русско-японской войны, когда С. Ю. Витте удалось, при определенной поддержке весьма взволнованных японскими успехами держав, добиться сравнительно благоприятного для России Портсмутского мирного договора 1905 г. (уступили лишь Порт-Артур, южную часть Сахалина и юг КВЖД).

Практически это значило, что дальновидная и политически опытная Англия, несмотря на союзные отношения с Японией и настороженность по отношению к усилению России на Дальнем Востоке, вполне отдавала себе отчет в том, что растущую мощь отдаленной восточной страны стоит попридержать. Впрочем, более к дальневосточным проблемам европейская политика почти не возвращалась, если не считать

договоров Англии с Японией в 1905 и 1911 гг., каждый из которых четко и последовательно уменьшал степень близости и взаимозависимости между этими странами. А во всей остальной мировой — и соответственно, даже главным образом европейской — внешней политике выходила на передний план все серьезнее возраставшая напряженность в отношениях между двумя складывавшимися альянсами, которые олицетворялись прежде всего сильнейшими из западноевропейских стран, Англией и Германией. Оставив пока в стороне все то, что было непосредственно связано с причинами, поводами и конкретной ситуацией в мире накануне Первой мировой войны, обратим в данной части работы преимущественное внимание на положение дел в тех странах, которые так либо иначе, раньше или позже, причем по совершенно разным причинам и руководствуясь различными мотивами, были все же втянуты в эту войну. Обратим внимание сперва на один альянс, затем на другой. Начнем со стран Тройственного союза, т.е., как сказано в названии главы, с Германии и ее союзников. Союзников, стоит сказать сразу, у немцев было не много, что в конечном счете сыграло важную роль и серьезно повлияло на исход войны. Но не будем торопить события. Начнем с самого начала.

ГЕРМАНИЯ В НАЧАЛЕ XX в.

Эта быстро растущая с легкой руки Бисмарка европейская держава, в которой все превосходно ладилось, включая умело построенные тем же Бисмарком взаимоотношения между промышленниками и рабочими, взяла на вооружение ускоренные темпы буржуазного индустриального развития. Куда делись вчерашние юнкеры, задававшие тон в политике и тянувшие страну назад, к позднему средневековью?! Все они, во всяком случае, подавляющее их большинство, энергично перестроились, вписавшись — наподобие даймё и самураев в Японии — в новые реалии. Это проявилось прежде всего в резкой перестройке немецкого сельского хозяйства, сделавшего осознанный акцент на механизацию, активное применение искусственных удобрений и умелую организацию труда. Результаты были весьма заметными: урожайность основных сельскохозяйственных продуктов, прежде всего зерна и картофеля, в конце первого десятилетия века выросла вдвое по сравнению с концом XIX столетия. Соответственно резко возросла товарность германского земледелия, что было чрезвычайно важно для страны, сделавшей основной упор на развитие промышленности и связанный с этим рост городского населения. Но особенно наглядно буржуазные методы производства проявили себя в про-

цессе бурного индустриального развития страны. Страна двигалась вперед поистине семимильными шагами. Огромные запасы железных руд в развитой Лотарингии, перешедшей к Германии после франко-прусской войны 1871 г., послужили основой для расцвета немецкой металлургии, и без того давно уже энергично развивавшейся.

Металлургические комбинаты вырастали повсюду, но особенно быстро в Рейнско-Вестфальском индустриальном районе, где значительная часть предприятий принадлежала очень мощному концерну Круппа. Развитие металлургической базы способствовало интенсивному железнодорожному строительству. В районе древних портов создавались современные великолепно оснащенные верфи, способные быстро и качественно строить корабли различного назначения, включая многие десятки военных, в том числе линкоров, броненосцев, крейсеров, подводных лодок и других боевых судов. Машиностроение, химия, только что сформировавшиеся электротехника (имя Сименса было первым среди тех, кто ее создавал) и автомобилестроение также стали основными, даже ведущими отраслями промышленности страны, издревле славившейся своими умелыми, трудолюбивыми и дисциплинированными работниками. Особенно быстро возрастало количество крупных предприятий. За десяток с небольшим лет, с 1895 по 1907 г., число их (более 1000 рабочих) удвоилось. По своим взятым за основу темпам развития и достигнутым экономическим показателям уже в первом десятилетии XX в. Германия уверенно если и не обходила, то становилась вровень с абсолютно господствовавшей до того Англией.

Интенсивно развивалась в стране и финансово-банковская инфраструктура, причем резко возрастало количество крупных банков, игравших огромную роль как в финансировании промышленности, так и в вывозе капитала, и в участии в развитии промышленного производства во многих других странах. В Германии функционировало большое количество акционерных обществ, что содействовало укрупнению производства и созданию многопрофильных объединений, синдикатов. Появлялись первые мощные транснациональные компании очень богатых и процветающих промышленников. Количество работников на одних лишь промышленных предприятиях в 1907 г. достигло 12 миллионов.

Опираясь на свою растущую экономическую мощь, Германия начала энергично развивать внешнюю торговлю, объем которой за три десятилетия после франко-прусской войны возрос примерно в три раза. Особенно это было заметно на примере экспорта промышленных товаров. Только за 5 лет, 1909–1913, он увеличился на 60%. Доброт-

ные немецкие товары начали появляться наряду с английскими практически во всех уголках мира, особенно в тех неевропейских странах, которые не были колониями других держав или не слишком сильно от них зависели. Это были республики Латинской Америки, Китай и особенно близлежащая Турция. Параллельно с этим немцы начали обращать особое внимание на мир колоний, приняв активное участие в разделе остававшейся еще не до конца поделенной Африки, прежде всего ее тропической части. Усилия не пропали зря. Германия создала два солидных плацдарма в юго-западной (территория современной Намибии) и в юго-восточной части континента, в районе Танганьики, практически рядом с Капской колонией англичан. Понятно, что именно здесь немцы столкнулись с продолжавшей расширять свои пределы гигантской колониальной империей Британии.

О роли немцев в англо-бурской войне уже шла речь. Но еще задолго до этой войны они начали укреплять свои экономические позиции в бурской республике Трансвааль. Впрочем, по сравнению с английскими владениями колониальные анклавы Германии были все же незначительными. Именно поэтому ставка на успех в англо-бурской войне была для Германии столь важной. А поражение буров по сути привело к вынужденному прекращению дальнейшей экспансии немцев в Африке. И хотя чуть позже, в 1904–1907 гг., были предприняты некоторые шаги к укреплению немецких позиций на юге Африки, которые вылились в основном в почти поголовное уничтожение восставших гереро и готтентотов, что вызвало бурное негодование в Европе, включая и Германию, к успеху это не привело. Уничтожение многих десятков тысяч практически безоружных туземцев и аннексия их территории сколько-нибудь значимое увеличение владений в Африке не обеспечило. Это означало, что с попыткой создания колониальной империи Германии не повезло.

Что касается рабочего движения, степень организации которого в дисциплинированной Германии была в предвоенные годы одной из наиболее высоких среди прочих буржуазных стран, то для него было характерным преобладание заложенного еще в XIX в. Бисмарком курса на плодотворное сотрудничество капитала с правительством. Стачки и демонстрации, как и существование партий, были санкционированным властью правом рабочих. На выборах в рейхстаг социалисты собирали миллионы голосов и получали многие десятки депутатских мандатов. Более того, с мнением этих депутатов власти не могли не считаться. Но вот марксистов среди депутатов было крайне мало, а их активная и никем не пресекавшаяся пропаганда не имела большого успеха.

Внутриполитическая обстановка в стране зависела, как то обычно бывало, от многих привходящих обстоятельств. И если сначала она в немалой мере была реакцией на революционный подъем в России 1905 г., то уже спустя два года доминирующей силой стал шовинизм как ответ на поражения страны в ее колониальной политике. Выборы в рейхстаг 1907 г. принесли успех националистам и консерваторам, образовавшим блок, иронически названный его противниками «готтентотским» (имеется в виду острая критика методов борьбы с туземцами Африки). Но глава блока рейхсканцлер Б. Бюлов (он управлял страной с 1900 г.) слишком многого добиться не сумел. В 1909 г. он был заменен Т. Бетманом-Гольвегом (1909–1917). Именно при нем немцы сосредоточили усилия на подготовке к войне. Хотя так называемый план Шлиффена с детальной разработкой войны на два фронта, с Францией и Россией, был составлен Генеральным штабом еще раньше, в 1905 г., основная тяжесть реальной подготовки легла на 1909–1914 гг. За эти немногие годы была увеличена армия, разработана и реализована серьезная программа военного строительства. Одних только кораблей для военно-морского флота было построено 242. Кроме того, в стране создавались многочисленные военные националистические общества, ставившие целью подготовить общественное мнение к восприятию будущей войны как важного средства для обеспечения Германии достойного ее места в мире.

АВСТРО-ВЕНГРИЯ

Очень существенным в плане подготовки к войне оказался и вопрос о союзниках. Не заглядываясь более на далекую Африку, немцы резонно сосредоточили свое внимание только на континентальной Европе, которая и оказалась теперь объектом настойчивых агрессивных устремлений Германии. В качестве самого главного и практически первого из естественных союзников в борьбе немцев за гегемонию в Европе рассматривалась Австро-Венгрия, этот бывший уже на протяжении нескольких десятилетий видный член Тройственного союза, объединившего на рубеже 70–80-х гг. XIX в. Германию, Австро-Венгрию и — после некоторых колебаний с ее стороны — Италию.

Лоскутная империя Габсбургов, несмотря на все сложности, связанные с ее неустойчивой внутриполитической структурой, сводившейся к обилию ослаблявших ее инонациональных окраин, продолжала оставаться прежде всего именно немецкой. И немецкая ее основа, столь близкая и потому важная для Германии, сводилась

не только к происхождению императорской династии австрийцев, но и к тому огромному влиянию, которое оказывали на культуру и образ жизни всех включенных в их империю народов немецкий язык, культура и по меньшей мере частично (если иметь в виду достаточно распространенное на юге Германии католичество) связанная с традицией церковь. Не стоит, конечно, забывать и о тесных экономических связях.

Темпы экономического развития австрийской империи были не слишком быстрыми. Но, тем не менее, начиная с последней трети XIX столетия и в первые годы XX в. ее индустриальные успехи следует считать не только заметными, но и значительными. Это было особенно ощутимым в самой Австрии и в Чехии. Металлургические комбинаты, горнодобывающие промыслы и особенно заводы фирмы Шкода, которые развивались при деятельном участии упоминавшегося уже Круппа, свидетельствовали о серьезных достижениях в индустриализации. Правда, рост экономики был характерен лишь для меньшей части страны и ограничивался в основном наиболее развитой ее частью, Цислейтанией (Австрия, Чехия, Силезия и некоторые иные национальные окраины). В Трансleйтании (Венгрия, Словакия, Хорватия, Трансильвания и др.) преобладало отсталое аграрное хозяйство, которое — в отличие от развитого прусского и вообще германского — было слабо затронуто серьезными буржуазными преобразованиями. Осложненная национальными противоречиями, а также оказывавшаяся то и дело в состоянии борьбы за равноправие, эта часть страны сильно тянула индустриальную Цислейтанию назад и способствовала созданию в империи состояния почти не прекращавшейся внутриполитической напряженности, подогревавшейся к тому же весьма серьезными преобразованиями в России.

Неудивительно поэтому, что близость немцев Германии и Австрии в немалой мере являлась причиной того, что давно уже созданный и до поры до времени не проявлявшийся в политике слишком заметно Тройственный союз стал с XX столетия играть все большую роль. Правда, не сразу и не в широком плане. Все началось с того, что серьезное усиление разнообразных экономических связей бурно растущей индустриальной Германии с заметно отставшей в этом плане Австро-Венгрией стало важной фундаментальной основой для союза. Ведь практически все ведущие отрасли промышленности австрийских немцев и иных народов этой империи либо принадлежали немецким фирмам либо развивались при их деятельном участии. Играли свою роль и другие факторы. Известно, что в некоторых окраинных районах империи, особенно на Балканах, австрийские инте-

ресы уже с конца XIX в. постоянно сталкивались с усиливавшимися российскими. Это нашло свое отражение, в частности, еще в ограничивших экспансию России решениях Берлинского конгресса 1878 г. Потому нет ничего удивительного в том, что Австрия потенциально постоянно ощущала себя ее противником. А напряжение в отношениях с такими странами, как патронируемая Россией Сербия, равно как и постоянное стремление австрийцев расширить свои владения на Балканах за счет Турции, вполне логично вели империю к сближению с родственной ей Германией. В ней австрийские Габсбурги видели мощную силу, которая способна поддержать их агрессивные устремления и явно слабеющую власть.

В самой Австрии в связи со всем этим уже на рубеже XIX–XX вв. стали развиваться и пользоваться некоторой популярностью идеи пангерманизма. Активные сторонники этих идей призывали не только к единству немцев, не останавливаясь перед политическим объединением австрийских территорий, населенных немцами, с Германией, но и к возвращению под власть немцев Прибалтики и части Польши. И хотя в политической реальности начала века, даже всего предвоенного времени, осуществление таких идей не имело серьезной основы, сами по себе они формировали определенную идейную доктрину, которая со временем пустила глубокие корни и послужила основой для того, чтобы, овладев массами, стать серьезной материальной силой. Стоит специально подчеркнуть, что эта идея уже в начале XX столетия перестала быть достоянием одной лишь Австрии, на территории которой она впервые была сформулирована. Ее более чем активно поддержали немцы Германии, в чем в свете всего вышесказанного не следует видеть что-либо странное. Как раз напротив, усиление немцев во всех отношениях, в том числе и в военном могуществе, в укреплении армии и создании огромного военного флота, вполне соответствовало быстрому росту в обеих империях националистических настроений в борьбе за «Срединную Европу» во главе с Германией. И лозунги типа *Дранг нах Остен* или *Германия превыше всего* вполне логично становились все более распространенными.

Как и Германия, Австро-Венгрия уже в начале второго десятилетия XX в. стала готовиться к серьезной войне. Рассчитывая вести ее в основном на Балканах, ибо близости к иным театрам возможных военных действий с предполагаемыми противниками у нее не было, империя увеличивала бюджетные ассигнования на военные нужды. Правда, слишком многого сделать в этом направлении она не могла. За 1900–1913 гг. расходы на вооружение выросли примерно на 70%. Но зато австрийцы активно вели дело к росту численности армии

(в стране все еще господствовал принцип рекрутского набора) и явно делали ставку на «превентивную» войну с Сербией. Как то хорошо известно, именно напряженность на границе с этой страной (боснийский город Сараево расположен рядом с Сербией) в конечном счете и послужила поводом для начала Первой мировой войны.

Словом, если и не вся пестрая и разноречивая в своих настроениях и устремлениях Австро-Венгрия, то во всяком случае собственно Австрия в начале века превращалась во вполне надежного союзника Германии, стремившегося в конечном счете к той же цели и к тем же идеалам, что и немалое количество немцев в империи германского императора Вильгельма II с его вполне явно выраженными экспансионистскими устремлениями. И хотя сам император был ревнивым недоброжелателем ушедшего в отставку Бисмарка, он по сути вынужденно продолжал его политику, что проявлялось и в поддержке социального партнерства буржуазии с рабочими, и в союзе юнкерства с промышленниками и финансистами. Если прибавить к этому укрепление связей с немцами Австрии, то ситуация станет предельно ясной: Германия, по мнению ее правящей элиты, должна была стать как можно более сильной, дабы она сумела занять в Европе то положение, которого она достойна. Это можно считать одним из довольно явственных признаков своеобразного комплекса неполноценности, который в начале XX в. еще не выветрился из умов многих немцев, включая и австрийцев, слишком долгое время живших в мелких государствах, не имевших весомого слова в концерте ведущих европейских держав. К сожалению — с точки зрения немецких политиков — в современном им мире, а точнее в Западной Европе, не все шло так, как хотелось бы. Следовало решительно выправить нежелательный перекос, и все, казалось бы, содействовало реализации этого намерения. Немцы в континентальной Европе, не в меньшей мере, чем столетием назад французы во главе с Наполеоном, уверенно лидировали. Ситуация осложнялась в наиболее слабом звене Тройственного союза, т.е. во взаимоотношениях Германии и Австро-Венгрии с Италией.

ИТАЛИЯ

Судьба сравнительно недавно объединившейся Италии чем-то напоминала германскую, хотя и была ее много более бледной копией. Прежде всего, итальянской буржуазии было далеко до могущественной промышленно-финансовой мощи немецкой. Индустриальное развитие шло, но сравнительно невысокими темпами. Сельское хо-

зяйство находилось в весьма запущенном состоянии. Земледелие, особенно на юге, где всегда была его центральная зона, велось средневековыми методами. Нищета в деревне преобладала. Попытки создать «союзы трудящихся» в особо бедствующей Сицилии в конце XIX столетия к заметным результатам не привели, так что положение дел на юге страны не изменилось.

Не была успешной и колониальная политика итальянцев. Начавшаяся в 1895 г. война с Абиссинией (Эфиопией) закончилась полной неудачей. За Италией осталась лишь часть Сомали, через которую они стремились добраться до Абиссинии. Словом, неудачи преследовали страну одна за другой. Только в самом конце XIX столетия судьба повернулась к стране лицом. Премьер Д. Джолитти, находившийся у власти, с перерывами, с 1903 по 1914 г. (он был премьером недолго также и до этого, и после этого), взял за основу разумный и в общем успешный курс во внутренней политике. Как и Бисмарк, хотя и со значительным опозданием, он старательно и умело налаживал контакт с растущим рабочим движением и, не обостряя противоречий, шел ему навстречу, легализовав, в частности, стачки и содействовав принятию ряда законов, направленных на охрану труда. Итальянская социалистическая партия (ИСП) была готова к сотрудничеству с буржуазной властью, которая в свою очередь проявляла стремление понять и даже в некоторой степени отразить интересы трудящихся. И хотя в ИСП один за другим шли расколы по поводу политики и, в частности, теоретических постулатов марксизма, принципы этой теории с ее диктатурой пролетариата партия на вооружение не брала.

Налаживание отношений между рабочими, с одной стороны, и буржуазией и властью — с другой, сыграли свою роль, наряду со многими иными важными факторами, в ускорении темпов индустриального развития страны. Новые отрасли производства — металлургия, машиностроение, автомобилестроение («Фиат»), судостроение, горнодобывающая, химическая и другие отрасли промышленности стали основой производства. Большую роль начали играть банки, международные связи, товарный экспорт. Словом, Италия стала энергично подтягиваться к тому уровню, который в начале XX в. все очевиднее оказывался нормой для развитых стран Европы. Слабым местом страны были скудость ресурсов и отсталость сельского хозяйства, причем то и другое ставили ее в серьезную зависимость от иностранного капитала и уровня развития внешней торговли. Но эти ослаблявшие Италию факторы в некоторой степени компенсировались массовым исходом населения: 600–700 тысяч

человек, в основном из деревни, ежегодно покидали страну и эмигрировали, прежде всего в США.

Однако наиболее серьезным аспектом итальянской внутренней политики были отнюдь не проблемы сложностей с сельским населением и отношения с рабочими, которые за пределы приемлемой нормы все же не выходили. Главным для Италии накануне Первой мировой войны стал вопрос о союзе с Германией, который как то ни покажется парадоксальным, в то же время тесно переплетался с воинственной националистической внешней политикой страны. Стремившиеся к своеобразному реваншу итальянцы, горделиво подчеркивавшие при всяком удобном случае величие древнего Рима, все время не просто ощущали свою не исчезавшую слабость по сравнению с ведущими европейскими державами, но и постоянно искали способ эту слабость как-то преодолеть и чем-либо компенсировать. А поскольку итальянская колониальная политика еще совсем недавно терпела лишь неудачи, было важно в новых условиях заново попытать счастья. Для этого необходимо было заручиться поддержкой. Но как раз ее и не было со стороны близких к Италии по Тройственному союзу Германии и Австро-Венгрии, которые — особенно располагавшиеся рядом с Италией австрийцы — стремились к собственным захватам и выступали, например в районе Балкан, лишь в качестве потенциальных соперников. Более того, австрийцы явно не хотели и создания колоний Италии за счет империи Османов. Иное дело Франция.

Не имея серьезных возможностей спорить с австрийцами за Балканы, Италия сконцентрировала усилия на севере Африки, и именно здесь ее союзником, невзирая на противодействие со стороны австрийцев, оказались французы. Еще в 1900 г. они охотно признали притязания итальянцев на Триполитанию и Киренаику в обмен на согласие итальянцев поддержать интересы Франции в Марокко. Секретное итало-французское соглашение Баррера-Принетти 1902 г. предусматривало в добавление в этому взаимный нейтралитет, что косвенно нанесло удар по Тройственному союзу. Действуя в этом же направлении, Италия в 1911 г. начала войну с крайне ослабевшей Османской империей за Триполи и Киренаику, расположенные очень близко к ней через Средиземное море. Война привела к довольно быстрому успеху, в результате которого эти территории, современная Ливия, стали почти единственной колонией Италии.

И хотя сам по себе такого рода факт мог бы считаться отрадным, на деле он мало кого из набиравших влияние националистов удовлетворил, что тоже отразилось на взаимоотношениях Италии с ее партнерами по Тройственному союзу. Они становились все более про-

хладными. Более того, этот союз оказывался все менее желательным для страны, которая не имела никакой заинтересованности в том, чтобы безоговорочно стать на сторону немцев и тем способствовать их дальнейшим успехам. Ведь и во времена Бисмарка, будучи втянутой им в Тройственный союз, Италия не очень-то стремилась к тому, чтобы активно способствовать усилению Германии. Политических дивидендов от этого, имея в виду тесную связь немцев с соседней с Италией Австрией, с которой у итальянцев были давние счеты, она не ожидала. А брать на себя тяжелое бремя соучастия в военных действиях без сколько-нибудь весомого расчета на получение от этого определенных преимуществ никакое государство не станет. Ведь национальные интересы, к тому же усугубленные идейно-националистическими претензиями, неизбежно остаются главными.

Неудивительно поэтому, что Италия в условиях назревавшего конфликта противостоявших друг другу альянсов мощных держав предпочла, во всяком случае вначале, нейтралитет. При этом отнюдь не скрывалось намерение страны поторговаться с обоими враждующими блоками и тем самым заранее получить заверение в том, что в случае успеха присоединение страны к одной из двух сторон даст ей сколько-нибудь стоящие преимущества. Как известно, эта торговля, активно поддержанная выступлениями итальянцев за сохранение мира и нейтралитета, привела в конечном счете к тому, что условия Лондонского договора 1915 г., согласно которым Италии был обещан ряд территорий в Адриатическом и даже в Эгейском море, сыграли решающую роль. Италия выбрала Антанту, лишив тем самым немцев надежды на помощь с ее стороны. Нельзя, конечно, сказать, чтобы Германия очень уж рассчитывала на эту помощь, но все же потеря потенциального союзника была для нее не слишком приятной. Тройственный союз ушел в историю. А воюющей с Антантой стороной в Первой мировой войне оказались одни немцы. Правда, в их число вынужденно вошли венгры, чехи, да и иные народы многонациональной Австро-Венгрии. Но итальянцев среди них не было.

ДРУГИЕ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ СОЮЗНИКИ ГЕРМАНИИ

Конечно, развал с немалым трудом сколачивавшегося в свое время Бисмарком Тройственного союза был определенным ударом по коалиции немцев. но, поскольку он назревал довольно длительное время, у этой коалиции была возможность пересмотреть состав своего буду-

щего альянса в назревавшей войне. И, как то ни покажется странным, взоры немцев устремились в сторону **Турции**. В чем смысл парадокса? Он прежде всего в том, что практически весь XIX век прежде всего и главным образом опекали слабевшую Османскую империю англичане, больше других опасавшиеся усиления России за счет Турции и потому старательно заботившиеся о том, чтобы проливы не попали в руки русских. Конечно, на Турцию достаточно рано стали обращать внимание и соперники англичан немцы, чьими усилиями реформировалась османская армия и кто впервые выступил с планом гигантской по масштабам того времени железнодорожной линии Берлин-Белград-Багдад. Но при всем том, казалось бы, все же трудно было ожидать, что османские турки в решающий момент назревания всемирного военного конфликта столь определенно выберут сторону немцев.

Между тем в этом выборе, если учесть все события десятилетий накануне войны, был свой немалый смысл, так что едва ли для кого-либо он был неожиданным. Если учесть все ту же начавшую строиться железную дорогу, для недопущения выхода которой к морю в районе Персидского залива англичане предприняли немало решительных и успешных действий, а также принять во внимание, что русско-турецкие взаимоотношения были накалены, что называется, до предела, ставка Османской империи на союз с немцами не покажется неожиданной. Для слабой империи очень важно было опереться в предполагаемом продолжении борьбы со своим главным врагом, Россией, на сильного и надежного союзника. Именно таким и становились в начале XX в. немцы. Так что союз Германии с турками во многом был предрешен.

Правда, все шло не слишком просто и отнюдь не прямолинейно. Если отступить на несколько десятилетий назад, то стоит напомнить, что все началось с того, что реакционный режим зулюма довел империю Османов до тяжелейшего внутреннего кризиса. Банкротство империи в 1879 г. было одним из его проявлений. Другим было ослабление режима и увеличение той роли, которую начали играть в жизни Турции после этого банкротства англичане и французы. Они взяли на себя руководство Управлением оттоманского долга, что по существу означало контроль за экономикой страны. Все вроде бы означало практически полный переход великой империи под контроль двух потенциально враждебных немцам европейских государств. Однако параллельно с этими державами, издавна игравшими — особенно это касается Англии — огромную роль в судьбах ослабевавшей империи, свои претензии на соучастие в развитии Турции весомо проявили немцы.

В 1898 г. кайзер Вильгельм II с большой помпой нанес визит Абдул-Хамиду II и даже провозгласил себя кем-то вроде покровителя мусульман. Султан в складывавшейся для него весьма неблагоприятной обстановке с большой охотой принял германское покровительство и даже начал довольно заметно переориентировать в этом направлении свою внешнюю политику. Армия и некоторые другие официальные ведомства империи стали с его ведома еще активней, нежели прежде, принимать немецких военных советников. Это свидетельствовало о готовности и желании султана сыграть на противоречиях держав и тем добиться определенной независимости в осуществлении своей почти уже обанкротившейся реакционной политики.

Но ситуация складывалась совершенно иначе. Разумеется, проникновение Германии в Турцию и обретение ею железнодорожной концессии с целью построить магистраль Берлин-Белград-Багдад сыграло важную роль в изменении соотношения сил между европейскими державами в ее пользу. И неизвестно, сколь быстро разворачивались бы события именно в этом направлении дальше, если бы не самое важное обстоятельство. Суть его в том, что Османская империя была уже накануне гибели. А подготовили ее крушение младотурки, об организации которых уже шла речь в предыдущем томе. Младотурки, центр организации которых располагался в Париже, все первые годы XX в. наращивали свое влияние на турецкую армию и иные довольно многочисленные слои населения Османской империи. И когда их влияние достигло наивысшей точки, они летом 1908 г. вместе с войсками, расположенными в Македонии, выступили против Абдул-Хамида. Ему было предъявлено требование восстановить попранную им конституцию и положить конец режиму зулюма.

Султан, попытавшийся было опереться на вроде бы преданные ему части, потерпел полное фиаско (армия отказалась выполнить приказ) и вынужден был согласиться на требование повстанцев. Осенью 1908 г. начались заседания вновь избранной палаты депутатов, где младотурки имели две трети мест. И хотя весной 1909 г. неугомонный султан попытался снова совершить переворот, распустив парламент, младотурки вновь выступили из Салоник на Стамбул, с боями заняли столицу и низложили Абдул-Хамида. При новом султане Мехмеде V вся власть перешла в руки вождей младотурок, а в конституцию были внесены изменения, укрепившие власть парламента и лишившие султана его прежних прерогатив. Вслед за тем были проведены реформы, главной целью которых снова была реорганизация армии, жандармерии и полиции, причем военная реформа была осуществлена по традиции при поддержке Германии,

чьи офицеры и новое вооружение содействовали переформированию турецкого войска.

Очень важно не упустить из поля зрения то обстоятельство, что выход на передний план младотурок и падение режима зулюма с низложением Абдул-Хамида по времени почти совпали с поражением Османской империи в итало-турецкой войне за Ливию, о чем упоминалось чуть выше. Эта неудача лишний раз продемонстрировала Европе, сколь слабой стала некогда сильная империя, к тому же почти постоянно пытавшаяся осуществить необходимые реформы и укрепиться за их счет. Сигнал, поданный Европе, был с особым воодушевлением воспринят на Балканах, где группа молодых государств, в большинстве своем еще недавно бывших частями Османской империи, стала стремиться поживиться за счет дряхлеющей державы. Но этот же сигнал столь же быстро и однозначно был воспринят как в самой Турции, так и в искавшей союзников Германии.

Целью младотурок было сохранение империи, явно дышавшей на ладан. Поэтому нет ничего удивительного в том, что лозунги буржуазных свобод отошли в их деятельности на задний план. А на передний выступила новая очень жесткая теория, обретшая форму вполне понятной и вынужденной в сложившихся обстоятельствах доктрины османизма. Суть ее сводилась к тому, что все нетурецкие народы (а это прежде всего славянское население Балкан, но также армяне и арабы, да и другие народы) — неотъемлемая часть Турции, т.е. все османы. Арабов, компактно живших в стороне от Турции, эта доктрина мало затронула. Славяне в большинстве своем ее вообще всерьез не восприняли. Но она, тем не менее, стала реально осуществляться, в основном на территории Анатолии. В соответствии с этой политикой в 1910 г. начались гонения на тех, кто выступал против идей панисламизма и пантюркизма. И хотя это вызвало в конечном счете очень серьезное сопротивление и привело к тому, что на выборах 1912 г. противники младотурок, либерально настроенные сторонники партии «Свобода и согласие», которые обещали нетурецким народам автономию, одержали победу, она оказалась недолгой.

Поражение турок в Первой болгарской войне того же 1912 г. снова привело к власти младотурок, причем на сей раз их власть стала более жестокой, приведшей, в частности, к печально знаменитому и одному из наиболее страшных в XX в. геноциду армян 1915 г. Ответственный за это триумвират вождей младотурок (Энвер, Талаат и Джемаль), как известно, не ушел от возмездия со стороны армянских боевиков. Но, если учесть близкие к миллиону-полутора масштабы уничтожения мирных людей, наказание было отнюдь не слишком суровым.

Вообще же правление младотурок пришло к печальному концу отнюдь не в результате неудач и преступлений в его национальной политике. Оно пало только и именно потому, что заботливо сохранявшаяся лидерами этого вначале вроде бы либерального движения Османская империя вступила в Первую мировую войну на стороне Германии. И если поставить вопрос ребром и впрямую спросить, что же именно в конечном счете и более всего привело Турцию к этому, то окажется, что более всего именно доктрина османизма. И дело не только в геноциде армян, хотя он и сыграл свою очень важную роль (но не стоит забывать, что война тогда уже началась). Толчком к военному союзу с немцами эта доктрина оказалась тогда — перед войной, — когда возникло напряжение на Балканах, где готовы были взбунтоваться те народы, которых она коснулась (Македония, Албания, население множества островов Эгейского моря). К этому следует добавить, что в складывавшейся в регионе обстановке государства, уже добившиеся независимости от турок, — Греция, Сербия, Черногория, Болгария, — решили воспользоваться ситуацией и начать войну с Османами.

Готовясь к этой войне и с трудом договариваясь между собой о разделе будущих приобретений, балканские страны пытались заручиться поддержкой России, ибо опасались вмешательства австрийцев, давно уже активно действовавших в этом регионе и, в частности, только что формально аннексировавших Боснию и Герцеговину. В итоге возник и начал все туже затягиваться балканский узел, сыгравший немаловажную роль в качестве одной из причин и основного повода для начала мировой войны.

Первая балканская война началась в октябре 1912 г. Соединенные силы Болгарии, Греции, Сербии и Черногории в результате коллективного натиска быстро одолели турок и захватили Македонию и часть прилегающей к району Стамбула территории. Они подошли вплотную к Адрианополю. В мае 1913 г. по условиям Лондонского мирного договора 1913 г. почти все европейские владения Османов были отобраны у потерпевшей поражение империи. Даже мусульманская Албания получила независимость. Но Вторая балканская война, начавшаяся в том же 1913 г. через несколько месяцев после договора, велась уже между самими балканскими странами, Болгарией, с одной стороны, и ее вчерашними союзниками Грецией, Черногорией, Сербией и присоединившейся к ним Румынией — с другой. В итоге Болгария, недовольная доставшейся ей долей и поддержанная Германией и Австро-Венгрией, войну проиграла. Мало того, она утратила даже то, что получила в итоге Первой балканской войны. В частности, это касалось отобранной всего годом раньше у турок

Македонии, которая теперь в большей своей части перешла, согласно Бухарестскому мирному договору 1913 г., к Греции и Сербии. У Болгарии осталась незначительная часть той же Македонии. Примерно так же обстояло дело и с Фракией, основная часть которой отошла к Греции. А небольшая часть отобранных у Турции в ходе войны территорий была даже возвращена Турции. Лишь немногое осталось за побежденной Болгарией.

Это был сильный удар по амбициям страны, начавшей Вторую балканскую войну. И именно ее поражение способствовало сближению **Болгарии** с Германией, ибо только с ее помощью болгарский царь Фердинанд мог рассчитывать в создавшейся ситуации изменить положение вещей и создать давно лелеемую им в мечтах «Великую Болгарию». Таким образом, Болгария (косвенно в результате политики младотурок с их османизмом) была подготовлена к тому, чтобы стать вместе с Турцией союзником немцев и австрийцев в случае начала новой и более серьезной войны. К этому были готовы и турки. Триумвират младотурецких вождей, о котором было упомянуто выше, вполне осознанно вел курс на сближение с Германией. И хотя в процессе этого сближения получилось так, что один из противников Турции в Первой балканской войне, Болгария, тоже, как и Турция, в конечном счете оказался союзником немцев в составе альянса Германии с Австро-Венгрией, в этом нет ничего удивительного.

Стремления обоих новых союзников были вначале диаметрально противоположны, ибо болгары рассчитывали увеличить свою территорию как раз за счет Турции. На деле получилось так, что турки лишились почти всех балканских земель, а болгары их не приобрели. В сложившейся таким образом обстановке обе страны только и могли, что уповать на помощь германского альянса. Они не шли рядом. Даже вступили в военный союз с Германией в разное время, Турция в октябре 1914 г., почти сразу же после начала Первой мировой войны, а Болгария лишь через год. Да и расчеты у каждой из них были свои. Другое дело, как все обернулось в конечном счете. Но об этом в свое время. Пока же стоит лишь заметить, что роль вновь приобретенных союзников была для альянса Германии и Австро-Венгрии второстепенной. Во всяком случае, утерянного партнера по Тройственному союзу — Италии — оба они явно заменить не сумели. Впрочем, рассуждать на эту тему беспочвенно. Много существеннее обратить внимание на то, как готовились союзники к Первой мировой войне. Впрочем, перед этим стоит упомянуть еще о двух небольших странах, ставших в силу объективно сложившихся и не зависевших от них обстоятельств сторонниками немецко-турецкого альянса.

Люксембург оказался политически самостоятельным герцогством по решению Венского конгресса, в 1814–1815 гг. старательно перекраивавшего карту Европы после наполеоновских войн. Будучи расположенным в самом центре европейского субконтинента и к тому же в очень богатом природными ресурсами и густонаселенном его районе, герцогство в XIX столетии не только быстрыми темпами развивалось, создавая мощную буржуазную индустрию, но и буквально процветало. Добившись в 1867 г. по решению заинтересованных в этом держав своего нейтрального статуса, Люксембург обрел конституцию и продолжал богатеть. Но в годы мировой войны он был оккупирован немцами, что и неудивительно: небольшое и богатое ресурсами государство в условиях лобового столкновения между окружавшими его державами не имело реальных шансов сохранить декларированный этими же державами его нейтралитет. Впрочем, формально герцогство в войну ни на чьей стороне не вступало. А война не слишком затронула страну и не помешала ей не только развиваться, но и улучшать положение рабочих (был принят закон о 8-часовом рабочем дне).

Албания, обретшая независимость лишь в 1912 г. в результате Первой балканской войны, вначале находилась под фактической опекой держав, а весной 1914 г. даже обрела правителя в лице немецкого принца Вильгельма. Но Вильгельм I управлял неожиданно доставшейся ему страной не более полугода. С начала мировой войны его страна, хотя она формально и была объявлена нейтральной, оказалась втянутой в военные действия, ибо на ее территории велась ожесточенная борьба между войсками разных стран. Здесь воевали сербы, греки, итальянцы, австрийцы. По Лондонскому договору 1915 г. между странами Антанты и Италией, во время которого были определены условия вступления Италии в мировую войну, ей была обещана, среди прочего, центральная часть Албании с городом Дураццо.

В заключение несколько слов о колониях Германии. Их было немного — Германская Восточная Африка, Германская Юго-Западная Африка, Того и Камерун, а также несколько островов Океании, включая часть Новой Гвинеи. В принципе можно было бы считать, что и эти анклавы кое-чего стоят. Но сложность была в том, что колонии стран Антанты и их союзников в той же Африке абсолютно преобладали. И как только началась война, войска из их колоний стали вторгаться на территорию колоний Германии. В **Того** немецкие войска капитулировали уже в конце августа 1914 г. В **Камеруне** они сражались около полутора лет, но тоже вынуждены были уйти. На **Юго-Западе** (совр. **Намибия**), близ пустыни Калахари, т.е. на территории, где жили в основном немногочисленные пигмеи и крайне отсталые

бушмены, а также гереро, преследовавшиеся немцами с особой жестокостью, было заметное число немцев-колонистов. Но это не сыграло существенной роли в годы войны. Правительство британского доминиона ЮАС уже на рубеже 1914–1915 гг. оккупировало все германские порты в этом районе, а в июле 1915 г. немцы вынуждены были сдаться.

Наиболее крупная африканская колония Германии, **Германская Восточная Африка (Танганьика и Руанда-Урунди)**, тоже подверглась нападению англичан уже в августе 1914 г. Здесь немцы сопротивлялись дольше, сумев даже построить предприятия, снабжавшие их небольшие вооруженные силы патронами и необходимым снаряжением. Теснимые с разных сторон англичанами, бельгийцами и португальцами, вооруженные силы Германии сумели продержаться в этой колонии до конца войны. Но, разумеется, резервом для европейских фронтов боевых действий эта с трудом оборонявшаяся колония стать не могла. Быть может, следует учесть, что принадлежавшие Германии немногочисленные острова Океании (часть новой Гвинеи, архипелаг Бисмарка, запад архипелага Самоа) могли послужить в качестве необходимых баз для активно действовавшего германского флота. Но едва ли значение этого для мировой войны в целом стоит преувеличивать. В качестве серьезного резерва германские колонии — в отличие от колоний стран Антанты и их союзников — служить не могли.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ И АВСТРО-ВЕНГРИИ ДО 1914 г.

Подготовка к Первой мировой войне шла достаточно заметно и самым энергичным образом со стороны именно немцев, более других считавших себя обиженными судьбой и наиболее быстрыми темпами наверстывавших упущенное время. Мощные новейшие вооруженные силы, умноженные на великолепно вышколенную дисциплинированную армию с традициями прусского милитаризма, являлись весьма серьезным и основательным фундаментом для того, чтобы рассчитывать на победу в столкновении с вероятными и в общем-то с начала века уже хорошо просчитываемыми противниками. И хотя самым сильным из этих противников была Англия, еще не лишившаяся ореола наиболее развитой промышленной державы мира, немцы имели все основания считать, что быстро набирающий темпы немецкий военно-промышленный комплекс вот-вот обойдет английский, а хорошо вышколенная немецкая (прусская в своей основе) армия —

не чета той, которую могут противопоставить ей англичане. Иными словами, с точки зрения военной мощи, включая самую современную технику, немцы были готовы к войне. Готовы раньше и лучше всех. Но многое зависело от того, с кем и в конечном счете за что им предстоит воевать. А этот вопрос был далеко не простым, и решение его зависело от многих переменных и не очень точно просчитываемых факторов, среди которых важную роль играли, как то обычно бывало, случайности и стечение обстоятельств.

Поскольку одним из главных потенциальных противников Пруссии в континентальной Европе в недавнем прошлом была Франция, которая в 1871 г. лишилась отошедших к немцам Эльзаса и Лотарингии, то нет ничего удивительного в том, что ставшая с тех пор много более сильной Германия спорадически испытывала именно эту страну, как говорится, на прочность. Давление проявлялось, в частности, в ходе так называемых марокканских кризисов. Марокко еще в конце XIX в. находилось в зависимости от французов, давно уже колонизовавших соседний Алжир и претендовавших на то, чтобы превратить и Марокко в зависимую от них страну. Еще в 1902 и 1904 гг. подписанные соответственно с Италией и Англией специальные соглашения (Италии при этом была обещана часть Марокко) позволили французам добиться свободы действий в этой арабской стране. Но немцы, которые ревниво следили за тем, как у них буквально из-под носа уплывают последние территории, которые можно было бы колонизовать, вмешались в марокканские дела. Визит кайзера Вильгельма II в 1905 г. в Танжер был ответом на англо-французское соглашение 1904 г. Германия попыталась заставить французов решать подобные вопросы иначе, на специальной международной конференции. Франция резко протестовала против этого, причем обе стороны начали активно бряцать оружием. Дело кончилось тем, что французы уступили, но на Альхесирасской конференции 1906 г. немцы не получили поддержки, а французы укрепили свои позиции.

В 1907 г., когда французы овладели крупным портом Касабланка, проблема Марокко вновь всплыла на поверхность мировой политики, но она в тот момент была перекрыта Боснийским кризисом, о котором чуть ниже. И франко-германское соглашение 1909 г. сохранило сложившееся к тому моменту в Марокко статус-кво. Но в 1911 г., когда французские войска продвинулись еще дальше и аннексировали город Фес, Германия отправила к побережью Марокко, в порт Агадир, свою подводную лодку «Пантера». Этот вошедший в историю дипломатии «прыжок "Пантеры"» являл собой факт готовности немцев всерьез вмешаться в марокканские дела.

Он снова привел обе страны к состоянию военного напряжения, но, как и прежде, за спиной Франции стояла давно сблизившаяся с ней Англия, что оказывало сдерживающее влияние на Германию Очередное франко-германское соглашение 1911 г. привело к согласию немцев обменять свои претензии в Марокко на часть Французского Конго на юго-западном побережье Африки.

Своеобразная проба сил в Марокко сыграла важную роль не только в истории дипломатии, но и прежде всего в четкой реализации определенных намерений. Немцы со всей ясностью давали понять своим потенциальным противникам, что они не намерены молча наблюдать за завершающимся колониальным переделом мира без своего серьезного участия. Более того, прыжок «Пантеры» и иные недвусмысленные проявления военной мощи Германии призваны были показать всей Европе (а только европейские державы — ну разве что отчасти еще США и Япония — были в то время реальными субъектами мировой политики), что на арене политической активности планеты появился новый и очень сильный игрок, с которым рано или поздно всем придется считаться. Это же было показано Германией и в ходе так называемого Боснийского кризиса 1908–1909 гг.

Австро-Венгрия по решению Берлинского конгресса 1878 г. обрела право на оккупацию Боснии и Герцеговины, которые формально продолжали находиться в составе Османской империи. В 1908 г. она воспользовалась успехом младотурок, выступивших против султана Абдул-Хамида II и заставивших его восстановить конституционную монархию в Турции, и аннексировала под шумок давно уже фактически принадлежавший ей этот балканский анклав. Россия против этого не возражала, ибо получила от австрийцев заверение, что они поддержат ее претензии на проход русского военного флота через проливы. Турция за очень небольшое возмещение потери согласилась с аннексией. Возражала же прежде всего Сербия, которая рассчитывала со временем увеличить пределы государства за счет именно этого славянского анклава, хотя практически все население его уже давно приняло ислам. После того как выяснилось, что заверения, данные Австрией России, на деле мало чего стоят, русские оказались готовы поддержать протесты Сербии. Но Австрия и Германия, вновь беззастенчиво бряцая оружием, предложили ослабленной в ходе русско-японской войны России признать аннексию, пригрозив в противном случае захватить еще и Сербию. Россия, а затем также Англия и Франция вынуждены были согласиться.

Казалось бы, дело было улажено. Однако Боснийский кризис не только до крайней степени обострил отношения между обоими

противоборствующими альянсами, но и, вкупе с двумя балканскими войнами, оказался частью того самого туго затянутого балканского узла, само наличие которого если и не определило, то активно содействовало дальнейшему углублению острых противоречий между ними. До открытой войны оставалось теперь пройти уже очень незначительный путь. И дело вовсе не в том, чтобы детально, с документами в руках, исследовать причины кризиса и обоснованность позиций сторон в нем. Все это, безусловно, имеет свое значение и должно быть принято во внимание. Но главное не в этом. Оно в том, что альянсы, противостоявшие друг другу, ни в коей мере не стремились к миру и не пытались смягчить создававшееся в Европе напряжение. Совсем напротив, они активно создавали и поддерживали это напряжение, ибо оно было в их интересах. Что касается Германии, то это было вполне очевидно. Но ведь она была не одна, даже если принять во внимание сторонников. Противостояла ей весьма внушительная коалиция держав. И если бы основной принцип действий и намерения этой коалиции был направлен в сторону мира, многое, быть может, могло обернуться иначе. Но дело пошло именно так, как пошло. Почему же? Чем немцы досадили своим потенциальным соперникам настолько, что те и думать не хотели о том, чтобы как-то сгладить острую ситуацию и привести дело к умиротворению. Для этого стоит обратить пристальное внимание на позиции стран Антанты.

Глава вторая. СТРАНЫ АНТАНТЫ

Обратим внимание на то, что пока еще не ставится вопрос ни о том, кто больше виноват, ни о том, что можно было бы и следовало бы сделать, дабы предотвратить назревавший глобальный конфликт и избежать мировой войны. Все это станет одной из важных тем следующей части тома. А пока речь идет о другом, т.е. о формировании противостоящих друг другу альянсов и о тех факторах, которые активно содействовали сближению друг с другом стран, вошедших в них. Ведь очень важно понять мотивы, двигавшие этими странами. И если все то, что способствовало союзу Турции и Болгарии с Германией и Австро-Венгрией (а весь смысл союза был в противодействии России и лишь во вторую очередь имелись в виду коварная Англия и обиженная Франция), абсолютно понятно, то ситуация с Антантой не столь легко постижима. Во всяком случае, на первый взгляд.

Вообще-то тот очевидный факт, что основным соперником Германии в континентальной Европе должна была стать отнюдь не Россия,

с чьими правителями немецкие князья издревле и вплоть до времен Николая II были тесно связаны матримониальными узами, а именно понесшая унизительное поражение во франко-прусской войне Франция, абсолютно очевиден. Это заведомо предполагалось, причем не только потому, что раны франко-прусской войны все еще давали знать о себе в лишившейся Эльзаса и Лотарингии и позорно разгромленной пруссаками великой европейской державе. Корни противостояния уходят глубже. Суть их, как то ни покажется парадоксальным, в стремлении к реваншу как раз со стороны победителя, т.е. пришедшей на смену пруссакам Германии. Не то чтобы немцы чувствовали себя сколько-нибудь неудовлетворенными победой и теми приобретениями, которые пришлись на их долю в 1871 г. Скорее важно было стремление показать миру — особенно на фоне неудач в колониальном разделе Африки, — кто в действительности теперь должен по праву считаться сильнейшим, во всяком случае в Европе.

Все дело в том, что Европа на рубеже XIX–XX вв., как о том уже говорилось, все еще считалась — да и в реальности была — самым и по сути единственным мощным силовым центром всей планеты, средоточием наиболее передовых ее достижений, в том числе и в военном деле. США с их доктриной Монро и тем более Япония в решение проблем планеты, особенно в европейские дела, да и в борьбу за передел колоний, практически, за редкими исключениями, не вмешивались. Словом, главным потенциальным соперником германо-австрийского союза была Франция. Но как оказалось, что рядом с Францией в начале века стал ее наиболее непримиримый противник на протяжении длительного времени, Англия? И почему вместе с Англией оказалась Россия, та самая, которую англичане старательно, вплоть до Берлинского конгресса 1878 г., ставили на место, защищая от нее слабевшую империю Османов, ныне столь очевидно превращавшуюся в союзника Германии? Эти вопросы требуют ответа, причем достаточно серьезного и обоснованного. Поэтому на проблему Антанты в целом необходимо обратить наиболее серьезное внимание. Обратимся к этой проблеме.

АНГЛИЯ В НАЧАЛЕ ВЕКА

Рубеж XIX–XX вв. был еще временем процветания и почти безусловного индустриального и колониального могущества Британии. Но вместе с тем английское лидерство было уже на исходе. Пожалуй, победу в англо-бурской войне, в принципе небольшой, можно считать его пиком. В последующем на долю Англии единоличных

и безусловных побед в сколько-нибудь серьезных войнах уже почти не приходилось. Это и неудивительно. Англия теряла свое безусловное превосходство. Ее технико-технологический потенциал начинал уступать первенство то США, то Германии. И хотя по вывозу капитала она — учитывая все еще сохранявшуюся ее гигантскую колониальную империю — продолжала оставаться ведущей (он измерялся примерно 64 млн ф. ст. в год, хотя и постепенно уменьшался), это сказывалось на растущей нехватке средств для реконструкции многих собственных предприятий. В этом более всего нуждалась устаревавшая по стандарту дорогостоящего оборудования горнодобывающая отрасль хозяйства, в первую очередь угольные шахты.

Страна в целом, однако, бедной далеко не была. Напротив, прибыль на вложенный за рубежами капитал возвращался ежегодно в размере около 100 млн ф. ст., что создавало возможности как для повышения необходимых расходов на социальные нужды, так и для появления немалой прослойки верхушки среднего класса, состоявшей из рантье, живших за счет процентов на их капиталовложения либо банковские вклады. И стоит заметить, все эти расходы, несмотря на плачевное положение некоторых категорий рабочих, включая и шахтеров, а также на наличие безработных, часть которых мигрировала в английские доминионы (Канада, Австралия, Новая Зеландия, в меньшей степени Южная Африка), не создавали в стране сколько-нибудь значительной социальной напряженности. Скорее наоборот, дело шло к росту заботы о положении трудящихся. Это проявлялось как в усилении тред-юнионов, что привело в 1906 г. к созданию партии лейбористов с первыми ее 29 депутатами в парламенте, так и к знаменитому бюджету либерала и министра финансов Д. Ллойд-Джорджа, который в 1909 г. выступил с лозунгом борьбы с бедностью, предложив выделять на это 1% доходов государства.

Правда, бюджет прошел не сразу. Для этого пришлось в 1911 г. сломить сопротивление палаты лордов, которая отныне была лишена важнейшего для английского парламента права решать проблемы финансов. Но дело было сделано, что лишний раз свидетельствовало о приоритете Британии в выдвижении на передний план социальных проблем. Вообще для XX в. характерна постоянно возрастающая роль социалистов немарксистского и даже явственно антимарксистского толка. Их усилия, причем далеко не только в Англии, но и в Германии и в США, а позже и во всех остальных развитых странах, были направлены на создание ситуации, способствующей борьбе с бедностью. С каждым десятилетием — не считая суровые периоды мировых войн — эта тенденция вела к тому, чтобы сирые, слабые, голодные и все прочие, неспособные по той либо иной при-

чине удовлетворительно содержать себя своими силами, получали необходимую поддержку от государства, не говоря уже о различных благотворительных организациях[1].

Что касается Англии, то параллельно с бюджетом Ллойд-Джорджа в парламенте были проведены законы о государственных пенсиях для старых работников, о государственном страховании, включая бесплатное лечение и пособия по инвалидности, о пособиях безработным, о минимуме заработной платы и, как венец, о 8-часовом рабочем дне. Ни в одной другой стране в то время таких пакетов социальной помощи не существовало. Британия по-прежнему — по крайней мере в том, что касается отношений власти и народа — шла впереди. Разумеется, все эти расходы, равно как и увеличение их на военные нужды, требовали средств. Соответственно повышались как прямые налоги на богатых (на крупные состояния, земельную собственность и даже наследование), так и косвенные, особенно на табак, спирт и почтовые марки, что, конечно, ударяло по всем и более всего ощущалось малоимущими. Но стоит все же заметить, что табак и вино — это не хлеб или масло.

Серьезной проблемой для Британии в предвоенные годы был ирландский вопрос. Давно назревший закон о самоуправлении (*гомруле*), который не раз отвергался парламентом еще в 80-х гг. XIX в., вновь оказался в повестке дня. Он опять обсуждался парламентом несколько лет, причем не дремали и сами ирландцы. Организованная ими партия *шинфейн* (мы сами) стала ведущей силой, что проявилось уже после войны, когда именно члены этой партии возглавили Ирландское свободное государство, в состав которого, однако, не вошли графства северо-восточной части острова, Ольстера, где преобладали протестанты.

Что касается внешней политики Британии, то для нее первое десятилетие XX в. было периодом постепенного сближения с Францией, этим вечным соперником англичан. И на это следует обра-

---

[1] Очень важно обратить на это специальное и серьезное внимание. Дело в том, что в отечественной историографии с легкой руки сторонников марксизма была в свое время пущена в ход мифическая версия о том, что будто бы существование СССР с его квазисоциализмом побудило в XX в. буржуазные страны начать уделять внимание социальным проблемам. **Никто никогда не пытался это доказать, но миф гуляет по страницам некоторых отечественных изданий до сих пор, а шведский социальный строй (шведский социализм) постоянно приводят в пример как чуть ли не свидетельство этого.** Берусь утверждать, что ни шведская, ни иные уже достаточно многочисленные системы развитых буржуазных стран, в которых уделяется серьезное внимание поддержке бедных, не имеют никакого отношения ни к марксистскому социализму с его призывами к уничтожению буржуазного строя, ни тем более к советскому квазисоциализму.

тить особо серьезное внимание. Здесь все дело сводилось к тому, что в условиях соперничества с Германией, которое все очевиднее оказывалось не под силу англичанам, военная мощь которых с течением времени все заметнее уступала численно превосходящей коалиции немцев, поиск союзников оказывался жизненно важной задачей. Безвозвратно ушло в прошлое время «блестящей изоляции», опиравшейся на безусловное военно-индустриальное могущество Британии. К этому добавлялись колониальные проблемы и, в частности, нарастание англо-германских противоречий и невозможность решения их, что начало с особой силой проявляться в годы англо-бурской войны. Имея все это в виду, Англия вынуждена была изменить направленность и даже принципы своей внешней политики. Национальные интересы страны настойчиво требовали искать союзников для противостояния растущей опасности.

Выбор оказался невелик. И хотя еще совсем недавно, в 1898 г., в Фашоде, в момент столкновения англичан и французов на востоке Африки, обе державы в буквальном смысле слова оказались на грани военного конфликта (стоит напомнить, что причина была более чем серьезна: Англия стремилась к соединению своих северных и южных владений на востоке континента, а французы, двигаясь с запада вдоль Судана, стремились выйти на восточное побережье Африки), иного выхода, как идти на сближение с Францией, у Британии не было. И поскольку последствия столкновения в Фашоде нашли свое решение и были урегулированы уже в 1899 г., а неоднократные попытки найти взаимно приемлемое компромиссное решение весомых противоречий с Германией в 1898–1901 гг. к успеху не привели, англичане приняли решение взять курс на поиск соглашения с французами. Этот поиск начался в 1902 г. с переговоров по вопросу о Марокко, вслед за которыми последовал обмен официальными визитами глав государств. Король Эдуард VII в апреле 1903 г. посетил Париж, а президент Э. Лубе в июле того же года Лондон. Поражение России, союзницы Франции, в русско-японской войне способствовало сближению Франции, в свою очередь опасавшейся усиления Германии, с ее давним соперником. Это побудило Англию охладить свои связи с Японией. Словом, все шло одно к одному. Согласие между давними соперниками стало неизбежным.

Это согласие достигалось не слишком легко. Многие разнородные интересы неизбежно учитывались. На чашу весов клалось все. А так как генеральным принципом, обусловливавшим внешнюю политику Англии, всегда были ее интересы, что она никогда и не скрывала, то нет ничего удивительного в том, что возобладали именно они. Чаша весов

решительно опустилась под их тяжестью, и выбор был сделан, решительно и бесповоротно. Но прежде чем поставить на нем точку, скажем несколько необходимых слов о второй стороне альянса, о Франции.

ФРАНЦИЯ В НАЧАЛЕ ВЕКА

Третья республика, появившаяся на свет в результате войны с Пруссией и обзаведшаяся новой конституцией 1875 г., была, в отличие от нескольких предшествовавших ей в XIX столетии режимов, достаточно устойчивым политическим образованием. Парадокс в том, что эта устойчивость — столь непохожая на британскую с ее длительное время существовавшими лишь двумя партиями (третья, лейбористская, была создана лишь в 1906 г.), — опиралась на многопартийность. Разумеется, это создавало определенные неудобства и, в частности, вело к довольно частой смене правительств, которым трудно было добиваться поддержки парламента. Но сам по себе такого рода факт не слишком вредил стабильности в стране. Во-первых, потому, что приход к власти нового правительства не очень-то нарушал сложившуюся норму поведения. А во-вторых, из-за того, что новые правительства в конечном счете комплектовались в немалой мере за счет тех же наиболее влиятельных партий, которые были представлены в парламенте. Это тем более важно учесть, что по меньшей мере некоторые из этих партий, в частности республиканцы, радикалы и социалисты, имели в своих устремлениях к будущему, политической ориентации и программных документах немало общего.

Здесь очень важно заметить, что после известного «казуса Мильерана», согласившегося в 1899 г. войти в столь ненавидимое марксистами «буржуазное» правительство, и создания во Франции в 1905 г. Объединенной социалистической партии во главе с поддержавшим Мильерана Ж. Жоресом социализм в этой стране фактически перестал быть марксистским. Его лидеры, включая и Жореса, отнюдь не были готовы принимать за основу эту теорию с ее «пролетарской революцией» и «диктатурой пролетариата» в качестве основополагающих позиций, что создавало вполне реальный фундамент для их сотрудничества с иными партиями левого спектра, вплоть до анархо-синдикалистов. Именно этот блок чаще других, пусть в различных конкретных комбинациях, возглавлял правительство Франции. Такое положение дел, помимо прочего, часто создавало основу для принятия радикальных реформ, в том числе и едва ли не в первую очередь тех, что — как то было в те же годы в Англии и чуть раньше, при Бисмарке, в Германии — были направ-

лены на улучшение положения тружеников страны. В частности, правительство А. Бриана в 1910 г. провело через парламент закон о пенсиях. Был поставлен вопрос о 8-часовом рабочем дне, причем это требование реализовывалось постепенно, под нажимом созданной в 1902 г. Всеобщей конфедерации труда на предпринимателей в различных отраслях экономики страны. На протяжении ряда лет, в основном в 1902–1905 гг., многое было сделано для того, чтобы окончательно разорвать тесную связь общества и правительства с церковью, отделив ее от школы и государства, что привело даже к разрыву дипломатических отношений с Ватиканом.

Преобладание у власти партий республиканско-радикального и даже социалистического толка создало во Франции в первое десятилетие XX в. неплохую базу для быстрого и успешного социального развития страны. И хотя эти успехи перемежались с жесткими мерами, порой вызывавшимися экстраординарными событиями (катастрофа на шахте «Курьер» в 1906 г. унесла 1200 жизней, что привело к забастовке и вынудило премьера Ж. Клемансо направить в район событий армейские части), в целом стабильное развитие страны не приостанавливалось. Развивалась, пусть не столь быстро, как в США, Германии и Англии, экономика, строились заводы, возникали современные отрасли индустрии, вплоть до автомобилестроения. По выпуску автомобилей (лидировала фирма «Рено», хотя автозаводов в начале века было шесть) французы вышли на второе место после США. Сохранялась и колониальная империя страны, вторая по значимости после британской.

Сложности были с военными. Правда, производство вооружений отнюдь не отставало. Фирма «Шнейдер» организовала мощный концерн, который выпускал пушки и иное вооружение самого современного образца, причем в немалом количестве. Однако отношения с военными у радикалов не ладились, что даже привело в 1905 г. к отставке очередного кабинета Э. Комба. Однако, когда к власти в 1913 г. пришел Р. Пуанкаре, проблема энергичного наращивания военной мощи уже прочно вышла на передний план. Впрочем, этому не стоит удивляться. Мир и, в частности, все ведущие державы Европы к тому времени были уже накануне войны и вполне сознавали ее неотвратимость. Во Франции идеи реванша заняли ведущее место в общественном мнении.

ФОРМИРОВАНИЕ АНТАНТЫ

Этому способствовал и довольно давно уже близившийся к завершению процесс создания военных блоков. Для Франции фундамен-

том такого блока стало ее сближение, как о том только что шла речь, с давнишним ее соперником Британией. Еще раз упомянем, что дело это, вполне естественно, было не простым. Слишком многое, помимо очень ощутимой тяжести многовекового исторического груза, разделяло эти державы. Неудивительно, что реализация сближения, вынужденного изменением в Европе соотношения сил, оказалась не слишком простой. Нужно было урегулировать немало спорных вопросов в разных частях мира. Эти вопросы сводились прежде всего к разделу сфер влияния в колониальных империях обоих государств. Речь шла о взаимных претензиях в Ньюфаундленде, Западной Африке, на Мадагаскаре, даже в Океании, на Новых Гебридах. Были затронуты и проблемы влияния в казалось бы независимом Сиаме. Договорились также о преимущественных правах Англии в Египте и Франции в Марокко. Переговоры шли долго, и проблемы, равно как и претензии, были решены, как о том уже упоминалось, далеко не сразу. Но в итоге все спорные вопросы нашли свое вполне приемлемое для обеих сторон решение. Именно оно, как и многое другое, вошло в состав конвенции, сопровождавшей англо-французское соглашение 1904 г.

Соглашение, легшее затем в основу «Сердечного согласия», на русском именуемое просто Антантой (фр. Entante cordiale), было первоначальным документом о сближении, далеко не сразу принявшим облик прочного военного союза. Открыто опубликованная его часть вообще почти ничего не содержала, кроме взаимного согласия на преимущественные права в Египте и Марокко. Но в секретном приложении упоминалось о более серьезных проблемах и прежде всего о том, что в принципе все споры по колониальным проблемам в случае необходимости будут решаться бесконфликтно. Смысл секретного добавления был не столько в каких-либо принципиально важных решениях, сколько в том, что более обе страны враждовать и соперничать не собираются, что подразумевало их сближение и совместное противостояние агрессивным устремлениям со стороны усиливавшейся Германии.

Важным элементом Антанты был и франко-русский союз. Хотя создание его относится ко много более раннему времени и выходит за пределы XX в., не говоря уже о его гораздо меньшей международной значимости, о нем необходимо упомянуть особо, до того, как мы обратимся к более серьезной оценке российских реалий начала XX в. Все дело в том, что Россия в конце XIX столетия в условиях немалых внешнеполитических сложностей, которые по сравнению с внутриполитическими проблемами уходили на второй-третий план, оказалась перед некоторыми трудностями. Они начались еще в 80-х гг.

в связи прежде всего с нескончаемыми на протяжении многих десятилетий балканско-болгарскими проблемами.

То это была резкая реакция Англии в связи с политикой России на Балканах. То в те же проблемы скрытно и осторожно вмешивался Бисмарк, подталкивавший австрийцев противостоять русским. То русские дипломаты, как это было в 1887 г., сами предлагали Германии обновить практически почивший в бозе союз трех императоров (Германия, Австро-Венгрия и Россия) в обмен на поддержку России в ее политике на Балканах и борьбе за проливы. То, наконец, вставал вопрос о том, с кем России выгоднее связать себя какими-то обязательствами, с Германией или с Францией.

Вопрос решался далеко не просто. Сначала Россия все в том же 1887 г. связала себя так называемым перестраховочным договором с немцами, согласно которому в обмен на туманные обещания содействовать русским притязаниям на проливы главным объектом совместного противодействия оказывалась Англия. Но вскоре после этого русско-германские отношения начали ухудшаться, а отношения русских с Францией, напротив, улучшаться. Этому способствовал увеличивавшийся приток в Россию французского капитала. В 1890 г. Россия отказалась от «перестраховочного договора», а в 1891 г. начались переговоры с Францией, которые завершились в 1892 г. подписанием представителями генштабов обеих держав антигерманской секретной конвенции. Наконец, на исходе 1893 г. дело подошло к подписанию политического договора о союзе.

Договор был подписан в январе 1904 г. и оказался очень неприятным для немцев. Если принять во внимание, что параллельно с ним шел процесс оформления англо-французского соглашения, о котором только что шла речь, то легко понять, почему и насколько это было для них нежелательно. Дело ведь было не просто в том, что соединялись воедино державы, на раскол между которыми — и далеко не без оснований — делали ставку немецкие руководители, начиная с Бисмарка. Гораздо более важным было то, что в случае войны германо-австрийскому альянсу предстояло — как то и предполагал наиболее скверный для них вариант, нашедший свое отражение в составленном уже в 1905 г. немецким генштабом плане Шлиффена, — вести войну на два фронта, что вообще-то, как легко понять, было крайне нежелательным.

Но ничего поделать уже было нельзя. Развитие событий естественно шло к сближению России с Англией, ее — как то было и для Франции — старым и практически почти постоянным соперником. Потерпевшая сокрушительное поражение в войне с Японией Россия осознала, что сближение с Англией для нее стало неотвра-

тимым. В свою очередь Англия вполне разумно решила пренебречь опасениями, связанными с десятилетиями столь стращившим ее усилением России за счет Турции и с риском овладения ею Стамбулом (Константинополем) с проливами, к которым русские так долго стремились. Эта проблема продолжала оставаться для нее серьезной, даже очень серьезной, но она не выходила на передний план. Передним и важнейшим планом оказывалось неуклонное сближение и тем самым объединение сил двух немецких империй. Поэтому в Лондоне было принято то же самое решение, которое за несколько лет до того стало основой сближения с Францией. И точно таким же способом это решение было поэтапно реализовано. Сначала, с весны 1906 г., начались переговоры об урегулировании противоречий на Востоке, в зоне колониального контакта. Были затронуты проблемы Тибета (договорились оставить его за Китаем), Афганистана, которые решались наиболее трудно, и Ирана. Англичане пообещали добиться для России права свободного прохода ее военного флота через проливы. В итоге всех этих не слишком легких переговоров соглашение было достигнуто и в июле 1907 г. подписано.

Собственно, именно это соглашение и поставило жирную точку в процессе создания Антанты. В противовес развалившемуся Тройственному союзу немцев с Италией на арену назревавшего европейского конфликта пришло Тройственное согласие очень сильных держав. Создалось новое соотношение сил, причем, несмотря на ситуацию с Италией, т.е. на неравноценную замену этой страны Турцией и Болгарией, силы были примерно равными. Тем более острым обещало стать их неминуемое столкновение. Стоит, впрочем, повторить, что пока еще речь о войне не стояла на повестке дня, к ней лишь готовились. Означало ли это, что война неминуема? На этот вопрос ответа нет. Можно считать, что дело шло именно к этому, но можно воспринимать ситуацию и иначе, полагая, что примерно равные силы вполне в состоянии договориться. Оставим более подробный анализ следующей части тома и обратимся к ситуации в России, которая мало что оказалась слабейшим звеном в Антанте в решающий момент Первой мировой войны, но и пришла в конечном итоге в связи со всем конкретным раскладом сил к национальной катастрофе.

РОССИЯ ПЕРЕД МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

Рассказ о событиях России в начале века, который по объему и важности этих событий вполне заслуживает особой главы, займет немало места. И это место определено колоссальной значимостью

для российского общества, да и для всего мира того, что стало происходить с нашей страной с первых лет XX в. Россия, как о том уже шла речь в предшествующем томе, отставала в развитии от других европейских держав. И хотя основная причина этого отставания, крепостное право, была устранена еще в 1861 г., проблема выравнивания и успешного буржуазного развития долго еще оставалась нерешенной. Конечно, страна не стояла на месте. Многие важные реформы сдвинули ее в годы правления царя-освободителя с мертвой точки. Но этого было мало, крайне мало. Обратим для начала внимание на недолгие годы правления Александра III (1881–1894). Характеризуемые порой как период консервативной стабилизации — а точнее, попытки добиться оной, — эти годы были наполнены не столько движением в обратную сторону, назад от реформ, сколько стремлением восстановить утраченную было власть царя-самодержца над крестьянами.

Земства были реорганизованы таким образом, чтобы крестьянские общины подчинялись назначенным представителям власти из дворян. И хотя как бы в обмен на это с крестьян были сняты подушные подати, сокращены выкупные платежи за землю, сама по себе идея «народного самодержавия», как такая политика стала именоваться, была своеобразной реверсией. Император хотел отстраниться от идеи конституционной монархии, к которой перед смертью был близок его отец. Но ситуация в стране не вписывалась в его намерения. Россия в годы его правления и после них развивалась быстрыми темпами. Страна кормила своим зерном почти всю Европу, хотя это порой отзывалось ей голодом, как то было в 1891 и 1901 гг. А расширение рынка сбыта за счет азиатских окраин вело империю ко все большему вовлечению в политику на Дальнем Востоке. Результатом стала русско-японская война, к которой страна не была готова и в ходе которой у нее, в отличие от Японии, не оказалось союзников.

Николай II (1894–1917), на чью долю выпало расхлебывать все то, к чему привела политика его отца, явно не был готов к этому. Человек более чем средних способностей, он по крайней мере понимал, что необходимо что-то делать. Но что?! Страна менялась буквально на глазах. Из попытки его отца сделать ставку на усиление роли дворян и восстановление этого социального слоя в качестве основы империи ничего не получалось. А выразителями интересов народа все энергичнее становились представители интеллигенции, заменявшей собой все еще не успевавшую утвердиться в качестве заметной социальной силы национальную буржуазию (зарубежная в виде иностранного капитала очень сильно ее опережала). Правда,

интеллигенция по-прежнему оставалась расколотой на различные идейные группы, что следует считать вполне естественным. Нельзя, однако, не отметить, что именно этот раскол (как напоминает он события 90-х гг. XX в.!) оказался в конечном счете очень губительным для страны, ибо прошел по самым болезненным ее точкам.

Обратим для начала специальное внимание на то, что на рубеже XIX–XX вв. российская интеллигенция стала практически самым влиятельным социальным слоем общества. Хотя привычные стереотипы марксистского анализа ситуации на протяжении большей части XX в. извращали реальное соотношение сил, безосновательно преувеличивая роль рабочих, крайне мало внимания уделяя крестьянам с их архаикой и презирая все остальные слои общества, на деле все было не так. В связи с упадком роли дворянства после освобождения крепостных и не очень большими успехами в выдвижении на авансцену политической жизни слабой буржуазии именно интеллигенция взяла в свои руки вожжи. Это отнюдь не удачное стечение обстоятельств многое объясняет в последующих судьбах страны. Заменив буржуазию, она подхватила и высоко подняла знамя необходимых реформ. Мало того, после реформ она включила в свои ряды заметно терявших политическую силу дворян, включая офицеров, которые в лучшей своей части влились в ее состав, что сильно увеличило ее возможности. Это вынужденно поставило ее перед необходимостью возглавить народный порыв.

Кроме всего прочего, такому историческому выбору сопутствовал тот необычайно возросший престиж русской культуры, которым были отмечены эти же десятилетия, ознаменовавшие триумф русской классики. Толстой и Достоевский, Тургенев и Чехов, Бунин и Куприн, Чайковский и Репин, да и многие десятки иных величин мирового класса во всех сферах литературы и искусства этого же и чуть более позднего времени, как Блок и Брюсов, Есенин и Бальмонт, Шаляпин и Рахманинов, Станиславский и Дягилев, Малевич и Кандинский, Шагал и Нижинский, Кшесинская и Павлова высоко подняли знамя России. Не стоит забывать и о выдающихся ученых, начиная с Менделеева и Лобачевского, Павлова и Мечникова, Ключевского и В. Соловьева, Вернадского и Бердяева. Прибавим к этому пришедший на смену классике знаменитый «серебряный век» с его гениями модернизма и прочих многочисленных «измов» (Врубель и Петров-Водкин, Д. Мережковский и З. Гиппиус, К. Бальмонт и В. Иванов, Н. Гумилев и А. Ахматова), сыгравших столь заметную роль в истории мирового искусства. Словом, конец XIX и начало XX в. были ознаменованы необычайным, взрывным ростом во всех сферах российской культуры. Казалось, что великие потенции освобожденного от раб-

ства народа неким неведомым образом влились в сравнительно узкую группу его наиболее выдающихся представителей. И стоит заметить, что речь прежде всего о той самой разночинной интеллигенции, которая на протяжении почти полувека так сильно переживала и столько реально сделала для освобождения крепостных и для изменения их архаичной ментальности, для их воспитания и образования.

Разумеется, и классика, и «серебряный век», и первые великие достижения в точных, естественных и гуманитарных науках — лишь отражение результатов упомянутой активности. Смысл сказанного не просто в том, чтобы обратить серьезное внимание на необычный взрывной взлет великой русской культуры, не рядовой, не спорадически повторяемый. Очень важно принять во внимание, что этот взрыв был реакцией на взлет России. Россия, как модно говорить сегодня, «поднималась с колен». На глазах у всего изумленного мира она быстрыми темпами становилась вровень или почти вровень с самыми передовыми странами планеты. Именно об этом свидетельствовало обилие гениев, которые навечно составили гордость страны, несмотря на то, что немалое их число было вскоре после большевистского переворота изгнаны из России как нечто ненужное для нового режима. И если говорить всерьез, то для России большевиков они действительно были лишними, оставшись, к сожалению, лишь великим знаменем эпохи бурного подъема страны вперед, к процветающему буржуазному Западу.

Ситуация еще задолго до прихода к власти большевиков осложнялась тем, что под сенью этого великого знамени действовали люди — и прежде всего мыслящая элита, представители российской интеллигенции — очень разных идейных направлений. И здесь мы снова возвращаемся к главному, к расколу в стране. Раскол был глубоким и многосторонним. И в принципе в условиях господства либеральной буржуазной демократии это можно, даже нужно было бы считать естественным результатом многообразия общества с разными идеями и интересами различных его социальных слоев. Но основой такого рода структуры в либерально-демократическом обществе должно было быть принципиальное единство всех этих разных частей социума в том главном, что составляет фундамент их существования, в принципах свободы, демократической процедуры, разделения властей, независимости суда и конституционных гарантий от произвола. Однако драма России начала XX в. в том, что ничего этого не было.

Было медленное, но неуклонное движение большинства интеллектуальной элиты в сторону реформ, к конституционной монархии и либеральной демократии, чего упрямо не желали державшиеся за власть

самодержавные правители, опиравшиеся на силу. Принимая это во внимание, продолжало укреплять свои ряды немногочисленное, но крайне активное и очень неплохо организованное радикальное и экстремистски настроенное ее меньшинство. Вчерашние народники-террористы, равно как и шедшие им на смену эсеры и социал-демократы марксистского толка, прежде всего большевики, ставили, учитывая напряженную обстановку и нестабильность в обществе, на революционный взрыв. И дело в конечном счете сводилось теперь не столько к тому, чья возьмет, сколько к тому, как в неустойчивой обстановке сложатся обстоятельства и какую роль сыграет случайность. А обстоятельства самого начала складывались драматически и крайне неудачно для страны. Да и случайность не раз сыграла свою роковую роль.

Все началось с неудач в войне с Японией, которые сразу же позволили экстремистам развернуть массовую антиправительственную кампанию, сильно ослабившую вынужденные оправдываться верхи политической элиты. Вслед за тем поп Гапон, считающийся обычно в отечественной историографии ставленником охранки, но — что вполне вероятно — бывший искренне убежденным в правоте своей затеи, вывел 9 января 1905 г. на Дворцовую площадь в Петербурге большую демонстрацию. Она состояла из бастующих рабочих и иных слоев населения (всего, по некоторым подсчетам, до 150 тысяч) и несла, наряду с иконами и портретами самодержца, плакаты с просьбами к царю о реформах. Требования были весьма решительными: созыв Учредительного собрания, предоставление основных буржуазных свобод, 8-часовый рабочий день, прекращение неудачной войны.

Значительную часть демонстрантов выдвинутые в город войска сумели остановить заранее, но добравшихся до Зимнего дворца перепуганная охранка встретила пулями. Расстрел демонстрантов (убитые и раненые исчислялись многими сотнями) вызвал в стране взрыв возмущения. Начались забастовки, кое-где случались и вооруженные схватки с полицией. В ряде городов страны, начиная с Иваново, возникли так называемые *советы*, воспринимаемые некоторыми специалистами в качестве своеобразного отголоска древнерусских вечевых сходок. Волнения продолжались несколько месяцев, причем к развитию событий приложили руку и интеллигенты, которые отражали интересы крестьян. Всероссийский крестьянский союз во главе с либералами выступил в защиту тех либерально-демократических свобод, которых требовали жители Петербурга 9 января.

Разумеется, такого рода призывы, как на то обращают внимание серьезные исследователи, отнюдь не были адекватны реальным интересам русского общинного крестьянства с его крайне архаичным

мышлением, восходящим чуть ли не к первобытному язычеству[1]. Ведь уцелевшая после реформы общинная деревня, вчера еще закрепощенная, в принципе не воспринимала западноевропейскую политическую лексику. Она имела собственное представление о нормах жизни. В частности, это касалось главного для нее — собственности на землю. Земля ничья или, если угодно, Божья. Было время, когда ею распоряжались представители власти, т.е. дворяне-помещики. Но после Великой реформы помещики перестали быть причастными к власти и потому — в представлении бывших крепостных с их общинным *миром* — права на землю лишились.

Неудивительно, что подобная психология привела в условиях разгула массового всенародного протеста 1905 г. к разгрому разгневанными крестьянами помещичьих усадеб. И именно здесь благодушные устремления российской либерально-демократической интеллигенции, выступавшей как бы от имени несуществующего в стране третьего сословия и не успевшей еще сложиться буржуазии с ее интересами, оказались не совпадающими с радикализмом крестьянской массы. А что касается левоэкстремистского меньшинства, ставившего на кровавый революционный переворот (отнюдь пока еще не на марксистскую «пролетарскую революцию», ибо в числе экстремистов большевики были в явном меньшинстве), то они очень энергично старались раздуть пожар гражданской войны. К счастью, в тот момент этого не удалось. Крестьяне, пошумев и встретив отпор со стороны властей, постепенно утихли. А события в целом, если попытаться определить их характер, явно вели к попытке очень сильно запоздавшей в России буржуазной революции.

Впрочем, она, несмотря на усилия экстремистов и особенно большевиков поярче разжечь костер кровавой бойни, завершилась все же капитуляцией перепуганной власти. 17 октября 1905 г. Николай II выпустил долгожданный манифест, в котором изъявлялось согласие на созыв законодательного органа, Государственной думы. Было объявлено также, что в стране вводятся основные буржуазные свободы и создается ответственный кабинет (Совет министров) во главе с графом С. Ю. Витте, только что добившимся в условиях некоторой поддержки со стороны США, на территории которых, в Портсмуте, происходили переговоры, относительно благоприятного для России мирного договора с Японией.

---

[1] См.: *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России, конец или новое начало? М., 2008. С. 253–255.

Эти радикальные нововведения, свидетельствовавшие не просто об уступке властей, но о ставке на решительные перемены в жизни давно ждавшего именно этого российского общества, далеко не сразу успокоили народ, осознанно подзадориваемый большевиками, стремившимися создать повсюду советы, в большинстве находившиеся под их влиянием. Рабочие, особенно питерские и московские (например, декабрьское восстание 1905 г. в Москве), частично также крестьяне и солдаты порой кое-где были готовы, поощряемые экстремистами, вновь начать вооруженные схватки с правительственными войсками. Но уже с 1906 г. выступления прекратились, а страна, наконец, уверенно вступила на путь долгожданных буржуазных реформ. Интеллигенция в массе своей была удовлетворена результатами и стала активно содействовать либерально-демократическим преобразованиям в стране.

Как должно расценивать события 1905 г.? В отечественной историографии долго ими только восторгались, воспевая революционные порывы масс, в том числе насилия, и значительно меньше обращали внимание на то, что Россия в суровые дни сделала огромный шаг в сторону буржуазной либеральной демократии. А ведь именно это было основным смыслом и величайшим достижением, историческим движением угнетенной самодержавием страны, не знакомой ни с какими либерализмом и демократией, правами и свободами, вперед, ко всем ним, к принципиально новым нормам существования и поведения. **Это-то и было самым важным итогом года. И об этом нужно постоянно напоминать в первую очередь и главным образом, здесь нужно видеть смысл и, исходя именно из него, оценивать суть великих событий.**

Как развивались события? Витте подготовил закон о выборах в думу. Они предполагались по куриям, что было вполне естественным в качестве первого шага для отсталой страны, только знакомившейся с принципами выборной власти. Основной силой российской либеральной демократии стали кадеты, т.е. представители возникшей сразу же после манифеста партии сторонников конституционной монархии. Они и получили большинство мест в Первой думе, которая начала свою работу в апреле 1906 г. Работа шла очень тяжело, так как на каждом шагу наталкивалась на препятствия, порой практически неодолимые. В чем они заключались?

Депутаты думы разделились на несколько фракций. В их числе была большая (около сотни) группа трудовиков, депутатов от крестьян. Крестьяне в качестве своих представителей чаще всего выбирали представителей сочувствовавшей им земской интеллигенции, среди которых немалую роль играли, впрочем, экстремистски настроенные народники и эсеры. Главным вопросом, обсуждавшимся

в думе, сразу же стал аграрный, а точнее, закон о лишении помещиков прав на их землю, что лишний раз подтверждало настроения и ожидания основной массы населения страны, крестьян. Острые противоречия между кадетами (они шли навстречу крестьянам, но все же стояли за отчуждение лишь части помещичьих земель, причем за плату), с одной стороны, и трудовиками, настаивавшими на полном изъятии всей помещичьей земли и на проведении аграрной реформы выборными комитетами из крестьян на местах, с другой, оказались в центре внимания. Это с самого начала вызвало настороженное противодействие со стороны правящих верхов. Усугубленные принципиальным неприятием правыми депутатами споров об экспроприации помещичьей собственности, дебаты привели уже в июле 1906 г. к роспуску Первой думы.

Вторая начала работу в феврале 1907 г. Правых в ней стало больше, кадетов почти вдвое меньше, а наряду с трудовиками появилось и несколько десятков социал-демократов (не все были большевиками!). Дума утвердила бюджет, а споры об аграрном вопросе снова завели ее в тупик. Большевики со своей стороны сделали все, от них зависящее, чтобы сорвать работу думы, в чем они и преуспели. В начале июня, не проработав и полугода, прекратила свое существование и она («третьеиюньский переворот», как его обычно именуют).

Третья дума была избрана по обновленному избирательному закону, что и позволило ей, наконец, просуществовать весь положенный пятилетний срок, с ноября 1907 по июнь 1912 г. Количество правых в ней было большим (включая умеренных и националистов с окраин около трети всех депутатов), а октябристов, т.е. активных сторонников царского манифеста, даже чуть больше трети. Кадетов около полусотни, трудовиков на сей раз 14, социал-демократов 19. Эсеры объявили выборам бойкот. Место кадетов в качестве партии центра заняли близкие к ним по основным принципам октябристы. Вместе с кадетами и небольшими иными группировками центристы составляли большинство (около 250 депутатов),что и предопределило устойчивость Третьей думы, просуществовавшей практически весь положенный ей срок.

ДОСТИЖЕНИЯ РЕФОРМИРУЕМОЙ РОССИИ И ЕЕ НЕДРУГИ

Роспуск первых двух государственных дум и созыв очередной, в которой, наконец, была достигнута некоторая политическая стабильность, привели к серьезным реформам. Главные из них были связаны

с именем и активной деятельностью П. А. Столыпина. Эту активную деятельность, собственно, и следует считать основным достижением процесса преобразования страны в первом десятилетии XX в. Обратим внимание на то, что первые две думы, которые проработали менее полугода каждая, были распущены прежде всего из-за явно невыполнимых требований, которые были связаны с аграрным вопросом. Требования этого рода были инспирированы крестьянскими депутатами и отражали то самое архаичное сознание, о котором только что упоминалось. Кроме того, стоит принять во внимание, что среди этих депутатов были террористы и социалисты-революционеры, которых активно поддерживали социал-демократы с их откровенно антиправительственной и антигосударственной политикой. В Третьей думе вследствие крайней малочисленности трудовиков (эсеры, вспомним, бойкотировали выборы) и социал-демократов аграрные проблемы стали решаться несколько иначе, за счет разработанных сверху реформ.

Движущей силой необходимых преобразований и жесткой борьбы с противостоявшими им экстремистами стал назначенный в 1906 г. сначала министром внутренних дел, а затем председателем Совета министров П. А. Столыпин. Это был человек энергичный и решительный. Он хорошо понимал, что сначала в стране следует жестко подавить революционный дух и сопровождавший его терроризм и лишь потом можно будет приступить к давно уже назревшим радикальным переменам. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в 1906 г. была начата кампания преследований революционеров из числа террористов и прочих левых, прежде всего социал-демократов большевистского толка, но также и уже последних из числа народников и шедших им на смену все более активизировавшихся эсеров.

Столыпин отнюдь не был реакционером. Но он решительно заявлял, что стремится не к «великим потрясениям», а к «великим преобразованиям». Он надеялся, что судьба отпустит ему для осуществления его продуманного плана необходимые два десятилетия. И надо сказать, что его расчеты отнюдь не были построены на песке. Хотя экономика России в первые годы XX в. из-за серьезных потрясений в стране, учитывая и многочисленные массовые забастовки, развивалась не слишком эффективно, она все же шла вперед. Впервые в истории страны отечественная буржуазия, пусть медленными темпами, но начинала активно действовать, заявляя о своем существовании все более громко. И власти приняли очень ответственное и вполне разумное решение энергично идти ей навстречу. Собственно, это важное решение и было основным содержанием намерений нового главы кабинета.

В своей правительственной программе Столыпин, опираясь на разработанный им проект, предусмотрел как решительную борьбу с революционными экстремистами и террористами, немалая часть которых подверглась репрессиям и была физически уничтожена, так и гораздо более внушительные и важные для страны преобразовательно-созидательные меры. Указом от 9 ноября 1906 г., т.е. практически еще до начала работы очень кратковременной Второй думы, был сделан первый и самый важный шаг в решении аграрной проблемы, бесплодно дебатировавшейся на заседаниях Первой думы. Этот шаг был направлен на разрушение косной деревенской общины, тех самых помещичье-крепостных *миров*, которые упорно продолжали свое существование и после великой реформы. И не только продолжали, но и очень настойчиво, успешно консервировали крайне отсталые формы крестьянского землепользования и соответствующего ему архаичного восприятия. Вторая дума идей Столыпина не приняла в значительной степени именно из-за сопротивления трудовиков и поддерживавших их левых, особенно крайних экстремистов и террористов, которые были даже официально, хотя и без достаточных оснований, обвинены в попытке заговора против государства.

Третья дума была созвана на основе нового «третьеиюньского» избирательного закона, к созданию которого более других приложил руку сам Столыпин. Этот закон, явно готовившийся загодя, был спешно реализован буквально на следующий день после роспуска Второй думы. И роль его была огромной. Она далеко не ограничивалась избранием такого парламента, который мог бы принимать решения, направленные не на подогревание революционных настроений, а на разумное постепенное осуществление давно назревших буржуазных — пусть все еще не буржуазно-демократических, даже никак не конституционно-либеральных — жизненно необходимых перемен. И хотя преобразования Столыпина, предложенные в этом указе, были утверждены Третьей думой в качестве закона лишь 14 июня 1910 г., фактически они стали осуществляться, пусть не в полную силу, задолго до этого.

Смысл реформ сводился к тому, чтобы на смену безликой средневековой общине пришел богатый частный собственник буржуазного типа. Для этого главным пунктом преобразований стало наделение крестьян правом выхода из общины на весьма выгодных для них условиях (вместо нескольких чересполосных участков они должны получить компактный отруб, хутор). Целью было создание в деревне мощной прослойки богатых земельных собственников, если угодно — российских фермеров, способных успешно вести современное хозяйство с помощью современных технических средств и необхо-

димых механизмов. Такие хозяйства должны были рано или поздно начать производить значительное количество товарной продукции. В то же время те, кто оставался в деревне с очень небольшим количеством земли либо лишался ее вовсе, могли и должны были подаваться в города и становиться там тем самым резервом рабочей силы, который, помимо необходимых капиталовложений, оказывался крайне нужен для ускоренных темпов индустриального развития по буржуазному стандарту.

Банки были обязаны помогать выделившимся выгодными для них кредитами. Тем, кому недоставало земли на густонаселенной территории европейского нечерноземья, предлагалось получить ее в результате переселения на свободные государственные земли в плодородных районах на севере Кавказа, в Средней Азии или на юге Сибири, вплоть до Дальнего Востока. Проезд на новые места предполагался бесплатным. Более того, проектом предлагались необходимые для семьи и хозяйства, учитывая и скотину, подъемные. На местах предполагалось по мере возможности снабжать переселенцев семенами, инвентарем и оказывать им иную помощь.

Словом, условия для перестройки сельского хозяйства страны были крайне льготными, так что все те, кто принадлежал к так называемым *справным хозяевам*, к числу «крепких мужиков», могли всерьез задуматься над тем, что предлагала им аграрная реформа. И именно они постепенно начинали реализовывать предоставлявшиеся им права, подчас не без труда преодолевая сопротивление общины, нередко готовой разорять их хозяйства, жечь хутора, воспринимая вышедших из *мира* как новых «столыпинских» помещиков. По имеющимся, хотя и не очень точным данным, за десятилетие 1907–1917 гг. из общин вышло 2–2,5 млн домохозяйств, т.е. примерно четвертая–пятая их часть. Несколько миллионов крестьян ушли в город либо переехали на новые места, в основном за Урал. И хотя это происходило в основном уже после убийства самого реформатора в 1911 г., именно потому сам по себе факт следует расценить как успех реформ. Во всяком случае, важно подчеркнуть значимость происшедшего. Ведь накануне войны, в 1912–1913 гг., Россия благодаря реформам Столыпина стала заметным экспортером зерна и масла. Но, тем не менее, страной фермеров она не стала. Больше того, есть немалые основания полагать, что и предполагавшихся реформатором двух десятков лет для успешного завершения задуманных им преобразований было бы недостаточно.

Ведь психология тех, кто оставался в составе общины (а их, привыкших к нормам *мировой деревни*, все еще было подавляющее

большинство), за столь краткий срок решительно не меняется, даже в условиях переворота. И правы те, кто обращает внимание на то, что эта психология сыграла свою страшную деструктивную роль в кровавые годы большевистского переворота и красного террора, а также в тяжелые и голодные годы гражданской войны. Можно даже сказать, что число недругов столь вроде бы привлекательных для страны преобразований в годы реформ Столыпина не уменьшилось, но возросло. Причина в том, что на смену или вдобавок к антагонизму между крестьянской общиной и помещиками пришел еще больший и много более страшный антагонизм между богатыми и бедными мужиками в деревне. Стоит учесть, что именно это воспитанное веками и неконтролируемое рассудком чувство, основанное на зависти к равному тебе, но сумевшему разбогатеть мужику, сыграло решающую роль в кровавом 1917 г. Оно позволило горстке экстремистов поднять русскую деревню под ободряющим лозунгом «Грабь награбленное!» и с ее помощью завершить «пролетарскую» революцию. И, рассуждая здраво, трудно не прийти к выводу, что едва ли многое в этом плане могло бы измениться, если бы не досадная случайность, т.е. преждевременная смерть реформатора. Ибо, во-первых, за случайностью таилась своя закономерность: террористы, прижатые к стенке Столыпиным, охотились на него, совершая одно покушение за другим. А во-вторых, если бы он и остался жив, вряд ли его реформы за столь короткий срок, который оставался до переворота, смогли бы дать существенно больше.

Увы, но к более быстрым темпам преобразований Россия все еще не была готова. Как то ни покажется странным, но именно большевистские советы оказались реальным прообразом той формы власти, к которой русский крестьянский *мир* с его архаикой был более всего подготовлен[1]. В то же время слабая отечественная буржуазия и все еще выполнявшая основные ее функции интеллигенция, разбросанная по многочисленным партийным группировкам, серьезным соперником для большевиков не были. Не были именно потому, что экстремисты оказались организованными в мощную близкую к мафиозной строго дисциплинированную централизованную структуру «нового типа». Важно обратить внимание и на еще одно существенное обстоятельство.

К концу жизни Столыпина его отношения с царем все ухудшались. Николай II, очень похоже, вполне искренне считал, что премьер «слишком много на себя берет». И, хотя на деле реформатор был мо-

[1] См.: Указ. соч., с. 255 и след.

нархистом и даже сторонником самодержавия, он тем не менее пытался ограничить влияние дворянства, ликвидировать еще не ушедшие окончательно в прошлое его многовековые привилегии. Он сознавал острую необходимость сочетать буржуазные по характеру реформы (а в их число входили многие другие предполагавшиеся им, кроме аграрных, преобразования) с ограничением возможностей социального слоя защитников интересов империи. Но в то же время даже к конституционной монархии, к которой стремились кадеты, Столыпин, судя по имеющимся данным, относился отрицательно. Однако и дворяне, и сам окруженный ими Николай II — к слову, не без влияния всесильного в те годы Г. Распутина — Столыпина не жаловали. А это значит, что все его преобразования официально все меньше поддерживались высшей властью.

Словом, неудача реформ была в какой-то мере, пусть не абсолютно (как можно судить об этом задним числом?!), предопределена. Как то ни покажется странным, но тень этой вроде бы предопределенной неудачи нависала и над резко изменившимся накануне войны в лучшую сторону экономическим положением империи. Первые годы второго десятилетия XX в. были для России, о чем уже упоминалось, необычайно плодовитыми. Экономика страны шла в гору, причем итоги реформ явно вносили в ее успехи свой немалый вклад. По официальным данным, промышленность России в 1910–1913 гг. становилась все более развитой, число крупных современных предприятий увеличивалось самыми быстрыми темпами. За немногие годы производство угля и металла возросло в полтора раза. Приток иностранных инвестиций стимулировал индустриальное развитие страны. Правда, на самых современных и технологически сложных отраслях производства (химия, машиностроение, электротехника и др.) все это сказывалось в наименьшей степени.

Не везде экономический подъем сопровождался улучшением уровня жизни рабочих, хотя этот уровень и рос. Но в некоторых сферах хозяйства, особенно на удаленных от столицы промыслах, как например на золотых приисках на р. Лене, очень заметное увеличение доходов противоречило все ухудшающимся условиям труда. Как известно, забастовка рабочих и выдвинутые ими требования, к которым приложили руки большевики, привела к конфликту, который завершился 4 апреля 1912 г. расстрелом бастующих. Возмущение расстрелом быстро стало в стране сигналом ко всеобщему выступлению рабочих. По некоторым данным, до 300 тысяч человек приняли участие в забастовках протеста, слившихся в ряде случаев с первомайскими демонстрациями. Ленский расстрел стал знаковым для некоторого, к счастью не слишком большо-

го и долгого, подъема революционных выступлений в утихомиренной было стране. И хотя активность социал-демократов серьезных результатов не дала, она все же оказала на страну определенное воздействие. Пропасть между народом и властью увеличивалась, что, в частности, сказалось на выборах в Четвертую думу, происходивших уже в условиях начавшейся Первой мировой войны. Дума оказалась достаточно умеренной. В основном тон в ней задавали националисты, октябристы и кадеты, т.е. центристы, а левых, трудовиков и социал-демократов (эсеры по-прежнему бойкотировали выборы) было всего 25. Но работа ее в условиях начавшейся войны уже не была столь первостепенной и значимой, как прежде. Для страны начиналась принципиально новая эпоха ее существования.

Заканчивая характеристику России накануне войны, стоит в заключение сказать еще несколько слов о роли и месте этой империи в Антанте. То и другое были очень значительными. Однако многие осложнения в сфере внутренней политики и явный рост большевистского экстремизма вели к тому, что противники Антанты не склонны были воспринимать могущество России всерьез. Разумеется, вести войну на два фронта было для них, стоит повторить, не лучшим из возможных планов назревавшей войны. Но зато и слишком опасаться России в складывавшейся в этой стране обстановке с ее более чем сложными внутренними конфликтами не приходилось. Так, во всяком случае, сочли на встрече в середине июня 1914 г. Вильгельм II и наследник австрийского престола Франц-Фердинанд, который сразу же после этой встречи отправился в Сараево, где вскоре намечались очередные маневры австрийской армии.

Что касается Франции и Англии, то они, особенно островная Англия, резонно рассчитывали на то, что в ходе сухопутных сражений основная тяжесть войны выпадет именно на долю России, в меньшей мере Франции. При этом, однако, Россия, в которой решение проблемы создания достаточно мощных современных вооруженных сил явно не поспевало за быстрым ходом времени (конечные сроки выполнения военной программы намечались на 1916–1917 гг.), похоже, рассматривалась ее союзниками в качестве слабого звена. Как бы то ни было, но к мировой войне наша страна была готова недостаточно, да и состояние дел внутри России не могло считаться вполне удовлетворительным. Все эти соображения явно принимались во внимание. Однако ситуацию союзникам приходилось воспринимать именно такой, какой она была в реальности. Кроме всего прочего, Антанта могла рассчитывать на ресурсы, которых у немцев фактически не было.

Глава третья. ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ СОЮЗНИКИ СТРАН АНТАНТЫ

Теперь несколько слов о тех потенциальных союзниках обоих альянсов, которых вначале не предполагалось использовать в качестве боевой силы, но которые в ходе мировой войны постепенно так либо иначе в нее втягивались. Здесь следует с самого начала заметить, что соотношение сил было не просто неравным. Оно было убийственным. У Германии и Австро-Венгрии не было потенциальных союзников. Правда, Османская Турция имела в качестве вассальных владений несколько арабских стран. Но стоит при этом заметить, что главная их современная стратегическая ценность, т.е. нефть как необходимое для войны горючее, в то время еще не была чем-то актуальным для успешной войны. А ничего другого они реально предложить не могли. Это заведомо ослабляло потенции немцев, особенно в том случае, если война, как то и случилось, затянется на несколько долгих лет.

В отличие от немцев страны Антанты имели, как со временем выяснилось, большое количество таких союзников, не говоря уже о богатых ресурсах в принадлежавших им многочисленных колониях. На их сторону были готовы склониться многие страны, которые по разным причинам оказались со временем заинтересованными в поддержке, пусть даже порой почти лишь символической, со стороны стран Антанты. Неясно, насколько этот важный фактор, обретающий особое значение, как было только что упомянуто, в случае затяжной войны, принимался во внимание. Во всяком случае, похоже, что мало кто думал о том, что даже при крайне благоприятном стечении обстоятельств, которое вначале и не снилось немцам, чьи штабы вынуждены были планировать войну на два фронта, этот фактор (речь о большевистском перевороте в России) сыграет свою роль. Однако именно так и случилось. Правда, далеко не сразу после начала войны.

Но фактор, о котором идет речь, сразу и не мог начать играть свою важную роль просто потому, что первоначально готовившаяся соответствующими генштабами война ни с одной из сторон, насколько можно судить, отнюдь не мыслилась как мировая. Похоже на то, что, как предполагалось, это будет далеко не первая в истории Европы война противостоящих друг другу коалиций, целью которой было зафиксировать с оружием в руках и, главное, в последующих документах о мирном соглашении явственно изменившееся реальное соотношение сил. Только это и более ничего. Нет данных, которые всерьез свидетельствовали бы о том, что эта война могла бы затронуть

многие страны помимо враждующих альянсов (что касается ресурсов стран колониального мира, то они вряд ли считались существенными, ибо до того никогда в европейских войнах серьезной роли обычно не играли). Другое дело, как и почему все оно получилось на самом деле. Но более детальным оценкам этого будет посвящена следующая часть работы. Пока же обратимся к тому, какими потенциальными союзниками в принципе, как то оказалось в реальности, могли располагать, в отличие от немцев, страны Антанты.

США В НАЧАЛЕ XX в. (ДО ВОЙНЫ)

К числу важных потенциальных союзников Антанты относились в первую очередь США. Это государство, стремительно превращавшееся в одну из крупнейших и наиболее могущественных западных буржуазных стран, демонстрировало наибольшие темпы индустриального процветания. А вслед за ним шло и процветание всего общества, хотя и уровень жизни разных его социальных слоев и расово-этнических групп был далеко не одинаков. Но, если говорить об этом государстве как некоей заслуживающей особого внимания великой общности, то не стоит снова и снова возвращаться к вопросу о последствиях многовекового рабства африканских негров и о несправедливостях по отношению к индейцам, жившим в основном в своих изолированных от других территорий и замкнутых прежде всего по их же желанию резервациях. Свои грехи есть почти у каждого народа, а положение народов северной арктической части России вряд ли в те же годы — да и намного позже — было чем-то предпочтительнее, скорее напротив. Поэтому есть все основания расценивать ситуацию в США в основном с точки зрения успехов этой страны с ее очень высоким интеллектуальным потенциалом, буржуазными правами и свободами. Нет никакого сомнения, что именно она обладала едва ли не наиболее совершенными в те времена формами демократической администрации, процедура выбора и пребывания которой у власти была основана на предпочтениях свободно выражающего свои электоральные симпатии большинства народа.

Достижения и успехи, о которых идет речь, были не пустым звуком и тем более не риторическим перечнем будто бы имеющих место прав и свобод, что было особенно характерным чуть позже для большевистского СССР. Как раз напротив, американские права и свободы были реальностью, причем далеко не только в экономике. Конечно, экономические процессы занимали первое место. Именно они

обеспечивали процветание страны. Справедливо считается, что уже в начале XX в. США по уровню высших технических достижений и объему промышленной продукции стали бесспорным мировым лидером. Здесь создавались наиболее значимые фирмы, способствовавшие научно-техническому прогрессу и реализации новейших открытий и изобретений. И что характерно, явственная тенденция ряда таких центров к превращению в монопольные тресты была пресечена имеющими власть законодательными органами, которые заботились о предоставлении всем возможности для справедливой конкуренции.

Стоит заметить, что именно антитрестовское законодательство в США превратило в никчемную пустышку столь заметную в нашей стране работу руководителя большевиков об «империализме» как некоей высшей и последней стадии капитализма. Желаемое, выдававшееся за действительное, потеряло смысл задолго до того, как в сентябре 1917 г. вышло в свет, ибо закон Шермана, принятый конгрессом еще в 1890 г., на протяжении свыше чем четверти века уже не только активно действовал, но и по существу ликвидировал монополию трестов в США (а вне США их вообще почти не было). Можно добавить к сказанному, что в начале XX в. был проведен через конгресс еще ряд законов с явной антитрестовской направленностью (кое-что из этой практики было заимствовано и в бурно развивавшейся Западной Европе). Так что становится совершенно ясным, что капитализм в США, да и вообще капитализм как система хозяйства не только не вступил в какую-то «последнюю» стадию своего существования, но продолжал более или менее благополучно существовать. Правда он, равно как и буржуазное производство во всем остальном мире, включая и многие из прежних колоний, время от времени испытывал, да и сейчас порой испытывает финансовые и иные трудности, но, вопреки предсказаниям марксистов, регулярно, подобно фениксу из мифов, восстает из пепла, а проще — продолжает существовать. И никакой более или менее разумной и успешной, действенной альтернативы ему не видно, даже если параллельно именно с буржуазным процветанием отдавать должное марксистской риторике, как то делается в современном Китае.

Не стремясь в деталях перечислять успехи и достижения американской техники (достаточно напомнить о самолете братьев Райт и о том, что на заводах Форда ежегодно производилось свыше пяти тысяч автомобилей, становившихся доступными для среднего потребителя), обратим внимание на основы политического курса и общественной

жизни страны. Этот курс в начале века, подчас именуемого в историографии «прогрессивной эрой», отличался стремлением президентов из стана республиканцев Т. Рузвельта и У. Тафта, равно как и сменившего их в 1912 г. демократа В. Вильсона не только успешно и результативно ограничить возможности монополистов, но многими иными вполне прогрессивными устремлениями.

Имеется в виду прежде всего оправдавшая себя твердая ставка на усиление сотрудничества между трудом и капиталом с одной стороны, и трудящимися и патронирующей их властью — с другой. Регулирование в интересах массовых потребителей железнодорожных тарифов, а также введение государственного контроля за условиями труда и производством продуктов и лекарств были важными элементами такой политики. При этом не было никакого популизма или заигрывания с избирателями. И когда правительство вмешивалось в трудовые конфликты, включая забастовки, или очень активно занималось природоохранной (экологической, как бы мы сегодня сказали) деятельностью, создавая в стране систему великолепных национальных парков и множества заповедных территорий, это не имело отношения к его заботе о голосах избирателей. Это была нормальная работа тех, кому народ доверил управлять процветающей страной. Вмешательство правительства ощущалось и в сфере финансов, где банковская система оказалась если и не под контролем, то под надзором Федерального резервного управления, ведавшего эмиссией денежных знаков. Словом, государство в США было важным и эффективным менеджером, и в то же время оно не вмешивалось в систему производства и финансов страны. Оно стояло как бы сверху, наблюдая за тем, чтобы все шло по закону.

Правда, в годы очередных выборов ситуация обычно накалялась и выходила за рамки нормы. В печати раздавались взаимные упреки и дело доходило до различного рода разоблачений и открытых вызовов. Но борьба так или иначе завершалась, и новое руководство представителей той же республиканской или противостоявшей ей демократической партии вело примерно одинаковую политику, направленную на благо страны и народа (а кто же станет в нормальной стране вести себя по-другому?). Разумеется, в годы выборов подчас появлялись и новые партии, в том числе радикального толка. Но они, как правило, серьезным конкурентом двух основных не становились. Зато обе ведущие партии наперебой стремились проявить себя в качестве национальной силы, заботившейся о народе. Именно с этой целью одна за другой принимались поправки к конституции (их в общем-то было не слишком много), которые ставили целью

совершенствовать возможности граждан влиять на правительство, включая право на законодательные инициативы и референдумы, на непосредственное избрание сенаторов и иных должностных лиц и на предоставление избирательных прав женщинам.

Параллельно с этим в стране постоянно возникали разные общественные организации, как общенационального значения, так и местные либо региональные в штатах. Среди них Американская федерация труда с ее 2 млн членов, Антиимпериалистическая лига примерно с 1 млн участников, Социалистическая партия с 10 тысячами их. Особо стоит упомянуть о Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, в которую входило множество белых, негров и цветных, отстаивавших расовое равенство граждан. Вообще сам великий принцип активного участия населения в общественной деятельности, возникший отнюдь не в XX в., именно в этом столетии стал очень распространенным, превратился в нечто обыденное и само собой разумеющееся. Практически каждый американец состоял в той либо иной организации, а то и в нескольких, включая и религиозные. Это, как правило, не отнимало у него слишком много времени и вместе с тем не только создавало иллюзию, но и реально было тем, что влияло на жизнь общества и в случае необходимости принималось во внимание высшей властью. Иными словами, складывалось так, что американцы становились заинтересованной стороной во всем том, до мелочей, что так либо иначе затрагивало их интересы и играло роль в их повседневной жизни. Это, в общем-то, и следует воспринимать как эталон так называемого гражданского общества, к формированию которого в других странах пока еще только стремятся.

Внешняя политика США не отличалась в рассматриваемое время излишней щепетильностью. Став великой — и, быть может, уже самой великой — державой, Америка вмешивалась и в дела своих соседей по континенту (вспомним доктрину Монро, которую в США не отменяли), и в события в далеком Китае, равно как и в дела Японии. Но слишком большой роли в мировых делах США вплоть до начала Первой мировой войны не играли. Зато эта война, вне зависимости от того, насколько сами американцы принимали в ней активное участие (оно было не очень значительным и сводилось, пожалуй, более всего к участию в войне с большевистской Россией в 1918 г.), дала огромный толчок дальнейшему развитию страны. Это, в частности, сказалось на резком росте производительности труда (с 1913 г. система конвейеров, примененная вначале на автомобильных заводах Форда, стала быстро распространяться), доходов предпринимате-

лей и заработной платы рабочих. Имея в виду роль США в качестве поставщика вооружения, оборудования и прочей военной помощи странам Антанты, следует заметить, что Америка, вне зависимости от того, когда она официально стала воюющей державой (это произошло только в апреле 1917 г., до того формально был объявлен нейтралитет), оказалась очень значимым фактором в победе. И поэтому неудивительно, что роль американского президента в ходе переговоров о мирном договоре в Версале стала в конечном счете одной из наиболее заметных.

ДРУГИЕ СОЮЗНИКИ АНТАНТЫ В СТРАНАХ ЗАПАДА

В числе участников войны на стороне Антанты оказалось, кроме США, довольно много других государств. Они вступали в войну порознь, в разное время и, насколько можно понять, движимые различными мотивами. Но, коль скоро перед нами стоит проблема оценки состояния всего мира накануне войны, то о каждой из этих стран необходимо сказать хотя бы несколько слов, не забыв при этом упомянуть о важнейших сведениях, имеющих отношение к их истории в XX в. до Первой мировой войны. Даже если участие того либо иного государства было скорее символическим, это не меняет дела. Важен принцип: приняла та либо иная страна участие в войне и если да, то почему. Руководствуясь именно им, обратим теперь внимание на те страны Запада, включая населенные в основном европейцами британские доминионы (Канада, Австралия, Новая Зеландия), которые, будучи потенциальными союзниками, рано или поздно, но вступили в войну. К числу европейских союзников Антанты относятся Бельгия, Греция, Сербия с Черногорией, Румыния и Португалия. Начнем именно с них.

Сербия была единственной страной, которая оказалась воюющей страной еще в конце июля, до официального начала войны. Как известно, это произошло из-за убийства сербскими террористами австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараево 28 июня, после чего Сербии 23 июля 1914 г. был предъявлен ультиматум, послуживший формальным предлогом для начала Первой мировой войны. Стоит заметить, что до того почти полтора десятилетия XX в. прошли в этой стране без особых потрясений, даже в обстановке некоторого экономического подъема и сопутствовавшего ему законодательства в пользу улучшения условий труда. Правда, обе балканские войны, позволив Сербии расширить ее владения за счет Македонии, привели к обострению ее отношений с австрийцами.

Иными словами, почва для конфликта была подготовлена. Убийство Франца-Фердинанда было лишь серьезным поводом для превращения его в войну, т.е. тем, что в дипломатии именуют термином *casus belli*. Главное же в том, что к войне все готовились и что именно этот явственно назревавший накал противостояния в Европе и особенно на Балканах превратил Сербию в страну, где все было в этом смысле обострено до крайности. Неудивительно поэтому, что заведомо спровоцированное сербскими и боснийскими националистами убийство было вполне осознанным действом, явившимся предлогом для начала войны. Впрочем, обо всем этом еще специально пойдет речь в следующей части тома.

Черногория была признана Берлинским конгрессом 1878 г. вполне самостоятельным государством. Конституция 1905 г. и созданное на ее основе правительство способствовали по мере возможности буржуазному развитию страны. В годы балканских войн она воевала на стороне Сербии, с которой исторически всегда была тесно связана. Естественно, что и австрийский ультиматум привел к тому, что уже с 7 августа 1914 г. эта страна оказалась в состоянии войны с Австро-Венгрией и Германией.

Бельгия с конца XIX столетия энергично развивалась. В ней был проведен ряд прогрессивных реформ, включая избирательную. Важно обратить внимание на то, что эта очень небольшая страна, расположенная между Германией и Францией, не могла чувствовать себя уверенно в условиях явно назревавшей между соседними странами большой войны. Это состояние во многом определяло политику Бельгии и образ жизни ее не слишком многочисленного населения. Правительство принимало ряд мер, направленных на подготовку к надвигающейся войне. В их числе — принятие закона о всеобщей воинской повинности. Попытка некоторых экстремистски настроенных членов Бельгийской рабочей партии выступить против этого к успеху не привела. Руководство партии хорошо понимало вынужденность принимавшихся правительством мер и содействовало им. Стоит напомнить, что глава этой партии Э. Вандервельде был в те годы одновременно и председателем международного социалистического бюро II Интернационала, из чего следует заключить, что практически весь II Интернационал понимал сложившуюся ситуацию и действовал в полном соответствии с ней. Вандервельде, в частности, в 1916 г., уже после начала войны, вошел в состав правительства. Этим было продемонстрировано единство народа с его руководством и готовность рабочих воевать не со своей буржуазией, как того хотели бы марксисты, а с угрожающим стране агрессором, что следует

считать логичным и само собой разумеющимся. Официально Бельгия оказалась в состоянии войны с немцами почти с самого ее начала, с 4 августа 1914 г.

Отдаленная **Португалия**, которая с конца XIX в. все-таки сумела преодолеть свои неудачи (в 1892 г. она была вынуждена объявить себя банкротом) и в начале XX в. выйти на буржуазный путь развития, продолжала, тем не менее, испытывать немалые трудности. Они были связаны с противоречиями между парламентом и королем, который предпочел в 1906 г. распустить парламент и отдать бразды правления в руки главы правительства, присвоившего себе диктаторские полномочия. Цензура, аресты и прочие насильственные действия привели ко всеобщему возмущению и завершились убийством короля и наследника бомбой террористов. Новый король учел ситуацию и стал проводить более мягкую политику, что, впрочем, имело свои слабые стороны. Страна оказалась в состоянии внутриполитической нестабильности, одни кабинеты сменяли другие. В 1909 г. начались волнения в вооруженных силах, которые завершились военным переворотом 1910 г. Король покинул страну и в Португалии была провозглашена республика. Учредительное собрание в 1911 г. приняло новую конституцию. Церковь была отделена от государства, колонии обрели автономию. Был провозглашен 8-часовый рабочий день. А во внешней политике страна стала последовательно укреплять связи с Англией, что и явилось главной причиной участия ее в Первой мировой войне на стороне Антанты. Правда, вступила Португалия в войну достаточно поздно, в марте 1916 г., когда многое было уже достаточно ясным. Насколько можно понять, участие Португалии в этой войне было не слишком заметным.

Румыния, как и Сербия, обрела независимость по решению все того же Берлинского конгресса, причем этот формальный акт сыграл очень важную роль в ускорении темпов ее эволюции. Буржуазные преобразования с каждым десятилетием становились все более заметными, хотя страна в целом продолжала оставаться в основном крестьянской. Профсоюзы и партии стали давать о себе знать в конце века, а в начале XX столетия главным фактором промышленного роста в стране оказалась добыча нефти. Парадоксально, что основным иностранным капиталом, притекавшим в это время в Румынию, был австрийский и германский. Это сыграло свою роль в усилении влияния в стране обеих этих держав, с которыми Румыния была связана договорными отношениями еще в 80-х гг. XIX в. Однако в заново складывавшихся условиях и особенно после балканских войн ситуация начала решительно изменяться. Румыния, которой досталась

часть болгарской Добруджи (а Болгария считалась потенциальным союзником Германии и Австрии) начала склоняться в сторону Антанты. Похоже на то, что именно в связи с этими обстоятельствами Румыния и решила со временем, в августе 1916 г., принять участие в мировой войне на ее стороне. Решение было вполне резонным и, что немаловажно, не обошлось стране слишком дорого.

Греция в конце XIX в. сосредоточила свои основные усилия на борьбе с Турцией, что, впрочем, к успеху не привело. А непомерные затраты на войну привели страну к острому финансовому кризису, завершившемуся созданием комиссии держав, призванной упорядочить ее финансы. Вмешательство держав помогло, так что в начале XX в. буржуазное производство в стране получило немалый стимул для своего развития. Острые противоречия между греческим правительством и критским парламентом, желавшим, вопреки противодействию Англии, воссоединения с Грецией, привели к восстанию 1909 г. Новое правительство стало искать союза с другими балканскими государствами. Греция приняла активное участие в обеих балканских войнах, в ходе которых увеличила территорию страны за счет части турецких провинций Македонии и Фракии. Накануне мировой войны король и премьер разошлись в вопросе о внешнеполитической ориентации. Споры велись достаточно долго, но после оккупации войсками Антанты части территории Греции король в сложившейся в стране политической обстановке был вынужден уступить, а Греция — пусть очень поздно, лишь в конце июня 1917 г. — вступила в войну на стороне Антанты. и это обернулось для нее, естественно явными преимуществами.

СТРАНЫ МИРА, ВСТУПИВШИЕ В ВОЙНУ НА СТОРОНЕ АНТАНТЫ

В Азии к числу этих стран относятся Египет, Иран, Китай, Япония и Сиам. Особо следует сказать об Иране. В Африке — Либерия. В Латинской Америке — с 1917 г. Бразилия, Куба и Панама, а с 1918 г. — Гватемала, Никарагуа, Коста-Рика, Доминиканская республика, Гаити и Гондурас. Перу, Боливия, Уругвай и Эквадор порвали отношения с Германией в 1917 г., но к войне, насколько можно понять, отношения не имели. Как видно, перед нами большая группа стран, так что охарактеризовать каждую из них можно будет лишь вкратце.

Египет был в начале XX в. уже в состоянии сильной колониальной зависимости от Англии. Иностранный — английский — капитал здесь преобладал, причем основная его часть вкладывалась в эффек-

тивное выращивание хлопка. Разумеется, в стране был представлен и капитал иных стран, в том числе Франции и Бельгии, равно как и местный египетский, включая инонациональные общины в стране — греков, евреев, итальянцев, ливанцев и сирийцев. Все эти общины, начиная с англичан, существовали в Египте несколько обособленно от основного его населения, имели обычно свои школы, клубы, даже газеты. К их числу принадлежала примерно половина специалистов с высшим образованием, интеллектуалов (инженеры, адвокаты, врачи и т.п.). Промышленность в стране была развита довольно слабо и ограничивалась в основном пищевой и обрабатывающей отраслями, а деньги наиболее охотно вкладывались в землю, т.е. в приносившее наибольший доход производство все того же хлопка.

Общественная жизнь на рубеже XIX–XX вв. начала вновь, как то было во времена мятежа А. Ораби, приобретать заметные националистическо-религиозные оттенки. Наряду с теми, кто активно приспосабливался к новым условиям существования и был склонен поддержать западные буржуазно-либеральные новации, все более сильно давали о себе знать исламофилы. Именно в Египте появились и прижились теоретики панисламизма М. Абдо и Д. аль-Афгани, позже сыгравшие неприглядную роль духовных отцов османского зулюма Абдул-Хамида II. В 1906 г. из-за конфликта по поводу Синая, через который по возникшему в то время проекту предполагалось вести железную дорогу от Хиджаза с Меккой и Мединой к Красному морю, возник конфликт между Турцией и Англией. Египетские панисламисты активно поддержали притязания Турции.

Ряд других событий в стране, связанных с притязаниями англичан, вызвал аналогичные протесты. Создавалось впечатление, что настроение египтян складывается не в пользу английского колониального владычества. Однако после того, как в стране в 1907 г. возникло несколько политических партий (национальная, реформистская, народная), ситуация начала сглаживаться, а позиции англичан приобретать большую прочность, что и отразилось на том, чью сторону принял Египет в ходе мировой войны. Это был не тот альянс, в котором оказалась Османская империя, формально все еще остававшаяся сюзереном по отношению к Египту. Уже в декабре 1914 г. Египет примкнул к странам Антанты, чего, собственно, и следовало ожидать. Несколько сложнее обстояло дело с другой большой мусульманской страной, находившейся в колониальной зависимости.

Иран, как и Египет, был в состоянии зависимости от двух сильных держав. Во-первых, от той же Британии. А во-вторых, от России. При этом геополитическое расположение страны рядом с рус-

ским Баку, который на рубеже XIX–XX вв. быстрыми темпами превращался в промышленный центр и остро нуждался в рабочих-отходниках, привело к тому, что часть населения Ирана (в основном те же жившие на севере страны азербайджанцы, что в немалом количестве проживали и в Баку), образно говоря, варилась в русском промышленном котле. Всего их было в 1904 г. около 7 тысяч. И если принять во внимание, что с 1905 г. Россия и прежде всего ее промышленные центры стали местом активной пропаганды революционно настроенных социал-демократов, включая тех, кто стал создавать родившиеся в Иваново советы, то не приходится удивляться тому, что радикальные идеи достаточно быстро начали проникать в Иран. Ситуация в стране заметно обострялась. Возвращавшиеся домой отходники, с одной стороны, и шиитское духовенство — с другой, рождали активное недовольство, направленное прежде всего против шахской администрации, обвинявшейся в отсутствии справедливых законов. Поводом для обострения недовольства послужило жестокое избиение представителями власти старика-*сеида* (сеиды — потомки пророка, наиболее уважаемые в стране люди).

В 1906 г. шах, испуганный разраставшимся протестным движением широких масс населения, заявил, что согласен ввести в стране конституцию и созвать меджлис. Под влиянием радикальных событий в России меджлис оказался более чем решительным и принял ряд важных законов, включавших основные буржуазные свободы и гражданские права. В стране одна за другой стали возникать организации типа русских советов (*энджумены*), издаваться сотни газет и журналов, вслед за чем появились и муджахеды, федаи или федаины, т.е. добровольцы, готовые отдать свою жизнь за великую идею, имевшую явно выраженный религиозный подтекст. Шах и депутаты меджлиса были напуганы размахом и формами движения. В 1907 г. свое беспокойство официально высказали англичане и русские, боявшиеся утратить контроль над событиями в стране. В 1908 г. шах, опираясь на пребывавшую в Тегеране русскую казачью бригаду, приказал разогнать меджлис и все энджумены. Но, успокоив Тегеран, шах буквально поднял на дыбы северный город Тебриз, где отходников было более всего, а энджумены имели немалое влияние. Началось восстание, а шахская администрация была изгнана из Тебриза, затем и из Решта. Недовольство охватило и соседний с иранским Азербайджаном Гилян. Весь север страны во главе с гилянскими федаями стал двигаться в сторону Тегерана. Возмутился и юг, в частности огромный город, бывшая столица Исфаган.

В ответ на это русские войска заняли Тебриз, но зато гилянские мятежники, добравшись до Тегерана, свергли шаха. Его преемник, новый шах, был вынужден в конце 1909 г. восстановить действие конституции и созвать второй меджлис, оказавшийся более умеренным. Восставшие на время были удовлетворены, а в стране начались реформы, в которых принял участие и прибывший из США в 1911 г. экономический советник М. Шустер. Страна понемногу начала успокаиваться. Англичане и русские стали вводить в Иран свои войска, и в 1912 г. он был окончательно разделен между этими державами на сферы влияния, южную и северную. А в начавшейся вскоре мировой войне симпатии иранцев оказались, естественно, на стороне Германии. И хотя формально Иран выступал в этой войне на стороне стран Антанты (в немалой мере потому, что в южную часть страны под предлогом охраны нефтепромыслов был введен большой воинский контингент из Индии), фактически германский альянс умело использовал обстановку в своих интересах. Немцы буквально наводнили Иран, как и Османскую империю, своими агентами, чувствовавшими себя в этой стране весьма вольготно и не забывавшими при случае напоминать, что германские потомки древних ариев родственны иранцам. Германофильские настроения оказались свойственны и некоторой части правительства, пришедшего к власти в 1915 г., когда большинство в третьем меджлисе получила сформировавшаяся в стране оппозиционная демократическая партия. В конце войны в связи с событиями 1917–1918 гг., когда Россия вывела войска из Ирана, эта страна целиком оказалась под контролем англичан.

Китай, еще одна из зависимых стран, заслуживает специального и много более серьезного анализа, ибо именно в первые десятилетия XX в. в нем произошли очень серьезные события, многое изменившие в жизни великой империи. Подавление восстания ихэтуаней завершило отчаянное сопротивление новациям, уйти от которых уже не было возможности. Приходилось приспосабливаться, максимально сохраняя при этом свою идентичность, чего стране в общем-то в конечном счете удалось добиться. Откупившись от Запада внушительной контрибуцией, наибольшая часть которой была вложена в его же развитие, Китай вступил в XX в. со значительно обновленным представлением о своих возможностях и о перспективах дальнейшего развития. Империя оказалась в состоянии агонии. В стране начали раздаваться призывы к конституционной монархии, некоторые губернаторы призывали к созыву парламента. Сунь Ят-сен (1866–1925), эмигрант из Гонолулу, перенял эстафету у незадачливого реформатора Кан Ю-вэя. Еще на Гавайях он создал «Союз возрождения Китая», кото-

рый в 1905 г. был переименован в «Объединенный союз», издававший свой журнал. В нем пропагандировались три принципа Суня — национализм (освобождение от власти маньчжуров), народовластие (демократическая республика) и народное благоденствие.

Совпав с призывами к конституционной реформе, эти три принципа после смерти в 1908 г. всесильной Цыси легли в основу дальнейших событий. После смерти императрицы началось брожение в войсках (речь о «новой армии», которую ранее возглавлял уволенный в отставку Юань Ши-кай), завершившееся восстанием 10 октября 1911 г. гарнизона в крупном городе Учане. Успех восстания стал сигналом для всей страны. Регент при малолетнем императоре Пу И, спасая империю, обещал конституцию. Но было поздно. Войска новой армии выступили против маньчжуров, и империя перестала существовать. «Знаменные войска» из числа маньчжуров бежали в далекую Маньчжурию, а во главе восставших оказался опальный Юань Ши-кай, которого поддержали присутствовавшие в Китае представители держав. В то же время на юге страны в день *синь-хай* (12 февраля 1912 г.; отсюда встречающееся порой наименование всего переворота, включая гибель империи, — «синьхайская революция») была провозглашена республика, временным президентом которой был избран Сунь. Не желая двоевластия и раскола, он предложил стать президентом Юаню. В апреле 1912 г. в Пекине был создан временный парламент Китая, а реальная власть оказалась у Юаня.

На юге Сунь создал новую партию Гоминьдан, быстро завоевывавшую влияние во всей стране. Выборы в апреле 1913 г. в парламент принесли ему победу, но Юань распустил этот парламент и в мае 1914 г. попытался объявить себя новым императором. Он выдал свою дочь замуж за юного Пу И, но, встретив сильное сопротивление генералов, бывших хозяевами в основных провинциях страны, был вынужден отказаться от восстановления империи и вскоре после этого летом 1916 г. умер. Страной, фактически поделенной на север и юг, а то и на более мелкие части, на провинции, начали реально править генералы-милитаристы. При этом роль то созывавшегося, то вновь распускавшегося парламента, да и президентов (Сунь то становился им на юге, то терял эту должность, а на севере возникали свои президенты) постепенно теряла всякий смысл. Страна на глазах распадалась на части. Впрочем, это не помешало тому, что президент северной части страны генерал Дуань Ци-жуй в августе 1917 г. объявил войну Германии. Очень похоже на то, что он сделал это (в обстановке, которая отнюдь не располагала к вмешательству Китая в чужие дела) главным образом, если даже не ис-

ключительно потому, что Японии стала союзником Антанты задолго до Китая, еще в конце августа 1914 г. Сделав это, она уже в январе 1915 г. захватила на территории Китая принадлежавшие Германии земли полуострова Шаньдун. Учитывая, что после подобного рода аннексии Япония предъявила Китаю 21 требование, которые сводились к признанию именно ее основным колониальным хозяином Китая, поступок Дуаня не покажется странным. Напротив, он будет восприниматься как хорошо продуманный акт, рассчитанный на то, что страны Антанты в условиях уже приближавшейся их победы над Германией сумеют отблагодарить Китай и защитить его от японских притязаний, что впоследствии и произошло.

Япония, как о том только что было упомянуто, вступила в мировую войну раньше всех неевропейских стран. С начала века японцы все энергичнее сближались с общезападным стандартом буржуазной либерально-конституционной монархии. Правда, божественный *тенно* все еще сильно отличался по своему статуту от британского короля. Но зато в стране появились первые политические партии, боровшиеся за места в нижней палате парламента (его верхняя палата, наподобие английской палаты лордов, переизбранию не подлежала). Парламент играл свою роль при создании кабинета министров, который уже с 1900 г. был в основном партийным, т.е. формировался преимущественно из представителей партии, имевшей наибольшее число депутатов. Кабинеты, как и в Европе, достаточно часто сменяли друг друга, причем их роль, как и роль политических партий, доминировавших в парламенте, с течением времени возрастала. Вместе с ней увеличивались и агрессивные аппетиты островной, практически полностью лишенной собственных ресурсов (полезных ископаемых) страны. После фактической аннексии Кореи агрессия японцев была направлена против Китая и, в частности, владений Германии на китайском полуострове Шаньдун, о чем только что было упомянуто и что безусловно имело важное значение для принятия решения о вступлении Японии в мировую войну на стороне Антанты.

Сиам развивался в начале XX столетия довольно быстрыми темпами. Приток иностранных капиталов активно этому содействовал. Строились железные дороги, налаживалась система добычи высокоценного олова, развивалась внешняя торговля. Успехи японцев, включая победу в войне с Россией, воодушевили сиамцев, во многом бравших пример именно с этой сохранившей независимость и быстро эволюционировавшей восточной страны. Китайское население Таиланда, сосредоточенное в основном в городах, активно способствовало процветанию новой родины этих *хуацяо*. И хотя в первом десятилетии века сиамская об-

щина китайцев хуацяо была еще очень тесно связана с Китаем, причем в стране действовали отделения общества, созданного Сунь Ят-сеном, да и сам Сунь навещал Таиланд, со второго десятилетия века в стране стали преобладать националистические настроения и акцент на развитие связей со странами Запада. Представленные королем Рамой VI Вачировудом, получившим образование в Оксфорде, эти тенденции были противопоставлены событиям в Китае с их склонностью к радикально-революционным преобразованиям. Именно сам король сделал многое для того, чтобы оторвать тайскую общину хуацяо от Китая, где происходили события, все более напоминавшие анархический хаос. И это ему с помощью национально-патриотической пропаганды во многом удалось. Сиам успешно двигался вперед по пути аккультурации иноземцев и превращения различных национальных общин в единую основу нации-государства. Стремясь не отвлекаться от этой политики, король после начала мировой войны объявил о нейтралитете Сиама. Однако в июле 1917 г., когда дело уже достаточно очевидно шло к победе стран Антанты, с которыми Таиланд был связан наиболее крепкими узами, король изменил свою позицию и принял решение о вступлении его страны в войну.

Либерия, формально бывшая независимой страной, одной из очень немногих в то время в Африке, в начале века находилась в сильной зависимости от иностранного капитала. В 1905 г. она даже была признана неплатежеспособной. Но эта страна, унаследовавшая от первых переселенцев основные принципы либеральной буржуазной демократии, оставалась тем не менее президентско-парламентской республикой с соперничавшими и боровшимися за власть партиями. Территория республики, долгое время оспаривавшаяся соседями, была окончательно зафиксирована лишь в 1911 г. В начале мировой войны президент Либерии — как то было и в Сиаме — провозгласил нейтралитет. Но повышение цен на западный импорт и блокада связей с Германией, которые играли большую роль во внешней торговле страны, подорвали и без того слабую экономику Либерии. А если принять во внимание, что в ней была заметная колония немцев, и учесть нажим, который в связи с этим оказывался на Либерию со стороны стран Антанты, то не приходится удивляться тому, что и в этой стране в начале 1918 г. нейтралитет был замещен участием в войне на стороне Антанты.

Что касается отдаленных от европейских фронтов войны стран **Латинской Америки**, то у каждой из тех среди них, кто формально принял участие в мировой войне на стороне Антанты, тоже были, естественно, свои мотивы. Сначала все они, как и США, объявили

о своем нейтралитете. Но затем, особенно после вступления в войну США, ситуация стала изменяться. Раньше других, в 1917 г., войну германо-австрийскому альянсу объявили Панама, Куба и Бразилия.

Панама возникла как искусственное государство, созданное в 1903 г. под нажимом США за счет отторжения у Колумбии части территории с последующей уступкой ее центрального района американцам. Этот район — собственно Панама — был необходим США для строительства стратегически важного Панамского канала. Неудивительно, что в конечном счете Панама стала новой республикой Латинской Америки. Созданная по американскому стандарту конституция 1904 г. была одной из наиболее демократичных для того времени. В стране возникло строгое разделение властей, появились Национальное собрание, избираемый народом президент, имевший право назначать членов кабинета и губернаторов. Правда, в первые годы своего существования молодая республика сталкивалась с определенными трудностями и испытывала на себе давление США. Однако это не помешало президенту Б. Поррасу (1912–1924) издать указ о 8-часовом рабочем дне, активно осваивать территорию, строить железную дорогу, содействовать развитию плантационного хозяйства и национализировать ресурсы, прежде всего залежи нефти и газа. В апреле 1917 г. Панама вступила в мировую войну практически сразу же вслед за США, буквально через два дня после них.

Куба, получившая освобождение от испанского колониального господства не без помощи США, стала в 1902 г. независимой республикой и на первых порах находилась, как и Панама, под сильным их влиянием. Американский капитал содействовал активному развитию производства табака и сахара, горной промышленности (марганец, медь, железо). Чуть позже столь же активно стали проникать в страну капиталы англичан. В 1903 г. США сумели заставить руководство Кубы отдать им на правах длительной аренды часть острова в районе бухты Гуантанамо. Политические партии консерваторов и либералов на Кубе — как и почти во всех латиноамериканских республиках — соперничали друг с другом, обычно поочередно приходя к власти. А в мировую войну это сильно зависевшее от американцев государство вступило вместе с Панамой сразу же после США, в апреле 1917 г.

Бразилия, ставшая республикой в конце XIX в., но зато сразу же после этого принявшая либерально-демократическую конституцию и близкую к стандартам США форму организации власти, сделала вначале ставку на промышленные масштабы производства кофе. Позже стали развиваться хлопковые и сахарные плантации, а также горнодобывающая, пищевая и текстильная отрасли производства.

В расчете на развитие товарного производства строились шоссейные и железные дороги, сооружались склады и фабрики по первичной обработке экспортной продукции, возникали новые портовые города. Большую роль начал играть иностранный капитал, причем займы позволяли резко ускорить темпы буржуазных преобразований. Политическая борьба и соперничество партий, дополняясь то протестными движениями сельского населения, часто индейцев, то недовольством армии, то выступлениями влиятельных в рабочей среде анархистов, порой приводили к состоянию неустойчивости в стране. В этой обстановке обычно парламент шел на уступки. В Бразилии появились профсоюзы, издавались печатные издания радикального характера, ставился вопрос о 8-часовом рабочем дне. Большую роль играла в судьбах страны эмиграция европейцев. По некоторым данным, с 70-х гг. XIX в. до 1917 г. количество переселенцев, в основном из числа католиков-итальянцев, достигло 2,5 млн человек. Резко возрастало и общее количество населения страны (22–25 млн накануне Первой мировой войны). Однако важно специально оговориться, что этот поток не вел к появлению сколько-нибудь значительной господствующей прослойки белого населения как чего-то вроде элиты. Скорее напротив, он вливался в достаточно давно уже протекавший в огромной стране процесс расово-этнического смешения. Результатом было то, что в огромной Бразилии не создавался значительный слой фермеров-колонистов. Белые переселенцы в основном оказывались работниками плантаций, где трудилось местное метисное население, или селились в городах, в районах горнорудных промыслов, где они тоже оказывались рядом с местными метисами.

В целом общая тенденция эволюции страны и активные связи с Западом содействовали тому, что Бразилия в первые десятилетия XX в. начинала играть очень заметную роль в Латинской Америке. В 1910 г. она, поддержав доктрину Монро, вошла в Панамериканский союз, а осенью 1917 г. одной из первых вступила в мировую войну, причем участие в войне, равно как и ощущавшееся с ее началом ограничение импорта, позволили огромной стране заново освоить производство многих из тех товаров, что прежде закупались. Это сильно способствовало промышленному развитию Бразилии, которая на протяжении всего XX в. усиленными темпами развивалась, превращаясь в одну из крупнейших стран континента.

Гватемала в XIX столетии была одной из сравнительно отсталых и нестабильных стран Латинской Америки. Однако серия либерально-демократических преобразований в последней трети этого века сильно изменила облик этого государства. Более того, президент Х. Р. Барри-

ос (1873–1885), в основном осуществлявший прогрессивные и усиливавшие страну реформы, обрел всеобщее признание не только в Гватемале, но и за ее пределами. С его именем и усилиями оказалась связана обреченная на неудачу попытка воссоединить небольшие страны Центральной Америки, т.е. узкого перешейка континента, в северной части которого, на границе с Мексикой, как раз и располагалась Гватемала. Этот проект вызвал не слишком большой отклик, его в некоторой степени поддержали разве что только в соседнем с Гватемалой Гондурасе, да и то ненадолго. Конец XIX и начало XX в. прошли под знаком роста в стране влияния США. Именно в это время республика, строившая железные дороги и морские порты, все более заметно стала превращаться в одну из тех классических «банановых республик», которые создавались в этом регионе с помощью американской «Юнайтед фрут компани», ставшей всесильной. Нет ничего удивительного и в том, что Гватемала проводила политику, которая во многом направлялась из США. В частности, это проявилось во вступлении в мировую войну в апреле 1918 г.

Никарагуа, расположенная на перешейке чуть южнее Гватемалы и Гондураса, на рубеже XIX–XX столетий тоже оказалась под сильным влиянием все той же американской компании и превратилась в одну из «банановых республик». Сложности, связанные с сопротивлением местного правительства во главе с Х. Селайя, вынудили руководство компании в 1909 г. поддержать мятеж против руководства страны. Казнь двоих американцев в ходе борьбы с мятежниками послужила формальной причиной для вмешательства войск США в дела Никарагуа. Селайя был вынужден уйти в отставку, после чего за несколько лет события привели к практически полному подчинению страны влиянию США и их банановой компании. Президент Э. Чаморро, избранный в 1917 г., предоставил компании все условия для предпринимательской деятельности. И, разумеется, нет ничего удивительного в том, что вскоре после этого, в мае 1918 г., республика формально вступила в войну на стороне Антанты.

Коста-Рика, расположенная южнее Никарагуа, чуть к северу от Панамы, на рубеже XIX–XX столетий тоже оказалась под сильным влиянием США, чьи компании заботливо создавали здесь банановые плантации и всю необходимую для торговли бананами инфраструктуру, начиная с железной дороги. В мировую войну республика вступила на стороне Антанты в мае 1918 г.

Гондурас был такой же «банановой республикой», что и его соседи. С 1884 г., заключив соответствующий договор с местным правительством и начав создавать необходимую для этого инфра-

структуру (шоссейные и железные дороги, порты, плантации), США способствовали активной деятельности своих фруктовых компаний, которые играли буквально ведущую роль в жизни небольшой страны. Нет ничего удивительного и в том, что в июле 1918 г. Гондурас формально вступил в войну на стороне Антанты.

Доминиканская республика и **Гаити** — две разделенные историческими судьбами небольшие страны, расположенные на одном и том же острове Гаити в Карибском море, чуть к востоку от Кубы, тоже на рубеже XIX–XX вв. оказались под сильным влиянием США. Производство тростникового сахара, кофе и какао здесь было в центре внимания, причем активно действовала все та же «Юнайтед фрут компани», для поддержки которой в случае необходимости американцы посылали отряды морской пехоты. При этом на Гаити американцы вынуждены были соперничать с французами, а в 1915 г. вмешаться в сложные внутриполитические разборки. Конституция, принятая в июне 1918 г., закрепила влияние США в Гаити. Вместе с Доминиканской республикой Гаити вступило в мировую войну на стороне Антанты в июле 1918 г.

Глава четвертая. КОЛОНИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ СТРАН АНТАНТЫ

К числу потенциальных союзников стран Антанты следует относить, разумеется, и их колонии. Речь идет не только о прямом участии колоний в боевых действиях, хотя во многих случаях это было именно так. Но, как стоит специально заметить, гораздо более весомыми были ресурсы. Нельзя сказать, что ресурсов вообще явно не хватало германскому альянсу. Все то, что было необходимо для военной промышленности, он все же имел. Но отдельных важных видов сырья, например каучука, ему явно не хватало, тогда как у стран Антанты с их колониями все это было в избытке. Сказанное имеет отношение и к продовольствию. В этой связи следует ещё раз напомнить, что все зависело от длительности боевых действий. Затяжная война для германской стороны была крайне невыгодной, ибо она непременно должна была поставить германский альянс в неудобное положение по сравнению со странами Антанты. Необходимо также принять во внимание, что далеко не все колонии в силу разных причин были и реально могли быть втянуты в войну и принимать реальное участие хотя бы во вспомогательных операциях. Поэтому стоит учитывать прежде всего именно важные ресурсы. Металл, каучук, да и многое другое, не говоря уже о продовольствии

не могли не сыграть своей роли в ходе военных действий. И если еще раз напомнить, что у противников Антанты таких колониальных ресурсов практически почти не было, то общая картина станет еще более очевидной. Словом, о колониях стран Антанты и ее союзников, в частности Португалии, Бельгии, даже Италии и США, быть может, и далекой Японии с ее Кореей, стоит сказать особо. Ведь все эти колонии, включая и многочисленные острова Океании, которые могли служить базами для кораблей военно-морского флота, были важным источником самых разных ресурсов и безусловно сыграли свою роль в ходе мировой войны.

БРИТАНСКИЕ ДОМИНИОНЫ

Начнем с британских колоний. Сначала речь пойдет о колониях первого типа, в основном превратившихся уже в доминионы, затем обо всех остальных. После этого несколько слов о французских и португальских колониях (русские, практически превратившиеся в периферийную часть империи, специально рассматривать не будем). Развитие колоний первого типа в начале XX столетия было в Британской империи наиболее заметным. Все соответствующие территории обрели статус доминиона и пользовались постоянной и очень активной поддержкой со стороны метрополии. Надежные взаимные связи были налажены таким образом, что ни в одном из доминионов не возникало и мысли о требовании независимости и тем более о противопоставлении своих национальных интересов интересам Британии. Верховенство английской короны и — что неизмеримо важнее — весьма необременительный и благожелательный патронат со стороны правящих кругов метрополии, ее всесильного парламента воспринимались в этих колониях лишь как дополнительная и существенная оборонительная защита в отношениях и возможных осложнениях во взаимоотношениях с внешним миром. Британия же, со своей стороны, наученная горьким опытом неудачной войны с американскими колониями в конце XVIII в., вела себя по отношению к доминионам безукоризненно. И это не могло не сыграть своей роли. Более того, влияние построенных таким образом взаимовыгодных связей очевидно и сегодня, когда колониальная империя давно ушла в прошлое, а отношения в рамках Британского содружества наций с формальным главенством короны продолжают сохраняться.

Канада в предвоенную пору XX в. переживала период энергичного роста. Трансконтинентальная железная дорога, построенная в конце XIX в., сыграла важную роль как в освоении малонаселенных

западных районов страны, так и в политической ее консолидации, включая усиление значения центральной администрации, и в экономическом развитии. Во второй половине XIX в. и особенно после проведения трансканадской железной дороги страна быстрыми темпами заселялась переселенцами, осваивавшими главным образом западные территории. В начале XX в. приток их продолжал расти. Население страны в первом десятилетии XX в. возросло на треть за счет притока эмигрантов из Европы. Быстрыми темпами шло освоение территории, особенно сельскохозяйственное. Заметно увеличивалось количество товарного зерна. Фермерские хозяйства разумно сделали основной упор на производство пшеницы, которая стала основной доходной статьей экспорта (в 1913 г. — 13% мирового рынка пшеницы). Строительство железных дорог, доказав свою рентабельность на большой заново осваивавшейся территории, энергично продолжалось, что объективно способствовало росту промышленности, возникновению и развитию городов. Развивались важные отрасли индустрии — металлургия, машиностроение, включая производство автомобилей, химия. Росту промышленности соответствовал и объем банковско-финансовых оборотов. Возникали новые банки и укреплялась, в том числе за счет притока иностранного, прежде всего английского, но также и американского, капитала финансовая основа буржуазного предпринимательства.

Как и в большинстве стран Запада, в Канаде наряду с либеральной и консервативной партиями возникла — в 1904 г. — социалистическая. Рабочие Канады, как и их профсоюзные организации, однако, активно сотрудничали с предпринимателями, опираясь на соответствующую политику правящей элиты. При этом они, как ни старались достичь этого марксисты, на позиции экстремизма не вставали, что касалось и тред-юнионов, на которых социалисты и лейбористы опирались. Все это способствовало устойчивости сложившейся буржуазной структуры с ее либерально-демократическими свободами, институтами и процедурами. Канада буквально на глазах превращалась в страну, как в те времена писали, «сказочных богатств» и соответствующих перспектив. Успехи страны позволили ей успешно претендовать на более высокий статус в рамках колониальной империи. В 1909 г. страна обрела даже собственное ведомство иностранных дел, что свидетельствовало о большой значимости доминиона и о достигнутой им высокой степени национальной автономии. Вместе с тем страна продолжала быть составной частью Британской империи. И хотя в правящих верхах время от времени возникали разговоры о степени независимости Канады, желательность сохранения не слишком обременительных

связей с метрополией все же брала верх. О том же свидетельствовала и экономическая политика канадского правительства, как либерального (1896–1911), так и консервативного (1911–1817). Столь тесная и необременительная связь с метрополией в общем была оправдана, о чем наглядно свидетельствует ее длительность, сохранение ее до наших дней. Стоит заметить, что эта страна всегда активно и благожелательно сотрудничала с Британией. В годы англо-бурской войны в Африку были посланы войска. В Первой мировой войне даже приняли участие несколько дивизий канадских добровольцев, воевавших в основном на территории Бельгии, но также и на некоторых других западных фронтах. Канадские войска в 1918 г. принимали участие и во введении иностранных войск в Советскую Россию.

Австралия некогда была крупнейшей из британских колоний. Этот континент к началу XX в. оказался уже очень хорошо освоен европейцами, в основном англичанами. Формально обладая статусом доминиона, он, как и другие аналогичные колонии первого типа, имел широчайшую автономию и не испытывал никаких стеснений в создании собственной, созданной по стандартам метрополии внутренней администрации, в привычных нормах жизни и во всех сферах внутренней политики. Обретение этой обширной колонией, вначале даже группой колоний, самоуправления и последовавший вслед за тем во второй половине XIX в. массовый поток мигрантов из многих стран сыграли важную роль в институционализации континента, в создании свода законов, регулирующих деятельность переселенцев на территории Австралии. В первую очередь это коснулось, что следует считать естественным, упорядочения поведения многочисленных скваттеров. Многое было сделано для организации рабочих мест и для обеспечения связанного с этим притока капиталов. Быстро развивалась промышленность, увеличивался приток товарной продукции сельского хозяйства, делались серьезные шаги для ликвидации таможенных перегородок.

В начале нового столетия Австралия находилась в состоянии бурного и успешного развития. После объединения в 1900 г. по решению британского парламента шести австралийских колоний в Австралийский союз, получивший с начала 1901 г. статус доминиона (все колонии стали штатами), начался фактически новый этап в не слишком большой истории континента, отличительной чертой которого становилась специфика его развития. Колонисты — как потомки первых поселенцев, в основном каторжников (они стали составлять что-то вроде аристократической элиты в стране), так и новые мигранты, — создали в стране не просто филиал британской либеральной

демократии, но демократию без наследственной феодальной знати и без явно выраженного денежного мешка чересчур разбогатевших буржуа. Эта особенность дала основание специалистам писать об Австралии как о «стране простого человека». И действительно, ряд важных реформ конца XIX столетия, о чем стоит особо сказать, содействовали улучшению положения рабочих (сокращение рабочего дня, введение минимума зарплаты), а также мелких собственников, в частности фермеров, с одновременным ограничением крупных земельных владений.

Австралийский союз с самого своего возникновения стал в некотором отношении уникальным буржуазным государством, в котором не только господствовали все давно уж обретшие в Англии права гражданства институты и свободы, но и были с самого начала усвоены основные принципы взаимоотношений власти с трудящимися. Рабочие пользовались в доминионе не только множеством прав, но и защитой государства от злоупотреблений со стороны предпринимателей. Первое в истории лейбористское правительство возникло в 1904 г. именно здесь (оно просуществовало до 1917 г.), причем приход к власти лейбористов, опиравшихся на тред-юнионы, закрепил достижения, направленные на создание в гражданском обществе страны исключительной для того времени атмосферы сотрудничества труда и капитала. Словом, нет ничего удивительного в том, что гармония интересов рабочих и предпринимателей в этой стране была очень ярко выражена, а осознанно немарксистский характер влиятельной лейбористской партии, не говоря уже о профсоюзах, был совершенно очевиден. Стоит добавить к сказанному, что в 1904 г. был принят важный закон «О примирении и арбитраже», суть которого сводилась к активному участию государства в нелегком процессе урегулирования всех трудовых конфликтов. Закон сыграл важную роль в политике укрепления статуса тружеников страны, о чем стало постоянно заботиться и упомянутое уже лейбористское правительство. Все трудовые конфликты справедливо решало государство. Забастовок практически не было, как не было и речи ни о каком социализме марксистского толка, о чем с горечью писал в те годы новый, теперь уже русский, вождь мирового пролетариата. Как и канадцы, австралийцы в годы Первой мировой войны послали на ее фронты свой экспедиционный корпус, солдаты которого воевали как во Франции, так и на Ближнем Востоке.

Новая Зеландия на рубеже XIX–XX вв. довольно быстро развивалась в промышленном отношении. Она шла по сходному с Австралией пути. Здесь в конце XIX столетия выделилось несколько сотен крупных землевладельцев из числа переселенцев, у которых

было, по некоторым данным, свыше половины всех земель страны, превращенных в частную собственность буржуазного типа. Естественно, что эти земельные магнаты в некотором смысле задавали тон в стране, где они быстро превращались во влиятельную политическую элиту. Однако правительство, которое выражало интересы многочисленных и все увеличивавшихся за счет новых переселенцев фермеров, приняло в 1891 г. закон о принудительном выкупе государством крупных владений с продажей этой земли фермерам, да к тому же еще и при условии льготного их, фермеров, кредитования и иных привилегий за счет государства. Те же, что и в Австралии, законы о минимуме зарплаты, сокращении рабочего дня и системы правительственного арбитража в случае трудовых конфликтов завершили столь успешно начатое дело превращения и Новой Зеландии в «страну простого человека», даже, как писали некоторые, в «государство всеобщего благосостояния». Вообще этот **австралийско-новозеландский эксперимент, реализация которого была сильно облегчена отсутствием здесь иных давно и крепко укоренившихся добуржуазных традиций, действительно следует расценивать как нечто исключительное, даже на фоне высокоразвитой либеральной демократии в Англии.**

Эксперимент удался. Он способствовал энергичному промышленно-сельскохозяйственному развитию как в Австралии, так и в Новой Зеландии. Овечья шерсть, мясо и масло надолго (это длится вот уже свыше века) стали главными статьями товарного производства и активного экспорта фермеров Новой Зеландии, причем выгоды от такой казалось бы застывшей в своей ориентации хозяйственной политики очень ощутимы. Что касается промышленности, то ее развитие не шло слишком быстрыми темпами по многим причинам, начиная с малочисленности населения страны (всего около одного миллиона в 1907 г.). Тем не менее промышленность, прежде всего текстильная, пищевая, обрабатывающая, появилась, как возникли и городские рабочие с оформившейся в 1909 г. лейбористской партией. В годы Первой мировой войны новозеландские войска — как и австралийские — приняли участие в боевых действиях во Франции и на Ближнем Востоке. К слову, после войны Новая Зеландия (совместно с Австралией и Англией) получила за это по мандату Версальского договора близлежащие острова Западное Самоа и Науру, которые до войны принадлежали Германии.

Южно-Африканский союз, возникший на базе заметно расширившей свою первоначальную территорию Капской колонии, стал в начале XX столетия доминионом (процесс его официального оформления

занял довольно длительное время, с 1902 г., когда начались ответствующие переговоры, до 1910 г., когда акт британского парламента вступил в законную силу). Сложности объясняются многими важными причинами, начиная от урегулирования отношений с побежденными бурами и кончая проблемой статуса многочисленного негритянского и так называемого цветного, т.е. метисного населения. Доминион ЮАС резко отличался от тех, где абсолютно преобладало население европейского происхождения. В нем сохранялись как расовое неравенство, достигавшее уровня сегрегации, так и привычная, особенно среди буров, система полурабского угнетения туземных батраков. Правда, параллельно с этим укреплялись и противостоявшие этой системе и этому неравенству организации, прежде всего созданный в 1912 г. на основе ряда существовавших прежде «конгрессов» Африканский национальный конгресс. Возможно, название организации было связано с возникшим еще в 1894 г. Индийским национальным конгрессом Наталя, созданным М. Ганди, жившим в то время, наряду со многими индийскими переселенцами, на юге Африки.

Но управляли ЮАС другие партии, начиная с южноафриканской, которая была создана в 1910 г. и состояла из колонистов европейского, в основном английского происхождения. Буры в 1913 г. создали свою национальную партию. Интересы рабочих европейского происхождения отражала созданная в 1909–1910 гг. лейбористская партия. Правительства ЮАС издавало один за другим дискриминирующие туземцев постановления, сводившиеся чаще всего к созданию резерватов для каждой из заметных этнических и племенных общностей с регулированием при этом условий работы выходцев из этих резерватов по найму. В Первой мировой войне ЮАС приняла участие на стороне Антанты, хотя в боевых действиях это едва ли было заметным.

ДРУГИЕ КОЛОНИИ АНГЛИИ

В отличие от доминионов (с оговорками насчет ЮАС) прочие английские колонии в разных частях планеты не имели, как правило, самоуправления и автономии, да и вообще чаще всего собственных правителей. Руководили ими чиновники, которые назначались из Лондона. Кроме того, население западного происхождения — в основном колонизаторы, много реже колонисты — в колониях являли собой заведомое, по большей части абсолютное меньшинство. Это не значит, что в разных колониальных странах колонизаторы никогда не стремились создать местную политическую элиту. Напротив, они, особенно это касается именно англичан, вели дело

как раз к этому, придавая всему процессу формирования такой элиты немалое значение. Они старались, чтобы верхи туземного населения, воспитывавшиеся в духе английской либерально-буржуазной традиции и нередко создававшие, как и в Англии, собственные политические партии, принимали по мере возможности, пусть не всегда и не везде, деятельное участие в работе административных органов. Разумеется, под руководством британских чиновников. И нельзя сказать, чтобы ничего из этого не получалось. Правда, многое зависело от того, какого уровня развития достигла колонизованная страна. Но там, где корни цивилизации были достаточно глубоки, такая политика приносила позитивные результаты. Наиболее наглядно это видно на примере огромной Индии

Индия уже в конце XIX столетия, причем не без активного содействия колонизаторов, достигла немалых успехов в движении вперед по пути радикальных буржуазных преобразований, причем не только и даже не столько в экономике, сколько в системе социально-политических отношений, без которых экономика оставалась бы по-восточному оскопленной. Конечно, далеко не все шло гладко. Но при всем том страна быстро и энергично развивалась. Возникала национальная промышленность современного буржуазного типа. Сперва это была в основном текстильная, чуть позже, уже в начале XX в., появились также и некоторые другие ее отрасли, включая металлургию. Строились железные дороги, электростанции. Параллельно совершенствовалось рабочее законодательство — сокращалась длительность рабочего дня, увеличивался возраст допускавшихся к труду на фабриках детей и подростков. Уделялось внимание и аграрному законодательству, целью которого было защитить арендаторов от произвола землевладельцев. Одновременно становилось все более ясным, что Индия не превращалась в сырьевой придаток Англии, а развивалась, пусть под строгим надзором, но самостоятельно и, главное, при ведущей роли собственного. а не какого-либо иностранного капитала.

Сложности внутреннего развития страны после восстания сипаев в середине XIX столетия и предпринятой англичанами после этого серии решительных реформ переключились в сферу социально-политических, национально-освободительных и индо-мусульманских религиозных проблем. Каждая из них была настолько весомой, что именно под знаком этих долгое время не поддававшихся решению проблем, скорее даже совокупности всех их, увязанных в тугой узел, — прошла в Индии вся первая половина XX в., вплоть до достижения независимости деколонизованной, но расколотой на части огромной страны. Ее социополитические сложности сводились в основном

к созданию в стране национальной административной элиты, созданием которой всерьез занимались, о чем много раз уже упоминалось, прежде всего колонизаторы. Для этого была учреждена и постоянно совершенствовалась система европейского по типу образования с правом сдачи в Лондоне экзамена на чин, что давало молодым индийским интеллектуалам из разных каст (хотя и все же по преимуществу высших, брахманских) включаться в число административной элиты. В конце 80-х гг. XIX столетия число студентов вузов, дававших достаточную для этого подготовку, достигало уже 4 млн. Энергично совершенствовалось судопроизводство, для которого туземное население формально было приравнено к англичанам. В административную сеть как на высшем уровне (Индийские советы при вице-короле и при губернаторах провинций), так и на местном, в городских муниципалитетах, все в большем числе входили индийцы. Большую роль в позитивных реформах для развития страны сыграл вице-король лорд Д. Керзон, назначенный на свой высокий пост в 1899 г. Он принял меры для защиты индийцев от произвола британских чиновников, для создания запасов в стране в случае неурожая и голода, снизил налоги и сделал немало иных полезных для страны дел. Однако успеха и признания Керзон не добился. Индийские интеллектуалы уже чувствовали себя достаточно уверенно для того, чтобы требовать от британских администраторов гораздо большего.

Эти требования сформулировал возникший еще в 1885 г. Индийский национальный конгресс (ИНК), роль которого в жизни огромной страны все время росла. Хотя параллельно увеличивалась популярность некоторых других организаций различного толка, включая религиозные, признание ИНК в стране было наибольшим. Это движение, которое с трудом, но все же можно считать партией типа западных, завоевывало признание в народе. И хотя ИНК не был единым, но разделялся на умеренное большинство и меньшинство крайних, склонных к экстремизму, он все же являл собой мощную и влиятельную организацию. Но слабость ее была именно в отсутствии единства. С противоречий между большинством и меньшинством во главе с Б. Тилаком начало с наибольшей силой проявляться национально-освободительное движение. Опираясь на индуизм и на национальных героев типа маратхского вождя Шиваджи, Тилак то устраивал массовые митинги и шествия под религиозно-националистическими лозунгами, то начинал движение против, как он считал, бесцеремонного вмешательства англичан в национальные обычаи (это с особой силой прозвучало, когда было принято решение ограничить брачный возраст девочек 12 годами, а не 10, как то было прежде). Занятые

борьбой с экстремизмом в собственных рядах, умеренные из ИНК в том числе и по этой причине не слишком много внимания уделили важной проблеме индо-мусульманского взаимодействия. Это привело к возникновению в Бенгалии в 1906 г. Мусульманской лиги.

Все началось с того, что Керзон в 1905 г. решил разделить огромную провинцию Бенгалию на две части. Но раздел привел к тому, что в восточной части большинством оказались мусульманские земледельцы, тогда как землевладельцами-заминдарами были в основном индусы. Создавалась ситуация, чреватая ростом социально-политической напряженности, чего Керзон не учел, но что хорошо поняли в ИНК, члены которого стали быстрыми темпами радикализироваться. Под руководством ИНК в стране возникло мощное движение протеста. В Бенгалии начался бойкот английских товаров, сопровождавшийся требованиями *свадеши*, т.е. использования индийских товаров, и *свараджа*, самоуправления хотя бы в виде доминиона. И хотя колониальные власти сумели одолеть это массовое движение, упрятав Тилака за решетку, выправить положение было уже невозможно. ИНК перестал быть организацией умеренных. Став на сторону заминдаров в Бенгалии, он вынужден был включиться в национально-религиозное противостояние. А интересы мусульман стала выражать противопоставившая себя конгрессу Мусульманская лига. В связи с этим сразу же появились новые религиозно-индуистские организации, после чего столкновения мусульман и индуистов стали обыденным явлением.

Стремясь погасить развивавшийся конфликт, в 1909 г. в Лондоне приняли «закон Морли-Минто», расширивший права Индийского и провинциальных законодательных советов с выбором по куриям (для мусульман отдельно). На некоторое время страсти в стране поутихли, что стало особенно заметным после визита в Дели в 1911 г. короля Георга V, объявившего об отмене решения о разделе Бенгалии. Ситуация в стране нормализовалась, но вместе с тем отмена решения о разделе Бенгалии надолго поссорила индийских мусульман с английской администрацией. В годы перед началом Первой мировой войны ИНК и Мусульманская лига внутренне укрепились. И хотя обе организации не были удовлетворены положением дел в стране и продолжали предъявлять свои претензии, особенно в том, что касалось предоставления Индии статуса доминиона, война на некоторое время погасила страсти. Англичане предоставили индийской буржуазии неплохие возможности для того, чтобы нажиться на военных поставках, а индийцы в свою очередь вынуждены были предоставить колониальным властям возможность послать немалое количество солдат в действующую армию стран Антанты.

Бирма в конце XIX столетия была формально включена англичанами в состав Британской Индии. Впрочем, это не сказалось отрицательно на ее развитии. Напротив, индианизация способствовала ускорению темпов эволюции более отсталого государства, каким до того была Бирма по сравнению с той же Индией. Новое и более четкое административное членение страны, превращенной в особую провинцию, подчиненную вице-королю, равно как и законы, направленные на регулирование отношений на нижнем уровне администрации и в деревнях, где распоряжались местные старосты-*туджи*, наладили неплохо работавшую структуру власти. Как и во всей Индии, здесь возник Законодательный совет, комплектовавшийся отчасти из представителей туземного населения. Сложнее было с отсталыми горными районами, населенными национальными меньшинствами. Однако и там власть англичан оказалась бесспорной. Разве что управляли чиновники при посредстве правителей из числа племенных вождей либо князьков. В городах были созданы муниципалитеты, в стране возникли различные централизованные ведомства, суды. Появились тысячи светских школ (до того существовали лишь школы при буддийских монастырях), появился в Рангуне и университет.

Природные богатства страны (драгоценный тиковый лес, благодатные возможности для резкого увеличения производства риса, позже также руды и нефть) стали фундаментом для промышленного развития и возрастания товарного экспорта. Активно шел процесс железнодорожного и шоссейного строительства, развивалось речное и морское судоходство. В стране — как и во всей Индии — становилась на ноги местная буржуазия, в составе которой занимали свое место и индийцы, и немалочисленные мигранты из Китая, и европейцы, и сами бирманцы. При этом стоит заметить, что, в отличие от Индии, где английский язык в условиях обилия разноязычных частей страны бесконфликтно становился универсальным, бирманцы стойко держались своего языка и вместе с ним своей национальной культуры, основанной на традициях буддизма Хинаяны (Тхеравады). Создавались многочисленные общества и ассоциации, ставившие целью защиту этноконфессиональной идентичности основной части населения страны. Все годы XX в., предшествовавшие Первой мировой войне, были наполнены борьбой за национальное возрождение. Начиная с англо-бурской войны, в ходе которой сочувствие было на стороне буров, местное население стремилось показать колонизаторам, что оно, как и все индийцы, выступает за национальную независимость. Ухудшение продовольственного положения

в стране и отправка части солдат на фронты Первой мировой войны вызывали недовольство в стране.

Цейлон испытывал влияние национально-освободительных движений в Индии, но в силу небольших размеров в некоторых отношениях успевал добиться большего. В 1906 г. на острове было введено всеобщее начальное образование, в 1912 г. — конституция, по нормам которой туземное население было достаточно широко представлено в Законодательном совете. Правда, промышленность развивалась не слишком быстрыми темпами и оказалась представленной в основном теми, кто имел отношение к транспорту (железные дороги и портовые города). Преобладало же плантационное хозяйство с выращиванием чая, каучука и кокосовой пальмы. Раздробленность местного населения по этноконфессиональному признаку (сингалы-буддисты, тамилы-индуисты и мавры-мусульмане, не говоря уже о европейцах-христианах) вела если и не к прямой конфронтации, то к почти постоянной напряженности. Начало XX столетия было отмечено усилением позиций основной части туземного населения, сингалов-буддистов. Однако существование на острове каст, рознь между которыми накладывалась на этноконфессиональные противоречия, сильно осложняло проблему и пресекало тенденцию к консолидации. Первая мировая война, вызвав к жизни необходимость подтянуть пояса ради содействия ведшей войну метрополии, привела к росту цен на продовольствие и к дальнейшему усилению этноконфессиональных противоречий, принявших в 1915 г. форму энергичных выступлений, направленных против мусульманских торговцев, которые были вынуждены повышать цены на продукты питания. Конфликт был ликвидирован местной администрацией. Движение 1915 г., родственное недовольству бирманцев, привело в 1917 г. к появлению Цейлонской лиги реформ, руководители которой настаивали на создании Цейлонского национального конгресса, который был сформирован в 1919 г.

Малайя, Сингапур и северная часть Борнео или Калимантана (**Бруней, Сабах** и **Саравак**), несмотря на несхожесть во многих отношениях, имеют — как и в случае Индии с Бирмой — нечто общее. Оно лучше всего видно не столько даже при геополитическом анализе, сколько при рассмотрении особенностей процесса колонизации и роли китайцев в экономике этих территорий. Начать следует с того, что становление этих колоний затянулось, так что окончательный вид Малайя и Сингапур (президентство Стрейт-сетлментс) обрели лишь после присоединения к ним в 1909 г. захваченных англичанами за несколько лет до того четырех небольших северомалайских княжеств, находившихся до того в некоторой зависимости от Сиама.

Что касается Борнео, населенного в немалой своей части полудикими даяками, то там процесс овладения начался с Саравака. В 1841 г. британский авантюрист Д. Брук за помощь султану Брунея в борьбе с даяками сумел получить эту территорию во владение. В 1846 г. он объявил себя наследственным раджой. В конце того же столетия другой англичанин А. Дент в итоге нескольких сложных комбинаций, в конечном счете связанных с покупкой территории у султана Брунея, сумел овладеть Сабахом, после чего он продал свои права британской компании. Бруней стал протекторатом Британии в 1888 г., а превратился в английскую колонию лишь в 1909 г.

Завершение всего сложного процесса привело к освоению англичанами еще одной большой и богатой различными ресурсами колониальной территории. Малонаселенная вначале, она со временем и не без поддержки колонизаторов была активно заселена и фактически освоена индийскими и китайскими мигрантами. Эти переселенцы и особенно очень умелые в производственной и торговой деятельности китайцы-хуацяо создали здесь, особенно в Малайе и Сингапуре, совершенно новую ситуацию, заложившую основу для процветания всего региона в XX столетии. В Малайе это привело вначале к умалению роли самих малайцев, тогда как британский капитал и трудолюбивые китайцы, главным образом горожане, немало сделали для превращения Малайи в мировой центр производства натурального каучука, затем и олова. Неудивительно, что страна быстро покрылась густой сетью железных и шоссейных дорог, соединявших каучуковые плантации и оловодобывающие горнорудные разработки с морскими портами. Не приходится удивляться и тому, сколь быстрыми темпами развивалась здесь, в Малайе и Сингапуре, местная буржуазия, в основном из числа китайцев. Акцент на получение хорошего образования и соучастия в системе администрации также был сделан на китайских, частично и индийских мигрантах, тогда как крестьяне из числа малайцев на протяжении большей части XX столетия оставались как бы в загоне.

Что касается Борнео, то там политика была несколько иной, ибо местные условия требовали — как то было и с нацменьшинствами в горной части Бирмы — опоры на посредников в лице племенных вождей тех же даяков. При всем том здесь тоже был создан Законодательный совет при губернаторе. Понемногу развивалась добыча руд, лесозаготовки, плантационное хозяйство (табак, затем каучук). Резко возрастала китайская миграция, причем китайцы здесь — как и в Сингапуре или Малайе — становились главным образом городскими жителями, хотя занимались не только ремеслом и тор-

говлей, но также горными разработками и плантациями. К Первой мировой войне хозяйство в этих колониях сложилось таким образом, что именно они стали поставщиком наиболее важных ресурсов, будь то каучук, олово, различные продукты. Насколько можно понять, непосредственно на фронтах войны в качестве боевой силы местное население, как и жители Шри-Ланки, не использовалось.

Многие **британские колонии и протектораты на территории Азии** были небольшими, причем некоторые из них имели не столько экономическое, сколько стратегическое значение, что сыграло свою роль в ходе Первой мировой войны. Стоит при этом обратить внимание на то, что они представляли собой сложную сеть анклавов практически во всем обширном южноазиатском регионе.

Кувейт — стратегически важная территория на севере Аравии и к югу от Ирака. Его небольшое население занималось транзитной торговлей и добычей жемчуга. В конце XIX в. в связи с попыткой Германии вывести железную дорогу Берлин — Белград — Багдад к Персидскому заливу именно в районе Кувейта англичане сумели добиться заключения с шейхом этой страны договора, согласно которому Кувейт превращался в британский протекторат.

Катар, небольшой полуостров в районе Персидского залива, как и **Договорный Оман**, ныне ОАЭ (Объединенные Арабские Эмираты), расположенный вдоль большей части южного и юго-восточного побережья Аравии, стали во второй половине XIX столетия британским протекторатом. В годы Первой мировой войны здесь велись боевые действия, в ходе которых англичане потеснили турок, чьи владения и войска занимали часть Катара. Важность Омана для Британии заключалась в его стратегическом расположении.

Аден, небольшая территория на крайнем юге Аравии (южная часть Йемена), оказался в колониальной зависимости от Британии еще в середине XIX столетия, чему способствовала межплеменная вражда в этом районе. За признание английского протектората князья получали субсидии. Англо-турецкие протоколы начала XX в. закрепили колониальный статус Адена. Однако, при всем стратегическом значении Адена как важного порта, иной значимой роли он не играл, а в годы Первой мировой войны влияние здесь англичан, потесненных расположенными рядом турецкими войсками, было вообще едва заметным.

Примерно таким же образом обстояло дело с **английскими колониями в Африке**, хотя многие из них имели для Британии экономическое значение. **Судан на** рубеже XIX–XX вв. находился фактически под властью англичан, хотя формально он считался англо-египетским кондоминиумом. При этом его территория и ре-

сурсы — во многом, видимо, вследствие близости страны к театрам военных действий в арабских странах — активно использовались в годы Первой мировой войны.

Британское Сомали, расположенное в северо-западной части полуострова Сомали, рядом с Аравией, стало колонией Англии в конце 80-х гг. XIX в. В 1911 г. внутренние районы колонии оказались охвачены восстанием, вследствие чего англичане вскоре предпочли вывести оттуда войска, оставив под своей властью побережье. Но именно побережье, от которого было рукой подать до Адена и Омана, было для них стратегически наиболее важным. В годы Первой мировой войны англичане вынуждены были обороняться от нажима со стороны повстанцев, и лишь после победы над Германией они сумели восстановить свою власть на всей территории Британского Сомали.

Гамбия, узким языком входящая вглубь западноафриканского побережья в центральной части французского Сенегала вдоль реки Гамбия, — английский протекторат с конца XIX столетия. Борьба за Гамбию с местным населением, главным образом с мусульманской сектой марабутов, велась долго, но завершилась в конечном счете победой англичан. Гамбия — небольшая страна с немногочисленным населением. Хозяйство ее специфично: монокультура арахиса (90% экспорта).

Государство **Сьерра-Леоне**, расположенное чуть южнее Гамбии, на том же западном побережье Африки, стало английской колонией сравнительно рано, на рубеже XVIII–XIX вв., причем англичане ввезли сюда немалое количество африканцев и метисов из числа освобожденных ими рабов. Внутренние районы страны были колонизованы лишь в конце века, после чего вся территория стала протекторатом Британии. Здесь было налажено производство пальмового масла, каучука, арахиса, выращивались орехи кола. Высоко ценилась древесина красного дерева. Неудивительно, что в этой колонии активно строились портовые сооружения, проводились железные и шоссейные дороги. С начала XX в. развились горнорудные промыслы (хром, железо). Добывались и алмазы.

Золотой Берег (совр. Гана) находится к востоку от Сьерра-Леоне, на севере Гвинейского залива в Африке. Он стал с середины XIX столетия объектом ожесточенной борьбы колонизаторов со сравнительно развитым уже к тому времени протогосударством Ашанти. В этой борьбе в конце века победу одержали англичане. Территория оказалась богатой полезными ископаемыми (золото, алмазы, марганец, бокситы). Золотые прииски эксплуатировались различными компаниями наиболее активно. На них было занято около 10 тысяч рабочих-африканцев. Англичане заботились о развитии портовых го-

родов (Аккра), построили железную дорогу. При губернаторе был создан Законодательный совет с представителями туземного населения.

Нигерия — одна из наиболее крупных и многонаселенных стран Африки, расположенная к востоку от Ганы на берегу Гвинейского залива, в нижней части долины реки Нигер. Во второй половине XIX столетия англичане последовательно кусок за куском овладевали ее территорией, которая с 1906 г. стала именоваться «Колония и протекторат Южная Нигерия», а с 1914 г. — «Колония и протекторат Нигерия». Учитывая этническую и политическую пестроту населения, в числе которого оказались наряду с полупервобытными этническими общностями, несколько более развитыми племенами и рядом мусульманских протогосударств некоторые из более развитых африканских народов (йоруба, ибо и др.), колонизаторы стремились наладить систему косвенного управления через посредство местных вождей и правителей. Богатая ресурсами Нигерия производила пальмовое масло, какао, арахис. Здесь же были найдены залежи угля и металлических руд. Англичане с начала XX в. начали строить рудники (марганец, олово, железо), угольные шахты и железные дороги.

Кения с конца XIX в. стала британским протекторатом на восточном побережье Африки между Танганьикой на юге, Угандой на западе и Суданом, Эфиопией и Сомали на севере. В те времена она была частью обширного нерасчлененного Восточноафриканского протектората Англии (с 1920 г. была уже отдельной колонией). Это большая и многонаселенная страна с немалыми возможностями для плантационного хозяйства (хлопок, кофе, чай, сизаль, пиретрум).

Уганда, расположенная к западу от Кении, удаленная от побережья, но зато находящаяся близ крупнейшего африканского озера Виктория, была знакома с собственными протогосударственными структурами, столь редкими в Тропической Африке, достаточно рано. В конце XIX в. она превратилась в британский протекторат. Вошедшие в состав протектората местные протогосударства превратились в провинции во главе с их прежними правителями. В стране появились колонисты, развивалось плантационное хозяйство (какао, кофе, каучук, хлопок). В годы Первой мировой войны Уганда стала важным плацдармом для борьбы англичан с немецкими колониями в Восточной Африке.

Занзибар, небольшой остров рядом с Танганьикой, был рано колонизован европейцами (португальцами), в XVIII–XIX вв. стал владением Маскатского Омана, а с конца XIX столетия — британским протекторатом с сохранением номинальной власти местного султана. На острове издавна выращивалась гвоздика (до 80% миро-

вого производства гвоздичного масла). После начала Первой мировой войны фактическую власть начали более жестко осуществлять английские комиссары.

Ньясаленд (совр. Малави) — небольшая страна южнее Танганьики на восточном побережье Африки. С 1891 г. стал британским протекторатом, а в 1907 г. этот протекторат был передан в ведение британского министерства колоний. Здесь было налажено плантационное хозяйство (хлопок, табак). В колонии большую роль играли христианские миссии, издавалась даже газета «Ньясаленд таймс», что не помешало, однако, восстанию 1915 г., в разгар Первой мировой войны. Восстание было подавлено.

Северная Родезия (Замбия), как и **Южная Родезия** (совр. Зимбабве), включающая в себя и территорию загадочного средневекового африканского протогосударства Мономотапа, с конца XIX в. стали колониями, получив название по имени С. Родса. Здесь были обнаружены залежи меди и даже золота, строились рудники и железные дороги. Появлялись фермеры из числа европейских колонистов (на юге до 5% общего количества населения), возникало плантационное хозяйство (хлопок, сахарный тростник, табак, арахис, рис и кукуруза). Но при этом многие африканцы были вынуждены становиться отходниками и жить в резерватах.

Латиноамериканские колонии Британии немногочисленны и невелики. Расположенные далеко от театров военных действий, они могли быть прежде всего источником важных продовольственных либо технических ресурсов. Однако, если иметь в виду не только континентальные, но и островные анклавы близ Нового Света, да еще прибавить к ним Океанию, ситуация окажется иной и стратегическая роль всех этих небольших анклавов окажется практически приоритетной. Обратим внимание хотя бы на их краткий перечень.

Британская Гвиана (северо-восточная часть Южной Америки) с ее плантационным хозяйством, ориентированным на выращивание сахарного тростника, и немногочисленным населением большой роли — кроме как в снабжении стран Антанты сахаром — в годы мировой войны не играла. Впрочем, сахар тоже один из весьма существенных продовольственных ресурсов.

Белиз, или Британский Гондурас, с его очень небольшим и наполовину метисным населением стал заселяться английскими колонистами еще в XVII в. Это сыграло свою роль в превращении его в колонию Британии в 1862 г. Впрочем, соседние государства, Гватемала и Мексика, не уставали напоминать Англии, что территория Белиза остается спорной. Они настаивали на том, что сохраняют за собой

право предъявить в случае каких-либо перемен свои претензии. Ресурсы Белиза — ценные породы дерева, бананы, сахар, каучук, красители, продукты рыболовства.

Острова Карибского моря и соседние с ними (Антигуа, Багамские, Барбадос, Бермудские, Тринидад, Ямайка), равно как и многочисленные **острова и архипелаги Океании** — Вознесения, св. Елены, Фолклендские, Гоф, Тристан-да-Кунья, Сокотра, Мальдивские, Родригес, Маврикий, Чагос, Соломоновы, Гилберта, Ошен, Санта-Крус, Фиджи, Тонга, Феникс, Рождества, Новые Гебриды, Оэно, Хендерсон, Дюби, Питкерн — все это более или менее значимые анклавы, содержание которых, если говорить в целом, не выделяя отдельные из этих островов, особенно вест-индские, всегда обходилось Британии намного дороже, нежели какой-либо доход от них. И это следует считать вполне естественным, ибо затраты на освоение и поддержание владений на островах всегда стоили дорого. Но тем не менее такие острова и тем более архипелаги были очень ценны как важные стратегические пункты империи. Однако и они не оставались без внимания, а образ жизни туземного населения всюду, как правило, понемногу изменялся в лучшую сторону по мере развития самой Британии. Что же касается роли этих анклавов в ходе Первой мировой войны, то, взглянув на соответствующие карты, легко убедиться в том, что многие из этих островов играли и важную стратегическую роль, превращаясь то в военные базы, то в места морских боевых сражений. Впрочем, это относится не только к британским, но и к французским и американским островам и архипелагам в мировом океане.

КОЛОНИИ ФРАНЦИИ И ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ

Французская колониальная империя была заметно скромнее британской. Тем не менее то, что имелось, вполне могло сыграть — да, в общем-то и сыграло — свою роль. Французские колонии в начале XX в. территориально были достаточно компактно расположены. Это крупный массив в Западной, Северо-Западной и Центральной Африке, Мадагаскар, восточная половина Индокитая, часть южноамериканской Гвианы и Сомали, а также отдельные анклавы в Индии и острова Океании. Но следует обратить внимание также и на немногочисленные колонии иных стран, ставших союзниками Антанты. Это Португалия, Бельгия, Италия, США (пусть с оговорками), даже Япония.

Индокитайский союз стал в конце XIX в. одним из наиболее значимых для Франции колониальных приобретений. В основе этого лежа-

ли традиции высокой местной культуры, разумно реформированные колонизаторами. Возвратившись во Вьетнам и расширив прежние сферы своего влияния, которое до того в основном ограничивалось весьма заметной, но экономически, да и во многих иных отношениях не очень прибыльной активностью католических миссионеров, французы за короткий срок добились здесь многого, о чем частично уже шла речь в предыдущем томе. Теперь несколько слов о ситуации в этом союзе в начале XX столетия, в предвоенные годы.

Вьетнам, центральная и наиболее важная из вошедших в состав союза стран, по условиям Тяньцзиньского соглашения от 1885 г., был освобожден от формального сюзеренитета Китая. С этого момента он становился состоящим из трех различных частей. Первой и экономически наиболее развитой была южная, колония Кохинхина, находившаяся к этому времени под властью Франции уже несколько десятилетий и потому весьма преуспевшая в своей эволюции по пути буржуазных преобразований. Главой ее был французский генерал-губернатор, возглавлявший достаточно эффективный аппарат администрации. Центральная часть страны, Аннам, и северная Тонкин, стали протекторатами, продолжая формально находиться под властью местного «императора» и его чиновников. Однако на деле Аннамом и Тонкином управлял верховный французский резидент с его аппаратом администрации. При этом на севере, в Тонкине, власть его была наиболее крепкой. В больших городах находились подчиненные ему чиновники-резиденты, обладавшие правом контроля над деятельностью императорского аппарата администрации.

В конце 80-х гг. к союзу была присоединена на правах протектората **Камбоджа** с сохранением ее короля, но при реальной власти французского губернатора и его чиновников-резидентов, а в 1899–1900 гг. **Лаос**. Здесь тоже сохранялась номинальная власть короля. Индокитайский союз как единое целое был создан в 1887 г., причем сразу же вслед за его созданием функции Кохинхинского генерал-губернатора начали расширяться, и вскоре он стал главой всего союза. А во главе каждого из четырех протекторатов реальной властью полностью обладали верховные резиденты. После этого в союзе начался быстрый процесс экономических преобразований с постоянно сопровождавшей его модернизацией и вестернизацией всей генеральной схемы ведения хозяйства. Система налогообложения была реформирована, что резко ударило по карману коррумпированных вьетнамских и иных местных чиновников. Был реорганизован таможенный контроль, вслед за чем упорядочены местные бюджеты. Возникли правительственные управления, отвечавшие

за строительство и состояние дорог, мелиоративных и иных сельскохозяйственных проектов. Широко открылись двери для французских колонистов, была организована служба почт и телеграфа, созданы условии для воспитания кадров — прежде всего из числа местного населения, для управления союзом. Предполагалось, что новое поколение вестернизованных администраторов заменит прежних чиновников.

Все эти реформы, как и введение монополий на алкоголь, соль и опиум резко улучшили состояние дел во всем союзе, который стал приносить немалый доход. Все траты на содержание колониального аппарата, включая и войска, с лихвой покрывались доходами. Уже в 1902 г. положительное сальдо было равно 21 млн франков. В последующие годы создание — в основном колонистами — чайных, кофейных и каучуковых плантаций, а также резкий рост производства риса, начало энергичной разработки полезных ископаемых на горнорудных промыслах (уголь, цинк, олово, медь, драгоценные металлы), введение новых кодексов права и основ французского судопроизводства, создание системы вестернизованных учебных заведений, включая университет в Ханое, содействовали успешному развитию союза. В 1911–1913 гг. была реорганизована система управления союзом. В Правительственном совете при генерал-губернаторе было увеличено представительство от местного населения. Была также создана Туземная консультативная палата, выборный орган с законосовещательными функциями. В провинциях союза возникли аналогичные местные выборные органы. Разумеется, все это не исключало появления и развития в Индокитайском союзе, особенно во Вьетнаме, заметного движения сопротивления, подогревавшегося радикальными преобразованиями в Китае после крушения там империи. Но стоит учесть, что движения, равного китайскому, здесь не возникло. Власть французов в союзе была для этого достаточно крепкой и во многих отношениях эффективной, что не создавало повода для активного недовольства населения.

Аналогичным было положение в главных **арабских колониях Франции на севере Африки**. Здесь, на территории древних восточных халифатов и султанатов, хотя и не слишком развитых, сосуществовавших рядом с племенными полукочевыми протогосударствами, французы на рубеже XIX–XX вв. тоже добились заметных успехов, используя при этом в гораздо большей степени, нежели на далеком юго-востоке Азии, практику колонизации за счет европейских переселенцев. Успешно начатая в Алжире, она продолжалась в это время в соседних с ним Тунисе и Марокко.

Алжир был заселен французскими колонистами еще в середине XIX в., причем среди переселенцев было немало ссыльных радикалов, что в 70-х гг. заметно способствовало росту боевого духа среди европейского населения колонии. Впрочем, ни к чему серьезному это не привело, ибо радикализм европейских колонистов быстро сошел на нет, когда встал вопрос о возможной их солидарности с антиколониальными движениями туземного населения. К тому же меры руководства колонией (законы 1873 и 1887 гг. о создании европейско-буржуазного типа частной земельной собственности) привели к росту потока французских переселенцев, что изменило состав и настрой европейской колонии в Алжире. Начало XX столетия было ознаменовано ростом туземной алжирской буржуазии. Созданный в 1898 г. Законосовещательный совет при генерал-губернаторе предполагал участие представителей местного населения. Появлялись первые сотни алжирских интеллектуалов — европейски образованных врачей, учителей, адвокатов, журналистов. Встал вопрос о правовом равенстве всего населения колонии. Предвоенные годы в Алжире были отмечены появлением большого количество различного рода гражданских объединений, ассоциаций, клубов и просветительских обществ, возникло движение младоалжирцев (по аналогии с младотурками). Панисламисты, панарабисты и прочие националистически настроенные активисты сопротивления были склонны в начале войны ориентироваться на Турцию, что угрожало превращением Алжира для Франции и всей Антанты в своего рода «пятую колонну». Однако большинство населения приняло сторону Антанты. В годы войны свыше 300 тысяч алжирцев, как из числа колонистов, так и из местного населения, были мобилизованы и сражались на фронтах, еще свыше 100 тысяч алжирцев использовались на вспомогательных работах. В то же время в некоторых районах колонии отдельные племена поднимали вооруженные мятежи. В конце войны премьер Франции Клемансо выступил с проектом ряда реформ, направленных на поддержку некоторых требований младоалжирцев.

Тунис стал французским протекторатом в начале 80-х гг. XIX в., когда после достигнутого на Берлинском конгрессе 1878 г. согласия с немцами французские войска из расположенного чуть западнее Алжира вторглись во владения тунисского бея. Сопротивление ряда племен не сыграло существенной роли, и по условиям соглашения 1883 г. Тунис был объявлен протекторатом под формальным верховенством бея и при фактической власти французского генерального резидента. Вскоре начались энергичные буржуазные преобразования. Возникали горноразработки, создавались торговые, сельскохозяйственные и стра-

ховые компании, строились железные и шоссейные дороги, портовые сооружения. Земельный закон 1885 г. ввел принцип буржуазной частной собственности на землю, многие из приезжавших в страну французских колонистов приобретали ее и вливались в число фермеров. В начале XX в. фермеры ввозили и широко употребляли сельскохозяйственную технику и минеральные удобрения, налаживали производство зерновых и виноделие. В стране создавались условия для развития местного населения, включая создание сети европейского образования, появление ряда просветительских и иных обществ, издание газет и журналов, возникновение движения младотунисцев и соответствующий рост националистических настроений. Стоит особо заметить, что формировавшийся контингент тружеников в городских промышленных предприятиях, на горноразработках, в портовом либо дорожном строительстве в немалой мере состоял из колонистов и что в связи с этим местное население тоже обретало навыки профсоюзной борьбы за свои права. В 1910 г. был принят закон о 10-часовом рабочем дне, а кое-где даже о 8–9-часовом. В 1910–1914 гг. было упорядочено налогообложение, что способствовало улучшению уровня жизни сельского населения. Начало мировой войны привело к урегулированию многих внутренних конфликтов, включая и религиозные. Тунис почти единодушно поддержал Францию. Свыше 60 тысяч солдат были участниками боевых действий, тогда как оппозиционеры из числа младотунисцев, попытавшиеся было сделать ставку на Германию, оказались в изоляции.

Марокко в XIX в. оставалось в статусе зависимого государства, хотя и многие державы, более других Франция и Испания, но также и Германия, стремились превратить его в свою колонию. Удалось добиться этого Франции и — в небольшой части страны — Испании лишь в 1912 г., буквально накануне Первой мировой войны. Впрочем, первые попытки военных экспедиций овладеть Марокко относятся к 1907 г. Попытки не удались, а знаменитый германский «прыжок "Пантеры"» 1911 г. был столь заметным казусом, что едва не послужил поводом для начала войны. Только договоренность, достигнутая французами с немцами (Франция согласилась отдать за Марокко часть Французского Конго, присоединенную в Африке к Камеруну), решила проблему, после чего французам осталось договориться с султаном Марокко о протекторате. Франция успешно использовала последние предвоенные годы для энергичного освоения новой территории. Приток колонистов и капиталов, энергичное развитие буржуазного предпринимательства, добыча и вывоз сырья и товарной продукции — все это шло вперед семимильными шагами, несмотря на восстания местных племен. И хотя начавшаяся мировая

война не очень способствовала этому, начало модернизации Марокко было положено. Генеральный резидент Франции в Марокко создал условия для появления влиятельного слоя вестернизованной буржуазной элиты. К числу французских колоний в арабской северной Африке в самом конце XIX в. было добавлено **Французское Сомали** с важным портом Джибути, имевшим стратегическое значение.

Сенегал был наиболее ранней и в некотором смысле привилегированной колонией. Здесь французы обзавелись своим фортом и промышляли работорговлей еще в XVII в., а с XIX в. именно отсюда Франция начала процесс создания своей огромной африканской колониальной империи. Чтобы иметь гарантированную опору в Сенегале, французы создали в этой колонии, прежде всего из образованной ими прослойки сенегальских стрелков (аналог *синаев* в Индии), наделенную привилегиями группу местного населения из нескольких десятков, если даже не сотен тысяч человек. Эта группа считалась французскими гражданами и имела право посылать во французский парламент своего депутата. С помощью стрелков из Сенегала в конце XIX столетия французы сумели один за другим захватить ряд важных анклавов, что в конечном счете превратило почти всю **западную** и **центральную часть Тропической Африки** в ее колониальное владение. Несколько слов об этих анклавах.

Нигер, расположенный в суданском поясе к востоку от Мали, был включен в состав французских владений в 1898 г. и вместе с Сенегалом и некоторыми другими колониями вошел в состав Французской Западной Африки. Расположенный к востоку от него Чад — территория вокруг одноименного озера. Здесь издревле обитали разные этнические общности, возникали племенные протогосударства (Канем, Борну, Вадаи). В 1900 г. французы с помощью сенегальских стрелков фактически оккупировали Чад, а в 1910 г. включили его в состав колоний Французской Экваториальной Африки, как и Убанги-Шари, расположенную несколько южнее. На протяжении ряда лет после этого, включая и годы мировой войны, в обеих этих колониях, как и в Нигере, шло подавление вооруженного сопротивления местных племен.

Во Французскую Экваториальную Африку вошли также Французское Конго и Габон. **Габон** — страна на побережье центральной части Гвинейского залива. Был колонизован в XV в. португальцами, став одним из центров работорговли. Во второй половине XIX столетия попал под власть Франции. Ресурсы — ценная древесина, пальмовое масло, каучук. **Французское Конго** (ныне Республика Конго) — колония в центре Гвинейского залива, захвачена Францией в конце XIX в. Главную роль в захвате страны в 1880 г. сыграл

подписавший договор с местным вождем офицер де Бразза, он же основал город Браззавиль, будущую столицу французского Конго. Основные ресурсы — каучук и древесина. Тяжесть принудительных отработок на горнорудных предприятиях и каучуковых плантациях привела в начале XX столетия к восстаниям местного населения. В годы Первой мировой войны французы использовали конголезцев в качестве носильщиков тяжестей в ходе войны с немцами в соседней с Конго немецкой колонии Камерун (в военных действиях в Камеруне участвовали преимущественно подготовленные для боевых операций сенегальские стрелки).

Во **Французскую Западную Африку** вошли, кроме Сенегала и Нигера, еще несколько колоний. Это **Берег Слоновой Кости** (Кот д'Ивуар), который расположен в северо-западной части Гвинейского залива и был частично освоен португальцами еще в XV в. Французские колонизаторы появились там в XVIII столетии, но процесс освоения ими территории шел медленно. Лишь в конце XIX столетия была создана колония, не слишком богатая ресурсами. Некогда здесь было много слоновой кости, откуда и название. Но на рубеже XIX–XX вв. главным экспортным продуктом оказалось пальмовое масло. Вывозилась также и древесина. **Верхняя Вольта** (ныне Буркина-Фасо), расположенная чуть к северу от Берега Слоновой Кости, во внутренней части Тропической Африки, стала частью этого же генерал-губернаторства на рубеже XIX–XX вв. Из заметных событий, фиксируемых источниками применительно к интересующему нас периоду, стоит заметить, что в 1916 г., в разгар Первой мировой войны, в Верхней Вольте началось восстание, вызванное набором солдат во французскую армию.

В число колоний Западной Африки вошли также **Дагомея** (Невольничий Берег), расположенная к востоку от британской Нигерии. Дагомея была захвачена португальцами и превращена в центр работорговли еще в XV в. Колонией Франции она стала в конце XIX столетия. Для строительства дорог, вывоза ценных пород древесины, заготовки пальмового масла и работы на рудниках французы использовали систему контрактации местного населения, что в разгар Первой мировой войны, в 1915 г., привело к восстанию африканцев. Из Дагомеи в начале войны (1914) французы, как и англичане из Ганы, вторглись в соседнюю германскую колонию Того, вскоре захваченную и поделенную ими. Соседняя с Дагомеей **Французская Гвинея** была колонизована в 30-х гг. XIX в. Вывозили слоновую кость, золото, красное дерево и рабов. На рубеже XIX–XX вв. страна после длительной и жестокой войны с местным населением стала ко-

лонией Франции и тоже вошла в генерал-губернаторство Западную Африку.

Частями этого же административного управления стали также Мали и Мавритания. **Мали** (Французский Судан), одно из ранних государств Африки, которое расположено неподалеку от Сенегала, в последней трети XIX в. было завоевано с помощью сенегальских стрелков. Отсюда французы двигались далее на восток и юг, захватывая все новые территории суданского степного пояса Центральной Африки и западной части Африки. И хотя Первая мировая война заставила Францию отозвать некоторое количество сенегальских стрелков, что объективно сыграло роль в усилении вооруженного сопротивления туземного населения, колониальная экспансия не была на этом остановлена. Одна за другой эти и другие колонии силой приводились в состояние некоторого умиротворения. **Мавритания**, расположенная в Западной Африке, к югу от испанской Западной Сахары, Марокко и Алжира, была в XV в. освоена португальцами, а в начале XX в., после укрепления французов в районе расположенного чуть южнее Сенегала, она стала сферой их влияния. В годы Первой мировой войны мавры в борьбе с французами пытались было ориентироваться на помощь Германии. Но немцам было не до них. Кроме поддержки восставших — при посредничестве испанцев — сравнительно небольшими деньгами, они ничем помочь не могли. В итоге Мавритания в 1920 г. стала колонией Франции.

Завершая рассказ о французских колониях в Африке, следует вспомнить и про **Мадагаскар**, стоящий как бы особняком. Дело в том, что этот огромный остров, населенный не неграми, а мальгашами (малагасийцами), т.е. выходцами из дальней Юго-Восточной Азии, откуда их издревле временами приносило течением к берегам Африки, был весьма развитым ранним государством. Овладеть им было нелегко. Французы потратили на это не менее десяти лет, но и после этого не прекратилось вооруженное сопротивление. И хотя формально остров начал считаться колонией Франции с 1896 г., фактически борьба за него велась даже в годы мировой войны, что сыграло свою роль в ограничении возможностей колонизаторов на острове. И хотя французские язык и культура в конечном счете распространились на острове, заняв место рядом с мальгашскими, это не сыграло решающей роли и не изменило идентичности основной части населения. Что же касается мировой войны, то использование мальгашских войск и экономических ресурсов не достигло чересчур заметного размера, но в то же время способствовало знакомству многих жителей острова с основами европейских традиций. В любом случае Мадага-

скар не был превращен в колонию, с которой можно было не церемониться. Это стоит иметь в виду, если принять во внимание, что во всех французских африканских колониях для использования на фронтах мировой войны было мобилизовано, по некоторым данным, почти 200 тысяч негров.

Говоря об африканских колониях, стоит напомнить, что союзниками стран Антанты были и некоторые другие *европейские страны, имевшие колонии в Африке*. Начнем с упоминания о длительных итальянских претензиях на Ливию. **Ливия**, восточный сосед Туниса на территории арабского Магриба, была объектом вожделения Италии еще в конце XIX в. Однако турецкий султан Абдул-Хамид II с его мрачным режимом зулюма решительно пресекал эти поползновения и поддерживал ливийские религиозные братства, особенно сенуситов, выступавших против либерально-буржуазных новаций оседавших в Ливии итальянских колонистов. Война ордена сенуситов с французскими войсками в центре Африки привела к ослаблению ордена, а младотурецкий переворот 1908 г. ликвидировал режим зулюма. Оба эти события сыграли в пользу Италии, которая усилила свою финансовую и иную активность в Ливии. В 1911 г. итальянцы, объявив войну Турции, аннексировали эту страну, которая формально была вассалом турецкого султана. В 1912 г. Турция признала аннексию, а Ливия стала, несмотря на сопротивление повстанцев, колонией Италии. Однако борьба с сенуситами продолжалась и в первые годы мировой войны, что, видимо, сыграло свою роль в том, что итальянцы не слишком спешили вступить в мировую войну. И в этом было немало смысла, ибо вступление Италии в эту войну, несмотря на оговоренные специальным соглашением со странами Антанты выгодные условия, на деле привело к ряду ее поражений, что ослабило ее позиции именно в Ливии. В итоге завоевание итальянцами столь желанной колонии затянулось на многие годы. Италия после войны постепенно утрачивала контроль над большей частью Ливии, которая была окончательно завоевана ею лишь при фашистском режиме в начале 30-х гг.

Бельгийское Конго (а Бельгия была одним из первых союзников стран Антанты) — это очень слабо известные европейцам огромные территории южной части Центральной Африки. Они начали изучаться по инициативе бельгийского короля Леопольда II специально созданной Международной ассоциацией, деятельность которой в Африке во второй половине XIX столетия была тесно связана с походами знаменитых путешественников Д. Ливингстона и Г. Стэнли. В 1885 г. открытые и освоенные членами ассоциации земли были преобразованы в Независимое государство Конго, которое в 1908 г.

стало колонией Бельгийское Конго. Создавались плантации, осваивались горнорудные богатства, строились большие города. Часть местного населения приняла участие в боевых действиях в годы Первой мировой войны как на европейских фронтах, так и в борьбе на территории немецкой колонии Руанды-Урунди.

Португалия в Африке владела двумя основными колониями, Анголой и Мозамбиком. **Ангола**, расположенная к западу от Французского и Бельгийского Конго, стала португальской колонией и важным районом приобретения африканских рабов еще в XV в., но в глубинные районы страны португальцы начали проникать — как то было и со всей Тропической Африкой, лишь с середины XIX в. В стране начали возникать создававшиеся колонизаторами плантации, проектироваться и строиться железные дороги. **Мозамбик**, расположенный на противоположном юго-восточном побережье Африки, тоже рано стал португальской колонией, а на рубеже XIX–XX вв. на его территории — как, впрочем, и в Анголе — поселилось немало европейских колонистов. Уничтожение монархии и превращение Португалии в 1910 г. в буржуазную республику привели к предоставлению колониям (а кроме Анголы и Мозамбика важную роль в районе Западной Африки играли и острова **Сан-Томе и Принсипи**, не говоря уже об островах **Мадейре** и **Азорских**) некоторой автономии. Накануне Первой мировой войны Германия открыто претендовала на португальские колонии в Африке и пыталась даже в 1913 г. договориться об этом с Англией, чьи африканские колонии были, как и германские, рядом с португальскими и чей капитал играл в португальских колониях значительную роль. Угроза со стороны немцев была для Португалии более чем серьезной, и это не могло не сыграть своей роли в решении португальцев примкнуть к странам Антанты.

В районе Нового Света колоний у Франции и союзников стран Антанты было очень немного. Это **Французская Гвиана** и острова Карибского моря Гваделупа и Мартиника, которыми Франция владела с XVII в. В XIX столетии Гвиана была местом ссылки, в частности для коммунаров из Парижа. В годы Первой мировой войны из населения французских колоний в районе Карибского моря, включая Гвиану, было отправлено на фронт около 30 тысяч солдат.

На всех остальных территориях планеты, в том числе и в Океании, колоний было немного, причем они в основном были небольшими. Это архипелаги и острова, принадлежавшие Франции (Реюньон к востоку от Мадагаскара, небольшие островки близ Антарктики), Гавайский архипелаг и Гуам, принадлежащие США, португальские Острова Зеленого Мыса чуть в стороне от Западной Африки и часть

острова Тимор близ Индонезии, а также небольшие анклавы в Индии и Макао в Китае, японский архипелаг Рюкю.

Особо следует сказать о **Корее**, стране, колонизованной Японией. В 1906 г. в этой стране было уже свыше 170 тысяч японских переселенцев, активно развивалась предпринимательская деятельность, возникали различные японские компании, добывались полезные ископаемые, сооружались электростанции, строились транспортные линии, предприятия тяжелой промышленности. Энергично развивалось сельское хозяйство. Формально у Кореи до 1910 г. был статус протектората. При этом всеми делами вершил японский генеральный резидент. Но в августе этого года после официального согласия держав, включая и Россию, у которой к Корее был особый интерес, была признана аннексия, политическо-правовое содержание свелось к отказу корейского короля от его прав в пользу японского императора и к превращению Кореи в генерал-губернаторство Японии. А если оценивать все с точки зрения экономических выгод, то присоединение очень богатой ресурсами и полезными ископаемыми Кореи к нищей в этом смысле Японии было просто небесным подарком для энергично развивавшейся агрессивной дальневосточной страны.

Глава пятая. НЕЙТРАЛЬНЫЕ СТРАНЫ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Взглянув на карту мира, легко убедиться в том, что на фоне всего перечисленного и вкратце охарактеризованного в первых главах тома остальные страны мира выглядят более чем скромно. Мало того, что их не слишком много. Существеннее то, что это сравнительно небольшие и не слишком сильные, иногда даже не очень развитые государства. В **Европе** это скандинавские страны, Испания, Нидерланды и Швейцария. В **Азии** — Афганистан, Непал, а также большая часть внутренней Аравии, острова Голландской Индии, да еще часть Новой Гвинеи, в **Африке** — Эфиопия и принадлежащие Испании небольшая часть Марокко и Западная Сахара, а также Канарские острова и остров Фернандо-По в районе западной части континента. Больше всего нейтральных стран, включая колонию Нидерландская Гвиана, резонно оказалось в далекой **Латинской Америке**. В целом же при сравнении этих стран с теми, что так либо иначе вынуждены были принять участие в войне, легко заметить, что они являют собой очень небольшую и незначительную часть планеты. Собственно, именно это обстоятельство можно считать первым по значимости среди тех, которые не просто позволяют, но по сути вынуждают считать столкновение Антанты

с германским блоком именно мировой войной. Первой в своем роде во всей истории человечества. Тем не менее, обратимся к характеристике стран, о которых идет речь, и в частности, уделим некоторое внимание мотивам, которые побудили их осознанно выбрать нейтралитет либо просто остаться в стороне.

ЕВРОПА

Испания, несмотря на бурные темпы буржуазных преобразований на исходе XIX столетия, в начале XX в. продолжала оставаться одной из наиболее отсталых среди сколько-нибудь значимых европейских стран. Здесь все еще ощущалось сильное влияние феодальных связей, тесно связанных с мощным воздействием на малообразованных крестьян со стороны всесильной католической церкви. Правда, энергичное воздействие на страну иностранного капитала, прежде всего английского, но также французского, немецкого и даже бельгийского, толкало страну вперед, способствуя развитию ее буржуазной промышленности. Строились железные дороги, создавались горнорудные предприятия, возникали новые современные отрасли индустрии. Но темпы эволюции и тем более трансформации были замедленными. Это ощущалось всеми и особенно той прослойкой экономической и политической элиты, которая была ориентирована на ускорение буржуазных преобразований и ликвидацию заскорузлого монархического режима, упрямо продолжавшего опираться на традиционное высокомерное и интеллектуально крайне ограниченное дворянство страны.

Либерально-демократические группы и различного рода общественные организации, возникавшие как протест против власти, особенно в связи с поражением страны в 1898 г. борьбе с США за Филиппины и Кубу, начинали набирать силу. Захват Испанией части Марокко несколько укрепил позиции руководства страны в глазах народа, но этого было крайне недостаточно, не говоря уже о нежелании резервистов воевать. Оппозиция, представленная организацией интеллектуалов страны («поколение 1898») и ставившая своей целью возродить величие Испании, сыграла важную роль во всеобщем социально-политическом подъеме. На смену прежним политическим партиям, руководство которых дискредитировало себя в глазах народа, стали приходить новые, в основном буржуазно-демократические по характеру и республиканские по своей политической направленности. Но среди вновь возникавших были и крайние радикальные группировки анархистов.

В итоге накануне мировой войны в Испании создалась обстановка, в рамках которой внешнеполитические проблемы решитель-

но отходили на второй-третий план. Испанцам, перед которыми стояла гигантская масса нерешенных внутренних проблем, было не до конфликта между иными ведущими странами Европы. Будучи географически отдаленной от точек соприкосновения враждующих альянсов и оказавшись не заинтересованной в том, чтобы быть вовлеченной в чуждые ей конфликты, Испания волею судеб и благодаря благоприятно складывавшимся в этом смысле обстоятельствам осталась в стороне от мировой войны. Трудно сказать, насколько это ей помогло. Но есть достоверные данные, позволяющие утверждать, что в годы войны темпы экономического развития страны ускорились, а постоянно сопровождавший это ускорение рост политической активности народа содействовал если и не возрождению, то во всяком случае некоторому пробуждению Испании.

В **Нидерландах**, которые, в отличие от соседней к югу Бельгии, не стояли на пути из Германии во Францию и потому могли оказаться несколько в стороне от основных театров военных действий, промышленный подъем во многом был связан с успешной реализацией богатых природных ресурсов Голландской Индии. Это, как и в случае с Испанией, опять-таки уводило основные интересы страны в сторону от тех, которые могли бы активно способствовать поддержке столкновений интересов сильных держав в центре Европы. Развитие самой Голландии шло успешно и достигало немалых позитивных результатов, находивших свое отражение в различных сферах внутренней жизни, будь то проблема поддержки требований рабочих или забота об обязательном образовании населения. Расцветали как разные отрасли промышленности, так и хорошо налаженное сельское хозяйство с его явным уклоном в сторону интенсивного скотоводства с торговлей умело обработанными мясными и молочными продуктами. Нидерландские социалисты, как и подавляющее большинство социалистических партий во всей Европе, охотно сотрудничали с правительством и не помышляли о столь близкой марксистам «пролетарской революции».

Дания, лишившаяся во второй половине XIX столетия Шлезвига и Гольштейна, не была, да и не могла быть слишком благоприятно настроена по отношению к своему всесильному немецкому соседу. Быстро и успешно развиваясь, как в промышленном отношении, так и в сфере давно уже прочно ставшего на буржуазную основу крестьянско-фермерского сельского хозяйства, в основном, как и в Голландии, скотоводческого (мясные и молочные продукты), и активно торгуя этими продуктами как с Германией, так и с Англией, Дания тоже была в стороне от возможных театров военных действий

и самой судьбой оказалась подготовлена к нейтралитету. В этом направлении была ориентирована и вся политика страны, успешно пытавшаяся поддерживать нормальные отношения с обеими воюющими коалициями. И такого рода политика единодушно поддерживалась всей страной, включая социал-демократическую партию и профсоюзы, что в сложившейся ситуации было вполне понятно.

Норвегия на протяжении длительного периода ее унии со Швецией (1814–1905) не была политически самостоятельным государством, хотя и имела свой парламент, суд, финансы, администрацию и даже армию. Кажущаяся необременительность такой унии имела, однако, свои очень существенные минусы, ибо отражалась на экономической самостоятельности страны, не говоря уже о внешней ее политике. Экономическая зависимость по мере интенсивного буржуазного развития Норвегии все более заметно мешала свободе ориентации и поведения этой станы на внешнем рынке. А богатые ресурсы, прежде всего руды, лес и рыба, не говоря уже о немалых потенциях судостроения и мореходства, содействовали стремлению страны к разрыву унии. Выступавшая за ее ликвидацию либерально-буржуаная партия Венстре на протяжении почти полувека набирала силу и в 1903 г., возглавив блок недовольных организаций, начала решительное наступление.

В 1905 г. в стране был проведен референдум, после чего Швеция была вынуждена согласиться на признание полной независимости Норвегии. А поскольку на очередном референдуме, проведенном осенью того же года, большинство народа высказалось за монархическую форму правления, королем Норвегии был избран датский принц. В предвоенные годы политическая жизнь страны была насыщена внутренней борьбой, одни правительства сменяли другие, но на общую картину явного процветания буржуазно-демократической и либерально-конституционной монархии в Норвегии это практически не влияло. Еще менее повлияла на политику страны начавшаяся мировая война. С самого ее возникновения Норвегия объявила о своем нейтралитете, что позволило ей вести выгодную торговлю с обеими воюющими сторонами. По некоторым подсчетам, только норвежские судовладельцы за 1913–1916 гг. увеличили свои доходы примерно в 10 раз. Мало того, война очень заметно способствовала промышленному развитию страны. Усилился заново построенный флот, развивались металлургия, химическая индустрия. Резко улучшилось финансовое состояние Норвегии, расцвело товарное хозяйство на участках крупных фермеров. Не оставались в стороне и рабочие, получавшие свою долю растущего богатства страны.

Швеция, со времен знаменитого Карла XII практически не ведшая серьезных войн, уже в XVIII–XIX вв. сумела занять наиболее выигрышную нишу для процветания численно и территориально небольшой страны. Политика так называемого скандинавизма, подразумевавшая ограничение внешнеполитических интересов страны достаточно узкими пределами, способствовала сосредоточению внимания на внутренних проблемах, которые быстрыми темпами одна за другой успешно решались. Это гарантировало Швеции — как и некоторым другим нейтральным странам Европы вроде Швейцарии — быстрые темпы не просто обычных буржуазных преобразований, но и процветания, достигавшегося на фундаменте умелого использования преимуществ либерально-буржуазного образа жизни. Разрыв унии с Норвегией был, конечно, неприятным для шведов, но они легко смирились с этой потерей. Это было тем более не сложно, что к этому времени Швеция превратилась в одну из самых развитых в промышленном отношении европейских стран. Не стоит забывать, что именно шведы сумели изобрести динамит (вспомним великое имя Нобеля), а также пригодившиеся всему миру спички, что едва ли не лучшая по качеству сталь производилась именно на их предприятиях, что внешнеторговый оборот страны только за последнюю треть XIX столетия вырос в пять раз. Расцвет как крестьянской, так и рабочей потребительской кооперации, начавшийся еще в конце того же века, позже заставил многих с почтением говорить о шведском (не марксистском!) социализме.

Формально объявленный лишь на рубеже XIX–XX вв. знаменательный шведский нейтралитет был в реальности уже давно соблюдаемой традицией. И это принципиальное нежелание процветающей буржуазно-либеральной демократической монархии участвовать в каких-либо войнах дорогого стоит. Разумеется, нейтралитет такого рода могла себе позволить лишь небольшая страна, которая давно уже не ведет великодержавную политику, к тому же территориально находится, что называется, на отшибе и никому всерьез не мешает. Но, если честно, то таких стран в Европе в рассматриваемое время было немало. Можно вспомнить хотя бы об Испании. Однако вынужденный нейтралитет Испании, как и вся ее последующая судьба, вплоть до времен холодной войны XX в., была незавидной и не идет ни в какое сравнение с той, что выпала на долю Швеции. И об этом стоит напомнить не столько для упрека в сторону Испании, сколько для восхищения путем, избранным шведами. Как напоминают справочники, в начале XX в., еще до войны, Швеция обогатила мир такими новациями, как паровая турбина, газовая сварка, сепаратор, химическая целлюлоза и ша-

рикоподшипники. Прибавим к этому реформы, направленные на улучшение жизни простого человека. Что же до войны, то справедливости ради следует заметить, что она явилась серьезным испытанием для политики страны. Влиятельные силы, включая короля и его окружение, стояли за прогерманскую ориентацию. Но традиция взяла верх.

Исландия с ее небольшим населением и долгое время сохранявшимися специфическими традициями, восходившими к германской первобытности, с 1380 до 1918 г. формально оставалась датской колонией. Правда, в общем-то колониальное владычество датчан было не слишком обременительным, хотя временами угрожало самому сохранению исландцев как общности, не говоря уже о традиционной практике самоуправления. Тем не менее исландцы выжили без особых потрясений, а ослабление Дании после наполеоновских войн приостановило нажим датчан на Исландию. Вторая половина XIX в. стала периодом заметного промышленно-капиталистического развития небольшой страны, торговавшей в основном рыбой и овечьей шерстью. С 1843 г. вновь начал работать альтинг, пусть только с законосовещательными функциями. В 50-х гг. датчане вынуждены были предоставить исландцам основные буржуазные свободы, а в 70-х — автономию. На рубеже XX в. Исландия практически стала почти самостоятельным государством, хотя формально зависимость ее от Дании еще сохранялась. Годы мировой войны оказали позитивное влияние на развитие Исландии, способствуя расширению ее торговых связей. В стране развивалась промышленность, возникли партии и профсоюзы. В 1918 г. на смену автономии пришла уния с Данией.

Швейцария последовательно придерживалась принципа политического нейтралитета с середины XIX в., когда не слишком прочный союз кантонов был преобразован в союзное государство, связи внутри которого оказались скреплены конституцией 1848 г. Энергичная буржуазная индустриализация в сочетании с успешно развивавшимся альпийским сельским хозяйством, по преимуществу скотоводческим, приносила немалые результаты. Росла и столь нелегко достающаяся строителям в горах железнодорожная сеть (1,5 тыс. километров уже в 1874 г. — непостижимая цифра для горной страны!). В рабочем движении и профсоюзах преобладало влияние реформистов и анархистов, но отнюдь не марксистов, что не мешало движению шаг за шагом в пользу ограничения рабочего дня, страхования и иных улучшений жизни лиц наемного труда. На рубеже XIX–XX вв. Швейцария на глазах стала превращаться в мирового банкира, чему способствовали как природные условия (лучшего места, чем горные скалы, для надежного хранения ценностей трудно

придумать), так и нейтралитет как неизменная политика страны. Параллельно с этим развивались новые отрасли промышленности — машиностроение, электротехника, химия, производство электричества на гидростанциях. Нехватка рабочей силы (куда девались времена, когда избыток ее подавался в ландскнехты!) вела к притоку мигрантов, до полумиллиона за предвоенные годы. Не стоит забывать о курортах и разных санаториях на чистом альпийском лечебном воздухе, а также о безопасности для эмигрантов, включая и радикалов, в частности, немалого числа русских.

Военные годы приносили стране, как и многим иным нейтралам, немалую прибыль за счет активной торговли с обеими воюющими сторонами. Но стоит заметить, что пребывание в Швейцарии революционных экстремистов никак не повлияло на политическую ориентацию местных социалистических и рабочих организаций. Эти организации прочно находились под влиянием реформизма, причем именно от проводимых под их давлением ими серьезных реформ рабочие добивались улучшения своего положения.

СТРАНЫ АЗИИ

В огромной Азии, которая, казалось бы, отделена от театров военных действий в Европе многими тысячами километров, остались нейтральными в ходе Первой мировой войны буквально считаное число стран. Среди них — **Афганистан**. Эта небольшая и не слишком густо населенная горная страна, оказавшись в конце XIX столетия своего рода яблоком раздора в ревнивых взаимоотношениях Англии и России в регионе Центральной Азии, сумела постоять за себя. В годы правления эмира Хабибуллы (1901–1919) признанная его отцом Абдуррахманом зависимость от внешней политики Британской Индии явно тяготила страну, стремившуюся за счет некоторого развития освободиться от излишней опеки англичан. В Афганистане создавались различные учебные заведения, развивалась внешняя торговля с Индией, Ираном и Россией, строились военные мастерские и типографии, даже проводились внутренние телефонные линии. Но все это в крайне отсталой стране требовало огромных усилий и не приводило к заметным результатам. Очередной договор 1905 г. закрепил зависимый от англичан статус Афганистана, что было признано в 1907 г., когда уже формирование Антанты вступило в свой завершающий этап, и давним соперником Англии Россией. В конце первого десятилетия XX в. оживилась политическая жизнь страны. Возникло движение за конституцию («Машрута»), которое, правда,

было жестоко подавлено, появились младоафганцы, деятельность которых с сочувствием воспринимали некоторые высокопоставленные лица, в частности сын эмира и будущий правитель Афганистана Аманулла. Младоафганцы начали даже в 1911 г. издавать газету, публиковавшую наряду с элементарно-просветительскими и познавательными статьями весьма актуальные политические новости и даже переводы из иностранных журналов. В августе 1914 г. эмир провозгласил нейтралитет и строго его придерживался.

Аравия с ее центральноаравийскими песками и оазисами принадлежала в XIX в. чаще всего Саудидам, хотя они и вели на протяжении долгих лет борьбу с Османской империей и ее союзниками Рашидидами за право владеть этими землями, Неджду, как они тогда обычно именовались. Прочно опираясь на учение ваххабитов, Саудиды понемногу укрепляли свою власть в оазисах Неджда. А в 1902 г. Абд аль-Азиз, получив поддержку со стороны кувейтского эмира Мубарака, связанного с англичанами, сумел захватить один из важнейших оазисов, Эр-Рияд, после чего восстановил власть Саудидов надо всеми их прежними землями. В 1906 г. Саудовский эмират, одолев соперника (Рашидидов), окончательно укрепил свои позиции. В 1913 г. он потеснил и турок. Власть эмира из рода Саудидов надолго стала основной в Неджде. В годы мировой войны Саудиды, насколько можно понять, придерживались нейтральной политики по отношению к воюющим сторонам.

Непал был в описываемое время еще более отсталым и географически столь же оторванным от мира, что и Афганистан. Оказавшись в такой же зависимости от расположенной рядом Британской Индии, он и не претендовал на политическую самостоятельность. Англия же была очень заинтересована в воинственных гуркхах, которых она набирала в свою армию и которые обычно принимали участие во всех ее заметных войнах в этом регионе Азии. В начале XX в. общее число солдат 10 гуркхских полков достигало 25 тысяч, что следует считать весьма солидной цифрой. Кроме того, Непал поставлял в Индию рис и лес. Но темпы развития небольшой страны были крайне слабыми, хотя в стране активно действовали индийские переселенцы, в первую очередь торговцы. В отличие от Афганистана Непал в годы мировой войны не придерживался строгого нейтралитета хотя бы потому, что его солдаты, пусть в составе британской армии и в качестве ее наемников (речь в первую очередь все о тех же гуркхах), принимали достаточно активное участие в боевых действиях. Число мобилизованных на войну гуркхов достигло 200 тысяч, причем 10% их с войны не вернулось. Однако официально Непал в войне не участвовал.

Голландская Индия, т.е. острова современной Индонезии, с рубежа XIX–XX вв. резко ускорила темпы эволюции. В стране зримо складывались основы буржуазного предпринимательства, энергично развивалась частная собственность, резко, в разы, возрастало производство сельскохозяйственной продукции — сахара, чая, табака, каучука. Увеличивалась добыча нефти и угля. Иностранный и местный капитал активно вкладывался в развитие страны. Накануне мировой войны во внешнеторговых операциях заметно подросла доля Англии. Свое очень видное место в экономике страны занял и давно уже наращивавший свои потенции капитал китайцев из числа переселенцев-хуацяо. При всем том большие доходы получала и голландская колониальная администрация. Сумма налогов за полтора десятилетия перед мировой войной удвоилась, причем эти возрастающие доходы, пусть не целиком, правительство метрополии, не скупясь, вкладывало в дальнейшее развитие колонии. Власти старались позаботиться о создании пристойной системы народного просвещения и образования, здравоохранения и благосостояния местного населения. Долг чести, этический курс — так стало именоваться новое направление политики метрополии в главной и по сути оставшейся уже единственной ее колонии.

Это были не пустые слова. На местах, чуть ли не в каждой деревне этой огромной и густонаселенной страны с ее великим множеством различных по уровню развития островов создавались кредитные учреждения, призванные помочь земледельцам, поощрялось мелкое крестьянское ремесло. Заметно рос жизненный уровень, широко распространялись основные достижения европейской культуры, элементарной санитарии и гигиены. Увеличивалось, особенно в центральных районах страны, прежде всего на Яве, количество местной интеллигенции, в том числе получавшей хорошее образование в Европе. Немалая их часть начала энергично развивать идеи национального самоопределения колонии, выступать за предоставление ей элементарного самоуправления. В 1912 г., накануне мировой войны, в колонии была создана индийская (индонезийская) партия, ставившая своей целью подготовить народ к «независимому существованию» в рамках «национального единства» формировавшейся единой малаеязычной Индонезии. Однако гораздо большего влияния по сравнению с этой партией добился рыхлый, менее интеллектуальный, но зато жестко опиравшийся на религиозную традицию «Союз ислама», сложившийся в том же 1912 г. на базе предшествовавших ему аналогичных организаций. Численность союза за два–три года достигла 300–400 тысяч человек. В результате сторонники нового политического курса метрополии, надеявшиеся на более заметную

вестернизацию колонии (хотя бы в той степени, в какой этого удалось добиться англичанам в Индии), вынуждены были признать реальность и смириться с ней. Что касается мировой войны, то она фактически прошла мимо колонии, как не затронула и метрополию. Нейтралитет был не столько декларацией, сколько реальным фактом. Во всяком случае, о существенных заметных изменениях в связи с ней определенных данных нет. Можно разве что сказать, что после войны название «Индонезия» начало все чаще использоваться вместо старого «Голландская Индия».

Новая Гвинея, населенная полупервобытными папуасами, была поделена между Британией, Голландией и Германией в 1884 г. Об использовании этой колонии в качестве источника сколько-нибудь серьезных ресурсов говорить не приходится, ибо уровень развития местного населения сто лет назад был до предела низким, а о природных богатствах территории — медная руда, уголь, нефть и пр. — в период накануне Первой мировой войны вроде бы не слишком много было известно (добыча их во всяком случае явно не велась).

СТРАНЫ И КОЛОНИИ АФРИКИ

Эфиопия, которой в предыдущих томах практически не было уделено достаточного внимания, была главным и в сущности единственным независимым африканским государством, занявшим в ходе мировой войны нейтральную позицию. Вообще-то она — если не считать Египта — самое древнее из тех африканских государств, что дожили до наших дней. Поэтому о ней необходимо рассказать более подробно. Возникнув как государство, по преданию, чуть ли не во времена древнееврейского царя Соломона, Эфиопия, начиная с первого ее правителя Менелика I, по легенде сына Соломона и упомянутой в Библии царицы Савской (Сабейское царство считается прямым предшественником Эфиопии), была страной с этнически и конфессионально смешанным населением. Этнически в ее состав с древности входили арабские, еврейские и негритянские общности, конфессионально — представители христиан-монофизитов, иудеев, мусульман и некоторых африканских племен, не знакомых с развитыми религиями. Аксумское царство, бывшее, как гласит предание, преемником Сабейского и созданное, видимо, при участии переселенцев из Аравии, плохо датируется, но все же относится примерно к первому тысячелетию нашей эры, хотя возникло, возможно, на несколько веков раньше. С IV в. из Византии и Египта в Аксум проникает христианство, а вторичное вторжение, на сей раз с севера,

арабов-мусульман привело в начале VII в. к постепенному упадку Аксума. На его территории возникают небольшие исламские султанаты, а несколько позже складывается новое и в основном христианское — хотя и с довольно большим количеством мусульман — государство Эфиопия, правители которой с самого начала стали строго вести свой род от царя Соломона.

На протяжении долгих веков, которые принято считать средними, Эфиопия была политически слабым государственным образованием, насыщенным междоусобными схватками как христианских правителей с вассальными султанами, так и между влиятельными местными христианскими князьями. Слабая политическая власть негусов (правителей) Эфиопии во многом обязана самим своим существованием христианской церкви, которая играла важную роль структурной основы, не дававшей государству развалиться на части. В начале XVI столетия, когда существованию Эфиопии стали угрожать с севера турки-османы, ее спасла помощь единоверцев-португальцев. Но потом, уже в XVII в., эфиопы с трудом избавились от португальцев. Продолжавшиеся в XVIII–XIX вв. междоусобные войны продолжали ослаблять страну, готовую развалиться на несколько самостоятельных княжеств. Дело кончилось тем, что в 1855 г. один из местных правителей, сломав традицию, объявил себя императором (Теодросом II) и сумел укрепить власть центра. Он создал крепкую армию, упорядочил налогообложение, запретил работорговлю, резко усилил меры, направленные на развитие экономики, и стремился укрепить христианство как главную духовную основу государства.

Попытка Англии в 1868–1869 гг. оккупировать усиливавшуюся независимую Эфиопию привела к самоубийству потерпевшего поражение Теодроса, но не к укреплению позиций англичан, которые вынуждены были оставить эту страну в покое. Правда, после эвакуации британских войск в Эфиопии вновь начались междоусобицы, а затем она оказалась втянутой в борьбу сперва с суданскими махдистами, а в 80-х гг. с Италией. В 1889 г. Менелик II подписал с итальянцами договор, но в 1890 г. Италия, выкроившая себе из нескольких захваченных ею прибрежных городов и частей Эфиопии колонию Эритрея, начала было претендовать на то, что Эфиопия будто бы признала ее протекторат. Менелик в 1893 г. резко опротестовал итальянские претензии и в начатой Италией в 1895 г. войне сумел дать агрессорам достойный отпор. По мирному договору 1896 г. Эфиопия, поддержанная Францией и Россией, была признана независимым государством.

Рубеж XIX–XX вв. прошел в Эфиопии под знаком ускоренных темпов развития. Строились города и дороги, появился телеграф,

началось укрепление власти центра с административным подразделением страны на провинции, совершенствовалась система налогообложения, развивалась внешняя торговля. Однако в 1906 г. Англия, Франция и Италия попытались разделить страну на сферы влияния. И хотя Менелик сумел этому противостоять, после его смерти в 1913 г. снова началась междоусобица. В итоге борьбы за власть, занявшей несколько лет, в 1916 г. правителем стала его дочь, а регентом при ней ее муж, симпатизировавший появившемуся в стране движению «младоэфиопов». Это был будущий император Хайле Селассие I. В качестве итогового заключения стоит заметить, что Первая мировая война практически прошла мимо занятой серьезными внутренними проблемами Эфиопии, проводившей, естественно, политику нейтралитета.

Испанские колонии в Африке были немногочисленными и небольшими, но зато часто имели серьезное стратегическое значение. Это относится, в частности, к испанскому **Марокко**. Северная часть этой страны в 1912 г. оказалась протекторатом соседней с ней (через Гибралтар) Испании. Крайний юг Марокко, тоже доставшийся испанцам, был присоединен к испанской колонии Западная Сахара, населенной в основном кочевниками-маврами. Через эту часть Сахары проходят важные караванные пути, соединяющие глубинные районы Африки с океаном, а Марокко с африканским суданским поясом. Неудивительно, что **Западная Сахара** была превращена испанцами в их колонию в конце XIX столетия, а порт в бухте Рио-де-Оро стал ее политическим центром, подчиненным генерал-губернатору Канарских островов.

Канарские острова, освоенные испанцами раньше и расположенные в океане неподалеку от Западной Сахары, играли свою роль в этих торговых связях. С них, в частности, привозили на берег пустыни пресную воду. А береговая полоса испанской Сахары стала важным районом рыболовства и рыбных промыслов с переработкой рыбы.

Остров **Фернандо-По** принадлежал Испании с XVIII в., но всерьез испанцы начали его осваивать во второй половине XIX в. Были созданы плантации, где выращивались деревья кофе и какао, сахарный тростник и табак. Как и сама Испания, ее владения в Африке оставались в Первой мировой войне нейтральными, хотя есть основания считать, что этот нейтралитет, по меньшей мере вначале, был достаточно благожелательным по отношению к немецкому альянсу.

ГОСУДАРСТВА ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

На этом отдаленном от Европе континенте нейтральных стран, как и следовало ожидать, оказалось более всего. Начать стоит с **Мек-**

сики, всегда бывшей одной из наиболее значимых частей всей латиноамериканской доли Нового Света. Внутриполитическая ситуация в этой стране на рубеже XIX–XX столетий с каждым годом становилась все более напряженной. Для этого были серьезные причины. Начнем с того, что вскоре после неудавшейся попытки французов в 60–70-х гг. XIX в. навязать Мексике незадачливого и погибшего в разгар сопротивления местного населения «императора» Максимилиана к власти в 1877 г. пришел президент П. Диас. Сам по себе этот факт не представлял ничего особенного, а новый президент, который поддерживал реформы и потому пользовался немалой популярностью, даже заявил, что намерен оставаться у власти лишь один четырехлетний срок. Оказавшись во главе страны, он начал укреплять свою власть, что опять-таки в условиях то и дело вспыхивавших в стране мятежей различных местных каудильо было по крайней мере желательным. На очередных выборах, не желая разрушать сложившийся в стране образ, Диас не стал баллотироваться. Он передал пост президента своему близкому сотруднику генералу М. Гонсалесу, в чьем правительстве он стал министром. Между тем экономика Мексики, опираясь на возраставшее вливание в нее иностранного капитала, делала немалые успехи. Вовлеченный в сомнительные сделки и заподозренный в коррупции президент Гонсалес в условиях роста цен и недовольства населения с позором завершил свой срок. А к власти вернулся с ликованием избранный патриот и честный реформатор П. Диас. Он активно поддерживал экономические преобразования, привечал возраставший поток иностранного капитала. В Мексике строились железные дороги, велась промышленная разработка нефти, в страну ввозились машины и оборудование. А так как все это требовало необходимой для развертывания промышленных предприятий земли, президент разрешил иностранным и иным компаниям захватывать общинные и тем более давно заброшенные индейцами территории.

За короткий срок свыше 10 млн га только в южной Калифорнии оказались в руках капиталистов из США. Прибавьте к этому закон 1884 г., согласно которому все фирмы, разрабатывавшие недра страны, становились собственниками земель, на которых велись работы. А аграрный закон 1894 г. позволил создавать огромные латифундии, вследствие чего около 70% территории страны оказалось в руках немногочисленных латифундистов, включая и самого президента, давно забывшего о своем обещании не переизбираться. В 1887, а затем в 1890 г. конгресс принял решение о праве президента «в интересах народа» переизбираться без ограничений. За долгие годы своего

правления Диас расставил по всей стране на важнейшие посты своих родственников и приближенных и превратился в диктатора, которого не уставала восхвалять продажная пресса. А на все учащавшиеся жалобы недовольных индейцев он отвечал репрессиями. В начале XX в. президент превратился в ненавистную всем фигуру, а власть его держалась на штыках.

Сторонники преследуемой либеральной партии начали активно выступать за восстановление конституции 1857 г. и бороться против очередного переизбрания диктатора. Вынужденные бежать в США, они обращались с воззваниями к народу. Но выборы 1906 г. состоялись, как обычно, а в 1909 г. престарелый Диас пообещал, что согласится на выдвижение кандидата от оппозиции. Однако, устранив одного из кандидатов и арестовав другого, видного латифундиста Ф. Мадеро, он уверенно «переизбрался» в 1910 г. на очередной срок. В том же 1910 г., разогнав антиправительственные демонстрации, устроил праздник в честь столетия независимости Мексики. Но это торжество было для него последним. Чаша терпения переполнилась. Началось то, что обычно именуют мексиканской революцией, но что на самом деле было всенародным протестным движением, направленным на свержение диктатора. Восстание началось в ноябре 1910. Поднявшего его Мадеро, который скрывался от репрессий в США, где обрел поддержку, активно поддержали крестьяне на крайнем юге и на севере страны. Там Ф. Вилья и Э. Сапата взяли на себя руководство партизанскими армиями возмущенных индейцев.

Уже в мае 1911 возвратившийся на родину Мадеро сформировал новое правительство и заставил Диаса объявить об отставке и бежать из восставшей против него страны. В октябре 1911 г. Мадеро стал новым президентом Мексики. Казалось бы, все позади. Страна может торжествовать. Однако встал больной вопрос о земле. Как известно, такие проблемы не решаются с легкостью. И хотя Мадеро обещал добиться решения, сделать этого он в сложившейся обстановке не сумел. А Сапата от имени восставших предъявил ему ультиматум. В ответ на него в столице страны подняли мятеж генералы, включая руководившего правительственными войсками В. Уэрту. В феврале 1913 г. при согласии посольства США Уэрта был объявлен временным президентом, а отказавшийся отдать власть Мадеро расстрелян. В октябре 1913 г. Уэрта разогнал конгресс и затем организовал выборы президента. Но страна не приняла Уэрту в качестве президента. Массовое протестное движение снизу расширяло свои рамки. Во главе повстанцев с их все разраставшимися армиями в качестве сторонника новой конституции после смерти Мадеро встал

его соратник, губернатор одного из мексиканских штатов В. Карранса, который объявил войну правительственным войскам. Тем временем в условиях начавшейся в стране инфляции против президента Уэрты выступило городское население. В этих условиях США отказались признать и поддержать новое правительство и начали было весной 1914 г. вооруженную интервенцию в Мексику. Но Карранса, да и многие страны Латинской Америки выступили против вмешательства США. Американцы вывели свои войска, а сторонники конституции летом 1914 г. заняли столицу страны. Уэрта бежал, а новое правительство возглавил Карранса.

Снова, как и в октябре 1911 г., могло бы показаться, что основное дело сделано. И снова на передний план вышел вопрос о земле. Сначала этот вопрос, как и более общий вопрос о власти, попытались решить на созванном в октябре 1914 г. Конвенте, который выступил против Каррансы. В конце 1914 г. проблемы страны попытались решить крестьянские вожди. Сапата на юге и Вилья на севере, особо не сговариваясь, решительно приступили к конфискации земли у латифундистов и к разделу ее между неимущими крестьянами. Понятно, что радикальное решение аграрного вопроса не могло оставить равнодушной измученную радикальными потрясениями страну. В то время как Вилья и Сапата пытались договориться, с тем чтобы идти походом на столицу, Карранса, боясь потерять все, решил опередить крестьянских предводителей и предложил в начале 1915 г. свой хорошо просчитанный вариант аграрного переустройства. Этот план был поддержан в городах страны. Представив партизанскую борьбу крестьян, переставших производить продовольствие и обрекавших города на голод, в виде анархической стихии, которая к тому же находится под влиянием церкви, Карранса сумел создать отряды самообороны и тем усилил армию конституционалистов. Организация в голодающих городах при поддержке профсоюзов рабочих батальонов способствовала тому, что весной 1915 г. правительственные войска нанесли тяжелое поражение крестьянским отрядам Вильи на севере страны. Положение Каррансы в стране укрепилось, международная поддержка его правительству — особенно после заявления о нейтралитете в мировой войне — была на его стороне. Уставшая от потрясений Мексика с нетерпением ждала конца гражданской войны.

Когда положение Каррансы упрочилось, он приказал распустить рабочие батальоны. Но провокация со стороны Вильи привела весной 1916 г. к очередному вмешательству США в мексиканские дела. Однако довольно долгое на сей раз пребывание карательной экспедиции американцев в Мексике, не ведших серьезных боевых действий, зато

вызывавших резкие протесты со стороны правительства Каррансы, насколько можно судить по результатам, весьма способствовало успеху его начинаний и укреплению его позиций. Сплотившиеся перед угрозой извне различные политические группировки страны договорились о созыве Учредительного собрания, которое начало работу 1 октября 1916 г. В центре обсуждений оказался проект новой конституции страны, а главными проблемами — аграрный вопрос и решение о роли иностранных капиталов. Свыше двух месяцев проблемы оживленно дебатировались, после чего конституция 5 февраля 1917 г. была принята. Текст ее был довольно радикальным как по характеру, так и по принятым конкретным решениям. В частности, он предусматривал аграрную реформу с возможностью экспроприации крупной частной собственности, лишение католической церкви и иностранного капитала привычных привилегий, широкие права лиц наемного труда, включая 8-часовый рабочий день и забастовки.

Несколько слов, связанных с оценкой и характеристикой событий в Мексике в 1910–1917 гг. Обычно — и прежде всего в самой Мексике — их именуют революцией. Едва ли стоит спорить. Но есть место для иного, независимого анализа. Суть его в том, что нет никаких оснований говорить о буржуазной и тем более антифеодальной социальной революции, и тем более, имея в виду марксистскую схему, о так называемой пролетарской. Реальность сталкивает нас с достаточно сложным и необычным, но не столь странным, как то может показаться на первый взгляд, сочетанием двух очень разных по характеру и целям движений. С одной стороны, это внутренние ожесточенные споры в среде политической элиты, сопровождаемые узурпацией власти, заговорами, казнями противников и переворотами. Они были хорошо знакомы в общем-то практически всем латиноамериканским государствам с момента их возникновения на протяжении примерно ста лет. Более того, в слаборазвитых в буржуазном отношении странах это следует считать нормальным явлением. С другой — это **массовые протестные движения** страдающего и недовольного **крестьянства**, находящегося обычно под сильным влиянием церкви и в любом случае стремящегося не к чему-то неизведанному новому (а революция по идее — это переворот, ставящий своей целью возникновение такого «нового»), а **к восстановлению привычной и нагло порушенной нормы существования**. С такими движениями хорошо знакома, в частности, свыше чем двухтысячелетняя история императорского Китая, где восстания недовольного народа, причем подчас гораздо большие по масштабу и длительности, были обычной нормой в конце династийного цикла. Сочетание

мощного протестного движения мексиканских крестьян и серии политических заговоров, казней и переворотов следует считать лишь некоторой важной и специфической особенностью широкомасштабной гражданской войны в Мексике 1910–1917 гг. Целью этой гражданской войны с ее гигантским социополитическим подтекстом **не было ни ускорение буржуазных преобразований**, ни ликвидация давно уже мало значившей феодальной элиты. Это была борьба за восстановление поруганных прав народа, против беззастенчивой диктатуры захватившего власть узурпатора. Борьба за восстановление усовершенствованной буржуазной конституции в ее правах и за утверждение законных прав трудящегося люда, как в деревне, так и в городе. И констатация этого никак не умаляет значимости происшедшего, особенно имея в виду, что итог борьбы способствовал позитивным переменам в большой стране с богатейшей ее историей.

Венесуэла, расположенная в северной части южноамериканского субконтинента, между Гвианой на востоке и Колумбией на западе, под властью С. Кастро, сумевшего в 1899 г. добиться власти в ходе вооруженного восстания под лозунгом «Возродим либерализм!» и избранного президентом в 1901 г., в начале XX столетия с трудом преодолевала внутриполитические и финансово-экономические сложности. Как и в Мексике, здесь одной из наиболее серьезных проблем оказалось усиливающееся влияние компаний, принадлежавших иностранцам и претендовавших на различного рода привилегии. В борьбу нередко вмешивались противники президента из числа сторонников партии националистов, а также вооруженные силы держав, в частности Англии и Германии, присылавших свои военные корабли для поддержки их компаний. Внутриполитическая борьба ослабила позиции президента, что привело в 1908 г. к государственному перевороту, в результате которого к власти пришел ловкий интриган Х. Гомес, избранный президентом страны в 1910 г. В борьбе за укрепление власти Гомес сделал ставку на армию, что позволило ему не только удержать власть, но и добиться победы над соперниками. Уступив в 1915 г. пост президента одному из своих сторонников, Гомес затем вернулся к власти, чему способствовало некоторое экономическое укрепление страны в годы мировой войны.

В **Колумбии**, расположенной чуть западнее Венесуэлы, конец XIX столетия прошел в обстановке весьма острой внутриполитической, в том числе вооруженной («Тысячедневная война», 1899–1902 гг.) борьбы либералов и консерваторов, к которой добавились и внешнеполитические осложнения, связанные в 1903 г. с отделением от нее республики Панамы. И хотя Конституционная ассамблея

1906 г. с целью укрепления президентской власти удлинила срок пребывания президента в должности до 10 лет, уже в 1909 г. очередной незадачливый президент Р. Рейес был вынужден — после подписания с США вызвавшего в стране возмущение договора о признании им независимости Панамы — покинуть свой пост. Конституционная ассамблея 1910 г. вернула 4-летний срок для пребывания в должности президента и приняла ряд других поправок. Новый договор с США был заключен в 1914 г. Начальный период XX в. в стране был связан с заметным ускорением темпов буржуазного развития. Строились железные дороги и порты, возводились новые предприятия, прежде всего текстильные, разрабатывались минеральные ресурсы, возрастало число банановых плантаций. Нейтралитет Колумбии в мировой войне позволил ей несколько улучшить экономическое положение за счет активной торговли кофе и бананами, а также экспорта цветных металлов, особенно платины.

Эквадор, который находится южнее Колумбии, в районе экватора (откуда и название страны), после гибели в 1875 г. президента Г. Морено оказался в состоянии резко обострившейся политической борьбы консерваторов и либералов. Борьба шла по привычным латиноамериканским стандартам и сопровождалась военными переворотами. Конституционная ассамблея 1883 г. привела к власти консерватора, преемники которого, однако, постепенно сближались с позициями либералов, образовав промежуточное течение так называемых прогрессистов, сущность которого сводилась к публичному отказу от диктаторских замашек и провозглашению основ законности в стране. Это движение в сторону либералов завершилось укреплением в Эквадоре позиций либерализма, а очередной военный переворот 1895 г. привел к власти одного из лидеров повстанческого движения Э. Альфаро, активного сторонника партии либералов. В вооруженной борьбе Альфаро одержал победу над войсками консерваторов, после чего, став президентом (1897–1901 и 1907–1911), провел ряд законов, способствовавших заметному ограничению роли церкви, развитию светского образования и национальной буржуазной промышленности. Конституция 1906 г. была одной из наиболее прогрессивных в странах Латинской Америки. В Эквадоре строились железные и шоссейные дороги, а также делались серьезные шаги в сторону восстановления связей с соседними государствами и велись переговоры, в частности с Венесуэлой, о создании союза республик, чем-то напоминавшего существовавшую в прошлом конфедерацию Великой Колумбии.

Альфаро активно поддержал борьбу Кубы и Х. Марти против испанского владычества, не забывая при этом и о положении индейско-

го населения в своей стране. После окончания срока его президентства в Эквадоре снова возникла вооруженная борьба за власть, в которой деятельное участие приняли религиозные фанатики, не простившие бывшему президенту его выступлений против церкви (в 1912 г. он был растерзан толпой). Однако это был уже едва ли не последний всплеск реакции вчерашнего дня. Эквадор после Альфаро все более уверенно шел по пути энергичного развития буржуазного предпринимательства. Строились различные промышленные предприятия, в первую очередь по переработке сельскохозяйственной продукции, текстильные фабрики, железные дороги и порты. Принимались необходимые меры в сфере трудового законодательства, включая сокращение рабочего дня.

Республика **Перу**, расположенная к югу от Эквадора, один из центров древнеамериканской цивилизации, после неудачной Тихоокеанской войны 1879–1884 гг. с Чили вступила в полосу внутренней смуты, восстаний разоренного войной крестьянства и ожесточенной внутриполитической борьбы. Буржуазное развитие страны шло замедленными темпами, несмотря на активную поддержку со стороны иностранного, прежде всего английского капитала. Борьба за власть с преследованием оппозиции постоянно обостряла внутриполитическую обстановку и, разумеется, не слишком содействовала промышленному развитию отсталой страны. В середине 90-х гг. XIX в. эта борьба обострилась и превратилась в вооруженные схватки, завершившиеся в 1895 г. приходом к власти президента Н. Пьерола (1895–1899). В годы его правления, да и после них успокоившаяся на время страна добилась некоторых успехов в установлении финансовой стабильности и развитии предпринимательства. Добыча меди привела к развитию горнорудных промыслов и строительству железной дороги. Каучук, а также сахар, хлопок и некоторые другие сельскохозяйственные продукты стали важным предметом экспорта, что также влекло за собой строительство дорог и портов.

Начало второго десятилетия XX в. было связано в Перу с обострением территориальных споров с соседними странами и ростом недовольства на ряде предприятий, что отразилось на состоянии внутренней стабильности и привело в конечном счете к политической неустойчивости и военным переворотам. Но накануне Первой мировой войны при президенте Г. Биллингурсте стабильность была восстановлена. Были сделаны серьезные уступки лицам наемного труда (8-часовый рабочий день, легализация забастовок). Начало мировой войны сыграло свою благотворную роль для страны, сохранившей нейтралитет и заметно активизировавшей товарное производство и внешнеторговую политику. Лишь в конце войны, в 1917 г., после уничтожения

немецкими подводными лодками торгового корабля, Перу порвала отношения с Германией. Но война ей объявлена не была.

Чили, узкой приморской полосой расположенная к югу от Перу до самой Антарктики, после Тихоокеанской войны значительно обогатилась залежами селитры, меди и иных минералов, что сыграло важную роль в ускорении темпов развития ее горнодобывающей промышленности и быстром росте внешнеторговых оборотов. Это серьезно помогло и развитию сельского хозяйства страны. Но это не спасло республику от свойственных практически всей Латинской Америке политических неурядиц, заговоров и переворотов, часть которых в случае с Чили инспирировалась извне, со стороны западных держав, в частности Германии. Соперничество немецких и английских интересов в Чили сильно дестабилизировало обстановку в стране, хотя экономика страны при этом развивалась достаточно успешно. Строились рудники, шахты, железные дороги. В начавшейся мировой войне нейтралитет Чили был наиболее последовательным и в некотором смысле даже не вполне безопасным для страны, оказавшейся у себя дома как бы между двух огней.

Аргентина, крупная республика Латинской Америки, расположенная к востоку от Перу и Чили и имевшая выход только к Атлантическому океану, была на рубеже XIX–XX вв. одной из развитых стран южноамериканского субконтинента. В стране была густая сеть железных и шоссейных дорог, множество телеграфных линий, большое количестве мигрантов из Европы. Аргентина отличалась развитым скотоводством и производством зерновых с немалым выходом товарной продукции, расцветом городского строительства с европейского типа благоустройством (электричество, канализация, даже конка на больших улицах). Правда, промышленное производство было еще не слишком продвинутым, хотя число промышленных предприятий, в основном очень небольших, в конце XIX в. было более чем внушительным (24 тысячи при 175 тысячах тружеников на них в 1895 г.). Зато процесс внутриполитической консолидации шел достаточно быстрыми темпами, чем страна выгодно отличалась от многих латиноамериканских республик.

Разумеется, и здесь случались перевороты и военные мятежи, но они порой происходили лишь на провинциальном уровне, а страна в целом если и не благоденствовала (особенно это касается индейского населения, безжалостно уничтожавшегося в случае каких-либо конфликтов), то по меньшей мере не сильно страдала от столь привычных на субконтиненте постоянных междоусобиц. Политические кризисы завершались отставками, а редкие серьезные восстания, ко-

торые подчас привычно именуют «революциями», какие случались в 1890–1893 гг., приводили в конечном счете к укреплению стабильности, равно как и позиций давно уже вышедшей на авансцену буржуазии. Национальный конгресс 1912 г. усовершенствовал в пользу электората избирательный закон, признавший участие в выборах обязанностью всех граждан с 18 лет. В годы мировой войны страна соблюдала нейтралитет, а ситуация военных лет способствовала ускорению темпов ее индустриального развития.

Парагвай, расположенный на северо-восточных границах Аргентины, между ней и Бразилией, с трудом переживал последствия страшной для него войны с соседними странами в 60-х гг. XIX столетия. И хотя к рубежу XIX–XX вв. положение страны несколько выправилось, в немалой мере за счет притока новых колонистов, страна прочно оставалась отсталой аграрной республикой. Прибавьте к этому партийную борьбу в правящих верхах, которая нередко сопровождалась военными переворотами. Наиболее заметный из них привел в 1904 г. к единению враждовавших партий либералов и республиканцев («колорадо»), что, однако, не привело страну к стабильности. Борьба за власть и сопровождавшие ее политические и военные перевороты вели к частой смене президентов. Соединение железной дороги страны с аргентинской железнодорожной сетью в 1913 г. дало выход Парагваю к океанским портам и тем способствовало его развитию. В годы мировой войны политика нейтралитета помогла экспорту строевого леса, хлопка, сахара, что несколько выправило экономику страны.

Уругвай, небольшое государство, расположенное между Аргентиной и Бразилией на юге, в устье р. Парана, отличался развитым скотоводством и широкими торговыми связями. Население этой страны, преимущественно из европейских переселенцев разных времен в немалой мере определило судьбу республики. Хотя по количеству серьезных политических столкновений, мятежей, переворотов и правительств Уругвай мало чем отличался от других латиноамериканских стран, интенсивность хозяйства в стране была на сравнительно высоком уровне. Экспорт замороженного мяса, начатый во все возрастающих объемах благодаря созданию в стране мощных холодильных установок, привел, начиная с 1904 г., к резкому возрастанию объемов выгодной внешней торговли. Прогрессивное трудовое законодательство (8-часовый рабочий день с 1815 г.), радикальный избирательный закон вели понемногу к улучшению социального, экономического и политического положения в стране. В годы мировой войны республика проводила политику нейтралитета, а 1917 г., как и Перу, порвала отношения с Германией.

Глава шестая. МИР ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Теперь, после обзора важнейших событий на планете в начале XX в., накануне Первой мировой войны, очень существенно разобраться во всех них с одной, но крайне важной для истории точки зрения: как, когда именно и почему стало ясным, что очередное, причем далеко не первое изменение соотношения сил между основными западными державами (в их число с начала XX в. вошла и Япония) грозит превратить кровавую схватку между ними в некое всемирное побоище. Что способствовало этому и обусловило принципиально новый характер схватки держав? С самого начала следует оговориться, что проблема отнюдь не сводится к поиску виновного или к точному разделению вины между основными участниками схватки, как это делается в некоторых капитальных изданиях, посвященных мировым войнам. Вопрос предстоит поставить намного шире и, если на то пошло, точнее: что объективно привело к тому, что начало XX столетия оказалось гранью, за пределами которой планета превратилась в глобально неразделимое единое целое и в качестве такового стало объектом вожделения сильных.

БОРЬБА ЗА СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ И ПОЗИЦИЯ ГЕРМАНИИ

Случилось довольно много. Важно, подводя итоги и предлагая объяснение причин мировой войны, с достаточным вниманием во всем этом разобраться. Начнем с того, что на протяжении нескольких веков, начиная с рубежа XV–XVI столетий, т.е. с Великих географических открытий и освоения предбуржуазным, а затем и буржуазным Западом незападной части огромной по сравнению с крошечной Западной Европой планеты, шел процесс вестернизации мира. Как ни относиться к этому процессу, довольно подробно описанному в предшествующих томах данного издания, сам по себе он был, безусловно, фактом великой и принципиальной перемены в жизни всего человечества. Вне зависимости от того, какое сопротивление оказывалось — если оно реально ощущалось — упомянутому процессу со стороны всех тех, кого он независимо от их воли и чаще всего вопреки ей затронул, ситуация серьезно не менялась.

Хорошо оснащенные, к тому же вооруженные огнестрельным оружием конкистадоры и колонизаторы в разных частях мира сравнительно легко, хотя и далеко не сразу (процесс шел с конца XV столетия и завершился лишь во второй половине XIX, а кое-где, например

на севере Африки, растянулся до начала XX в.), подчинили себе всю планету. Во всяком случае, создали условия, при которых вестернизация стала важным элементом постепенно осознававшейся всем миром потребности в модернизации. Достаточно обратить внимание на то, что западное огнестрельное оружие оказалось необходимым и было практически, причем в первую очередь, заимствовано всеми, кто оказывался объектом экспансии. Во всяком случае, всеми теми, кто — за исключением, быть может, наиболее отсталых общностей типа австралийских аборигенов, индейцев из дебрей Амазонки и некоторых негритянских групп, бушменов и готтентотов, — был способен взять в руки ружье и сражаться с его помощью за свои интересы.

Результаты этого глобального всепланетного процесса преобразования незападного мира оказались в конечном итоге, спустя немногие столетия, более чем ощутимыми. Мир изменился. Он стал настолько иным, что разница могла бы броситься в глаза каждому, если бы она не проявляла себя медленно и постепенно, так что на протяжении жизни одного поколения, по крайней мере до XIX в., новаций выпадало не слишком много. Упоминание обо всем этом можно было бы считать примитивной банальностью, если бы именно на рубеже XIX–XX вв. не произошел некий зримый и, что намного важнее, качественно очень значимый перелом. Суть его в том, что веками накапливавшиеся изменения в условиях резко ускорявшихся в буржуазном обществе шагов истории привели именно в это время к некоему разрыву непрерывности, ко всем заметному скачку. Он проявился во многом, но прежде всего в том, что вся планета оказалась поделенной на сферы влияния и что при этом некоторые крупные европейские державы начали ощущать себя несправедливо обделенными. В первую очередь это стало больной проблемой для объединенной Бисмарком и сразу же после этого начавшей резко усиливаться в индустриальном, да и во многих иных отношениях Германии.

Здесь стоит приостановиться и обратить внимание на то, что параллельно с Германией и в том же, если даже не в более быстром темпе шел аналогичный процесс в США. Но принципиальная разница между обеими державами была в том, что у США была гигантская внутренняя периферия, позволявшая ей вволю и без особых проблем расширяться, распространяться за начальные сравнительно узкие пределы, да и вообще, опираясь на доктрину Монро, считать себя интегральной частью всей Америки. Более того, понятие «Америка» порой включало в себя расположенные неподалеку — а то и достаточно далеко от нее — территории вроде Кубы, Филиппин и даже Гавайских островов. У Германии такой возможности не было. Эль-

зас, Лотарингия, Шлезвиг с Гольштейном доставались ей дорогой ценой и были очень небольшим, хотя и ценным добавлением к тому, чем она до того обладала. Скудные колониальные анклавы, что достались ей при разделе африканских тропиков или далекой Гвинеи (Папуа), а также немногие острова Океании не могут идти ни в какое сравнение с тем, что легко выпало на долю США. Словом, обиженной судьбой была — и, главное, считала себя — именно Германия.

Но быть или хотя бы просто считать себя обиженным судьбой — при всей мобилизующей и мотивирующей значимости этого ощущения — далеко не достаточно для того, чтобы бросить вызов всем тем, кого можно было бы считать виновным в этой несправедливости. Да и вообще, есть ли основание рассуждать о чьей-либо виновности? Кто виновен в том, что до Бисмарка империя австрийских Габсбургов очень долгое время не могла, да и не слишком старалась сделать что-нибудь для объединения Германии? Да и были ли у слабой и геополитически нескладной лоскутной империи с огромной ролью инонациональной периферии, постоянно ее ослаблявшей, возможности объединить все мелкие немецкие государства, если бы она даже стала к этому стремиться? Вообще-то здесь не о чем и говорить. Но так или иначе, а после выхода на авансцену истории сильной милитаризованной Пруссии ситуация резко изменилась, в результате чего вскоре и появилась объединенная быстрыми темпами развивавшаяся буржуазная и в основном протестантская Германия.

Немцы очень болезненно ощущали явную несправедливость судьбы, свидетельством чего следует считать начавшие развиваться в стране идеи пангерманизма. Но все такого рода идеологические течения, не оставлявшие немецкую общественную мысль в покое весь XX век, сами по себе мало чего стоили. Они могли сыграть роль лишь в сочетании с военно-индустриальной мощью. Это руководители Германии очень хорошо сознавали. И не только сознавали. Они делали все, что в их силах, дабы могущество созданного Бисмарком государства возрастало как можно быстрее. И об этом необходимо сказать особо. Но речь вовсе не о том, чтобы свалить всю вину за подготовку мировой войны именно на немцев, хотя с этим поневоле сталкиваешься чаще всего. Разговор идет в чисто объективном плане. Так сложилось, что больше всего вроде бы вполне обоснованных причин для недовольства сложившимся положением дел было именно у Германии. Но дело не только в этом. Недовольными в принципе могли бы считать себя и итальянцы, которые тоже опоздали к разделу мира на сферы влияния и из последних сил старались не упустить момента, когда можно будет поучаствовать в колонизации Триполитании и Киренаики, в нападках на Абиссинию

(Эфиопию). Могли напомнить о себе и преодолевавшие, наконец, свое многовековое отставание от передовых западных держав испанцы, нацелившиеся на часть Марокко и не забывавшие о некоторых других африканских территориях. Словом, считать себя обиженными судьбой имели основание и другие страны. Но не все они — и это важно — могли при этом похвастать своей военно-промышленной мощью. А Германия могла. Она с начала XX в. быстрыми темпами доказывала свое преимущество именно в этом плане. Годовой рост ее промышленного производства за тридцать лет перед войной был равен примерно 4,5%. Орудия фирмы Круппа были, похоже, лучшими в своем роде. Подводные лодки в том количестве, в каком они активно и успешно действовали в годы войны, оказалось под силу производить именно немецким предприятиям. И если по части линкоров и крейсеров англичане еще были впереди, то ненамного. Можно было бы порассуждать даже о танках или самолетах, но они не играли существенной роли в Первой мировой войне. Словом, во всем том, что касалось индустрии и научно-технических достижений, немецкое буржуазное производство было на высоте.

Кроме того, основой военной мощи Германии была ее армия. И если Бисмарк в свое время горделиво заметил, что залогом успеха немцев во франко-прусской войне был школьный учитель, то применительно к Первой мировой войне таким наставником следовало бы считать офицерский корпус страны, от фельдмаршалов до ефрейторов. А если идти еще дальше, то это солдатская муштра времен первых прусских королей, которой с таким ревнивым и даже почтительным тщанием пытались в свое время подражать Петр III и Павел I вкупе с Аракчеевым. Можно пойти и вглубь веков, вспомнив о боевой мощи и успехах Ливонского или Тевтонского орденов. Но в любом случае вывод одинаков: немецкий солдат и учивший его унтер-офицер, равно как и думавший о стратегии фельдмаршал были, безо всяких сомнений, в числе лучших из тех, кем могли похвастать самые мощные и успешные державы. Значит ли это, что у Германии были вполне реальные шансы одержать победу над соперниками в грядущей войне? Вопрос не очень корректен по той простой причине, что далеко не сразу выявилось, кто окажется в числе противников и как будут выглядеть в конечном итоге противостоящие друг другу коалиции. И хотя далеко и прозорливо смотревший вперед начальник генштаба А. Шлиффен предполагал, что немцам придется вести войну на два фронта, справедливости ради стоит напомнить, что план его исходил из возможности быстро, за шесть недель, покончить сперва с французами, а затем столь же стремительно с русскими. Иными словами, вести войну на два фронта одновременно и долго немецкий генштаб не планировал. Стоит также заметить,

что война с французами предполагала вторжение во Францию через Бельгию, т.е. наиболее удобным и наименее подготовленным к обороне путем, но не затрагивая Нидерланды, дабы не помешать использованию морских коммуникаций (ситуация, позволяющая понять, почему Бельгия оказалась воюющей стороной уже в августе 1914 г., а Нидерланды так и остались в числе нейтралов).

Говоря о военных планах Тройственного союза (а еще в феврале 1914 г. Италия из этого союза не вышла и, более того, принимала участие в планировании военных действий), нельзя не отметить, что основную тяжесть противостояния России должна была в первые недели войны взять на себя Австро-Венгрия. Италии, как предполагалось, придется принять некоторое участие в борьбе с Францией, то позволило бы высвободить часть немецких войск для участия в боевых действиях на русском фронте. Все сказанное призвано напомнить, что к войне немцы готовились серьезно, что война, по их мнению, в сложившихся обстоятельствах была единственным способом выправить несправедливую ситуацию, не соответствующую сложившемуся соотношению сил, и что у них были некоторые основания считать, то они эту войну смогут выиграть. Или, во всяком случае, не проиграть.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ИГРЫ НЕМЦЕВ И АНТАНТА

Коль скоро инициатором всех действий, вызвавших в конечном счете войну и во всяком случае приведших к ней, были в конечном счете именно немцы (речь не идет, важно напомнить, только о том, кто должен нести ответственность за развязывание мировой войны), то нельзя не обратить внимания и на дипломатическую сторону событий. Дипломатия в годы, предшествующие военным действиям, сыграла огромную роль. Далеко не сразу выявилось, каковы подлинные интересы тех либо иных держав и могут ли какие-нибудь обещания, уступки и иные дипломатические действия изменить сложившуюся в том или ином случае конкретную ситуацию и выявить пределы усилий, требующихся для поворота событий в выгодную для кого-либо сторону. Но именно здесь Германия терпела одно поражение за другим. Оставляя в стороне излюбленные очень многими специалистами (далеко не только советско-марксистскими) рассуждения об империализме и связанных с ним интересах, имеющие чаще всего характер своего рода бессодержательных заклинаний, стоит обратить внимание просто на реальные политические, экономические и иные, в том числе и подчас в первую очередь колониально-территориальные интересы (сферы влияния) дер-

жав. Комбинациям в этом море переплетающихся устремлений не было числа. Все что-то хотели, каждый старался выкроить кое-что для себя. Здесь было необъятное поле для интенсивной работы. И если бы Германия прежде всего стремилась выиграть нечто существенное мирным путем или хотя бы только бряцая оружием, как то было, в частности, в случае с оккупацией ею богатой и развитой восточнокитайской провинции Шаньдун, то, как знать, быть может, она вообще сумела бы добиться желаемого без мировой войны?

Ситуация, однако, складывалась иначе. Конечно, немцы использовали родственные связи с русской короной и даже временами, например в годы русско-японской войны, похоже, надеялись на то, чтобы создать германо-русско-французский союз против англо-японского. Однако союз не сложился, ибо Россия не сочла для себя возможным обещать вмешательство в пользу Германии в дела вне Европы, т.е. именно в проблемы, связанные со столь желанными для немцев колониями, прежде всего английскими. Немцы были, естественно, недовольны заключенным в те же годы англичанами с их извечными французскими соперниками договором, т.е. возникновением Антанты. И хотя помешать этому они не могли, едва ли это означает, что им следовало столь демонстративно вести себя в годы так называемого 1-го марокканского кризиса, когда тот же германский кайзер Вильгельм II посетил в 1905 г. Танжер. Конечно, Марокко было лакомым куском, причем последним или почти последним из тех, на которые могли рассчитывать немцы. Но расстановка сил была явно не в их пользу, что вскоре и выяснилось. Дипломатический нажим не привел к успеху, но лишь укрепил связи Франции и Британии. А вот итальянцы и испанцы, тоже претендовавшие на части турецкого Магриба, в том числе и Марокко, вели себя скромнее и сдержаннее и кое-чего добились. Быть может, стремясь показать, что Германия — это не Италия или Испания, немцы именно поэтому пошли на вызывающую демонстрацию. Но, как бы то ни было, результат такого рода дипломатии оказался бесспорно негативным.

Для России проблема черноморских проливов на протяжении всего XIX в. была, что называется, больным местом. И когда в момент наступления на империю Османов младотурок австрийцы аннексировали Боснию и Герцеговину, сербы возмутились. Проблема мировой войны в тот момент еще не была острой, а Россия была в военном отношении к войне за интересы сербов не готова. Казалось бы, в этой ситуации вспомнить о русских интересах, т.е. о проливах, было бы дипломатическим выигрышем для немцев. Но они предпочли весной 1909 г. язык ультиматумов, вследствие чего дальнейшие попытки как-либо воспрепятствовать дальнейшему сближению России с Францией и Ан-

глией уже становились бессмысленными. Летом 1909 г. в Германии обсуждался вопрос о том, не стоит ли попытаться оторвать от этого тройственного сближения Англию. Но решение такого рода принято не было. Зато на том же совещании выяснилось, что в 1915 г. немецкий флот будет, наконец, готов к морской битве с англичанами. Правда, несколькими годами спустя, в 1912 г., обсуждая проблему португальских колоний в Африке, на которые Германия при благосклонном отношении англичан давно уже зарилась, немцы вновь вернулись к этому вопросу, пытаясь нейтрализовать Англию. Но и теперь не удалось добиться ожидаемого результата.

Едва ли Германия вообще имела серьезные основания рассчитывать на успех. Но обмен мнениями все же происходил, дипломатия вроде бы продолжалась. В 1913 г. было даже парафировано англо-германское соглашение о португальских колониях (учитывая это, не стоит удивляться тому, что Португалия, правда, не сразу, объявила войну Германии и ее союзникам). Был даже парафирован англо-германский договор о Багдадской железной дороге. Но оба соглашения так и не были подписаны. Не вполне ясно, что сыграло при этом главную роль. Но, оценивая немецкую дипломатию в целом, есть основания считать, что она была не просто неудачной. Скорее она была не слишком серьезной. А если выразиться точнее, Германия явно рассчитывала не столько на нее, сколько на свою уже упоминавшуюся внушительную и все возраставшую мощь. Или, иначе, на военный успех. Впрочем, вполне возможно, что решающую роль в неудачах немецкой дипломатии сыграла Англия, главная из трех держав Антанты, противостоявших созданному еще Бисмарком Тройственному союзу.

Хотели ли и насколько серьезно готовились к войне страны Антанты? И какова доля их вины — если уж говорить на этом языке — в том, что мировая война была все же начата, а не предотвращена? Британия, которая на протяжении очень длительного времени не только вынужденно, со времен французской революции и Наполеона, была в международной изоляции, но и реально постоянно соперничала с Францией и Россией, в начале XX в. искала союзников. И англо-японский союз 1902 г. был одним из доказательств этого. Только поражение России в русско-японской войне всерьез побудило англичан задуматься над тем, что сулит им изменение соотношения сил в Европе. Перед Британией замаячил нелегкий выбор: то ли продолжать защищать Турцию от натиска русских, что было лейтмотивом ее ближневосточной политики и сущностью так называемого восточного вопроса едва ли не на протяжении столетия, то ли, урегулировав все колониальные проблемы с Россией, принять во внимание, что эта империя может стать ее союзником в противостоянии угрожающе ра-

стущему агрессивному давлению со стороны Германии. В любом случае, однако, Англия не сомневалась в том, что ее главным соперником все увереннее становится именно Германия, которая индустриально быстро развивалась, усиленно вооружалась и к тому же все заметнее обзаводилась мощным военно-морским флотом.

Ситуация в целом, однако, была все же достаточно сложной. Следовало многое рассчитать и не ошибиться в своих расчетах. Но справедливости ради необходимо заметить, что сам ход событий довольно быстро многое расставлял на места, не оставляя возможности для длительных колебаний. Сближение с Францией было найдено без особых усилий, несмотря на печальный для французов инцидент близ восточноафриканского побережья в Фашоде в 1898 г. и заметное сопротивление первоначальным устремлениям Франции в сторону Марокко на рубеже XIX–XX вв. В конечном счете «Сердечное согласие» 1904 г. оказалось итогом официальных визитов глав государств друг к другу и подписания соответствующих соглашений, призванных урегулировать спорные вопросы, в основном касавшиеся колоний.

С Россией дело обстояло несколько сложнее. Однако резкое усиление позиций Германии в ее взаимоотношениях с Османской империей, включая и ее колониальную либо полуколониальную периферию, сыграло определенную роль в изменении политики англичан. Усилив свои позиции в ряде арабских стран, где влияние турок было неустойчивым, а тенденции к самостоятельности весьма заметными, и тем помешав немцам вывести Багдадскую железную дорогу к Индийскому океану, Англия вполне резонно решила удовлетвориться этим и приложить усилия к дипломатическому урегулированию отношений с Россией. А поскольку древняя и высокая культура британской дипломатии не шла ни в какое сравнение с германской, это ей сравнительно легко удалось. Русско-британские противоречия в Центральной Азии одно за другим находили приемлемое решение, так что сближение империй в противовес угрожающему им усилению Германии стало очевидным для всех фактом, как упоминалось, в 1907 г., когда русско-английское соглашение, связанное с урегулированием упомянутых проблем, было подписано в Петербурге. Что касается России и Франции, то эти страны, довольно быстро найдя друг друга, хорошо сознавали, что без поддержки англичан столкновения с германским блоком им не выдержать. Поэтому Россия — о французах в этом смысле не было и речи — сравнительно легко стала склоняться в сторону Англии и, напротив, достаточно уклончиво реагировать на заигрывания немцев, что оказалось до предела очевидным в связи то с боснийским, то с балканским кризисом и с политикой австрийцев в связи с ними.

О РЕСУРСАХ И МОТИВАХ РАЗНЫХ СТРАН

Как видно из всего изложенного выше, к войне загодя готовились обе стороны. Дольше других колебалась разве что Италия. Но ее военный потенциал был невелик, так что эти колебания не сыграли существенной роли в процессе как военно-политического, так и дипломатического обеспечения будущей вооруженной схватки. Однако остается другой и весьма важный вопрос: как представляли себе будущую войну обе соперничающие группировки? Есть немалые основания считать, что до поры до времени — а точнее, до начала войны и даже первых ее результатов — ни одна из них всерьез не предполагала, что столкновение сразу же выйдет на уровень всепланетарного масштаба. Конечно, стороны не могли не учитывать, что их интересы могут столкнуться в мире далеких колоний и иных стран. Но, во-первых, у германского альянса колоний было не слишком много, так что специально ориентироваться на столкновение (в основном в африканских тропиках) при составлении стратегических планов генштаба явно не стоило. А во-вторых, до XX в. не было прецедентов, которые могли бы заставить задуматься о том, не выйдет ли столкновение коалиций сильных европейских держав за пределы Европы.

Не то чтобы никто о подобном варианте развития событий не задумывался. Не исключено, что неевропейский мир принимался в расчет. Однако ему не уделяли большого внимания. И уж во всяком случае едва ли не только немцы, но и страны Антанты рассчитывали на то, что в войну вступят США с их подчеркнуто обособлявшей Америку от остального мира доктриной Монро. Еще меньше думали в этой связи о подавляющем большинстве иных стран, от Японии до Китая, от Бразилии до Сиама. Разумеется, немцы не могли не учитывать, что войска колоний вполне могут принять участие даже в боевых действиях. Но едва ли они полагали, что это существенно повлияет на положение дел на фронтах европейских битв. Другое дело ресурсы разных стран. Они в случае затяжной войны, на которую — стоит напомнить — Шлиффен в своем плане блиц-крига не рассчитывал, могли сыграть важную роль. Но что было поделать с этим? Оставалось надеяться, что ситуация может привести к неожиданностям, которые сыграют в пользу немцев, как то и случилось в начале 1917 г. Правда, до этого следовало уже провоевать два с половиной года, что немцы в своих планах могли предполагать в качестве нежелательной возможности, в любом случае рассчитывая все вынести.

Трудно судить, насколько различные варианты ведения войны были в деталях просчитаны. Важно, однако, принять во внимание,

что если это и было именно так, одно несомненно: немцам нужен был блиц-криг. Они могли бы, если это не получится, выдержать и более длительную позиционную войну, разумеется, только в пределах континентальной Европы. Но одно совершенно ясно: чем дольше длилась бы война, тем тяжелее было бы выдержать ее именно германскому альянсу, так как его ресурсы были ограниченными. И это не считая возможного вступления в войну такой силы, как США. Есть, правда, еще одно немаловажное обстоятельство, которое могло бы объективно помочь альянсу. Речь о тех странах, прежде всего в Латинской Америке, хотя и не только, которые, как не без оснований можно было бы предположить, останутся нейтральными либо даже будут настроены в пользу немцев. Не исключено, что немцы втайне рассчитывали и на ресурсы тех колониальных и зависимых стран, которые, воспользовавшись войной, выступят против колонизаторов и станут помогать германскому альянсу. Ведь когда Германия создавала свой огромный военный флот, она явно имела в виду борьбу не столько на европейских морях, сколько на океанских просторах всего мира.

И все же, если оставаться на почве тех стратегических предположений и расчетов, которые детально описаны в многочисленных документах и отражены в обильной историографии мировой войны, то окажется, что для собственно «мировой» войны в этих расчетах места не было. Обсуждались только проблемы большой европейской войны во всех ее возможных — и впоследствии так либо иначе реализованных на практике — вариантах. Мировой война в реальности стала лишь по ее конечным итогам и только потому, что формально в нее вступили многие страны, внесшие в нее какой-то — иногда очень весомый — вклад, но так и не попавшие на театры военных действий в Европе или хотя бы на Ближнем Востоке. Или, иными словами, судьба войны решалась, как то и планировалось генштабами воюющих держав, на полях континентальной Европы. Впрочем, это никак не исключает того, что по многим объективным параметрам война все же имеет основание считаться мировой. Хотя бы потому, что мало кто в мире в конечном счете оказался совсем в стороне от нее. Но какими были мотивы разных стран?

Кое о чем в этой связи мельком уже упоминалось, когда давалась характеристика ситуации в разных политически самостоятельных и зависимых странах. Наиболее показательным следует считать политические мотивы европейских стран, которые, как Италия, стремились к колониальным захватам и в зависимости от этого склонялись в ту либо иную сторону. Некоторые, как Нидерланды, Португалия и Испания, при выборе своей политической позиции вынуждены

были считаться не столько со своим стремлением к новым колониям, но и с необходимостью сохранить уже имеющиеся или, как Бельгия, еще и со своим геополитическим положением в Европе. На континенте лишь страны, весьма отдаленные от театров военных действий и известные своей склонностью к строгому нейтралитету, будь то Скандинавия либо Швейцария, сумели остаться в стороне от войны. Нейтралитет большинства латиноамериканских стран зиждился либо на том, что их острые внутренние проблемы — как в случае с Мексикой — исключали вмешательство в чужие дела отдаленного континента, либо на стремлении получить некоторую выгоду от заметного расширения производственных возможностей и выгодных торговых связей, т.е. от торговли теми самыми ресурсами, которых не хватало воюющим сторонам, особенно государствам германского альянса.

В случае со странами отдаленного от Европы Дальнего Востока мотивами служили либо стремление захватить чужую сферу влияния (Япония на территории оккупированного Германией китайского полуострова Шаньдун), либо естественное желание воспрепятствовать этому (Китай с его стремлением вернуть Шаньдун). Могли быть и иные мотивы, не говоря уже об острых схватках на территории германских колоний в африканских тропиках. Но если собрать все вместе и попытаться как-то обобщить все те причины, которые побудили разные страны выбрать тот либо иной модус поведения в годы мировой войны — а это свыше четырех лет, — то окажется, то в подавляющем большинстве случаев мир был на стороне стран Антанты, что сыграло свою весомую роль в конечной победе именно этой группировки. Сыграло несмотря на то, что Россия в 1917 г. оголила свой фронт и тем позволила немцам зайти в глубокий ее тыл, после чего большевики заключили с Германией позорный Брестский мир (от еще большего позора Россию спасло лишь поражение Германии в войне и возврат уступленных немцам территорий).

В конечном итоге свою немаловажную роль сыграло множество различных факторов и мотивов, которые в своей совокупности не столько даже превратили европейскую войну в мировую, сколько предоставили этой войне возможность продлиться слишком долгое время, не говоря уже о том, что ослабевшая в годы войны Россия оказалась добычей социальных экстремистов, которые вскоре после окончания Первой мировой войны стали наиболее охотно сотрудничать не только с Веймарской, но и с фашистской Германией. Но это было уже после поражения немецкого альянса в мировой войне. Пока же речь идет о начале, даже только о ситуации перед началом этой войны.

Часть вторая

Мировая война. Большевики и гражданская война в России

Не слишком многие годы, которые пришлись в первой четверти XX в. на долю мировой войны и трагических событий в России (1914–1921), принадлежат к числу крайне необычных. Это тот не часто встречавшийся в истории человечества случай, когда справиться с жестко сплетенными в тугой узел событиями вовлеченным в них людям долго оказывалось не по плечу. И отнюдь не потому, что вообще в годы войн и связанных с ними бедствий не только воюющие, но и огромные массы мирных жителей, волею судеб вовлеченных в кровавую схватку, не в состоянии с легкостью положить конец экстремальной ситуации. Положение дел весомо осложнялось тем, что сами по себе события, о которых идет речь, оказались неординарными. Никогда еще в истории не сталкивалось на полях сражений, причем сразу на нескольких фронтах, столь огромное, исчисляемое миллионами, количество вооруженных усовершенствованной военной техникой воинов. Не было еще такого, чтобы война поделила почти всю планету с ее к тому моменту уже миллиардами жителей на два очень сильных военных лагеря. И не так часто одна кровавая схватка столь легко перетекала в другую, еще более страшную, т.е. в войну гражданскую на территории огромной империи, охваченной невиданной еще по масштабам и по уровню беспощадной волной ненависти и террора.

Об этом с самого начала стоит напомнить, ибо практика показывает, что подрастающее поколение склонно с легкостью забывать о том, что произошло не только сто, но и полсотни лет назад. Для него все это — при нынешних темпах ускоренных шагов человечества вперед (куда именно?) — почти что древняя история, интересная разве что специалистам. Между тем многое, очень многое в жизни современных людей, включая упомянутое поколение, да и его грядущих

наследников, особенно в нашей стране, соединено очень тесными причинно-следственными связями с тем сравнительно недавним прошлым, о котором теперь пойдет речь. И уже по одной этой причине крайне важен полный и беспристрастный — насколько можно отстраниться от пристрастий в данной ситуации — отчет обо всех тех событиях, которые сыграли роковую роль в истории России. Она в рамках второй части тома выдвинута на первое и главное место не столько потому, что сыграла важную роль в ходе мировой войны. Здесь как раз особых позитивных результатов почти не было, а в качестве победного эпизода, которым можно было бы гордиться, сохранился в памяти разве что один знаменитый *брусиловский прорыв*. Неизмеримо важнее поэтому то, что именно мировая война привела страну к грандиозной катастрофе, которая примерно на столетие, а быть может, и более (будущее покажет), определила ее судьбу.

Конечно, в истории некоторых других стран тоже случались драматические периоды. Иногда такие драмы, даже, вернее сказать, трагедии завершались полным уничтожением страны и ее народа, что бывало особенно очевидным в тех нередких случаях, когда на горизонте событий появлялись уничтожавшие всех и рушившие все на своем пути варвары-кочевники. Но такого, чтобы крупное государство с населением в сотню с лишком миллионов человек столь сильно пострадало от жесточайшей внутренней гражданской войны, как то случилось с Россией, еще не бывало. Разумеется, все познается в сравнении. Ведь спустя немногие два-три десятка лет еще одна, тоже по сути своей гражданская война, начатая властью с ее мощными репрессивными органами против собственного народа с целью его запугивания, привела все в той же России к неизмеримо большим потерям и страданиям. А в годы Второй мировой войны в ней в результате грубых просчетов руководства погибли почти три десятка миллионов, не считая новой массовой волны на сей раз из многих миллионов репрессированных, особенно ни в чем не виновных военнопленных, а также гражданских лиц, живших и как-то существовавших, т.е. работавших, вынужденных работать при оккупантах, дабы не умереть с голода. Если принять всю эту драму во внимание, то ее первый акт вполне может показаться не слишком страшным — потери и проблемы времен Первой мировой и гражданской войн окажутся чем-то меркнущим перед объемом жертв в последующих десятилетиях.

Это великий парадокс XX столетия. Все относительно. Но для того и пишутся исторические труды, чтобы рано или поздно, но для каждого, кто хочет знать правду и не желает убаюкивать больную потревоженную совесть народа красивыми мифами, все стало бы на свои ме-

ста. Поэтому то, что касается участия и трагедии России в годы как бы слившихся воедино войн, будет изложено с наибольшей возможной детальностью, тщательностью и полнотой, не говоря уже о справедливом и свободном от бесплодной ненависти, но в чем-то беспощадном и непривычном для отечественного читателя анализе. И еще. Очень важно принять во внимание, что после всех тех кровавых и решающих для последующего хода истории гигантских по масштабу событий мир во многих своих позициях изменился, причем перемены, о которых идет речь, весомо сказались на судьбах большинства стран. Они определили последующий ход истории и явственно сказываются не только на дне сегодняшнем, но и на перспективах развития событий в будущем, включая не только близкое завтра, но и всё то, что за ним может и имеет немало шансов последовать.

Но оставим эти рассуждения. Сейчас для нас гораздо существеннее, приняв во внимание все сказанное, обратиться к описанию событий, непосредственно касающихся все той же четверти XX в., о которой уже шла речь в первой части тома. Начнем, естественно, со всего того, что непосредственно предшествовало Первой мировой войне и вызвало ее к жизни. Сразу же стоит заметить, что тема эта сама по себе необъятна, что она очень хорошо изучена во многих сотнях, если не тысячах специально посвященных этому трудов и что потому речь вовсе не пойдет о разборе деталей событий и тем более о попытках решить проблемы, вызывающие споры многочисленных исследователей. В нашу задачу входит обобщить самое основное и сделать из этого необходимые выводы, позволяющие понять суть событий и их причинно-следственную связь.

Глава седьмая. НАЧАЛО И ХОД МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В подготовку к войне — если не считать Скандинавию, Швейцарию, Испанию и некоторые другие небольшие страны (в их числе Бельгия и Голландия, расположенные между противостоящими друг другу коалициями соперников) — была задолго до ее начала включена вся континентальная Европа. Соответственно и театры военных действий, планировавшиеся соперничавшими генштабами, охватывали различные ее регионы, причем интересы нейтралов соблюдались далеко не всегда. В частности, это касалось плана Шлиффена с его бесцеремонным расчетом пройти во Францию наиболее удобным для немцев путем — через Бельгию. Впрочем, для Германии нейтралитет Бельгии был небольшой деталью. Подразумевалось,

что огнем войны так либо иначе может быть охвачена практически вся Европа, за малыми и, главное, несущественными для боевых действий исключениями, по большей части касавшимися окраинных территорий субконтинента. Это лишний раз напоминает, что новая война рассматривалась по меньшей мере немцами, равно как и их потенциальными союзниками, как общеевропейская.

Летом 1914 г. наиболее активно готовившаяся и объективно более других заинтересованная в этом Германия была практически готова к войне. Стоит вспомнить в этой связи, что еще летом 1909 г. в Берлине на совещании у рейхсканцлера в связи с вопросом о военном флоте министр военно-морского ведомства гросс-адмирал А. фон Тирпиц назвал ориентировочную дату (через 5–6 лет), когда немцы смогут начать войну или, точнее, «спокойно ожидать войну против Англии». Есть основания считать, что в 1913 г., когда военно-дипломатическая ситуация была уже достаточно проясненной, это было действительно так, причем план Шлиффена остался единственным.

Имея в виду именно его, в это время уже хорошо подготовились к войне и загодя построенный германский военный флот, включая необходимые для его маневров в Северном море коммуникации, и заметно увеличившаяся численно сухопутная армия, и войска союзной австрийской империи. Правда, слабостью немцев накануне войны следует считать, по мнению некоторых специалистов, недостаточное внимание, уделявшееся небольшим, но все же имевшимся сухопутным войскам Британии, а также сохранявшийся до самого начала войны их расчет на вступление в нее Италии. Это можно было бы объяснить недостаточной координацией в связях армии, флота и разведки, что, впрочем — учитывая дотошность и дисциплинированность немцев — представляется мало вероятным. Судя по отдельным репликам и формальным оговоркам в важных документах, принималось во внимание все. Но не всегда, видимо, всему этому придавалось достаточно адекватное его сути значение.

Как бы то ни было, но германская сторона считала, что она в 1914 г. была лучше подготовлена к войне, чем ее противники. Похоже, что это было именно так. Во Франции генерал Ж. Жоффр только в апреле этого года принял план наступательных действий через Лотарингию, ибо Англия была против ведения боевых действий на территории Бельгии. Между тем как раз бельгийский вариант был, стоит напомнить, заранее избран немцами. И это, в общем-то, большим секретом не было. Что касается Англии, то она находилась несколько в стороне от предполагаемых основных театров военных действий, так что германский генштаб резонно рассчитывал, что она

вступит в войну не сразу и тем более не направит на континент численно большую сухопутную армию. Россия, обладавшая огромной территорией с недостаточной для нее сетью железных дорог, не могла обеспечить быструю мобилизацию своего большого сухопутного войска. Были и некоторые иные проблемы, связанные с флотом, черноморскими проливами и нерасторопностью руководства, из-за чего «большая программа» усиления вооруженных сил была принята к реализации немцами всего лишь за считаные недели до начала войны. Но всерьез воевать с Россией Германия в эти первые недели войны, как то соответствовало плану, не собиралась.

Взаимоотношения держав Антанты с Турцией становились все более напряженными в связи с усилением в этой империи германского влияния, причем именно это послужило поводом для окончательного разрыва России с Германией. Для германского альянса это не было ударом. Напротив, Германия быстрыми темпами стала использовать свое влияние, превращая Турцию в союзника. А вот Россия с ее запертым в Черном море флотом на этом немало теряла. Поэтому стоит обратить внимание на откровенное недовольство ее тем, что германский генерал Л. фон Сандерс стал после балканских войн чуть ли не главнокомандующим турецких войск. Не было приятным подарком для России и сближение обиженной в итоге этих войн Болгарии со все той же Германией.

Словом, объективная ситуация постепенно обретала свои завершающие предвоенное время очертания. Противостоящие друг другу коалиции, включая и их потенциальных союзников, все более явственно определялись (проблема в этом смысле оставалась разве что с Италией). Готовившиеся к войне стороны интенсивно занимались всем тем, что было нужно для этого делать. Но очень заметно, что результаты подготовки со стороны германского блока были более успешными. А это означало, что он действительно, как то и считали его руководители, был готов к войне лучше стран Антанты и что время в этом смысле работало на его противников. Вывод казался вполне очевидным: чем скорее начнется война, тем больше шансов у Германии ее выиграть. Нет смысла рассуждать о том, означает ли это, что вина за развязывание мировой войны лежит только и именно на Германии. К войне давно и достаточно интенсивно готовились обе стороны. Но примем во внимание, что немцы в ситуации, сложившейся к лету 1914 г., вполне могли и на самом деле были более, чем противостоящий им альянс держав, готовы ждать повода для того, чтобы начать, наконец, эту войну.

УБИЙСТВО В САРАЕВО КАК ПОВОД ДЛЯ ВОЙНЫ

Балканы как огромный котел, в котором годами накапливались доведенные до уровня кипения национальные страсти, на рубеже 1–2-го десятилетий XX в. оказались на грани взрыва. Сначала и особенно в 1908 г. национально-патриотические страсти разжег здесь боснийский кризис, вызванный аннексией Австро-Венгрией двух сербских провинций, населенных принявшими ислам сербами, Боснии и Герцеговины, которые довольно давно уже находились де-факто под ее опекой. Австрийцы ловко воспользовались моментом острого внутреннего конфликта в Османской империи, связанного с натиском младотурок на султана Абдул-Хамида, и официально объявили об аннексии, что вызвало бурю возмущения в Сербии, которая рассчитывала на воссоединение страны с боснийским анклавом. Затем одна за другой последовали две балканские войны 1912–1913 гг. Хотя они не коснулись этого анклава, но зато еще сильнее накалили обстановку на Балканах. Весь балканский узел не без оснований начали именовать «пороховым погребом» Европы, имея в виду именно уровень социополитического напряжения, порожденного недовольством ряда стран, будь то обиженная Болгария или националистическо-патриотические чаяния сербов.

И в этот критический для Европы момент сербские националисты сумели воспользоваться удобным случаем, чтобы поквитаться с ненавистными австрийцами. Случай был до предела простым: наследник австрийского престола и главнокомандующий вооруженными силами эрцгерцог Франц Фердинанд, который, к слову, не отличался антисербскими настроениями, направлялся с женой на автомобиле в столицу Боснии Сараево, где его торжественно встретили. Но день визита, 28 июня — учитывая разницу в календарном стиле — был для сербов памятным, ибо оказался тем самым, когда много веков назад, в 1389 г., в битве на Косовом поле турки одолели сербов. Ненависть к туркам, нанесшим поражение сербам, легко трансформировалась в данном случае в острую неприязнь к австрийцам. Поэтому не приходится удивляться тому, что одна из организаций националистов сочла его подходящим для того, чтобы поквитаться с австрийцами. Возник мощный националистический импульс. И нет ничего удивительного в том, что момент был сочтен подходящим для решительных действий.

Несколько вооруженных мстителей выстроились вдоль предполагаемого обратного пути эрцгерцога в виде вооруженных пикетов. И одному из них, Г. Принципу, удалось выстрелами из пистолета по-

кончить с эрцгерцогом. Эпизод в общем вполне заурядный. Мало ли важных персон и даже очень видных лиц убивали на улице в обстановке обостренной ненависти не столько даже к ним, сколько к связанной с ними политике или стране. Поэтому нет ничего особенного в том, в Вене вначале отнеслись к случившемуся достаточно спокойно. Но так как многие газеты европейских стран долго не ослабляли внимания к убийству, престарелый австрийский император Франц Иосиф решил все же публично обвинить в происшедшем Сербию. Вопрос о том, действительно ли за спиной националистов стояли правящие круги этой страны, остается не очень ясным. Однако нет сомнений в том, что Австро-Венгрия не была заинтересована в детальном исследовании этой проблемы. Важен был повод, ибо война с Сербией была бы выходом для уже неплохо вооружившейся империи, чьи отношения с сербами и стоявшими за ними русскими постоянно ухудшались.

Возник вполне реальный *casus belli*. Это было в данный момент выгодно именно для раздираемой внутренними неурядицами и слабеющей в глазах усиливавшихся ее соседей империи Габсбургов. Правда, в Вене хорошо сознавали, что любая попытка «наказать» Сербию чревата войной много более серьезного масштаба, прежде всего с Россией. Поэтому проблема ответных действий оказалась достаточно острой и вызывала споры. В спорах прошло свыше двух недель, на протяжении которых мир понемногу забывал об инциденте в Сараево. Но в столице Австрии, напротив, атмосфера постепенно накалялась. Тем временем в события сочла уместным вмешаться Германия. Учитывая явную небоеспособность России, еще не подготовившейся к большой войне, руководство Германии недвусмысленно дало понять своим австрийским союзникам, что время для большой европейской войны настало и что повод для ее начала следует использовать.

14 июля было принято решение о предъявлении Сербии ультиматума. Врученный сербам 23 июля, этот ультиматум, составленный в вызывающе-провокативном тоне, включал в себя требования наказать всех виновных в антиавстрийской деятельности. Вообще-то Сербия имела все основания ожидать чего-либо в этом роде. Не могли не задумываться о сложившейся ситуации и в России. Получив ультиматум, сербы сразу же апеллировали к ней. Россия, не слишком долго раздумывая, дала позитивный ответ: русские не оставят Сербию без поддержки. Вопрос теперь сводился к тому, какой облик должен был принять ответный дипломатический документ Сербии. Ответ, как и следовало ожидать, оказался спокойным и даже обнадеживающим. Ведь в конечном счете именно серб убил эрцгерцога, так что вина

Сербии, пусть только косвенная, не вызывала сомнений. Следовало учитывать это. Да и воевать с австрийцами сербы вовсе не хотели. Поэтому вполне естественно, что, не обращая внимания на тон ультиматума, Сербия приняла все требования, кроме, как принято считать, совсем унизительного для любого независимого государства согласия на участие австрийцев во внутренних сербских расследованиях всего, что было связано с убийством. В нормальной дипломатической практике этого было бы вполне достаточно для удовлетворения любой обиды. Однако у сербов были все основания считать, что обстановка не вполне нормальна. И это можно было учесть, облекая ответ в еще более смягченную форму. Но они этого не учли и не сделали. А австрийский посланник в Белграде взял на себя миссию отреагировать на любой текст сербов крайне жестко. Коль скоро в ответе есть хоть один пункт ультиматума, который не принят, значит, следует разорвать дипломатические отношения. Так им и было сделано.

Разумеется — и это тоже стоит принять во внимание, — в том случае, если бы в Вене сочли, что австрийский посланник превысил свои полномочия в столь серьезном деле, все было бы так или иначе легко исправлено. Но Вена не только промолчала, но, напротив, спустя несколько дней, 28 июля, т.е. ровно через месяц после убийства, она телеграфно заявила, что отныне находится с Сербией в состоянии войны. Это означало, что германский альянс, — а именно у него была первая рука, — хладнокровно и не торопясь взвесив все pro и contra, решил использовать подходящий предлог для начала большой войны на европейском континенте. И насколько можно судить по имеющимся документам, многократно проанализированным специалистами, решение было не случайным. Немцам, раньше и лучше других уже подготовившимся к войне, было очень важно поторопиться с войной, пока Тройственный альянс Антанты и особенно Россия (а именно она оказалась втянутой в конфликт в первую очередь) к ней еще не были готовы.

Теперь слово было за Россией. Поскольку Франция явно была за то, чтобы постараться погасить все милитаристские стремления германского альянса (а визит президента Пуанкаре в Петербург только что перед 23 июля завершился, чего, к слову, ждали и в Вене, предполагая направить ультиматум Сербии после этого, дабы предельно затруднить возможные личностные контакты на высшем уровне стран Антанты), русские не очень спешили с серьезными решениями. И правильно делали. Правда, Петербург еще 24 июля предупредил о ситуации начальников нескольких военных округов, которые в случае войны должны были ранее всего начать мобилизацию. Но окончательное решение еще не было принято. Шел, например, спор о том,

частичной или полной должна быть эта мобилизация, причем он имел немаловажный смысл, ибо должен был демонстрировать не столько даже готовность к войне, сколько серьезность намерения России начинать ее. Телеграфные контакты императора с кайзером были причиной колебаний Николая II, но в конечном счете перед лицом явно намечавшейся войны все же была объявлена генеральная мобилизация со всеобщим призывом в армию. Ответом на это стал германский ультиматум от 31 июля 1914 г. Считается, что это и было началом мировой войны, хотя на деле все было не совсем так.

КАК ВЫГЛЯДЕЛО НАЧАЛО ВОЙНЫ?

Этот вопрос не должен казаться чем-то странным. Конечно, из истории известно, что вплоть до XX в. начало войн не было проблемой. Обычно они начинались безо всяких сложных формальностей, даже если на подготовку к войне и начало ее уходило немалое время. Это касается и наполеоновских войн, и спровоцированной Бисмарком франко-прусской (иных серьезных войн в XIX в. в Европе не было). С мировой войной все выглядело иначе, для чего были вполне основательные причины. Во-первых, каждая из давно готовившихся к войне держав в начале XX в. давно уже не была, включая и Россию, неограниченной авторитарной монархией с присущей ей неоспоримой структурой власти-собственности. А нормы конституционной монархии и институционализировавшейся парламентарной либеральной демократии требовали определенных консультаций, обсуждений и серьезных формальных решений со стороны представительных органов. И если в России это было еще чем-то новым и в принципе не полностью обязательным (многое зависело от слова государя), то об остальных основных державах этого сказать нельзя. Во-вторых, необычность ситуации была в том, что определить свои позиции должны были сразу несколько стран, связанных друг с другом определенными обязательствами, но, тем не менее, имевших собственные интересы и свои взгляды на сложившееся положение вещей. Разумеется, коалиции бывали и прежде. Но в данном случае практически все великие державы Европы должны были определиться буквально за несколько дней. Это было делом весьма не простым. Чтобы уладить все неясности, требовалось время. А времени не было. К тому же немецкий ультиматум от 31 июля спутал все карты. Дело в том, что оба альянса знали, во всяком случае предполагали, что план Шлиффена требовал начать войну сначала с Францией, но никак не с Россией.

Однако у России выбора не было. Германский ультиматум поставил точку над i. В реальности создавалась ситуация, при которой Франция и особенно Англия могли еще чувствовать себя как бы и не вовлеченными в войну, которая пока — стоит помнить — не была ни мировой, ни европейской, но принимала вначале локальный характер австро-сербского конфликта. Правда, в этот конфликт буквально сразу же оказались втянутыми Россия и Германия, но это еще не было остро осознано всеми, во всяком случае в самом конце июля. Стоит напомнить, что вступление в войну в либеральных странах парламентарной демократической буржуазной Европы требовало не только решения правителя, но и санкции парламента. В Германии проблем с этим почти не было. Страна давно и открыто шла к войне, и ее народ был готов воевать. Пожалуй, единственное, что вызывало у верхов опасения, была очень сильная и многочисленная социал-демократическая партия страны, от позиции которой при голосовании в рейхстаге зависело достаточно многое. Однако, вопреки беспокойству высшей власти, социал-демократы подавляющим большинством проголосовали за ассигнования на войну. И не приходится удивляться, почему. Все еще остававшаяся самодержавной Россия с ее политическим устройством не вызывала у социалистов особого почтения. Скорее ее приходилось опасаться. Еще меньше уважения германские социал-демократы (обратим внимание — **демократы**) испытывали к их российским коллегам, особенно к большевикам. Правда, большевики стали громко призывать всех социалистов мира выступать против своих правительств уже после начала войны. Но политическая сущность их экстремистской позиции была хорошо известна социалистам западных стран и до того. Словом, не приходится удивляться тому, что давно уже отрекшиеся от идеи диктатуры пролетариата германские социал-демократы, столь решительно проголосовав за своих империалистов, дали русским коллегам звонкую пощечину, о которой большевики никогда не забывали.

Во Франции проблем такого рода не было, в том числе отчасти и потому, что роль социалистов здесь была много менее значимой. Но и там проблема позиции социалистов была не проста, о чем косвенно свидетельствовало и убийство Жореса. Впрочем, в конечном счете вся социалистическая партия и здесь активно поддержала патриотические настроения нации, а некоторые представители ее руководства, как Ж. Гэд, вошли в правительство. Все это, однако, отнюдь не означает, что французы столь же решительно, как и русские, были готовы вступить в войну. Очень похоже на то, что они, вопреки уже упоминавшемуся наступательному плану Жоффра, к войне (а речь пока

шла, что очень важно не забывать, лишь о назревавшей войне Австро-Венгрии с Сербией и Россией) вообще не стремились. Франция выжидала, все еще надеясь, видимо, на то, что можно будет как-то избежать всеобщей войны. И это несмотря на то, что жажда реванша не могла не подогревать чувства французов. Тем не менее, дело дошло до того, что, когда в начале августа немцы уже вторглись в Бельгию, французы не только не торопились с объявлением войны, но и вначале даже отвели свои войска подальше от бельгийской границы, дабы не дать повода для провокаций. Ситуация изменилась лишь тогда, когда торопившиеся (вспомним план Шлиффена — шесть недель!) германские войска вышли на бельгийско-французскую границу и 3 августа Германия объявила Франции войну. Тут уж деваться было некуда. Французам пришлось активно включаться в боевые действия, причем вовсе не там, где они более всего были к этому готовы.

Множество проблем возникло в Британии. Здесь демократические традиции были наиболее сильны, а привычка к отстраненности от событий на континенте и к вполне оправдывавшей себя политике изоляции не могла не давать о себе знать. Если прибавить к этому постоянное соперничество либералов и консерваторов, от которого позиции кабинета не были достаточно прочными, а также будоражившие страну события в Ирландии, то картина окажется достаточно показательной. Кто в такой обстановке мог бы быстро и четко принимать ответственные решения? Началось с того, что свободная английская пресса осуждала Сербию за то, что она провоцировала австрийцев своими безудержными нападками на ее политику. После этого уже с 24 июля текст австрийского ультиматума сербам обсуждался на заседании английского кабинета, а 28-го, когда разрыв дипломатических отношений между австрийцами и сербами стал фактом, за участие Англии в назревавшей где-то в стороне от Британии войне осторожно высказалось менее трети членов кабинета. Как только эти сведения дошли до французского посла в Лондоне, произошло нечто вроде скандала.

Французы, а затем и немцы восприняли случившееся как не столько отсутствие готовности, сколько нежелание Англии воевать. Кайзер решил даже чуть ли не приветствовать главу английского кабинета, искренне полагая, что теперь можно будет вести войну поочередно и в ином порядке, сперва с Россией, а потом с Францией. Однако Мольтке-младший, сменивший незадолго до того в немецком генштабе Шлиффена, легко убедил Вильгельма II, что план войны, продумывавшийся и отрабатывавшийся годами (имеется в виду война на два фронта), не может меняться с легкостью в зависимости от полити-

ческой конъюнктуры. При этом генерал явно имел в виду, что конъюнктурные моменты в серьезной политике вообще не стоят серьезного внимания. И он был безусловно прав. А тем временем ситуация в высших политических кругах Англии начала все более накаляться с каждым днем. Три первых дня августа — и особенно после вторжения немцев в Бельгию — прошли там в ожесточенных спорах, которые вели к созданию в правящих верхах страны единого мнения в пользу того, что участие в начавшейся войне — это долг чести Британии.

Неудивительно, что, когда германские войска, следуя плану и предъявив сначала Бельгии ультиматум, на следующий день вторглись на ее территорию, Англия порвала дипломатические отношения с Германией. Вслед за ней почти автоматически войну Германии объявили ее доминионы, чем был сделан шаг на пути к превращению войны в мировую. Таким образом, 3–4 августа 1914 г. все страны Антанты и две империи немцев оказались в состоянии войны друг с другом. Большая европейская война, постепенно перераставшая в мировую, началась. Но следует сразу же заметить, что это было как-то не слишком четко артикулировано. Война вроде бы уже началась, но все же все выглядело еще как-то непривычно.

ВОСПРИЯТИЕ ПРИБЛИЖАВШЕЙСЯ ВОЙНЫ

Оставив пока в стороне армии и результаты первых боевых действий, обратим сначала внимание на то, как было воспринято объявление войны в странах, вовлеченных в нее либо бывших как-то с ней связанных. Нет смысла говорить о том, что население каждой из стран, о которых идет речь, не осталось в большинстве своем нейтральным, но напротив, горячо, подчас с излишней ревностью, выступало в поддержку позиций своего государства и его высших целей. Как правило, эти цели воспринимались и подавались общественному мнению, и без того уже подготовленному именно к такому восприятию событий, как справедливые и потому заслуживающие поддержки. Националистические расчеты и патриотические позиции придавали огня готовому возникнуть и тем более уже начавшемуся разгораться пожару войны.

Для населения России, находившейся в канун войны в состоянии некоторого подъема в сфере социальных отношений, экономики и политики, ощущение потребности в военных действиях ради восстановления поруганной справедливости было, похоже, наименее заметным. Огромной империи было не до чужих забот. Хватало своих. Правда, историческая связь со славянами и тем более с православны-

ми не оставляла часть населения в покое. В памяти еще свежи были битвы под Плевной и иные успехи русского оружия, несшие свободу братьям-славянам. Однако эта часть российского населения была очень небольшой. Для подавляющей массы отечественных крестьян, которые и становились солдатами прежде всего и в наибольшем количестве, смысл войны был не слишком понятен, как вовсе почти неизвестными были страны и народы, с которыми следовало воевать. Это обстоятельство, учитывая ту архаичность сознания, о которой не раз уже шла речь, не стоит забывать, особенно имея в виду чуть более поздние события в российской армии в 1917 г., столь умело в то трудное время использованные большевиками.

Показательно, что славяне, как и вся проблема справедливости в целом в российской политике, вначале вовсе не затронули страну. Движения в пользу защиты прав обойденных в ходе балканских войн болгар, которые Бухарестский мир 1913 г. восприняли как национальную катастрофу и отметили всенародным трауром, не было заметно, во всяком случае по сравнению с отношением к сербам, которым досталась отнятая у болгар часть Македонии. Быть может, это следует объяснять тем, что находившаяся под австрийским нажимом Сербия была объектом высокой российской политики, тогда как небольшая Болгария, потеряв шанс стать «великой», вынуждена была — в пику этому — апеллировать за поддержкой к немцам, что было ими замечено и учтено. Но при всем том показательно, что ненависти к немцам в России перед войной, насколько известно, практически не ощущалось, как не было и особых восторгов по поводу сближения России со странами Антанты. Это не значит, что населению было вообще безразлично, с кем воевать. Но стоит учесть, что последние серьезные войны с западными странами, французами или пруссаками, были столетие назад, во времена Наполеона. А если говорить о государственных интересах, то за них постоянно, вплоть до возникновения Антанты за несколько лет перед войной, России приходилось конфликтовать именно с Англией, но никак не с Германией. Немцы же, по меньшей мере со времен Бисмарка, объединившего разрозненные княжества и курфюршества вокруг Пруссии и создавшего единую мощную империю, не уставали делать реверансы перед Россией и старались избегать с ней серьезных конфликтов.

В **Австро-Венгрии** — как и в **Сербии** — националистические страсти тлели, спорадически разгораясь, на протяжении многих десятилетий. О причастности к ним Османской империи, с которой регулярно воевали русские, тоже не следует забывать. Все это, естественно, создавало определенный фон, на который Россия не могла не реаги-

ровать. Обстановка на Балканах всегда была сложной и запутанной, и это создавало постоянное напряжение, в том числе во взаимоотношениях России с Австро-Венгрией. Показательно в этом смысле, что, если отношения русского и германского императоров были весьма тесными вплоть до самого начала войны, то о контактах Николая II с Францем Иосифом практически нечего сказать. Однако существенно учесть, что и откровенно антирусских настроений в разных частях Австро-Венгрии, постоянно погруженной в сложности своих внутренних дел, не было заметно. Иначе обстояло дело с **Италией**. Хотя австрийцы явно не собирались, подобно Германии, воевать на два фронта, отношения с этой страной у них издавна были напряженными. А проявленная итальянцами накануне войны не просто сдержанность, но и заметное ослабление интереса к поддержанию связей в рамках давно уже созданного Тройственного союза не могли не породить серьезных опасений.

Что касается **Германии**, то по меньшей мере накануне войны, когда активизировались пангерманисты, действовавшие и в Австро-Венгрии, антироссийская пропаганда начала все более серьезно влиять на население, которое быстро заражалось идеями национального превосходства и пренебрежительного отношения к России. По словам Мольтке, выступившего перед страной 4 августа, **немцы станут сражаться за сохранение «германской цивилизации» с ее принципами против «нецивилизованного славянства»**.

Франция была буквально пронизана идеями реванша за поражение во франко-прусской войне. Антинемецкие настроения в связи с этим не исчезали, но даже, напротив, с начала XX в. возрастали. О войне с немцами говорили все, начиная с президента Р. Пуанкаре. Но при этом похоже на то, что французы отлично сознавали свою слабость по сравнению с мощной Германией и потому в реальности не очень-то стремились к началу войны. Расчет их был на содействие Англии, и именно поэтому они столь драматически восприняли колебания англичан в решающий момент накануне объявления войны.

Англия, о чем шла речь, по традиции воспринимала дела на континенте если и не так, как США с их доктриной Монро, то в какой-то мере все же с достаточной долей отстраненности, что и возмущало французов. Разумеется. Британия опасалась растущей мощи Германии. Однако нельзя сказать, чтобы это чувство в наиболее либеральной и самой демократичной стране Европы откровенно доминировало. Представление о том, что в любых условиях приоритетом пользуются национальные интересы англичан и что только открытая угроза им должна быть серьезным побудительным мотивом для решительных

действий, оставалось своеобразным *Credo* этой державы. И нет ничего странного в том, что французы воспринимали такую политику почти как оскорбление и предательство. Интересно в этой связи заметить, что судьба нейтральной Бельгии заботила Британию, дававшую в свое время этой стране соответствующие заверения, гораздо больше, что опять-таки болезненно воспринималось во Франции. Стоит заметить, что и план Жоффра наступать в районе Эльзаса и Лотарингии появился потому, что Англия категорически не соглашалась планировать наступательные военные действия на территории Бельгии, хотя было вполне очевидно, что именно этот вариант выберут немцы.

Необходимо добавить к сказанному, что свои политические проблемы и тесно связанные с ними национальные интересы побудили османскую **Турцию**, равно как и уже упоминавшуюся **Болгарию**, занять прогерманские позиции. Но о каких-либо очень значимых мотивах, которые сплачивали бы воедино население этих разных по многим параметрам стран в их явственно негативном отношении к населению стран Антанты говорить нет оснований. А что касается турок, то основной формой внутренней напряженности в Османской империи оказались острые противоречия с арабским населением вне Магриба, в основном на территории Аравии. Этим со временем успешно воспользовались англичане. В Аравии очень активно и успешно действовал знаменитый Лоуренс Аравийский, организовывавший и порой лично возглавлявший борьбу бедуинов с турецкими войсками.

В принципе особенности восприятия потенциального противника, которые сложились еще со времен Столетней войны, оставались более или менее стойким стереотипом. Враг нехорош во всех отношениях именно потому, что он враг. И хотя в годы Первой мировой войны эти стереотипы еще не достигли слишком высокого уровня, особенно в России, где большинство населения, как упоминалось, имело крайне смутное представление не только о всемирном раскладе воюющих сил, но и о тех, с кем придется воевать, они, тем не менее, оказывали определенное влияние и на армию, и на мирных жителей. Другое дело, что это не очень сильно сказывалось на том, как шли дела на фронтах боевых действий с начала войны. Конечно, национальные интересы и националистическо-патриотический пафос влияли на позиции населения и часто претендовавшей на выражение общественного мнения научно-художественной элиты держав, время от времени — особенно в самом начале войны — выступавшей с заявлениями и посланиями, которые были подписаны влиятельными и известными в той либо иной стране людьми. Но практически

все это мало влияло на общую ситуацию. Ее параметры, в том числе и все автоматически включавшиеся стереотипы, делали свое дело и без того. Обе враждующие стороны были озабочены достижением именно военного успеха, тогда как идеологическая индоктринация войск и стран в годы Первой мировой войны, в отличие от Второй — еще не стала нормой. Стоит в этой связи напомнить, что роль комиссаров стала заметной в армии (речь как о войсках вообще, так и в первую очередь, даже в основном о России) лишь в результате стараний и, более того, вынуждавшейся обстоятельствами тактики большевиков именно с 1917 г.

НАЧАЛО ВОЙНЫ И РЕАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ ВОЮЮЩИХ СТОРОН

Реально война началась с наступления германской армии на ее западных границах. С легкостью оккупировав по дороге еще 2 августа Люксембург, который, насколько известно, и не пытался сопротивляться, немецкие войска после предъявленного Бельгии ультиматума вторглись в эту страну и уже 3 августа оказались на французской границе, после чего официально объявили войну Франции. Стоит заметить, что у Германии в состоянии готовности было в это время на западе, по различным оценкам, от 78 до 96 дивизий, тогда как соединенные силы французов, англичан и бельгийцев имели от 62 до 86 их. Но дело не только в дивизиях. Необходимо учесть, что немецкие сухопутные силы были превосходно вооружены и еще лучше организованы, не говоря уже об их природной дисциплинированности и тщательности в разработке стратегии. Как бы то ни было, но, потратив две-три недели на довершение завоевания Бельгии, где немцы встретили ощутимое сопротивление, в том числе и со стороны местного населения, германские войска обратились лицом к Франции.

Французы тем временем воспользовались первыми днями боевых действий и, убедившись в том, что Германия сосредоточила усилия именно на Бельгии, попытались было захватить Эльзас. Однако уже в 20-х числах августа их войска были вынуждены отойти к границе. Сразу же после этого, усиленные частями прибывших на континент англичан, а также присоединившихся к ним бельгийцев, французы выступили против Германии широким фронтом от Лотарингии до Бельгии. Первое серьезное пограничное столкновение (21–25 августа) не принесло заметного успеха ни одной из сторон. Однако в конечном итоге немцы вышли вперед, а союзники начали отступление. Возможно, что это продвижение, соответствовавшее плану Шлиффена,

принесло бы Германии желанный эффект, если бы не одновременно возникшие военные действия на восточном фронте, в столкновениях с Россией, чего план категорически не предусматривал.

Реальность редко соответствует планам, сколь предусмотрительными и оснащенными вариантами они бы ни были. Неожиданно быстрое и успешное продвижение русской армии на восточном фронте, чего энергично добивались французы, и последовавшие за этим начавшиеся 17 августа столкновения с не очень готовыми к ним немецкими войсками в Восточной Пруссии заставили германский генштаб снять с западного фронта несколько дивизий и перебросить их на восток. Но на западе союзники продолжали отступление. И только в сентябре, с 6-го по 14-е, в ходе решительных сражений на Марне, в которых с обеих сторон приняло участие около 2 млн солдат, союзники сумели остановить германские войска, отбросив их подальше от Парижа, к которому те уже почти подошли. Поражение спутало все планы немцев и покончило с планом Шлиффена. Германскому генштабу стало ясно, что о победоносной шестинедельной кампании уже не стоит и вспоминать. Нужно было строить всю стратегию войны заново.

Вскоре обстоятельства сложились таким образом, что стремление войск обеих сторон прорвать оборону противника на севере («бег к морю») привело к вытягиванию линии фронта, достигшей примерно 700 км. Фронт выровнялся, укрепился, и с осени 1914 г. начался длительный период позиционной войны в условиях все более оснащавшихся техническими средствами оборонительных сооружений. Позиционная война такого типа оказалась принципиально новым словом в истории военного искусства и всей стратегии и тактики военных действий на протяжении длительной истории войн. И это в общем-то вполне понятно: масштабы войн, столкновение миллионных армий на одном фронте боевых действий было само по себе серьезной новацией XX в. и свидетельствовало, помимо ощутимых перемен в военной технике, о том, что человечество увеличивается численно, что мировое сообщество вступает в период, когда странам и людям оказывается необходимым тесниться и когда многомиллионные потери от войн и иных бедствий молниеносно и с лихвой компенсируются — особенно если считать в планетарном измерении — неслыханными темпами прироста, явственно дающим о себе знать демографическим взрывом, продолжающимся с нарастающей силой до наших дней.

Обратимся теперь к событиям на восточном фронте. Там немцы сменили командование, и генералы П. Гинденбург и Э. Людендорф сумели остановить продвижение русских войск. Правда, выступив

против много более слабой Австро-Венгрии, русская армия на юго-западных границах России в те же августовские дни (с 18-го) сумела продвинуться, захватив город Львов и дойдя до Венгрии. Но изменение ситуации в Восточной Пруссии побудило верховное командование прекратить наступление в этом направлении и сосредоточить все силы севернее. Впрочем, это не помогло. Уже в конце августа 2-я русская армия оказалась в окружении и была разгромлена, после чего ее командующий генерал А. В. Самсонов застрелился. Затем немецкие войска оттеснили 1-ю армию П. К. Ренненкампфа в район Мазурских озер, откуда она с трудом и большими потерями выбралась.

Поражение русской армии было результатом слабости и недостаточной готовности России к войне. Стоит обратить внимание хотя бы на то, что у русских — в отличие от немцев, было мало пулеметов и гаубиц, скудным было и количество боеприпасов на единицу вооружения. Не слишком хорошо были подготовлены к боевым действиям солдаты, особенно новобранцы. Но, несмотря на все это, бесславно завершившаяся кампания в Восточной Пруссии сыграла определенную позитивную для Антанты роль в ходе войны, обеспечив союзникам на западе более выгодные условия для маневра. Что же касается восточного фронта, то после потери плацдарма в Пруссии и приостановки движения в Галиции все усилия русских были сосредоточены в центре, в районе Варшавы, куда теперь направило острие своего наступления немецкое командование. Немцы были отбиты, но не разбиты. Более того, их медленное продвижение в конце 1914 г. на восток вело к тому, что о стремлении продвинуться в сторону немецкой Силезии пришлось забыть. Встал вопрос о том, не потеряет ли Россия Польшу. Но до этого в 1914 г. дело не дошло. Русско-немецкий фронт на востоке Германии стабилизировался, хотя и не стал хорошо оборудованной оборонительной линией, как то произошло на западе.

Примерно так же обстояло дело на австрийско-сербском фронте, где успехи Австрии были в конце года компенсированы контрнаступлением сербов, которым Россия и Франция к этому времени помогли оружием и боеприпасами. Той же осенью Япония, объявив войну Германии 23 августа, начала военные действия в фактически захваченном немцами китайском Шаньдуне, который в конце 1914 г. стал уже принадлежать японцам. Турция, вступившая войну на стороне Германии в конце октября того же года, создала внушительную армию (700–800 тыс.) и начала войну с Россией в Закавказье и с Англией в районе Суэцкого канала и в Месопотамии. К успеху эта кампания не привела, но существовали упомянутые ближневосточные фронты достаточно долго.

Военные действия были открыты немцами и на океанских просторах. На первых порах бои шли с переменным успехом, но к концу года англичане, установив блокаду балтийского побережья Германии, сумели сильно ограничить возможности немецкого военного флота. В целом же результаты военных действий в 1914 г., как их практически почти единодушно оценивают специалисты, можно считать неудачей для германского альянса. План Шлиффена оказался непригодным, сопротивление на всех фронтах было достаточно эффективным. Япония захватила Шаньдун, да еще прибавила к нему принадлежавшие немцам Каролинские, Марианские и Маршалловы острова. Немногие остальные владения в Океании захватили англичане, они же успешно вытесняли немцев из их африканских колоний, о чем уже шла речь. Практически все это означало, что германскому альянсу предстояло вести длительную войну, не имея для этого достаточного количества ресурсов. Из этой вполне однозначной ситуации для немцев был один стратегически разумный выход: сконцентрировать усилия на слабом звене и одолеть сначала хотя бы одну из стран Антанты. Слабым звеном, безусловно, была Россия.

КАМПАНИЯ 1915 г.

Принимая во внимание итоги 1914 г. обе коалиции вели споры о том, каким должен выглядеть их стратегический план относительно кампании 1915 г., которую они в то время, как следует полагать, считали решающей для успешного исхода войны. Это может показаться на первый взгляд несколько странным, но обе коалиции в итоге приняли примерно одинаковые решения. Разумеется, мотивы и расчеты при этом были весьма разными. Германский генштаб исходил из того, что войну следует закончить как можно скорее, ибо ситуация за полгода кардинально изменилась, так что время теперь работает против стран нового Тройственного союза (в него вместо Италии третьим членом вошла Турция). Исходя из этого вполне трезвого соображения новое руководство генштаба и, в частности, генерал Э. Фалькенхайн, полагали, что в конечном счете высшая цель войны может быть достигнута только на западном фронте. Но Гинденбург и Людендорф утверждали, что сначала нужно нанести решающее поражение России. Только после ликвидации восточного фронта с принуждением России к сепаратному миру англичане и французы будут вынуждены согласиться на подписание мира, выгодного для Германии. Кайзер, считавшийся верховным главнокомандующим, склонился ко второй точке зрения, после чего решение было принято. Австро-Венгрия с удовлетворением приняла его,

так как энергичное наступление Германии на Россию облегчало ее задачу и снимало угрозу разгрома ее войск в Галиции.

Франция и Англия, озабоченные сохранением сложившейся линии на западном фронте, тоже были заинтересованы не столько даже в передышке, сколько в использовании времени для интенсивного наращивания сил с последующим переходом к решительным действиям. Понимая, что недостаточная готовность России к ведению широкомасштабных военных действий требует от них серьезного содействия, они обещали оказать его. Было принято решение организовать активную поддержку русской армии в снабжении ее новыми и в очень большой степени просто отсутствовавшими у нее видами вооружения (тяжелые орудия, особенно гаубицы, и доказавшие свою эффективность пулеметы, не говоря уже об обычных ружьях) и, главное, боеприпасами. Союзники обратились к России с просьбой согласиться на это решение, в ответ на что получили несколько неожиданное предложение провести операцию в районе проливов, чтобы отвлечь турецкие войска от русского Закавказья.

Сложность ситуации была связана с тем, что Россия свыше века ревниво стремилась к овладению проливами, тогда как именно англичане всячески этому противодействовали. И хотя русским в результате создания Антанты и тем более переговоров, связанных с начинавшейся войной, эти проливы союзниками были обещаны, сам тот факт, что союзники укрепятся в этом районе и после открытия нового фронта обретут реальные шансы войти в Стамбул и остаться там, не мог не заставить руководство Российской империи задуматься. Тем не менее Россия была готова к тому, чтобы ее союзники вторглись в район проливов, так как именно это сильно облегчало ее задачу. Все дело в том, что русский генштаб, готовый принять на себя в кампании 1915 г. основной удар, был заинтересован в том, чтобы основной удар направить в сторону Карпат и Балкан и встретиться там с австрийскими войсками, много менее сильными и умелыми по сравнению с германскими. И это уже не говоря о том, что в тылу австрийцев при этом осталась бы отважная Сербия, которая тоже могла бы отвлечь на себя часть австрийских войск,что непременно должно было ослабить скованную национальными проблемами империю Габсбургов.

Справедливости ради необходимо упомянуть, что в российском генштабе — как и в германском — были сторонники иной стратегической линии. Они предлагали направить основной наступательный удар на Восточную Пруссию. И их позиции казались достаточно сильными, так как было совершенно ясно, что в случае невнимания к мощной группировке немецких войск в районе Восточной Прус-

сии и немецкой Силезии Россия рисковала тем, что у нее просто не хватило бы сил для сопротивления, и враг мог бы вторгнуться в центральную часть страны. В итоге было принято компромиссное решение вести бои сразу на двух серьезных фронтах. Трудно судить, было ли оно ошибочным, но несомненно, что для ведения успешного наступления на двух направлениях империя не имела достаточных сил. Как бы то ни было, однако, но решение было принято. И русские первыми приступили к осуществлению принятого плана.

Все началось с наступления на севере, где русские войска, впрочем, сразу встретились с очень серьезным сопротивлением немцев, которые опрокинули все их расчеты. Правда, и контрнаступление германской армии тоже не привело к успеху. Борьба затянулась, и в итоге немцы были вынуждены отойти обратно к границам Восточной Пруссии. На этом боевые действия заметно сократились. Обе стороны получили передышку, а центр тяжести войны переместился на юг. Здесь наступление русских войск, начавшееся параллельно с северным, было много более удачным и результативным. Русские в январе-феврале подошли к Карпатам, в марте заняли Перемышль и были уже готовы выйти на венгерскую равнину. Но именно в это время, когда бои на севере поутихли, германское командование приняло логичное решение перебросить на юг, к рубежам Галиции, подкрепление. Сложившаяся на этой основе новая мощная военная группировка противника, начав в мае прорыв, к концу июня вернула не только Перемышль, но и захваченный русскими еще в 1914 г. Львов. Россия утратила все свои позиции в Галиции, после чего немцы приостановили натиск, перенеся основные усилия в центр фронта, к границам русской Польши.

Подтянутые сюда с юга и с севера немецко-австрийские войска ставили целью быстрым рывком захватить Польшу и некоторые соседние с ней земли. Это летом 1915 г. и было сделано. 5 августа германские войска были уже в Варшаве, причем русские армии едва выбрались из уготованного им мешка. К осени Польша, Литва, Курляндия и Галиция оказались в руках неприятеля. И хотя к дальнейшим наступлениям в этом году немцы уже не стремились, достигнутого ими было более чем достаточно. Россия потерпела серьезное поражение, чего, в общем-то, и следовало ожидать. Правда, сепаратного мира не последовало. Русские — как то хорошо понимали в Берлине, — были еще не разбиты и, более того, готовились продолжать войну. Однако последовавшие в армии перемены настораживали. Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич Романов, который считался любимцем армии, был отстранен от должности, а исполнение его

обязанностей взял на себя сам никогда не занимавшийся воинскими операциями (он даже формально имел лишь чин полковника) царь, создавший новую ставку командования в Могилеве. Это привело к тому, что фактически стал командовать войсками новый начальник генштаба генерал М. В. Алексеев. И хотя Николай II отнюдь не все время проводил в Могилеве и даже почти не вмешивался в решения Алексеева, ситуация в Могилеве не могла не быть заметно нервозной.

На всех остальных фронтах мировой войны, которые в силу принятых генштабами воюющих сторон сходных стратегических решений оставались по сравнению с восточным фронтом второстепенными, события в кампании 1915 г. так и не обрели сколько-нибудь серьезного, тем более решающего значения. Все они по сути оказались чем-то вторичным, вспомогательным, что, однако, отнюдь не означает, что происходившее там вовсе не имело смысла либо играло незначительную роль. Обратим внимание на эти события.

На франко-германском фронте шла позиционная война. В этих условиях главным оказалось укрепить оборону. И впервые в истории на линии огромной протяженности в 700 км, разделявшей огромные группы войск (у каждой из сторон было 2–2,5 млн человек), создавались грандиозные оборонительные сооружения. Обширная и хорошо оборудованная полоса из двух-трех траншей с каждой стороны, разделенная густой сетью проволоки и снабженная многочисленными окопными переходами и врытыми в землю укрытиями, она была почти неприступной. Правда, время от времени в том либо ином месте ее все же разламывали, для чего требовалась длительная артиллерийская подготовка. Но небольшие в ширину проломы, предоставлявшие возможность для кинжальных прорывов глубиной в несколько километров, не создавали условий для развернутых масштабных наступлений, к которым, собственно, ни одна из сторон, насколько можно судить, и не стремилась. Такие прорывы совершались для поддержания видимости военных действий, а возможно и для проверки действия новых химических средств массового поражения, как было 22 апреля 1915 г. в районе бельгийской границы близ Ипра, когда от немецких газов погибло несколько тысяч воинов разных стран, включая множество мобилизованных африканцев.

Если вспомнить о предполагавшейся операции в районе проливов, то нужно заметить, что она завершилась неудачей. Турецкая линия береговой обороны в феврале–марте уничтожила несколько кораблей, так и не дав им подступить к берегу. Несколько удалившись от проливов, оставшиеся невредимыми боевые суда высадили в апреле в районе прилегающего к проливам Галлипольского полу-

острова десант из французских, английских и даже новозеландских морских пехотинцев, а также корпус греческих добровольцев. Однако ожесточенные бои с турками не привели к успеху. В июле сюда привезли еще несколько дивизий, но с тем же результатом. Правда, эта неудача не помогла туркам усилить натиск на русское Закавказье, где они терпели одно поражение за другим. Не имел успеха и экспедиционный корпус турок, направленный в начале 1915 г. к Суэцкому каналу с целью поднять египтян против Англии. Только в Иране, где в начале 1915 г. действовавшие там немецкие агенты сумели сыграть на недовольстве англичанами некоторых южных племен, возникла ситуация, позволившая туркам на некоторое время приблизиться к нефтепромыслам. Однако осенью англичане сумели отогнать турок от нефтепромыслов, а русский экспедиционный корпус Н. Н. Баратова, высадившись на юге Каспийского моря, изгнал их и из северной части Ирана. В то же время, однако, осенью 1915 г., провалилась попытка английского экспедиционного корпуса Ч. Таунсхенда захватить Багдад и оккупировать Месопотамию.

Если обобщить все эти события, то напрашивается вывод, что значительных успехов в регионах, о которых идет речь, ни одна из сторон не добилась. Но обратимся к некоторым другим регионам, в первую очередь к Италии. Эта большая европейская страна, которая еще в 1882 г. была буквально втянута Бисмарком в состав Тройственного союза, имела по отношению к ее союзникам, Германии и Австро-Венгрии, осторожно сформулированные и несколько неопределенные обязательства, чем она и воспользовалась накануне и в начале мировой войны, когда вступила в откровенный торг с обеими противостоящими друг другу коалициями. Торг завершился в апреле 1915 г. переходом на сторону Антанты и — в мае — объявлением войны Австро-Венгрии, с которой у Италии были давние территориальные счеты. Новый итальянский фронт оттянул часть вооруженных сил империи Габсбургов, но уже — увы! — не успел тем самым содействовать русским войскам в Галиции, где именно в мае началось мощное контрнаступление германских войск, которое вытеснило Россию из австрийской Галиции.

Аналогичный торг, но с большим успехом вела Болгария, униженная итогами последней войны на Балканах и Бухарестским миром 1913 г. Под нажимом Германии Турция согласилась уступить болгарам небольшую часть Фракии, после чего в сентябре был оформлен так называемый Четверной союз и в октябре Болгария напала на Сербию. Сербы, с трудом сдерживая натиск с севера империи Габсбургов, которым помогали и германские войска, этого удара с востока уже выдержать не могли. Остатки сербской армии (120–150 тыс.), теряя позиции одну

за другой, были вынуждены покинуть страну. Помощь запаздывала. Лишь в октябре в северном греческом городе Салоники (хотя Греция к этому времени еще не вступила в войну, формально оставаясь нейтральной, ее симпатии к Антанте были вне сомнений) высадился англо-французский экспедиционный корпус, примерно 20 тыс. солдат. Через полтора месяца, после провала операции в районе проливов, сюда же были привезены уцелевшие войска из турецкого Галлиполи. Вместе эти соединения составили внушительную силу, которая сумела открыть новый — балканский — фронт. Этот фронт пришел на смену сербскому. Кстати, и бывшие вынужденными покинуть Сербию войска, получив помощь от французов, тоже отправились в Салоники.

1916 год. КАНУН СЕРЬЕЗНЫХ ПЕРЕМЕН

Если первые полтора года европейской войны, переraставшей в мировую, не привели к ощутимому преимуществу какой-либо из враждующих коалиций, то начиная с 1916 г. ситуация стала понемногу изменяться. Перемены ощущались во многом, начиная с хода военных действий, что было самым основным, и кончая положением в воюющих странах и ощущениями в рядах руководства этих государств. Ведь на плечах командования лежала ответственность за все происходящее. Оно должно было формулировать стоявшие в сложившейся обстановке задачи, а также пути и способы их оптимального решения. Это был достаточно медленный процесс, но уже в конце 1916 и тем более с начала следующего 1917 г. связанные с ним проблемы вышли на передний план и, более того, стали глобальным раздражителем. Практически весь воюющий мир — а в войну к этому времени уже активно включились почти все потенциальные союзники обеих коалиций, о которых говорилось в первой части тома, — оказался крайне озабоченным дальнейшим ходом событий, что было обусловлено (хотя еще далеко не везде сознавали смысл складывавшейся ситуации) назревавшей в России угрозой серьезного насильственного переворота. Об этом стоит напомнить с самого начала, так как именно события в России прервали более или менее нормальный ход боевых действий и поставили мир перед проблемой, коренным образом изменявшей содержание всего того, что послужило причиной войны. Встал вопрос об изменении дальнейшего привычного для буржуазных стран Запада модуса вивенди. Но об этом подробно пойдет речь в другой главе. Пока же, завершая рассказ о ходе военных действий до 1917 г., обратим внимание на самое главное из того, что произошло на фронтах боевых столкновений в 1916 г.

Стратегические планы сторон на сей раз не вполне совпали. Правда, обе коалиции параллельно пришли к вполне логичному и напрашивавшемуся выводу, что пора перенести тяжесть военных действий на западный фронт. Этот вывод был само собой разумеющимся. Германское командование справедливо рассудило, что идти дальше вглубь России нецелесообразно. Главное, т.е. резкое ослабление военной мощи этой империи, было достигнуто. Тратить силы и особенно драгоценное время (оно давно уже работало не на немцев, а на их противников) на достижение неизвестно чего не стоило. Пусть Россия зализывает раны. В сложившейся ситуации все силы следует бросить на запад, дабы добиться, наконец, решающей победы. Иначе будет поздно.

Англия и Франция со своей стороны тоже полагали, что им пора перейти к активной фазе войны. Различия в стратегии сводились, однако, к тому, что страны Антанты не слишком торопились, планируя начать генеральное наступление на западном фронте лишь летом, предоставив пока время для ограниченных боевых действий второстепенным восточному и итальянскому фронтам. Это был явный просчет со стороны Антанты. Ведь было совершенно ясно, что ни слабая Италия, ни ослабленная Россия не в состоянии выдержать напор противника. Рассчитывать на успех в первой половине года можно было бы лишь в том случае, если бы все три фронта, да еще и четвертый в Салониках одновременно ударили со всех сторон по Германии, Австро-Венгрии и Болгарии, что и предлагал русский генштаб. Но его голос не был услышан.

В итоге военные действия начались в конце февраля с мощного и хорошо подготовленного удара немцев по укрепленной линии обороны французов в районе Вердена. Верденская операция продолжалась почти весь 1916 год и была отмечена небывалым скоплением военной техники на небольшом участке линии фронта. Она обошлась обеим коалициям примерно в миллион жертв (первая в истории цифра такого масштаба для одного сражения, пусть и крайне затянувшегося), но к успеху не привела. Верден остался французским, а французы и англичане начали свое контрнаступление в районе р. Соммы, как и предполагалось, в июле. Эта битва тоже затянулась почти на полгода, была отмечена первой в истории танковой атакой англичан, участием в сражении с обеих сторон примерно тысячи самолетов, но тоже к существенному успеху не привела.

Итальянцы в марте не сумели выдержать натиск австрийцев и не потерпели в мае слишком большого урона лишь потому, что примерно в то же время, в начале июня, Россия снова начала боевые действия на юго-западных границах империи против тех же австрийцев.

Знаменитый «брусиловский прорыв» оказался, как упоминалось, едва ли не самой удачной из российских операций в ходе мировой войны, хотя конечной цели, взятия Ковеля, он к сентябрю так и не достиг. Правда, успехи генерала Брусилова побудили вступить в войну на стороне Антанты долго колебавшуюся Румынию. Но этот ее акт привел к быстрому разгрому румын. Не слишком многого достиг и небольшой южный фронт в Салониках. И хотя некоторого успеха добились русские на Кавказе, где была отвоевана у турок крепость Эрзурум, а англичане вновь отогнали турок от зоны Суэцкого канала, так и не сумев отвоевать у них Месопотамию, положение дел на фронтах в общем и целом изменилось сравнительно мало, особенно если учесть, сколь много сил было брошено в бои ради этого. Если считать дотошно, то можно говорить о некотором перевесе Антанты. Но он был незначительным.

Несколько иная ситуация сложилась в военных действиях на морях и океанах. Вначале здесь доминировала Англия, уничтожившая многие военные корабли Германии и установившая блокаду в Северном море. В ответ на это немецкие подводные лодки начали войну с военными и торговыми, да и вообще с любыми судами, включая и нейтральные, причем практически везде, включая и отдаленные от Европы океанские просторы. Это резко обострило взаимоотношения Германии с США, чьи граждане время от времени гибли, иногда, как в случае с пассажирской «Лузитанией» в мае 1915 г., в большом количестве. Но так как в морских сражениях надводного флота немцы не могли рассчитывать на успех, то курс на подводную войну ими — наряду с извинениями перед американцами — продолжался. Более того, подводная война с лета 1916 г., особенно после того, как главой генштаба стал Гинденбург, приняла еще более широкий размах. Создавалось впечатление, что в условиях практической стагнации на сухопутных фронтах немцы решили сделать отчаянную ставку именно на битву на морях, ибо морским путем Англия и Франция, в отличие от стран Четверного союза, получали все необходимые для ведения войны ресурсы. Производство подводных лодок в Германии быстро росло, достигнув к лету 1917 г. восьми субмарин в месяц. И вначале эта ставка на подводную войну вроде бы себя оправдывала. Но англичане наладили производство глубинных бомб и иных эффективных средств зашиты от субмарин и борьбы с ними, что резко изменило положение дел.

Словом, к 1917 г. немцы почти исчерпали все доступные ресурсы. Они были готовы перейти к безнадежной для амбициозных целей оборонительной войне. Более того, осенью 1916 г., когда брусиловский прорыв уже завершился без ощутимых реальных результатов, возник-

ла идея воссоздать Польшу как самостоятельное государство. А когда из этого мало что вышло, германский альянс, как бы откликаясь на становившиеся к концу 1916 г. все более частыми и конкретными посреднические призывы президента США В. Вильсона (за «мир без победы»), даже предложил было странам Антанты «сесть за стол переговоров», сделав это, правда, в весьма заносчивой форме. Понятно, что предложение не было воспринято всерьез. Правда, в охваченной кризисом России ситуация складывалась таким образом, что разговор о мире был бы не лишним. Однако та же ситуация — и это один из многих парадоксов, через которые история не позволяла перепрыгнуть, — категорически ничему такому не способствовала. Во всяком случае, двор и придворные, определявшие политику России на рубеже 1916–1917 гг., об измене и не помышляли. Как они полагали, это было бы позорно и губительно для России. Неудивительно поэтому, что страны Антанты спокойно планировали на новый год серьезные наступательные акции как на западном, так и на восточном основных фронтах.

Но все спутали события в России в начале марта 1917 г. Конечно, они не приостановили выполнение стратегических планов коалиций на фронтах, особенно на западном. Но до предела накаленная в России ситуация стала резко и существенно изменяться. Главным направлением перемен оказались как взрыв отчаяния недовольных, который объективно вел к решительным буржуазно-демократическим преобразованиям в стране, давно уже уставшей от самодержавной авторитарной власти, так и в связи с этим все более остро ощущавшаяся потребность гибнущей империи выйти из состояния войны. Россия в 1917 г. начала ускоряющееся движение по трагическому для нее пути. Путь этот, намеченный ее нескладной судьбой и обеспеченный крайне неблагоприятным стечением обстоятельств, был, увы, неотвратимым.

Глава восьмая. СОБЫТИЯ В РОССИИ

Развитие событий в России перед войной и в ходе войны заслуживает особого внимания, ибо именно эти годы были кануном тех роковых перемен, которые радикально изменили судьбу страны в XX столетии. В первой части изложение событий было завершено рассказом о созыве в 1912 г. Четвертой думы и о том, что Россия к мировой войне не была достаточно подготовлена. Возвратимся к этому времени и продолжим рассказ о том самом важном, что происходило в нашей стране после этого. Начнем с того, что Россия волею судеб и, несмотря на раздававшиеся громкие призывы вмешаться и помочь братьям-славянам,

оказалась в стороне от обеих балканских войн, предшественниц мировой. Считается, что этот шаг был в немалой мере обусловлен политикой императора, который после русско-японской войны с последовавшим за ней взрывом недовольства в стране всячески опасался быть вовлеченным в войну, к тому же чреватую для империи возможностями дальнейших осложнений. И его опасения были не только достаточно обоснованными, но и прямо-таки просматриваемыми.

Новая серьезная война, как предупреждали Николая II ближайшие к нему сановники, будь то Витте или Столыпин, может оказаться гибельной для России. И подобного рода прозорливость отнюдь не должна быть сочтена удивительной. Для многих внимательных наблюдателей, к тому же хорошо знакомых с реалиями русско-японской войны и с внутренними проблемами страны, прозорливость подобного рода была лишь логическим следствием их осведомленности. Ведь все было очевидным: буквально разрываемая на части внутренними противоречиями и очень еще слабая по сравнению с быстро развивавшимися буржуазно-демократическими государствами империя легко могла оказаться не в состоянии защитить себя. Мало того, при сильном на нее нажиме — даже учитывая ускорение темпов экономической эволюции в ходе позитивных реформ — она, что вполне вероятно, была готова легко прийти в состояние хаоса и анархии, даже некоего, если следовать современным терминам, беспредела, сопровождаемого непредсказуемыми для государства и народа последствиями.

Государь, сам не слишком отличавшийся аналитическим умом, не оставлял подобного рода предупреждения без внимания, и именно этим объясняются многие из его колебаний и во всяком случае явное нежелание ввязываться в какую-либо войну, напрямую Россию не затрагивавшую. Поэтому, в частности, неудивительно, что он пропустил мимо ушей громогласные заявления как кайзера, так и канцлера Германии, которые после балканских войн не преминули заметить, что они ощущают угрозу именно со стороны славян, с которыми германцам неизбежно вскоре придется воевать. Известно, что, невзирая на столь недвусмысленные фразы, Николай II после этих заявлений летом 1913 г. посетил Германию и даже предлагал некие политические уступки в обмен на отказ Австрии от агрессии на Балканах. Однако ситуация в целом к лучшему не обернулась.

СУЩЕСТВЕННЫЕ СДВИГИ В 1913–1916 гг.

В принципе это не было слишком пугающим. Россия, как упоминалось, в первые годы второго десятилетия XX в. демонстрировала

становившиеся все более заметными экономические успехи. Несмотря на вынужденное увеличение военных расходов — а отчасти, видимо, и благодаря этому, — показатели 1913 г. превзошли все ожидания и вплоть до наших дней часто используются в качестве эталона для сопоставлений. Ощутимо увеличивались, выражаясь современным языком, темпы роста ВВП, росли расходы на сельское хозяйство (столыпинские реформы не заглохли вовсе), на народное образование, были урегулированы финансовые проблемы, что обусловило ощутимый профицит бюджета. Дебаты в Четвертой думе, которая чутко реагировала на позитивные перемены в экономике страны, все чаще сводились к требованию более широких политических свобод. Это в свою очередь рождало энергичный нажим на власть со стороны разных социальных слоев, начиная с промышленников, требовавших — в частности, имеется в виду взявший на себя функции лидера П. П. Рябушинский — более заметного участия буржуазии в решении политических проблем, и кончая большевиками, которые, учитывая незначительность своего политического веса (шесть депутатов в думе), старались компенсировать малочисленность крикливыми заявлениями. Ко всему стоит добавить возраставшее влияние сибирского «старца» Григория Распутина, чья близость к царской семье и чье влияние на императрицу вызывали многочисленные критические замечания и резкие протесты.

Резюмируя, следует, однако, сказать, что, несмотря на высокие и все растущие экономические показатели, Россия накануне мировой войны находилась в состоянии, близком ко все более очевидному политическому кризису. Этот кризис был достаточно серьезным, хотя и весьма своеобразным. При иных обстоятельствах, в благоприятной для страны ситуации он вполне мог бы дать мощный толчок развитию страны и привести ее к существенным политическим переменам, а если выражаться точнее, то к радикальным (не революционным!) преобразованиям буржуазно-демократического характера. Об этом свидетельствует достаточно большое количество объективных фактов. Но факты, которые имеются в виду, начиная с упомянутого бурного экономического роста и кончая очень заметной после 1905 г. либерализацией страны, обзаведшейся партиями, парламентом и кабинетом министров, мало чего, к сожалению, стоили в реально складывавшейся в империи обстановке. Россия все еще оставалась самодержавным государством, так что ни экономические достижения, ни активность думцев, ни протесты буржуа, ни даже весьма ощутимая подрывная работа экстремистов или вызывающие эскапады старца сдвинуть ее с привычных позиций не могли. Не удалось сделать это и надвигавшейся на страну мировой войне. При всем нежелании воевать император вскоре после начала

военных действий в Европе был вынужден объявить о мобилизации и тем самым сделать со своей стороны шаг в сторону мировой войны.

Война — во всяком случае, на первых порах (1914–1916) — мало что изменила. Дума утверждала военные бюджеты, а затем даже создала Прогрессивный блок во главе с кадетами, отстаивавшими буржуазно-либеральный путь страны. По мере ухудшения положения на фронте ее позиции усиливались. В конце 1916 г. она даже добилась отставки главы кабинета и публично выразила недоверие его преемнику. Именно дума в первые дни февральско-мартовских событий в стране создала Временный комитет, а затем, после переговоров с Петроградским советом (не с большевиками!), и Временное правительство, взявшее на себя всю власть в России. И в последующем дума продолжала существовать, принимая необходимые решения. Она была распущена Временным правительством лишь 19 октября 1917 г. в связи с выборами и предполагаемой передачей всей власти в стране Учредительному собранию. Но вместе с тем стоит заметить, что ряд депутатов, включая руководителя Временного правительства А. Ф. Керенского, считали нужным предупредить, что после победы над врагом может прийти время не столько рассчитывать на приращение территорий за счет побежденных, сколько стремиться к тому, чтобы страна была «освобождена от страшных внутренних пут» (имелся в виду явно возраставший экстремизм крайне левых, прежде всего большевиков).

В принципе это были все те же пугавшие императора предупреждения о том, что Россия может просто не выдержать войну. Особенно, если она затянется. В первой части тома не раз шла речь о том, что затяжка войны — с точки зрения потенциальных союзников и ресурсов — была невыгодна для Германии и ее альянса. Но сейчас речь идет не о выгодах с точки зрения ведения войны и достижения победы. Трагедия России была много страшнее: она имела серьезные шансы просто не выдержать затянувшихся военных действий как таковых, ибо внутреннее ее положение было до предела напряженным и явственно чреватым серьезнейшим кризисом. Страна уже очень давно остро нуждалась в продолжении радикального переустройства буржуазного типа, лучше мирного, т.е. чего-то вроде того, что было начато в 1905 г. Но шансы на это неизбежно должны были таять по мере ухудшения ситуации в результате неудачной войны. А этого, учитывая ход боевых действий в целом, вполне можно было ожидать.

Если иметь в виду общее состояние умов в просвещенной России (исключая, разумеется, тех, кто мало понимал в происходивших в стране событиях, — а их было подавляющее большинство), то ситуация, о которой идет речь, была, как упоминалось, напряженной и к тому же

имела явную тенденцию к нарастанию напряженности. Престиж самодержавия падал, роль дворянства как основной его социальной опоры резко уменьшалась. Интеллигенция, во всяком случае та, что не имела отношения к экстремизму, постепенно переставала быть властителем дум, уступая место оголтелым радикалам левого толка. Если ко всему этому прибавить сохранявшееся в неизменности состояние архаического мышления крестьян с их твердой уверенностью в том, что никакой частной собственности на землю быть не может и что именно на этом должна всегда стоять еще отнюдь не разрушенная столыпинскими реформами общинная деревня с ее регулярными переделами общей земли, то картина окажется тем более мрачной.

Россия, как то было почти всегда, не просто оставалась расколотой на непримиримые по отношению друг к другу части. То, что веками хоть как-то связывало между собой эти части — самодержавие, православие, — на глазах теряло реальную силу. Сила страны трансформировалась в ее слабость. А это в свою очередь влияло и на думу, и на правительство, побуждая их действовать в зависимости от конкретной обстановки и не особо задумываясь — вопреки тому, что делал в свое время Столыпин, — о стратегии. Россия склонялась туда, куда сильнее дул сегодня порыв ветра. А ветер рождался от любой малости, предусмотреть которую было невозможно, да и в сложившихся условиях, имея в виду прежде всего неудачную войну, было просто некому. Не до того было. В этой связи стоит заметить, что первоначальный и в какой-то мере вполне понятный, даже ожидаемый в начале войны взрыв патриотизма с его обычно преувеличенным оптимизмом («будем встречать Рождество в Берлине») довольно быстро исчез. Неудачи 1915 г. оказались естественным толчком к усилению позиций думских либералов и стали главной причиной появления Прогрессивного блока, который стал практически официально оформленным оппозиционным царскому правительству парламентским большинством. А в стране все чаще велись разговоры о предательстве, к тому же с явным намеком на засилие немцев в верхах, начиная с императрицы. Явная ненависть к ней сыграла свою роль и в убийстве в декабре 1916 г. Распутина. Россия очень быстрыми шагами шла к развязке, которая в складывавшихся обстоятельствах обещала быть кровавой.

ФЕВРАЛЬСКО-МАРТОВСКИЕ СОБЫТИЯ И ПУТЬ К НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ РЕСПУБЛИКЕ

Наша страна, как то было хорошо заметно, в эти роковые для нее годы чем-то напоминала Францию накануне Великой революции.

Перед ней открылся **путь от самодержавной монархии к буржуазной республике**. Но разница, что стоит иметь в виду, была более чем существенной. Во Франции все третье сословие стремилось к переменам, а праздный Версаль не понимал этого и на горе себе не давал хода народу. В России народ с его, несмотря на столыпинские реформы, все еще архаичным сознанием оставался инертным, пока его искусно, хотя и не сразу, не разбудили большевики. Но никакого третьего сословия здесь не было, как не было и праздного Версаля. Зато была война, шедшая неудачно для империи. Был полный разброд в обществе. И, что наиболее важно, вместо якобинцев, которые появились во Франции с их террором и гильотиной лишь в разгар революции, в России давно уже существовали малочисленные, но очень хорошо организованные большевики. А отличием большевиков от якобинцев, с которыми они без стеснения, а порой и с явным удовольствием стремились себя отождествить, была, что очень существенно, их детально разработанная марксистская идеологическая доктрина. Такой доктрины не было у якобинцев, воспитанных в конечном счете на идеалах мыслителей века Просвещения, того же Руссо. Воспитателем же большевиков был Маркс с его неизменным идеалом не очень ясной ему самому *диктатуры пролетариата*. Эта диктатура, стоит напомнить, должна была в сравнительно скором будущем привести к отмиранию государства (очень важный пункт в доктрине Маркса, со временем преданный в марксистском социализме-коммунизме практически полному забвению).

Пролетариата в России почти что не было, да и тот, который был, далеко не полностью шел за большевиками. Но вот что такое диктатура, каждый мог и имел полное право (доктрина позволяла и даже призывала к этому) трактовать по-своему, в зависимости от обстоятельств. Вообще говоря, именно это в конечном счете и сгубило империю. Ведь в российском большевизме это понятие с первых шагов февральско-мартовской смуты, причем чем дальше, тем в большей степени, стало восприниматься как **произвол вооружившихся людей и беспардонное использование насилия в любых, в том числе самых жестоких и бесчеловечных формах** (собственно, это и есть то, что позже стали привычно именовать *красным террором*). Иными словами, если во Франции революция начиналась чинно, с выборов и заседаний Генеральных штатов, так что только в результате неразумной поспешности недооценившего обстановку короля была взята Бастилия, с чего, собственно, вооруженное возмущение народа и началось, то в России все было не так. Здесь легко вооружившиеся либо, если иметь в виду недовольных солдат, уставших от войны, давно вооруженные люди

стали с первых же проявлений недовольства петроградцев перебоями в снабжении активно поддерживать при поддержке большевиков быстро создававшуюся обстановку хаоса и типично русского бесшабашного антиправительственного бунта.

Разумеется, объективно все достаточно легко разложить по полочкам и просчитать, кто чего хотел и сколь скверно все это учитывалось властями. Но едва ли это поможет. На глазах рушилась национальная идея, не так уж давно сформулированная Уваровым (православие, самодержавие, народность) и ничто не шло ей на смену, кроме разве что умело подбрасывавшихся большевиками лозунгов типа «земля — крестьянам» и «грабь награбленное». А ведь именно эти элементарно звучащие и доступные каждому призывы, удивительно точно совпавшие с идеалами архаичного русского крестьянства с его культом справедливого разделения земли и решительного неприятия помещичьей и тем более невесть откуда взявшейся буржуазной частной собственности на нее (вспомним горячую полемику в первых двух думах) оказались крайне действенными. Именно они, будучи с легкостью восприняты крестьянами, дали большевикам ту поддержку со стороны низших слоев общества, в которой те, не имея достаточного количества пролетариата, столь нуждались. Эти призывы составной частью вошли в сформулированный обстановкой основной лозунг большевизма — *за диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства*.

Ставка на крестьянскую бедноту, которой было предложено грабить и захватывать помещичью землю, с лихвой себя оправдала. И вскоре именно большевики повели за собой вооруженных людей (одетых в шинели крестьян с винтовками в руках), энергично превращая *империалистическую войну* в *войну гражданскую*. Словом, по сравнению с большевиками якобинцы, которые уничтожили едва несколько тысяч, пусть даже немногие десятки тысяч врагов народа, были невинными агнцами. А густо насыщенная кровью разница — в пользу большевиков — оказалась закономерным результатом отношений, сложившихся в нашей стране с ее крестьянским, вчера еще крепостным населением, которое давно привыкло к переделам земли как коллективного достояния и не раз уже требовало от думцев ликвидации права частной собственности на землю. И здесь нельзя сразу же не сказать, что программа большевиков с ее завещанной Марксом стопроцентной национализацией орудий и средств производства, направленной вроде бы в основном против основ низвергавшегося всеми правоверными коммунистами буржуазного строя, практически оказалась копией крестьянских пожеланий.

Не станем подробно пересказывать хорошо известные факты. Но обратим внимание на акценты и оценки. Напомним, что конец февраля 1917 г. был отмечен не только возмущением вышедшего на улицы Петрограда народа, недовольного перебоями в торговле хлебом, но и массовыми беспорядками на предприятиях и в казармах, что и привело к созданию думой Временного комитета, вынужденного взять власть в свои руки. Прибывшие в ставку с сообщением от этом А. И. Гучков и В. В. Шульгин в почтительной форме предложили императору отречься от престола. Это предложение, уже сделанное ему генералами, казалось в складывавшейся безвыходной обстановке военных неудач и всеобщего хаоса в столице единственно возможным. Вопрос был в том, кому передать власть. Выяснилось, что никто не готов к этому. В итоге династия Романовых прекратила существование, а власть после переговоров с Петроградским советом взяло заново созданное Временное правительство. И это был большой, можно сказать главный, но, к сожалению, фактически и почти единственный успех российской буржуазии, а точнее — партий, которые представляли ее интересы. **Партий, готовых (по крайней мере на словах) отстаивать необходимые для ее нормального существования права, свободы, различные демократические процедуры и — это очень важно! — незыблемость антично-буржуазной, т.е. защищенной законом и потому неприкосновенной частной собственности. Той самой, что была столь ненавистна большинству крестьян.**

Сразу же по возникновении нового правительства теперь уже республики (пусть еще официально так не поименованной — для этого требовалась санкция Учредительного собрания) министр иностранных дел П. Н. Милюков заверил союзников, что страна намерена по-прежнему вести войну до победного конца. Естественно, что союзники России по Антанте (а еще за пару дней до них США) признали новое российское правительство. Естественно и то, что Временное правительство в связи с этим решительно отказалось от всех агрессивно-аннексионистских планов царизма и провозгласило своей целью «утверждение прочного мира на основе самоопределения народов». Одно было плохо: страна не готова была признать новое правительство и тем более быстро подчиниться его власти, а у правительства не было ни сил, ни средств добиться этого. Причиной столь сомнительной позиции была все та же слабость русской буржуазии и почти полная неготовность представлявших ее интересы партий (как в думе, так и вне ее) обрести столь не хватавшую ей силу. И речь шла вовсе не об армии либо об органах внутреннего порядка. Ситуация была намного более худшей. И в армии, которой давно уже на-

доело воевать, и в стране все буквально бурлило. И если уж такой акт, как отречение самодержца, прошел на этом фоне почти что незамеченным в России, то что же говорить обо всем остальном?!

Страна лихорадочно искала и, тычась в разные стороны, не находила выхода из сложившегося положения. Одно вполне можно было бы расценить как нечто позитивное — это стремление людей как-то сблизиться друг с другом на почве общих проблем и просто текущих бытовых сложностей. Само по себе это очень ценное свойство населения, в трудных условиях трансформирующегося в столь непривычное для него существование в форме чего-то похожего на гражданское общество, можно было бы горячо приветствовать. Но загвоздка в том, что перед российским населением оказались не столько сообщества местного типа с гражданскими объединяющими людей с общими и понятными каждому целями, в основном бытовыми и охранительными, сколько сеть искусственно и очень умело созданных организаций, предназначенных для ловли душ. И так как, в отличие от того, что бывало в других странах, например в США, это не были религиозные группы протестантов, такого рода важное обстоятельство оказалось роковым для судеб России.

Сеть различного рода советов, комитетов, союзов, кооперации и прочих групп, включая земства и многое другое, стала быстрыми темпами возникать, поглощая энергию мечущихся людей и придавая ей, этой энергии, очень четкий не только антисамодержавный, антипомещичий, но и, что неизмеримо существеннее, антибуржуазный вектор. Успешно двигаясь именно в этом направлении, она оказалась в крайней степени подходящей для того, чтобы немногочисленные фанатики из числа идейных марксистов, большевиков, сумели воспользоваться всем этим как самой судьбой приготовленным для них подарком. И хотя далеко не все в стране были под влиянием большевиков, сформулированные большевиками идеи и лозунги очень хорошо ложились на то не до конца осознанное, что бурлило в подобного рода организациях. Резко отвергая неприемлемую для них *буржуазную* законность, большевики, обычно вооруженные и с удовольствием снабжавшие оружием других, как бы развязывали руки людям, и без того готовым перейти к беспардонному насилию по образцу тех революционных толп, что держали в страхе Париж в дни якобинского террора и поисков *врагов народа*. Оттесняя от руководства местными органами власти представителей тех партий, которые стояли за соблюдение каких-то правовых традиций, большевики ставили своей целью разрушить все прежние нормы («до основанья, а затем...») и немало в этом преуспели. С каждой неделей и тем более месяцем

смуты, бравшей в свои мощные руки всю страну за полугодие с марта по ноябрь, становилось все очевиднее, что буржуазная, тем более буржуазно-демократическая революция со всеми присущими именно ей институтами, правами и свободами в бунтующей России не получается и явно не получится. Многого, очень многого для этого в сильно отставшей от передовых стран империи все еще не хватало. А вместо всего этого на передний план с угрожающей ухмылкой выдвигалось нечто совсем неожиданное и новое, незнакомое и страшное, то самое, что выдавалось большевиками за только что упоминавшуюся «диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства». Мало образованная и не слишком много понимавшая в происходящем деревенская беднота (пролетариат в лозунге — ради верности доктрине), да еще с оружием в руках, выходила на авансцену.

БОЛЬШЕВИКИ В ПОПЫТКАХ РАЗОГРЕТЬ СМУТУ

И вот эта-то смутная и не вполне понятная многим масса оказалась буквально мягкой глиной в умелых руках горстки профессиональных революционеров-марксистов. Но здесь стоит начать с начала и обратить внимание на то, сколь реально готовыми оказались большевики к своей адской работе. Ведь хорошо известно, что до февральско-мартовской смуты лидеры этой партии спокойно сидели в нейтральном Цюрихе и, учитывая накал патриотических настроений, не ждали, во всяком случае, в скором будущем, каких-либо выгодных для них перемен. Правда, курс на «революционное пораженчество» отличал политику социалистов марксистского толка из России от все далее уходивших от марксизма социалистических партий в остальных воюющих странах. Но и те большевики, что жили и работали в России, вполне отчетливо сознавали, что с тезисом о «пораженчестве» лучше пока что не высовываться. Все резко стало меняться с лета 1915 г., когда русская армия начала терпеть серьезные поражении, а в стране начал остро ощущаться кризис в сфере военного снаряжения, участились забастовки, а от патриотического пафоса не осталось и следа (разве что начались погромы немецких магазинов и домов).

Ситуация в стране быстро становилась совершенно неясной. Резко упала популярность самодержца, причем расчет на укрепление ее за счет увольнения с должности главнокомандующего великого князя Николая Николаевича оказался ошибочным. Руководство армией не улучшилось, а отсутствие императора в столице, пусть не частое, стране только вредило, особенно имея в виду активность Распутина. Брусиловский прорыв 1916 г. чуть повысил градус патриотического

сплочения, но ненадолго. А нехватка продовольствия и затруднения со снабжением столицы привели в конце 1916 г. к взрыву народного возмущения, спорадически повторявшегося и в начале 1917-го.

И вот здесь-то и настал час большевиков. Их было немного. Количество их в Петербурге — а все решалось в конечном счете именно там — вначале едва ли намного превышало несколько тысяч, хотя и быстрыми темпами росло. Но это были профессионалы, фанатики идеи. И на фоне общего разброда они, постоянно увеличиваясь в числе (за счет освобождения из тюрем, возвращения из ссылок, изменения убеждений, если речь о социалистах иных направлений, и т. п.), являли собой немалую силу. И здесь сразу же следует сказать,что сила их была не столько в готовности самозабвенно круглосуточно работать во имя идеи, хотя и об этом забывать не стоит, а в умении вести диалог с людьми, причем не вообще с людьми, но именно с малограмотными и, как правило, привыкшими мыслить примитивными категориями. Именно на их восприятие и были умело рассчитаны лозунги марксистского социализма в его переинтерпретированной, урезанной и примитивизированной форме, приспособленной для понимания широкими массами слушателей.

Все началось с армии, откуда сотни распропагандированных солдат просто уходили со своими ружьями, оголяя фронт, благо активные военные действия в начале 1917 г. на восточном фронте не шли. Стороны не торопились, всерьез обдумывая заново складывавшуюся в России политическую обстановку. Власть на фронте все чаще брали в свои руки избиравшиеся солдатами советы депутатов, что подрывало не только дисциплину, но и принцип подчинения солдат командовавшим им офицерам. Армия быстро разлагалась. Россию в этот момент можно было брать, что называется, голыми руками. Но немцы не торопились. И правильно делали. Ибо очень неясно было, как они смогут справиться со всем тем, что творилось на фронте, в прифронтовой полосе, в соседних с ней городах и поселках, наконец, в самом Петрограде. **Как рыба в воде — стоит повторить — чувствовали себя в этой обстановке одни только большевики.** Те самые, что прилагали усилия для дезорганизации обстановки в стране и особенно в ее прифронтовой части и в столице. Резко увеличилась их мощь еще и за счет эмигрантов, к числу которых относились наиболее видные их вожди. Речь о тех, кто был в Цюрихе.

Сразу же после начала смуты они заволновались и начали искать пути возвращения в Россию. Едва ли есть смысл в деталях восстанавливать весь полудетективный связанный с этим сюжет. Одно ясно: с помощью недолгих переговоров и при поддержке разного рода по-

средников цюрихские вожди легко сумели убедить германские власти, что пропустить их через всю Германию в Финляндию было бы в интересах немцев. Немцы, недолго думая, пошли на это, и в начале апреля 1917 г. на Финляндском вокзале Петербурга Ленин произнес перед пришедшими его встречать тысячами сочувствующих пламенную речь, содержавшую программу действий. Суть программы, повторенной на разных собраниях, сводилась к тому, что нужно свергнуть господство буржуазии и тем самым осуществить силами пролетариата и беднейшего крестьянства столь желанную марксистами социалистическую революцию. **Суть ее в том, чтобы уничтожить парламент и создать вместо него диктатуру в форме республики советов, для чего советы должны порвать с Временным правительством.** Вождь призвал к практически полной национализации, к жесткому контролю за производством, а затем и ко всемирной революции (сначала земля крестьянам, власть советам и братание на всех фронтах, а затем и переход всей власти в мире в руки революционного пролетариата).

ПРОБЛЕМЫ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Временное правительство, призванное управлять воюющей — не забудем об этом! — империей, тем временем далеко не бездействовало. Напротив, оно делало все, что в его силах, для того чтобы ликвидировать смуту, успокоить взбудораженное общество, урегулировать проблемы с оказавшейся столь ненужной России войной и хоть как-то решить возникавшие и становившиеся все более сложными новые проблемы. Руководители правительства начали, минуя все самозваные советы, союзы и комитеты и стремясь изолировать большевиков, искать опору в сохранившихся земствах, городских думах и различного рода кооперативных, профсоюзных и прочих общественных организациях. Еще 3 марта 1917 г. была опубликована первая программа, четко ориентировавшая страну в направлении создания основ демократического общества. В стране утверждались все гражданские права и свободы, отменялись сословные привилегии, предлагалось энергично создавать народную милицию, унифицировать органы местного самоуправления, старательно готовиться к выборам в Учредительное собрание, которое примет конституцию.

Апрельские тезисы Ленина не произвели на правительство слишком большого впечатления, что свидетельствует о недооценке им возможностей большевиков. В какой-то мере можно извинить это тем, что и без того у правительства был полон рот хлопот. В Декларации от 5 мая было заявлено о желательности скорейшего установления

сепаратного мира без аннексий и контрибуций. Принимались и иные демократические призывы к населению. И эти призывы действовали, а в создании основ новой российской демократии принимали активное участие представители различных партий, а также все те, кому надоели хаос и безвластие, разбои, погромы и разные иные эксцессы неконтролируемой массы вооруженных «революционеров». Казалось, дело сдвинулось с мертвой точки. Закладывался фундамент некоего порядка при сохранении толерантности, привычной для либерально-демократической буржуазной структуры. Даже еще не вступившие в войну США предоставили Временному правительству столь необходимый ему заем. Словом, вполне могло сложиться впечатление, что дела в России как-то налаживаются. Но не тут-то было!

Параллельно с этим благотворным и позитивным процессом враги буржуазных демократических преобразований, резко усилившие свои позиции после прибытия из Цюриха вождей большевиков и высказанных Лениным сразу же по приезде деструктивных тезисов, направленных на разрушение всего сделанного и наполненных призывами все переделать по догматическо-марксистской коммунистическо-пролетарской модели, начали обширное контрнаступление. Выбрав в качестве основной опоры советы и пытаясь опереться на них за неимением ничего лучшего, большевики начали ожесточенную борьбу за вытеснение господствовавших в этих советах представителей немарксистского (социал-революционеры, эсеры) или, в случае с меньшевиками, не вполне марксистского социализма. Это должно было привести к резкому открытому противопоставлению советов правительству. А так как без надежной опоры на массовые организации на местах, к тому же при открытом противодействии энергичных большевистских пропагандистов, правительство остаться не могло, такой курс большевиков означал резкое усиление борьбы за советы.

И здесь победителями стали экстремисты, что отнюдь не следует считать случайностью. Ведь нет ничего удивительного в том, что Временное правительство с его необходимостью согласовывать свои действия и решения в рамках многопартийного кабинета порой просто не поспевало за течением быстротекущего времени. Оно должно было уступать. И хотя борьба за советы продолжалась, большевики брали свое усиливавшимся революционным натиском. Сотрясая столицу каждый месяц, они на выборах 3 июня 1917 г. сумели провести в состав делегатов I Всероссийского съезда советов лишь 105 делегатов из 777. Это можно было считать их поражением. Но оно не остановило большевиков. Громогласно заявив на съезде, работав-

шем с 16 июня по 7 июля, о том, что их партия готова взять в руки всю власть («Есть такая партия!»), они снова еще в июле, до и после завершения съезда, спровоцировали ряд массовых выступлений, ставивших целью низвергнуть власть Временного правительства.

Однако в тот момент советы (именно они, а не правительство, что следует отметить) обратились на фронт за военной помощью, а быстро прибывшие войска навели в столице порядок. Выступление левых оказалось авантюрой, за которую большевики могли очень дорого заплатить. Но правительство, к сожалению, не сделало должных выводов и не сумело обратить должное серьезное внимание на их лидеров. Ленин с Зиновьевым ушли в шалаш на станцию Разлив, где их почему-то никто не тронул. Некоторых других руководителей партии на время арестовали, газету «Правда» ненадолго закрыли. Но дело так и не довели до конца, причем главным образом из-за того, что сразу же вслед за заметным укреплением позиций Временного правительства оно столкнулось с резкой оппозицией справа, со стороны тех, кто видел все беды России именно в излишней демократии и отсутствии сильной власти в стране.

Временное правительство было вынуждено считаться с этим, результатом чего оказалась его декларация от 8 июля с призывом пойти на жесткие меры во имя спасения революции. Главой кабинета стал эсер А. Ф. Керенский. ЦИК советов поддержал меры правительства, направленные, как было сказано, на спасение революции. Для борьбы с оппозицией на местах был создан институт комиссаров, многими из которых оказались входившие в состав правительственного большинства социалисты различного толка (естественно, кроме правоверных марксистов, большевиков). Заметно усилился за счет возвратившихся в него кадетов и состав правительства, причем новая коалиция поддержала кандидатуру Керенского. Вообще в тот момент Керенский чем-то напоминал Робеспьера в самые горячие дни французской революции (вполне возможно, что он и сам считал себя именно таковым). Созыв Учредительного собрания был назначен на середину сентября. Казалось, это была, наконец, победа буржуазной демократии в измученной распрями стране. Но все шло не совсем так, как можно было ожидать. Прежде всего, большевики приняли вызов и на очередном VI съезде партии на рубеже июля и августа 1917 г. приняли новое решение. Сняв лозунг *Вся власть советам!*, они предпочли взять курс на вооруженное восстание. Казалось бы, наступил решающий момент схватки за власть, решительной борьбы с мятежниками. Но все было намного сложнее.

Дело в том, что перегруппировкой сил в правительстве и принятыми им мерами оказались недовольны некоторые влиятельные генералы.

Вообще-то причин быть недовольными правительством Керенского было именно в тот момент не так уж и много. Временное правительство как раз в августе делало все от него зависящее, чтобы укрепить свою власть. На Государственном совещании 12–15 числа были подведены некоторые итоги. В принципе Временное правительство могло бы даже почти гордиться тем, чего оно сумело добиться. Керенский был непримирим к врагам революции, угрожая расправиться с ними, не слишком церемонясь (имелись в виду, естественно, большевики). Генералы, начиная с только что сменившего Брусилова на посту главнокомандующего Л. Г. Корнилова, требовали наведения порядка на фронте и в тылу и были готовы помочь в этом. А. М. Каледин предложил вообще упразднить советы с их неуправляемой демократией. Но большевики и находившиеся под их влиянием сотни тысяч наиболее мятежных граждан страны не были, естественно, удовлетворены подобными речами. В итоге задававшие тон генералы, хотя они и одобрили ужесточение политики Керенского, потребовали более решительных мер. Эти меры были особенно необходимы на фронте, где солдаты все чаще подчинялись решениям выбранных ими комитетов, нежели офицеров. Но Керенский, опасаясь реакции справа, не без оснований колебался. В конечном итоге генералы решили действовать сами. На рубеже августа-сентября 1917 г. несколько наиболее надежных соединений — корпус казаков и так называемая дикая дивизия из кавказских горцев во главе с генералом А. М. Крымовым — отправились в Петроград.

Керенский колебался отнюдь не случайно. Он, безусловно, понимал, что без вооруженного вмешательства с большевиками ему будет нелегко справиться, ибо у Временного правительства для этого было не слишком много сил. В то же время не сомневался он и в том, что в случае удачи генеральского натиска, по существу военного переворота, он и все его движение в сторону завершения буржуазно-демократической революции более не будут нужны. О буржуазной революции в России, скорее всего, придется, по крайней мере, на некоторое время, забыть. В такой обстановке принять оптимальное решение очень сложно, если вообще возможно. Собственно, именно это крайне существенное обстоятельство и сыграло свою роковую роль в истории России. Все свелось к тому, что, пока находившиеся у власти социалисты буржуазно-демократического толка (кадеты, готовые поддержать генералов, от принятия решения устранились) колебались, большевики, умело используя данное им судьбой время, лихорадочно готовились к борьбе с мятежом генералов. Итог оказался вполне предсказуемым. Когда принявший, наконец, решение Керенский объявил Корнилова государственным преступником, оказалось уже поздно.

Деятельные и вездесущие большевики, основательно распропагандировав армию и сумев мобилизовать советы на железнодорожных станциях, закрыли путь к столице и начали успешную пропаганду среди ехавших туда солдат. В итоге мятеж провалился, а Крымов застрелился. Мало того, провал военного переворота перерезал те канаты, которые до того все еще более или менее прочно соединяли Временное правительство с вооруженными силами России. **И это был конец. Конец для правительства и для демократической России, страшный удар по либеральному пути развития страны, полный крах надежд на успех любых буржуазных преобразований.** Провал генеральского мятежа и последовавшее за ним резкое ослабление позиций правительства привели к тому, что крайне важные и до предела необходимые именно теперь выборы в Учредительное собрание были в очередной раз отложены, а торжествующие большевики вновь вышли на авансцену политической борьбы. Начался быстрый процесс большевизации советов. Параллельно с этим продолжалось разложение армии. Ко всему следует добавить резкий рост недовольства в стране и оживление сепаратистов на окраинах империи, будь то соседние с Петроградом Прибалтика и Финляндия или прифронтовая Украина.

Словом, корниловский мятеж фактически решил судьбу несостоявшейся русской буржуазно-демократической революции. На ней был поставлен жирный крест, а проблему будущего России — несмотря на сохранявшуюся уверенность Керенского в том, что ему удастся переломить неблагоприятную для Временного правительства ситуацию (в этом духе он высказывался в частной беседе еще в самом начале ноября 1917 г.), — стали решать экстремисты. Остановить большевиков, в руках которых была немалая армия деятельных и опытных пропагандистов, умевших разговаривать с простым народом на его языке и с использованием нехитрой серии уже упомянутых и некоторых иных близких к ним лозунгов, демократическое правительство, лишенное поддержки армии, было уже не в силах. Трудно сказать, были ли в дни накануне принятия правительством рокового для него и для России решения какие-либо негласные попытки найти компромисс с генералами. Да и мог ли Керенский дать заверения, которые были бы с удовлетворением восприняты мятежниками и привели бы к отказу от переворота? Скорее всего на оба эти вопроса следует дать отрицательный ответ.

Но если так, то это значит, что социалистическое правительство буржуазно-демократической России, немалая часть которого (кадеты) была готова пойти на союз с генералами, не просто раскололось, а сво-

им явно вынужденным отказом от такого сотрудничества подписало себе смертный приговор. Не стремясь быть категоричным, все же стоит просто обратить внимание на соотношение сил. Да, большевики после провала путча в июле были в бегах. Но, во-первых, не все, а во-вторых, удалялись они не слишком далеко. И когда эшелоны с мятежниками направились в Петроград, они сумели остановить их и распропагандировать солдат. Не очень ясно, насколько хорошо обо всем этом был осведомлен Керенский. Но у него явно не было оснований считать, что большевики стараются ради сохранения его правительства. Конечно, ему можно посочувствовать. Судьба успешной буржуазно-демократической революции в измученной России была в его руках. И едва ли Керенский не сознавал это. Но он оказался, как говорилось, в безвыходном положении. Если разогнать большевиков и открыть дорогу мятежу, его правительству конец. К власти придут генералы, и о революции в России можно будет надолго забыть. Если не вмешиваться, большевики, став победителями, наберут силу и окажутся хозяевами положения. Решая столь нелегкую проблему, глава Временного правительства с поддержавшими его социалистами (стоит на всякий случай напомнить, что среди них не было большевиков) вынужденно выбрал второй вариант, который, как могло тогда показаться, оставлял ему хоть какую-то надежду. Однако эта надежда оказалась призрачной.

КРИЗИС И КОНЕЦ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

На первых порах все выглядело так, будто Керенский не просчитался. Неудача генеральского мятежа вроде бы сыграла ему на руку. Реформирование правительства сделало его главой Директории из 5 человек (опять аналогия с французской революцией, да к тому же и намек на лавры Наполеона). Но новый глава Директории, даже если бы он еще и назвал себя первым консулом, Наполеоном не был. И дело даже не в том, что его не поддержала страна, как то было в других обстоятельствах с великим первым консулом. Главное было в элементарных стратегических ошибках. Ситуация напоминала шахматную доску мастеров в сложнейшем эндшпиле. Любой неверный ход чреват катастрофой. А времени нет. Нужно быстро выбрать единственно верную комбинацию. И здесь необходим талант, интуиция, то самое, благодаря чему обычно и выигрывают достойнейшие. Керенский таким талантом не обладал и проиграл.

Конечно, легко судить задним числом, да еще в спокойной обстановке. Но ни время, ни обстановку история специально не выбирает.

Ни для кого и никогда. Нужно уметь действовать в условиях, которые сложились. И тот, кто сумел сделать это лучше, оказывается в выигрыше, а его противники проигрывают, как бы ни было это противно ходу истории и благу огромной страны. Такова жизнь и такой она всегда была и будет. Здесь важно иметь в виду и еще одно, а все ли средства хороши ради достижения желанной цели? Те, кто утвердительно отвечает на этот вопрос, не оставляя места для колебаний, имеют значительно больше шансов на выигрыш.

Керенский при сопоставлении с Лениным явно уступал ему по только что упомянутым основным пунктам, не говоря уже о том, что энергичная борьба большевиков за преобладание в советах принесла им дивиденды. Основные советы, начиная с Петроградского, во главе которого был Л. Д. Троцкий, стали большевистскими, что оказалось немаловажным успехом и сыграло свою роль. Насколько можно судить, пытаясь адекватно оценить обстановку не столько даже в стране, сколько в Петрограде, главным ходом — единственным, дававшим некоторый шанс на выигрыш после неудачи мятежа, — был скорейший созыв Учредительного собрания при решительном натиске на большевистские советы. Большевики еще не успели консолидировать свои силы, хотя и скрупулезно учитывали все признаки и формы нараставшего в стране и в армии недовольства. Но пока еще Директория с Керенским, выступившая против мятежников, была в глазах многих героем дня. Нужно было быстро действовать.

А Керенский медлил. Медлил, неторопливо раздумывая, кое-что делая, но при этом теряя драгоценный темп. Вместо ускорения организации выборов в Учредительное собрание он подготовил и провел не имевшее легитимного значения Демократическое совещание, на котором довольно долго, с 14 по 22 сентября, вел дискуссию, после чего был создан Временный совет Российской республики (Предпарламент), призванный с 7 ноября начать работу по созыву Учредительного собрания. Насколько можно понять, ни Керенский, ни иные лидеры различных партий, как входивших в правительство, так и бывших где-то рядом, не верили в то, что большевики смогут в одиночку взять и удержать власть. А большевики тем временем потратили весь октябрь на то, чтобы подготовить назначенный на 6–7 ноября 1917 г. II Всероссийский съезд советов. На этом съезде при поддержке поднятых ими в ружье нескольких десятков тысяч красногвардейцев и матросов простым большинством большевистских голосов они передали всю реальную власть в стране (с мало чего стоившей оговоркой — до созыва Учредительного собрания) некоему Совету народных комиссаров. Съезд принял декреты о мире и о земле и решение об аресте

членов Временного правительства. Керенский сумел избежать ареста и вместе с корпусом генерала П. Н. Краснова выступил на Петроград, заняв Царское Село. Однако рейд не удался. Войска Краснова были вынуждены отступить, а Керенский вновь сумел избежать ареста, на чем его политическая карьера и закончилась. Что же касается большевиков, то они сумели шаг за шагом захватить власть почти во всех основных городах России и стать хозяевами положения в бывшей империи, — правда, далеко не во всей, не говоря уже о ее национальных окраинах, начиная с Финляндии и Украины.

Выборы в Учредительное собрание проводились 25 ноября уже под руководством большевиков. Правда, только захватив власть, они еще не сумели организовать выборы так, как это обычно делали позже. Процесс затянулся на одну-две недели, а в итоге большевики получили меньше четверти голосов, тогда как свыше 40% досталось эсерам (стоит напомнить, что одним из лидеров их, расчлененных на ряд фракционных группировок, был и Керенский). Заседание собрания открылось 18 января и не признало декреты съезда советов, после чего его покинули большевистские и левоэсеровские депутаты. К утру 19 января прозаседавшее около полусуток собрание было закрыто большевиками. На этом попытка совершить в России буржуазно-демократическую революцию формально и бесславно завершилась. На смену ей в объятой хаосом стране пришла диктатура. Но не пролетариата, о чем мечтал Маркс и к чему вроде бы призывали большевики. И даже не «пролетариата и беднейшего крестьянства». Пришла диктатура партии большевиков, которая, как известно, в создавшейся в стране ситуации и не мечтала об отмирании государства. **Целью и смыслом диктатуры, установленной в ноябре 1917 г. в результате большевистского переворота, было создание модификации классической формы авторитарной власти.** К характеристике этой цели и сути новой модификации российско-советской власти-собственности мы еще не раз обратимся. Пока же стоит предложить читателю некоторые соображения о партиях и борьбе различных партий за власть. Эта тема очень тесно связана со всем, что происходило в России в 1917 г., хотя она вообще крайне актуальна и отнюдь не сводится только к событиям 1917 г.

Глава девятая. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ

Проблема политических партий в истории человечества — при всей ее кажущейся элементарности — достаточно сложна и даже противоречива. Если начать, что называется, с самого начала и обра-

тить внимание на в чем-то близкую ей проблему *свои-чужие*, то окажется, что понятие *партия* как определенная часть (*part, partio*) более обширного коллектива, как группа наиболее близких друг к другу *своих*, отличающая их от всех остальных, было присуще людям с незапамятных времен. Разумеется, критерии отличий между такими группами могли, особенно вначале, быть разными и не иметь к политике никакого отношения. Но сам факт несходства различных групп людей по многим разным параметрам бесспорен. Вопрос лишь в том, о каких именно параметрах идет речь и насколько существенную роль играет при этом несходство.

Это напоминание о далеком прошлом необходимо для того, чтобы стало до предела ясным, что появление различных политических или каких-то иных интересов у той либо другой части общества следует считать естественным, даже само собой разумеющимся. Однако наиболее существенным в этой связи всегда остается понять, насколько значимым бывало несходство и как быстро, да и почему оно оказывалось нетерпимым. В самом общем виде можно полагать, что многое зависело от точки зрения, от принятых в обществе предпочтений, от толерантности той либо иной системы ценностей и, как вершина проблематики, от экстремизма крайних. Ведь именно они, эти крайние, очевидные экстремисты, фанатики идеи — кого в отечественной историографии в XX в. обычно не просто любили, но горячо приветствовали, подчас боготворили — нередко официально воспринимались в качестве естественной нормы. Именно им пели дифирамбы за то, что они склонны были решать разногласия не только насилием, ликвидацией противника или инакомыслящего, но и методом массовых, многомиллионных репрессий, по сравнению с которыми обычные войны, даже варварские, могут порой показаться не стоящей внимания мелочью.

Но почему во вроде бы академической науке, обычно всегда славившейся своей терпимостью и уважительной тональностью при спорах с оппонентами, возникла подобная тенденция? Вопрос праздный. Все дело в том, что в нашем изуродованном большевизмом обществе малейшее отличие отдельных групп людей («несогласных») от принятой нормы или стремление таких групп к поведению и самовыражению, отличающимся от одобренного начальством, всегда были чреваты суровыми карами. Люди должны были быть до предела одинаковыми. В этом смысл того конформизма, который возник достаточно давно, причем имел распространение отнюдь не только и даже не прежде всего и не в наибольшей степени именно в нашей стране.

Конформизм как стандарт благопристойного поведения на протяжении тысячелетий обычно считался естественным принципом жизни

в большинстве известных истории обществ восточного типа с их авторитарными режимами. К режимам такого рода люди привыкали поколениями. И потому нет ничего удивительного в том, что во всех неантичных и небуржуазных обществах самой историей был заложен фундамент, который в периоды острого кризиса помогал любой хорошо организованной группе насильников, особенно сплоченных воодушевлявшей их идеей, навязать остальным то, что они считают верным. Так было с мусульманами эпохи пророка Мухаммеда и великих завоеваний ислама. Примерно то же произошло с большевиками. Остается только еще раз обратить внимание читателя на то, что сделать такое, что удалось им, можно было только там, где люди не были или были едва знакомы с античными традициями.

РАННИЕ ФОРМЫ ПРОТОПАРТИЙНЫХ ГРУПП

Теперь, после необходимой преамбулы, самое время обратиться к основной теме. Она сводится к тому, как в обществах, не причастных к античным, предбуржуазным и буржуазным традициям, т.е. там, где господствовал принцип власти-собственности с присущей ему редистрибуцией в различных формах, закладывались основы протопартийных группировок и какой облик эти группировки принимали. Начнем с того, что в любом более или менее развитом обществе с разделением труда и с соответствующими ему элементами редистрибутивной нормы одни группы людей должны были отличаться от других (разделение труда вело к различию в социальном статусе и в облике, а также нормах поведения, соответствующих статусу). **Но во всем остальном принцип был непреложным: одни управляли, другие были управляемыми.** И так оно в общем-то в большинстве случаев продолжалось без особых перемен на протяжении долгих веков и тысячелетий. Более того, именно в этом был смысл авторитарной власти. Но как возникла эта власть и какую роль при этом играли — если играли — протополитические взаимосвязи? Или что такое политическая партия (протополитическая группа) как форма борьбы за власть? Когда и как формировались параметры объединений подобного типа? Какие из различного рода древних организаций вели или каким-то образом могли привести к возникновению разного рода партий, вплоть до тоталитарно-мафиозных идеологическо-религиозных организаций, т.е. *партий нового типа*?

Если оставить в стороне первобытно-примитивные демократические процедуры, связанные с выбором лидеров групп, о которых мало что известно, то логично и само собой разумеется, что разного рода про-

топартийные группы ранее всего могли возникать на уровне общинных поселений неолита, в ходе борьбы за престиж и должность в руководстве общины. Данные об этом, собранные антропологами у разных народов, свидетельствуют, о чем не раз упоминалось, что для успеха в достижении желанной цели патриархи семейно-клановых групп широко использовали принцип щедрых угощений и раздач. Те, чье хозяйство в силу разных причин было наиболее зажиточным, при использовании генерального принципа реципрокности, т.е. обязательного взаимообмена, обретали больший престиж и обзаводились при этом клиентами, которые были не в состоянии расплатиться материальными раздачами и потому платили своим престижем. **Патронажно-клиентные связи были основой наиболее ранней формы группировок, уже имевших протополитическую подоплеку.**

Протопартийные группы такого типа были, естественно, кратковременными и даже скорей всего одноразовыми, имевшими вполне определенное предназначение. Но соперничество такого рода группировок было вполне реальным и могло принести либо не принести победу. На более позднем этапе, когда возникали протогосударства, соперничество обретало форму борьбы групп в рамках трибализующейся этнической общности, в ходе которой наиболее удачливые из амбициозных претендентов на роль вождя, опять-таки используя принцип престижа, одерживали верх. Их группы поддержки тоже есть основание считать ранней формой протопартийных образований. В рамках очагов урбанистической цивилизации в ход шла и просто сила, которая позволяла какому- либо из удачливых правителей одолевать соперников. Есть вполне резонные основания считать, что поддерживавшие правителя его воины тоже в конечном счете были чем-то вроде подобных групп. Во всяком случае протополитический смысл их вне всякого сомнения.

В более позднее время, когда на традиционном Востоке возникли и вполне институционально оформились развитые государства, существовавшие в сравнительно неизменном либо очень мало структурно изменявшемся виде до XIX столетия, политическая борьба обычно обретала очень разные формы, от дворцовых интриг до военных столкновений. Как правило, дело при этом обходилось без каких-либо организованных *прото-* либо *предпартий*. Для возникновения партийных группировок в такого рода структурах практически не было места. Власть в стране принадлежала правителю, порой делившему ее с налаженным и строго централизованным аппаратом администрации, в пределах которого могли рождаться заговоры, иногда серьезные и чреватые непредсказуемыми последствиями, но не было основы для возникновения партийных групп.

Не было потому, что авторитарная власть, единовластие правителя, сколь ни был бы он лично слаб, не совместима с открытой оппозицией. Несовместима просто потому, что любая оппозиция подрывает не столько власть правителя, сколько консервативную стабильность общества в целом, которая была одной из наивысших и вполне осознанных ценностей всех традиционных обществ.

Впрочем, порой встречались и исключения. В некоторых странах в весьма определенных условиях внутреннего кризиса, который мог длиться долгими десятилетиями, если даже не веками, возникало внутреннее сопротивление. Оно принимало различные формы. В мире ислама оно чаще всего проявлялось виде появления новых сект, что было особенно характерно для шиитов. Это сопротивление в конечном счете приводило в обстановке кризиса к распаду государства на части либо к отделению от целого (например, халифата) какой-либо из его частей. Можно ли считать это проявлением именно политического соперничества? Вне всякого сомнения. Но следует ли считать отделившихся именно политической партией, *предпартией*? Едва ли. Ведь кроме желания обрести автономию либо полную политическую самостоятельность за этой политической борьбой ничего не стояло. Впрочем, встречались и иные варианты, более близкие к представлению о партийном противостоянии. Они относятся к странам конфуцианской цивилизации.

Из истории Китая эпох Хань или Мин известно, что влиятельные группировки конфуцианцев, отстаивавших принятые в стране нормы, не останавливались перед тем, чтобы решительно противостоять временщикам, оказавшимся рядом с троном сына Неба. В стремлении потуже набить карман временщики, ценя свое недолгое время, беззастенчиво нарушали эти нормы. Конфуцианские ученые, обладавшие учеными степенями и бывшие законными кандидатами в чиновники, лишались своих должностей, которые были заняты клевретами временщиков, обычно из числа родни женщин императорского гарема. Это побуждало конфуцианцев сплачиваться и единым фронтом выступать с резкой критикой, формируя недовольство в общественном мнении и составляя доклады на высочайшее имя. И хотя такие доклады обычно не имели должного воздействия, а авторы их время от времени получали шелковый шнурок (рекомендация повеситься, обычно исполнявшаяся), поток петиций не прекращался. Ситуация подобного рода характеризуется не только политическим противостоянием оппозиции власть имущим, но и наличием в рядах оппозиции примитивной, но все же уже сплоченной единством цели и обладающей некоторыми формами внутренней организации политической протопартии.

Это означает, что протопартии могли возникать и что появление их на свет было реакцией на обострение внутриполитических событий. Но далеко не всякое обострение внутриполитической ситуации вело к появлению в странах Востока политически оформленных, пусть еще в крайне неопределенном состоянии, группировок. Более того, возникали они не везде, но именно в странах конфуцианской цивилизации (можно напомнить о противостоянии политических группировок знати в средневековой Японии). А очевидная принципиальная разница здесь в том, что в конфуцианской структуре не было сакральной почтительности к правящим верхам в той степени, в какой то было характерно, в частности, для ислама. И потому нарушение нормы верхами считалось не только доступным для критики, но и вполне осознанным и оправданным поводом для постоянных нападок. И еще. Возникая в экстремальной ситуации, протопартии подобного типа исчезали, коль скоро обстановка в империи нормализовалась. **Вообще же для того, чтобы протопартии возникали, нужна была либо крайняя степень нарушения общепринятой нормы, борьба с которой наиболее типична для конфуцианской цивилизации, либо достаточно высоко развитый уровень политической культуры, который был свойствен прежде всего античной традиции и западноевропейской предбуржуазии.**

ПРОТО- И ПРЕДПАРТИИ В АНТИЧНЫХ И ПРЕДБУРЖУАЗНЫХ ОБЩЕСТВАХ

Нет никаких сомнений в том, что устойчивые противостоящие друг другу группы ранее всего и в наиболее четко обозначенном виде могли возникнуть и возникали именно в античном обществе. Из истории античных полисов, как и раннего Рима, хорошо известно, что эти общества изначально были в определенной степени политически — именно политически — расколоты на противостоящие группировки. В Элладе это были демос и аристократы, в Риме — плебеи и патриции. Обе противоборствовавшие группы имели различные имущественные права и потому очень резко ощущали царившую в обществе несправедливость, ради исправления которой постоянно осуществлялись необходимые демократические по сути, т.е. уравнивавшие демос либо плебс в правах с эвпатридами и патрициями, преобразования. К этому важно добавить, что всем античным гражданам была хорошо известна постоянно совершенствовавшаяся и обраставшая все новыми охраняющими ее суть процедурами регулярная практика выборов магистратов (а это и есть предпочтение одного

политического деятеля другому). Там придавали значение и отчетности магистратов перед народом, и, более того, системе остракизма, т.е. изгнания на определенный срок, — в частности, из Афин — деятеля, которому большинство выразило недоверие. Позже, как то известно из истории Рима, возникали и противостоявшие друг другу вполне уже структурно определившиеся, даже имевшие своих признанных лидеров политические протопартии, в частности оптиматов и популяров.

Крушение Рима поставило точку на дальнейшем совершенствовании всей системы такого рода протопартий. Однако стоит заметить, что в Восточной Римской империи (в Византии) нечто вроде них продолжало существовать, принимая порой экзотические формы групп яростных болельщиков на ипподроме. Группы таких болельщиков являли собой вполне организованную силу единомышленников, что и позволяло им в случае обострения внутренних проблем играть роль протопартий и оказывать определенное именно политическое влияние на ход событий.

Следующим и по сравнению с античностью много более заметным уровнем партийно-политической культуры, т.е. политического соперничества, а то и борьбы, следует считать группировки, которые существовали в средневековой предбуржуазной Европе. Это хорошо известные гвельфы и гибеллины в Италии, в основном в Ломбардии. В сложной и очень значимой для всех итальянских предбуржуа XII–XV столетий ситуации обе эти группировки изначально объединяли сторонников (гибеллины) и противников «Священной Римской империи», хотя затем стали более узкими и противоречивыми предпартийными группировками. Гвельфы Флоренции могли противостоять гибеллинам Пизы, а при ином раскладе сил Пиза могла опираться на гвельфов в борьбе с Генуей. Бывало, что в одном и том же крупном ломбардийском городе-государстве (Милан, Болонья) купцы и ремесленники, т.е. основная сила горожан, были на стороне гвельфов, а жившие в тех же городах аристократы опирались на гибеллинов. В то же время в иных центрах (Рим, Сиена и др.) все могло обстоять как раз наоборот.

В целом считается, что гибеллины были все-таки в основном сторонниками империи, нередко претендовавшей на ту либо иную часть Ломбардии, а гвельфы соответственно противниками этих претензий. Но как бы то ни было, при всей противоречивости конкретных противостояний, мы все же имеем дело со вполне уже сложившимися предпартийными группировками. Они оказались способны не только длительное время существовать, но и являть собой орга-

низационно достаточно стабильную структуру с определившимися в принципе предпочтениями (за имперские интересы либо против них), что не мешало, однако, использованию этих структур политическими противниками во внутренних распрях, не имевших прямого отношения к симпатиям либо антипатиям к империи. И вот именно эта устойчивость — а не четкость идейно-политических установок — наиболее важна для того, чтобы считать гвельфов и гибеллинов весьма полноценными предпартиями.

Ведь если уж на то пошло, то самое главное в стабильной предпартийной структуре — это ее сплоченность, способность стать основой для сближения всех тех, чьи интересы оказывались в данный момент созвучными тем, что отражались лидерами той либо иной группировки. Или, иначе, главное в том, чьи симпатии (речь теперь о лидерах группировки) в данный момент совпадают с интересами тех, кто готов и хотел бы опереться на ту либо иную группировку для резкого увеличения своих сил в борьбе с противниками. И этот принцип при использовании давно уже сложившейся предпартийной группировки не случаен. На протяжении столетий ситуация может сильно, порой радикально изменяться. И коль скоро при этом сохраняется стабильное ядро предпартийной группировки, это очень важно как для ее существования, так и для всех тех, кто ищет ту прочную основу, к которой в нужный момент следовало бы с надеждой прислониться.

Можно и нужно ли считать такого рода стабильную организационную структуру неким зачатком, прообразом политической партии в подлинном новоевропейском смысле этого слова — вопрос другой. Но нет сомнений в том, что закладывался в Европе фундамент для системы политических партий примерно таким образом. Во всяком случае, если иметь в виду именно партию. Здесь уместно, забегая вперед, твердо заявить, что **политические партии** в подлинно новоевропейском смысле этого слова — а все другое к партиям вообще либо не относится, либо имеет очень отдаленное и косвенное отношение — **могли появиться только в западных обществах, шедших по пути буржуазной эволюции** с присущими им важнейшими особенностями социополитической системы, корнями восходившей к античности, о чем не раз уже шла речь. Собственно, это должно быть понятным без особой дополнительной аргументации. Все дело в том, что при иных — не антично-буржуазных — формах власти в обществах просто не было основы для возникновения политических группировок, которые существовали бы легально и могли постоянно противостоять правящей элите.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРДЕНА КАК ПРЕДПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Однако, коль скоро в данной главе будет идти речь не только о партиях привычного западного облика, но также и о тоталитарных, стоит обратить внимание на те средневековые организации, которые послужили прообразом именно их. Речь пойдет о религиозных орденах. Они появились практически одновременно в католицизме, в эпоху крестовых походов, и в исламе, в связи с формированием суфизма. Как то ни покажется странным, но, если отвлечься от дорогих для фанатиков любой религии мелочей, принципы организации орденов в обоих случаях сходны и сводятся к немногим основным позициям. Прежде всего, ордена возникали как почти монашеские организации, без семьи и женщин, со строгой внутренней дисциплиной и всегда с практически безоговорочным подчинением младших старшим и ордена в целом его главе, довольно часто наследственному, особенно у мусульман. Целью возникавших на такой основе орденов была их чаще всего военная деятельность либо — у католиков во времена крестовых походов — также и военно-благотворительная работа. Иногда мусульманские ордена-тарикаты оказывались крепкими структурными формированиями, сочетавшими войны с миссионерской активностью и в качестве таковых становившимися, особенно в слабо развитых районах Африки, ядром возникавшей государственности.

Важно обратить внимание на то, что религиозные ордена, особенно исламские тарикаты, были внутренне спаяны не только преданностью вождю (гроссмейстеру и магистру у христиан, имаму либо иному религиозно почитаемому деятелю в исламе), но и соответствующему возглавляемому им направлению в религии. Как правило, эти направления не слишком сильно отличались от общей нормы и потому ни в коей мере не воспринимались в качестве еретических сект. Мало того, они в большинстве случаев (чаще и строже у христиан, менее ощутимо в исламе, незнакомом с церковной организацией) находились под верховной властью высших церковных иерархов. Но в любом случае этот фактор — религиозная истовость — принципиально отличает их от тех прото- и предпартий, которые существовали в античном буржуазном либерально-демократическом мире и рассматривались чуть выше. И если на них все-таки следует остановить внимание, то только потому, что кое в чем ордена все же напоминали некоторые ,не буржуазно-демократические, но тоталитарно-экстремистские, партии. Каковы же их особенности?

Прежде всего они в том, что это всегда были группы единомышленников, в подавляющем большинстве случаев абсолютно добровольно сближавшихся друг с другом и признававших идейную власть, т.е. религиозный авторитет предводителя. Во-вторых, в том, что члены боевой дружины ордена, его рыцари либо мюриды, обычно всегда были готовы, не колеблясь, отдавать всего себя, включая и жизнь, общему делу, в детали которого они обычно не вникали, но основное направление воспринимали с энтузиазмом. Разумеется, эти особенности, по меньшей мере отчасти, были характерны вообще для хороших солдат в хорошо вымуштрованной армии. Но стоит обратить внимание на то, что в данном случае речь идет о добровольной организации с явно идеологической — религиозной — доктриной в качестве ее генеральной основы. Немаловажным следует считать и то, что ордена, как много позже и некоторые экстремистские партии тоталитарного типа, могли становиться не столько даже идейно-доктринальной, сколько организационной основой заново складывавшегося государства.

Но при всем том религиозные ордена, будучи структурно и функционально близкими в некоторых отношениях к хорошо известным партиям нового типа вроде большевистской, сами партиями все же не были. Однако они внесли свой вклад в формирование стереотипов, которые позже с легкостью стали использоваться при формировании жестко структурированных партий, противостоявших привычным партиям буржуазного общества (стоит обратить внимание на сравнение советской системы в целом и особенно КГБ с орденом меченосцев). И здесь нет ничего удивительного, особенно когда речь заходит о тех партиях и близких к ним организациях, для которых самым важным были именно безоговорочная дисциплина и полное повиновение рядовых членов указаниям вождей.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В БУРЖУАЗНЫХ ОБЩЕСТВАХ

Теперь очень существенно обратить внимание на то, как складывались подлинного типа политические партии в новоевропейских обществах. Ни одно буржуазное общество либерально-демократического толка, если оно не оказывается, хотя бы на недолгое время, во власти короля либо диктатора, пытающегося изменить его структуру, без партий обходиться не может. Это невозможно, как говорится, по определению. Но при всем том сказанное отнюдь не означает, что все такие общества всегда и тем более на ранней ступени своего формирования были знакомы с сосуществованием и тем более интенсивным соперни-

чеством конкурирующих партий, энергично борющихся за симпатии электората. На смену гвельфам и гибеллинам, которые прекратили свое существование именно тогда, когда западноевропейская буржуазия начала выходить на авансцену истории, далеко не сразу пришли те, кто смог бы полноценно их заместить. В Англии, где история парламента как сословно-представительного учреждения восходит к XIII в., процесс выборов в нижнюю палату (депутаты верхней никогда не избирались) происходил обычно на состязательной основе, но при этом господствовал мажоритарный принцип. Он сводился к тому, что каждый кандидат соревновался с другими в своем округе отдельно и фактически вне зависимости от принадлежности этого кандидата к какой-либо организации (что, разумеется, отнюдь не исключало поддержки его какой-то группой лиц либо даже местных организаций). Однако политических партий как таковых в те давние времена в Англии не было.

В Нидерландах Генеральные штаты как аналогичный английскому парламенту орган сословного представительства, возникший еще в 1463 г., в XVI и начале XVII столетия был политическим центром борьбы местной оппозиции с испанскими Габсбургами. Однако ареной борьбы политических партий эти штаты не стали, ибо партий в стране в то время еще не было. Предтечей партий в мятежных Нидерландах была местная, в основном дворянская (во всяком случае, возглавлявшаяся знатью) оппозиция иноземным властителям. Речь идет о гёзах. Иногда что-то вроде партий и партийной борьбы видят в соперничестве кальвинистских группировок арминиан и гомаристов. Но даже реальное наличие в программе этих группировок определенных несходных политических позиций (гомаристы были поддержаны штатгальтером М. Оранским, а арминиане оказались преследуемой ересью) не может быть воспринято в качестве соперничества именно политических партий. В лучшем случае это была религиозная борьба с политическим оттенком. К слову, нечто похожее было и в Англии времен Кромвеля в середине XVII в., когда в форме ожесточенного противостояния кальвинистских группировок пресвитериан и индепендентов отражались весьма недвусмысленные политические позиции. Однако радикализм индепендентов и даже преследования их не могут быть восприняты как политическая и тем более партийная борьба. До этого дело в середине XVII в. еще не дошло.

Первые политические партии в подлинном новоевропейском смысле этого слова и к тому же в качестве символа победившей буржуазной демократии появились, как того и следовало ожидать, в Англии после Кромвеля, в момент обострения борьбы взявшей верх английской буржуазии с пытавшимся реставрировать как католицизм, так

и существовавшие прежде монархические порядки королем Карлом II Стюартом. Взявшие верх в парламенте так называемые виги (прежде этим словом именовали шотландских пресвитериан) в 1679 г. провели знаменитый закон Habeus Corpus act, резко ограничивший возможности короля. Однако после смерти Карла в 1685 г. на престол вступил его брат Яков, чему способствовали противостоявшие вигам тори, отменившие этот закон. Но когда сразу же вслед за тем Яков распустил парламент и заявил, что восстановит в Англии католицизм, виги и тори сплотились и в 1688 г. вместе обратились к голландскому Вильгельму Оранскому, женатому на дочери Якова Марии, с предложением прибыть в Англию и стать ее королем. Как известно, именно с этого момента (*Славный переворот*) протестант сел на английский трон и подписал принятый в 1689 г. чрезвычайным парламентом-конвентом Билль о правах и ряд иных важнейших актов, сыгравших роль отсутствующей в Британии по сей день конституции. Вот после этих событий в Англии главную политическую роль начал играть парламент (король более не имел права распускать его), а в парламенте стали верховодить политические партии, либералы-виги и консерваторы-тори, **обычно попеременно выигрывавшие большинство и формировавшие правящий кабинет министров.**

Особо стоит сказать о процессе возникновения политических партий во Франции. Там тоже достаточно рано, в начале XIV в., возникли Генеральные штаты как орган сословного представительства. Они играли существенную роль в период Столетней войны, но обрести права, равные тем, что были у английского парламента, так и не сумели. А с XV в. они стали приходить в упадок, созываться все реже. Система выбора делегатов в них отличалась от английской и сводилась к многостепенному процессу и к сбору наказов от избирателей. В 1614 г. они собрались в последний раз, после чего о них забыли вплоть до революции 1789 г. Но зато в годы революции, когда штаты быстро прекратили свое существование, преобразовываясь то в Национальное, то в Учредительное собрание, то в революционный Конвент, то в парламент, как раз и наступил момент быстрого и крайне жесткого структурирования основных соперничающих политических сил. Эти силы преобразовывались в различного рода партийные группировки, порой боровшиеся друг с другом не на жизнь, а на смерть. Партии фейянов, жирондистов, монтаньяров-якобинцев стали основными, а противостояние друг другу жирондистов и якобинцев в конечном счете решило судьбу революции.

На примере партий и партийно-политической борьбы в годы революции хорошо видна основная суть партий, смысл их существо-

вания в буржуазном обществе. **Это борьба за власть.** Разумеется, в период ожесточенной буржуазной революции, которая, к счастью для человечества, произошла в своей полной мере лишь однажды и в одной стране, борьба такого рода принимала крайние формы, вплоть до террора. При этом характерно, что логика террора вела от борьбы с противниками к поискам врагов среди своих. Это возможно лишь в условиях, когда само понятие «партия» теряет свой привычный для либеральной демократии смысл. Дело в том, что допускающая такое партия становится вариантом так называемой партии *нового типа* или партии диктатуры, даже диктатора, о которой речь пойдет особо. Пока же следует зафиксировать главное: **в системе либеральной демократии, сколь бы неразвитой она ни была, борьба за власть ведется, как правило, между соперничающими друг с другом двумя либо несколькими политическими партиями.**

Этот генеральный принцип после французской революции и блестящей серии наполеоновских войн стал с рубежа XVIII–XIX вв. общепризнанным и общепринятым, причем не только для западноевропейских стран и английских колоний (имеются в виду прежде всего колонии первого типа, начиная с добившихся независимости США, однако отчасти и колонии четвертого типа, особенно Индия, где уже со второй половины XIX в. появились политические партии). То же самое относится и к многочисленным республикам Латинской Америки, которые возникли на развалинах Испанской и Португальской колониальных империй. Как правило, если не иметь в виду такие колонии, как Индия, где партии вплоть до достижения страной независимости после Второй мировой войны стали политическими партиями в полном смысле этого слова, т.е. с участием в борьбе за власть, — принцип партийно-политической борьбы за это с переходом всей полноты власти от побежденной на выборах партии к победившей стал нормой. Это, впрочем, не исключало в прошлом — да и сегодня не является чем-то вовсе необычным — того, что временами власть могла и может попасть в руки диктатору, который не торопится выпускать ее из рук или не гнушается подтасовывать итоги выборов.

Часто, особенно в отечественном обществоведении, бросается упрек всей буржуазной парламентарной демократии и партийно-политической системе в том, что, дескать, от смены у кормила власти одной буржуазной партии другой будто бы мало что меняется. **Необходимо сразу же заметить, что это не так. Как раз напротив, именно это важнейшее обстоятельство — смена одной партии другой по выбору избирателей — является наиболее ценным завоеванием всей антично-буржуазной традиции в новоевропейском обществе, даже**

более того, во всей новоевропейской трансформированной цивилизации. Попытаемся вдуматься в существо проблемы. Сила, значимость и величие либеральной демократии в том прежде всего и состоят, что власть должна переходить из одних рук в другие. Только и именно на этом — как, впрочем, и на хорошо известном либеральной демократии принципе разделения властей с созданием разного рода сдержек и противовесов — держится генеральный принцип конкуренции и ответственности властителей за все то, что они сделали либо не сумели сделать тогда, когда были у власти. И этот переход власти никогда не затрагивает основ либеральной демократии как фундамента нормального существования быстро эволюционирующего буржуазного общества. Наоборот, это условие *sine qua non*. Без него никакая либеральная демократия существовать просто не сможет. Если попытаться изощренно издеваться над процессом свободного выбора, весь электоральный процесс не будет иметь к ней никакого отношения.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ БУРЖУАЗИЯ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

Ко всему сказанному очень важно добавить, что, когда — это было в конце XIX столетия — в большинстве развитых буржуазных стран сложились достаточно влиятельные, порой многочисленные партии социалистов либо социал-демократов, почти сразу же выяснилось, что доля марксистских социалистов в их составе была не слишком большой. Более того, она имела постоянную тенденцию к уменьшению. Об этом уже не раз шла речь, причем постоянно имелось в виду, что главное в самом наименовании «социализм» имело отношение не столько к идеалам фантазеров и тем более фанатиков так называемого утопического социализма, но к профсоюзам. Именно активная работа профсоюзных тред-юнионистских организаций, чья легализованная деятельность на протяжении всего XIX столетия шла по нарастающей, вела дело к господству буржуазной демократии. Сперва в развитых странах Запада, а затем и в других странах понемногу, шаг за шагом, она обретала новый облик. Это был сегодня столь хорошо известный облик буржуазной социал-демократии. В чем суть свершившегося?

Она в том, что именно благодаря хорошо организованному, постоянно крепнущему и становившемуся все более влиятельным профсоюзному движению и параллельно шедшему росту благосостояния буржуазных государств создавалась основа, закладывался фундамент для взаимопонимания между буржуа, трудящимися и государством. Согласованное триединство, далеко не всегда, особен-

но на первых порах, очевидное и бесконфликтное, в конечном счете — причем постепенно, шаг за шагом — способствовало, вопреки истерическим крикам марксистов, столь ненавидевших именно это единение, подрывавшее всю их доктрину, улучшению положения большинства. Вчерашние труженики, несчастные, угнетенные и работавшие неограниченный рабочий день, за один только век, а кое-где и неполный, превратились в хорошо обеспеченных трудящихся, имеющих твердые нормы рабочего дня, различного рода льготы, гарантии, страховки, пенсионное обеспечение и многое-многое другое. Эти трудящиеся в немалом своем большинстве быстрыми темпами вливались во все расширявшийся социальный слой так называемого среднего класса, быстро и легко заменившего собой в странах Запада столь красочно описанный Марксом пролетариат.

И это стало не просто трагедией, но своего рода кошмаром для марксизма. Новые трудящиеся, уже заведомо численно преобладавшие, особенно в той самой Англии, где все писал, но так и не дописал до конца свой «Капитал» живший в этой стране и видевший весь процесс преобразования своими глазами основатель марксизма, лично для него стали символом именно трагедии, о которой никогда не заикался ни он сам, ни его последователи. Но которая все-таки была фактом. И что было делать, если деятели, связавшие свою жизнь с борьбой за благо трудящихся, — социалисты — видели это. Большинство их были реалистами и потому со временем решительно переориентировали свою деятельность в сторону успешного постоянного сотрудничества с буржуа и буржуазным государством, которое приносило наглядные плоды (напрашивается известная поговорка о синице в руках). Поэтому нет ничего удивительного в том, что оба созданных при жизни Маркса Интернационала центрами именно марксистского социализма так и не стали. Еще меньше оснований удивляться тому, что ни в одной из развитых буржуазных стран Запада возникавшие там для защиты интересов трудящихся социалистические либо социал-демократические партии не были в основе своей марксистскими. Конечно, в некоторых из них часть руководства была близкой к идеям — или к некоторым идеям — марксизма. Но не было ни одной партии, которая напоминала бы русских большевиков. Иными словами, во всех западных буржуазных странах места для воинственного марксизма практически не оставалось. Это место уменьшалось на рубеже XIX–XX вв. буквально с каждым годом, что символизировал отказ от ортодоксального и тем более догматического марксизма таких его видных теоретиков, как Бернштейн или Каутский.

Вывод из сказанного очевиден: социалисты и социал-демократы в странах Запада не имели либо имели очень слабое отношение к марксизму. В гораздо большей степени они были политическими партиями, воспитанными в духе либеральной демократии, следовавшими в своей политике и практике тем стандартам, которые были выработаны именно ею. В первую очередь это касалось стандартов, связанных с избирательной системой и ротацией власти.

А это значит, что социал-демократия и либеральная демократия оказывались если и не союзниками, то и не противниками, тем более не антагонистами (слово, столь близкое правоверным марксистам). Просто одни из них были склонны, придя к власти легальным путем, проводить более ярко выраженную политику социальной защиты населения (всего населения, не марксистского «пролетариата»!), тогда как другие были озабочены этим в несколько меньшей степени. И отвечали за результаты своей деятельности либерал-демократы, консерваторы и социалисты немарксистского толка в равной степени одинаково — на очередных выборах. Так было в странах буржуазного Запада. А как было в отставшей от них и далеко еще не буржуазной России? Увы, но в этом вся суть проблемы. Ситуация здесь, как то позже оказалось характерным и для значительной части всей восточной *мировой деревни*, была совершенно другой, что и решило в конечном счете судьбу не только нашей страны.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В РОССИИ

В России, вплоть до 1905 г. не имевшей никакого отношения к режиму либеральной демократии, все шло именно в этом направлении. Русский либерализм, столь успешно проявивший себя в различных формах после великих реформ, заявил о себе достаточно громкими именами и немалыми делами еще задолго до царского манифеста. Не ставя целью давать этому движению подробную характеристику, следует все же сказать, что спецификой его — в отличие от западного — было почти незаметное участие буржуазии в важнейших для страны процессах. Конечно, не дело буржуа заниматься земскими проблемами того типа, что играли столь важную роль в пореформенной России. Не их дело было заботиться о переустройстве крепостной общины, особенно тогда, когда реформа уже широко открыла двери перед вчерашними крепостными. Но как ни крути, а вчерашние крепостные в основной своей массе оставались почти такими же, что были тысячелетие назад. И многое зависело именно от этого.

На Западе ничего подобного не было. Там буржуа шли широким фронтом в сфере индустриализации экономической структуры и кардинальных перемен в облике страны и образе жизни населения. А либеральная демократия во внутренней политике и правительственных учреждениях соответствовала успехам в этих направлениях. Россия на рубеже XIX–XX вв. была еще довольно далека от этого. А то, к чему она уже пришла, было не столько заслугой местных буржуа, сколько результатом внешнеторговых связей, разных успешных зарубежных инвестиций, а также институциональных и интеллектуальных заимствований. К их числу следует отнести и марксизм.

Все это объясняет, почему российский либерализм с его естественным тяготением к буржуазной демократии со свойственными ей свободами и правами человека проявлял себя — как и многие из числа немарксистских социалистов (в частности, эсеров) — прежде и более всего в сфере помощи простому народу. В той самой, что долгое время, на протяжении многих десятилетий, была центром приложения усилий российской интеллигенции, заместившей в нашей стране многие из тех социально-политических функций, что на Западе выпали на долю буржуа. И потому русский либерализм и немарксистский социализм оставались более партиями, связанными с интеллигентами, пусть отчасти и террористами (что касается эсеров), и выражавшими интересы крайне отсталого в своей массе населения, но уж никак не респектабельных буржуа. При этом нет ничего удивительного и в том, что по меньшей мере представители либерального направления среди партий России в известной степени даже опасались и, естественно, не желали чрезмерного радикализма со стороны марксистски ориентированных экстремистов-большевиков, что они справедливо считали вполне возможным.

На первых порах эти опасения не выглядели чересчур обоснованными. Царский манифест 1905 г. открыл перед Россией вполне реальный путь к буржуазному либерализму, пусть даже ограниченному уже слабой, но все еще авторитарной властью самодержавия. Эти ограничения влияли на думскую деятельность. Но они не помешали возникновению в России официально разрешенных партий как либерального (кадеты, октябристы и некоторые иные группировки), так и правого и левого толка, в том числе немарксистских и явного меньшинства марксистских социалистов. Партии эти прошли хорошую школу за годы работы нескольких дум, так что справиться с февральско-мартовскими событиями 1917 г. вполне могло оказаться им под силу. Вся сложность была в том, что смута навалилась на несуразную Россию как раз в самый неудачный для нее момент. Не слишком успешная и требовавшая огромных средств и усилий длительная

война, недостаточно налаженное снабжение, недовольство работающих, да и всего населения городов, где нехватка и перебои в снабжении сказывались особенно остро, да и многое другое сплелись в тугой узел. А тут еще и явственный саботаж по всем позициям со стороны экстремистов-большевиков с их идеями превратить империалистическую войну в гражданскую и разрешить грабить награбленное.

Разумеется, в условиях постепенного развития событий многопартийная коалиция, оказавшаяся у власти — пусть даже при верховной роли самодержца и потому ограниченных возможностях для думы, — могла рассчитывать, что естественные для военного времени сложности будут урегулированы и что правительство имеет все шансы устоять и, опираясь на поддержку союзников, даже спокойно одолеть врага. Однако все пошло не так, как ожидалось. Вот здесь и стоит вспомнить о том, что **отсутствие условий для буржуазного и либерально-демократического развития России в XIX столетии коренным образом отличало ее от Запада.** И если это не слишком сильно сказывалось на том, что можно было с легкостью импортировать, особенно из числа важнейших технических новаций, то в сфере взаимоотношения власти с населением, работодателей и государства с трудящимися, все было совсем иначе. Эти отношения соответствовали западным на рубеже XVIII–XIX вв. и потому были чреваты, о чем уже шла речь, попыткой буржуазно-демократической революции.

Однако важно повторить, что попытка эта не была идентичной французской. В России не было ни третьего сословия, ни сложившегося слоя буржуа с четко оформленными интересами и немалыми потенциями. Вместо этого были пусть немногочисленный, но зато лишенный имущества пролетариат (как раз такой — *ничего, кроме цепей,* — о котором всю жизнь мечтал Маркс) и другие слои горожан. А рядом с ними — отсталые вчерашние крепостные с их архаичным сознанием и соответственным пониманием всего происходившего в стране и тем более в мире. Многие миллионы из них были с 1914 г. в солдатских шинелях и с ружьями. Если сформулировать все эти крайне существенные различия, то, пытаясь охватить в немногих словах проблему в целом, следует сказать, что в России не было удовлетворительной для основной части населения социальной политики. Той самой, что на протяжении почти всего XIX в. последовательно проводилась в странах буржуазного Запада и тем обеспечила бессилие социальных экстремистов марксистского толка.

Россия в социальном плане была обнажена и бессильна. И ведь недаром Столыпин — один из немногих, кто ранее и лучше других пони-

мал это, — хотел двух десятков лет без потрясений для проведения своей аграрной политики. Он, а вместе с ним и вся Россия с ее вчерашними крепостными, этих лет не получили. И хотя можно всерьез сомневаться, что двух десятилетий хватило бы для коренного изменения положения дел (в динамично развивавшейся Европе на это потребовалось много больше), нет сомнений в том, что степень социальной беззащитности империи могла бы быть несколько иной, что имело значение. Но, как бы то ни было, перед нами факты, и мы обязаны принимать во внимание именно их. А они жестко фиксируют, что люди нуждались, так как война резко обострила нужду. Мало кто был этим обеспокоен, но именно временные перебои в снабжении Петрограда вызвали неадекватное — или казавшееся неадекватным — выступление недовольных. Выступление было подавлено. Но в ответ вспыхнуло еще большее недовольство, причем к бунтующим гражданским лицам добавились солдаты из гарнизона. Недовольные грабили магазины, громили полицейские участки и в довершение ко всему украшали себя красными флажками. Это был уже открытый вызов. Назревал острый кризис. И вот здесь не очень еще опытная система правящей партийной коалиции, Временное правительство, оказалась не в состоянии справиться с навалившимися на нее трудностями, что привело к отречению государя и к ликвидации привычного самодержавия. А это было началом рвущейся вниз побеспокоенной снежной лавины.

На первый взгляд могло бы даже показаться, что судьба идет навстречу многострадальной России. Ненавистная мыслящей России власть наконец-то уходит, в стране де-факто возникает республика с многопартийным парламентом и либерально-демократическим правительством. Можно — и это делалось неоднократно, причем в бесчисленном количестве вариантов — разбираться, что помешало Временному правительству крепко взять власть в свои руки и удержать ее перед лицом многочисленных вызовов, что сыграло в этом главную роль, а что лишь подыграло столь невыгодному для партийной коалиции либералов и немарксистских социалистов стечению обстоятельств. Перед Россией вроде бы открылась блестящая перспектива стать, наконец, нормальной страной западного типа, буржуазной либеральной демократией. Многое для этого имелось: и партии, пусть очень молодые, но уже все-таки набравшиеся некоторого опыта, и проработавшее свыше десятка лет вполне состоятельное представительное учреждение (дума), и многопартийное коалиционное правительство.

Конечно, война продолжалась, должного спокойствия и порядка в стране не было. Мешали разные советы и комитеты, созданные

вначале недовольным населением, а затем и солдатами на фронте. Но ведь и они не были вначале поголовно большевистскими, с ними можно было вести диалог, что Временное правительство и делало. Правда, большевики вели себя все более активно, причем развитие событий этому вроде бы благоприятствовало. Но зато генералы разлагавшейся под влиянием большевистской пропаганды армии готовы были вмешаться. Это была для правительства либералов с социалистами типа Керенского, как о том уже шла речь, непростая дилемма: большевики или военная диктатура.

Словом, и в России 1917 г., как и в иных буржуазных демократиях, все решали и решили политические партии, прежде всего представленные в парламенте, т.е. в думе и в правительстве. Но в России этого времени — в отличие от других, более развитых буржуазных либерально-демократических стран, — при этом главная и решающая роль досталась той единственной социалистической марксистской партии, которая в легальной политике демонстративно не участвовала. Партия, о которой идет речь, оказалась бесспорным лидером в политике нелегальной. В этой политике, т.е. в борьбе на улице, в сражениях за души доверчивых людей, в умелом и беззастенчивом манипулировании теми лозунгами, которые были понятны и приятны большинству малообразованного народа, эта партия одержала свою желанную победу. И вполне понятно, почему. Партия, в значительной мере состоявшая из поверивших в марксистскую идею фанатиков, одолела соперников потому, что она сумела заразить простых людей, во всяком случае, достаточно многих из их числа, не только своей верой, но и умением ловко обыграть желанные для них проблемы, сыграть на социальной незащищенности населения. Это была, таким образом, необычная партия, о чем ее лидеры без устали напоминали. В чем же ее необычность?

О БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ *НОВОГО ТИПА*

Стоит начать с того, что без должного и очень серьезного социального фундамента никакая либеральная демократия, будь то в высокоразвитых США или в слаборазвитых *банановых республиках*, не в состоянии успешно просуществовать сколько-нибудь продолжительное время. В России такого фундамента не было. И учитывать все это крайне важно. Ведь без необходимого социального фундамента страна, готовая к революционному взрыву, легко окажется в руках спекулирующих на этом безответственных экстремистов, способных сделать с ней все, что им покажется нужным. В России почти не было классово сознательного пролетариата, тем более с таким уровнем сознания, ко-

торого было бы достаточно для успешной *пролетарской* революции. Но как раз этот явный недостаток являл собой колоссальное преимущество для отечественных последователей ортодоксального марксизма, одержавших историческую победу над теми из своих собратьев, кто ссылался на букву доктрины (это были меньшевики) и, что неизмеримо важнее, добившихся успеха в овладении властью в рухнувшей империи. Они, большевики, сделали стопроцентно осознанный акцент на обещание несчастным подданным империи лучшего будущего. Вообще-то это дело священников. Но в условиях воюющей России, когда ситуация становилась все более тяжелой, церковь не могла предложить чего-либо нового и тем более радикального. Это могло быть делом разве что радикальной псевдорелигиозной секты с ее резко отличными от привычных религиозных проповедей призывами. И вот роль именно такой секты и сыграли большевики с их до предела примитивной и в то же время столь многообещающей и заманчивой пропагандой. Именно они, т.е. люди, верующие в светлую идею с их примитивной, но заманчивой пропагандой, имеющей явное преимущество перед постными церковными проповедями, сыграли решающую роль во всем том, что произошло. Но любому ясно, что для того, чтобы эта пропаганда оказалась действенной, нужно было немало поработать. И эту работу взяли на себя вожди большевиков.

Прежде всего они создали партию *нового типа*. Это была такая политическая партия, которая не имеет никакого отношения к либеральной демократии и потому, придя к власти, не допускает существования рядом с собой других **конкурентоспособных партий**. Партия *нового типа* строила всю систему управления своими членами, а затем и всей страной на прочном фундаменте полного безальтернативного господства. Разумеется, при этом она опиралась на созданный ею надежный аппарат принуждения и насилия и не стеснялась уничтожать либо изгонять из партии и страны всех тех, кто не давал себя запугать или просто недостаточно энергично поддерживал идеи, которые считались ею единственно истинными. Как то вполне очевидно, это уже не борющаяся за власть обычная политическая партия, а нечто совершенно иное.

Начнем с того, что это не партия либерально-буржуазного типа, к коим большевики относились с нескрываемым презрением и ненавистью, но организация именно религиозно-орденского типа с жесточайшей внутренней дисциплиной, беззаветным доверием к заложенным в доктрину идеям и, главное, с беспрекословным подчинением большинства меньшинству, а в конечном счете — главе партии, прочно опирающемуся на мощный репрессивный аппарат принуждения.

Тем самым **партия нового типа становилась уже не партией, а стержнем государственного строя с крайне жесткой диктатурой.** Факт диктатуры не скрывался, ибо входил в формулу идейной доктрины. А раз так, то и обращаться с теми, кто оказался под властью партии, следовало именно так, как то соответствует нормам любой диктатуры, причем диктатуры крайне безжалостной, основанной на терроре по отношению к подавляющей части населения, вначале ко всем тем, кто не относится к числу пролетариев и беднейших крестьян.

Придя к власти в уникальных условиях жесточайшего кризиса и крайней степени ослабления Временного правительства, большевики сумели при этом с помощью щедро раздававшихся и столь востребованных массами обещаний социального плана и нереальных лозунгов привлечь на свою сторону малограмотных и слабо разбирающихся в политике людей. А добившись этого, партия нового типа, или РКП(б), как она вскоре начала именоваться, с первых же дней ее господства над страной стала проводить жесткую политику принуждения. Политика эта была достаточно тщательно выверена и при существовавших в крайне возбужденной взбудораженной стране реальных обстоятельствах имела немалые шансы на успех, что и было доказано большевиками за несколько лет гражданской войны.

Как то хорошо известно, появление и тем более первые успешные акции РКП(б) после осенних событий 1917 г. в России не остались без внимания в воюющем мире. Напротив, в одной стране за другой начали возникать аналогичные организации, вскоре оказавшиеся под сильным влиянием, а то и под прямым руководством наспех созданного нового коммунистического Интернационала, Коминтерна. Заботясь о грядущей мировой революции, которая ожидалась буквально сейчас, чуть ли не со дня на день, руководители российских большевиков уделяли этому процессу немало внимания и не жалели на него средств. И нельзя сказать, чтобы все это, особенно достижения российских коммунистов, не играло своей роли. Напротив, в большинстве западных стран, в первую очередь в Германии и Франции, уже на рубеже 10–20-х гг. XX в. начали появляться свои компартии *нового типа*. Правда, объективные условия в развитых либерально-демократических государствах не содействовали быстрому росту объема и тем более влияния таких партий. Но они тем не менее рождались и достаточно быстро утверждались буквально повсюду, так что количество членов Коминтерна вскоре стало насчитываться десятками, а сфера влияния его агентов, как их тогда вполне официально именовали, расширялась за пределы Европы, достигая и Азии, и Америки, отчасти и Африки.

Следует заметить, что вне России реальная политическая роль этих партий была вначале невелика, особенно на буржуазном Западе, где давно уже сложившаяся система партийно-парламентской борьбы с решением ее исхода на регулярно проводившихся выборах не давала таким партиям простора для реализации всех заложенных в них потенций, которые, собственно, и делали их явлением *нового типа*. Дело в том, что при конкуренции на выборах партии подобного типа не имели там шансов на победу. Поэтому они не могли с легкостью — как то произошло в России (вспомним большевиков, которые, не получив большинства в Учредительном собрании, пренебрегли этим и силой взяли власть в свои руки) — превратиться в единственную партию, подменившую собой государственную администрацию. Позже в ряде стран, в основном уже вне Запада или там, где зависимость от России была вне сомнений, нечто подобное стало время от времени происходить, о чем еще пойдет речь. Но на первых порах компартии с центром в московском Коминтерне были лишь потенциальными базами, на которые, впрочем, большевики в России в своем стремлении к мировой революции долго и всерьез рассчитывали.

Однако парадокс в том, что сам институт партий *нового типа* с их пренебрежением по отношению к сложившейся в либеральной демократии системе основных прав, свобод и электоральных процедур оказался заразительным. И в принципиально новых условиях, сложившихся в Западной Европе после мировой войны, использование силы для захвата всей власти в той либо иной стране какой-либо партией *нового типа* становилось нормой. Иногда для видимости сохраняя марионеточные мелкие группировки в парламентах, такие партии со свойственными именно им военизированными организациями стали достаточно часто встречавшейся альтернативой либеральной демократии. Эта замена демократии диктатурой стала весьма убедительным показателем кризиса буржуазной системы власти, уже пережившей эпоху своего триумфа, пик которого пришелся на вторую половину XIX в. В условиях этого сурового и до предела жестокого века она оказалась под сильным бесцеремонным нажимом со стороны экстремистов разного толка. И вот теперь, несколько забегая вперед, несколько слов о партиях *нового типа* небольшевистского толка.

Обобщая, следует сказать, что **имеются в виду все партии типологически сходного ряда, близкие к системе тоталитаризма либо ставшие — как и большевики в России — ядром, основой тоталитарного режима.** Как правило, такие партии возникали и достигали успеха не везде, а основой их расцвета была относительная отсталость тех обществ, где они появлялись и обретали условия для победы с со-

ответствующим преобразованием всей системы власти. В Западной Европе, где этот процесс проявил себя ранее всего, сразу же вслед за победой большевизма в России, прежде всего следует вести речь о фашизме в Италии и нацизме в Германии. Позже также и об аналогичных, хотя и значительно более слабых движениях в ряде менее крупных стран, начиная с фалангистов в Испании, режимов в Португалии или Венгрии и организаций в некоторых иных, как правило, сравнительно небольших европейских странах. Конечно, все это очень разные государства, но **общим**, что **отличало всех их от развитых стран** было то, что **энергичное индустриальное буржуазное развитие в них, включая Германию и Италию, началось поздно и имело отношение к остаточным явлениям все той же мировой деревни.** Мало того, оно происходило при этом очень быстрыми темпами, несравнимыми, например, с латиноамериканскими. Происходило же оно, как и в России (пусть там во много более слабой степени), именно за счет стекавшегося в нуждавшиеся в рабочей силе города деревенского населения. А это население, еще не очень-то разбиравшееся в основах передовой либеральной демократии, оказывалось более привыкшим к традиционному патернализму сильной власти.

Разумеется, каждая из партий *нового типа* в любой из упомянутых стран, как то несколько позже было и в некоторых колониях либо зависимых государствах, особенно в Азии, формировалась в специфических именно для этой общности условиях. Одни из них поддерживали активные связи со сходными режимами, заключая соответствующие союзы, другие действовали почти в одиночку. И об этом еще будет идти речь далее. **Пока же, завершая тему, очень важно резюмировать, что перед нами принципиально новое явление. Первая четверть XX столетия и особенно годы, наступившие после войны и в результате этой мировой войны, показали слабости открытого либерально-демократического буржуазного общества. Оно с его колоссальными, поистине неисчерпаемыми экономическими потенциями, с социально-политическими достижениями в рамках развитого государства оказалось не готово учитывать увеличивающуюся разницу в развитии по сравнению с подавляющим большинством отстающего от него остального мира. Иными словами, тоталитарные структуры и ведшие к ним партии *нового типа* — вне зависимости от того, к правому или левому крылу антилиберального движения они принадлежали, — были объективным отражением протеста со стороны несколько, а то и сильно отставшего либо даже, как в случае с Германией, терпевшего в войне поражение социума. Речь не об абсолютном отставании.**

Имеется в виду то немаловажное обстоятельство, что страны, о которых идет речь, и режимы, которые стремились и имели шансы там восторжествовать, отнюдь не были убеждены в преимуществах антично-буржуазных ценностей. Или, как в случае с коммунистами, идейно выступали против них.

Глава десятая. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ЖЕСТОКИЙ ТРИУМФ БОЛЬШЕВИКОВ

Большевики, несмотря на отдельные просчеты и ошибки, очень последовательно сконцентрировали свои усилия на том, чтобы, используя слабость отечественной либеральной демократии и ее правительства, дискредитировать в глазах народа с его архаичным сознанием и тяжелым грузом сервильного комплекса представление о любой демократии, вообще о самой идее о столь чуждых ему нормах, касающихся элементарных прав и свобод. Ведь такого рода представления восходили к неведомым на Руси античным традициям, резко противостоявшим привычной здесь структуре власти-собственности с жесткой центральной властью и администрацией самодержца. А вот все то, что было свойственно этой структуре, оказывалось для вчерашнего крепостного раба привычным. Все принадлежит коллективу, хотя распоряжается этим власть в лице ее представителей, пусть даже и помещиков, но не претендующих на буржуазного типа частную собственность на обрабатываемую мужиками землю.

Вспомним в этой связи главные позиции большевистской агитации: долой войну, мир народам, помещичья земля крестьянам, да еще и право пограбить награбленное. При всей несерьезности и безответственности большинства таких призывов именно они легко воздействовали на психику тех, с кем имели дело большевистские агитаторы. Солдаты, передоверив дела комитетам, а то и поубивав офицеров, бросали фронт и с ружьями шли в свои деревни делить помещичью землю, жечь и грабить барские усадьбы. Остававшиеся в городах и особенно в столице вчерашние крестьяне тоже вели борьбу за реализацию подобного рода призывов, т.е. за укрепление позиций большевиков, которым они все больше доверяли. Правда, для большевиков в первые же дни после переворота остро встал вопрос об организации власти. Не все советы и далеко не везде, как известно, были большевистскими. Приходилось искать новую опору, а кое-где и вести ожесточенную борьбу. Мало того. Сельские советы, под руководством которых крестьяне вволю пограбили барские усадьбы, вскоре выступили против системы государственных налогов и чрезвычайных побо-

ров. Ведь если *земля — крестьянам*, то чего же еще? Но города, перестав получать деревенский продукт, начали с весны 1918 г. остро ощущать голод. Не забыв о том, с чего началась февральско-мартовская смута, большевики не могли пройти мимо этого. И здесь важно вернуться на несколько недель назад и рассказать обо всем по порядку.

Еще 10 ноября, буквально на второй день после переворота, в стране была создана так называемая *рабочая милиция*, а спустя месяц с небольшим знаменитая ВЧК. Система судебной власти, столь заботливо создававшаяся в пореформенной России, была ликвидирована и замещена трибуналами. Новая власть дала понять стране, что шутить не намерена. В рухнувшей империи были отменены сословия, звания, чины и т.п. Но все те, кто имел к ним отношение, не были забыты и оставлены без внимания. Это сразу же почувствовали на себе многие из «бывших». Однако на первых порах новой власти было все-таки не до них. На передний план вышло немало более серьезных проблем. Прежде всего военных.

После того как заменивший Керенского на посту верховного главнокомандующего генерал Н. Н. Духонин отказался вести с Германией переговоры о мире и был приказом большевистского правительства смещен (а затем и убит солдатами), новым главнокомандующим стал прапорщик Н. В. Крыленко. Понятно, что это не могло помочь быстрому и тем более успешному решению проблемы. Тогда 23 ноября большевики предложили солдатским комитетам взять дело мира в свои руки. Сначала на давно уже замершем фронте началось *братание*. Затем было объявлено о демобилизации армии, после чего солдаты стали массами и уже безо всяких приказов дезертировать, стремясь вернуться домой до раздела земли. Очень похоже на то, что вожди большевиков всерьез полагали, что переворот в России сразу же — через *братание* — повлияет на противника и вскоре уже приведет к столь желанной и так давно ожидаемой мировой революции. И поначалу казалось, что это почти реальность, ибо австро-германские войска не только не форсировали военное продвижение, хотя обстановка для этого была самой благоприятной, но, напротив, явно желали перемирия на восточном фронте. Германия была очень заинтересована в сепаратном мире с Россией, что открывало перед ней, наконец, заманчивую перспективу начать серьезную войну на западном фронте.

Однако страны Антанты через своих представителей при российской ставке еще 23 ноября 1917 г. заявили решительный протест против такого исхода дела. В какой-то мере этот протест, похоже, подействовал. Во всяком случае, делегация наркомата иностранных дел России, прибыв 3 декабря в немецкую ставку в Брест-Литовск

для переговоров о сепаратном мире, не слишком спешила идти на уступки, особенно принимая во внимание, что требования немцев показались ей чрезмерными, а заинтересованность их в успехе переговоров вроде бы была совершенно очевидной. Делегация во главе с Л. Д. Троцким тянула с ответом, хотя требования немцев соответственно не уменьшались, а возрастали. Однако время при всем том, как это ни покажется парадоксальным, работало на большевиков. И дело вовсе не в том, что большевики только и делали, что ожидали, что вслед за переворотом в России начнется *мировая революция*, ради которой вполне стоит повременить. Гораздо важнее были их прагматические расчеты. Разумеется, они не желали, чтобы немцы начали наступление на оставленные дезертировавшими солдатами русские позиции. И были уверены, что Германия в условиях возбуждения во всем мире в связи с событиями в России, на это не пойдет. Но в середине февраля 1918 г. немцы рискнули — и выиграли, легко, без боя заняв немалую часть незащищенной русской территории. Тогда Ленин перестал содействовать *братанию* и дезертирству и заявил, что *социалистическое отечество в опасности*. Но немцы, не реагируя на это, выдвинули новые, много более тяжелые условия мира. И именно этот мир и был подписан.

Следует заметить, что, если принять все последующие события, подобное решение было не только верным, но и выгодным для большевиков. И затяжка с подписанием, и подписание невыгодного мира оказались благом для них. Пусть они потеряли больше, чем могли бы, сразу согласившись на тяжелые условия, но они явно выиграли на том, что успели решить свои самые неотложные проблемы, начиная хотя бы с создания новой армии взамен дезертировавшей и демобилизованной. 3 марта 1918 г., спустя почти три с половиной месяца — а это были очень важные месяцы для хотя бы частичной стабилизации новой власти — мирный договор был подписан. По его условиям Польша, Прибалтика, Финляндия и Украина были отторгнуты от бывшей империи. Отошли от нее и некоторые земли Белоруссии и Закавказья. Тем временем в январе 1918 г. был подписан декрет о создании новой (красной) армии. **И если на первых порах дело представлялось таким образом, что в новую армию пойдут лишь самые преданные партийцы, чуть ли не по представлению рекомендаций, то уже очень скоро выяснилось, что мобилизации в нее подлежат практически все.** В апреле 1919 г. в стране был создан институт военных комиссаров, фактических диктаторов в армейских частях. Новая власть в создававшихся все более серьезных для нее условиях, проявивших себя с начала и особенно с весны 1918 г., когда страна стала ощущать голод, а деревня не торопи-

лась кормить города, как выяснилось, могла держаться только на силе, включая прежде всего солдатские штыки, оказавшиеся теперь под строгим надзором партийных комиссаров, облеченных высшей властью, включая право распоряжаться жизнью и смертью всех подчиненных. Но сложности отнюдь не сводились к заботе о создании новых силовых органов — милиции, ВЧК и армии с ее комиссарами.

ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ

Дело в том, что сразу же после переворота и захвата власти в огромной стране тот самый волшебный ключик социальной заботы об обездоленных, который так легко открыл большевикам двери к победе, теперь заржавел и не открывал ни одной двери. Двери приходилось взламывать, что отнюдь не вело к легкому успеху. Сначала неожиданно острую проблему с элементарным нарушением баланса в отношениях города и деревни, о чем только что шла речь в связи с нежеланием крестьян платить налоги, большевики попытались решить методом экспроприации с помощью продотрядов и попыток создания в деревнях *комитетов бедноты* (комбедов). Но продотряды, как и комбеды, натолкнулись на стойкое сопротивление быстро возродившейся крестьянской общины, чьи позиции резко усилились за несколько месяцев политики *грабь награбленное*. Деревня энергично сопротивлялась беззастенчивой экспроприации, а расчленить ее на богатых и бедных в условиях окрепших общинных порядков было очень непросто. В итоге хлеб доставался голодному городу дорогой ценой. Нежелание крестьян отдавать свой хлеб даром оборачивалось жестким применением силы, что задним числом оправдывалось необходимостью борьбы с *кулачеством*, которая широким фронтом прокатилась уже в июле 1918 г. по всей той — сравнительно пока еще не слишком большой — части России, которая тогда находилась под властью большевиков.

Оказавшись в столь сложных условиях, когда терять было уже практически нечего, большевики прибегли к «красному террору», этому беззастенчивому орудию близких к отчаянию насильников. Расстреливали крестьян, которые отказывались отдавать хлеб. Уничтожили государя и всю его семью. А с сентября 1918 г., после убийства нескольких видных большевиков, начался организованный красный террор. Брали заложников из числа тех местных *бывших* (помещиков, буржуа, офицеров, аристократов, казаков, депутатов думы, интеллигентов, священников и т. п.). Обычно среди них оказывались те, кто попадался под руку, списки их печатали в газетах, угрожая убить — и убивая — в случае, если

кого-нибудь из большевиков, даже случайно, постигла бы та же участь. Всего за годы красного террора в годы гражданской войны казнили без суда, по разным подсчетам, **почти два миллиона человек. И это не считая миллионов погибших в ходе войны и тех, кого безжалостно уничтожали при подавлении различных многочисленных восстаний, «контрреволюционных мятежей».**

Мятежи на первых порах вспыхивали и жестоко подавлялись в городах. Доведенные до отчаяния голодающие горожане были в состоянии, близком к отчаянию. Догматически следовавшая букве марксистской доктрины политика национализации и экспроприации частной собственности вела к разрухе, хаосу и к замене нормальных товарно-денежных отношений натуральным продуктообменом. Красногвардейская атака на капитал вела к разрушению хозяйственных связей. Призывы наладить *учет* и *контроль* оказались запоздалыми. Выражали свое острое неудовольствие происходящим и рабочие на многих десятках крупных предприятий, пытавшиеся даже объединиться в борьбе с творящимися вокруг безобразиями (*движение уполномоченных*). Но все было напрасно. Страна уверенными шагами шла по направлению ко всеобщему хаосу, принявшему в условиях решительного противодействия большой части населения властям форму так называемого *военного коммунизма*.

Основная его суть (лето 1918 г. — конец 1920 г.) сводилась к полному запрету не только частной собственности, но и частной торговли, к введению строгой системы продразверстки на продовольствие и фураж. Как легко понять, острие политики было направлено против *«неразумного»* и не слишком *классово сознательного* крестьянства, не желавшего отдавать свой продукт государству просто так, даже под угрозой применения силы и показательных расстрелов. Система продразверстки предполагала конфискацию в деревне всех излишков, причем сумма излишков заранее определялась по губерниям, уездам и волостям и взималась без оглядки на реальность (размер урожая и т.п. — мало интересующие власть мелочи). Забирали столько, сколько положено было взять.

Во всех городах вводилась обязательная и практически безвозмездная трудовая повинность. Люди и прежде всего лица, не занимавшиеся до того физическим трудом, подвергались поголовной мобилизации на военные заводы и все иные предприятия, ставившие своей целью обеспечить армию вооружением, снаряжением, боеприпасами и всем прочим, необходимым для войны. И это неудивительно. Та самая война, о необходимости покончить с которой большевики столь громко и так долго кричали (*Мир народам*!) и в ходе борьбы

с которой столь многого добились, побуждая солдат к дезертирству и активно способствуя демобилизации армии и дезорганизации фронта, теперь оказалась снова самым важным для страны делом. *Все на войну!, всё для войны*! — такими теперь были лозунги. И ради этой войны, на сей раз с собственным народом (не с интервентами — их была жалкая горстка), и возник *военный коммунизм*, который вернее было бы считать военным подавлением всех тех, кто оказался под жестокой и беспардонной властью большевиков и смел быть этим активно недоволен либо принадлежал к заведомо обреченным и лишенным права на существование заложникам, которых отбирали по все тому же *классовому* признаку. Военный коммунизм в его экстремальной, хотя и время от времени варьировавшейся форме сохранялся вплоть до конца гражданской войны, до зимы 1920–1921 гг. Как же в этих условиях большевики, уже без стеснения подавлявшие любые протесты рабочих и крестьян, восстановившие вроде бы против себя все население, сумели выиграть гражданскую войну, которая велась против собственного населения, учитывая пусть не слишком умелое, но все же как-то организованное сопротивление со стороны белых, не говоря уже о неплохо вооруженных интервентах, различных вооруженных бандах, об армии Украинской рады и т.д. и т.п.? Вопрос далеко не праздный, и ответить на него необходимо.

ПОБЕДА БОЛЬШЕВИЗМА В РОССИИ

Вообще-то говоря, гражданская война началась намного раньше, по сути сразу же после большевистского переворота, как раз в те недели, когда, по уверению многих отечественных изданий и учебников, страна ликовала по поводу «триумфального шествия советской власти». Еще в ноябре 1917 г. в Новочеркасске бывший начальник штаба российской армии генерал М. В. Алексеев стал формировать будущую Добровольческую армию. Началу гражданской войны помогла и активность стран Антанты, которые приняли решение вмешаться в дела России, дабы, с одной стороны, не позволить немцам использовать новую ситуацию в мировой войне в своих интересах, а с другой — попытаться, насколько это было в их силах, помочь России справиться с большевиками. Вмешательство их, впрочем, в силу сложившихся в результате мировой войны обстоятельств было территориально довольно ограниченным. Оно свелось к высадке десанта на севере России, некоторым действиям на юге, со стороны Закавказья и Закаспия, и к активности японцев на Дальнем Востоке. Впрочем, особую роль сыграл мятеж чехов и словаков, о котором чуть позже.

Начало активному вооруженному сопротивлению большевикам, если не считать время от времени вспыхивавшие то здесь, то там восстания, жестоко подавлявшиеся красными, положила Добровольческая армия. В декабре 1917 г. в Новочеркасск прибыл Корнилов, там же оказались и другие генералы. Все они энергично взялись за дело, и в начале 1918 г. армия во главе с Корниловым выступила в Ростов, затем, соединившись с казаками Каледина, направилась в Екатеринодар. В дни штурма Екатеринодара 13 апреля Корнилов был убит, а командующим Добровольческой армией стал А. И. Деникин, вынужденный отступить к Дону, поближе к казакам генерала Краснова. Однако соединения войск не получилось. Каждый из командующих действовал самостоятельно. Вообще белое движение, сформировавшееся в качестве реакции на захват власти большевиками и их вооруженную экспансию на обширной территории империи, с первых же шагов проявило недопустимое в сложившихся обстоятельствах неумение, а то и нежелание координировать свои действия. Разумеется, легко судить издалека. Но, тем не менее, принимая во внимание всю сложность ситуации, генералам явно следовало предпринять серьезные и эффективные шаги если не к объединению, что было неимоверно сложно из-за растянутости фронтов, то уж во всяком случае к налаживанию строгой координации в действиях. Кому, как не боевым генералам было знать о крайней важности координации в военных операциях? Но факт остается фактом. Как раз с этим руководители белой армии не справились, и именно это, скорее всего, и погубило все их дело. А ведь оно было не столь уж и безнадежным, особенно если принять во внимание неумелость и ошибки руководства красных.

Вот теперь стоит обратить специальное внимание на важнейший для хода гражданской войны эпизод с восстанием чехов и словаков. Эта армия (около 30 тысяч бойцов) формировалась из военнопленных еще до переворота, а после подписания сепаратного мира большевики решили отправить ставшее ненужным неплохо вооруженное воинское соединение через всю Россию на восток, откуда бывших подданных Австро-Венгрии предполагалось послать во Францию для ведения боевых действий на стороне Антанты. Однако Владивосток оказался оккупированным японцами, а растянувшийся вдоль великой железнодорожной линии и занявший ее своими многочисленными эшелонами гигантский массив чужой армии застрял и объективно представлял в условиях начинавшейся гражданской войны серьезную опасность. Троцкий, фактически создавший Красную армию, ставший весной 1918 г. народным комиссаром по военным делам и командовавший всеми вооруженными силами России, приказал разоружить

корпус. Но чехи и словаки, боявшиеся, что их, безоружных, смогут выдать Австрии, которая прикажет их расстрелять как изменников, разоружаться отказались и в конце мая 1918 г. восстали. В итоге почти вся зауральская Россия — а за Уралом все так либо иначе тяготело к железной дороге, — чуть позже и значительная часть Поволжья оказались в руках противников большевиков. Территория красных сузилась (учитывая армию Деникина на юге, войска Украинской рады на юго-западе, казаков на юго-востоке, немцев за западе и на северо-западе, в Прибалтике, войска Антанты и белых на севере и возникшие белые правительства в Поволжье) чуть ли не до размеров средневековой Московской Руси. Казалось бы, еще немного, небольшой скоординированный нажим — и большевикам конец. Особенно учитывая острый экономический кризис и непрестанные восстания недовольных, не говоря уже о сопротивлении крестьян и голоде в городах.

Словом, положение красных было более чем скверным. Но, во-первых, на их стороне было хорошо организованное насилие, включавшее произвол любой власти и отсутствие какого-либо судебного порядка, замещенного красным террором. В экстремальных условиях все это, как показал опыт Великой революции во Франции, неплохо работает. Важно лишь выбросить нужные лозунги и дать вооруженным отрядам — а вооружены были все большевики, тогда как по отношению к массам недовольного гражданского населения этого нельзя было сказать, хотя и в его руках оставалось немало оружия. Еще важнее было дать вооруженным большевистским карательным отрядам полную свободу действий. И, наконец, стоит учесть напор армии красных и талант ее военачальников (как и в годы французской революции, это были в основном простые солдаты, отчасти проходившие ускоренные курсы военного обучения, но в основном просто делавшие успешную военную карьеру). Не стоит сбрасывать со счетов и так называемых военспецов, т.е. офицеров из числа кадровых военных, которые в вынужденной ситуации, нередко под угрозой гибели их близких в качестве заложников, шли в ту же армию красных и, исчисляемые десятками тысяч, неплохо в ней воевали. Но самую главную роль в успехах красных, принимая во внимание не очень надежную массовую основу мобилизованной из числа недовольных крестьян армии, играл хорошо скоординированный план действий. Не столько талант военачальников, начиная с Троцкого, сколько вполне реальная и эффективно использованная возможность концентрировать удары в каждый данный момент в стратегически выгодном направлении определяли этот успех.

Впрочем, взглянем на ход событий, что называется, по порядку. Летом 1918 г., сразу же после восстания чехов и словаков и резкого

изменения положения дел в Поволжье и Зауралье, основная часть армий красных была переброшена на восток. Были поставлены под ружье почти все местные партийцы. Была сделана серьезная ставка на местных партизан в тех далеких районах, которые еще не были знакомы с продотрядами, комбедами и продразверсткой и потому сохраняли иллюзии, навеянные большевистскими социальными лозунгами 1917 г. И партизаны, и Чапаев, и красная волжская флотилия, да и многое другое сыграли свою роль. Города Поволжья один за другим к осени 1918 г. были освобождены, после чего сразу же открылся путь на юг, где действовали оторвавшиеся от Добровольческой армии казачьи отряды генерала Краснова (хотя частично здесь же находились и некоторые соединения Добровольческой армии).

Был создан южный фронт, на котором осенью оказались сосредоточены основные красные войска. На обширной территории от Воронежа до Царицына эти войска, вновь мобилизовав местных партийцев и городских рабочих, еще не успевших испытать все прелести военного коммунизма, стали добиваться успехов и теснить разрозненные казачьи отряды, прихватив и север Кавказа с городом Грозный. Потеснив казаков и ограничившись пока на этом, красные ненадолго сосредоточили свои усилия в конце осени того же 1918 г. на севере страны, где было приостановлено наступление белых, поддержанное интервентами. А когда пришел ноябрь 1918 г., сопровождавшийся отречением кайзера и установлением республики в воюющей, но уже явно проигрывавшей войну Германии, большевики сосредоточили усилия на прорыве немецкого фронта и, объявив Брестский мирный договор утратившим силу, начали успешное продвижение в сторону Украины и Белоруссии. Зима 1918–1919 гг. прошла под знаком перехода под власть большевиков не только Украины и Белоруссии, но и Прибалтики. И хотя в ответ на это на Украине, в Прибалтике и на севере усилилась активность как немцев, так и стран Антанты, а на юге вновь оживилось казачество, подступившее к Воронежу, Тамбову и Саратову, красные сконцентрировали свои силы вначале на южном фронте, затем на территории Украины, что позволило им несколько стабилизировать сложную ситуацию.

Тем временем белое движение, осознав, наконец, что многие его неудачи происходят от нескоординированности действий, признало обосновавшегося осенью 1918 г. в Омске адмирала А. В. Колчака верховным правителем России. Трудно сказать, насколько этот выбор и это решение можно считать удачными. С одной стороны, конечно, далекий от военных действий Омск был вроде бы спокойным местом, где можно было бы сосредоточить усилия по организации вза-

имодействия и реализации стратегических планов в масштабе всего белого движения, что давно уже было крайне необходимо. Но, с другой стороны, отдаленность Омска и слабость систем коммуникации лишали этот центр многих важных условий, жизненно необходимых для успешного выполнения этой функции. Да и выбор талантливого полярного исследователя, но не слишком умелого, удачливого и, главное, опытного в военном деле человека на столь обязывающую должность оказался далеко не лучшим. Адмирал не мог наладить отношения с японцами и чехами, с казаками атамана Г. М. Семенова, не говоря уже о требовавших решить вопрос о земле местных крестьянах. Терпя неудачу за неудачей и в то же время не умея и не решаясь помочь другим, начиная с действовавшего на решающем фронте возле Петрограда генерала Н. Н. Юденича, Колчак в конце концов оказался в плену у чехов, которые выдали его большевикам.

Весна 1919 г. была во многом решающей для красных войск. Со многих сторон ее усилившиеся враги начали движение к центру страны, к обеим ее столицам. Считается, что немалую роль в этом сыграли представители стран Антанты, как бы взявшие в свои руки важное дело координации совместных усилий. Подчас этот мощный напор даже именуется первым походом Антанты, что следует считать явным преувеличением роли интервентов в гражданской войне. Колчак, например, отнюдь не был ни основной силой, ни даже важной частью первого похода, хотя он и согласовывал — наконец-то! — свои действия с планами других генералов и пользовался вооружением, поставлявшимся ему союзниками с востока по железной дороге. Его войска, владевшие приуральским Екатеринбургом и Пермью, оказались в марте-апреле 1919 г. рядом с важными городами Поволжья. Обеспокоенные большевики объявили тогда всеобщую мобилизацию и сумели, вновь опираясь на партизанское движение в тылу у белых, отбить нападение.

В разгар боев за города Поволжья в мае 1919 г. началось наступление генерала Юденича на Петроград. К этому времени немцы успели изгнать большевиков и их марионеточные правительства из республик Прибалтики. Сформировав при поддержке К. Маннергейма армию, основной частью которой был созданный еще осенью 1918 г. немцами корпус из русских пленных, генерал намеревался с помощью финнов захватить почти не защищенный Петроград. Вскоре он взял Псков, подошел к Гатчине и был близок к успеху. Но как раз в этот решающий момент, когда колчаковская армия была всего в нескольких сотнях километров от Петрограда, *верховный правитель России* отказался принять помощь финнов (это, как он полагал, вынудило бы его признать независимость Финляндии). Финны не под-

держали наступление Юденича, и он в июне, потерпев поражение от красных, был вынужден отступить. В октябре того же 1919 г. Юденич вторично подошел к Петрограду, добравшись до Царского Села и Пулковских высот. И на сей раз ему готовы были помочь финны, двигавшиеся вдоль берега Финского залива. Однако, вновь получив отказ Колчака, уже начавшего терпеть поражения на Урале, генерал снова лишился столь необходимой ему поддержки (финны в решающий момент приостановили свое продвижение). Тем временем прибывший на короткий срок на прибалтийско-петроградский фронт Троцкий довершил остальное. Армия Юденича в декабре 1919 г. отступила и была интернирована в Эстонии.

Терпевший поражение за поражением Колчак незадолго до окончательного крушения своего дела успел передать должность *верховного* Деникину. Тот, создав в начале 1919 г. *Вооруженные силы юга России* и оказавшись хозяином значительной части юга России и Украины, организовал летом того же года мощный и хорошо подготовленный поход на Москву, давно ставшую столицей большевистской России. Взяв по пути ряд крупных городов и почти достигнув Тулы, что было немалым успехом, он был уже почти рядом с Москвой. Но под лозунгом *Все на борьбу с Деникиным!* красные сумели не только собрать немалые силы, но и, используя помощь ряда союзников, начиная с Н. Махно, нанесли армии Деникина поражение. В октябре-ноябре 1919 г. Деникин начал отступать, после чего, передав руководство войсками П. Н. Врангелю, уехал из России. Это был конец белого движения. С начала 1920 г. страны Антанты отказались от дальнейших интервенционистских планов. РСФСР начала вести переговоры о мире с Финляндией и республиками Прибалтики. Попытка красных вернуть польские земли завершилась провалом и привела в октябре 1920 г. к неудаче наступления М. Н. Тухачевского и к последующему признанию Польши, а затем и к мирному договору с ней.

С марта 1920 г. во главе белых оказался фактически запертый в Крыму генерал Врангель. И хотя он летом того же года попытался было захватить часть Донбасса, переброшенная из замиренной Польши конная армия не только отогнала его, но и подготовила штурм Перекопского вала. Армия Врангеля была разбита и на исходе 1920 года ее остатки и все собравшиеся в Крыму беженцы были эвакуированы на кораблях союзников. На рубеже 1920–1921 гг. пришел также конец независимого существования ряда государств Закавказья и Средней Азии, прежде бывших частью Российской империи. Эти годы привели и к установлению власти большевиков в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Конечно, при этом не стоит забывать

и о масштабных движениях недовольного народа, о восстаниях крестьян и о жестоком подавлении такого рода движений. Наиболее заметными среди них были восстание моряков Кронштадта, некогда опоры большевизма, в марте 1921 г. и знаменитый мятеж тамбовских крестьян (всего около 50 тысяч) против продразверстки в мае-июне того же года. Оба восстания с неслыханной жестокостью были подавлены войсками Тухачевского, не постеснявшегося использовать против скрывавшихся в лесу крестьян ядовитые газы. Но в целом все эти крайние меры привели к желанному результату.

РЕСТАВРАЦИЯ СТРУКТУРЫ ВЛАСТИ-СОБСТВЕННОСТИ

Красные победили. Отвечая на вопрос почему, стоит заметить, что они победили в результате бесцеремонного насилия над всем населением страны и железной дисциплины партии *нового типа*, с учетом беспардонного обмана одних и вселения с помощью нереальных лозунгов веры в счастливое будущее в других. Сотни, если не тысячи, а то и многие тысячи томов посвящены анализу проблем, встающих в связи с этой победой и посвященных как объяснению ее причин, так и критике методов ведения боевых и иных действий красными и белыми. Легче всего заявить, что победили несчастные угнетенные бедняки, ненавидевшие богатых, хотя в этом утверждении есть некоторая доля истины. Гораздо менее основательным следует считать марксистский тезис о том, что перед нами некая великая пролетарская либо социалистическая революция, приведшая к свержению какого-то буржуазного строя и к установлению *диктатуры пролетариата*. Собственно, в эту версию, как правило, не очень-то верили в прошлом и очень мало кто верит сегодня даже из тех, которые склонны согласиться с основами доктрины марксизма. Ведь никакого *буржуазного строя* в России до 1917 г. не было, как не было и мифического пролетариата, который стремился бы и реально мог бы (не говоря уже о том, захотел ли бы) устанавливать свою диктатуру. Зачем она ему? Что бы он с ней делал? Ведь этого — стоит напомнить — не знал толком и сам Маркс, довольно наивно предполагавший, что такая диктатура поспособствует отмиранию государства и наступлению всеобщего благоденствия при неограниченном потреблении каждым «по его потребностям».

И все-таки что сыграло решающую роль? Если обратить внимание на главное, то даже не насилие как таковое, а главный инструмент этого насилия, т.е. партия. Та самая партия *нового типа*, которая типологически столь родственна хорошо организованному и тесно спло-

ченному, скованному железной дисциплиной религиозному ордену. Или, иначе, не слишком большая (примерно около одной тысячной части населения России) группа единомышленников, состоявшая в основном из людей, готовых к самопожертвованию во имя великой идеи, в которую все члены группы самозабвенно верили. На первый взгляд это может показаться невероятным, но это именно так. Правда, при этом приходится признать, что группа, о которой идет речь, оказалась в нужном месте в подходящее время и действовала при этом в максимально благоприятных для нее условиях, при оптимальном стечении обстоятельств, еще и с использованием выгодных именно для нее случайностей. О том, что конкретно имеется в виду, уже много было сказано. Это и кризис почти вечно больной и отсталой России с ее населением, которое легко повести за собой, если умело и безответственно воздействовать на него несбыточными обещаниями. Это и слабость растерянной власти, и так некстати навалившаяся на страну война, да и многое-многое другое. Но, имея в виду почти религиозно организованную партию свято верующих в счастливую новую жизнь, равно как и способности такого рода верующих увлечь за собой примитивно мыслящую малограмотную и несчастную массу жаждущих того, что им обещают проповедники (счастливой новой жизни), **нет оснований сомневаться в великой силе великой идеи.**

Перед нами, точнее, перед ними, нашими далекими предшественниками, т.е. жителями старой России, оказалась установленная силой власть очень хорошо организованной и преданной великой идее группы единомышленников. Такую группу можно сравнивать — по масштабу, значимости и влиянию на ход истории — с немногими аналогичными движениями. Это, прежде всего, тот ислам, который был рожден пророком Мухаммедом и взят на вооружение его арабскими бедуинами, превратившими значительную часть населения мира в мусульман. Это последнее в истории Китая крестьянское восстание второй четверти XX в. под руководством *председателя* Мао. Другие аналогичные движения не приходят в голову, ибо, скажем, французская революция — уже нечто совсем иное. В ней принимали участие тоже воодушевленные великой идеей и не чуждые насилию, но все же в основе своей совсем другие люди, достаточно грамотные, готовые к свободе и жаждавшие именно ее, хорошо понимавшие, за что именно, с кем и во имя чего они сражаются. Они не метались то туда, то сюда в зависимости от того, говорят им сладостные слова или пытаются отнять у них последнее. Словом, разница была, причем огромная, сущностная и решающая.

Итог очевиден. Рядом с российским населением, столь легко поддавшимся большевистской пропаганде, могут быть поставлены

только ревностные мусульмане времен пророка Мухаммеда и китайские крестьяне Мао. При этом важно обратить внимание на то, что мусульмане не вели гражданской войны — они выступали только против неверных. А крестьяне Мао, хотя на их долю и выпала война со своими, традиционно были хорошо готовы именно к этому. Более того, они видели в такого рода вполне обычной для этой страны войне не путь к непонятной им свободе и тем более к некоему неведомому светлому будущему, а хорошо известную им возможность восстановить привычную норму жизни. Именно это всегда лежало в фундаменте крестьянских войн в Поднебесной. Словом, основа успеха большевиков — великая идея. Та самая, которая, овладев массами (вспомним Маркса!), вполне в состоянии превратиться в мощную материальную силу. Таких идей в истории человечества было очень немного. Ведь главное в идеях, которые упомянуты, — бесцеремонное насилие по отношению ко всем, кто эту великую идею не разделяет либо позволяет себе в чем-то сомневаться в связи с ее постулатами и методами действий. Это бывает не всегда. Даже напротив, очень редко. Например, христианство, при всей агрессивности, заложенной в нем и проявившейся в крестовых походах либо в преследованиях еретиков, такого рода идеей ни в одном из его вариантов-субцивилизаций не проявилось. **Да и марксизм, как его последователи к тому ни стремились, подобной идеей в буржуазном обществе (на что сама идея была рассчитана) не стал.**

Однако на этом проблема великой идеи не завершается. Очень важно снова напомнить читателю, что **единственная подлинно великая идея, которую следует и есть все основания решительно противопоставить исламу, российскому большевизму и крестьянской войне Мао, — это антично-буржуазный идеал прав, свобод, либеральной демократии с регулярно сменяемой и ответственной перед избирателями властью, с разделением властей и независимой судебной системой, с неприкасаемой частной собственностью.** Этот идеал, который один стоит всех остальных идей, как раз и восприняла, преимущественно в интерпретации мыслителей Просвещения, западная буржуазия. Только у этой антично-буржуазной идеи после овладения массами оказалось столько мощи (причем не только даже привлекательной, но и благотворно результативной), что ее не нужно было навязывать кому-либо силой. Кто хотел и мог — тот внимал ей и рано или поздно, но добивался успеха и благоденствия. Кто не хотел или не мог — оставался с тем, на что был способен и что выпало на его долю. Россия в силу многих и очень значимых причин оказалась в числе тех, на чью долю антично-буржуазный жребий не вы-

пал. Ислам — тоже. А вот Китай оказался, пусть не сразу, в силу ряда очень существенных причин в гораздо более выгодном положении.

Но, оставив процесс сопоставления, с которым многие могут быть не согласны, ибо это в конечном счете авторский анализ и его точка зрения, не более того, обратимся, наконец, к тому, что же выпало на долю России после гражданской войны. К чему привели великую империю, распавшуюся и заново по кускам собранную, но принявшую совершенно иной облик, овладевшие ею большевики? Стала ли она принципиально другой, что они столь уверенно обещали? И если эта гигантская страна в чем-то довольно существенно изменилась, то в чем именно в первую очередь и главным образом? Обратимся к реалиям России после гражданской войны. Что большевики предложили уставшей разгромленной жестокими схватками полуголодной полуразрушенной стране? У них хватило ума отступить. На мой взгляд, это самое великое дело, которое выпало на долю Ленина. Мало того, наиболее мудрое его решение, благодаря которому за немногие годы НЭПа — а это и был типично буржуазный строй, разве что без буржуазно-демократических его основ, без которых он не просто уязвим, но и крайне недолговечен, — страна буквально возродилась из пепла. Но не успела Россия воспрянуть из пепла, как сменивший ее умершего вождя много более кровавый диктатор резонно решил, что хватит народу благоденствовать в условиях буржуазного процветания. НЭП сыграл свою роль, и о нем, этом прообразе развитого буржуазного строя, следует забыть, что и было сделано.

И в самом деле, не для того большевики брали власть и уложили столько народа ради победы, чтобы допустить в стране либеральную демократию со свободными выборами и сменяемой властью. Власть, если это диктатура (а во имя чего большевики старались?), в буржуазной демократии не нуждается. Мало того, страна должна постоянно чувствовать тяжелую руку и железную волю диктатора. Такая страна, с которой он имеет дело, может нормально существовать и быстро, хотя и обязательно однобоко, с очень подчеркнутым уклоном в сторону укрепления ее военной мощи, развиваться только при таких жестоких условиях. Иначе ничего путного не выйдет. Так оно или не так, рассуждать нет смысла. Гораздо важнее понять, что подобная позиция логично вытекала из всего того, что большевики сделали с Россией и к чему они, пытаясь следовать доктрине, стремились.

Были ли у ставшего вождем нового диктатора И. В. Сталина четкие цели и обоснованные ориентиры движения? Что он хотел и как достигал желаемого? Это ряд сложных вопросов, о которых речь пойдет особо. Пока же важно напомнить о самом главном. А сводится оно

к тому, что процветание времен НЭПа было не просто временным отступлением от цели. Оно было условием ее достижения. Страну следовало быстро возродить, дабы она снова стала готовой к тем тяжелым испытаниям, которые неизбежно выпадут на ее долю, когда выяснится, куда новое государство идет и чего же оно все-таки хочет. Но мало этого. Нужно было четко определить, какими должны стать основные структурные параметры огромного, территориально почти не уступающего прежней российской империи нового государства, названного сперва РСФСР — «Российская советская федеративная социалистическая Республика», — а затем, с конца 1922 г., СССР («Союз советских социалистических республик»). Однако не в наименованиях дело. Важна структурная суть государственных образований.

Читатель не мог не заметить, что в главах, посвященных драматическим событиям России и свидетельствовавших о радикальнейших переменах в ней за исторически небольшой срок, нет упоминаний о революции. Этот термин — вопреки общепринятой норме — не используется. Автор старательно избегал его даже тогда, когда речь заходила о переменах (октябрь 1905 г., февраль-март 1917 г.), связанных с давно ожидавшимися и назревшими революционными преобразованиями буржуазно-демократического характера. Да, разумеется, перед нами некое подобие *«революции»* со всеми столь свойственными ей, особенно в отсталой стране, страшными эксцессами. Но, если строго следовать принятой в издании авторской концепции, революцией без кавычек ее называть нельзя, не следует. Это была псевдореволюция, попытка революции — называйте, как хотите, но помните, что такая «революция» весьма отлична от настоящей. **Настоящей в рамках авторской концепции считается одна только буржуазная революция, ибо любая другая — это миф. Миф потому, что она просто не в состоянии, по определению, привести к чему-то принципиально новому, что она может либо вернуть общество к старому в крайне скверной его модификации, либо привести страну вместо лучшего будущего в тупик.** В случае с большевистской Россией получилось одновременно то и другое, чем судьба пореволюционной России стала драматически отличаться ото всех остальных «революций» XX в., будь то события в Китае или еще где-либо, вплоть до явной карикатуры на марксизм вроде Камбоджи Пол Пота.

Важно обратить внимание и на то, что октябрьский государственный переворот, который удался в 1917 г. большевикам (так его назвали они сами) стал по сути именно псевдореволюцией. И не только потому, что спустя несколько кровавых десятилетий, в середине

80-х гг. XX в., он рухнул, как глиняный колосс, при этом фактически без жертв и серьезного сопротивления. Много важнее то несомненное обстоятельство, что у так называемой *пролетарской* или *социалистической «революции»* не было перспективы, не было будущего, не было реальной основы для длительного существования. Но почему оказалось именно так? Случайность ли это? Отнюдь. Большевистская *«революция»*, нет слов, радикально изменила страну после завершения гражданской войны. Вместе с тем нет ровно никаких оснований считать ее подлинной революцией. Почему? Вопрос достаточно серьезен, чтобы обратить на него специальное внимание.

Начнем с того, что строго зафиксируем сам факт: сегодня ни у кого нет сомнений в том, что **попытка создать в нашей стране принципиально новый общественный строй (что и было, в том числе и согласно доктрине марксизма, смыслом и целью революции), не удалась. Но, опять-таки, почему? Быть может, это трагическая случайность?** Пусть кое-кто утешается этой мыслью. Но, если принять во внимание все, что произошло, окажется, что иного конца не могло и быть. Все дело в принципиальных структурных основах организации общества и в характере власти, отношений между властью и населением страны. **Революция — это то, что в результате революционного взрыва меняет одну структуру на другую, принципиально изменяет характер отношений между властью и обществом. Если не происходит ни того, ни другого, то о революции говорить нет оснований. В этом случае мы имеем дело со сменой носителей власти, но не с изменением ее характера.** Речь может идти об ином варианте прежней структуры, но не о возникновении новой структуры антично-буржуазного типа, как то произошло после Великой революции во Франции. Что же в реальности произошло с властью, оказавшейся в руках большевиков? Ее подчас привычно именуют советской, но этот эвфемизм используется неоправданно, ибо управляла нашей страной только партия, а советы играли подчиненную роль фактически бесправных муниципалитетов, в лучшем случае региональных, или даже центрального кабинетов министров без самостоятельной власти, не более того. Власть была только в руках партии *нового типа* и ее всевластного руководства.

С самого начала обратим внимание на то, что структура общества тем самым не только осталась принципиально не изменившейся. Мало того, она стала намного крепче той, которая тысячелетиями оставалась неизменной в обществах с господством власти-собственности с централизованной редистрибуцией. Одним из таких обществ была и Россия. **Стоит в этой связи напомнить,**

что генеральным принципом структуры власти-собственности во всех ее модификациях является первичность власти, функцией которой является распоряжение совокупным достоянием общества (централизованная редистрибуция). Частная собственность в такого рода структуре не просто вторична. Она подчинена контролю власти и зависит от ее благорасположения. Этим структура власти-собственности — помимо всего прочего — отличается от противостоящей ей антично-буржуазной, когда частная собственность и собственники с их интересами и потенциями первичны, тогда как власть вторична.

Как легко понять, большевики не только не пожелали придать частной собственности антично-буржуазный первичный статус (при всем том, что они хорошо понимали его силу и значимость, о чем свидетельствует НЭП), но наоборот, приложили максимум усилий для того, чтобы раз и навсегда, как того требовала марксистская доктрина, ликвидировать ее. Ликвидация института частной собственности призвана была символизировать успех марксистской утопической идеи. Она должна была обозначить превосходство над буржуазным строем. Однако на деле произошло нечто совершенно иное. Ликвидация частной собственности как института антично-буржуазной структуры привела к безудержному возвеличению традиционной восточной структуры с ее безусловным приоритетом власти. **Власть в большевистской модификации структуры власти-собственности была не только укреплена и возвеличена. Она стала своего рода ритуальным символом, сакральной силой.** А вместе с ней обретал ту же силу и становился таким же символом и высший носитель этой власти, всемогущий диктатор обновленной империи.

Все это произошло не сразу. О процессе институционализации новой модификации давным-давно существующей (и потому не имеющей де-факто никакого отношения к тому, что принято именовать революцией) структуры и формы власти еще пойдет речь. Но пока важно обратить внимание на то самое основное, что лежало в идеях большевиков как зародыш в любом семени. Другого в такой доктрине и быть не могло. Ему просто неоткуда было бы взяться. Ведь все усилия отечественных коммунистов были направлены именно на то, чтобы уничтожить любую возможность возникновения в нашей стране антично-буржуазного строя со свойственными ему структурой, формой власти, правами и свободами общества. И власть имущие добились своего. А России пришлось все это вытерпеть. Мало того. Она еще и сыграла незавидную роль в распространении марксистского варианта структуры власти-собственности среди многих

других стран, где эта структура издревле, несмотря на интенсивное воздействие со стороны западной буржуазии, была не просто привычной, но своей и потому как бы само собой разумеющейся.

История в конечном счете громко и жестоко посмеялась над марксистским экспериментом. Всюду, где он проводился, достаточно скоро выяснилось, что отказ от частной собственности и замена ее государственной, т.е. общей или ничьей, ведет к деградации. А чтобы эта деградация не прогрессировала, следовало применять насилие, что в наше время не могло продолжаться бесконечно. Во что обошелся эксперимент народам, оказавшимся в него втянутыми по доброй воле или по прихоти судьбы? Как известно, очень и очень дорого. А ведь все хотели, чтобы им стало лучше. Но никому лучше не стало. Разница лишь в том, что одни выбрались из рокового эксперимента со сравнительно небольшими потерями, тогда как на долю других, и прежде всего и без того изуродованной судьбой России, выпал наиболее тяжкий жребий. Последствия этого несет на себе до сих пор не только наша страна. Но она испытывает эти последствия в наиболее невыносимой форме, причем не столько с точки зрения уровня жизни (здесь огромную роль сыграли богатые природные ресурсы), сколько в связи с тем, чего — и кого — она в результате безвозвратно лишилась.

СОБЫТИЯ В РОССИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОКРУЖАЮЩИЙ МИР

Обычно исход мировой войны и тем более вскоре последовавшие за этим серьезные политические процессы в Европе не очень жестко связывают с событиями в России. Конечно, все понимают и пишут о том, как изменился ход войны в результате этих событий. Но считается, что восточный фронт, бывший и без того не всегда наиболее важным, в общую копилку побед стран Антанты и их союзников внес не так уж и много. А после большевистского переворота и связанных с ним событий он и вовсе стал чем-то второстепенным, лишь осложнившим противникам Германии их задачу. В какой-то мере это именно так и было. Советская Россия (этот термин прочно вошел в обиход) доставила немало хлопот обеим враждующим коалициям как до заключения сепаратного Брестского мира, так и после него. Достаточно обратить внимание на брожение в немецких войсках (вспомним период *братания*) и на рост революционных настроений в близкой уже к поражению Германии 1918 г., чтобы понять, как это было и в чем конкретно проявлялось. Но речь не только и даже не столько об этом.

В конечном счете Россия осталась примерно той же в геополитическом и даже социоэкономическом смысле, чем она была до мировой войны и в первые ее годы. На нее как на основную боевую силу в ходе столкновения коалиций не рассчитывали всерьез ни ее союзники, ни противники. Конечно, те и другие учитывали бескрайние размеры и немалые ресурсы этой империи. Но они не переоценивали реальные ее возможности. И в этом смысле большевистский переворот и гражданская война в России хотя и спутали многие расчеты, но драматическим событием явно не считались. Война между коалициями продолжалась так, как будто бы ничего слишком серьезного и не случилось. Между тем на деле изменилось достаточно многое, хотя осознание этого всеми и прежде всего в правящих верхах пришло далеко не сразу.

Начнем с того, что в большинстве стран Европы отклик на события в России был достаточно ощутимым. Левые и тем более экстремистские группировки явно вдохновились успехами российских коммунистов. И хотя силы их были еще ничтожными, сама идея радикальных перемен сыграла свою немалую роль. Оставив пока в стороне немногочисленные и крайне еще не самостоятельные компартии либо предшествовавшие им союзы и движения (а в Германии с ее мощным социал-демократическим потенциалом они были наиболее заметны), важно обратить внимание на тенденцию как таковую. Мир и прежде всего воюющая и испытывавшая немалые лишения Европа были склонны под влиянием большевизма повернуться налево и попытаться найти в объятой кровавым пламенем России нечто позитивное, заслуживающее внимания. Разумеется, многое, очень многое из страшных реалий гражданской войны, красного террора и вообще роли беспардонного и беззаконного насилия были вне самой России в то время практически не известны. Зато сама идея радикальных перемен завораживала достаточно многих, склонных если и не брать пример, то во всяком случае кое-чему поучиться у большевиков.

В первую очередь привлекал сам впечатляющий факт. Небольшая и сравнительно с населением империи практически ничтожная группа хорошо организованных сторонников новой радикальной идеи успешно побуждает страну становиться под ее знамена и делать все то, что она считает нужным. Но разве как раз к этому не стремились в свое время многие из экстремистов самого разного толка?! И коль скоро где-то почему-то именно это удалось, то не стоит ли внимательно изучить опыт и попытаться применить его при случае? Конечно, подходящий случай встречается не слишком часто, что понимали если не все, то многие. Но длительная и истощающая силы

мировая война и первые сложные послевоенные годы разве не тот самый удачный момент, когда подобного рода случай может не только представиться, но и быть умело использованным? Все это стоит учесть, особенно принимая во внимание, что в отдельных странах, в частности в далеком Китае, события в России, о которых идет речь, были восприняты буквально как образец для определения стратегии и целеустановок очередного мощного народного движения. Движениями такого рода история этой большой страны всегда была богата. Но на сей раз внимание лидеров его было приковано к событиям в России («идти по пути русских — таким был вывод», как сказал в связи с этим в начале своего революционного пути Мао).

Принимая сказанное во внимание, следует, однако, учитывать не столько привычные катаклизмы в трансформировавшемся традиционном Китае первой четверти XX столетия, сколько процессы в гораздо более близких к России во многих отношениях западноевропейских странах. Если обратить внимание на это, окажется легко понять ту **связь, которая**, пусть не слишком явно и вовсе не стремясь быть опознанной и обозначенной, **существовала между левым большевистским тоталитаризмом и рядом аналогичных движений правого толка, начиная с итальянского фашизма**. Стоит до предела пояснить свою мысль, чтобы не быть неправильно понятым.

Речь вовсе не идет — во всяком случае в первую очередь — о какой-либо идейной близости итальянского фашизма к большевизму. Они очень разные и по идейным истокам, и по характеру действий. Но кое-что общее между этими разными крыльями европейского тоталитаризма, взращенного мировой войной, все же есть. И от него никуда не деться. Первое, на что необходимо обратить внимание, это факт существования социалистических идей и свойственных им генеральных принципов. Не без стараний Маркса, хотя и далеко не только в результате его усилий, подобного рода идеи широко распространились в Европе в период триумфа буржуазной либеральной демократии конца XIX в. Речь, стоит повторить, не только и даже не столько о марксизме. Важнее учесть великое обилие социалистических и близких к ним анархо-синдикалистских идей немарксистского толка, против которых столь активно боролся сам Маркс в годы существования I Интернационала. Но, как бы то ни было, в центре внимания находились именно социалистические идеи, коим не чужд был и основатель фашизма Б. Муссолини.

Второе и, пожалуй, наиболее важное сходство в том, что, взирая на большевистскую Россию, лидеры всех тех тоталитарных режимов, о которых идет речь, начиная с итальянского фашизма Муссолини,

осознали, что **главное** в их деятельности — коль скоро они хотят добиться успеха — это **партия *нового типа***. Партия, жестко структурированная как фактически боевая организация и делающая основную ставку на насилие. Правда, не во всех странах было реально осуществлять насилие российско-большевистского типа. Но важен был сам принцип, а не его конкретные формы, которые, как то хорошо известно, могли иметь варианты. Но оставим на время эту актуальную тему о близости тоталитарных режимов левого и правого толка, этой красно-коричневой чумы XX в., к чему мы еще вернемся, равно как и о роли большевизма в рождении европейского тоталитаризма, противопоставленного буржуазной либеральной демократии. Возвратимся к событиям Первой мировой войны, в которые большевизм осенью 1917 г. столь решительно вмешался.

Глава одиннадцатая. ЗАВЕРШЕНИЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1917–1918 гг.)

Как о том уже шла речь, 1916 год не принес ощутимого успеха ни одной из воюющих сторон. На следующий 1917 год Антанта имела далеко идущие планы, смысл которых сводился к тому, чтобы переключить центр тяжести на западный фронт, имея при этом в виду, что восточный — т.е. Россия — продолжит активную борьбу, что побудит немцев сохранять на этом фронте немалую часть своих армий. Долго шел торг о начале наступления русских, пока не пришли к решению, что надеяться на успех наступления со стороны России (требовались поставки большого количества вооружения) можно будет не ранее мая. Не дожидаясь этого, союзники начали свое наступление с целью прорыва германского западного фронта в начале апреля, когда роковые события февраля-марта в России давно уже стали фактом.

Наступление немцы с успехом отбили. Но призыв союзников к Временному правительству активизировать военные действия на восточном фронте был напрасным. Там началось, о чем упоминалось, братание, затем массовое дезертирство. Назначенный верховным главнокомандующим генерал Алексеев требовал введения в армии чрезвычайного положения с восстановлением военно-полевых судов, но военный министр Керенский с его «декларацией прав военнослужащих» (24 мая 1917 г.) действовал в прямо противоположном направлении. В конце июня новый верховный главнокомандующий Брусилов все же начал наступление на австро-венгерские войска, но к этому времени немцы, отбив натиск союзников на западном фронте, сумели перебросить

сюда свои армии, что при нежелании русских солдат воевать привело к провалу всех наступательных планов. После этого германские войска начали наступление на Италию, добившись при этом определенного успеха. Балканский фронт, как и другие (Салоникский и Кавказский) не были активизированы, а военные действия англичан в районе Месопотамии к существенному успеху не привели. Итог оказался вполне предсказуемым: события в России спутали все планы Антанты. И хотя они не слишком помогли немцам, все же германский альянс получил от изменения ситуации на фронтах ощутимую выгоду, о чем позже писал в своих воспоминаниях Людендорф.

Единственным серьезным достижением Антанты было вступление в войну США. Президент В. Вильсон после долгих колебаний и даже попыток выступить в качестве миротворца в начале апреля 1917 г. объявил о состоянии войны с Германией, что повлекло за собой большую материальную помощь странам Антанты, включая и отправление на фронт многих сотен тысяч американских военных. В свою очередь немцы сделали все, что зависело от них. Они в том же апреле 1917 г. пропустили через всю Германию поезд с запломбированным вагоном, в котором Ленин и другие видные руководители большевиков ехали в Петроград с тем, чтобы внести свой вклад в усугубление столь выгодного для Германии внутреннего кризиса в России. 1917 год завершился появлением в Брест-Литовске делегации большевиков, просившей о перемирии. Для немцев это был желанный подарок, но они, как о том уже шла речь, не торопились. Германия укрепляла свои позиции в Прибалтике, оказывала содействие Финляндии, которая объявила 6 декабря о своей независимости, форсировала воссоздание Польши, а также способствовала укреплению позиций Украинской Рады. А когда все это было достигнуто, она 10 февраля 1918 г. предъявила большевикам ультиматум, который те, тоже не торопясь, обсуждали. Итог известен: пока большевики колебались, немцы двинули войска и заняли еще некоторые российские территории, после чего 3 марта 1918 г. мирный договор был подписан. Подписание его сыграло большую роль как для большевиков, которые, пусть очень дорогой ценой, на важное для них время освободились от необходимости вести боевые действия против Германии, так и для немцев. Вообще же стоит учесть то немаловажное обстоятельство, что, заключая невыгодный для России сепаратный договор, большевики не только спасали свою едва державшуюся власть. Они явно принимали во внимание и то, что положение Германии не менее шатко и что мировая война явно идет к концу, а концом может быть только поражение Четверного союза.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ВОЙНЫ

Таким образом, мировая война вступила в свой заключительный этап в условиях, когда у Четверного союза восточного фронта более не было. Это, безусловно, было важной переменой в стратегической ситуации. Немцы освободились от кошмара войны на два фронта. Однако по большому счету это дало им немного. Практически после вступления в число воюющих США, а затем и ряда других стран, включая латиноамериканские, война была ими уже проиграна. Оставалось ждать, какие формы примет поражение Четверного союза и во что обойдется проигрыш самой Германии.

Все дело в том, что, несмотря на вроде бы явное улучшение стратегических возможностей для германского альянса, немалая часть его вооруженных сил продолжала держать восточный и кавказский фронты. В то же время западный фронт, где с начала 1918 г. сложилось некоторое равенство в боевой мощи, начал обретать весьма заметное и все возраставшее преимущество, особенно после вступления в войну США и резкого увеличения притока на фронт самолетов и танков, производившихся в Британии. Армии Антанты во все большем количестве пополнялись солдатами из колониальных стран, а те стратегические резервы, о которых подробно шла речь в первой части тома, начали, наконец, играть важную роль в изменении соотношения сил. Резервы немецкого альянса были практически исчерпаны, в Германии начинался голод. Исправить положение — пока США еще не развернули все направлявшиеся в Европу военные силы — могло лишь быстрое и решительное успешное наступление на западном фронте, о чем мечтал в начале 1918 г. Людендорф. При этом на долю союзников выпадало бы лишь пассивное сдерживание противника на румынском, итальянском и месопотамском фронтах. Если при этом натиск на западе привел бы немцев к заметному военному успеху, они могли бы, по мнению германских генералов, рассчитывать на мирный договор на приемлемых для страны условиях.

Страны Антанты учитывали подобный стратегический расчет еще в конце 1917 г. Обе группировки готовились к решающим сражениям на протяжении нескольких месяцев 1918 г. Началась же битва между 4 млн солдат немецкой армии и 5 млн армии союзников 21 марта 1918 г. при существенном преобладании военной техники у стран Антанты (летом они уже имели 5400 самолетов против 3000 немецких и 1500 танков против всего десяти). Это была крупнейшая по масштабу кампания Первой мировой войны. Двинувшиеся на запад немцы вначале добились некоторых тактических успехов.

Но вскоре их продвижение, наткнувшись на сильное сопротивление, захлебнулось. Меняя одно направление на другое, Людендорф отчаянно пытался нащупать слабое место в обороне противника. Эти попытки затянулись на долгие несколько месяцев, пока не наступил решающий момент сражения на Марне. Во второй раз в ходе войны именно в битве на Марне немцы в июле 1918 г. потерпели поражение. А тем временем основные силы Антанты во главе с французским маршалом Ф. Фошем в свою очередь — и снова в районе Марны — выступили при поддержке танков, нанеся противнику мощный контрудар. После этого немцам в августе 1918 г. было нанесено еще несколько тяжелых поражений. А так как в июле США уже ввели в число боевых сил союзников до полутора миллионов своих военнослужащих, то весь дальнейший ход событий оказался предрешенным. В конце сентября хорошо укрепленная линия Зигфрида была прорвана, а еще через месяц, несмотря на сопротивление противника, от нее уже ничего не оставалось.

Параллельно с этим летом в 1918 г. болгары потерпели поражение от войск союзников на фронте в Салониках, причем французы и сербы к осени сильно потеснили немецкие и австро-венгерские войска, в результате чего Болгария в конце сентября вынуждена была заключить перемирие, а сербы спустя всего несколько недель освободили Черногорию и начали теснить турок во Фракии. На Кавказском фронте турки в сентябре 1918 г. захватили было Баку, вырезав при этом несколько десятков тысяч местных армян и в начале октября захватили даже Дербент, но после капитуляции Болгарии они вывели свои войска из Закавказья. В Месопотамии, где от имени англичан действовали в основном индийские войска, турки были разгромлены в том же октябре 1918 г., а параллельно с этим англо-индийские войска достигли, наконец, успеха в районах Палестины и Сирии. Что касается событий в Италии, то здесь летом 1918 г. австро-венгерские войска начали было очередное успешное наступление, но к осени, в октябре, в войсках наступающих (а империя уже с начала 1918 г. вступила в состояние острого внутреннего кризиса) обострились внутренние распри между частями, составленными из представителей разных национальностей. Это было использовано перешедшими в контратаку итальянцами, нанесшими Австро-Венгрии серьезное поражение, которое способствовало развалу дышавшей на ладан империи Габсбургов. Конец октября и начало ноября 1918 г. были отмечены крахом и развалом Австро-Венгрии, выходом из войны Османской империи и подготовкой Германии к капитуляции. Наиболее болезненно момент окончания

войны происходил в Германии, где он в первые дни ноября 1918 г. совпал с резким обострением в стране внутреннего кризиса, сопровождавшегося серьезными политическими переменами в верхах.

ГЕРМАНИЯ ПОСЛЕ ПЕРЕМИРИЯ

Теперь, после краткого напоминания о боевых действиях осени 1918 г., которые привели к крушению германского альянса практически на всех фронтах и, в конечном счете, к его поражению в мировой войне, необходимо обратить внимание на то, в какой ситуации находились основные страны этого альянса. Существенно обратить внимание на то, что практически во всех странах, завершавших войну в условиях длительного периода стрессового напряжения, возникали признаки внутреннего кризиса. Эти признаки в разных странах принимали различный облик, но в какой-то степени на всех них свое воздействие, о чем уже шла речь, оказывали события в большевистской России. Эти события вызывали различную реакцию в разных странах, в том числе и у разных слоев местного населения. При этом в конечном счете многое зависело от того, сколь заметную роль играли в той или иной стране мятежные настроения отдельных слоев или национальных групп общества.

В самой Германии особое внимание стоит обратить на социал-демократов, чьи позиции в этой стране исторически были весьма сильны. Следует с самого начала заметить, что с предвоенных лет активно проголосовавшая за военные кредиты социал-демократическая партия Германии (28% голосов и 110 мандатов в рейхстаге в 1912 г.) играла в политической жизни страны очень заметную роль. И хотя в партии время от времени происходили расколы и вычленялись различные группировки, в том числе и близкая к большевизму группа «Спартак», влияние левых в рейхстаге на протяжении военных лет оставалось весьма ощутимым. Оно активно противостояло тому, которое было связано с воздействием на кайзера сменявших один другого канцлеров и генералов во главе с Гинденбургом и Людендорфом. Однако противостояние все же не было слишком деструктивным для страны. Депутаты СДПГ поддержали правительство в момент ратификации сепаратного мира с большевистской Россией, но, как и вся страна, были несколько смущены заявлением генералов в рейхстаге 2 октября 1918 г. о том, что война будет проиграна и что стоит поддержать предложение В. Вильсона о мирных переговорах. Представители СДПГ вошли в состав нового кабинета, а рейхстаг в том же месяце принял важное решение о конституционных переменах, суть которых

сводилась к созданию системы парламентарной монархии. Мало того, встал вопрос об отречении Вильгельма II.

В воюющей Германии назревал серьезный внутриполитический кризис, сопровождавшийся некоторым влиянием большевизма как идеи (красные флаги, попытки создавать советы, дезертирство солдат), которую, однако, готовы были поддержать лишь немногие из числа недовольных. Как бы то ни было, но в создавшихся в стране условиях, ознаменованных в начале ноября 1918 г. восстанием недовольных военных моряков, которым в обстановке отчаяния командование предложило выйти в море для продолжения войны с английским флотом, ситуация в стране оказалась на грани катастрофы. И хотя депутат рейхстага социал-демократ Г. Носке сумел успокоить моряков, стало ясно, что, если не принять решительных мер, события могут пойти по российско-большевистскому пути. 5 ноября правительство Германии заявило о начале радикальных реформ. Учитывая повсеместное создание советов, призывавших к неповиновению и свергавших в ряде земель коронованных правителей, СДПГ в Берлине под давлением взволнованных масс призвала к ликвидации монархии и установлению республики. 9 ноября 1918 г. кайзер отрекся от престола и уехал в Голландию. Руководитель СДПГ Ф. Эберт стал во главе кабинета и поставил вопрос о созыве Учредительного собрания, которое одно только легально сможет заменить монархию на республику. В противном случае, резонно утверждал Эберт, угроза назревающей в стране социальной революции может оказаться более чем серьезной.

Что же происходило в главной стране Четверного союза в это время на самом деле? В отечественной историографии принято называть это «ноябрьской революцией». Но реально никакой революции не было. Было серьезное недовольство народа проигранной войной и закономерное стремление призвать к ответу тех, кто нес за это наибольшую ответственность. Ощущалось влияние большевизма с его советами, хотя мало кто понимал, что это такое и чем советы должны заниматься. Как и в случае с Россией весной 1917 г., ликвидация династии Гогенцоллернов произошла в этих обстоятельствах удивительно легко. Кайзера в стране уже практически никто не поддерживал, справедливо считая, что его вина в проигранной войне наиболее значительна. Собиравшиеся на митинги многочисленные толпы немецких рабочих и солдат в принципе энергично поддерживали ликвидацию монархии, стояли за республику. Однако они в то же время с большой осторожностью отнеслись к большевистским призывам К. Либкнехта из «Спартака», звавшего немцев к социалистической республике.

Словом, представление о «революции» в Германии в ноябрьские дни 1918 г. сильно преувеличено в отечественной и вообще в марксистской историографии. Да, в Германии в этот период под влиянием большевистских идей появились свои советы. Но СДПГ уже 10 ноября решительно взяла их под опеку, не постеснявшись в угоду настроениям изменить название кабинета (*совет народных уполномоченных*) и даже иногда использовать термин *социалистическая республика*. Это, впрочем, никак не свидетельствовало о серьезном воздействии на нее марксизма. Ведь не стоит забывать, что сама СДПГ была социалистической, хотя и никак не марксистской партией. 11 ноября 1918 г. представитель нового немецкого правительства подписал предложенный маршалом Ф. Фошем акт перемирия, после чего мировая война практически прекратилась. Тем временем правительство республики приняло ряд важных реформ буржуазно-демократического характера, на чем следует сделать особый акцент. Суть их сводилась к установлению в стране всеобщего избирательного права, введению 8-часового рабочего дня и укреплению системы профсоюзов и социального страхования, к ликвидации вызванной войной всеобщей трудовой повинности и, разумеется, к провозглашению всех основных демократических прав и свобод. Стоит заметить, что в стране были созданы возглавлявшиеся лидерами социал-демократии и иными деятелями различного рода учреждения, ставившие своей целью безболезненное переключение экономики на мирные рельсы. И так как действия подобного рода свидетельствовали об определенном влиянии большевизма, нет ничего удивительного в том, что хорошо подготовленное к этому и великолепно понимавшее, что к чему, руководство страны, как и подавляющее большинство населения, стали открыто говорить на каждом шагу об опасности такого влияния.

Свой немалый вклад в эту политику критики большевизма внесли и немецкие профсоюзы, которые активно и плодотворно сотрудничали с предпринимателями и правительством Германии по меньшей мере со времен Бисмарка. Правда, несмотря на это, ситуация обострялась. 6 декабря под большевистскими лозунгами произошла демонстрация рабочих. Она была разогнана, как сказано об этом в одном из солидных отечественных изданий «контрреволюционной бандой»[1]. В ответ на улицы Берлина 8 декабря вышла многолюдная демонстрация. Однако после того как Всегерманский съезд советов — на что очень важно обратить внимание — 16–21 декабря продемонстрировал полную солидарность с правительством СДПГ, а мятеж так называемой На-

[1] Всемирная история. М.,1961. Т. VIII. С. 130.

родной морской дивизии 24 декабря был подавлен, вопрос о большевизации Германии был снят. Правда, «Спартак», переименовавшись в компартию, 5 января 1919 г. попытался было захватить власть силой. Но эта авантюра сразу же потерпела поражение. Правительственные войска легко подавили восстание, вскоре после чего руководители КПГ К. Либкнехт и Р. Люксембург были убиты. Это, однако, не остановило КПГ, которая стала готовить новое вооруженное восстание. Но правительственные войска справились и с ним, а 19 января 1919 г. на выборах а Учредительное собрание СДПГ получила 165 мандатов (около 40%). Эберт был избран президентом республики, а советы вскоре, хотя все же не сразу, исчезли из политической жизни страны.

Следует в связи с этим заметить, что эхо ноябрьско-январских событий в Берлине прозвучало в разных местах Германии. В январе 1919 г. в Бремене, в феврале в Аугсбурге и в Брауншвейге на несколько дней появлялись местные оппозиционные центру органы власти, близкие к большевизму, а в Баварии на две-три недели во второй половине апреля 1919 г. возникла даже «советская республика». Не ставя своей целью принизить значение всех такого рода выступлений, стоит все же сказать, что решительное пресечение движений советского толка было вполне логичным со стороны сильной и имевшей немалый опыт в борьбе с экстремизмом СДПГ. Лидеры немецкой социал-демократии немарксистского толка, активно преследуя большевиков, делали это вовсе не потому, что были склонны к сближению с какими-либо «реакционными силами». Просто они не могли не учитывать того, что в их стране представляла собой КПГ, как и не знать о судьбе социалистического Временного правительства Керенского и обо всем том, что происходило с большевистской Россией. А в явный плюс им следует засчитать все то, что они делали с целью демократизации страны. В процессе подготовки конституции новой республики разрабатывались социал-демократические методы управления производства и контроля над экономикой в интересах всего общества. Принятая Учредительным собранием 31 июля 1919 г. конституция Веймарской республики (собрание работало в городе Веймар) оказалась одной из наиболее прогрессивных среди тех, что существовали в буржуазных странах той эпохи.

КРУШЕНИЕ АВСТРО-ВЕНГРИИ И НОВЫЕ ГОСУДАРСТВА

Если проблемы Германии, возникшие сразу же после подписания перемирия, т.е. признания проигрыша в войне, концентрировались

вокруг перемен в системе власти (крушение империи и резкое возрастание роли социал-демократии при энергичном ее противодействии большевизму), то ситуация в потерпевшей гораздо более серьезное с точки зрения ее существования поражение Австро-Венгрии оказалась много сложнее. Дело здесь не ограничилось и не могло ограничиться ликвидацией империи с уходом в небытие династии Габсбургов. Опять-таки нет никаких оснований снова и снова размахивать по этому поводу лозунгами с начертанным на них словом *революция*. Никакой революции в рассыпавшейся на части Австро-Венгрии не было, но средневековая империя Габсбургов оказалась несовместимой с ситуацией, которая возникла сразу же после ее вынужденной капитуляции. Вопрос теперь сводился только к тому, на сколько частей распадется бывшая империя и как будут отстаивать свое право на независимое существование все эти части.

Война для Австро-Венгрии на протяжении всех ее четырех лет шла по большей части неудачно. Если русская армия где и одерживала победы, то именно в борьбе с ней. Сербы и румыны хотя и не сумели отстоять свои земли, обязаны этим — как, впрочем, и русские, когда они терпели поражения, — главным образом вмешательству германской армии, регулярно приходившей помочь Австрии. Уже в 1917–1918 гг. когда война совершенно определенно не сулила австрийцам ощутимого успеха, империя начала испытывать все более серьезные удары внутреннего кризиса, в основном восходившего к самому больному ее месту — к национальным противоречиям. Они обострялись как вследствие ухудшения продовольственного положения, так и в результате становившегося все более сильным и распространенным стремления к миру, нежелания воевать, особенно заметного среди окраинных славянских народов империи. Опубликованные в декабре 1917 г. знаменитые 14 пунктов о мире президента Вильсона, речь о которых впереди, дали было империи некоторую надежду на ее сохранение. Однако длительные переговоры через отдаленных посредников, напоминавшие подчас непристойный торг, о котором вскоре стало известно, изменили отношение к Австрии. С лета 1918 г. было уже вполне ясно, что страны Антанты, а вместе с ними и вступившие в войну США намерены положить конец существованию лоскутной империи.

С лета 1918 г. начали признавать формировавшиеся в разных частях империи национальные советы и комитеты, требовавшие независимости. Сначала это был чехословацкий национальный комитет во главе с Т. Масариком, затем народное вече хорватов, сербов и словенцев в Загребе. В октябре последний из Габсбургов император Карл поспешил признать федеративный характер империи.

Но как вскоре выяснилось, он опоздал. Распад империи усиливался с каждым днем. 21 октября 1918 г. в рейхсрате возникло Временное национальное собрание немцев Австрии, а спустя всего несколько дней, в конце октября, в результате военного переворота Венгрия официально объявила себя независимой от империи республикой.

Империя распалась на части, что сопровождалось официальным отказом императора от власти. При этом в ряде случаев — как то было и в Германии некоторое время спустя — события поспешили использовать экстремисты большевистского толка, начавшие создавать все те же советы. В Австрии уже 3 ноября 1918 г. сформировалась компартия; 20 ноября такая же партия, чье руководство во главе с Бела Куном было представлено в основном бывшими венгерскими военнопленными из России, появилась и в Венгрии. И хотя венгерские социал-демократы и близкие к ним профсоюзы резко выступили против коммунистов, те сумели повести за собой немалую часть сторонников и добились согласия социал-демократов на соединение с ними в рамках социалистической партии, после чего будапештский совет 21 марта 1919 г. провозгласил Венгрию советской республикой. Республика в этом ее варианте просуществовала несколько месяцев, получила поздравления от Ленина, но была подвергнута Антантой блокаде и, несмотря на провозглашенную ею тактику красного террора, прекратила свое существование 1 августа 1919 г.

Если оставить в стороне неудачные попытки экстремистов создать на развалинах империи Габсбургов республики, скроенные по большевистским лекалам, то в итоге выяснится, что на развалинах Австро-Венгрии появилось несколько государств. Это, во-первых, **республика Австрия** с ее обилием чиновников и рантье при сравнительно слабой экономике. Проведенные в конце 1918 г. реформы обеспечили 8-часовый рабочий день, социальное страхование, а безработным и демобилизованным — временные пособия. На выборах в Учредительное собрание 16 февраля 1919 г. социал-демократы одержали победу (около 40% голосов) и создали правительство. Несмотря на появление в некоторых городах страны советов, оно сумело успешно противостоять активности тех, кто оказался под влиянием большевизма. 1 октября 1920 г. Учредительное собрание приняло новую конституцию, в которой страна объявлялась президентской республикой и где нашли свое место все основные буржуазные свободы, включая и социальное обеспечение трудящихся. На всеобщих выборах в парламент победила христианско-социальная партия. Сложное финансовое положение Австрии вызвало в 1922 г. к жизни серию так называемых женев-

ских протоколов, согласно которым ряд европейских стран под верховным контролем Лиги наций кредитовал эту страну, что помогло ей выбраться из экономических трудностей.

Венгрия после крушения *советской республики* пережила нелегкое время столкновений сторонников различных направлений дальнейшего ее существования. В ходе этих столкновений сторонники большевизма были в значительном количестве репрессированы, а во главе страны в качестве ее правителя-регента оказался с 1920 г. адмирал М. Хорти, который оставался во главе страны на протяжении свыше двух десятилетий. При нем, впрочем, функционировали парламент и партийно-правительственная система, заметно развивалась экономика.

Чехословакия, это заново созданное государство, была экономически хорошо развитой частью империи. Она возникла 28 октября 1918 г., когда был создан Национальный комитет во главе с К. Крамаржем. Этот комитет объявил себя временным правительством республики. 14 ноября 1918 г. Временное Национальное собрание Чехословакии провозгласило страну республикой во главе с президентом Т. Масариком и приняло законы о 8-часовом рабочем дне, о рабочем контроле, аграрной реформе. Были провозглашены все важнейшие буржуазные права и свободы, а во главе правительства остался Крамарж. Вначале власть избранных лиц распространялась лишь на Чехию, но в конце 1918 г. державы Антанты заставили венгров вывести войска из Словакии, после чего территория Чехословакии была в основном сформирована (чуть позже в состав страны было включено и Закарпатье). Столкновения с большевистской армией Венгрии летом 1919 г. привели на короткое время (вторая половина июня 1919 г.) к созданию советской республики в Словакии. На парламентских выборах в июне 1919 г. в Чехословакии победили социал-демократы, которые отнюдь не были сторонниками ни большевиков, ни советов, ни венгров. Они восстановили целостность страны после ликвидации советской республики в Венгрии.

Королевство сербов, хорватов и словенцев возникло 4 декабря 1918 г. в результате совещания в ноябре того же года представителей соответствующих народов в Женеве. В качестве правителя нового южнославянского государства был приглашен принц-регент Сербии Александр Карагеоргиевич. Партии вошедших в королевство (своеобразную федерацию) разных народов были представлены в правительстве, в котором, как и в стране в целом, бесспорно главенствовали сербы. В новое государство были включены территории, где проживали многие народы, причем не только славяне, но и албанцы,

венгры, македонцы. Однако сербы составляли в нем примерно половину населения. Королевство было экономически слабо развитым, финансы в нем были расстроены, трудовое законодательство не разрабатывалось, политические партии формировались преимущественно по национальному признаку, а народные волнения чаще всего проявлялись среди бедного и недовольного условиями жизни крестьянского населения. Аграрная реформа 1919 г. сделала немало полезного для улучшения положения крестьян и наделения их землей (помещикам оставляли лишь твердо фиксированную норму, остальное — при условии выплаты некоторой денежной компенсации — шло в фонд реформы). Частичный рост большевистских настроений в связи с активностью советской республики в Венгрии летом 1919 г. был недолгим, а влияние большевистски настроенных членов объединенной социал-демократической партии королевства постепенно уменьшалось. И хотя социалисты на выборах в Учредительное собрание в ноябре 1920 г. вышли на третье место по числу мандатов (58), серьезного практического значения это не имело. Конституция королевства, принятая Учредительным собранием 28 июня 1921 г., была достаточно ограниченной. Король обретал немало прав, включая назначение премьера, женщины не получили избирательных прав на выборах в скупщину (парламент). А в августе 1921 г. большевистская компартия была распущена, а ее 58 депутатов отданы под суд.

Польша — как, впрочем, Венгрия, Чехословакия и Королевство южных славян, государством до войны не была. Да и основная ее часть в состав Австро-Венгрии не входила, что побуждает говорить о ней особо. Страны Антанты еще в августе 1917 г. поддержали обосновавшийся в Париже Польский национальный комитет во главе с Р. Дмовским, признав его «официальной организацией». Этот комитет создал во Франции армию, которая, однако, сумела оказаться на родине лишь в 1919 г. Однако намного раньше, еще в 1917–1918 гг., когда русских на территории Польши давно уже не было, поляки ощутили свежий ветер национального освобождения. Немцы и австрийцы были вынуждены с этим считаться еще раньше. В конце 1916 г. они объявили о желательности создания независимой Польши. Затем в Галиции был создан польский легион во главе с Ю. Пилсудским. Но после событий в России в феврале-марте 1917 г. Пилсудский, националист и социалист по своим убеждениям в юности, не поладил с немцами и был заключен ими в июле 1917 г. в тюрьму, откуда только после ноябрьских событий 1918 г. в Германии был возвращен социал-демократическим правительством Эберта в Варшаву.

Ситуация складывалась достаточно благоприятно для возрождения Польши. В августе 1918 г. даже Совнарком РСФСР, преследуя, естественно, свои цели и рассчитывая на большевизацию поляков, осторожно высказался в том смысле, что большевики ликвидируют договоры царского правительства, связанные с разделами Польши, так как они «противоречат принципу самоопределения наций». Однако влияние Пилсудского перевесило попытки той части социал-демократов, на которых рассчитывали в Москве. В том же ноябре 1918 г. социалистическая партия (ППС) и созданный еще немцами Регентский совет передали именно ему всю власть в возрождавшейся Польше как главе государства. При этом руководители ПСС заявили о созыве Учредительного собрания и бдительно следили за тем, чтобы возникшие советы большевистского толка не обрели почвы для укрепления в Польше. 19 января 1919 г. было создано правительство во главе с И. Падеревским, а спустя несколько дней, 26 января, состоялись выборы в Учредительный сейм. Советы перестали существовать, а вопрос о признании Польши как независимого государства был решен 28 июня 1919 г. на Парижской мирной конференции в рамках первого — Версальского — мирного договора.

Как известно, после капитуляции Германии и денонсации РСФСР Брест-Литовского договора Польша и большевистская Россия оказались не столько соседями, сколько воинственными соперниками. Английский министр иностранных дел Керзон сообщил РСФСР в июне 1920 г., т.е. спустя год после подписания Версальского мирного договора, о предполагаемой восточной границе Польши (ее потом стали именовать «линией Керзона»). Последующие события хорошо известны: силовые попытки вернуть Польшу в состав большевистской России не увенчались успехом, а мирные переговоры привели к созданию несколько измененной — против «линии Керзона» — ее восточной границы. Параллельно с тем в марте 1921 г. сейм принял конституцию Польши. В стране была создана республика во главе с президентом. Был учрежден двухпалатный парламент с существованием партийно-правительственной системы и широким спектром прав и свобод буржуазного типа. С этого момента и вплоть до начала Второй мировой войны в сентябре 1939 г. Польша существовала как свободное и ни от кого не зависимое государство.

ТУРЦИЯ И БОЛГАРИЯ

Эти два государства Четверного союза оказались в составе австро-германской коалиции в определенной степени если и не по своей воле, то по воле случая. Особенно заметно это на примере Болгарии.

Оказавшись обиженной в ходе второй балканской войны, небольшая страна, возмечтавшая было резко увеличить свои размеры, оказалась жестоко обманутой в ее ожиданиях, что и привело Болгарию (с традиционными симпатиями болгар по отношению к России) в конечном счете к союзу с Германией. Членство в Четверном союзе не принесло удачи. Годы войны прошли без особого успеха, а увеличивавшаяся роль немцев в жизни страны вызывала все возрастающее раздражение. Оно проявлялось во многом и, в частности, — особенно на заключительном этапе войны, в 1917–1918 гг., в дезертирстве либо в сдаче в плен болгарских солдат. На протяжении ряда лет позиционная война на болгарской границе почти не велась. Но последнее из решительных наступлений Антанты на греко-болгарском фронте в Салониках привело в сентябре 1918 г. к прорыву фронта и к отступлению болгарской армии, напоминавшему бегство. По мере приближения к Софии у отступавших накапливалось раздражение, переросшее в восстание с требованием прекращения войны. В конце сентября болгарское правительство пошло на перемирие с противником, что означало капитуляцию этой страны. А эта капитуляция сыграла роковую роль в политике находившейся на грани острого кризиса Турции, ибо успех войск Антанты открывал путь к Стамбулу.

Формально воспринимавшаяся все еще в качестве Османской империи и потому пытавшаяся контролировать различные населенные в основном арабами анклавы вне самой Турции, эта страна давно уже не была сильной державой. Руководившие ею лидеры младотурок явно не справлялись с управлением. Помощь немцев, особенно в армейских делах, была ощутимой и в какой-то степени решающей. Однако к большим результатам она не вела, особенно во всем том, что не касалось непосредственно военных действий. Финансы страны находились в перманентном состоянии упадка, подчас близкого к развалу. Голод и болезни становились чуть ли не с самого начала войны, во всяком случае с весны 1916 г., повседневной нормой жизни. Попытка переключить явное недовольство народа в сторону национально-патриотических чувств привела в 1915 г. к массовому геноциду турецких армян, которые были обвинены в симпатиях к Антанте и особенно к России. Преследование беззащитного мирного армянского населения превратилось, как то хорошо известно, в страшную трагедию. Под лозунгом джихада были убиты многие сотни тысяч армян, еще не менее полумиллиона с трудом бежали из родных мест.

Что касается арабов, то их недовольство турками вылилось в стремление к отделению от империи. Этим естественным проти-

востоянием арабов (особенно в аравийском Неджде), которых пытались убедить в том, что они такие же османы, как и турки, умело воспользовались англичане, среди которых особенно прославился и много больше других реально сделал знаменитый полковник Т. Лоуренс. Под его руководством и с учетом сделанных им обещаний многие племена бедуинов Аравии во главе с правителем Мекки Хусейном восстали и достигли немалых результатов. В конце войны, начиная с 1917 г., влияние Лоуренса обеспечило и рост дезертирства в рядах турецкой армии, особенно в тех частях, что воевали в восточных арабских провинциях империи.

Неудачи в Аравии турки попытались компенсировать за счет натиска против русских на Кавказе. Однако концентрация войск на этом направлении, для чего пришлось ослабить фронт в Месопотамии, особых успехов не принесла. Зато в Месопотамии англичане, индийцы и ведомые Лоуренсом арабы привели осенью 1918 г. к прорыву фронта войсками Антанты. В целом же прогрессирующее разложение турецкой армии, ставшее очень заметным в 1917–1918 гг., когда количество дезертиров и воюющих солдат сравнялось, вело к тому, что правительство младотурок быстрыми темпами ослабевало, что стало причиной острого внутриполитического кризиса в агонизирующей империи. В октябре 1918 г. кабинет младотурок подал в отставку, после чего его преемники стали стремиться к перемирию, чего они вскоре, учитывая приближение войск Антанты к Стамбулу, и добились. В целом же ситуация вела к тому, что Турция вскоре должна была быть оккупирована, а былое величие Османской империи бесповоротно уйти в историю. Но получилось, как станет ясно из последующих событий, не совсем так.

АНГЛИЯ И ФРАНЦИЯ В ДНИ ВОЙНЫ И ПОСЛЕ НЕЕ

Хотя **Англия** территориально была вне зоны активных военных действий, с точки зрения политического и военного веса она, вне всяких сомнений, может считаться одним из главных, если даже не главным участником войны, тем более со стороны Антанты. Формально англо-французские войска чаще возглавляли французские военачальники, что вполне понятно, ибо война шла на территории Франции, а большинство армии составляли французские солдаты. Но, тем не менее, слово и позиция Британии в ходе войны весили очень много. Да и в поставках военной техники лидировала именно она, особенно в том, что касалось новейших видов вооружения, самолетов и танков. Законы военного времени, что вполне естественно, несколько ограни-

чили привычные для либеральной демократии нормы повседневного поведения граждан (определенный элемент цензуры, увеличение полномочий кабинета, разные реквизиции, регулирование снабжения продуктами, контроль над внешней торговлей и т. п.). Однако все это не очень сильно и не слишком негативно сказалось на нормальном ритме жизни. Более того, стоит заметить, что свойственный всем странам, начавшим войну, патриотический порыв проявлялся в сдержанной Англии не в форме истерических призывов либо уничижительных лозунгов, а в росте числа добровольцев (первые год-полтора армия англичан была почти исключительно добровольческой). Было легко достигнуто согласие правительства, предпринимателей и тред-юнионов не обострять внутриполитическую обстановку в стране производственными конфликтами. Все это, разумеется, не означало, что война не принесла с собой в привычную жизнь англичан немалых осложнений. Достаточно заметить, что за годы войны государственный долг (преимущественно США) возрос в 10–12 раз. Параллельно с этим резко упал традиционный и очень важный для Англии экспорт, а вместе с ним и жизненный уровень населения.

Первая серьезная неудача в войне — провал операции в Дарданеллах — привела в мае 1915 г. к перестановке в кабинете и к выходу на авансцену министра вооружений Д. Ллойд Джорджа, который умело и последовательно сосредоточивал в своих руках основную тяжесть работ по организации выпуска военной техники с необходимой для этого мобилизацией рабочих, включая многие миллионы женщин. Удачной следует считать и взаимосвязь метрополии с ее многочисленными колониями и особенно с фактически мало зависевшими от нее доминионами, которые сразу же поддержали Англию, причем не словом, но делом, включая и отправление сотен тысяч добровольцев на фронты боевых действий, чего в Германии не ожидали. Даже вечно фрондирующая Ирландия последовала этому: в 1916 г. на фронтах воевало свыше 250 тысяч ирландцев.

Конечно, неожиданное для многих затягивание войны, не говоря уже обо всем том, что случилось в 1917 г. в России, включая средства и усилия, потраченные на ввод в эту страну интервенционистских сил, сказалось на настроении и общей обстановке в стране. Сотни тысяч солдат ежегодно погибали в неудачных боевых операциях, особенно на западном фронте. Укрепление позиций кабинета после того, как его в декабре 1916 г. возглавил Ллойд Джордж, привело в 1917 г. к более жесткому контролю правительства во всех сферах, связанных со снабжением воюющей страны необходимыми ей ресурсами, включая продовольствие. В 1918 г., особенно после очередных

выборов, приведших к власти коалицию либералов и консерваторов во главе с Ллойд Джорджем, была введена даже система нормирования. Однако война к этому времени уже успешно заканчивалась. Британия была близка к победе, что не могло не действовать ободряюще на население и все общественное мнение.

Конец войны и сложности, связанные с ухудшением жизненного стандарта, способствовали, особенно под влиянием интервенции Англии в России, некоторому усилению рабочего движения и привели даже к появлению партии коммунистов, попытавшейся присоединиться к лейбористам (объединение не состоялось, ибо лейбористы его не захотели). Но к серьезным изменениям в политике либо в общей обстановке это не привело. Разве что был принят новый избирательный закон, предоставлявший право на участие в выборах женщинам. Была также улучшена система социального страхования. А вот отношения с Ирландией начали обостряться. Республиканская партия, требовавшая независимости, в январе 1919 г. сформировала в Дублине свое правительство, что вынудило англичан сначала послать против ирландцев войска, а затем, в 1921 г., договориться о предоставлении Ирландии статуса доминиона, оставив за собой при этом шесть графств протестантского Ольстера. На послевоенных выборах 1922 г. к власти в Британии с внушительным перевесом пришли консерваторы.

Что касается доминионов, то они с 1917 г. по инициативе Ллойд Джорджа обрели статус автономных государств с правом имперских преференций, т.е. наибольшего благоприятствования в торговле, что было важным моментом, который сплачивал все части империи вокруг метрополии. Канада, Австралия, Новая Зеландия и Южно-Африканский союз принимали активное участие в мировой войне, отчасти (это касается Канады) и в интервенции в России.

Франция с первых же дней войны оказалась втянутой во все связанные с ней события в гораздо большей степени, что не могло не сказаться на общем состоянии страны, то и дело с опасением ожидающей прорыва фронта с непредсказуемыми последствиями. Положение усугублялось тем, что линия фронта шла в основном по территории Франции и в значительной мере по тем землям, где добывались ценные природные ресурсы и давно уже работало множество предприятий тяжелой — да и не только тяжелой — промышленности. Как и в Англии, правительство страны ввело с началом войны необходимые ограничения в области контроля, распределения и управления, включая и цензуру. Поддержка правительства со стороны социалистов (в Англии этой проблемы не было) и профсою-

зов сняла, как то было и в Германии, опасения насчет внутреннего единства в стране. Во главе демонстрировавшей единство Франции стоял ее президент Р. Пуанкаре. Правда, по мере затягивания войны и особенно заметно с конца 1916 г. настроение в стране несколько менялось, а провал весеннего наступления 1917 г. на западном фронте привел чуть ли не к панике. Во всяком случае кабинет министров на некоторое время оказался в состоянии внутриполитической неустойчивости. В ноябре 1917 г., когда бурные внутриполитические дебаты в Париже достигли наивысшей точки, а из Петрограда пришло сообщение о захвате власти большевиками, во главе кабинета стал Ж. Клемансо, который делал своей основной целью главное — достижение победы. Укрепив армию и назначив главнокомандующим Фоша, новый премьер стал успешно выполнять свои обещания. Дело кончилось тем, что по мере ослабления натиска со стороны Четверного союза и приближения капитуляции входивших в него стран Клемансо превратился чуть ли не в героя Франции, которому были наспех приписаны едва ли не все достижения страны в ходе войны и ее успехи в момент победоносного окончания военных действий.

Понятно, что Франция, на территории которой шли основные боевые действия, пострадала от войны намного более серьезно, нежели Англия. Ее промышленность, сельское хозяйство, да и просто жилые дома подвергались безжалостному разрушению, что сыграло свою роль в росте антивоенных настроений. А в годы интервенции на юге большевистской России моряки с французских кораблей (экспедиционный корпус, по некоторым данным, достигал 40 тысяч человек) подчас проявляли недовольство в форме сближения с местными большевиками. Это привело к прекращению участия Франции в интервенции в апреле 1919 г. Параллельно с этим во Франции в том же апреле Клемансо провел через парламент закон о 8-часовом рабочем дне. На выборах в январе 1920 г. новым главой коалиционного кабинета стал Мильеран, избранный в сентябре того же года президентом Франции. Кабинет во главе с А. Брианом, а с 1922 г. с Р. Пуанкаре вел последовательную политику, направленную на сплочение заново возникших на развалинах Австро-Венгрии государств так называемой Малой Антанты (имеются в виду Чехословакия и Югославия, Румыния, затем и Польша). Малая Антанта выстраивалась как бастион против большевистской России. То укрепляясь, то ослабевая, этот блок просуществовал около полутора десятков лет. В самой Франции тем временем левые, в том числе и сочувствовавшие большевизму, набирали силу. В конце 1920 г. там была создана коммунистическая партия, роль которой в этой стране оказалась намного

большей, нежели в Англии. Но буржуазная экономика шла своим путем. Начиная с 1920 г. она набирала темпы и быстро развивалась, что способствовало заметному увеличению объема производства.

ИТАЛИЯ И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ СОЮЗНИКИ

Как о том шла речь, **Италия**, долгое время, еще с XIX в., бывшая членом Тройственного союза, перед началом войны и после ее возникновения не сразу решила, с кем ей по пути. Вначале она объявила нейтралитет, но затем понемногу, постоянно торгуясь, все же стала склоняться в сторону Антанты. Стоит заметить, что нейтралистские позиции активно отстаивали профсоюзы и социалистическая партия, а также Ватикан. Но основные политические силы страны, включая националистов и некоторых отколовшихся от соцпартии деятелей во главе с Б. Муссолини, выступали за энергичную революционную войну, связывая ее — как и величие Италии в будущем — со вступлением в войну на стороне Антанты. И позиции этих *интервентистов* с каждым месяцем становились все сильнее. Голосование в парламенте (407 против 74) 20 мая 1915 г. поставило точку в спорах. Правительство объявило о введении в стране военного положения и о необходимых в связи с этим мер, от мобилизации до цензуры. И хотя до 1916 г. серьезная война не начиналась, что было, к слову, очень выгодно для Германии, которая могла не заботиться об укреплении австро-итальянской границы, политика итальянцев не привела страну к успеху.

Последующий ход войны принес итальянцам гораздо больше поражений, нежели побед. События в России весной 1917 г. вызвали в стране немалый отклик и породили заметное движение против войны. А поражение итальянцев в битве при Капоретто в октябре 1917 г. фактически вывело итальянскую армию из числа серьезных соперников немецкой коалиции. И только победа Антанты в мировой войне и капитуляция всех ее противников позволили Италии не проиграть и даже кое-что приобрести, что стало восприниматься как завершающий этап великого Рисорджименто, приведшего в конечном счете к восстановлению статуса страны как заметной в рамках Европы державы.

Война обошлась Италии дорого. Правда, за эти годы она развилась в индустриальном отношении, а после войны обрела за счет Австрии кое-какие новые территории. Но это не спасло ее от серьезного внутриполитического кризиса, частично вызванного воздействием со стороны российского большевизма. В январе 1921 г. на волне подъема рабочего движения возникла коммунистическая партия. Но влияние ее по срав-

нению с социалистами немарксистского толка (ИСП) было небольшим. Зато террористические отряды фашистов Муссолини с их ставкой на создание партии *нового типа* преуспели в гораздо большей степени, чему способствовала дестабилизация буржуазного общества страны. Фашисты оказались более энергичными и напористыми. Обещая рабочим 8-часовый день и социальное страхование, а крестьянам землю, они стремительно обретали популярность и получали массовую поддержку. Поход этих отрядов на Рим привел к тому, что король Виктор Эммануил III в октябре 1922 г. назначил Муссолини премьером (на выборах 1924 г. фашисты собрали 4,5 млн голосов из 7,5).

К числу союзников Антанты следует отнести оказавшуюся на линии западного фронта **Бельгию**. Эта небольшая страна, по территории которой проходил западный фронт, сильно пострадала от военных действий. А после войны в ней стали происходить некоторые перемены. С одной стороны конец войны был отмечен 8-часовым рабочим днем и установлением определенного уровня заработной платы и пенсий, отменой ограничений забастовок и деятельности профсоюзов. С другой оживились движения экстремистского характера (национализм фламандцев с оттенком фашизма). Возникла и компартия.

Для **Румынии**, вступившей в войну, как и Италия, в начале 1916 г., когда она была в самом разгаре, а исход ее еще далеко не проглядывался, участие в мировой войне тоже обошлось достаточно дорого. Уже первые месяцы войны привели к оккупации большей части страны со столицей, Бухарестом. И хотя затем, при поддержке российских войск, ситуация несколько улучшилась, страна оказалась в состоянии глубокого кризиса. В конце 1917 и весной 1918 г. он был усугублен договорами с Германией и Австро-Венгрией, по условиям которых сохранялся оккупационный режим и к тому же отторгались от страны некоторые ее области. В конце войны, после капитуляции немцев, Румыния восстановила утраченное и аннексировала Бессарабию и северную часть Буковины. В декабре 1918 г. правительство приняло декрет об аграрной реформе и увеличило контингент тех, кто имел право участвовать в выборах. А в итоге послевоенных договоров территория Румынии еще значительно возросла, в том числе за счет Трансильвании. Как земельная реформа 1922 г., так и промышленное развитие в 20-х гг. способствовали укреплению и стабилизации экономики и внутриполитического положения этой страны.

Португалия, расположенная далеко в стороне от линии фронта, приняла участие в войне в форме отправки на западный фронт двух дивизий, которые потерпели сильный урон в битвах в апреле 1918 г. В послевоенные годы в стране происходила консолидация как пра-

вых, так и левых сил. Оживились экстремистские движения, что создавало политическую неустойчивость.

Япония прямого участия в боевых действиях в Европе не принимала, а ее развитая экономика лишь обогащалась за счет поставок. Но эта страна вела активные военные действия в районе Тихого океана, где она аннексировала германские владения в Океании, а также в Китае, где прибрала к рукам провинцию Шаньдун. Кроме того, именно японцы сыграли наибольшую роль в войне на российском Дальнем Востоке, хотя это так и не помогло Колчаку укрепить здесь свою власть. В связи с проблемой Дальнего Востока важно напомнить, что вначале Япония была в союзнических отношениях с царской Россией (договор от 3 июля 1916 г.). и обещала России свою помощь, особенно в форме поставок вооружения. Ситуация резко изменилась в 1917 г. и привела, как известно, к участию японцев в достаточно долго тянувшейся интервенции на Дальнем Востоке

Говоря о союзниках, нельзя обойти стороной и огромное количество протекторатов и колоний англичан и французов на всех континентах, о которых шла речь в первой части тома. Так либо иначе, некоторые в весьма значительной степени, особенно в том, что касается ресурсов, но все они принимали участие в войне. Говоря об этом, важно особо упомянуть о роли **Индии**, чье участие в мировой войне было внушительным хотя бы по количеству — речь о сотнях тысяч — солдат, ведших на азиатских фронтах боевые действия. Что касается **Китая**, который не был колонией (это была в то время так называемая зависимая страна), то он вступил в войну лишь в августе 1917 г. Основной целью вступления Поднебесной в столь далекую и чужую для нее войну было, насколько можно судить, стремление вернуть Шаньдун. Китай послал на европейский фронт около 130 тысяч человек для тыловых работ (проблема участия китайцев в боевых действиях в силу ряда немаловажных причин — хотя бы из-за языковых сложностей — была весьма не простой), но после войны мирного договора подписывать не стал, опять-таки из-за Шаньдуна, который союзники вначале предпочли оставить за Японией.

Говоря о союзниках стран Антанты, важно вспомнить и о тех из латиноамериканских республик, которые — пусть некоторые очень поздно и по существу лишь формально — объявили войну странам Четверного союза. О каждой из них особо нет смысла говорить, но все они вкупе являли все же внушительную силу, сыгравшую в общем деле свою, пусть и весьма небольшую, роль.

В заключение несколько слов о **Финляндии**. Эта страна ранее формально была частью России, хотя и имела особый статус и немало прав.

Насколько можно судить, мобилизация солдат из числа финнов для военных действий в годы мировой войны либо имела очень незначительные размеры либо не имела места вовсе. Временное правительство весной 1917 г. подтвердило особый статус Финляндии, назначив своего генерал-губернатора. 6 декабря 1917 г. финский сейм принял декларацию о независимости Финляндии. Россия, оказавшаяся под властью большевиков, в конце декабря того же года признала независимость этой страны. 16 января 1918 г. сенат Финляндии назначил К. Г. Маннергейма главнокомандующим вооруженных сил независимой Финляндии, а Германия оказала ей помощь вооружением. В том же январе южная часть страны оказалась охваченной восстанием части населения, оказавшейся под влиянием российских большевиков.

1 марта 1918 г. РСФСР подписала договор с «социалистической рабочей республикой» юга Финляндии. Но уже 5 марта высадившийся на Аландских островах германский десант начал борьбу с восставшими, а в начале мая 1918 г. войска Маннергейма и германский десант подавили восстание. 15 мая финский сейм разорвал отношения с Россией. После этого финны сделали было попытку установить монархию, для чего в октябре 1918 г. в качестве кандидата на трон был приглашен немецкий принц Фридрих Гессенский. Но капитуляция Германии и конец мировой войны спутали все планы, так что в декабре 1918 г. регентом страны был избран Маннергейм, а 17 июля 1918 г. Финляндия стала республикой и обрела конституцию. После этого, опираясь на союз с государствами Антанты, финны способствовали обретению независимости буржуазной Эстонией и принимали участие, пусть не слишком активное, в неудавшихся походах генерала Юденича на Петроград. Мирный договор 14 октября 1920 г. привел к установлению дипломатических отношений Финляндии с Россией.

НЕЙТРАЛЬНЫЕ СТРАНЫ

На долю государств, остававшихся в ходе мировой войны нейтральными, особенно в Европе, выпала нелегкая задача быть последовательными в своем нейтралитете. **Испании** это удалось сравнительно легко, как и давно уже добившимся нейтрального статуса **Швейцарии** или **Скандинавии**. Несколько более сложным оказалось положение **Нидерландов**, расположенных вплотную к Бельгии, силой выведенной Германией из состояния нейтралитета и оказавшейся на линии фронта. Однако и здесь провокация со стороны немецких войск не имела серьезного развития и не нарушила заранее заявленного принципа нейтралитета.

Больше всего нейтральных стран оказалось, как того и следовало ожидать, в Латинской Америке. Во-первых, потому, что в некоторые из них задолго до войны мигрировало немало переселенцев из Германии, а во-вторых, из-за того, что отдельным странам этого региона, прежде всего **Мексике**, было не до чужих дел — справиться бы со своими. Существенно обратить внимание на то, что подавляющее большинство стран латиноамериканского субконтинента оставались нейтралами до 1917–18 г., когда судьба войны была уже предрешена. Это не следует считать случайностью, как и то немаловажное обстоятельство, что они наживались на поставках своих продуктов в воюющие страны. К слову, стоит заметить, что, несмотря на некоторые неудобства и нажим со стороны воюющих коалиций, на долю нейтральных стран Европы, пусть не всех, тоже выпадали ощутимые выгоды (это касается Испании, Скандинавии и даже Нидерландов). Правда, европейские страны, сохранявшие нейтралитет, подчас расплачивались за свои связи с обоими альянсами некоторыми ощутимыми неприятностями, включая нападения на торговые суда. Пожалуй, в исключительном положении в этом смысле была лишь Швейцария, которая охотно и не без выгоды для себя кредитовала обе воюющие стороны, но при этом все же довольно заметно испытывала давление Германии.

Иногда высказывается мысль, что для скандинавских стран мировая война послужила своего рода стартовой точкой той политики социального мира и многочисленных реформ, которые в наши дни, спустя почти столетие, привели эту группу стран (включая, между прочим, и Финляндию, у которой была в то время совсем иная судьба) к видимому бесконфликтному процветанию. Быть может, отчасти это так. Но едва ли все сводится только к выгодам политики нейтралитета. Да и вообще в сегодняшнем мире *скандинавская модель* давно уже перестала быть — если вести речь о процветающем буржуазном Западе — чем-то исключительным. Ложное представление о некоей **близкой к марксистскому социализму социальной политике**, которая будто бы свойственна *скандинавской модели*, изначально несостоятельно. Не следует забывать о том, что **социализм по-марксистски принципиально отличен от буржуазно-демократической социальной политики тем, что он основан на насилии**. И всегда будет именно таковым или перестанет быть марксистским, а превратится во все ту же, такую же буржуазную либерально-демократическую социальную политику. Об этом не следует забывать всем тем, кто не понимает сути большевизма, восходящего — такое едва ли кто-нибудь всерьез станет отрицать — именно к экстремальному марксизму.

США КАК СОЮЗНИК АНТАНТЫ

О роли США как важнейшего союзника стран Антанты следует вести речь особо. И дело не только в том, что запоздалое вступление этой гигантской страны буржуазного Запада в войну заметно ускорило конец войны и в любом случае предрешило его. Гораздо более важным нужно считать то, с чем и как США вошли в Первую мировую войну и что они, в лице прежде всего президента этой страны В. Вильсона, предложили воюющим сторонам и практически всему миру. При этом существенно заметить, что именно США завоевали моральное право предлагать миру то, что сочли нужным. Имеются в виду знаменитые 14 пунктов американского президента. Но прежде чем обратиться к этим пунктам, следует сказать о тенденциях в развитии Америки в годы, предшествовавшие войне, и в начале войны.

В этих тенденциях было не так уж много нового. США стремительно двигались вперед, развивались и богатели. При этом в сфере внешней политики и внешних торговых связей влияние доктрины Монро, как о том шла речь, постоянно ощущалось. Американцы энергично проникали в страны Латинской Америки, но были крайне сдержанными во всем том, что касалось дел вне континента. В избирательной кампании 1912 г. победил профессор из Принстона и губернатор штата Нью-Джерси Вудро Вильсон, одним из нововведений которого было создание в небольшом кабинете министров поста министра труда, замещавшегося по соглашению с Американской федерацией труда, что весьма недвусмысленно свидетельствовало о желании демократов обеспечить прогресс в области социального мира в стране. Впрочем, это не означало продвижения в сфере расовых проблем, так как негры в стране по-прежнему подвергались дискриминации, а суд Линча в южных штатах оставался почти что нормой (с 1900 по 1910 г., по некоторым данным, линчевали до 1300 человек в год). Тем не менее, новое правительство заботилось о процветании страны. В 1914 г. была создана знаменитая играющая и поныне очень важную в стране роль Федеральная резервная система (Центральный банк), принимались все более жесткие антитрестовские законы, а также меры, направленные на улучшение условий труда.

После начала мировой войны президент, объявив о нейтралитете, уделял большое внимание событиям в Европе и явно сочувствовал Антанте. Военные кредиты Антанте способствовали стопроцентной загрузке конвейеров на заводах Форда и иных промышленных предприятиях страны, что сказывалось на ускорении темпов роста и способствовало ликвидации задолженности США европейским

странам. Выборы 1916 г. свидетельствовали об одобрении страной политики президента, а активность немецких субмарин близ американского побережья создавала предлог для открытого вмешательства США в мировую войну. И здесь следует отдать должное Вильсону: он не торопился, не стремился вступить в войну просто из желания помочь какой-либо из сторон. Его стратегия была намного шире и разумней. Великая страна, во главе которой он оказался, призвана была сказать новое слово в том, что касалось столь важной для человечества проблемы войны и мира. А события в России весной 1917 г., в результате которых с огромной силой вырвалась наружу неуправляемая стихия классического, выражаясь словами Пушкина, «русского бунта, бессмысленного и беспощадного», послужили вполне достаточным поводом для того, чтобы не просто вмешаться в европейские дела. Особенно учитывая тот факт, что эти дела обрели форму мировой войны. В создавшейся ситуации было вполне уместно попытаться ввести мировую политику в принципиально иное и более приемлемое для всех в эпоху расцвета буржуазных преобразований русло.

Это было русло, ставившее своей целью изменить кое-что в мире. Именно с этой целью Вильсон принял ряд давно уже назревавших важных решений. Еще 3 февраля 1917 г. США разорвали дипломатические отношения с Германией, а 6 апреля они официально вступили в войну на стороне Антанты. Признав Временное правительство России, предоставив ему кредиты и оказавшись весьма озабоченным ходом развития событий в нашей стране, американский президент в ноябре 1917 г. резко выступил против сепаратных переговоров большевиков с Германией. А 8 января 1918 г. он зачитал в конгрессе с послание, вошедшее в историю в качестве уже упомянутых 14 пунктов. Вот их содержание:

1) начало открытых мирных переговоров;

2) полная свобода торгового мореплавания в мирное и военное время;

3) устранение препятствий для международной торговли;

4) установление гарантий, обеспечивающих сокращение вооружений;

5) урегулирование колониальных проблем;

6) вывод войск Германии из России и предоставление ей возможности определить свое политическое развитие;

7) освобождение Бельгии;

8) освобождение немцами оккупированных ими территорий Франции, включая Эльзас и Лотарингию;

9) исправление границ Италии, имея в виду национальные признаки;

10) предоставление народам Австро-Венгрии права на автономное развитие;

11) вывод германских войск с территории Румынии, Сербии, Черногории и обеспечение Сербии доступа к морю;

12) предоставление возможности автономного развития для нетурецких частей Османской империи и открытие Дарданелл для судов всех стран;

13) создание независимой Польши с выходом к морю;

14) создание Лиги Наций.

Как легко заметить, это была широкомасштабная программа, которая предусматривала решение основных проблем, сыгравших роковую роль в возникновении мировой войны. Правда, эта программа не принимала во внимание главного, из-за чего война стала неизбежной, т.е. стремление Германии переделить колониальные владения в соответствии с изменившимся в ее пользу соотношением сил. Но с учетом тенденции в завершавшейся мировой войне это не должно выглядеть странным. В конце концов немцы войну проигрывали. Но в осторожной формулировке пятого пункта — не стоит ее игнорировать — содержалась потенциальная возможность даже для этого. Иными словами, 14 пунктов предусматривали практически все, что было необходимо для решающих перемен в новом буржуазном мире, начиная от элементарного восстановления справедливости как в самой Европе, так и в колониальных владениях, и кончая созданием наднациональной организации с неясными пока, но в перспективе вполне реальными возможностями и полномочиями. Даже шестой пункт — о большевистской России — был сформулирован таким образом, что декларация Вильсона после ее опубликования так понравилась большевикам, что они перепечатали ее текст в газетах и издали ее в нескольких миллионах экземпляров (правда, вскоре одумались и изменили мнение, обвинив США в стремлении к «мировому господству»).

Декларация Вильсона не сыграла сколько-нибудь заметной роли в тот момент, когда она была опубликована. Нет оснований и для вывода о том, что она как-либо изменила характер ведшейся войны. Больше того, вступление в войну США с их гигантским потенциалом, включая почти двухмиллионную армию военнослужащих, мало что нового внесло в ход боевых действий и едва ли ускорило их окончание, которое интенсивными темпами назревало и без того. Но значимость не столько даже вступления США в мировую войну в качестве союзника стран

Антанты, сколько именно декларации президента Вильсона не следует недооценивать. Ведь в конечном итоге именно этот важнейший текст был положен в основу послевоенной версальской (или версальско-вашингтонской, как ее подчас именуют) политической системы. И хотя эта система, как оказалось, не выдержала испытания временем, она не была вовсе негодной. Скорее напротив, проложила дорогу к урегулированию многих послевоенных проблем.

Глава двенадцатая. ПЕРЕГОВОРЫ В ВЕРСАЛЕ, МИРНЫЕ ДОГОВОРЫ И ПЕРЕДЕЛ МИРА

Конец мировой войны выпал на 11 ноября 1918 г., когда было заключено так называемое Компьенское перемирие. Суть его сводилась к нескольким основным позициям. Прежде всего, немцы капитулировали, передавая при этом Антанте все свое вооружение — пушки, пулеметы, самолеты, надводные военные корабли и субмарины. Не были забыты паровозы, вагоны и даже грузовики. Кроме того, Германия соглашалась на территориальный передел в Европе (для нее это практически означало возврат французам Эльзаса и Лотарингии, о чем было упомянуто в пунктах Вильсона) и в колониях, что практически сводилось к утрате ее позиций в Африке. Акт о перемирии также предусматривал немалые репарации и отказ от условий Бухарестского и Брест-Литовского мирных договоров с соответствующим уходом немецких войск с территории Румынии и России. При этом в том, что касается России, немцы должны были считаться с мнением Антанты, ибо обстановка в нашей стране оставалась не очень ясной и достаточно тревожной. Этот пункт в тексте перемирия наглядно свидетельствовал о крайней степени обеспокоенности союзников тем, что происходило в большевистской России.

Президент Вильсон, который не принимал участия в составлении условий Компьенского перемирия, мог быть доволен. Однако возможность добиться установления нового мирового порядка и вообще мира «без победителей» (подспудно это лежало в основе его политики) оставалась проблематичной. Требовалась большая работа по подготовке текстов мирного договора. Эта работа началась 18 января 1919 г. в Версале, где ровно 48 лет назад было после франко-прусской войны провозглашено создание Германской империи. При этом стоит заметить, что едва ли не наибольшее хладнокровие сохранял среди всех участников переговоров именно американский президент, очень хорошо сознававший всю сложность практической реализации его далеко идущих политических предложений. Справедливости ради

существенно подчеркнуть, что Вильсон едва ли не самым главным считал восстановление и строгое соблюдение меры при предстоящем территориальном переделе мира, особенно в Европе. Именно и только это могло, во всяком случае, в его представлении, обеспечить мир если не навсегда, то на довольно длительное время.

Следует сразу же заметить, что в неисчислимой массе томов, посвященных мировой войне и Версальскому миру, а также объективному противостоянию вильсоновской программы справедливого буржуазного обеспечения мира на планете и большевистской установки на мировую революцию, чуть ли не на передний план вышла проблема решительных перемен в восприятии истории. Это в немалой мере естественно и закономерно. Мир на рубеже XIX–XX столетий и особенно после мировой войны действительно качественно и в очень большой степени, во многих отношениях изменился. Он быстрыми темпами становился не столько даже буржуазным, сколько в значительной мере просто совершенно иным. Технически оснащенным, индустриально развивающимся, в научно-образовательном, санитарно-медицинском и во многих других отношениях поднявшимся на неизмеримо более высокий уровень (а это заслуга именно буржуазии и поддерживаемой, стимулируемой ею науки и техники). Главное же, что вначале казалось несомненным, в нем обрел господство ведущий принцип либеральной демократии.

В этом новом мире, как тогда казалось, в абсолютном большинстве развитых стран упрочилась антично-буржуазная структура с ее правами и свободами простого человека, гражданина, чей голос влияет на состав администрации и образ правления сменяемых и ответственных перед народом представителей власти. Разве что в отсталой части этого мира, своеобразным лидером которой практически всегда была самодержавная Россия, в качестве во многом закономерной реакции на это зрело все более сильно бурлящее (по мере развития споров вокруг буржуазно-либеральных тенденций) противодействие со стороны всегда стремившегося к консервативной стабильности и численно очень быстро растущего населения Востока. Востока как авторитарной исторической традиции, исстари противостоявшей антично-буржуазному Западу. Вильсон едва ли все это понимал, хотя в его окружении были люди (прежде всего хорошо известный своими воспоминаниями, да и не только ими, полковник Э. Хауз), сознававшие сложность ситуации и переломный характер эпохи. Но американский президент интуитивно чувствовал характер и значимость кардинальных перемен, происходивших на буржуазном Западе, лучше и более всего проявлявшихся в США, и потому

старался сделать все для использования любых возможностей ради того, чтобы умиротворить всех, кто принадлежал к западному миру.

В этой связи стоит обратить внимание на то, что именно Вильсон упорно противостоял тому, чтобы поставить побежденную Германию на колени, к чему пытались вести дело Ллойд Джордж и Клемансо. Правда, трудно сказать определенно, учитывая реалии Второй мировой войны, кто был ближе к разумной истине. На первый взгляд может показаться, что ближе к ней были именно Англия и Франция, стремившиеся пожестче наказать немцев. Однако, если принять во внимание политику Сталина, активно поддерживавшего Гитлера перед новой мировой войной и немало сделавшего для того, чтобы эта война началась и чтобы возрожденная Германия вновь на долгие годы оказалась в ней сильнейшей, трудно однозначно решить дилемму в пользу тех, кто возражал американскому президенту. Но, как бы то ни было, 14 пунктов Вильсона делали свое дело. Ведь не следует забывать, что в основе их лежала вполне искренняя забота о приоритете прав человека, что для Америки времен Вильсона (опять-таки не забывая о неравноправии негров во многих штатах) было уже почти что нормой. Иными словами, американский президент сумел настоять на том, чтобы основные параметры мирного договора определялись не привычными для Европы еще совсем недавно стремлениями отомстить и унизить противника, но вписывались в принцип справедливости, основанной на равноправии и демократических идеалах.

О МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Одной из важнейших частей программы американского президента, явственно лидировавшего в ходе мирных переговоров, столь тесно связанных с планируемым им переустройством всего миропорядка, была проблема Лиги Наций и нескольких близких к ней международных организаций. Надо сразу же сказать, что это была великая идея, хотя она в реальности не получила должного воплощения и со временем, не без активного участия России (хотя и не только ее), пришла в состояние полного упадка. Устав и принципы существования Лиги Наций были, в полном соответствии с планировавшейся значимостью этого института, в центре внимания участников переговоров. Соответствующие документы были согласованы лишь к весне и утверждены 28 апреля 1919 г.

Одновременно с ними были разработаны формы существования, равно как и пределы полномочий еще ряда международных организаций, призванных содействовать функционированию Лиги

Наций и осуществлять некоторое координирование и регулирование деятельности аналогичных учреждений в разных, преимущественно развитых странах. Речь о Международном суде, Международной организации труда, даже о Международной организации интеллектуального сотрудничества. Стоит специально заметить, что ни одна из этих организаций — за исключением Международной организации труда — реально так и не превратилась после заключения всех мирных договоров в нечто серьезное и тем более долго существующее. Но сам факт разговоров на эту тему и принятия соответствующих решений заслуживает внимания. В связи с этим можно упомянуть и о размышлениях участников переговоров (а в число участников Парижской мирной конференции, продолжавшейся с перерывами с января 1919 по январь 1920 г., входили представители всех стран из числа союзников Антанты, вступивших в войну). Кроме того, в обсуждении важнейших международных проблем вроде документов, имевших отношение к Лиге Наций, принимали участие и представители нейтральных стран. Всего число участников переговоров доходило до 4–4,5 десятков руководителей разных стран, что превращало обсуждение — правда, далеко не всегда — в своего рода международный форум. Такого рода многостороннее обсуждение требовалось и тогда, когда заходила речь и о некоторых других важных общезначимых проблемах, будь то становившаяся все более распространенной торговля наркотиками или угроза эпидемий. Во всех подобного рода случаях естественно вставал вопрос об организациях, призванных централизованно заботиться о поднятых международным сообществом проблемах.

Особо скажем о Лиге Наций. Устав этой организации предусматривал существование **Ассамблеи**, т.е. совещаний всех членов Лиги, **Совета**, т.е. узкой группы представителей некоторых стран, постоянных и непостоянных членов Совета, с правом принятия определенных текущих решений, а также секретариата. Все решения Ассамблеи и Совета должны были приниматься единогласно. Местопребывание Лиги — Женева. Там же располагались и все прочие международные организации. Созданная после подписания мирных договоров Лига наций действовала достаточно энергично. Она заботилась о том, чтобы распространение большевизма за пределы России не привело к дестабилизации в других странах, обращала серьезное внимание на помощь беженцам и военнопленным. Она оказывала помощь голодающим Поволжья в России, в организации которой принял особо значимое участие норвежский полярный исследователь Фритьоф Нансен (лауреат Нобелевской премии

мира за 1922 г.). Лига Наций распоряжалась подмандатными территориями, что было связано с переделом колониальных владений, в основном из числа принадлежавших Османской империи. Она активно включалась в различного рода конфликтные ситуации, обсуждала проблемы разоружения. В 1926 г. членом Лиги стала Германия (в 1933 г., как и Япония, она вышла из Лиги), в 1934 г. — СССР, который был исключен из Лиги в 1939 г. Вообще вторая половина 30-х гг. была временем упадка роли Лиги Наций. С ней переставали считаться усиливавшиеся и готовившиеся к новой войне государства. Но, тем не менее, свою важную роль в период между мировыми войнами она все же сыграла.

Вообще, если попытаться обобщить рассуждения на подобного рода тему и учесть ее глобальный характер, можно прийти к выводу, что глобализация как общезначимый всемирный и вполне естественный процесс была, пусть пунктирно и очень схематически, обозначена именно во время мирных переговоров в Версале. Это был очень важный шаг к созданию в будущем наднациональной структуры, прообраз тех всемирных надгосударственных образований, которые начали реально существовать лишь несколькими десятилетиями позже, уже после Второй мировой войны. И что бы по этому поводу ни говорили, особенно в отечественной историографии, не очень-то жаловавшей американского президента, он далеко не случайно был удостоен в 1920 г. престижной Нобелевской премии мира (премия за 1919 г.). Даже принимая во внимание, что в самих США конгресс отказался ратифицировать Версальский договор именно из-за противоречившей доктрине Монро интернационалистской политики президента, что Вильсон глубоко переживал и из-за чего в конечном счете получил инсульт, прервавший его политическую карьеру, он вполне справедливо считается истинным творцом мирного договора. Теперь пора сказать несколько слов о самом договоре, точнее, обо всех тех договорах, которые вкупе и составили послевоенную версальско-вашингтонскую систему политической карты земного шара, включая пока что еще и принадлежавшие великим державам из числа стран-победительниц их колонии.

МИРНЫЕ ДОГОВОРЫ

Несмотря на то что договор с Германией готовился по большей части в Версале, где и шли наиболее важные переговоры, в целом вся серия договоров считается результатом тех обсуждений, которые вели в расширенном составе участники Парижской мирной конференции.

Однако первый — Версальский — мирный договор с Германией, подписанный 28 июня 1918 г., считается основным. Его комплект, включая документы, имевшие отношение к Лиге Наций (взамен этого договора США в 1921 г. подписали и ратифицировали свой вариант, без документов о Лиге наций), и было, собственно, фундаментом всей версальско-вашингтонской системы, хотя не исчерпывал ее, а являлся лишь главным ее итогом. Этот важнейший свод документов (440 статей) детально описывал граничную линию новой Германии, согласно которой Эльзас и Лотарингия возвращались Франции, как и ряд округов Бельгии. Германия была обязана признать Польшу в определенных договором границах независимым государством. Данциг и литовский Мемель были преобразованы в вольные города под управлением Лиги Наций (Мемель с 1923 г. стал частью Литвы).

Договор фиксировал условия, сводившиеся в основном к плебисциту, для определения принадлежности спорных владений, — таких, как Шлезвиг, польская Силезия и часть Восточной Пруссии, лишал Германию всех ее колоний и зависимых от нее территорий, включая и Шаньдун. Все заморские владения, в том числе острова и архипелаги Океании, переходили под власть (часто в форме подмандатных территорий) Англии с ее доминионами, Франции, Португалии, Бельгии и Японии. Договор запрещал Германии иметь подводные лодки и военные самолеты, ограничивал 100 тысячами ее армию, определял размер репараций и аннулировал все ее соглашения с союзниками. При всем том, несмотря на некоторую кажущуюся суровость, на деле — если учитывать масштабы войны — условия мирного договора были крайне умеренными. Это и неудивительно, если принять во внимание, как старательно президент Вильсон выступал против намерений Клемансо и Ллойд Джорджа много более жестоко покарать немцев.

Все остальные договоры с партнерами Германии по Четверному союзу составлялись по тому же стандарту, но заключались в разное время и в различных местах. Сен-Жерменский договор с Австрией от 10 сентября 1919 г. фиксировал распад империи Габсбургов, запрещал Австрии объединение с Германией и сокращал армию нового государства до 30 тысяч человек. При этом часть Тироля переходила к Италии, Буковина включалась в состав Румынии, а Чехословакия становилась самостоятельным государством. Договор с Болгарией, подписанный в Нейи 27 ноября 1919 г., лишил эту небольшую страну части ее пограничных территорий, отошедших к Румынии, к Королевству сербов, хорватов и словенцев и к Греции. При этом число военнослужащих болгарской армии не должно было превышать 20 тысяч. Трианонский мирный договор от 4 июня 1920 г. передал часть венгерской территории

королевству южных славян, Трансильванию и часть Баната Румынии, но зато признал за Венгрией право быть самостоятельным государством и иметь армию в 35 тысяч человек. Последним в этом ряду стал Севрский мирный договор с Турцией, подписанный султаном 10 августа 1920 г. Этот договор предусматривал отделение от Османской империи Сирии и Ливана в качестве подмандатных территорий Франции, а также Ирака и Палестины как подмандатных территорий Англии. Греция получила немалую часть балканской территории империи. Однако реализация именно этого — последнего в серии мирных договоров с побежденными странами — вызвала некоторые непредусмотренные сложности.

Дело в том, что, пока тянулись переговоры, в разваливавшейся Османской империи происходили серьезные внутриполитические события. Потерявшие власть младотурки уже осенью 1918 г., после капитуляции империи, были заменены их соперниками иттиляфистами (либеральная партия, созданная еще в 1911 г. и вынужденная уступить власть младотуркам после неудач в первой балканской войне 1912 г.). Но уже в начале 1919 г. оказалось, что эта партия контролирует лишь небольшой район близ Анкары, тогда как вся остальная территория Турции (об арабской периферии речи нет) была оккупирована войсками Антанты, а турецкая армия по условиям капитуляции была демобилизована. Это, однако, не смутило иттиляфистов, которые развили бурную деятельность по созданию партизанских отрядов и различного рода обществ в защиту прав местного населения. И пока в далеком Версале и в Париже долгими месяцами шли заседания, эти энергичные общества созвали один за другим, в июле и в сентябре 1919 г., два конгресса, которые активно поддержали создание национального представительного комитета во главе с генералом Кемаль-пашой. Комитет призвал бездействовавшего султана создать новый кабинет министров и начать сопротивление оккупантам. В октябре такой кабинет был создан, а в январе 1920 г. был созван и заново избранный парламент, принявший «Национальный обет», т.е. декларацию независимости Турции. В ответ на это державы в марте 1920 г. оккупировали Стамбул и разогнали парламент, а новый кабинет выступил против мятежного Кемаль-паши.

Это вызвало во всей стране бурный взрыв негодования, на волне которого в апреле 1920 г. в Анкаре был избран новый парламент, Великое национальное собрание Турции, в который были включены и бежавшие из Стамбула 105 депутатов прежнего парламента. Председателем органа законодательной власти стал Кемаль, а созданное им правительство приняло действенные меры по упрочению своей власти. Это вско-

ре привело страну к вполне реальным результатам, одним из которых было изгнание из Турции корпуса греческих оккупационных войск. Именно в этот момент, в августе все того же богатого событиями 1920 г., султан и подписал Севрский договор, который тотчас же был оспорен Кемалем. На специально созванной для решения этой проблемы Лондонской конференции 1921 г. условия договора были весьма серьезно пересмотрены, а вскоре, на Лозаннской конференции 1922–1923 гг., был заново поставлен вопрос о мирном договоре с Турцией и о судьбе черноморских проливов. На конференции в швейцарской Лозанне было принято решение о свободе судоходства через проливы, а условия Севрского договора оказались вновь пересмотрены, так что обязательства кемалистской Турции перед победителями выразились лишь в принятии турками на себя части оттоманского долга. Что же касается границ нового государства, то они оказались установленными в соответствии с реалиями серии послевоенных договоров в Европе. Это означало, что к северу от Стамбула, в районе Балкан, турки сохранили за собой небольшую часть территории Фракии, а на востоке, где требовалось разграничение с Ираком, проблема границы (речь шла о Мосуле) должна была решаться в соответствии с особыми договоренностями. Стоит добавить к сказанному, что в ходе Лозаннской конференции, 1 ноября 1922 г., в Турции был ликвидирован султанат, а осенью 1923 г. это государство стало республикой.

ИТОГИ ПЕРЕДЕЛА МИРА И ПОСЛЕВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ

Как упоминалось, американский сенат не ратифицировал соглашения, которые были достигнуты в Версале. Правительство США заключило с Германией отдельный мирный договор в августе 1921 г. Но основной причиной была не Германия. Главными были дальневосточно-тихоокеанские проблемы, которые, по мнению сменившего Вильсона президента У. Гардинга, не были решены достаточно благоприятно для США. Будучи главным кредитором стран Антанты, США имели моральное право созвать еще одну конференцию с участием Англии, Франции, Италии, Японии, Китая, Бельгии, Португалии и Нидерландов для того, чтобы определить некоторые собственные интересы во всем том, что касалось военного флота и роли Японии на Дальнем Востоке. Конференция согласилась с тем, что притязания Японии на территориальную экспансию в Китае должны быть пресечены и что провинцию Шаньдун следует вернуть Китаю. Был также согласован вопрос о соотношении тоннажа и во-

доизмещения крупных военных кораблей, прежде всего линкоров и авианосцев, ведущих держав. Считается, что итоги конференции следует как бы приплюсовывать к мирным договорам, отчего иногда ведется речь о версальско-вашингтонской системе мирного урегулирования после Первой мировой войны.

Что же касается общих конечных итогов мирного урегулирования, то, как легко заметить, территориальный передел мира очень существенно изменил его политическую карту. В результате послевоенной перекройки территорий рухнули империи Гогенцоллернов, Габсбургов и Османов. При этом первая и главная из них, германская, потеряла менее всего. Конечно, она лишилась очень богатых западных провинций, отвоеванных в 1871 г. у Франции, и части восточной Пруссии, отошедшей к заново воссозданной Польше. Но, хотя при этом на нее были возложены и огромные финансовые выплаты, для большой высокоразвитой индустриальной державы, лидера XX столетия, во всяком случае в Европе, это было не слишком значимым. Разумеется, запрет на воссоздание вооруженных сил на первых порах оказался серьезным, не говоря уже о его унизительности. Но ход истории в последующие годы показал, что обойти этот запрет — особенно с таким союзником, как Сталин (имеется в виду прежде всего его разрешение использовать ряд русских областей, в первую очередь Липецк, в качестве места для испытаний военно-воздушного флота Германии), — было не столь уж и сложно. Словом, Германия, лишившись сравнительно не слишком многих территорий в Европе и ничтожных по их размерам и значимости колониальных владений вне ее, вышла из войны с гораздо меньшими потерями, нежели можно было ожидать.

Много более тяжелыми были потери двух ее основных союзников. Австро-Венгрия, и без того давно уже дышавшая на ладан, рухнула без особых усилий со стороны Антанты. Серия мирных договоров лишь подтвердила де-юре то, что давно уже становилось фактом, т.е. крушение империи Габсбургов и отделение от новой Австрии не только Венгрии и Чехословакии, но и более мелких национальных окраин, которые вошли в состав обновленных либо заново возникших государств — Югославии, Румынии, Польши. На этом общем фоне утраты части Тироля в пользу Италии можно считать мелочью, не стоящей особого внимания. Такая же судьба, но воспринятая страной с гораздо большим неудовольствием, постигла и Османскую империю, на смену которой пришла республиканская Турция, именно с этого момента и в основном усилиями Кемаля начавшая быстрыми темпами европеизироваться.

Параллельно с рухнувшими империями Четверного союза мировая война стала причиной если и не гибели, то радикальных внутрен-

них перемен еще в одной из европейских империй (а всего-то их было шесть), в России. Правда, эта империя, как и германская, лишилась разве что короны на голове ее правителя. Все остальное, включая самодержавную по типу власть, переставшую в беззастенчивую диктатуру, рядом с которой бледнели тени всех прежних правителей этой страны, не только осталось, но и обрело несравненно большую силу. И небольшие территориальные потери на этом фоне (Финляндия, Прибалтика и часть Польши) остались практически незаметными, если учесть то, что было отвоевано большевиками. Нельзя сказать, чтобы России это легко далось. Она буквально истекала кровью. Подсчеты свидетельствуют, что в ходе одной только мировой войны (не очень ясно, считая гражданскую и красный террор) страна лишилась свыше 18 млн человек, что составляет почти третью часть потерь всех стран, вовлеченных в войну и исчисляемых примерно в 60 млн[1].

Важно обратить внимание на то, что перекройка карты мира привела к появлению на ней ряда так называемых подмандатных территорий (имелся ввиду мандат от имени пока еще не существовавшей Лиги Наций). И если в арабских странах передача власти не вызвала особых волнений, ибо трения с турками давно уже поставили на повестку дня отказ от господства Османской империи, как практически не заметили ликвидацию колониального господства немцев жители принадлежавших Германии анклавов в Африке и островов Океании, то иначе обстояло дело с Китаем. Одна из немногих сохранившихся в мире крупных держав сначала негодовала по поводу того, что часть ее территории, Шаньдун, перешла в наследство от Германии к Японии. Китай, как известно, из-за этого не подписал мирного договора в Париже. Но конференция в Вашингтоне, как только что было упомянуто, вернула спорную провинцию Китаю. Вообще же, подводя итоги, стоит заметить, что война сильно изменила мир. Впрочем, об этом следует сказать особо.

Победа Антанты и ее союзников в мировой войне была воспринята в подавляющем большинстве стран, включая и империи, потерпевшие поражение, как некий едва ли не всеобщий успех во всем том, что касается заметного переустройства мира после окончания войны. Создается впечатление, что мир в начале 20-х гг. XX в. был настроен достаточно спокойно и во всяком случае не предвидел серьезных осложнений в сколько-нибудь близком будущем. Давайте поставим себя на место тех, кто жил чуть менее века назад и воспринимал события более непосредственно, нежели они представляются нам сегодня.

[1] См.: Мировые войны XX века. Книга 1. Первая мировая война. М., 2002. С. 631.

Прежде всего, едва ли не все в Европе воспринимали конец мировой войны как явную и безусловную победу не столько даже одной военной коалиции над другой, сколько здравого смысла и, главное, передовых буржуазных методов эволюции. Они считались после победы безусловно довлеющими над любыми попытками силой помешать наметившемуся еще с полстолетия до того, если не больше, успешному пути в будущее. Конечно, лучше всего это виделось со стороны, из США, где президент принимал достаточно близко к сердцу все то, что происходило в Европе и в связанном с ней мире колоний и зависимых стран, и приложил колоссальные усилия для того, чтобы ничего подобного более не повторилось. Но дело ведь отнюдь не только во впечатлениях и даже полезных инициативах со стороны, хотя они и сыграли свою позитивную роль. Обратим внимание на то, что рассыпались две агрессивные западные империи, фактически развязавшие войну. Исчезла и менее значимая, но все еще серьезная Османская империя. Резко изменилась Российская империя, хотя значимость этой перемены мало еще кто-либо осознавал. А что касается оставшихся (из сколько-нибудь значимых их было лишь две, Великобритания и Франция), то в них шел очень заметный процесс модернизации и вестернизации колониальных владений.

В итоге по крайней мере в Европе практически во всех странах, ведших войну (кроме России, Италии и разве что Венгрии с их склонными к авторитаризму режимами), у власти оказались либералы и социал-демократы, которые, несмотря на послевоенные сложности, энергично принялись за реформы. Среди них преобладали меры, направленные на социальную защиту тружеников. Имеются в виду 8-часовый рабочий день, социальные гарантии, условия для увеличения рядов электората, расширение демократических прав и свобод. Тем самым вроде бы создавалась надежная база для последующего укрепления тех достижений буржуазной эволюции (включая средства ведения войны), которые столь стремительно демонстрировали свои возможности в предвоенные и военные десятилетия. Казалось бы — и это становилось все более очевидным по мере подписания мирных договоров, — что мировая война была если и не досадной случайностью, то во всяком случае чем-то таким, чего можно было бы при желании избежать и внимание к чему будет в будущем удесятеряно. Для этого всем нужно быть разве что только чуточку мудрее и организовать существование мира таким образом, чтобы всего подобного можно было легко избежать. Но так ли это?

МИРОВАЯ ВОЙНА КАК ЗНАМЕНИЕ ИСТОРИИ

Между тем на самом деле все обстояло намного серьезнее. Сегодня любому понятно, что мировая война — детище нового, XX столетия. Она смогла стать реальностью по ряду важных причин. И первая среди них вовсе не в том, что какой-то (или каким-то) из быстро развивавшихся великих держав захотелось расширить свои владения за чужой счет и тем разрушить устоявшийся порядок вещей, восстановить историческую справедливость. Это имело место, но выглядело в качестве единственной важной причины мировой войны лишь на первый и несколько поверхностный взгляд. На деле же, как то явствует прежде всего из того, что последовало за войной (а в России и задолго до ее окончания), — это принципиально новое состояние дел на планете. Мир к концу XIX в. кардинально изменился. И большинство перемен были благотворными для населявших его людей, что способствовало резкому демографическому росту и изменению образа жизни в подавляющем большинстве стран. Это относится как к западным с антично-буржуазной структурой и либеральной демократией, открывшим путь к быстрым темпам потрясающей по результатам эволюции во всех сферах жизни, так и ко всем остальным странам, где тот же процесс шел намного медленнее и потому результаты были гораздо скромнее, чтобы не сказать резче.

Но при всем заметном улучшении уровня жизни людей в подавляющем большинстве стран мира, за исключением разве что наиболее отсталых его регионов, планета в целом на рубеже XIX–XX вв. оказалась в состоянии если и не кризиса, то заметного брожения и явной неуверенности. Люди во многих странах мира, на которых обрушились непривычные новации буржуазных преобразований, не успевали приспосабливаться и очень остро реагировали на перемены в образе жизни, сопротивляясь нежелательным из их числа, что всегда было характерно для древних и даже вовсе примитивных традиций с их привычной тягой к столь высоко ценимой консервативной стабильности. Если расшифровать эту ситуацию применительно к началу XX столетия с его острым — по крайней мере в Европе — ощущением надвигающейся глобальной войны за передел мира, то окажется, что все сколько-нибудь серьезные противоречия на планете со вспыхивающими то и дело здесь и там местными войнами либо колониальными столкновениями воспринимались во всем мире (скажем осторожнее: во всем развитом и просвещенном мире с его телеграфом и газетами) как элементы чего-то единого, цельного и грозного, сливающегося во всей своей совокупной мощи в нечто гигантское и ужасающее.

Люди, в немалой своей части, особенно в Европе, переставшие уже воспринимать события вдали от дома как что-то страшно далекое (вроде козней «султана Махмута турецкого» либо «султана Махмута персидского»), не могли не ощущать некоторой обеспокоенности событиями, которые происходили очень далеко от их дома. Впервые мир — прежде всего сами европейцы — заметил это в недолгие годы англо-бурской войны. Позже сыграла почти аналогичную роль русско-японская война, всколыхнувшая европейскую Россию и отдаленно отдавшаяся во всей Европе. Мир начал все более ощутимо съеживаться. И это, казалось бы, чисто субъективное ощущение понемногу становилось вполне объективной реальностью. Уходили в прошлое времена, когда путешествие вокруг света за 80 дней, описанное фантастом, считалось чем-то из ряда вон выходящим. Сроки такого рода вояжа на глазах сокращались, особенно после освоения самолетостроения и первых успехов авиаторов. Мир съеживался буквально на глазах. И это очень важное в истории человечества явление не могло не оказывать на всех своего воздействия. Разумеется, разные страны и регионы по-прежнему неодинаково ощущали и воспринимали столь странный парадокс пространства. Но эти различия, которые обязательно следует принимать во внимание, не меняли того факта, что объективно в мире создавалась принципиально новая ситуация.

Ситуация, о которой идет речь, не сводилась только к некоему субъективно-психологическому восприятию планеты как в чем-то географически и территориально изменившейся вроде бы константы. За этим восприятием стояло нечто большее, имевшее самое непосредственное отношение к мировой политике. Буржуазная либеральная демократия и тесно связанная с ней, по сути единосущная ей социал-демократия приносили свои ощутимые благотворные плоды прежде всего высокоразвитому меньшинству западных стран, тогда как остальные — включая по меньшей мере частично и тех, цивилизационно связанных с западным стандартом, которые немного, но все же заметно отставали в развитии либо еще не отвыкли от иных традиций, — еще не вкусили в полной мере от ее благ. Создавалась определенная диспропорция, особенно остро ощущавшаяся в ряде стран, претендовавших на мировое величие, хотя и не только в них (обратим, в частности, внимание на Японию). Сам по себе этот факт, который, к слову, в случае с Германией и Австро-Венгрией вообще был едва заметен, причиной для острого недовольства служить не мог. Но в сочетании с другими факторами, в частности, с великодержавными амбициями (а их немало было и во много более отста-

лой России), он резко возрастал по силе и значимости. И это не могло не сыграть своей серьезной роли как раз тогда, когда проблема амбиций выходила едва ли не на передний план.

Вернемся к преддверию мировой войны. Ну, казалось бы, чего не хватало тем странам, которые внесли наиболее важный вклад в ее начало? Иногда это необъяснимое вроде бы рациональными причинами поведение специалисты склонны объяснять неким цивилизационным, даже тотальным кризисом. Нет слов, так удобно называть то, что не поддается либо очень плохо поддается пониманию с позиций элементарного *ratio*. Но что стояло за внерациональным кризисом? Стремление к переделу колониальных владений в связи с изменившимся соотношением сил было очень серьезным импульсом разве что только в Германии, которая очень быстро становилась сильнейшей в Европе, а соответствующими этой силе колониальными владениями обзавестись не успела. Но что двигало их потенциальными соперниками? Англия долго сомневалась, стоит ли ей ввязываться во все обострявшиеся на континенте противоречия. Но в конечном счете ей пришлось осознать, что ход событий вынуждает ее именно к этому. Так родилась Антанта. Франция безусловно жаждала возмездия и не забывала о 1871 г., о позоре франко-прусской войны. Но когда война подошла к ее границе, она тоже не очень-то стремилась ускорить ее начало. Более того, ждала, пока ей объявит войну наступающая на нее Германия. Император России войны не хотел и боялся, особенно после поражения в русско-японской войне. Не хотел — но с легкостью дал вовлечь свою совершенно не готовую к этому страну в мировую войну. Почему? Из-за обиды, нанесенной Сербии.

Все только что сказанное дает основание для осторожного вывода о том, что страны Антанты, готовившиеся к войне и ожидавшие ее, начать ее не стремились. Они, насколько можно понять, и инцидент в Сербии с убийством австрийского эрцгерцога далеко не сразу восприняли в качестве важного повода для начала военных действий. Да и вообще обстановка в эти дни складывалась таким образом, что об упомянутом инциденте легко можно было бы и забыть, принеся соответствующие извинения. И кому следовало об этом позаботиться в первую очередь? России. Особенно приняв во внимание родственную близость друг к другу российского и германского императоров. Но императоры были не одни. Они даже уже просто не могли считаться главными вершителями судеб своих и тем более иных народов. У событий была своя логика, и она требовала, во всяком случае со стороны немцев, наращивания воинственности и ненависти. Иными словами, получается так, что все было решено объек-

тивным ходом событий, неумолимым и неотвратимым стечением неблагоприятных обстоятельств. И хотя эти обстоятельства в немалой мере вполне сознательно подогревались, обретая все более мощные импульсы, теми, кто хотел поскорее реализовать быстро растущую военно-индустриальную мощь Германии, все же именно объективный фактор совокупности стечения обстоятельств и случайностей (убийство эрцгерцога) выходил на первый план. Этим, в частности, Первая мировая война отличается от Второй, где явственный тон задавала личная воля стремившихся к мировому господству давно уже укрепивших свою власть диктаторов.

Конечно, и со Второй мировой войной дело обстояло далеко не просто. Но, говоря о Первой, нельзя не обратить внимания на приоритетную роль именно объективных факторов. Мир съеживался. Империи быстро наращивали силу, причем одним — обделенным судьбой и потому наиболее обозленным — это удавалось лучше, нежели другим. Противоборствующие коалиции рождались как нечто неизбежное в таким образом складывавшихся обстоятельствах. Разумеется, при этом тоже сыграли немалую роль субъективные факторы. Достаточно напомнить о националистическо-патриотическом угаре, в котором воюющие стороны провели первые недели войны. Но и здесь заметно выделялся натиск пангерманистов. В задачу аналитического рассуждения не входит проводить аналогию дальше и глубже. Тем более, что разговор о Второй мировой войне еще впереди. Поэтому пока что стоит остановиться на сказанном и заметить, что обе мировые войны были в конечном счете — несмотря на некоторые и кое в чем очень существенные различия между ними — детищами одного и того же XX столетия. И это очень важное обстоятельство побуждает еще раз обратить внимание на то, что **сам XX век был тем объективным фактором, который сыграл роковую роль в возникновении этих войн.**

Какие же причины перемен, свойственных этому столетию, кроме уже обозначенных, можно и следует учесть? Начнем с того, что мир изменился не только качественно, но и в количественном отношении. А если проще, то число жителей в разных государствах стало расти. Вследствие этого менялись отношения между людьми и войной. Возникала воинская повинность как ведущая форма этих связей. Человек, пусть даже только годный к воинской службе молодой мужчина (но именно и только он всегда и везде воевал, что называется, испокон веков) оказывался еще более тесно, нежели когда-либо прежде, привязанным к войне. Речь как о военной форме и воинском обучении, так и о владении оружием, об освоении людьми сложными видами вооружений, начиная с пулеметов и пушек и кончая новейшими машинами

на земле, в воде и в воздухе. Все эти новации делали войну все более серьезным занятием, рождали многочисленные отряды специалистов, для которых война становилась не просто профессией (такое было всегда), но своего рода призванием, средством сделать успешную карьеру. Разумеется, нечто в этом роде встречалось и прежде. Наполеон — блестящий пример подобного пути. Однако опытных и хорошо обученных профессионалов в XX столетии становилось все больше, причем во всех странах, включая еще в недавнем прошлом отсталые. **Иными словами, армия, армейская карьера, успешный путь вперед, в политику, через войну становился все более обычным.** Нельзя сказать, что ничего подобного не было раньше, а пример Наполеона это убедительно доказывает. Но все же тенденция говорит сама за себя. Стоит в этой связи напомнить, что генерал Гинденбург был тем германским президентом, при котором пришел к власти Гитлер. Забегая вперед, можно напомнить и о том, что одним из американских президентов после Второй мировой войны стал генерал Д. Эйзенхауэр.

И еще одно очень важное обстоятельство, о котором нельзя забывать. Речь о большевиках и большевизме как экстремистском движении, которое — в отличие от Вильсона — открыто ставило своей целью преобразование мира с помощью откровенно империалистического насилия. Как то вполне очевидно, успех большевиков в России в какой-то мере возбудил склонных к экстремизму деятелей практически во всех европейских и в некоторых других странах. Разумеется, многое зависело как от самих этих стран, так и от конкретной ситуации в каждой из них. И хотя со временем ситуация менялась, роль возникших после Первой мировой войны партий *нового типа* и тесно связанного с такими партиями стремления к авторитарной и тоталитарной диктатуре не только возрастала, но и становилась во многом определяющей в мировой политике. А это означало выход на передний план воинствующего экстремизма, причем в его крайней форме не просто агрессии, но опасного для человечества воинственного прозелитизма, свойственного религиозно детерминированному раннему средневековью и сопровождавшегося геноцидом либо уничтожением ряда враждебных идеологии социальных слоев.

Стоит поэтому специально добавить, что большая война и тесно связанная с ней агрессия, даже агрессивность как основа всей политики, особенно внешней, — это во многом порождение тоталитарных режимов XX столетия. Здесь следует вспомнить, что всю свою жизнь наши соотечественники, целых два-три поколения, на долю которых выпало существовать под властью большевиков, только и делали, что воевали либо готовились к очередной войне.

Причем готовились не как-нибудь, не между прочим, но тотально, главным образом и в первую очередь. Готовились так, что вся индустрия, наука и техника, не говоря уже о целенаправленной пропаганде, были ориентированы только на войну. И хотя в конечном счете все это оказалось напрасным, а в годы Второй мировой войны страна выбралась из-под руин, возникших из-за стратегических просчетов вождя, ценой почти тридцати миллионов жизней, люди поневоле думали и все еще часто думают более всего о войне, несмотря на то, что сегодня в стране коммунисты давно уже не у власти.

Конечно, в начале века, когда все было еще несколько иначе, порой лишь в зародыше, этот культ войны, агрессии и насилия еще не обрел столь поистине глобальной и тотальной значимости. Но следует обратить внимание на некоторые существенные детали. Первая мировая война, еще не знакомая с жестокими проявлениями тоталитарного империализма, при всей явной бесчеловечности ведения военных действий (имеется в виду применение газов) не отличалась еще, например, чересчур суровым отношением к военнопленным и тем более привычно не затрагивала, насколько это было возможно, мирных людей. Все воюющие державы относились к пленным и к мирному населению как к людям. Этот очень важный принцип, испокон веков отличавший войны цивилизованных стран от нашествий варварских народов, стоит принять во внимание, ибо в ходе Второй мировой войны многое — особенно в том, что касалось советских военнопленных, — было иным. Как известно, СССР не подписал в 1929 г. выработанное в Женеве соглашение об обращении с военнопленными, заменив его внутренней инструкцией о жестком отношении к тем, кто оказался в плену (их предлагалось считать изменниками).

Принципы агрессии и насилия, много более по отношению к собственному народу, чем к противнику, с особой силой проявившие себя в ходе Второй мировой войны, означали резкое ужесточение характера боевых действий и бесцеремонное включение в число врагов мирного населения. Применение самых страшных форм уничтожения людей, начиная от газовых камер для евреев и кончая ядерной бомбой, оказало немалое воздействие на отношение к человеку, на цену человеческой жизни в кровавом XX в. С особой силой эта цена заявила о себе в коммунистической России, где человек издревле воспринимался как нечто вторичное по отношению к государству. И об этом не следует забывать, коль скоро речь идет об истории нашей страны. Но пока что речь о другом. Она о том, что с начала XX в. и с Первой мировой войной человечество вступило в новую эпоху своего существования. Эта эпоха началась под знаком вели-

кой войны, продолжилась в середине века под этим же знаком и все еще не снята окончательно с повестки дня. Если не забывать обо всем этом, итоги и смысл Первой мировой войны окажутся максимально поучительными. И едва ли не самым главным из них стал тот факт, что не только в войнах, но и в политической борьбе насилие начало применяться в массовом масштабе и с многомиллионными жертвами, причем кое-где и прежде всего в нашей стране, в России, против собственного народа, в основном мирного населения. **Такого в Европе до того еще не бывало.**

Глава тринадцатая. ИМПЕРИИ И ИМПЕРИАЛИЗМ

Завершая рассказ обо всем том, что связано с Первой мировой войной и драматическими событиями в России после осеннего переворота 1917 г., целесообразно в заключение поставить еще одну очень важную проблему, основательно запутанную, даже просто извращенную в отечественном марксистском обществознании. Речь пойдет об империях, империализме, о склонных к агрессивной экспансии идеологах, политических движениях и странах, под знаком активности которых прошел весь XX век.

Термин *империализм* был введен в обиход в конце XIX столетия и стал достаточно часто использоваться, причем в весьма разном смысле, как то нередко случалось, на рубеже XIX–XX вв. Обычно вначале его широко применяли для обозначения уникальной по ее размерам колониальной империи Великобритании. Смысл термина в то уже достаточно далекое от нас время сводился к характеристике этой империи и к попытке объяснить с его помощью все сложности во взаимоотношениях метрополии с ее многочисленными колониями. Затем термин стал несколько менять, точнее, расширять свое первоначальное значение и использоваться для обозначения попыток установления экономического либо политического контроля над другими государствами. В этом смысле термин начал ассоциироваться с войнами и восприниматься как аналог терминов *экспансия*, *аннексия* и близких к ним. Еще чуть позже — а, быть может, и практически одновременно — термин стал обозначать **сочетание агрессивной внешней политики с внутриполитической диктатурой**. На это последнее и наиболее близкое к реальности определение стоит обратить особое внимание, ибо, если вести речь о XX столетии, **именно оно и есть искомая истина**. Понятно, что такая интерпретация полностью противоречит желанию кое-кого уви-

деть в реальности то, что очень хочется. К чему же сводится суть дела?

Как то хорошо известно, уже в годы Первой мировой войны понятие *империализм* стало весьма широко использоваться большевиками, которые вслед за Лениным попытались было обозначить этим словом *высшую и последнюю стадию* умиравшего, по их мнению, капитализма. Смысл неубедительной аргументации этого тезиса (она основывалась на презумпции неизбежного превращения капитализма в некий свободный от конкуренции монополизм трестов, чего на самом деле давно уже не было вследствие распространения антитрестовского законодательства) сводился к тому, чтобы любым способом опорочить откровенно мешавшие их пропаганде антично-буржуазные стандарты либеральной демократии. Но извращенная трактовка понятия сохраняется до наших дней в некоторых работах, особенно в России. Это побуждает вскрыть подлинную сущность явления, о котором идет речь.

Обратив внимание на уже упомянутое и бесспорное понимание смысла всех тех понятий, которые связаны с реально существовавшим почти до наших дней *империализмом*, возьмем за основу главное. Оно сводится к тесной связи империй с агрессией, экспансией и, что касается XX в., с диктатурой. Доказать это не слишком сложно. История цивилизованных обществ свидетельствует, что империи существовали издревле, хотя их было в прошлом не так уж и много. Количество их всегда было ограниченным, не более одной-двух, причем они, как правило, ревниво относились друг к другу и с помощью войн достаточно быстро определяли, которая из них сильнее и есть ли основания для существования другой. Позже, по мере расширения пределов ойкумены и распространения зоны урбанистической цивилизации, ситуация в этом смысле начала постепенно изменяться. Где-то в XVI столетии появилось несколько *колониальных империй*, тоже не слишком долговечных и постоянных. Но только на рубеже XIX–XX столетий, а точнее накануне Первой мировой войны создались условия для появления сразу нескольких сильных империй, поделивших между собой либо стремившихся переделить все колониальные владения и сферы влияния на планете. В итоге в мире возникла новая геополитическая обстановка. Он оказался разделенным на несколько крупных частей, которые — за исключением немногих стран, оставшихся нейтральными или сумевших сохранить свою самостоятельность, — были окрашены на карте несколькими цветами, среди которых преобладал зеленый (колониальная империя Великобритании). Так что же такое

империя?[1] Важно при этом принять во внимание, какое значение имеет и какую роль сыграло в XX в. стремление создавать новые империи. Дело, помимо прочего, в том, что проблема империи продолжает порой оживленно обсуждаться современными российскими авторами, политологами и журналистами. Причина вполне очевидна, если прислушаться к ностальгирующим возгласам, связанным с временами недавнего прошлого, отмеченного мощью имперского СССР. Трудно спорить с мнениями и убеждениями, но если обратить внимание на аргументы, то окажется, что они чаще всего сводятся к элементарному стремлению доказать кому-то преимущество голой силы перед всеми иными формами взаимоотношений человека и власти[2].

Учитывая сказанное, важно охарактеризовать феномен империи и оценить его сущность. Ведь мировые войны XX в. были не результатом коварных происков *империалистов*, но закономерным следствием серьезных процессов, связанных с бурным ростом населения и ускоренным процессом эволюции всей планеты в ходе благотворных для людей буржуазных преобразований. И здесь следует напомнить, что триумф буржуазии в новоевропейской истории XIX столетия обернулся в нача-

[1] В отечественном обществоведении Первую мировую войну называли, во всяком случае в недавнем прошлом, не иначе как *империалистической*, вкладывая в этот термин суровое осуждение *империалистов* (в глазах большевиков этот термин считался изобретенным именно для того, чтобы энергичней заклеймить буржуазию). Порой, часто не позаботившись о точной дефиниции, его с легкостью употребляли и авторы, далекие от марксизма (раз есть империи, почему бы не быть «империалистам» и «империалистической» политике?). Поэтому-то и важно, предваряя основное содержание всего того, что касается обеих мировых войн XX в., сказать об империях, войнах и *империализме*, причем настоящем, подлинном, а не взятом в кавычки. Ведь если вкладывать в любое слово идеологически извращенный смысл — а как раз это и было предложено лидером большевиков, — оно обретает совершенно иной оттенок. Именно это нарочито акцентированное звучание далеко не всем понятного слова облегчало в свое время экстремистам их стремление реализовать свои планы, в частности в соответствии с хорошо известным лозунгом большевиков *«превратим войну империалистическую в войну гражданскую»*.

[2] Впрочем, имеет значение и устойчивая современная тенденция, связанная с тем, что следует понять тех, кто стремится укрыться от забот и невзгод, навалившихся на них в трудных условиях переходного периода. Стремясь к этому, многие не отдают себе отчета в том, что именно имперская традиция и ее мрачная тень в виде низкой цены жизни и столь привычного для нашей страны сервильного комплекса, тесно связанного с культом правителя, принуждает людей, не привыкших к самостоятельности и скованных административным регламентом, к попытке укрыться патерналистским крылом сильной власти.

ле XX в. своей оборотной стороной. Речь идет о возникновении в странах, оказавшихся, как Россия, в меньшей степени Италия (по тем либо иным причинам недостаточно подготовленных к полноценной либеральной демократии антично-буржуазного типа), либо, как Германия, потерпевших поражение в мировой войне, жестко авторитарных режимов. И не просто авторитарных, с которыми история знакома издревле, но таких, которые имели явную тенденцию к тому, чтобы стать тоталитарными либо, как Италия, близкими к ним.

О тоталитаризме в полном смысле этого слова, причем в двух основных его вариантах, большевистском и национал-социалистическом, речь пойдет особо. Пока же стоит принять во внимание лишь одно, самое основное: **эти вполне проявившие свою звериную сущность тоталитарные режимы — а не буржуазная демократия — были подлинными империями XX в.** И начать изложение важно с того, чтобы объяснить, что в основе имперского тоталитаризма, тоталитарных империй, всегда было прежде всего и главным образом **стремление к агрессивной экспансии под предлогом переделки мира ради его же блага** (*всемирная пролетарская революция* либо вроде бы безобидный для большинства *новый порядок*).

Все дело в том, что те страны, которые в прошлом были колониальными империями (Великобритания, Франция, небольшие страны вроде Голландии, Бельгии, Португалии), в XX в. прилагали усилия для вестернизации своих колоний и переставали быть колониальными империями. И напротив, те, у кого на передний план выходили насилие и террор, активизировали свою политику с целью стать сильными империями. Можно напомнить о притязаниях Германии и Италии на африканские земли, не говоря уже о стремлении большевистской России к *мировой революции*. Но только ли колониальные либо революционные устремления определяют империалистическую сущность современного империализма? Вернемся к реалиям и начнем с того, что обратимся сперва к характеристике империй как хорошо известного истории феномена.

ЧТО ТАКОЕ ИМПЕРИЯ

Империя — латинское слово, означающее понятие *власть* (*divide et impera*, разделяй и властвуй). При этом стоит учесть, что в древнем Риме термин вначале употреблялся для того, чтобы обозначить ту весьма заметную долю власти, которая по решению сената давалась какому-либо из политиков и военных на недолгое время для решения определенной задачи. Позже, с возникновением Римской империи,

власть императора, начиная с Августа, стала пожизненной, но и тогда она, во-первых, формально утверждалась сенатом, а во-вторых, никогда не была наследственной, хотя это и не означало, что сенат не мог утвердить преемником очередного императора кого-либо из его близких. Но дело ведь, в конечном счете, не в словах *impero, imperium* и даже не в Римской империи, хотя она была в свое время одной из величайших.

Еще задолго до Рима имперские формы власти формировались на Востоке, где они вначале в не слишком развитой форме проявились в Египте Нового царства, затем, в более сформировавшемся виде, реализовывались Ассирией, позже халдейским Вавилоном, а в конечном счете, как итоговое завершение процесса, обрели облик могущественной державы персидских Ахеменидов. Прибавьте к этому завоеванную Александром и обращенную в империю всю ближневосточную территорию, которая после смерти великого завоевателя распалась на части, немногие из которых тоже стали империями. Вспомните, наконец, о Китае, где завершилось создание несколько изолированной от Ближнего Востока и почти не соприкасавшейся с ним великой империи вскоре после этого.

Если пойти дальше, то окажется, что на смену Западной Римской империи, рухнувшей под натиском кочевников и полукочевников, пришел черед полукочевых варварских империй, создававшихся на базовой основе завоеванных земледельческих стран. Одни из них возникали, как то было с воодушевленными проповедью Мухаммеда бедуинами, под идейным знаменем победоносного ислама. Это Арабский халифат, много позже Османская империя турок и Индия падишахов. Другие обретали империи безо всяких идей, но просто за счет голой силы. Так создавались кратковременные государства Чингизидов, в том числе и в Китае. Близка ним была бесчеловечно жестокая, но структурно рыхлая и потому очень кратковременная империя Тамерлана. Лишь немногие из остальных, как франкская империя Карла Великого, подвергшись влиянию сохранявшихся античных традиций и воздействию христианской аккультурации, сумели заложить основу во многом принципиально новой первой империи европейского средневековья. Как известно, со временем именно на ее основе в Западной Европе возникла Священная Римская империя, принявшая затем облик Австро-Венгрии во главе с Габсбургами.

Можно упомянуть Византию, эту хиревшую Восточную Римскую империю, преемником которой стала считать себя Русь, затем Российская империя. Но этим сменявшие друг друга великие империи доколониального прошлого в основном и исчерпываются. Правда,

на смену им с XVI в. стали приходить колониальные империи, тоже не существовавшие слишком долго и оттеснявшие друг друга. Это были вначале Испанская и Португальская, позже Нидерландская, а затем Британская и Французская. И лишь на рубеже XIX–XX вв. начали пытаться реализовать свои имперские претензии Германия, а также Италия и Япония. В целом же, как то вполне очевидно, империй в истории человечества было не слишком много, причем они бывали разными по многим параметрам. Но для нас главное не столько их пересчитать и классифицировать, сколько как-то выделить то общее, что сближает их друг с другом. Иными словами, следует дать описание и дефиницию феномена.

Обратим внимание на то, что все империи, как то отражено в римском корневом термине, опирались на власть, причем власть более чем реальную, чаще всего военную, а проще — на силу, причем очень большую силу. Можно даже сказать, что империи как раз тем отличались от других государств, в том числе и крупных, что постоянно и щедро шли на применение насилия в любой его форме. Эти формы могли варьировать от демонстрации могущества и возможностей до массового бесчеловечного уничтожения сопротивлявшихся. Способ и формы применения силы различались в зависимости от того, какими были империи. Одно дело — те, что были основаны варварами-кочевниками, другое — те, в фундаменте которых лежали развитые очаги урбанистической цивилизации. Особое место среди прочих занимали колониальные империи предбуржуазного и тем более буржуазного Запада, причем на всех них лежит страшное несмываемое пятно работорговли и долговременного использования рабского труда.

Сила, таким образом, лежала в основе любой из империй, но понятно, что применялась она все же по-разному. И хотя практически всегда и везде империи отличались экспансией и агрессивным натиском на других, следует учитывать, что сила — это средство для достижения некоей цели, которая всегда стояла перед любой из упомянутых выше империй. Если же ставить вопрос о цели, то ответ будет не слишком сложным. С древнейших времен и до XX столетия империи создавались и сохранялись ради их постоянного территориального расширения, ради возрастания за этот счет числа подданных и соответственно достижения определенных выгод, чаще всего материальных, начиная с различного рода драгоценностей и кончая природными ресурсами. Укреплялись же и выживали, а также ослабевали и исчезали империи обычно именно из-за того, насколько долго и умело они сохраняли свою силу и насколько удачно добивались, используя эту силу, расширения границ и обогащения за счет чужих стран, народов и их ресурсов.

Завершая описание, перейдем к дефиниции. Она будет выглядеть примерно так: **империя — это большое государство, созданное усилиями обычно многочисленного народа в ходе последовательной политики завоевания и присоединения чужих стран, земель и их населения либо в результате покорения населенных земледельцами стран агрессивной энергичной массой варваров-кочевников. Сущность любой империи — очень сильная власть, склонная к постоянной агрессивной экспансии и опирающаяся на насилие со стороны государствообразующего этноса (национальности). Целью и смыслом империй был захват территорий, присвоение их ресурсов и подчинение своей власти живущих на них народов. Вариантом могло быть освоение незаселенных или очень слабо населенных пустующих земель.**

ЭТНИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИМПЕРИЙ

Итак, империя — это результат чаще всего насильственного присоединения к одному этносу, порой даже, возможно, не являющемуся государством, многих других. При этом господствующий этнос мог являть собой **моноэтническое государство**, как то имело место и в глубокой древности, начиная с Египта, и в античном мире (Рим), и в эллинистическую эпоху (Эллада), и в период колониального освоения планеты. Или он мог существовать в рамках не сложившегося еще государства, что характерно для варваров-кочевников со свойственными им рыхлыми этническими общностями либо очень слабо структурированными племенными протогосударствами. Важно, что **первоначальный создававший империю этнос был обычно этнически цельным, гомогенным.** И лишь **по мере** непрекращавшегося успешного **завоевания и освоения чужих территорий с их иноэтничным населением любая империя становилась сложным полиэтническим субстратом.** Стоит оговориться, что речь идет именно об империях, а не о прочих сравнительно небольших, даже средних по размеру государствах, время от времени расширявших свои пределы за счет соседей. Ведь процесс столкновений и расширения границ был присущ не только крупным империям. Он так либо иначе касался всех государств почти без исключений. Но далеко не все из них становились в процессе присоединения чужих земель с иным населением в разряд империй. Грань здесь трудно фиксируется, но она все же есть и вполне заметна, во всяком случае для специалиста.

Учитывая все сказанное, не станем концентрировать внимания на прочих государствах, но вычленим из общей их массы именно крупнейшие, которые и есть основания считать империями. Для них

характерно — выделим это особо — **многократное поглощение множества различных чужих территорий**, как густо, так и мало населенных, а то и вовсе почти не заселенных. И в каждом случае местное население (если оно было, пусть очень немногочисленное) становилось в число подданных и, в зависимости от уровня его развития, так либо иначе включалось в состав империи. Однако полиэтничность империй была очень разной и во многом зависела от мощи той религиозно-культурной традиции, в рамках которой объединенные волею судеб народы оказывались. Стоит в этой связи особо подчеркнуть, что во многих ранних государствах длительное сосуществование этносов в процессе аккультурации могло вести к стиранию различий и, благодаря господству общей религиозно-культурной традиции, к практическому поглощению господствующим этносом других. Это, добавим к сказанному, наиболее характерно для стран, обитающих в зоне сильных религий, прежде всего ислама и — во много меньшей степени — христианства. Ведь именно благодаря исламу Египет времен фараонов и эллинизма превратился в страну арабов, а население Византии стало почти сплошь турецким.

Христианство по сравнению с исламом существенно слабее. Однако и оно способствовало аккультурации и этническому сближению друг с другом и с потомками колонистов-римлян очень разных по происхождению варваров раннесредневековой Западной Европы. Такой же путь проделало население Киевской и Владимиро-Суздальской Руси, когда его, не спрашивая, обратили в православных, хотя одно лишь это — в отличие от мира арабов и турок — так и не сделало всех их русскими. Правда, все народы западной части современной России хорошо владеют русским языком (он для них обычно родной, кое для кого и второй) и живут по обычаям, почти не отличающимся от привычных для русских. Но все же этнические различия сохраняются. В тех же случаях, когда речь идет о той части европейской России, которая не стала православной, и тем более о зоне ислама, эти различия очень существенны.

Индия оказалась для ислама крепким орешком, причем не столько потому, что индуизм был столь же сильной религией, как ислам, сколько из прямо противоположного обстоятельства. Инертный индуизм, не восприимчивый к страстным всепоглощающим эмоциям ислама с его солидарной готовностью принести всех и все в жертву Аллаху, обладал великой идеей кармы, имел касты и замкнутые общины, был склонен к поисками индивидуального спасения и потому оказался принципиально чуждым мусульманским идеалам и правителям. Поэтому, став частью империи мусульманских падишахов, а затем ан-

гличан, Индия с ее предельной толерантностью и специфической социальной организацией сама по себе империей так никогда и не была.

Из сказанного хорошо видно, что лишь очень немногие империи сумели, благодаря сильной религии, кардинальным образом переварить и преобразовать некоторые этносы, включенные в них. Однако и в них не все однозначно. Европейская часть империи Османов осталась в подавляющем своем большинстве не отуреченной. А в зоне халифата сохранил свою этническую и даже в каком-то смысле религиозно-культурную идентичность (имеется в виду шиизм) Иран. Поэтому главная идея не в том, что сильная религия позволяет превратить полиэтничную империю в моноэтничную. Невзирая на такую потенциальную возможность, следует иметь в виду, что империи по большому счету всегда были все же полиэтничны, что, к слову, обычно вело к этнически неравноправному сосуществованию включенного в них населения. Это отнюдь не означает, что господствующий этнос всегда находился в привилегированном состоянии. Такое могло быть, но реально бывало не всегда. Многое зависело от обстоятельств, в частности от численности этносов (чем они малочисленней и менее развиты по сравнению с господствующим, тем ревнивее заботятся о сохранении своей идентичности). Впрочем, могли быть и иные причины и обстоятельства.

ИМПЕРИИ И ВОЙНЫ

Роль войн в истории человечества заслуживает специального и весьма обстоятельного разбора. Но все же стоит оставить в стороне проблемы вооружения, воинского строя и организации военного дела, стратегии и тактики войны, особых военных сословий, да и многие другие. Это дело специалистов, старательно изучающих упомянутые проблемы в разных соответствующих учебных заведениях многих стран. Нам следует обратить первостепенное и даже исключительное внимание на необычайно тесную связь империй не только с силой и порой с чудовищным насилием, но прежде всего и главным образом с войнами как наиболее явственными проявлениями свойственной именно империям агрессивной экспансии. Войны как в некотором смысле практически естественное состояние человечества с момента его появления и в процессе его становления как вида Homo Sapiens являли собой нечто вроде нормального состояния повседневного бытия. Это стоит всерьез осмыслить, ибо такое состояние, равно как и связанное с ним перманентное противостояние *своих чужим* и проистекающее из этого уничтожение

либо порабощение чужаков, генетически восходит не столько к глубочайшей древности, сколько к тому миру животных, из которого вышли в свое время человекообразные. Стоит напомнить об этом и предупредить читателя, что бессмысленно осуждать войны, опираясь на моральные принципы сравнительно поздно сложившихся религиозно-культурных традиций, призванных этически облагородить развивавшийся социум.

Разумеется, войны — зло, как злом является и любое убийство. Но жизнь на планете — не стоит забывать — устроена таким образом, что одни постоянно пожирают других и живут именно за этот счет. Как то ни прискорбно, но это полностью относится и к людям. Стоит добавить к сказанному, что и смерть как таковая, вне зависимости от того, будет ли живое существо съедено другим или, что бывает неимоверно реже, оно умрет естественной смертью, тоже зло. Однако, основываясь на этом бесспорном постулате, в прошлом никому не приходило в голову в принципе выступать против войн. Другое дело — утешить человека, сочинив красивую сказку о потустороннем мире, да еще с воздаянием там за этически безукоризненное поведение. Такими сочинениями наполнены все религиозно-этические традиции, и в этом есть глубочайший смысл, ибо без веры в нечто подобное человек неизмеримо больше боялся бы уходить в небытие. И не только боялся, но и превратил бы этот неизбежный акт в невыносимую трагедию, не только личную, но и буквально всеобщую.

Все это очень неплохо иметь в виду, когда речь заходит о величайших в истории крупномасштабных войнах XX столетия, с легкостью уносивших только в одном каком-нибудь крупном сражении до миллиона жизней в основном молодых и здоровых людей, которым бы еще жить да жить. Но, оставив эту грустную тему, обратимся к реалиям. Они сводятся к тому, что в некотором смысле больше всего войн в истории всегда приходилось именно на долю империй. И вовсе не потому, что именно эти политические образования более других были склонны к убийству. Конечно, в отдельных случаях, когда речь идет о варварах-кочевниках или очень отсталых полукочевых этнических общностях и племенных протогосударствах, не могло не давать о себе знать то привычное отношение к противникам, которое исторически и функционально восходит к традициям первобытного полуживотного прошлого. И стоит ли, понимая это, слишком жестко осуждать тех, кто к иному образу существования просто не привык? Разумеется, это опять-таки не означает — как то подчас пытались изобразить некоторые историки, — что вообще-де нет никакой разницы между кочевниками-варварами и воинами другого типа,

ибо все уничтожали врагов. Ведь вопрос не в этом, а именно в том, как и кого уничтожали. Одно дело вырезать всех сопротивлявшихся поголовно, воинов и женщин, старых и малых. И совсем другое, победив врага, взять в плен оставшихся в живых и даже, что бывало в прошлом нормой, продать их в рабство.

И вот здесь-то наиболее отчетливо видна специфика политики любой сложившейся империи, даже возглавленной завоевавшими земледельцев и — памятуя китайскую поговорку — слезшими с коней вчерашними кочевниками. Империи крупнее и сильнее других государств, они чаще воевали и легче побеждали, они многих убивали, ибо ведшиеся ими войны, особенно в тех нередких случаях, когда это были войны с большими государствами, а то и с равными им такими же империями, были кровопролитными и сопровождались большим количеством убитых. Но, в отличие от еще не слезших с коней кочевников, империи обычно щадили мирное население. И щадили его не только потому, что они в большинстве своем уже были вполне развитыми земледельческими обществами, знакомыми с религиозно-этическими нормами, которые призывали к более или менее человеческому отношению к людям. Важнее было то, что правители империй, как правило, хорошо понимали ценность человека, особенно его способность производить и воспроизводиться, увеличивая тем самым могущество включившей его в свой состав все той же империи.

Эту же особенность стоит подчеркнуть, когда идет речь о колониальных империях. Конечно, и войны (чаще всего они были незначительными и не слишком кровопролитными), а иногда и следовавшее за оккупацией и колонизацией чужих земель вымирание аборигенного населения лежали и всегда будут лежать тяжелым грузом на совести колонизаторов, как и рабство африканцев. Стоит принять во внимание, что ныне это уже осознано и что в ряде государств, будь то США или Австралия, приносят публичные извинения тем этническим группам завоеванных либо порабощенных, кто был лишен в свое время элементарных человеческих прав и подвергался жестокому обращению. Но при всем том нельзя не обратить внимания на то, что целенаправленные усилия колонизаторов и особенно колонистов из буржуазных и даже еще только предбуржуазных стран все же делали свое исторически позитивное дело, как делали его и многочисленные миссионеры. Это далеко не всегда воспринималось с благодарностью. Даже напротив, вызывало сопротивление, которое обычно бывало тем более яростным, чем большая разница в уровне развития и образе жизни была между колонизаторами и колонизуемыми и чем более многочисленным было аборигенное население. Но в любом случае

быстро развивавшиеся колониальные империи с их буржуазными новациями несли с собой в колонии — это было наиболее характерным уже в XIX столетии — многое из того полезного и нужного людям, что было создано на буржуазном Западе и с охотой воспринималось и в колониях. Как правило, наиболее легко такие новации усваивались молодыми, т.е. новыми поколениями местного населения.

В XIX в. в мире, как о том уже шла речь, одновременно сосуществовало довольно много сильных империй, чего не бывало в истории человечества до того. Все они — за исключением склонной к реформам, но все же отставшей в развитии Османской и традиционно оказывавшейся в очень не простом положении Российской — развивались уже по западной буржуазной модели. Это предполагало свойственное еще античным традициям свободомыслие, наличие всех прочих свобод и прав, высокую электоральную культуру, а также смену и разделение властей в условиях либерально-демократического конституционного строя. Казалось бы, именно эти империи должны были на рубеже XX столетия хорошо сознавать, что время кровопролитных войн уходит в прошлое, что последними из них, причем благотворными для быстрой эволюции в направлении буржуазных преобразований, были наполеоновские. И вроде бы после Наполеона действительно войн было немного и они не относились к масштабным. XIX век, особенно после Наполеона, не был густо окрашен в кровавый цвет войны. Скорее напротив, можно было бы сделать вывод о некоей тенденции к сокращению количества войн по мере развития числа цивилизованных государств и народов. Но не тут-то было! Сам факт концентрации многих империй на территориально не слишком обширной планете объективно толкал планету к войнам.

ПОДЛИННЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ XX СТОЛЕТИЯ

Но почему войны все же не переставали быть объективной потребностью империй? Ведь в мире, где стала очевидно господствовать буржуазия, воспитанная на высоких идеях и идеалах века Просвещения, очень многое кардинально изменилось. Люди все более отчетливо осознавали, что существуют на небольшой планете, явно созданной не для традиционного взаимоуничтожения, но для процветания ее населения в условиях быстрыми темпами растущего уровня благосостояния многих, пусть даже пока еще далеко не всех. Однако это адекватное осознание нового мира не сыграло сколько-нибудь заметной роли, что было обусловлено рядом весомых причин. Они различны, но в чем-то очень важном действовали в одинаковом на-

правлении. Это, если призадуматься, то самое неблагоприятное стечение обстоятельств, о котором уже не раз упоминалось.

С начала XX в. лейтмотивом международной политики оказались два близких друг другу движения, которые свидетельствовали о крайне опасном для человечества возрастании экстремизма как практически всепланетного наступления, шедшего с разных сторон и в разном обличье. Первое — это уже упоминавшееся недовольство могущественной Германии тем, что ей мало досталось при колониальном разделе планеты. Второе — нарастающее стремление политических и социальных экстремистов. Одни из них, используя напряженность во взаимоотношениях между империями, пытались направить недовольство народов в сторону завоевания нового пространства, что было характерно для той же Германии на протяжении всей первой половины XX в. Другие, опираясь на марксистские утопии либо на расовые различия, сделали ставку на призывы к лучшей жизни с помощью *пролетарской революции* с ее *диктатурой пролетариата*, или на *новый порядок* в мире. И вот в этом пункте мы вплотную подходим к подлинному смыслу *империализма*.

К капитализму как таковому, т.е. к антично-буржуазной демократии со всеми ее правами, свободами и электоральными процедурами, призванными обуздывать и контролировать власть, подлинный **империализм XX в. не имел никакого отношения**. Он был порожденим совершенно иных процессов и импульсов. Но каких же?

Снова начнем с того, порождается ли он империями либо странами, желающими превратиться в империи. Причем далеко не всеми империями, так как в XIX столетии значительная их часть, прежде всего колониальные, начиная с Великобритании, завершали благотворный и позитивный процесс буржуазных преобразований в своих колониях, в связи с чем коренным образом изменялись как их цели, так и — причем в гораздо большей степени — их возможности. Англия, Франция, Голландия тратили немало усилий на то, чтобы помогать своим колониям развиваться в направлении ускоренных буржуазных преобразований, имея в виду индустриально-инфраструктурный и идейно-институциональный их аспекты.

Иное дело те, кто стремился к насилию и мировому господству, какими бы мотивами и идеями то и другое ни обосновывалось. Факт недовольства немцев, отчетливо выражавшийся перед мировой войной в истерии пангерманистов, всем известен. Он был с начала XX в. легко ожидаемой и просчитываемой реакцией на кажущееся благополучие и процветание в буржуазном и все более быстро обуржуазивавшемся мире. Многие понимали, что объединенная Бисмарком и очень

быстрыми темпами развивающаяся Германия, как и, пусть в менее явно выраженной степени, Италия и Япония, которые поздно вошли в число сильных держав и потому опоздали к колониальному разделу планеты, поставят вопрос о переделе колоний в зависимости от изменяющегося соотношения сил среди ведущих держав. Этого следовало ожидать. А так как проблема передела колоний затрагивала интересы сильнейших держав, то дальновидные политики не могли не принимать во внимание, что именно она со временем сможет стать важной причиной крупномасштабного и всемирного по широте интересов конфликта. Речь могла идти о далеко идущих расчетах на всепланетную войну за полный передел мира, а позже перед Второй мировой войной — еще и ради расширения необходимого для немцев *жизненного пространства* и установления *нового порядка*. И такие **замыслы глобально-планетарного уровня стали проявлением** не авантюрного экстремизма, но **крайней степени агрессивной экспансии, т.е. именно того, что выше было обозначено как *важнейший элемент сущности подлинного империализма* (вторым элементом его была в XX в. внутриполитическая диктатура).**

Именно этот подлинный — а не выдуманный большевиками — империализм как явно выраженная тенденция стал свойствен странам, считавшим себя призванными исправить остро воспринимавшуюся ими несправедливость. Первой среди них считается Германия. Но очень важно не забыть, что аналогичные цели были присущи и другой, совсем иной державе, которая набрала политическую силу и наиболее полно раскрыла свои цели уже в ходе и особенно после окончания Первой мировой войны. Речь о большевистской России, позже СССР. Корни большевистского империализма восходили к идеям марксистского социализма с его претензиями на мировую революцию.

Здесь стоит сделать небольшое отступление, имеющее непосредственное отношение к проблеме выяснения сущности империализма как понятия. Основатель марксизма жил в условиях максимальной свободы в весьма благополучной либерально-демократической Англии, не препятствовавшей призывам к насильственному низвержению будто бы загнивавшего буржуазного строя с помощью «пролетарской революции». Суть призывов Маркса, как то хорошо известно, сводилась к тому, чтобы посредством крайне агрессивной экспансии, т.е. *пролетарской революции*, установить в завоеванной пролетариатом стране диктатуру. Не мудрствуя лукаво, легко увидеть, что именно **это и есть призыв к тому, что следует считать империализмом.** Отметим в качестве парадокса, что развитая и полностью свободная страна с открытой для каждого возможностью готовить ее гибель

не считала своим правом затыкать рот тем, кто открыто, пусть лишь в теории, угрожает ее свободе. Это выглядело как готовность к социополитическому суициду[1].

В славном XIX столетии с его правами и свободами, давно уже знакомыми Англии и США и столь тяжело давшимися Франции и континентальной Европе, буржуазия была в состоянии эйфории и поэтому даже не мыслила об опасностях со стороны экстремистов. Она просто не принимала их всерьез. И это была ошибка, которая очень дорого обошлась всему человечеству спустя всего несколько десятилетий. Но показательно, что в отнюдь не либеральной, не демократической самодержавной России ситуация была, как ни странно, примерно такой же. В стране, только что избавившейся от крепостного права и стремительно двигавшейся в сторону Запада с каким-то почти суеверным чувством опасались чем-либо задеть в немалом количестве размножившихся и резко активизировавших свою деятельность собственных экстремистов. Правда, большевиков время от времени все же подвергали ссылкам, но эти преследования напоминали разве что булавочные уколы. Печатные издания с их вроде бы абстрактно-академическими рассуждениями о насильственном свержении существующего строя с помощью *пролетарской революции* и *диктатуры пролетариата* самодержавная Россия (а она оставалась такой и после 1905 г., когда начался медленный процесс превращения ее в нечто вроде конституционной монархии) всерьез, как и свободная Англия, упорно не воспринимала. Видимо — и в этом следует видеть немалую долю истины, — считалось, что экстравагантные писания и лозунги такого характера слишком умозрительны и влияния на недовольный народ не окажут, почему и не стоит обращать на них внимания. Но, как вскоре оказалось, это была роковая ошибка. И ее можно, нужно было не допускать.

---

[1] Стоит вспомнить в связи с этим достойное уважения, но явно не до конца осмысленное классическое изречение Вольтера о том, что, хотя взгляды какого-либо воображаемого его оппонента ему ненавистны, он готов отдать жизнь за то, чтобы сделать их достоянием гласности. Столь излишняя, без оговорок, трогательная забота о праве и свободе человека на любое высказывание с точки зрения сегодняшнего дня едва ли оправдана. Ее можно объяснить разве что обстановкой горячей полемики с теми, кто в конце XVIII в. пытался ограничить реальные возможности свободного человека. Ныне всем хорошо понятно, что пределы действий любого в свободном государстве ограничены той степенью, за рамками которой они наносят явный вред другим, тем более многим (если, например, кто-то попытается кричать в переполненном помещении «пожар!», его право на свободу слова будет рассматриваться всюду с несколько иных позиций).

Ведь все те, кто по долгу службы был обязан внимательно следить за открытыми врагами существующего строя, не мог, не должен был пройти мимо того, что лежало буквально на поверхности. Речь о том, что, хотя большевики не бросали бомбы, как их соперники-эсеры, но думали вовсе не о благе России и ее народа. Они писали и говорили, не таясь и мечтая — как и недовольная Германия, — о кардинальном переделе мира, о превращении его с помощью кровавой мировой революции в царство всеобщего счастья. В этом пункте мечты об усилении одной империи, к чему стремилась Германия, и о ликвидации всех империй в пользу одной, коммунистической, чего страстно желали большевики (причем именно с помощью мировой войны, даже массового кровавого террора), слились в Европе периода мировых войн воедино. Но власти России этого почти не замечали. И, как о том будет идти речь далее, слепота их сыграла трагическую роль в истории XX столетия и оставила свое наследие, пусть в пережиточной форме, и нашему, следующему веку.

ИМПЕРИАЛИЗМ ПАРТИЙ-ГОСУДАРСТВ *НОВОГО ТИПА*

И вот здесь мы, наконец, подходим вплотную к самому основному. Речь о том, что же такое империализм последнего столетия, на чем он взрастал и какие формы обретал. Иными словами, как, в свете всего сказанного, следовало бы оценить столь привычные для уха отечественных специалистов — да и простых людей — рассуждения об *империализме*. Снова обратим внимание на то, что в нашей стране все еще нередко используют это понятие для характеристики экспансионистских устремлений неких будто бы агрессивных буржуа. Его при этом не ассоциируют с бесчеловечными экстремистами из числа сторонников марксизма, переинтерпретированного в соответствии с реалиями России, столь богатой примитивной психологией мировой деревни и не отличавшейся обилием пролетариата. А что касается различных модификаций фашизма, нацизма и прочих сходных с ними авторитарных диктатур, то их — чаще всего не только без развернутого анализа, но и вообще без какой-либо аргументации — считают чуть ли не передовым отрядом все той же буржуазии. При этом сознательно делается вид, что между авторитарной, а подчас и тоталитарной диктатурой партий *нового типа* правого толка и либерально-демократическим буржуазным государством нет никакой разницы.

Все сказанное на практике означает, что термин «империалисты» в нашей стране долгое время просто использовался и порой все

еще используется в качестве бранного эпитета, осуждающего всех буржуа. И только в последние годы ситуация стала заметно меняться. Россию все чаще начали именовать империей (какой она и была со времен Петра I), и, более того, встал вопрос о том, что таится за ее империализмом и чем он, коль скоро все же имел место, отличен — если отличается — от остальных. Стоит также заметить, что и злоупотребление термином, о котором идет речь, в нашей стране постепенно исчезает, и, похоже, в немалой мере именно из-за того, что чем дальше, тем больше проблема становится менее ясной. Но сто лет назад ситуация была иной и потому многое выглядело иначе. И для нас важно прояснить именно ее, ибо корни непонимания и сознательного извращения Лениным проблемы как таковой восходят именно к тем временам.

Большевики, как известно, очень любили клеймить Первую мировую войну как *империалистическую*. Вкладывая в понятие извращающий его смысл и призывая превратить *империалистическую* войну в гражданскую, они, похоже, искренне верили в то, о чем говорили. Естественно, они не подозревали, что сами являются наиболее последовательными *империалистами*. Однако дело вовсе не сводится к проблеме адекватности восприятия ими реалий. Энергично готовя почву для разжигания мирового пожара в его наиболее страшной форме агрессивной вселенской экспансии с громко и открыто провозглашавшейся *диктатурой пролетариата* на всей планете, они просто не желали видеть и понимать эти реалии. А на деле как раз они, олицетворявшие превращенную в костяк государства партию, выступали в качестве империалистов. И не просто обычных сторонников агрессивной экспансии в сочетании с авторитарной диктатурой, что бывало типичным для многих империй прошлых веков, но носителей идеи самой ужасной модификации подобного политического строя, существование которого оказалось чревато гибелью сотен миллионов жертв. И хотя далеко идущим планам так называемой *перманентной революции* не было суждено реализоваться, о существовании их забывать не стоит.

Пугая свой народ «империалистическим заговором» буржуа против трудящихся, большевики в условиях сильно ослабевшей в результате войны Российской империи резко усилили разрушительную деятельность. Жесткая структура их партии, контрастировавшая с колебанием и неуверенностью всех остальных партийных группировок страны, которая развивалась в целом по толерантному буржуазно-либеральному пути, делала свое дело. Она оттеняла в глазах многих россиян решимость добиться своего. А режим в нашей стране тем временем разваливался под ударами военных

неудач и вызванных этим экономических и следовавших за ними социополитических сложностей и потому оказался весьма подходящим для достижения экстремистами успеха. И война, ослабившая и без того слабую страну, и истеричные призывы бороться с *империализмом*, неизменно превращавшиеся в проповедь необходимости искать выход в гражданской войне, — все это действовало в пользу большевиков. По сути это означает, что призыв к агрессивной войне за достижение империалистических по своей сущности целей (завоевание всего мира) был облечен большевиками в более понятную массам форму борьбы с *эксплуататорами-богатеями*. Это побуждало отсталую крестьянскую Россию видеть в гражданской войне какую-то приемлемую альтернативу царящим в стране безвластию и хаосу, что было большевиками с поистине шулерской ловкостью приписано безликому выдуманному ими квазиимпериализму[1].

Следует сразу же сказать, что те массы, к которым обращались большевики, призывая начать гражданскую войну, едва ли понимали, о чем идет речь. Они, разумеется, были крайне равнодушны к марксистско-большевистской идее всемирной перманентной революции. Разлагавшаяся под влиянием большевистских призывов армия с готовностью покидала фронт, но вернувшиеся домой солдаты совсем не готовы были начинать новую войну. И вот здесь и была очень эффективно, причем в невиданном прежде масштабе употреблена сила, то самое насилие, которое не идет ни в какое сравнение с тем, что когда-либо было присуще другим империям. Речь не только о насильственном призыве в армию. Гораздо большую роль стали играть репрессии по отношению к тем, кто выступал против или просто не был с легкостью склонен соглашаться с требованиями захватившей в стране власть горстки хорошо организованных и ни перед чем не останавливавшихся людей. И если все это оценить, используя критерии, применяемые к определению сущности явлений,

[1] Специалисты обращают особое внимание на то, что лозунг о превращении *империалистической* войны в *гражданскую* на деле означал призыв к перманентной всемирной революции. Но это и было превращением выдуманного *империализма* в настоящий, т.е. в агрессивную экспансию в сочетании с внутриполитической диктатурой. По замыслу большевиков восстать сразу же должен был весь мир (в этом и смысл термина — нарастающая, перманентная революция). Трудно даже сказать, чего в этих мечтаниях было больше, политической наивности с элементарным непониманием и нежеланием понять ситуацию или слепого фанатизма в стиле какого-нибудь Че Гевары, уже много позже отправившегося без элементарной подготовки «делать революцию» в Боливии, где его вскоре выдали и убили.

то снова и снова становится немудреной истиной то обстоятельство, что именно большевики на рубеже 20-х гг. стали подлинными империалистами. Их методы насилия в сочетании с агрессивной экспансией везде, где для этого еще сохранялась возможность, привели к созданию в нашей стране авторитарной, а затем и тоталитарной империи с жесткой диктатурой.

Несколько слов о диктатуре. Как то ни покажется парадоксальным (хотя специалисты давно об этом знают и едва ли станут оспаривать, даже ради того, чтобы *сохранить лицо*), но никакой *диктатуры пролетариата* в истории человечества, особенно богатой попытками создать нечто в этом роде в XX столетии, никогда не было. Была диктатура партий *нового типа*. И не так уж важно, были эти партии большевистскими, фашистскими, нацистскими, фалангистскими либо чем-то схожими со всеми ними, но формально несколько иными, как то стало со временем характерным для Японии с ее стремившимся к диктатуре и агрессии корпусом так называемых молодых офицеров. Важнее то, что все партии *нового типа* во всех их вариантах успешно замещали собой государство и, **став фундаментом государственных органов власти — а точнее принуждения и насилия, — оказывались основой вновь возникавших либо, как Россия, возрождавшихся империй, принимавших в обновленном своем обличье наиболее крайние бесчеловечные, а то и откровенно людоедские черты.**

Что касается сильно отставшей от других России, то в ней, как и чуть позже в Китае с его возглавленной коммунистами очередной крестьянской войной, была сделана попытка в наиболее полной форме реализовывать марксистскую идею о диктатуре. Оставив в стороне фашистов, нацистов и прочие различные партии *нового типа* правого толка с созданными ими государствами, обратим внимание на то, что результатом подобного рода коммунистических экспериментов стало воссоздание привычной восточной структуры власти-собственности с централизованной редистрибуцией. И не просто той, что существовала веками, а наиболее примитивного ее варианта с отрицанием частной собственности. И примитив ее не в том, что не пролетариат играл решающую роль, но в том, что такого рода **переворот поворачивал историю с точки зрения динамики развития вспять.** Практика показывает, что, хотя монстр тоталитаризма в XX в. за счет своей внутренней жесткости мог некоторое время существовать и порой даже одерживать важные победы, он был обречен. Его победы, обходившиеся обществу необычайно дорого, ни в коей мере не гарантировали процветания (обратим внимание на КНДР). Напротив, они вынужденно замедляют процесс развития

и тем заводят вроде бы вполне современное по ряду индустриально-инфраструктурных и частично урбанистически-культурных параметров общество в конечном счете в неизбежный тупик, из которого ему раньше либо позже приходится с большим трудом и с огромными потерями выбираться, заново проделывая столь нелегко дающийся путь к буржуазной либеральной демократии.

Завершая рассказ о событиях, имеющих самое прямое отношение к схватке ведущих империй в мировой войне, а также к умелому использованию этой схватки российскими большевиками, сумевшими — о чем их вожди мечтали — превратить войну с врагами России в войну гражданскую, необходимо еще и еще раз заметить, что **империалистами** в самом прямом смысле этого слова **оказались** в конечном счете именно они, **большевики**, кто хотел преобразовать мир по человеконенавистнической модели. Империалистами, пытавшимися силой преобразовать мир, были в Европе в годы Второй мировой войны и **германские нацисты**, о которых речь пойдет особо. И хотя большевики продержались у власти дольше нацистов, результат оказался в принципе одинаковым. Обе тоталитарные диктатуры сошли с исторической сцены. Мало того, есть основания напомнить тем, кто подчас громко скорбит о крушении СССР, что начало вымиранию российского народа положили именно большевики, которые столь безжалостно уничтожали свой народ во имя несостоятельной утопической идеи. А в заключение стоит напомнить, что обе мировые войны, через которые прошло человечество в XX в., не обошлись миру (имеется в виду гибель многих миллионов воинов) в такое количество крови, какое за то же время со сладострастием пролили партии *нового типа*, причем не только в России.

Часть третья

Между мировыми войнами (20–30-е гг.)

20–30-е гг. XX в. были насыщены событиями, причем они оказались очень тесно связанными между собой. Это не значит, разумеется, что **в каждом из многих государств, тем более крупных и развитых**, история не **шла своим путем**. Она шла именно так. Но при этом все, что происходило в этих странах, оказывалось весьма заметным и значимым на фоне того, что имело место в других, а то и во многих, если даже не во всех остальных. Иными словами, события, о которых идет речь, были зависимы не только, а подчас и не столько от внутренних импульсов, определявших вектор движения значительного государства, порой группы связанных между собой таких стран, но и — а часто в очень большой степени, — от некоего генерального направления движения. Это можно считать наследием периода, предшествовавшего Первой мировой войне и отличного от всего того, что было характерным для исторического процесса ранее. Ведь из всего того, о чем уже шла речь в томе, хорошо видна именно такого рода явная целенаправленность движения почти всего мира. Так что же это за движение?

В какой-то мере оно было наследием XIX в., особенно второй половины и конца этого столетия, когда буржуазные преобразования, затронув в той либо иной степени весь мир, резко ускорили темпы его эволюции и в итоге к рубежу XX в. многое в нем изменили. Перемены были в основном весьма благотворными. Однако процесс в целом, вне зависимости от намерений и даже видных всему миру позитивных его результатов, триумф буржуазии, которым XIX столетие завершилось, оказался в итоге чреватым не просто обострением взаимоотношений между крупнейшими державами. Он был ознаменован переходом человечества на новый уровень, в принципиально иную, не вполне ясную еще в начале века фазу его существования.

Вначале толчок этим переменам дала заметная и вполне закономерная в новых условиях неравномерность развития разных государств. Если в далеком прошлом демократически передовая и промышленно быстро развивавшаяся Англия набирала очки и оставалась ведущей державой в мире на протяжении ряда веков, то с рубежа XIX–XX вв. ситуация стала меняться. Для бурно развивавшихся США и вступившей в фазу активных буржуазных преобразований лишь в ходе наполеоновских войн и особенно успешно после объединения ее Бисмарком Германии путь, на который англичанам пришлось потратить несколько веков, сжался буквально до полувека с небольшим. А это означало очень многое.

Если попытаться в самом кратком виде обозначить особенности пути Германии, то окажется, что развитие немецкой буржуазной промышленности было ознаменовано столь же быстрыми темпами роста городского населения. И хотя стекавшиеся в города аккуратные и заботливые немецкие крестьяне с их веками воспитанной дисциплинированностью не чета, скажем, вчерашним русским крепостным с их архаичным сознанием и соответствующими нормами обыденного поведения, кое-что общее между теми и другими было. Эта общность фиксируется на уровне привычного деревенского менталитета, скованного страхом перед начальством (барином в России либо юнкером в Пруссии) и склонного к привычному патернализму самодержавного авторитарного режима. О России в этом смысле можно говорить много, причем сказанного все равно будет недостаточно для того, чтобы понять и осознать всю глубину трагедии, выпавшей на ее долю. С Германией проще. Но и ее путь оказался чреват глубочайшими для страны и во многом драматическими потрясениями.

Дело в том, что в основе специфики пути обеих стран в конечном счете лежало примерно одно и то же. Правда, в России глубокая отсталость народа была использована большевиками еще в годы Первой мировой войны, тогда как специфика ситуации в Германии стала проявляться несколько позже, когда с войной было покончено. Но поражение немцев в войне и вызванные этим суровые потрясения сыграли в этой стране аналогичную роль. Они как бы откатили передовую Германию назад и придали новые силы тем, кто еще не вышел на тропу развитой буржуазной жизни и тем более не ощутил в достаточной мере связанного с ней процветания. Это и были те немцы, что прошли через войну и оказались после ее окончания у разбитого корыта. Что было делать им, этим массам вчерашних аккуратных крестьян-бауэров, выброшенных жизнью в большие города, в ту

новую жизнь, которая вначале подарила им было так много нового и вполне ощутимого с точки зрения процветания, а затем, в итоге долгой войны, все отняла?

Хорошо известно, что с первых же лет после войны в мировой политике на передний план вышли **идеи тоталитарного характера, которые стали мощными импульсами, не только определявшими поведение ряда стран и народов, но и как бы сплачивавшими их друг с другом**. Под знаком становления и развития именно этих идей, большевистских и фашистско-нацистских, прошло в XX в. несколько десятилетий, включая те, что отделяли Первую мировую войну от Второй. И наиболее значимым символом каждой из этих овладевших массами в этих странах идей стали СССР и Германия. Разумеется, тоталитаризм коммунистического и нацистско-фашистского толка не одно и то же. Однако родовые черты обоих режимов, нередко и вполне резонно воспринимаемые в сводной красно-коричневой тональности, в принципе были не просто близки, но в общем-то единосущны. Близость и даже единство их в главном — в отношении к буржуазной либеральной демократии, к правам и свободам человека.

Специалисты довольно единодушно обращают внимание на то, что тоталитарные тенденции в разных странах после Первой мировой войны распространились достаточно широко. В этом легко убедиться, имея в виду рост числа компартий и влияние Коминтерна. Но, говоря о большевистском варианте империалистического тоталитаризма, необходимо все же иметь в виду, что всюду — кроме СССР — вплоть до конца Второй мировой войны речь шла только о сравнительно небольших (разве что в Германии численно довольно значительных) политических группировках **экстремистов левого толка**. К тому же у них не было никаких рычагов реальной власти, и по этой причине к успешным тоталитарным режимам они причислены быть не могут. Иначе обстояло дело с другим вариантом, т.е. с экстремизмом фашистско-нацистского типа.

Фашизм как политическая идея и определенная форма власти пришел к власти в Италии в начале 20-х гг. Более того, именно итальянский фашизм с его явно выраженными империалистскими замашками, был первым в своем роде **экстремизмом правого толка**. Следование ему как образцу и соответственно — позже — изучение тоталитарных режимов в историографии XX столетия этого важного нового феномена началось именно с внимания к Италии. Стоит добавить, что понятие «тоталитарное государство» (*stato totalitario*) в сугубо позитивном смысле ввел в 20-х гг. сам Муссолини. **И только с начала 30-х гг. тоталитаризм стал всерьез изучаться как нечто**

крайне негативное в период развитой современности. И для этого появились очень серьезные основания.

Дело вовсе не в том, что специалисты осознали пагубность тоталитарной диктатуры. Диктатура как форма реализации власти была известна миру с незапамятных времен, к тому же она нередко была близка к тотальной, достаточно вспомнить о выкрутасах римского Нерона, не говоря уже о злобных и жестоких тиранах восточного типа, уничтожавших людей без счета и без причины. Проблема в том, что рядом с итальянским вскоре стали появляться иные близкие к нему по духу и стилю модели того же самого режима. Ведь практически одновременно с фашизмом, даже чуть ранее него, стал проявлять себя большевизм. И хотя в качестве правящего режима он заявил о себе уже в конце 1917 г., этот вариант тоталитаризма далеко не сразу стал понятным внешним наблюдателям. Советский большевистский строй выявлял всю свою неприглядную структурную сущность постепенно, в основном после НЭПа (период военного коммунизма не в счет). А до того многие, в том числе левые интеллектуалы в разных странах мира, не говоря уже о тружениках, чья жизнь после мировой войны сильно ухудшилась, верили в красивые и манящие лозунги марксистской утопии и тем более в риторику активистов Коминтерна. Отсюда и быстрое распространение коммунистических идей с возникновением соответствующих партий во многих странах. Еще позже, в 30-х гг., обрела значимость и получила широкое признание немецкая модификация фашистской диктатуры правого толка, т.е. национал-социалистический режим. Затем заявили о себе испанские фалангисты, да и еще кое-кто в ряде небольших европейских стран. **Вот тогда и начало становиться все более ясным, что *эпоха триумфа буржуазии*, столь ярко проявившая себя во второй половине XIX столетия, *встретила в меняющемся мире все более четко выявлявшую себя альтернативу*.**

И это действительно было так. Сразу же после войны стало отчетливо ощущаться, что мир изменился не только в плане некоего холизма или, как принято сегодня говорить, глобализации бытия. Оказалось гораздо более важным то, что **буржуазные преобразования** холистическо-глобального характера **натолкнулись на спонтанное сопротивление мировой деревни и на империалистический агрессивный экстремизм тех, кто ненавидел либеральную демократию.** Или, если выразиться иначе, тех, кто хотел бы использовать возможности, предоставленные созданной в результате буржуазных преобразований индустрией вооружения, для того чтобы снова попытаться добиться своего. Чтобы, используя заманчиво звучащие

разные идеи (те самые, которые, по Марксу, становятся огромной материальной силой, если и когда овладеют массами), реализовать возникавшие в складывавшейся в мире обстановке глобальные планетарно-экспансивные цели. Началось соревнование человеконенавистнических доктрин.

Стоит в связи с этим упомянуть, что идеологи Коминтерна с легкой руки Сталина — а он всегда следил за тем, что рекомендуется от имени этой влиятельной в то время организации, — часто именовали фашистами и социал-демократов, которые успешно соперничали с большевиками за влияние на рабочих. Их называли «социал-фашистами». Но это была не более чем игра в слова со слюной ненависти. А на деле вся сложность ситуации сводилась к тому, что **фашисты** в Италии, как **и нацисты** в Германии, **оказались** такими политическими группировками, а затем и приходившими к власти режимами, которые становились влиятельнейшими **конкурентами коммунистов**.

Парадокс ситуации в том, что появившиеся в послевоенном западном мире новые политические силы, которые имеются в виду, во многих отношениях были идентичны коммунистам. Это были такие же партии *нового типа*, т.е. склонные к единовластию и к тоталитарной диктатуре полувоенные организации с всесильным репрессивным аппаратом, которые при этом уделяли большое внимание социальной политике и рабочим, всерьез ограничивая произвол работодателей и придавая тем самым государству роль высшего арбитра. Но все они оставались при этом — в отличие от склонных к либеральной демократии социал-демократов — прямо противоположными им. И именно в этом они были де-факто союзниками большевиков. Немецкие национал-социалисты и итальянские фашисты, как и многочисленные полуфашистские группировки, не пришедшие к власти или, захватив власть, заметно отличавшиеся от фашистов и нацистов, никогда, как и большевики, ничего общего с социал-демократами не имели. В этом они были едины. Вопрос был лишь в том, идти на сближение между собой в борьбе против буржуазной либеральной демократии и близкой к ней социал-демократии или все же считать друг друга своими соперниками. Как известно, этот вопрос решался достаточно долго, заняв несколько лет накануне Второй мировой войны. В чем были причины колебаний? Помимо политических соображений, стратегии выгодного момента и некоторых второстепенных событий, включая элементарные просчеты и взаимные обманы, здесь сыграло свою роль и различие между тоталитарными доктринами левого и правого толка.

Хорошо известно, что одни ставили своей целью достижение утопического светлого будущего без всех непролетарских слоев, боль-

шую часть которых следовало просто уничтожить в процессе мировой революции. Другие же видели главное в возвеличении национализма, доходившего у нацистов до уровня расово-этнической ненависти и геноцида, в комбинации с социальными реформами и со стремлением установить *новый мировой порядок* в процессе агрессивной экспансии. Были, однако, и расхождения иного типа, к числу которых важно отнести роль частной собственности, принципиально ненавистной коммунистам, но умело и подконтрольно использовавшейся в собственных интересах в тоталитарных режимах правого толка. И на это стоить обратить особое внимание, потому что это важнейшее обстоятельство заранее предоставляло некоторое преимущество тоталитаризму правого толка.

Казалось бы, если взглянуть на ход истории, все наоборот. Правый вариант тоталитаризма погиб в мировой войне, а левый, выйдя из нее победителем, еще несколько десятилетий торжествовал. Но на самом деле все не так просто. И если отбросить стечение обстоятельств и случайности (а именно эти важнейшие факторы эволюции следует считать подлинными двигателями истории), то будут основания утверждать, что там, где рынок и частная собственность буржуазного типа принципиально ликвидировались, структуры через ряд десятилетий выявляли свою полную несостоятельность и исчезали мирным образом, иногда, как в КНР, сохраняя доктрину и некоторые организационные формы в качестве полезного для переходного периода рудимента. А там, где собственники, пусть даже подконтрольные власти, сохраняя свои капиталы, продолжали существовать, тоталитарные структуры (как то было на протяжении многих тысячелетий и с восточного типа структурами власти-собственности) могли длительное время оставаться внутренне устойчивыми. История XX в. показала, что они гибли лишь в результате спровоцированных ими же войн (те, кто оставался в стороне от войн, мог уцелеть, по крайней мере до смерти диктатора, как то было с Испанией генерала Франко).

Оба варианта тоталитарных режимов в их различных модификациях интенсивно развивались после Первой мировой войны, ход и конец которой по ряду важных причин активно этому способствовали. Но показательно, что именно короткий промежуток между мировыми войнами сыграл решающую роль в их судьбах. Нацизм прекратил свое существование, потерпев полное поражение во Второй мировой войне, после чего сошли на нет и все остальные режимы фашистского либо близкого к нему толка. А вышедший из этой войны одним из победителей коммунистический тоталитаризм сумел просуществовать несколько дольше и закономерно рухнул под влиянием собственных

внутренних несовершенств лишь ряд десятилетий спустя. Итак, тоталитарные режимы — порождение Первой мировой войны. Как упоминалось, стремились к ней прежде и более всего именно немцы, для которых быстрые успехи и бурное развитие были подстегивающим поводом желать и требовать большего. Много большего. И когда вставал вопрос, как достичь этого, ответ оказывался только одним — через войну. А ведь далеко не все хотели войны. России едва ли не прежде других она была очень не нужна, ибо мешала уже наметившемуся пути спокойного и успешного развития. Наша страна, несмотря на сохранявшееся, но давно уже агонизировавшее самодержавие, перед войной быстро шла вперед, да и контуры сравнительно развитого буржуазно-демократического общества были впереди вполне различимы. Оставалось немногое. Но пришла война, и именно царизм первым оказался в нее вовлеченным, причем вроде бы из-за пустяка, которым, постаравшись, можно было пренебречь. Англия тоже явно не хотела воевать, да и ни к чему ей было ввязываться в мясорубку, которая не могла прибавить к ее авуарам слишком многого. Но крепкий союзнический долг в создавшейся ситуации оказался выше всего, и ситуация вынудила эту страну вступить в войну. Османская империя — не говоря уже о Болгарии и тем более Италии либо Румынии — тоже была вроде бы в стороне и вполне могла ограничиться решением внутренних проблем, коих было, что называется, по горло. Но все они оказались втянутыми в войну, причем произошло это не то чтобы против их воли, но по принципу *все за одного*.

Этот принцип ранее в международных делах никогда не доминировал. Бывали войны, вроде Тридцатилетней, в которые втягивались многие страны, ибо на кону стояла общая для всех них проблема, туго сплетавшая все эти страны в единый блок. Но они сплетались в блоки именно потому, что были задеты жизненные интересы каждой из них, всех их. Сегодня эти интересы могут показаться кому-либо не слишком важными, но в то время, в XVII в., быть католиком или уйти в протестантизм значило очень многое, причем не просто для страны, но для всего народа, буквально для каждого человека. Бывали в прошлом и иные коалиции, вынуждавшие союзников воевать. Особенно это характерно для периода наполеоновских войн. Коалиции такого рода были не случайными. Вся континентальная Европа (об Англии стоит вести речь особо — Франция просто была ее исконным соперником) в те времена не могла не воевать с революционной Францией, ибо после успешной буржуазной революции аристократические верхи других стран не хотели отступать перед натиском буржуа у себя дома. А буржуа только и ждали того, что при-

дет наполеоновская армия, которая положит конец многовековому правлению знати, олицетворявшей подгнившую структуру власти-собственности со столь характерной для нее централизованной редистрибуцией. Словом, существовали общие интересы, которые были достаточным основанием для возникновения коалиций.

В конечном итоге ясно, что в сравнительно недавнем либо в более отдаленном прошлом бывало всякое. Но такого, чтобы крупные державы, явно имевшие каждая свои собственные интересы и, главное, вовсе не стремившиеся легко ими жертвовать ради не вполне ясно каких целей, вдруг оказывались чьей-то железной рукой втянутыми в многолетнюю кровавую бойню, не было. Так что же случилось? Именно то, о чем все время идет речь. Мир стал изменяться. Мало кто, скорее всего, никто еще сути происходящего тогда не ощущал (такое воспринимается лишь со временем и преимущественно глядя назад, с высоты своей эпохи и жизненного опыта поколений), но оно уже не только было. Оно властно двигало большими странами, которые в едином порыве, чуть ли не против своей воли, воссоединялись в могущественные альянсы, готовые воевать и уже не позволявшие себе расслабиться и отказаться от назревавшей войны. Это та самая становившаяся все теснее связь между разными странами и народами, то самое генеральное направление движения, которое уже не зависело только от одних лишь национальных интересов. Мощную роль движущей силы **стали играть наднациональные импульсы**, влияние и доминирующее положение которых были ранее других замечены и во всяком случае лучше остальных отражены в доктрине американского президента Вильсона, вполне заслуженно удостоенного за это Нобелевской премии мира.

Здесь нужны некоторые пояснения. Триумф буржуазии в XIX столетии не остался бесследным. И если вначале его сугубо материальные и идейно-духовные результаты, распространившись по всей планете, стали ощутимы прежде всего в процессе модернизации и — вне Запада — вестернизации, т.е. в постепенном, но радикальном изменении образа жизни людей, в первую очередь в городах, число и размеры которых увеличивались с наибольшей быстротой, то несколько позже, в том числе с начала XX в. и особенно в послевоенные годы, они начали ощущаться везде и во всем. Речь о том, что процесс глобализации в мире и ускорение шагов истории вынудили планету не только как бы съежиться, но и ощутить себя — впервые в истории — чем-то единым, цельным и очень тесно взаимно связанным. И эта связь призвана была стать основой для всех, абсолютно всех, белых и небелых, развитых и отставших в развитии, умных и не очень. Когда запрещалась тор-

говля рабами, а потом, в частности в США, велась гражданская война именно для того, чтобы освободить рабов, речь шла прежде всего именно о гражданском равенстве людей. Это были первые и очень важные шаги в сторону **глобализации**, т.е. чего-то крайне значимого и общего для всех. Когда позже, уже во второй половине XX в., после деколонизации, равно как и в наши дни, стали предприниматься еще более заметные усилия для обеспечения социального благополучия бедных или отставших в развитии, снова был поставлен вопрос — пусть только поставлен — о глобальном и ненасильственном улучшении участи всех. Это был весьма благородный глобализм, хотя и им многие остались недовольны. Что же это такое?

В самом общем виде нечто, уравнивающее мир, создающее общепринятый и приемлемый для всех стандарт бытия. Нечто, являющееся самым непосредственным и естественным следствием наднационального импульса, о котором только что упоминалось. Вообще-то он совсем не нов. Спорадически и неровно, этот импульс временами проявлял себя и в прошлом, обычно наталкиваясь на ожесточенное сопротивление многих из тех, кто более всего дорожил своей цивилизационно-идентификационной основой, считая именно ее, т.е. свое, специфическое, исключительное и потому для многих очень важное, высшей ценностью. Это не следует игнорировать. Более того, следует признать, что наднациональная глобализация не только интегрирует, но и игнорирует, а то и стирает специфику и тем более дорогую каждому его национальную и личностную идентичность. И здесь очень важно воспринимать происходящее, ценя чувство меры.

Не заходя слишком далеко в глубь истории, заметим, что колониальное освоение мира всегда нарушало его идентичность. Но оно приносило людям, не знакомым с западной цивилизацией, немало нового, становившегося полезным, а затем и **своим**. Победа антично-буржуазной либерально-демократической структуры в западном мире была проявлением того же самого. Все колонии либо зависимые страны, даже и независимые, но воспринявшие западные буржуазные стандарты, обретали нечто важное в своей экономике, социально-политической системе, а также в образовании, здравоохранении, культуре и т.п. Это новое вело к усвоению неоспоримо полезных всем ценностей. Буржуазные преобразования — в основном в форме заимствования, т.е. вестернизации, — создали на всей планете новый мир, благами которого, пусть пока еще в разной степени, пользовались все. И это становилось всеобщим благом.

Разумеется, по мере описываемого процесса глобализация обретала и иные формы. Достаточно напомнить о мировом экономи-

ческом кризисе, о великой депрессии 1929–1933 гг., начавшейся в США, наиболее развитой стране мира. Так либо иначе, сильнее или слабее, но она затронула почти весь мир. Подробнее о причинах и проявлениях этого кризиса будет идти речь в связи с событиями в США. Последствия кризиса сказались на уровне производства и условиях жизни почти всех стран, т.е. многих сотен миллионов, если даже не миллиардов людей. И хотя далеко не все страны болезненно ощутили удары кризиса, именно его глобальность наиболее наглядно показала миру, что он очень сильно изменился.

В нашей историографии, не слишком долго раздумывая, часто склонны были все это воспринимать, следуя большевистской доктрине, совершенно иначе, относя все невзгоды на счет *империализма*, о сути которого уже подробно шла речь. Но такой «империализм» — миф. А империалистами, если уж на то пошло, были мечтавшие о *мировой революции* большевики и стремившиеся к *новому порядку* нацисты. Впрочем, те и другие, как и агрессивные силы Японии либо Италии, мечтали не просто о великих империях. Их целью была всепланетная агрессивная экспансия, что тоже следует считать порождением и проявлением глобализма. **Рождался страшный шаг в никуда, который, тем не менее, как и породившие его идеи, можно и должно считать крайне искаженным отражением *все того же наднационального импульса*, о котором упоминалось выше.**

Завершая рассуждения общего характера, важно специально заметить, что глобализацией и наднациональными тенденциями было затронуто буквально все, ибо в основе находилось неудержимое распространение достижений западных буржуазных индустриальных преобразований (в меньшей степени либеральной демократии, прав и свобод человека с его независимыми от власти элементами гражданского общества). Все связанные с этим важные процессы, как и события в западных странах, получат свою должную оценку в ходе изложения материала и его аналитической обработки. Нужна разве что оговорка, что характеристика и оценка мира вне буржуазного Запада будут более обстоятельно объяснены особо, ибо проблема модернизации и вестернизации далеко не проста и заслуживает специального внимания.

Вообще следует подчеркнуть, что материал, с которым мы будем иметь дело, крайне противоречив и потому оценивается специалистами далеко не однозначно. И дело вовсе не в недостаточной его изученности. Напротив, многие важнейшие проблемы обсуждались с разных сторон сотни и тысячи раз, в том числе в капитальных монографиях, базирующихся на тщательном изучении документов.

Вопрос чаще всего сводится к тому, каковы позиции авторов. В исследованиях представлены самые различные точки зрения. Это и затрудняет, но одновременно и облегчает работу. В конце концов никому не заказано читать те книги, изложение и авторская позиция в которых им по душе. Одни склонны почитать Сталина, другим все больше нравится Гитлер. Некоторые восхищены стремлением восстановить великие империи, тогда как их оппоненты полагают, что нет в мире ничего выше **Человека**, причем государства и правительства должны служить именно ему. Поэтому главной задачей является не столько стремление досконально разобраться с одной либо несколькими вызывающими споры проблемами и позициями, сколько дать основанную на генеральной авторской концепции и на интерпретации всех основных событий XX в. оценку общеизвестных и, что крайне важно, хорошо документированных фактов.

Глава четырнадцатая. РОССИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ БОЛЬШЕВИКОВ

Конец войны с поляками и разгром Врангеля в 1920 г. фактически положили конец гражданской войне. Все то, что можно было, армия под жестким руководством большевиков вернула под власть заново созданного правительства, пришедшего на смену царскому самодержавию. Разрушенная войной страна могла перейти к важному этапу восстановления хозяйства. Однако было совершенно очевидно, что политика военного коммунизма с ее крайне жесткими ограничениями и отсутствием стимулов для успешной работы (эти — в основном материальные — стимулы привычно подменялись насилием) содействовать быстрому восстановлению не может. Правда, эта очевидность оказалась понятной руководству партии не сразу. Еще в конце 1920 г. оно вело курс на национализацию мелкого кустарного производства, всеобщую трудовую повинность и трудармии, в состав которых почти автоматически переводились многие подлежавшие демобилизации военнослужащие. А в разрушенной деревне создавались коммуны, в рамках которых труд максимально обезличивался и потому оказывался крайне непроизводительным. Неудивительно, что в таких условиях вынужденно сохранялась продразверстка, без которой город был бы обречен на голод.

Специалисты обращают внимание на то, что в годы военного коммунизма деньги — знаменитые *керенки* — потеряли значение. Зарплата замещалась пайковыми выдачами, а пайковые продукты, как и любые другие вещи, имевшие хоть какую-нибудь ценность,

равно как и действительно еще хранившиеся кое у кого ценности, становились объектом повседневного обмена. При этом за жилье, перевозки и иные услуги, вплоть до мелких коммунальных, плата не взималась. Коммунизм так коммунизм. В результате в стране расцвел черный рынок, а торговлей, формально запрещенной (спекуляция!), на деле занимались все. Да и как иначе люди могли бы прожить? И, как то хорошо понятно любому, кто хоть немного читал о тех временах или хотя бы смотрел про них фильмы, главной фигурой в стране, помимо *красных* и *белых*, были так называемые *мешочники*, без которых Россия в тех суровых обстоятельствах просто не выжила бы. Но самое интересное в том, что сразу же после победы в гражданской войне руководители — да и многие из рядовых членов партии большевиков — вполне искренне считали, что это и есть нечто вроде коммунизма. А раз так, то и политику, понятно, надо продолжать прежнюю. И только события весны–лета 1921 г. заставили вождей задуматься над тем, как же жить дальше. Неожиданно отчаянное восстание кронштадцев, потребовавших исполнить обещания (земля — крестьянам, заводы и фабрики — рабочим) и вообще предложивших обойтись без большевиков под лозунгом *за советы без коммунистов*, а также самое массовое крупномасштабное восстание тамбовских крестьян против продразверстки стали причиной смены политики. Уже в мае на партконференции были объявлено об отмене военного коммунизма. Практически одновременно большевики отказались от продразверстки, заместив ее налогом.

А летом все того же 1921 г. разразилась необычайная засуха, охватившая Украину, Кубань и все Поволжье. Начались первые — но далеко не последние — страшные времена, вынуждавшие людей поедать трупы умерших. Знаменитый норвежский полярник Ф. Нансен оказался главным среди тех, кто сумел организовать реальную помощь. И хотя власти под предлогом оказания той же помощи стали беспощадно грабить церкви, снимая золотые оклады с икон и реквизируя прочие ценности, на деле вовсе не эти средства помогли спасению умиравших. Как то ни покажется странным, но первыми среди жертвователей оказались славшие деньги выброшенные большевиками из России русские люди. Не остались в стороне и правительства многих западных стран, к которым настойчиво обращался все тот же Нансен. В голодающую Россию потоком пошло продовольствие, что спасло многих (умерло от голода и эпидемий, сопутствовавших ему до 1923 г., по некоторым подсчетам, около 5 млн человек).

Печальный итог очевиден. **Новая экономическая политика не была ни тактическим отступлением**, ни вообще сколько-нибудь

продуманным шагом большевиков. Она стала отчаянной попыткой предотвратить неизбежную катастрофу, которая оказалась пострашнее любых генералов враждебных армий. **Только резкий поворот назад, к проклятому марксизмом буржуазному рынку, мог спасти большевиков.** И они пошли на объявление НЭПа. А поскольку страна еще не забыла недавние предвоенные годы процветания и, несмотря на гибель миллионов, прежде всего сильных и здоровых мужчин, в России сохранились те, кто всегда ее кормил, кто все делал и мог делать, переход к НЭПу оказался — в отличие от 80–90-х гг. того же XX столетия — удивительно легким и простым. Не нужно было никого уговаривать, никому ничего объяснять. Не было нужды предпринимать широкомасштабную и дорогостоящую приватизацию, ибо по существу еще просто нечего было приватизировать. Страна оставалась крестьянской, полукустарной и, более того, привычно настроенной на массовое мелкое и — много реже — среднее по масштабу промышленное производство и соответствующие ему торговлю, предпринимательство, сферу необходимых услуг. Откройте рынок и пустите в оборот деньги — ничего более и не было нужно (чем-то в этом плане события 1921 г. в России напоминали реформу Дэн Сяо-пина в Китае в 1978 г.).

Конечно, стоит при этом принять во внимание и план ГОЭЛРО, о котором было возвещено еще в конце 1920 г. и с которым большевики связывали будущее промышленное развитие России. Но это были две как бы не соприкасающиеся плоскости. НЭП давал возможность стране ожить и прийти с точки зрения привычного образа жизни в кратчайший срок в состояние довоенной нормы, а ГОЭЛРО долго еще оставался журавлем в далеком небе. О реализации этого престижного плана можно было говорить лишь по мере строительства не только новых электростанций, но и вообще всей тяжелой промышленности, т.е. где-то спустя десятилетие с начала первых пятилеток. Опять-таки напрашивается параллель с постмаоистским Китаем. Но снова при этом встает проблема принципиального несходства двух стран, двух народов, двух историко-культурных традиций, да, если уж на то пошло, и двух разных эпох. Но вернемся к большевистско-нэповской России.

Отмена продразверстки и разрешение на аренду земли, строительство предприятий и наем работников как на селе, так и в городе, наряду с отказом от трудармий и трудповинностей, с правом каждого выбирать место работы, с развитием торговли, введением денежного обращения (обеспеченный казной рубль, а то и червонец) создали в стране нормальный стимул для активной производственной дея-

тельности. Но так было не долго. Во-первых, потому, что очень скоро всем стало ясно, что власть твердо держит в руках вожжи и не дает никому сделать лишний шаг в сторону. Политические партии и не связанные с политикой большевиков организации появляться не могли. Имела право на существование только Российская коммунистическая партия *нового типа*, РКП(б), которая быстро разрасталась, достигнув к марту 1921 г. свыше чем 700 тысяч членов. В сфере массовой информации господствовала строгая цензура, а нэпманы и даже просто те, кто пользовался наемным трудом, дискриминировались. Они лишались избирательных прав (лишенцы). Даже правом поступить в вуз пользовались далеко не все. Кроме того, через недолгое время стало ясно, что государство злоупотребляет административными ресурсами, регулирует экономический процесс и, более того, просто нуждается в средствах для индустриализации, несопоставимыми с теми, что давал доход от налогов с нэпманов. Поэтому-то и появилась идея, представляющая дело таким образом, что НЭП — это чуть ли не умело и хорошо спланированное временное вынужденное отступление. Начались репрессии.

СМЕРТЬ ЛЕНИНА И КОНЕЦ НЭПА

Ужесточение политики по отношению к нэповской России было связано с некоторыми важными политическими переменами в стране. С одной стороны — успехи нэповской экономики укрепили внутриполитические позиции России и позволили ей в декабре 1922 г. создать общесоюзную федерацию СССР, что резко усилило административную систему власти большевиков (централизованную редистрибуцию). С другой — впал в тяжелую неизлечимую болезнь вождь коммунистов Ленин, функции которого сумел перехватить генеральный секретарь партии Сталин. Этот деятель РКП(б) не нуждается в детальной характеристике. Но очень важно заметить, что, будучи крайне властолюбивым и неразборчивым в средствах достижения цели, он сумел, пользуясь функциями всесоюзного организатора партийных кадров, привлечь на свою сторону людей, выдвижению которых способствовал. В стране во многом именно его усилиями старательно и целеустремленно создавалась так называемая номенклатура. Этот прочный иерархический костяк назначавшихся сверху партвыдвиженцев, которые заменили собой столь помогавшие большевикам прежде выборные советы, оказался для компартии бесценной находкой. Выдвиженцы, призванные посредством ускоренной переподготовки в специальных учебных заведениях стать пригодны-

ми для управления страной и всеми сферами хозяйства и общества, как раз и превратились со временем в мощную бюрократическую номенклатуру, т.е. в прочный фундамент для превращения партии *нового типа* в государство, а ее активных функционеров в аппарат администрации.

Умело изолируя, а подчас и сознательно ссоря друг с другом видных партийных деятелей, начиная с трагически недооценившего его коварные способности Троцкого, а также Н. И. Бухарина, Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева и ряда других виднейших соратников Ленина, не говоря уже о партийцах более низкого уровня, Сталин шаг за шагом укреплял свои позиции и возможности в партии и в государстве. Контролируя каждый шаг тяжело больного вождя — который в своем завещании заранее предупредил партию от того, чтобы дать высшую власть в стране этому человеку, — непревзойденный политический интриган, обычно тщательно продумывавший свои ходы, терпеливо дожидался смерти Ленина. Дождавшись, сумел очень удачно использовать тот факт, что Троцкого в тот момент в столице не было. От имени партии генсек дал понять на похоронах вождя, что именно он берет на себя доведение до конца дела Ленина.

Здесь важно заметить, что незадолго до смерти вождя в РКП(б) началась ожесточенная дискуссия, в ходе которой ряд старых членов партии во главе с Троцким выступил против выдвиженцев, упрекая новое политбюро в отсутствии *рабочей демократии*, на что генсек ответил, что сейчас не время говорить о демократии. И он, как выяснилось, не только оказался прав, но и сделал все, чтобы его правота была признана всеми. Новый вождь не терял драгоценного времени. Сторонники Троцкого один за другим лишались своих влиятельных позиций и перемещались на менее значимые должности. Спустя три-четыре года оппозиция в переименованной Всесоюзной партии — ВКП(б) — была в основном ликвидирована, а некоторые виднейшие ее лидеры во главе с Троцким, т.е. Каменев, Зиновьев, Бухарин, а также А. И. Рыков и М. П. Томский, стали уже в политбюро меньшинством. В ноябре 1927 г. в дни десятилетия большевистского переворота Троцкого и Зиновьева за активное участие в соответствующей демонстрации исключили из партии, а Каменева вывели из ЦК. Еще через год-два Бухарин, Рыков и Томский были осуждены партийным судом и оказались вынужденными покаяться. С оппозицией в руководящих кругах партии было тем самым почти покончено.

Избавление от критики со стороны влиятельных деятелей большевизма предоставило генсеку и заново сформированному им из преданных ему людей политбюро, которое реально руководило

всем в стране, возможность действовать, не оглядываясь по сторонам. И уже признанный новый вождь коммунистов СССР пошел в наступление. В докладе от 28 мая 1928 г. он заявил, что страна, отставшая от передовых на 50–100 лет, должна преодолеть эту дистанцию за 10 лет, для чего следует покончить с НЭПом. Почему помешал именно НЭП? Дело в том, что партийно-административный аппарат с его командными методами руководства уже вполне сложился. В то же время отчетливо выяснилось, что нэпманская экономика достигла максимума возможного. А сделать важный шаг в сторону индустриализации, да еще с расчетом за 10 лет догнать тех, кто ушел вперед на 50–100 лет, ей было явно не под силу. Нужны были принципиально иные методы решения столь амбициозной проблемы. Примитивный расчет на мировую революцию, обосновывавшийся подъемом революционных настроений и появлением советов в различных европейских странах в момент окончания мировой войны, давно уже лишился своей реальной основы. О нем приходилось надолго забыть. Но раз так, то следовало взять за основу какую-то иную стратегию. Какую?

Оппозиция во главе с Троцким, не сумевшая предложить приемлемый для политбюро вариант выхода из положения и, более того, уже очень откровенно предупреждавшая о реальной перспективе *перерождения социализма*, если в условиях невозможности мировой революции будет взят курс на построение чего-то вроде социализма в одной стране, потерпела поражение. Взамен был принят курс на форсирование расслоения деревни и усиление в ней *классовой борьбы*, для чего было принято решение о снижении налогов с бедных крестьян и усилении его с зажиточных. За счет продажи деревенского зерна за границей планировались ускоренные темпы индустриализации. Собственно, именно к этому и сводилась нехитрая стратегия, ведшая к ликвидации НЭПа. А мировой экономический кризис, начавшийся годом-двумя спустя и затем тянувшийся несколько лет, оказал вождям СССР неоценимую услугу. Ведь им представилась выгодная, даже уникальная по характеру возможность за счет реквизиции крестьянского зерна по дешевке покупать в момент кризиса все неликвидные на Западе и необходимые СССР для индустриализации заводы, комбинаты, фабрики, оборудование для шахт, железнодорожных линий, электростанций и т.п. А уж во что это обошлось людям — вопрос совсем другой. Ведь люди — самое малоценное в идеологии тех, кто мыслит масштабами мировой революции, диктатуры пролетариата и светлого будущего весьма отдаленного и никому толком не ясного *коммунизма*. Да и вообще люди всегда очень

мало чего стоили в рамках той структуры власти-собственности, наиболее человеконенавистническую модификацию которой реализовывали в послевоенной России большевики. Несколько слов о том, как конкретно все это выглядело на рубеже 20–30-х гг.

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ, КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И ГОЛОДОМОР

Начать стоит с того, что еще в последний период НЭПа в стране искусно создавалась ситуация осажденной крепости и соответственно нагнеталась близкая к панике опасность вторжений со стороны «мировой контры». Кругом были враги, и вся страна должна была постоянно иметь это в виду. Все было вроде бы вполне логично и даже представлялось само собой разумеющимся. В европейских странах — а именно там надежда на мировую революцию окончательно угасла — шел достаточно быстрый и успешный период экономической стабилизации, сводившийся к нормализации и быстрому росту уровня жизни. Хотя знаменитая *испанка* — эпидемия, унесшая во всем мире, прежде всего на Западе, чуть ли не два десятка миллионов жизней людей, ослабленных после войны, — нанесла немалый урон, Европа, тем не менее, достигала все новых и новых успехов на пути буржуазного развития. Это развитие включало и все возраставшее внимание к социальным реформам, которые были, к слову, отнюдь не спровоцированы будто бы привлекательным советским опытом. Побывавшие в СССР иностранцы, сочувствовавшие социализму и пытавшиеся было даже кое-где в духе незабвенного Оуэна строить коммуны, в ужасе возвращались обратно и многое сделали для того, чтобы мир понял, что такое марксистский социализм. Социальные реформы в развитых буржуазных странах были естественным результатом того самого одобрявшегося социал-демократами союза труда и капитала, которого столь опасался еще задолго до войны вождь российских большевиков. Как известно, он боролся против рассчитывавших на этот союз русских *экономистов*, как он их именовал.

Россия, только-только с величайшим трудом выползшая (трудно подобрать более соответствующее реалиям слово) из-под обломков страшной войны, о таком развитии не смела и мечтать. Как говорится, не до жира — быть бы живу. Но у властей, упрочивших господство над ней, были иные намерения. Весь смысл их существования оказался теснейшим образом связан с агрессивной экспансией, которая со времен Маркса с его *диктатурой пролетариата* во всемирном масштабе, т.е. с мировой революцией, была нагляднейшим про-

явлением большевистского империализма. Жульнически выдавая придуманный их лидером буржуазный *империализм* за агрессию, которой следовало противостоять, руководители СССР на самом деле сделали основой своей стратегии не просто наступательную, но империалистическую внешнеполитическую линию модернизованного ими коммунизма. А как иначе, не вдаваясь в рассуждения о недосягаемом утопическом *светлом будущем* (в которое — увы! — многие вполне искренне верили), следовало воспринимать все то, что легло в основу внутренней политики, пришедшей в едва воспрянувшей духом огромной стране на смену спасительному, хотя и далеко не решившему все ее проблемы НЭПу?

И, на что следует обратить особое внимание, ведь далеко не случайно в прессе — вот она, набирающая силу массовая пропаганда — развернулась новая кампания в пользу развития и укрепления РККА (Рабоче-крестьянской красной армии). Подросшая и не успевшая повоевать молодежь призывалась пополнять ее ряды, а производственные мощности тяжелой индустрии должны были привести к концентрации усилий прежде всего и главным образом на том, чтобы снабдить армию всем необходимым для войны, имея в виду прежде всего новую и оправдавшую себя в ходе мировой войны технику, т.е. танки, самолеты, подводные лодки, крупные пушки и т.п. Собственно, именно с этого и началось оттачивание принципиально новой стратегии ВКП(б). Суть ее сводилась к тому, что страна берет курс на строительство социализма в одной отдельно взятой стране, основа которого — индустриализация, которая одна только сумеет обеспечить ее военную мощь. А смысл военной мощи — от РККА до снабжения ее необходимой военной техникой — в том, чтобы готовиться к новой войне за силовое, империалистическое по форме и характеру навязывание миру, не сумевшему обеспечить мировую революцию, новых большевистских порядков.

Ключевая проблема всей стратегии, как легко заметить, в скорейшей и эффективной индустриализации, в создании принципиально новой тяжелой промышленности, которая одна только сумеет обеспечить достижение цели. А так как примитивные возможности НЭПа не в состоянии обеспечить индустриализацию всем необходимым — долой НЭП, который будет заменен командно-административной системой с возвратом к жесточайшим мерам экономии. И вот на передний план выступила идея коллективизации огромной российской деревни, где все еще проживало заведомое и очень солидное большинство населения огромной страны. Но для того, чтобы добиться желаемого, следовало начать и быстро завершить раскрестьянивание

деревни. И это раскрестьянивание провести не по американскому фермерскому стандарту, а самым жестоким способом по отношению к основной части населения страны, т.е. методом принуждения и насилия. Речь об одном из самых тяжелых периодов во всей нелегкой истории России. А началось все с того, что после того, как выяснилось, что план хлебозаготовок в урожайном 1927 г. не выполнен, было решено приступить к новому этапу уже с успехом апробированной в годы гражданской войны продразверстки. В первые месяцы 1928 г., т.е. задолго до нового урожая, было приказано начать реквизировать так называемые *излишки* хлеба у *зажиточных* крестьян. Таким образом собрали свыше 4 млн т зерна, что намного превысило объем хлебозаготовок в 1927 г. Это означало, что хлеб был выметен из амбаров, причем далеко не только *зажиточных* земледельцев, почти дочиста. А ведь это был не только товарный запас, который предназначался для торговли с городом. Фактически экспроприировалось почти все. Иными словами, над Россией, теперь уже в мирное время, вновь обретал реальные очертания, казалось бы, исчезнувший призрак голода и сопровождавшей его кровавой продразверстки.

Деревня стала голодать. Но это не остановило власть. Напротив, успех в деле экспроприации зерна подзадорил ее. И с 1929 г. ВКП(б) пошла в наступление. Был выдвинут звонкий лозунг *индустриализация — конец нищей деревне*, истинный смысл которого оказался глубок и зловещ. Имелась в виду резкая смена акцентов, суть которой сводилась к тому, что прежняя деревня вполне откровенно признавалась неким болотом, мешающим стране двигаться вперед. На фоне всесоюзной кампании, *призывавшей к социалистическому соревнованию* (движение *ударников*, призывы к более высоким *встречным планам*, к необходимости *догнать и перегнать* буржуев и т.п.), которая ориентировала городское население на мощный большевистский штурм производственных высот, к чему и было привлечено внимание, то, что происходило в это время в деревне, не было заметно. А происходило там нечто зловещее. Лозунг большевиков, с помощью которого они повели за собой крестьянскую Россию (*земля — крестьянам*) стал перетолковываться в его крайне иезуитской форме, которая сводилась к тому, что земля у крестьян отбиралась под предлогом вступления их в *коллективные* либо *советские* хозяйства (колхозы и совхозы).

Речь идет о пресловутой коллективизации, в ходе которой у крестьянина отбиралось все, вплоть до лошадей и коров, которых сводили на наспех создававшиеся общественные скотные дворы, где эта живность, лишенная хозяйской заботы, довольно быстро хирела и подыхала (за 1928–1934 гг. поголовье крупного рогатого скота

уменьшилось с 60 до 33 млн). Но мало сказать только об этом. Главное, что творилось в деревнях, не только не было известно, но, напротив, тщательно скрывалось. А творился там полный произвол. Рушилась не просто привычная уже экономика НЭПа. Погибали сами деревни. Сначала в каждую из них вновь, как то бывало в годы военного коммунизма, приезжали хорошо вооруженные уполномоченные, которые реквизировали *излишки*. Затем в те же деревни ехали специально отобранные рабочие, 25-тысячники (всего их было несколько сотен тысяч), которые должны были с помощью силы разъяснить *несознательным* крестьянам преимущества коллективного хозяйства и записать их в колхозы.

Процесс шел медленно и наталкивался на отчаянное сопротивление. Тогда вождь в статье «Год великого перелома» (ноябрь 1929 г.) выдал желаемое за действительное, убедив страну в том, что крестьянин-середняк — а это основа деревни — будто бы охотно пошел в колхоз. И сразу же вслед за этим в ход пошли вооруженные отряды войск ОГПУ (объединенное государственное политическое управление), которые приступили к очередному, после военного коммунизма, массированному этапу никогда не прекращавшегося, но спорадически мощным всплеском вспыхивавшего террора. На сей раз террор был направлен официально в сторону *кулаков*, т.е. наиболее зажиточной части крестьянства, а фактически против того самого середняка, который будто бы массами пошел в колхозы. Террор был, как всегда, страшен. Деревни, одна за другой, окружались военными отрядами, в заранее намеченные дома врывались вооруженные люди и в буквальном смысле слова выбрасывали из жилищ их обитателей. Сажали этих людей с малыми детьми в телеги, не давая им ничего взять с собой, и везли на станции, откуда эшелонами увозили их в далекие необитаемые места ссылки. Все это происходило зимой. Людей высаживали на заснеженных пустырях и оставляли на произвол судьбы, обычно не только без продуктов, но и без орудий труда. Иногда не забывали устроить на заставе пулеметную точку, дабы ссыльные не попытались убежать. Неудивительно, что миллионы ссыльных гибли. Считается, что в первые годы коллективизации было таким образом экспроприировано 10–15% крестьян или, по разным подсчетам, от 3,5 до 15 млн человек.

Но это было только началом, страшным началом еще более страшных новых шагов. Дело в том, что, сокрушив *правый уклон*, представленный Бухариным в его статьях и выступлениях 1929 г., в которых этот теоретик большевизма выступал против элементарного ограбления крестьян, т.е. перекачивания продукции из сельского хозяй-

ства в промышленность (*из тысячи сох не составить трактора*), руководство ВКП(б) одобрило курс на успешную коллективизацию и на замену НЭПа централизованным планированием. Возникли наряды и карточки, строго контролируемое снабжение всеми видами продукции, начались вполне серьезные разговоры об *отмирании денег*, что очень напоминало попытку возврата к военному коммунизму. Однако такого возврата не произошло. Страна за почти десяток лет сильно изменилась. Потребности все той же индустриализации, т.е. необходимость в резком росте городского населения за счет перетекания молодежи из приговоренной к разорению деревни в город[1], противоречили этому. Требования ускорить выполнение планов первой пятилетки, для чего из развитых стран приглашались специалисты и рабочие, которым нужно было хорошо платить, также вели к тому, что процесс натурализации и бюрократизации народного хозяйства застыл как бы на полпути.

На смену военному коммунизму пришла хорошо разработанная командно-административная система. Вся страна буквально на глазах становилась все более организованной почти по военному стандарту. Знали только то, что следовало знать. Пропаганда приучала верить только одному источнику — официальным решениям ВКП(б) и мудрым изречениям ее руководителя, культ которого постепенно обретал явственно религиозный оттенок. Важно обратить внимание, что параллельно шел нелегкий процесс ликвидации в стране неграмотности. В 1930 г. количество грамотных по сравнению с 1913 г. удвоилось (с 33 до 63%), причем весь процесс *культурной революции* был хорошо организован. Основные властители дум, оригинальные мыслители, не приемлющие большевизм (их набралось 160 человек, не считая членов семей), были отправлены вон из России на знаменитом *корабле философов* еще при Ленине, в 1922 г. Оставшиеся вынуждены были замолчать и понемногу приспосабливаться, сотрудничая с властью.

Тем самым фон для овладения грамотой, образования и даже для развития науки по-большевистски был полностью расчищен. Ничто *вредное* не угрожало тем, кто, ликвидировав неграмотность, желал и мог продолжить обучение, получая в ускоренном стиле на различного рода *рабфаках* нечто вроде высшего образования. Нет

[1] Считается, что за годы коллективизации в города перебралось около 8 млн человек. По другим данным, учитывающим право демобилизованных оседать в городах и принимающим во внимание массовое, несмотря на все препоны, нелегальное бегство молодежи из лагерей для ссыльных крестьян, за первые мирные годы горожанами стали около 50 млн человек.

слов, многие из числа выдвиженцев оказались весьма способными и впоследствии стали известными в стране учеными, писателями и иными деятелями науки и культуры. Но как это делалось! Всех интеллигентов из числа *бывших* в вузы не принимали либо создавали для них жесткую квоту. В партию их, естественно, не принимали либо, спохватившись, из партии *вычищали* (модный в то время термин). Против старых специалистов время от времени устраивали показательные процессы (шахтинское дело 1928 г., дело экономистов из «трудпартии» и процесс над «промпартией» в 1930 г. и др.), причем суровые приговоры должны были показать массам, что *бывшие* только вредят великому делу социалистического строительства. Но на самом деле инсценированные процессы призваны были прикрыть явные просчеты пятилетки, которая планировалась не слишком квалифицированными людьми.

Вообще же курс на замену старых специалистов новыми, советскими, был вполне сознательным и ставил своей целью воспитание и быстрый карьерный рост новых старательных мастеров своего дела. В Москве возник даже институт *красной профессуры*, символизировавший весь процесс и как бы олицетворявший плодородный курс на создание принципиально нового отряда специалистов. Этот курс был серьезным стимулом и находил в обществе отклик. Более того, он порождал неслыханный энтузиазм. Вдохновленная идеалами светлого будущего, молодежь — а речь именно о ней — радостно принимала все, что приходилось вынести, будь то едва пригодные для жилья бараки или крайне скудный продовольственный паек. И, что было очень важно для большевиков, узнавала из средств массовой целенаправленной пропаганды лишь то, что ей полагалось знать. Узнавала, в частности, как плохо живут люди вне СССР и как хорошо они чувствуют себя в нашей стране. Узнавая, преисполнялась гордостью и была готова на дальнейшие трудовые подвиги, не говоря уже о защите социализма с оружием в руках. А все то, что ей знать не полагалось, она и не знала. Это свершалось под строжайшим секретом, за разглашение которого все вовлеченные в страшные дела люди могли бы очень дорого заплатить. Так о каких же делах идет речь? Прежде всего, о голодоморе.

До сих пор — а сменилось уже два-три поколения — очень мало достоверного известно об этом одном из наиболее мерзких преступлений большевизма. Но общая картина все же вполне ясна. Начиная с 1930 г. на протяжении двух-трех лет в стране шел жестокий процесс коллективизации, раскулачивания, выселения и всего того, что с этим было связано. А связано было многое. Заново создавав-

шиеся колхозы оказывались обязанными сдавать продукцию государству. И государство, не стесняясь, выметало почти все дочиста. В 1932 г. был даже опубликован закон о колосках. За сбор упавших колосьев крестьянин, даже подросток, мог получить 10 лет тюрьмы, а то и подлежать смертной казни. Каждому колхознику оставалось право только на небольшой приусадебный участок. А за обязанность ежедневно трудиться на колхозных полях (это было много хуже любой барщины крепостного) он получал положенное число трудодней. Их в конторе отмечали палочками. За них ему раз в году при хорошем раскладе полагалось несколько мешков зерна. Если он не вырабатывал положенного количества трудодней, мог лишиться не только этих мешков, но и своего участка.

Люди голодали год, другой, а в 1933 г. голод оказался самым страшным. И не потому, что был очень уж плохой урожай. В том году — как и в предыдущих — он был достаточно удовлетворительным. Но именно в этом году реквизиция носила очень жестокий характер. Забирали все. Ни о каких мешках зерна не было и речи. Мало того, шли указания с требованиями добрать остальное, где-либо запрятанное. В итоге во многих деревнях уже осенью не осталось ничего, включая и посевной фонд. И люди, съев урожай со своих участков (если успевали его сохранить и потребить), начинали голодать, а затем умирать. Умирать медленно, постепенно, не получая ни от кого никакой помощи. Умирать в страшных мучениях, поедая трупы — а иногда и не трупы — людей, пытаясь порой выползти из деревни и добраться до ближайшей станции. Тем, кто был помоложе и посильнее, не обременен большой семьей с малыми детьми (либо после того, как семья умерла от голода), это подчас удавалось. Станции и тем более пригороды были переполнены истощенными и на глазах умирающими людьми. И здесь сурово вмешивались вооруженные люди, которые по приказу начальства требовали документы (документов у крестьян не было) и отправляли голодающих умирать восвояси. В январе 1933 г. власти издали строгий приказ не допускать умирающих от голода (это происки врагов) на станции и в города и арестовывать, а то и просто стрелять в тех, кому это удалось.

Рассуждая на тему о голодоморе, многие до сих пор не хотят признать правду, ибо эта правда очень уж страшна. Специалисты считают, что в одном 1933 г. за границу было вывезено около 18 млн т зерна, которым можно было бы прокормить 7 млн человек — примерно столько, сколько погибло от голода. И при том в стране сохранялся неприкосновенный запас примерно в 18 млн т, не тронутый властями. Хорошо известно, что из Украины (а ее голод затронул

наиболее сильно, хотя он коснулся и Кубани, Поволжья, даже Казахстана, да и многих иных районов страны) местные руководители обкомов посылали в центр отчаянные послания. Но ЦК ВКП(б) был неумолимо строг и сурово давал понять *жалобщикам*, что они едва ли не агенты врага. Встает вопрос — а его до сих пор не все ставят в должной форме, — зачем был вполне осознанно устроен голодомор? Чего вождь, а за все в стране отвечал он, и это было всем хорошо известно, хотел этим добиться?

За ответом далеко ходить не нужно. Все абсолютно ясно. Просто об этом многие до сих пор боятся либо не хотят открыто сказать. В стране быстрыми темпами шла индустриализация. Для этого нужно было многое, если не все необходимое покупать за границей. А платить нечем, хотя в условиях мирового экономического кризиса необходимое можно было приобрести втридешева, что не могло не восприниматься с особой досадой. Нужны, очень нужны были деньги. Кое-что дала распродажа культурных ценностей из музеев. Но в то далекое время эти ценности стоили не слишком много, так что полученного не хватало. Спасти положение могла только крупномасштабная торговля сельскохозяйственными продуктами, зерном и скотом. А так как церемониться с народом большевики — если нужно было сделать важное дело — не привыкли, проблема решалась просто. Тот же Сталин хорошо знал (и не мог не знать, ибо обо всем важном, происходившем в стране, ему сразу же услужливо докладывали, так как в противном случае те, кто за это отвечал, могли поплатиться головой), что люди умирают от голода миллионами. Но массовая смерть крестьян, к тому же учитывая наметившееся с начала НЭПа аграрное перенаселение, его мало тревожила. Главное сводилось к тому, чтобы твердо заявить, что смерть многих миллионов заморенных голодом крестьян — это происки врагов. А враги повсюду. Народ об этом хорошо знал и ни на минуту не сомневался. А если кое до кого и доходили отчаянные письма из родной деревни (таких было немало), то он молчал, ибо уже достаточно четко сознавал, что любая жалоба будет обращена против него, «защитника врагов». В итоге все становится понятным. О голодоморе знали многие. Но они хорошо понимали, что это происки врагов. И соответственно не могли позволить себе в этом усомниться и с сочувствием к гибнущим родным рассуждать вслух на эту тему. Тем более, что никто не мог даже представить масштаб происходившего (до наших дней мало кто знает о нем). Вот так была заложена основа советской тяжелой индустрии, которой в СССР, да и порой сейчас, многие привыкли только гордиться.

ПЯТИЛЕТКИ И КРОВАВЫЙ ТЕРРОР 30-х гг.

Курс на замену обычных нормальных людей *винтиками*, туго и точно снабженными указующей резьбой, оказался в искаженной действительности 30-х гг. чрезвычайно плодотворным. Люди, особенно вчерашние крестьяне (а их число в городах с начала индустриализации резко увеличилось), были искренне рады тому, что имели. Они глубоко верили в светлое будущее, все старательнее восхищались мудростью вождя, заботились об укреплении армии и обороноспособности, восхищались строительством крупных заводов и комбинатов и страстно ненавидели капиталистическое окружение. Это были новые люди, жители страны большевистского социализма, как раз те, какими их и хотели видеть немало ради этого постаравшиеся руководители, особенно первый и главный из них, все очевиднее отдалявшийся вверх от остальных и как бы возглавлявший быстро растущую гигантскую пирамиду социализма.

Энтузиазм строителей социализма ежедневно подогревался настойчивыми упоминаниями в газетах об успехах в социалистическом соревновании, о готовности досрочно выполнить план первой пятилетки, начало которой (рубеж 1928–1929 гг.) совпадало с первыми очень болезненными эксцессами коллективизации. Не дожидаясь худшего, многие крестьяне, о чем уже шла речь, энергично — пока еще можно было, а вопрос о документах не вставал — уходили из деревни и вливались в число городских жителей, где острая нужда в рабочих руках становилась с переходом к индустриализации все очевиднее. Остававшиеся в деревне по мере завинчивания гаек в колхозах во все меньшей степени оказывались готовыми снабжать города и стройки необходимым продовольствием. Досрочно подведенные итоги первой пятилетки (январь 1933 г.), которую строители по призыву партии старались выполнить досрочно, то за четыре, а то и за три года, совпали с голодомором, о чем, впрочем, ни слова сказано не было. Но показательно, что в том же январе того же страшного для деревни года, равно как и год спустя, в январе 1934 г., были приняты специальные постановления, призывавшие не требовать с колхозов лишнего, но зато иезуитски предписывавшие считать полную сдачу планового количества произведенного продукта государству, включая и оплату услуг МТС, т.е. машинно-тракторных станций (знаменитая первая *заповедь*) первостепенным условием, только после выполнения которого можно распределять остальное, включая и семенной фонд. Взамен был увеличен размер приусадебных участков, что давало колхозникам понять, что выжить они в слу-

чае чего смогут, лишь опираясь на урожай именно с этих небольших клочков земли.

Согласно официально принятому в 1935 г. уставу колхозники получили право иметь, в зависимости от региона, от 25 до 100 соток земли и одну–три коровы, а также птицу. Они могли торговать излишками своей продукции на «колхозных рынках», но зато практически лишались выдач на трудодни. Жесткая норма предписывала сначала выполнить обязательные поставки, включая расчеты с МТС, засыпать семенной, фуражный и страховой фонды, создать фонд государственных закупок (за закупленное либо платили либо выдавали квитанции на приобретение дефицитных промышленных товаров, *промтоваров*). А что осталось — если оставалось — можно было раздавать за трудодни. Разумеется, это было бесчеловечно. Но государство убивало сразу двух зайцев: после голодомора оно обеспечило снабжение населения городов и строек и в то же время дало возможность хоть как-то жить колхозникам. В 1937 г. за счет приусадебных участков производилось свыше половины всех овощей, плодовых культур и картофеля, свыше 70% молока и мяса. Это заметно повлияло на общее положение дел в экономике страны. Карточная система уже в 1935 г. ушла в прошлое, колхозный рынок занял важное место в жизни горожан, причем цены на нем резко снизились и к тому же была ликвидировала столь болезненная в период НЭПа проблема аграрного перенаселения. Колхозы сравнительно легко регулировали необходимую численность деревни, а все излишнее молодое население с радостью покидало родные места и уезжало в города и на стройки, где молодая рабочая сила всегда была нужна и где жизнь в общем-то была не только легче, но и — что не следует недооценивать — намного интереснее и даже перспективнее.

За счет неприхотливости молодых деревенских рабочих рук, пусть и не очень пригодных для квалифицированного труда (а за просчеты в этом плане строго спрашивали, чаще всего приравнивая неумение и нерасторопность к сознательному вредительству, чреватому суровыми наказаниями), стройки обходились государству — с точки зрения заработной платы, условий труда и жизни тружеников — крайне дешево. А если прибавить к этому возраставшее с начала 30-х гг. количество заключенных, чей принудительный труд вообще почти ничего не стоил, то легко понять, что главной проблемой успешного выполнения пятилетних планов индустриализации оставались лишь средства на приобретение техники. Ну и, разумеется, обучение молодого поколения профессиям, переподготовка рабочей силы, пригодной трудиться на вновь построенных заводах, комбинатах, электро-

станциях, железных дорогах и прочих сооружениях, все более зримо становившихся плодами жестокой индустриализации и быстрыми темпами изменявших облик страны. СССР в середине 30-х гг. становился уже вполне развитым индустриально-аграрным государством. Это были зримые результаты пятилеток.

Первая из них практически не была полностью выполнена. Однако это не стоит драматизировать. Главное было сделано. Тяжелый труд полуголодных, а то и вовсе бесправных работников привел к очень заметным результатам. Жестокий нажим сверху вкупе с энтузиазмом и искренней верой в светлое будущее снизу сливались воедино, и в условиях сочетания дисциплины и повседневных репрессий, особенно по отношению к старым кадрам, и почти детского романтизма воодушевленной малограмотной, но старательно учившейся молодежи трудные дела успешно и достаточно быстро делались. В условиях непрекращающегося перенапряжения и постоянного ощущения крайней необходимости максимальной мобилизационной готовности люди шли на штурм. И побеждали. Это была работа на износ. Но она не была напрасной. Вторая пятилетка, 1933–1937 гг., далась несколько легче. Во-первых, потому, что в стране уже существовала определенная масса пусть не слишком, но все же квалифицированных рабочих, в которую ежегодно вливались многие заново подготовленные специалисты из числа закончивших разные рабфаки, многочисленные промакадемии, заново созданные технические вузы (втузы), ФЗУ, т.е. школы фабрично-заводского ученичества, профтехкурсы, курсы техминимума и т.п. Во-вторых, из-за того, что плановые ее показатели были более умеренные и соответствовали реальным возможностям страны. Новые, много более подготовленные к созидательному труду работники обеспечили и сравнительно более высокий рост производительности труда (за пятилетку, по некоторым подсчетам, почти на 65%), и соответственно заметное улучшение условий труда и всего уровня жизни страны в целом. Правда, вторая пятилетка, как и первая, не была выполнена полностью, даже по основным показателям. Но не это следует считать наиболее важным.

Самым заметным было достижение определенного стандарта в процессе модернизации страны в целом. Эта модернизация, разумеется, была весьма специфической. Она очень сильно отличалась от западной буржуазно-либеральной. Достаточно хотя бы напомнить, что марксизм в принципе отрицал буржуазную — да и вообще любую — частную собственность, а вместе с ней и свободный, тем более патронируемый государством рынок. Однако тем не менее основы ин-

дустрии, необходимые для ее нормального функционирования были заложены. Кроме того, были приложены некоторые усилия для улучшения жизни людей, которым теперь приходилось все чаще иметь дело со сложными механизмами и машинами. Уровень квалификации и образ жизни работников требовал от власти большего внимания. Речь идет как о заработной плане, социальном страховании, жилище с элементарными для XX в. удобствами, так и о сфере услуг, развитии здравоохранения и системы образования. В стране отменили систему продовольственных карточек. Стали проявлять заботу о росте кадров, об увеличении числа вузов, о развитии науки и культуры. Во всех этих необходимых опять-таки для нормального функционирования индустриального общества с его уже многочисленными городами и растущим количеством самых разных страт лиц наемного труда с их возраставшими потребностями (по сравнению с вчера еще выходившими из деревни тружениками) были достигнуты определенные успехи, что нельзя не отметить. И хотя при этом власти продолжали строго следить за сохранением идейной чистоты всего того, чему следовало учиться (учиться коммунизму, как завещал Ленин), и все те, кто позволял себе лишнее, продолжал жестоко за это расплачиваться, всем этим народ был в общем доволен. Мало того, люди верили в то, что дальше жить будет еще лучше, а вождь стремился поддержать в них эту уверенность (*жить стало лучше, жить стало веселее*, — утверждал он). Но к великому сожалению, все складывалось в стране не вполне так, как того большинству хотелось бы.

Курс на ускоренную милитаризацию побуждал вождя к увеличению нажима на людей, что осуществлялось разными методами. Прежде всего под прикрытием лозунгов и призывов, требовавших выполнить пятилетку то в четыре, а то и в три года, людей призывали работать на износ. И делалось это весьма искусно, с использованием хотя и элементарных, но зато работающих социопсихологических приемов. И без того весьма измученных недоеданием и примитивным, во многом еще барачным жильем, не говоря о непосильном труде и постоянном перенапряжении, людей призывали и дальше, приманивая их иллюзией скорого светлого будущего, работать все больше. Символом успехов второй пятилетки стало движение стахановцев. Шахтер А. Стаханов с помощью партийной организации за одну смену перекрыл норму в 14 раз, за что был осыпан почестями и сразу же стал всесоюзным и всем известным ориентиром высокого уровня труда. Вслед за Стахановым в различных других отраслях производства появились свои передовики-стахановцы, а закономерным итоговым результатом движения стало новое повышение норм

выработки. Как необходимое следствие, ему сопутствовало ужесточение трудового законодательства, в частности введение жестоких мер ответственности за нарушение трудовой дисциплины (за опоздание на работу на 20 минут в 1938 г. предполагалось увольнение, а в 1940 г. дело уже могло обернуться и тюремным заключением).

На годы второй пятилетки пришлось также и резкое ухудшение всей внутриполитической обстановки в стране. Имеются в виду знаменитый тезис об «обострении классовой борьбы» и начатый под прикрытием этого тезиса массовый кровавый террор. Но для того, чтобы понять причины и цели столь ужасного, беспрецедентного даже в кровавой истории отечественного большевизма террора 30-х гг., нужно разобраться в общей обстановке несколько более серьезно и обстоятельно. Для начала вспомним о том, как старательно и последовательно Сталин стравливал друг с другом виднейших деятелей революции. Руками одних он побивал других, а затем с помощью третьих, в основном уже не столько заслуженных деятелей времен гражданской войны, сколько его собственных выдвиженцев из числа преданных именно ему соратников либо представителей более молодого поколения, убирал с дороги и их. Конечно, все это делалось ради достижения абсолютной власти в стране, ибо власть для властолюбца — основная и безоговорочная ценность, ради которой он пойдет на все.

Но наряду с борьбой за власть как высшей ценностью для любого диктатора должна была быть и стратегическая цель. Ведь только достижением этой цели, которую следовало представить перед обществом в благородной и правдоподобной, даже общезначимой и крайне важной для всех форме, можно было рассчитывать на прочность своей власти. Нужны были и основательные причины, которые могли бы сыграть свою незаметную, но решающую роль сильной пружины, заставляющей действовать именно так, а не иначе. Все это в тридцатые годы выступило на передний план и побудило еще не обоготворенного, но уже двигавшегося в этом направлении вождя начать период невиданных в истории человечества массовых кровавых репрессий против собственного народа, которого, замазав кровью, следовало сделать не только сообщником масштабного кровопускания, но и великой его жертвой. Итак, начнем с самого начала.

Ни юные годы вождя, ни период его политической молодости не сулили ему выдающейся роли в будущем. Мало того, существовало слишком много людей среди старых большевиков, кто хорошо помнил его кое в чем не очень хорошо известное, а то и сомнительное прошлое. Было очень много тех, кто интеллектуально заведомо его превосходил и оставался для него своего рода бельмом на глазу.

Было немало и таких, кто откровенно осуждал его за те либо иные уклоны и промахи, за очевидные неудачи. А также таких, кто противостоял взятому им курсу по отношению к деревне или вообще к народу. Словом, в партии большевиков, особенно среди ее старой и потому наиболее почитаемой гвардии, было очень много если уже и не прямых соперников и тем более недругов, то во всяком случае людей, не склонных считать его обоготворенным вождем. Людей, привыкших ценить себя не ниже, чем ценил себя он. И с этим далее, по мере достигавшихся страной под его руководством вполне заметных успехов, он мириться не желал. Есть даже сведения, что будто бы он очень внимательно отнесся к тому, как Гитлер 30 июня 1934 г. в знаменитую *ночь длинных ножей* расправился с виднейшим нацистом Ремом и его многочисленной армией штурмовиков, СА, которые помогли Гитлеру прийти к власти и укрепиться в ней. Немецкий фюрер — как логично оценивать ситуацию при анализе поведения нашего вождя — не просто поступил вполне верно, но и дал другим хороший урок, показав, что не следует запаздывать сделать то, что необходимо.

Но, оставив в стороне Гитлера и Рема, обратимся к реалиям СССР. Первая серьезная чистка ВКП(б) произошла на рубеже 20–30-хгг. и была связана с необходимостью избавиться от переродившихся, коррумпированных или не умевших должным образом влиять на массы членов партии. Затем некоторые видные партийцы оказывались в числе членов тех *вредительских* групп, которые время от времени разоблачались ОГПУ, оказывались в центре показательных политических процессов и обычно признавались в ошибках, каялись и получали *по заслугам*. В лучшем случае это означало изгнание с позором из рядов ВКП(б) с последующей ссылкой. Чистка 1933 г. была связана с недовольством многих партийцев экономическим кризисом в стране и, видимо, масштабом голодомора. Она коснулась почти трети членов партии. Если вдуматься в ситуацию и попытаться подвести некоторые предварительные итоги, то напрашиваются вполне определенные выводы. Жесткие методы бесцеремонного обращения с населением в решающие в определенном смысле годы на рубеже 20–30-х гг. не оставляли членов ВКП(б), много более информированных, нежели страна в целом, равнодушными. Протесты и недовольство могли принимать разные формы. Могло быть и нарочитое приписывание недовольным участие в разных *вредительских* организациях. Но факт оставался фактом. Партию *очищали*, особенно заметно в роковом для страны 1933 г. А в январе 1934 г. открылся печально знаменитый XVII съезд ВКП(б).

Он был провозглашен одним из наиболее видных в то время соратников вождя С. М. Кировым *съездом победителей*, хотя до каких-либо заметных побед было еще далеко. Разве что объявленный выполненным пятилетний план был пусть не целиком, но все же реализован и мог считаться важным достижением. А в отчетном докладе вождя на съезде было дано понять, что слабости в организационной работе определяют все недостатки. Значит, следует усилить органы власти, для чего было предложено создать новую комиссию партийного контроля, стоящую не только над партией, но и над ее ЦК. В кулуарах съезда настроение было отнюдь не единодушным. По некоторым данным, ряд видных деятелей ВКП(б) считал Сталина виновным в том, что происходило в стране (видимо, и в связи с голодомором), и даже предлагал заменить его на Кирова, от чего тот отказался. После этого при выборах в члены ЦК против вождя будто бы было подано сто–двести, а то и триста голосов. Но он не дремал. Похоже на то, что именно к этому моменту стоит отнести известный приписываемый ему афоризм *не важно, как голосуют, важно, кто и как считает*. После подсчета было объявлено, что против вождя подано всего три голоса. А тщательное изучение документов съезда в более поздние времена показало, что бесследно исчезли 166 бюллетеней для голосования.

Съезд победителей оказался стартом великой трагедии не только для партийных верхов, но и для всех *победителей*. Но началось все именно с верхушки, которой вождь не мог простить происходившего на съезде. Как то хорошо известно, 1 декабря того же 1934 г. в Ленинграде близ его рабочего кабинета был застрелен Киров, тот самый, кто был кандидатом для смены вождя. Вождь приказал строго расследовать заговор и наказать убийц. Было решено провести очередную чистку партийных кадров (к Кирову мог пройти человек только по партбилету) со строгой проверкой и заменой партбилетов, а главную роль в этом деле должен был играть набиравший силу народный комиссариат внутренних дел, НКВД. Его бурная деятельность привела к аресту всех, кто когда-либо как-то был заподозрен в каком-нибудь уклоне или еще в чем-то предосудительном. Особое внимание обращали на сторонников Троцкого, Зиновьева и Каменева. На всех сомнительных были составлены тщательные досье. Принимались законы об упрощенном и ускоренном разборе всех дел и о наказании членов семей *изменников Родины*, а также о смертной казни для пытающихся бежать из СССР.

Летом 1936 г. начались показательные политические процессы над главными идейными не столько даже противниками или потенциальными соперниками, сколько нежелательными свидетелями,

даже символами большевистского прошлого как всей партии, так и самого ее вождя. Речь о Зиновьеве, Каменеве и ряде их сторонников (Троцкий, на его — правда, очень недолгое — счастье успел эмигрировать, что было недосмотром, который вождь вскоре, в мае 1940 г., сумел исправить с помощью идейного убийцы). Характерно, что обвиняемые публично признались в участии в убийстве Кирова, в заговоре против Сталина и в ряде других — а точнее, во всех — преступлениях, в которых НКВД с одобрения вождя их обвинил. За это все они были казнены, а собиравшийся повсюду на митинги народ (это был обязательный ритуал) публично и громогласно эти казни одобрял. Еще более характерно то, что и после этого одна за другой следовавшие группы, уже заранее зная о приговоре, столь же единодушно признавались во всем. Ныне считается, что подобное единодушие было не столько результатом трусости идейных лидеров большевизма, сколько нежеланием их, чтобы такой же участи, пыткам и казням, были подвергнуты их семьи.

В итоге всех показательных процессов, шедших на протяжении двух–трех лет, были уничтожены 1108 из 1966 делегатов съезда, в том числе 98 из 139 членов и кандидатов в члены ЦК, избранных на нем. Но это была только верхушка айсберга. Вслед за видными деятелями партии большевиков НКВД с подачи вождя (никто не сомневается, что без его санкции ничего важного в стране не происходило) уничтожал огромными партиями руководство правительства с его наркоматами, приговаривал к смертной казни и подвергал унизительным репрессиям директоров и высший руководящий состав большинства основных учреждений и многих предприятий. Не миновали расправы представители научной, технической и художественной интеллигенции, почти все высшие военачальники, а затем — быть может, по большей части и параллельно — великое множество простых обычных людей. Этих последних брали по ложным доносам либо за малейшую провинность, включая недонесение. Брали, невзирая ни на что, порой мимоходом, просто так, строго выполняя при этом заданную каждому региону либо отрасли хозяйства и культуры квоту. Всего, как считается, было обвинено и приговорено разными внесудебными органами (дела решались назначенными сверху *тройками*) около четырех миллионов человек, почти миллион из которых были расстреляны. Впрочем, это отнюдь не значит, что остальные остались живы. Напротив, очень многие из приговоренных (а были и приговоры типа «10 лет без права переписки», тоже означавшие казнь человека) умирали в концентрационных лагерях огромного и безудержно разраставшегося ГУЛАГа, т.е. глав-

ного управления лагерями, где приговоренных не считали за людей. Не слишком просто обстояло дело и с родственниками осужденных. Одних из их числа убивали, других отправляли в лагеря, третьих ссылали. Детей посылали в детдома или оставляли на попечение дальней родни, если та соглашалась иметь с ними дело.

Зачем это делалось? О причинах частично уже упоминалось. Уничтожалась старая гвардия. Но почему? Только ли из-за разных уклонов и споров в далеком и недавнем прошлом или из-за нежелания оставлять в живых тех, кто хоть что-то знал о прошлом и особенно о молодости вождя? Это, конечно, сыграло свою роль, быть может, по отношению к кому-то первостепенную. Но не только этим все объяснялось. Прежде всего, **следовало изменить генеральную парадигму развития страны и сделать это так, чтобы никто не успел и не посмел это заметить и тем более рассуждать на эту тему. Важно было, чтобы люди просто ясно осознали, что, раз на мировую революцию надежды нет, мы должны строить социализм в одной стране. А это значит, что и социализм будет другим, нежели то описано, пусть даже не слишком внятно, в доктрине марксизма. И никто не должен сметь не только считать, что происходящее в стране все больше и больше напоминает некую тотальную диктатуру властного тирана (режим тоталитаризма, как это позже стали именовать), но даже пытаться рассуждать, что-то думать по этому поводу. Каждый должен был понимать, что такое поведение равносильно смерти, причем ужасной, после страшных пыток и с угрозой такой же участи для всех его близких.**

И еще. Бояться должны были не только партийцы и тем более видные деятели времен далекого прошлого, которые уцелели и всем своим поведением, включая обязательное участие в расстрельных подписях, приносили присягу абсолютной верности вождю и давали обязательство поддержки всего, что бы он ни сделал. **Бояться должны были все.** И, уничтожая одного за другим даже преданных ему руководителей НКВД, не говоря уже о следователях и палачах, ведших страшные допросы и занимавшихся нечеловеческими пытками, вождь, сам не желавший марать руки, добивался именно этого. Его самолюбие явно тешилось при виде признававших всё его прежних горделивых соперников, но его грело и сознание того, что всесильные и заслуженные маршалы и генералы ползают в тюремных камерах на карачках под ударами сокамерников из числа обычных уголовников. Не то чтобы он имел счет к каждому из них. **Главное совсем в другом: каждый в стране должен был понимать, что лично он, как и все остальные, — *ничто, причем никто и никогда не по-***

смеет ему помочь, если на него упадет косой взгляд спокойного на вид вождя. **Этого вождь добивался и добился.**

Что же касается благородной цели, которая была призвана в глазах всего народа навеки возвеличить вождя и сделать это таким образом, чтобы даже в случае крайних неудач — как например в первые месяцы войны, летом и осенью 1941 г., — никто не смел и слова сказать по этому поводу, то здесь все стало для всех очевидно до предела. Разоренная деревня, испытавшая горечь страшных репрессий, многие миллионы оторванных от корней переселенцев из нее в городах в условиях сознательно нагнетаемой обстановки угроз со стороны враждебного внешнего мира должны были понимать, что их путь к благополучному светлому будущему в стопроцентном повиновении воле вождя. И они хорошо понимали это, так как именно это ежедневно простым языком разъясняла им пропаганда. Мало того, жители страны призваны были осознать, что именно **в нем, обожествленном великом вожде воплощено то коммунистическое самодержавие**, которое в новых условиях строительства вынужденно жесткого социализма пришло на смену прежнему.

Вождь вел страну по пути войны и не особенно старался это скрыть. Ведь вся индустриализация была явственно направлена на создание современной военной техники, а тесно связанная с модернизацией экономики страны ее почти стопроцентная милитаризация лежала в хорошо известной всем основе повседневной пропаганды (*если завтра война...*). Правда, внешне это не всегда было заметно. Вообще для всей политики вождя была очень характерной атмосфера тайны. Это еще одно сильное его оружие: никто не должен знать, что у него на уме сегодня, сейчас или вообще. Одно дело — публичные слова с дежурными, а иногда и откровенными и неожиданными высказываниями, резко меняющими политику страны либо тактику партии. И совсем другое то, что у него на уме. Ведь далеко не случайно, в частности, идет до сих пор горячий и в принципе бессмысленный спор о том, почему страна оказалась совершенно не подготовленной к войне в июне 1941 г. Бессмыслен спор потому, что никто никогда не узнает, что было у вождя в голове, когда он приказал не приставать к нему с донесениями о готовящемся нападении врага. Вроде бы всем было ясно, что в условиях враждебного окружения следует всего ожидать и что поэтому донесения стоит хотя бы проверить. Но никто не смел — понимаете, не смел — даже заикнуться об этом. А когда несчастье произошло, никому и в голову не пришло упрекнуть за это вождя. Голова все-таки любому была дорога. Словом, если собрать все воедино, итог окажется вполне понятным. И основательные при-

чины, и стратегическая цель, и исступленное желание любой ценой, хотя бы многих десятков миллионов жертв, добиться безграничной власти (наука считает это проявлением паранойи) — все это было важными звеньями политики, которую взял на вооружение вождь. И, следует отдать ему справедливость, он действовал умело и в решающие для страны годы страшных репрессий, очень похоже, не слишком ошибался[1]. Собственно, только и именно это позволило ему в трагические дни начала войны безнаказанно совершить роковую и крайне дорого обошедшуюся стране ошибку и при этом не потерять практически ничего. Потерял, причем очень много, лишь народ, многие миллионы погибших ни за что военных и мирных людей, но он, народ — не стоит забывать этого — продолжал свято верить в безгрешность и безошибочность обожествленного вождя.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Конец гражданской войны наряду с труднейшими проблемами внутренней политики поставил перед Россией и некоторые важные вопросы, связанные с внешней политикой. Вначале первым и самым главным было решить, как обстоят дела с мировой революцией, ради которой — если всерьез относиться к заверениям большевиков (а они в общем-то были более чем серьезными) — и затевалось все то, что произошло в нашей стране с осени 1917 г. Ведь никто из видных большевиков, когда они прилагали все усилия, чтобы начать и успешно завершить *социалистическую революцию*, в то время — да и много позже — не ставил перед собой иную цель и, как следует полагать, все они были далеки от мысли, что им придется ограничиться одной Россией и строить коммунизм именно в ней. В строгом соответствии

[1] Иногда в вину ему ставят уничтожение комсостава армии накануне войны. Нет слов, это сильно ослабило армию и обошлось летом 1941 г. в миллионы убитых и взятых в плен. Более того, одно время могло показаться, что сама страна — а вместе с ней и вождь — висят на волоске. Но поставьте себя на место вождя, если сможете, и вы поймете, что все было если и не расчетливо, то весьма с его позиций разумно. Ход мысли был, насколько можно судить, примерно таков. Будет эта страна существовать без меня или не будет, мне в общем-то все равно. Главное все-таки в том, чтобы существовал Я. А для этого важно дать хороший урок всем, включая — а может быть и особенно — руководство вооруженными силами со всеми его реальными заслугами и тем более вызывающими резонные опасения возможностями. Пусть старое руководство будет обезглавлено и заменено новым. Молодые военачальники, вознесенные на вершину, о которой они и мечтать не могли, будут помнить о подарке судьбы и вождя и к тому же, не имея еще никаких заслуг, не только стараться, но и дрожать так же, как дрожат все.

с этим, да к тому же будучи воодушевленными чем-то вроде революций и во всяком случае появлением советов в разных европейских странах, начиная с побежденной Германии, они начали энергичную деятельность по организации столь желанной мировой революции. Заклеймив предательство вождей II Интернационала, давно уже не мечтавших о мировой революции и видевших смысл существования этой организации лишь в оказании постоянного давления на руководство буржуазных стран и на самих буржуа с целью последовательного развития социальной политики и поднятия уровня жизни населения, большевики решили создать новый, коммунистический Интернационал. Подготовка началась с 1918 г., а после возникновения в ряде стран компартий в марте 1919 г. в Москве состоялся Учредительный конгресс Коминтерна, а летом 1920 г. и второй его конгресс, на котором были определены условия приема в него. С этого момента Россия начала уверенно восприниматься в качестве признанного лидера мировой революции, а подчинившиеся ей компартии прислушиваться к тому, какую политику она рекомендует проводить.

Политика и тактика Коминтерна в зависимости от обстановки время от времени изменялись, а число входивших в него компартий постоянно росло. И так продолжалось вплоть до 1943 г., когда Сталин, давно уже окончательно лишившийся надежд на мировую революцию, решил отказаться от этой организации, предоставив коммунистам разных стран самим решать свои задачи. Видимо, это было своевременно, так как задачи у разных компартий действительно отличались. Роль каждой из них зависела от складывавшихся в той либо иной стране (особенно это касалось мира вне буржуазного Запада) обстановки. Кроме того, в годы Второй мировой войны внешняя политика СССР во многом отличалась от той, что была в 20–30-х гг.

Обращаясь к ее истории, начнем с того, что в 1922 г. на конференциях в Генуе в апреле–мае и в Гааге в июне–июле Россия де-факто была признана как субъект международных отношений, хотя и важнейшие проблемы, связанные со взаимными финансовыми (в частности, вопрос о царских долгах) и иными претензиями решены не были. Зато параллельные сепаратные переговоры в Рапалло, близ Генуи, с Германией, приведшие в апреле 1922 г. к отказу от взаимных претензий, включая и репарации, привели к восстановлению дипломатических отношений, что было бесспорным успехом большевиков. В 1924 г. были установлены дипломатические отношения с Англией, Францией, Италией, а также с Японией и Китаем. В 1927 г. СССР принял участие в подписании пакта Бриана–Келлога об отказе от войны как орудия национальной политики в пользу мирных переговоров.

В итоге СССР постепенно становился признаваемым миром участником международных переговоров. Он стал все чаще заключать двусторонние соглашения с различными странами, а также принимать участие в конференциях по разоружению (1932), об определении агрессии (1933), а в 1934 г. вступил в ряды Лиги Наций. Вторая половина 30-х гг., до кануна Второй мировой войны, не внесла слишком много нового во внешнюю политику СССР и в его отношения с европейскими странами. Она была отмечена разве что ростом напряженности во взаимоотношениях с Японией (столкновение близ оз. Хасан в 1938 г.). А основные проблемы международных отношений к этому времени стали явно смещаться в сторону выяснения отношений с Германией, которая превращалась в главную угрозу мира и миропорядка.

Но прежде, чем обратиться к Германии, стоит специально напомнить, что на протяжении большей части всей истории России смысл ее внешней политики — да и, пожалуй, вообще всей политики — сводился к расширению границ и к захвату чужих территорий. Как выражался историк В. О. Ключевский, в конечном счете дело сводилось к тому, что **государство пухло, а народ хирел**. Вот на это-то постоянно *пухнувшее* государство и стоит обратить особое внимание, потому что стратегия такого рода подпитывала надежды вождя на успех в его курсе на агрессивную экспансию тогда, когда расчет на мировую революцию оказался явно несостоятельным. Следовало показать миру, что СССР готов проводить примерно ту же политику, что и Россия до него.

Глава пятнадцатая. ГЕРМАНИЯ В 20–30-е гг. НАЦИЗМ У ВЛАСТИ

Веймарская конституция открыла перед демократической Германией широкий простор. Однако войти в русло нормальной для развитого буржуазного общества либеральной демократии послевоенной стране, потерпевшей тяжелое поражение и униженной — пусть даже не слишком — победителями, было нелегко. Тяжелый груз не столько военной неудачи, сколько крушения радужных надежд на обретение высокого международного статуса с соответствующими ему выгодными приобретениями морально давил на высокоразвитую приученную к строгому порядку страну и ее социально-политически дисциплинированное население. Немцы не сразу свыклись со своим новым положением и тем более не слишком быстро восстанавливали все то, что было нарушено войной и военными неудачами. Одни партии были готовы принять условия мирного договора и выполнять

его решения, другие считали своим долгом энергично выступать против них. А так как на фоне экономических неурядиц и финансовой неустойчивости, которые характерны для любого общества, потерпевшего поражение в длительной войне и вынужденного за это расплачиваться, заметно снизился привычно высокий жизненный уровень, то нет ничего удивительного в том, что неустойчивость и противоречивые тенденции стали достаточно уверенно определять модус поведения страны. Германия оказалась на перепутье и вынуждена была искать новую модель развития.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ И СТАБИЛИЗАЦИЯ

Неустойчивость проявилась в первые годы после принятия конституции. Казалось бы, весьма демократичная конституция республики открывала перед страной, приученной к порядку и обладающей высокоорганизованной индустрией, хорошие перспективы. Но весьма серьезные силы, опиравшиеся на потерпевших поражение военных, не желали спокойно мириться с новыми порядками, открывавшими возможность для успеха тех, чья деятельность более не контролировалась жесткой властью. Монархия в этом смысле была много надежнее. 10 марта 1920 г. группа заговорщиков, возглавляемая видными представителями генералитета (в их число входил и Людендорф) и формально представленная мало известным землевладельцем В. Каппом, предъявила социал-демократическому правительству президента Эберта ультиматум. Мятежники потребовали распустить парламент, переизбрать президента и, главное, отказаться от ряда важных условий мирного договора, особенно в том, что касается ограничения армии всего 100 тысячами военнослужащих. Власти отклонили ультиматум, после чего 13 марта мятежные войска вошли в Берлин. Эберт, столкнувшись с отказом генерала Г. фон Секта военной силой подавить мятеж, был вынужден покинуть столицу и отправиться в Штутгарт, а Капп в тот же день объявил себя рейхсканцлером. В некоторых городах страны (Мюнхен, Ганновер и др.) выступление путчистов было поддержано. Но в ответ на это в ряде других крупных городов страны, особенно в промышленном развитом регионе Рура, началась всеобщая забастовка (по некоторым данным, в ней приняли участие около 12 млн человек), сопровождавшаяся созданием вооруженных рабочих отрядов. За короткий срок путчисты были разбиты, и 17 марта Капп бежал в Швецию. Правительство вернулось в Берлин, а выступление той части рабочих Рура, которые под сильным нажимом коммунистов

отказались сложить оружие, было подавлено силами рейхсвера. Пришедшее к власти 21 марта новое социал-демократическое правительство Г. Мюллера сумело успокоить страну. Но выборы в июне 1920 г. продемонстрировали ослабление СДПГ, что привело к смене правительства.

Ослабление позиций СДПГ привело в итоге к укреплению в стране влияния коммунистов. А так как КПГ была склонна идти на обострение политической борьбы, включая военное столкновение с властью, то неудивительно, что в ходе так называемых мартовских боев 1921 г. она потерпела поражение. В то же время проблема выплаты репараций, остро вставшая перед Германией в майские дни 1921 г., вызвала очередной всплеск недовольства правых сил. Однако правительство партии центра И. Вирта (июнь 1921 — ноябрь 1922 г.) сочло уместным принять решения мирного договора и не выступать против репараций, хотя многие из промышленников и крайних радикалов, включая поднимавших голову фашиствующих немецких нацистов, были этим очень недовольны. Сменивший Вирта канцлер В. Куно не только продолжал ту же политику, но и фактически смирился с тем, что Франция, не добившись своевременного получения репараций и отказавшись от предложенного англичанами в начале 1923 г. уменьшения объема выплат и моратория на 4 года, оккупировала Рур. Правда, Куно провозгласил политику «пассивного сопротивления», но это мало что дало. А активное недовольство правых, с одной стороны, и призывавшей к забастовке КПГ с другой привели к падению и этого кабинета.

В августе 1923 г. канцлером Германии стал руководитель народной партии Г. Штреземан, в кабинет которого вошло и несколько социал-демократов. Следует заметить, что кабинет Штреземана сразу же столкнулся с поднятым в октябре коммунистами во главе с Э. Тельманом вооруженным восстанием, завершившимся не только поражением, но и запретом самого существования КПГ. Стоит в связи с этим обратить внимание на неуемное стремление экстремистского крыла этой партии по любому поводу, связанному с обострением внутриполитического положения в стране, пытаться поднимать восстание. Казалось бы, после нескольких провалов было вполне очевидно, что ставка на мятеж себя не оправдывает. Но попытки продолжались. Трудно сказать, какую роль при этом сыграли установки Коминтерна с его теорией всемирной революции. Но если учесть, что КПГ при всех ее слабостях была сильнейшей из зарубежных (по отношению к большевистской России, где располагался Коминтерн) компартий, роль такого рода установок едва ли стоит недооценивать. Однако, как бы то ни было, но октябрьское восстание 1923 г. было уже чем-то вроде

лебединой песни немецких коммунистов. Период нестабильности республиканской Германии подходил к концу. План американского банкира Ч. Г. Дауэса (лауреат Нобелевской премии мира 1925 г.), принятый в августе 1924 г. на Лондонской международной конференции, предусматривал облегчение условий выплаты репараций и крупные займы, призванные способствовать восстановлению с трудом шедшей к этому промышленности. Франция и Бельгия вывели войска из Рура. Все это сразу же сняло острую внутриполитическую напряженность и способствовало быстрому восстановлению экономики Германии.

В 1925 г. после смерти Эберта новым президентом Германии был избран фельдмаршал Гинденбург. И хотя чехарда в кабинете министров еще некоторое время продолжалась (Штреземана в начале 1925 г. сменил Г. Лютер, его двумя годами спустя В. Маркс, а того в мае 1928 г. Г. Мюллер), это не слишком вредило процессу стабилизации. Германия быстро накапливала силы и шла вперед, достигая и кое в чем превышая довоенный уровень развития. Ее подкосил только мировой экономический кризис 1929 г. Он очень сильно потряс страну и сыграл весьма значительную роль в переменах в ее внутренней политике. В марте 1930 г. социал-демократа Мюллера сменил глава коалиционного кабинета Г. Брюннинг, который принял чрезвычайную программу реформ. Суть их свелась к заметному уменьшению социальных выплат и заработной платы лиц наемного труда. Были также повышены налоги, резко сокращен объем жилищного строительства и даны субсидии терпящим бедствие промышленникам и банкирам. Все эти крайне непопулярные, хотя и во многом вынужденные обстановкой, меры вели к ослаблению политического влияния партий, вошедших в состав кабинета. Ослабла значимость парламента, который в условиях права правительства издавать чрезвычайные декреты без его согласия лишился прежней власти. Но зато на этом фоне резко возросло влияние нацистов, т.е. фашистов из национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП). История возникновения и причины популярности этой партии заслуживают специального внимания.

ПРИХОД К ВЛАСТИ НАЦИСТОВ

Вообще-то НСДАП не имела прямого отношения к фашизму как феномену, возникшему практически почти одновременно с ней — разве что чуть ранее и вначале в менее определенной еще форме — в Италии и имевшего свою судьбу. Стоит сразу же оговориться, что слово *фашизм* (от лат. *fascio* — связка, пучок, союз) используется

по привычке. Оно вошло в лексикон народов всего мира и едва ли можно всерьез с ним бороться. Но важно все же иметь в виду, что в Германии возник не фашизм итальянского типа, а нацизм. Он включал — не следует забывать — кроме империалистической экспансии, жесткой диктатуры вождистского типа, еще и агрессивный национализм в его крайней форме этнофобии, доходящей до геноцида. И этот нацизм гармонично сочетался с курсом на полусоциалистическое сближение интересов труда и капитала под патернализмом государства, что было связано с социальной заботой о трудящихся (в названии НСДАП все его составляющие отнюдь не пустые слова). А началось все с того, что уже достаточно известный к тому времени и склонный к активной политической деятельности капитан Э. Рем осенью 1919 г. послал своего представителя А. Гитлера на заседания незадолго до того возникшей некоей небольшой немецкой рабочей партии. Сделав два доклада на заседаниях, в которых он заклеймил марксистов, евреев (они почти целиком отождествлялись с марксистами, причем не только потому, что евреем был К. Маркс) и некоторых других как врагов Германии, и выступив против мирного договора, докладчик потребовал возврата немецких колоний. Он настаивал на отмщении всем упомянутым им врагам.

Выступления произвели впечатление, и в феврале 1920 г. партия была преобразована в НСДАП, вслед за чем Гитлер представил обновлявшейся при его активном участии партии свою программу. В июле 1921 г. он стал председателем партии, которая численно постепенно росла. Идеи поиска врагов, а также национализм, расизм и антисемитизм в их наиболее резком виде, равно как и возвеличение немцев, причем с особенным уклоном в сторону рабочих и резкими выпадами против буржуазии, оказались привлекательными. Прибавьте к этому задор активистов, реваншизм в сочетании с сильным милитаристским душком и принципом патерналистского фюрерства. Многие, причем с немалой долей искренней заинтересованности, вступали в партию и находили там понимание, встречали отклик своим интересам и настроениям. Прежде всего это была сильно возбужденная политической нестабильностью и унижением страны молодежь. Идеи Гитлера встречали признание и среди оставшихся не у дел многочисленных демобилизованных кадровых военных, объединенных в различные воинско-ветеранские общественные организации. Еще более охотно шли к нему националисты всех мастей. Охотно искали в партии покровительства мелкие бюргеры. Но не обходили ее и простые рабочие, об интересах которых фюрер никогда не забывал. И хотя пивной путч в Мюнхене в 1923 г. был

сочтен властями за бунт, следствием которого стали запрет партии и арест ее вождя, это выступление, обретя широкую огласку, оказало на страну сильное влияние. Запрет на партию вскоре был снят, фюрер оказался на свободе, а в рейхстаг, пусть не сразу, но вскоре после снятия запрета стали проходить депутаты НДСАП. Осознав силу новой партии, некоторые промышленники начали активно ее финансировать. И после начала в 1929 г. мирового кризиса, который сильно отразился на Германии и на благосостоянии немцев, вызвав, в частности, быстрый рост безработицы, позиции этой популистской партии стали крепнуть. На выборах осенью 1930 г. НСДАП получила 6,4 млн голосов (в 6 раз больше против 1928 г.) и 107 мандатов.

Партия нацистов — и на это необходимо специально обратить внимание — структурно была копией большевистской партии *нового типа* со строгой дисциплиной, полной покорностью воле вождя и прочими немаловажными атрибутами. Только главной идеей ее была не утопическая цель построения никому не ведомого коммунистического общества, а вполне практическая задача добиться упрочения национального превосходства немцев и, что немаловажно, становившийся с течением времени все более жестким и жестоким антисемитизм, сводившийся в конечном счете к поголовному уничтожению, к геноциду евреев, воспринимавшихся партией как некая не имеющая отношения к Германии, но разбогатевшая в чужом государстве расово-этническая группа. Средством же достижения всей конечной цели (речь отнюдь не только о евреях) стала у нацистов — как и у большевиков — милитаризация и индоктринация страны с явным намерением воевать хоть со всем миром ради великой идеи. Ситуация всемирного экономического кризиса, существенно ослабившего экономику страны, вела к увеличению влияния в Германии идеологии нацизма.

На президентских выборах в апреле 1932 г. главными кандидатами оказались Гинденбург и Гитлер, получившие в первом туре соответственно 18,6 и 11,3 млн голосов. Во втором туре уверенно победил Гинденбург, поставивший во главе кабинета Ф. фон Папена, который в июле распустил рейхстаг. На выборах в рейхстаг нацисты удвоили против 1930 г. свои результаты. Они получили 13,7 млн голосов и 230 мандатов (СДПГ — 8 млн голосов и 133 мандата, а КПГ — 3 млн голосов и 89 мандатов). Расклад сил в апреле 1932 г. продемонстрировал таким образом не только рост влияния нацистской партии *нового типа*, но и резкое ослабление либерально-демократических буржуазных партий обычного типа, которые были представлены в рейхстаге в сколько-нибудь серьезном объеме лишь социал-демократами. Это сыграло немалую роль в том, что фон Папен, не получивший вотума

доверия со стороны парламента, распустил этот рейхстаг и провел в ноябре 1932 г. новые выборы, на которых НСДАП получила лишь 196 мандатов, СДПГ — 121, КПГ — 100, центристы — 70, национальная народная партия — 52, остальные — 45. Большинство нацистов было теперь не слишком убедительным. Но это все же было относительное большинство. Помешать ему могла лишь коалиция СДПГ и КПГ. Но КПГ получила от Сталина через Коминтерн строгий наказ, которого Тельман не мог ослушаться. 17 ноября 1932 г. фон Папен был заменен К. Шлейхером, а 30 января 1933 г. Гинденбург после ряда консультаций с видными политическими деятелями страны назначил рейхсканцлером Гитлера, чья партия получила на выборах наибольшее количество мандатов. Гитлер сразу же распустил этот состав рейхстага, назначив очередные выборы на 5 марта. Как то хорошо известно, за неделю до выборов, 27 февраля 1933 г. был организован поджог рейхстага. Обвинив в этом КПГ, нацисты вынудили престарелого Гинденбурга ввести в стране чрезвычайное положение. На выборах нацисты получили 17 млн голосов, т.е. около 44%, а 5 млн голосов КПГ, обвиненной в поджоге рейхстага, были аннулированы большинством депутатского корпуса, что привело к резкому возрастанию процента голосов нацистов в новом рейхстаге (примерно до 57–58). А 23 марта рейхстаг уже явно квалифицированным большинством (441 депутат) предоставил Гитлеру и правительству нацистов чрезвычайные полномочия, что практически лишало парламент серьезной роли в дальнейших событиях.

Во всех этих действиях очень хорошо просматривается уже известная по опыту большевизма строгая логика поведения лидера партии *нового типа*. Есть основания обратить внимание на то, что обе партии — как и их вожди — ощущали свое типологическое родство и то и дело смотрели друг на друга, время от времени перенимая опыт. И далеко не случайно в Москве внимательно следили за событиями в Берлине, не столько осуждая нацизм (хотя и горячо поддержав Г. Димитрова, главного обвиняемого по делу о поджоге рейхстага, сумевшего оправдаться и заставить суд в Лейпциге отпустить его на свободу, — такого большевики обычно не допускали), сколько кое-чему у него учась. Имеется в виду прежде всего упоминавшаяся уже *ночь длинных ножей*, приведшая летом 1934 г. к убийству Рема[1].

[1] Рем еще задолго до завоевания власти начал создавать во всей Германии военизированные отряды штурмовиков, СА, численность которых в 1932 г. достигла 400–500 тысяч, а в 1933 чуть ли не 2–3 млн. И когда фюрер взял в свои руки всю полноту власти, он решил подчинить СА себе, что ему теперь легко удалось.

Впрочем, как станет ясно из дальнейшего, одним только этим внимание к событиям в Германии и к политике этой все усиливавшейся страны, даже к возможности использовать нацистскую Германию в качестве союзника, своего рода — как выражались охранники в советском ГУЛАГе — кого-то *социально близкого*, отнюдь не ограничивалось. Родство структуры, методов и конечной цели подспудно ощущалось, хотя открыто речь о том не шла. А важным элементом этого родства была взаимная ненависть к мировой буржуазии.

О ПРИЧИНАХ УСПЕХОВ НАЦИЗМА

Истоки успеха нацистов по-разному объяснялись и объясняются — как и успехи большевизма в России — очень многими специалистами. Обращалось внимание и на демонический характер вождей, способных повести за собой массы (ныне это привычно именуется расплывчатым термином *харизма*), и на многое другое. Не претендуя на детальное исследование всей важной проблемы генезиса тоталитарных режимов в XX в., стоит снова обратить особое внимание на роль люмпенизованных масс, имея в виду прежде всего резкое увеличение в XX столетии нахлынувшего из деревень в города населения с его невысоким уровнем восприятия мира, быстро растущими потребностями и маргинальным реальным статусом. Разумеется, здесь опять нужны оговорки и разъяснения. Те деревенские массы, в том числе и солдаты, которые помогли большевикам совершить государственный переворот и попытаться в революционном порыве реализовать утопические представления о коммунизме, заметно отличались от более продвинутых, много лучше живших и отличавшихся аккуратностью, обстоятельностью и высокой дисциплинированностью немецких крестьян. Но те и другие равно оказались массовой основой и активнейшей поддержкой как большевиков, так и нацистов. Почему это произошло? Что сыграло основную роль?

Начнем с того, что основой поддержки обеих партий были все же не крестьяне, а горожане. В России это выявилось если и не сразу после переворота, то уж во всяком случае вскоре после окончания гражданской войны. Российские крестьяне, всерьез воспринявшие большевистский лозунг *земля — крестьянам*, уже во время гражданской войны начали активно, часто с оружием в руках, противостоять насильственной экспроприации их продуктов продотрядами с их безмерной продразверсткой. А после по сути поголовного уничтожения зажиточных хозяйств под предлогом *классовой борьбы* с *кулаками* и коллективизации, сопровождавшейся голодомором,

крестьяне стали справедливо восприниматься большевиками в качестве ненадежного социального слоя, который следует держать в ежовых рукавицах, давая ему лишь жалкое существование в виде мелких приусадебных участков при условии барщины за *палочки*-трудодни на колхозных полях. Ничего общего с крепкими крестьянскими хозяйствами в Германии второй половины XIX и начала XX в. колхозники, естественно, не имели. Но, тем не менее, нечто общее в социопсихологии мировой деревни у выходцев из вчерашней российского крепостного и немецкого зависимого от юнкеров крестьянства было и, более того, надолго осталось. Что имеется в виду?

Хорошо известно, что основой развития западноевропейской буржуазии был город с его более высоким уровнем развития, зажиточности и с развитым самоуправлением. Именно города, медленно эволюционируя, закладывали в Западной Европе, включая и находившуюся на ее отдаленной окраине Пруссию с Берлином, фундамент для буржуазного производства. Но на окраинах Западной Европы, в той же Пруссии, этот расцвет наступил позже, чем в более западных странах. С наибольшей силой он проявил себя лишь во второй половине или даже в последней трети XIX в. И хотя Германия отнюдь не ограничивалась отставшей Пруссией, а имела и высокоразвитый Рур, нельзя не обратить внимание на то, что именно из отсталой деревни, преобладавшей прежде всего в Пруссии, прибывали во все немецкие города, причем явно в наибольшем количестве, те крестьяне, в рабочих руках которых очень быстро развивавшаяся индустрия всей страны на рубеже XIX–XX вв. остро нуждалась.

Эти люди, расселявшиеся в разных городах и потому сразу же терявшие те устойчивые веками складывавшиеся связи, что характерны для любой деревни, в первое и достаточно долгое время (одно-два, а то и три поколения) оставались неквалифицированной либо мало квалифицированной рабочей силой, а в политическом отношении, как правило, маргиналами. И если старые потомственные рабочие-горожане, искушенные в политике и в длительной экономической борьбе, включая времена Бисмарка, составляли костяк СДПГ, то именно новые, маргиналы, были тем резервом, откуда черпали поддержку такие партии *нового типа*, как КПГ или НСДАП. Едва ли это утверждение нуждается в особых доказательствах. Ведь в России большевиков и тем более в СССР все то же самое было настолько явственно выраженным, что сомнений практически не вызывает. Правда, в СССР, где потомственных рабочих было крайне мало, а основная рабочая сила охотно шла из нищей и притесняемой деревни, у новых горожан просто не было выбора. Но и в Германии выбор исчез, как только

к власти пришла НСДАП. А социопсихологическое сходство тех новых горожан, маргиналов, которые в немалом количестве наводнили немецкие города, и тех, что составляли в нашей стране большинство строителей социализма, может многое объяснить, если заходит речь об истоках активной поддержки населением правящей партии.

Конечно, немецкие крестьяне были более развитыми, образованными и богатыми по сравнению с российскими. Но если принять во внимание, что Германия в целом была резко отброшена военной катастрофой назад, к недавним временам не слишком радостной немецко-прусской деревни, то отличие их от российских выходцев из недавно еще крепостной деревни окажется меньшим, нежели можно было бы предполагать А если принять во внимание, что и буржуазно-демократические традиции в среднем немецком городе заметно уступали англо-французским, не говоря об американских, равно как и склонность дисциплинированных немцев почитать начальство, то окажется, что именно в Германии было много таких маргиналов, о которых идет речь. Кстати, это объясняет и силу, и численность не только НСДАП, но и КПГ.

Если попытаться обобщить все сказанное в рамках теории, есть смысл напомнить, что в Пруссии сравнительно недавно еще достаточно заметно ощущалось влияние привычной структуры власти-собственности со всеми ее особенностями, от принципа редистрибуции до авторитарного режима. Конечно, в буржуазно-демократической конституционной Германии оно было несравнимо с тем, что имело место в России. Но все же было и к тому же ощущалось гораздо более заметно, чем во многих других, тем более развитых буржуазно-демократических странах. А это влияние, собственно, как раз и объясняет в первую очередь маргинальное поведение массы вчерашних и позавчерашних крестьян, чувствующих себя оторванными от привычной среды, угнетенными мощным давлением со стороны капитала. Эти люди отнюдь не утратили привычную тягу к сильной власти и к патерналистскому авторитаризму начальника. Они не очень искушены в политической борьбе, но уже, тем не менее, обретают вкус к политике и активно принимают участие в выборах. А на выборах каждый из них неизбежно сталкивается с теми партийными *ловцами душ*, кто, наподобие отечественных большевиков, понятным языком и обходясь примитивной лексикой, старается объяснить им, куда и с кем нужно идти, к чему стремиться. Еще раз стоит заметить, что НСДАП комплектовалась отнюдь не за счет только таких маргиналов из вчерашних и позавчерашних крестьян. В нее входили и представители многих иных слоев населения. **И фюрер недаром посто-**

янно напоминал, что его партия имеет отношение к рабочим и даже к социализму, пусть и не марксистскому. Он не случайно, но совершенно осознанно, публично заботился о социальных благах для низов общества. И эти низы, которым явно не нужен был журавль в небе (имеется в виду *светлое будущее* коммунистов) и которые логично стремились заполучить в свои руки элементарную синицу, причем самым простым образом и как можно скорее, понимали его и потому охотно шли ему навстречу.

Выше уже упоминалось о программе нацистов в варианте Гитлера. Стоит обратить внимание на то, что в 25 пунктах программы уделялось внимание патерналистской заботе государства о благосостоянии народа, участию рабочих в распределении прибылей успешно функционирующих частных предприятий. В них говорилось о значимости среднего класса в противовес крупному капиталу, а также о том, что только усиление роли государства и власти вождя способно обеспечить все это. Если прибавить к сказанному рассуждения о единстве немцев и о завоевании необходимых для этого территорий, об отмене унизительного мирного договора (все 25 пунктов появились на свет сразу же после его подписания), то картина во многом прояснится. Потерпевшей неудачу в войне Германии и немалой части ее униженного населения предлагался заманчивый выход из создавшегося положения. А униженная часть населения страны была более чем значительной, к тому же под влиянием умелой нацистской индоктринации возрастала и становилась все более возбужденной, настроенной решительно требовать своего и готовой прилагать все усилия для достижения справедливости. Поэтому нет ничего удивительного в том, что программа нацистов при сравнении с другими очень многим в Германии 20-х гг. показалась наиболее предпочтительной. Особенно в том, что имело отношение к евреям. Умные и способные, потомственные и всюду поспевавшие горожане, они давно приспособились и, как то всем было видно на каждом шагу, очень хорошо устроились на *нашей немецкой* земле. Мыслимо ли терпеть такое?

Все это достаточно полно объясняет, что именно помогло нацистам прийти к власти. Стоит добавить, что этот приход был закономерен. Мало того, он был серьезно подготовлен. В стране с ее разрушенной войной развитой промышленностью свирепствовала безработица. Государство с его весьма скромными субсидиями было той единственной силой, которая как-то помогала выжить. И это понимали городские низы, тогда как остальным немцам, включая капиталистических *хищников*, как они именовались в 25 пунктах фюрера (он, как то хорошо известно, любил говорить о важности и необходимости *антикапита-*

листической революции), не оставалось ничего иного, как подчиниться обстоятельствам. Страна быстрыми темпами шла в этом направлении, причем другие партии мало что могли противопоставить НСДАП. И любопытно обратить внимание на то, как эта партия сумела распорядиться всем тем, что оказалось в ее власти.

НАЦИЗМ У ВЛАСТИ

Первые месяцы 1933 г. прошли в Германии под знаком отмены ряда статей конституции, гарантировавших основные буржуазно-демократические свободы. Прежде всего, была ликвидирована партийно-парламентская система. Запретили КПГ и СДПГ и начали преследовать их функционеров. Затем было объявлено о самороспуске и всех остальных партий. В августе 1934 г. после смерти Гинденбурга Гитлер стал президентом, сохранив за собой должность рейхсканцлера. А затем он просто стал вождем, фюрером третьего рейха, как стали именовать новый режим. НСДАП, которая была официально провозглашена «носителем немецкой государственной идеи», стала костяком административного аппарата, придав государству облик тоталитарной структуры, многими очертаниями напоминавшей ту структуру власти-собственности, о которой в данном издании не раз подробно говорилось. Смысл сходства в том, что власть — тоталитарная диктатура — первична, тогда как собственность (в той степени, и с теми правами, в каких ее существование в данном случае допущено) вторична и зависит от лояльности собственников по отношению к власти. Как хорошо известно, одними из первых это поняли многочисленные частные собственники еврейской национальности, которые начали энергично сворачивать производство, срочно ликвидировать все свое имущество и эмигрировать. Что же касается всех остальных, то они вынуждены были приспосабливаться и полностью подчиняться контролю и строгому регулированию экономики со стороны государства, взявшего на себя генеральные патерналистские функции.

Суть контроля и регулирования сводилась к определению основ всей экономики страны, отчетливо начавшей ориентироваться на быстрый рост производства военной техники и вообще всего необходимого для войны. Для руководства работающими, особенно в конфликтных ситуациях, посредниками становились представители государственных учреждений, т.е. хозяйственных групп, своего рода разных департаментов министерства хозяйства. В 1936 г. в стране был принят «четырехлетний план», уже вполне отчетливо ориентированный на масштабную подготовку к новой войне. В конце за-

тянувшегося мирового экономического кризиса хозяйства, в 1933 г., был создан Генеральный совет экономики. В него наряду с видными нацистами вошли многие крупнейшие воротилы промышленности, которые обогатились за счет конфискации собственности немецких евреев и стали кем-то вроде руководителей корпораций, за которыми отчетливо виделось нацистское государство. За деятельностью совета бдительно наблюдало министерство хозяйства. Вместо профсоюзов нацисты создали Германский трудовой фронт, который включал как трудящихся, так и частных предпринимателей. На предприятиях собственники либо их представители оставались в качестве местных фюреров, т.е. менеджеров или директоров, а представители трудящихся, имевшие отношение к трудовому фронту, имели право защищать свои интересы. Нацисты сумели избавиться от чрезмерной безработицы (6 млн в начале 1933 г.) за счет массированного строительства автострад и резкого увеличения постоянно наращивавшегося объема промышленного производства. Этому же способствовали увеличивавшиеся прибыли и широкомасштабная социальная политика, сводившаяся к разного рода выплатам, субсидиям, помощи, поддержке спорта и отдыха, к созданию солидных страховых и пенсионных фондов. Поддерживались и крестьянские хозяйства в деревне. Вообще **фюрер любил рассуждать о том, что его политический режим имеет преимущество перед большевистским потому, что** в нацистской Германии **система государственного патернализма опирается на** приручennую им **частную собственность**.

И стоит особо заметить, что умелая социальная политика, которая, несмотря на определенные сложности, создавала прочную и надежную с точки зрения неколебимости режима внутриполитическую основу, давала неплохие результаты. Люди в массе своей были склонны верить в фюрера не меньше, чем советский народ в своего вождя. В СССР соответствующие социологические замеры или избирательные компании не проводились — и без них было ясно, что посчитают голоса, как надо. В Германии после объединения фюрером в своем лице постов президента и рейхсканцлера в 1934 г. был проведен плебисцит, на котором это объединение было одобрено 85% голосов. Если учесть, что с момента прихода к власти НСДАП до смерти Гинденбурга прошло едва полтора года, результат весьма впечатляющий. Похоже на то, что популярность приходила к фюреру столь стремительно, что это делало ненужным создание в стране атмосферы перманентного страха за счет массовых репрессий по отношению к собственному народу. Если не говорить о войне, когда расцвела система концентрационных лагерей и неслыханных размеров достиг геноцид евреев, Хо-

локост, то о серьезных репрессиях в самой Германии по отношению к собственному немецкому населению (речь не о евреях!) говорить не приходится. Разумеется, существовали и полиция, включая гестапо, и упомянутые концентрационные лагеря для активных оппозиционеров, и иные тюрьмы, да и многое другое в системе карательных органов. Но, расправившись со сравнительно немногими партийными функционерами (часть которых — имеются в виду некоторые эмигрировавшие в СССР члены КПГ — была выдана Сталиным), фюрер далее этого не пошел. Политических процессов и массового террора по отношению к собственному населению в нацистской Германии, в отличие от СССР, в довоенное время не было.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ВОЕННЫЕ ПЛАНЫ

Внешняя политика Германии после Первой мировой войны не была слишком активной. Если не считать Брест-Литовского договора и различных вынуждавшихся обстоятельствами соглашений с украинской Радой, тремя государствами Прибалтики, с Финляндией и Польшей, т.е. со всеми теми геополитическими новообразованиями, которые возникли на территории бывшей Российской империи, то главное в этом смысле свелось к подписанию соглашений Версальского мирного договора. Не будучи в силах выплатить непосильные репарации, разрушенная войной Германия с большим удовлетворением приняла в 1924 г. план Дауэса, который очень помог ей покончить с разрухой и выйти из состояния тяжелого кризиса. На конференции в Локарно в октябре 1925 г. политические позиции Германии, давшей согласие гарантировать безопасность соседних с ней западных государств (Рейнский пакт), окрепли. Побежденной стране разрешили вступить в Лигу Наций, предоставив ей статус постоянного члена в Совете Лиги. А в августе 1929 г. план американца О. Юнга, принятый на международной конференции в Гааге, серьезно сократил объем остававшихся невыплаченными репараций и ликвидировал контроль союзников над выплатами. Этот важный этап во взаимоотношениях Германии с крупными мировыми державами дал ей некоторую свободу рук. Если прибавить к нему соглашения с СССР в Рапалло в 1922 г. и в Берлине в 1926 г. о взаимном отказе от любых экономических претензий, о ненападении и нейтралитете, то станет ясным, что внешнеполитический статус страны обрел нормальный в международных отношениях облик.

Но все соглашения, о которых только что шла речь, имели строгую международно-правовую силу сравнительно недолго. С приходом на-

цистов к власти некоторые подписанные их предшественниками договоры и соглашения де-факто начали понемногу терять свою силу. В 1933 г., как о том уже упоминалось, Германия вышла из Лиги Наций. Это было важным знаком для всего мира. Не сразу, но все же быстро столь демонстративный акт был осознан всеми: усилившаяся держава, наращивавшая свой огромный военный потенциал, с приходом к власти экстремистов была готова опять начать перекраивать мир ради объявленного ее новым вождем расширения столь нужного ей «жизненного пространства». Не то чтобы это энергично декларировалось. Скорее напротив, было покрыто некоторым флером демагогических рассуждений о справедливости и т.п. Однако секретный меморандум от 21 мая 1935 г. ясно требовал от видных функционеров НСДАП, чиновников государственного аппарата и промышленников приложить все усилия к тому, чтобы поскорее и с максимальным эффектом ориентировать всю экономику страны на подготовку к войне. Да и скрыть такого рода усилия в принципе было невозможно. А главный смысл принятого в 1936 г. четырехлетнего плана с его классическим, хотя и не слишком пропагандировавшимся лозунгом «пушки вместо масла» никто не скрывал.

Складывалась довольно странная ситуация. Западные буржуазно-демократические страны, еще всего несколькими годами ранее активно стремившиеся помочь Германии восстановить ее промышленный потенциал и не чувствовать себя изгоем в мировом сообществе, были поставлены новым немецким режимом в крайне неловкое положение. Корпоративные государственно-частные концерны и мощные объединения, для быстрого развития которых так много было сделано странами-победительницами (стоит напомнить о проблеме репараций), лихорадочно создавали новые типы самолетов, танков, орудий, военных судов и прочее вооружение. Большая страна покрывалась многими сотнями военизированных отрядов, которые формально пока еще не могли считаться армией, размеры которой были ограничены мирным договором. Власть, все более очевидно концентрировавшаяся в руках партии *нового типа*, укреплялась за счет уничтожения любой оппозиции и обретала облик тоталитарной структуры, принципиально противоположной буржуазной демократии. Более того, тоталитаризм нацистов воссоздавал напоминающую характерную для европейского прошлого структуру власти-собственности с предельно централизованной редистрибуцией. И этот режим с его формами власти и имеющей явно милитаристский уклон редистрибуцией являл собой потенциальную угрозу. Все это было хорошо видно всем, но никто не был в состоянии что-либо сделать. Ведь несмотря на то что, выйдя из Лиги

Наций, Германия ясно дала понять, что она не намерена далее строго соблюдать военные статьи мирного договора, формально эти статьи соблюдались, хотя реально никто не в состоянии был следить за ростом численности немецкой армии. Впрочем, вскоре и этот рост стал секретом Полишинеля, особенно после того, как в Германии в 1935 г. был принят закон о всеобщей воинской повинности, а в 1936 г. расторгнут договор 1925 г. в Локарно.

В отечественной историографии одно время была весьма популярной версия, будто буржуазные страны потому закрывали глаза на военное усиление Германии, что мечтали столкнуть ее с коммунистическим СССР. И этот тезис, если учесть постоянные нападки Гитлера на коммунистов и его особенно яростное, хотя и быстро завершившееся стремление уничтожить КПГ, может показаться до некоторой степени правдоподобным. Известно, в частности, что в 1933 г. Франция и Англия заключили даже с Германией и Италией *пакт четырех*, что косвенно свидетельствует именно об этом (хотя сам этот пакт не был ратифицирован и потому серьезного значения не имел). Но если не принимать всерьез рассуждения на этот счет, хотя они опирались не только на преследование коммунистов в Германии, но и на резкий всплеск антифашизма в СССР, в 1936–1938 гг. явственно проявившийся в ходе гражданской войны в Испании, все происходившее в те годы может быть воспринято и иначе. Ведь история показала, что Германия с ее острым стремлением расширить *жизненное пространство* в любом случае была не безобидна и опасна для всех. Безудержно способствовать ее вооружению было не в интересах западных держав. Некоторые политические группы в них, возможно, и лелеяли надежду на то, что столкнутся между собой именно две агрессивные тоталитарные державы, сделавшие явную ставку на войну. Но где была гарантия, что события вскоре повернутся именно так?

Гарантий не было. А Германия в эти годы лихорадочно искала союзников. В 1936 г. были налажены тесные связи с фашистской Италией, затем и с Японией. Вначале все подавалось миру как готовность сопротивляться коммунистической агрессии. Страны оси (Берлин–Рим–Токио) действительно прокламировали себя — возможно, именно для того, чтобы успокоить буржуазный Запад, — как «антикоминтерновский пакт». Но показательно, что даже в советских официальных изданиях сказано, что этот пакт был обращен и против США, Англии и Франции[1]. А вскоре союзником Германии стали и франкисты в сражающейся Испании. И вот здесь ситуация запуталась окончательно.

[1] Всемирная история. Т. IX. М.,1962. С. 314.

С одной стороны, все вроде бы, наконец, определилось: на стороне республиканцев и советские коммунисты, включая их вооруженные силы, и добровольцы из многих стран буржуазной демократии, а против них воюют фашисты. Но если взглянуть на события глубже, о чем и пойдет речь в следующей главе, все окажется далеко не так просто. Особенно, когда будут приняты во внимание многие говорящие сами за себя другие — помимо сражающейся Испании — важные обстоятельства. И еще стоит напомнить, что ряд европейских стран, не создав крепких тоталитарных режимов фашистско-нацистского типа, оказался, тем не менее, на полпути к этому, что сыграло свою роль, хотя эта роль в разных случаях была неодинаковой. Но прежде, чем обратиться к рассмотрению и оценке стран, о которых идет речь, стоит сказать несколько слов о планах нацистского фюрера.

Фюрер, как и наш вождь, отнюдь не был чужд идеям мирового господства и принципам добиться его за счет безудержной экспансии в стиле германского империализма Первой мировой войны, но умноженной теперь на идеологию нацизма, столь восторженно принятого в конце 30-х гг. большинством увеличившегося за счет аннексий населения страны. Населения, вкусившего некоторые плоды умело предложенного ему и достаточно экономически и социально успешного национал-социализма. Были ли такие расчеты вовсе беспочвенными? Отнюдь. В крупной политической игре, в которой в силу ряда немаловажных причин ведущими игроками были и наш вождь, и их фюрер, многое, очень многое зависело от стечения разных обстоятельств и от различного рода случайностей, совпадение или несовпадение которых могло создать предпосылки для успеха или обречь любую авантюру на поражение. В этой игре расчет делался как на индустриально-милитаристскую мощь, так и на то самое *жизненное пространство*, которого постоянно не хватало Германии и которое было в избытке в России. Учитывались и потенциальные союзники, причем всегда принималось во внимание искреннее желание близких к нацистам фашистских и полуфашистских режимов тесно с ними сотрудничать и вполне естественное недоверие буржуазно-демократических стран к коммунистическому тоталитарному режиму СССР. Эту сложную внешнеполитическую ситуацию хорошо понимали все. Но что было делать тем, от кого зависело сделать решающий выбор? Для фюрера — а речь теперь о нем — было, похоже, вполне очевидно, что для начала ему стоило бы расширить свое *жизненное пространство*, а заодно и индустриальную мощь, за счет высокоразвитой Западной Европы. Но как реально следовало оформить этот грандиозный замысел? Остановимся пока на том, что это было делом, достижимым далеко

не сразу, и продолжим рассмотрение ситуации в мире в 20–30-х гг. XX в. в разных странах, склонных к союзу с нацизмом.

Глава шестнадцатая. СОЮЗНИКИ ГЕРМАНСКОГО НАЦИЗМА

Таких стран, особенно, если иметь в виду, что сюда включены и потенциальные союзники, реально участия в войне не принимавшие либо участвовавшие в ней в крайне осторожной и ограниченной форме, было не так уж и мало. Как упоминалось, нацизм был не только не единственным, но даже и не первым среди глобально-имперских тоталитарных режимов, которые сыграли свою роль в годы подготовки ко Второй мировой войне. Более того, если быть точным, то первым — вслед за РКП(б) — был именно итальянский фашизм, который способствовал возникновению на планете соответствующих идей правого толка и привел к многочисленным попыткам, удавшимся и не очень, преобразования различных обществ по фашистско-корпоративной модели. Эта модель во всех ее модификациях заслуживает внимания, анализа и оценки. И к ней в последующем изложении мы еще будем возвращаться. Но Италия с ее фашизмом и энергичной агрессивной экспансией в Африке при всей значимости ее первородства не была главной из держав, зараженных тоталитаризмом правого толка. Главной была Германия с ее нацизмом, о чем уже было немало сказано. Тем не менее, и фашизм итальянского толка, и нацизм германского с 30-х гг. слились воедино и вообще-то никем всерьез не разделялись, как не отделялась от них бывшая важным звеном *оси* Япония, где многое выглядело иначе.

И несмотря на то что в ряде других стран Европы, прежде всего Восточной, профашистские силы не сразу, не слишком энергично двигались к власти и далеко не везде в этом полностью преуспели, все же следует иметь в виду, что только тремя державами оси число государств, склонных в 20–30-х гг. XX в. к фашистско-корпоративной системе власти (к тоталитаризму правого толка), не ограничивалось. Впрочем, стоит принять во внимание и то, что в этих небольших государствах многое зависело от их геополитического расположения — ситуация, которую необходимо иметь в виду хотя бы потому, что после Второй мировой войны случилось нечто подобное, только на тот раз уже с силовым воздействием на многие из тех же небольших (в основном восточноевропейских, хотя и далеко не только их) государств со стороны тоталитаризма левого толка. Имея в виду эту особенность, обратимся все же вначале лишь к характеристике си-

туации в странах, ставших перед новой мировой войной или в ходе ее союзниками нацистской Германии либо странах, которые вынуждены были демонстрировать благожелательное к ней расположение.

ИТАЛИЯ

После Первой мировой войны Италия, не слишком дорого заплатившая за свое участие в этой войне и, более того, сумевшая обрести некоторые территориальные приращения за счет Австро-Венгрии, оказалась, тем не менее, в ситуации внутриполитической нестабильности. Большое количество безработных и экономический кризис лежали в ее основе. А раздоры и горячие дебаты с левыми экстремистами внутри наиболее сильной в стране социалистической партии вели к ослаблению этой партии. Ватикан и клерикалы поддерживали созданную ими народную партию, которая старалась провести в стране необходимые реформы, но не имела для этого достаточных сил. Именно в такой обстановке, усугубленной в 1920–1921 гг. последствиями послевоенного экономического кризиса, в Италии появились и начали активно действовать первые и вначале полуразбойные отряды фашистов во главе с Муссолини. В 1921 г. фашисты несколько остепенились и развернули в Италии широкую соционационалистическую пропаганду, призвав население действовать в пользу укрепления политической силы государства. Настаивая, стоит специально обратить внимание, на прочном союзе предпринимателей и рабочих, гарантированном государством, фашисты вскоре почувствовали свою силу (на выборах в мае 1921 г. они получили более 30 мест в парламенте) и даже подписали с соцпартией пакт *умиротворения*, что, впрочем, ни к какому умиротворению на деле не привело.

Скорее напротив, создав военизированные отряды чернорубашечников, энергично наступая на социалистов и профсоюзы, срывая организованные теми забастовки, фашисты выходили на передний план политической жизни страны. К ним присоединялось все большее количество недовольных рабочих, безработных, демобилизованных фронтовиков и представителей других слоев населения. Удачно и умело выбранное направление действий, стилистически и структурно во многом предвосхитившее движение немецких нацистов, показало другим партиям, находившимся в состоянии разброда и острых противоречий, что именно сторонники Муссолини наиболее сильны в стране. И в октябре 1922 г. фашистские отряды начали знаменитый поход на Рим, после чего король Виктор Эммануил III 31 октября 1922 г. поручил Муссолини стать во главе кабинета.

Первые годы пребывания у власти фашистского правительства отмечены наступившей долгожданной стабильностью и, как следствие, заметным подъемом экономики. В отличие от Гитлера в Германии десятилетием спустя, Муссолини, не имевший ни надежной социальной опоры, ни многочисленной военизированной гвардии, которая находилась еще в стадии становления, на первых порах не стал запрещать существовавшие прежде политические партии и профсоюзы. Работал парламент, выходили партийные газеты. На выборах 1924 г. его партия в блоке с некоторыми правыми получила 4,5 млн голосов, а антифашистская оппозиция, состоявшая из социалистов, коммунистов и народной партии, чуть меньше 3 млн. Вскоре после выборов оппозиция попыталась было создать антифашистский блок. Отозвав своих депутатов, она (ее стали именовать *авентинским блоком*, имея в виду плебеев древнего Рима, которые выступили против патрициев, удалившись на Авентинский холм) рассчитывала подорвать власть *дуче*, как стали именовать фашистского вождя. И одно время казалось, что позиции Муссолини действительно пошатнулись. Он даже дал понять, что может уйти в отставку. Но вскоре выяснилось, что в стане оппозиции полный разброд, виновниками которого оказались коммунисты, настаивавшие на боевых революционных действиях. Кончилось тем, что все парламентарии вернулись обратно, после чего кабинет провел ряд важных реформ, направленных на ликвидацию буржуазно-демократического режима. Новые чрезвычайные законы, принятые в 1925–1926 гг., привели к запрету оппозиции и разгрому противостоявших фашизму партий и профсоюзов. Партия *нового типа* твердо взяла власть в свои руки. Активных функционеров оппозиции ждали тюрьмы и лагеря, о чем позаботился заново созданный *особый трибунал*.

Задолго до немецкого фюрера, явно кое в чем перенимавшего его опыт, дуче сделал особый упор на свою заботу о рабочих, для чего им была издана специальная «хартия труда», смысл которой сводился к созданию союза труда и капитала под патерналистским надзором государства. Успешно проведя денежную реформу и заручившись инвестиционной поддержкой со стороны иностранного капитала, дуче помог итальянским предпринимателям энергично наращивать промышленные мощности страны. Мировой кризис 1929–1933 гг. подорвал экономику страны, способствуя росту безработицы и разорению крестьянских хозяйств. Но созданный государством в 1933 г. институт промышленной реконструкции стремился оздоровить подорванную кризисом экономику, скупая акции и формируя государственно-частные корпорации (всего их сначала было 22). Си-

стема корпораций, в 30-х гг. оформившаяся в национальный совет корпораций, в каждую из которых входили представители федерации предпринимателей, профсоюзных синдикатов и партии фашистов, подчиненная министерству корпораций во главе с самим дуче, олицетворяла провозглашенный на заре фашистского движения союз всех трех сил. При этом специально **подчеркивалось, что речь идет** не только о сочетании частной инициативы с государственным контролем (не стоит забывать и о том, что корпорации получали субсидии из бюджета), **но и об участии народа в управлении государством**. Как ни относиться к этой структуре, бесспорно, что она способствовала укреплению позиций фашистского государства. И это существенно подкрепляло мощный поток индоктринации, рупором которой были видные представители итальянских интеллектуалов, такие, как поэт Г. Д'Аннунцио. Они воздействовали на чувства итальянцев, постоянно напоминая им о былом величии Рима.

Развитие экономики после кризиса позволило Италии сосредоточить усилия на милитаризации страны и различного рода внешнеполитических, в том числе и военных, авантюрах. Был даже издан специальный закон о так называемой военизации итальянцев (школьники, получая аттестат зрелости, должны были одновременно обретать патент офицера). Расходы на военные нужды с 1936 г. превышали половину расходной части бюджета страны. Неудивительно, что свойственная всем тоталитарным режимам агрессивная экспансия энергично расцветала. Она нашла свое проявление в установлении сначала фактического протектората (1927), а затем (1939) и оккупации Албании. С 30-х гг., когда Эфиопия при императоре Хайле Селасие обрела конституцию и стала заметно развиваться, именно эта страна, и прежде привлекавшая внимание Италии, стала, несмотря на ее членство в Лиге Наций, объектом вооруженных домогательств со стороны итальянцев. В результате итало-эфиопской войны 1935–1936 гг. Эфиопия, расположенные рядом с ней Эритрея и итальянская часть Сомали стали, пусть ненадолго, колонией Италии (Итальянская Восточная Африка). В декабре 1937 г. Италия вышла из Лиги Наций и тем развязала себе руки. В том же году она вошла в состав стран оси, объединенных в *антикоминтерновском пакте*.

ИСПАНИЯ

Развитие событий в Испании шло по иному пути. Сначала эта страна довольно резко отличалась от многих европейских государств своим нейтралитетом в ходе Первой мировой войны. Такая позиция

позволила Испании — как, впрочем, и другим нейтралам — ничего не потерять и многое приобрести в условиях длительных военных действий и нужды воюющих держав в ресурсах. Тем не менее, эта страна после войны все еще долго оставалась одной из наиболее отсталых, во всяком случае в Западной Европе. Впрочем, взбудоражившие мир события в России оказали влияние и на нее. Забастовки в Каталонии и в других областях в 1919 г. вынудили правительство пойти на реформы, что привело к законам о 8-часовом рабочем дне, социальном страховании, к повышению зарплаты и пособий. Возникла в 1920 г. и компартия, хотя в рабочем движении страны традиционно продолжали преобладать анархисты, к которым тяготели и профсоюзы. Рост междоусобных столкновений, как в социальной, так и в национально-сепаратистской форме, создавал в стране в начале 20-х гг. обстановку неуверенности и неустойчивости. Правительство было не в состоянии навести порядок, а неудача в колониальной авантюре (попытка одолеть сопротивление Рифской республики в Марокко в 1921 г.) привела еще и к усилению антимонархических настроений.

В сентябре 1923 г. генерал М. Примо де Ривера совершил государственный переворот. Переворот сначала не вызвал сопротивления. Был составлен кабинет из военных, все губернаторы тоже были замещены военными, а парламент (кортесы) и муниципалитеты на местах распущены. Многие партии были запрещены (остались, однако, соцпартия и профсоюзы), а основной партией в заново возникавшем государстве стал патриотический союз. Главной новацией Примо де Риверы стала экономическая реформа. Идея государственного регулирования в сочетании с принудительной монополизацией отраслей промышленности (почти по образцу итальянских фашистов) была в центре преобразований, которые должны были резко усилить его власть. Это была все та же, что и в Италии, система корпораций. Только у Риверы не хватило времени довести ее до конца. Отсутствие социальной поддержки и вновь усилившееся в стране очень активное забастовочное движение, равно как и острый финансовый кризис, вызвали во всей Испании мощное движение сопротивления власти диктатора, который в начале 1930 г. был вынужден уйти в отставку. Правительство Д. Беренгера восстановило конституцию и буржуазно-демократические свободы, но, столкнувшись с сильным негативным влиянием мирового экономического кризиса, вынужденно оказалось слабым.

Созданный левыми *революционный комитет* призвал к свержению монархии и установлению республики. В декабре 1930 г. войска одного из провинциальных гарнизонов восстали и объявили в стране республику, но сразу же были разбиты. Однако в других гарнизо-

нах и в городах страны начались аналогичные выступления, и в феврале 1931 г. правительство ушло в отставку. В апреле того же года король был вынужден покинуть страну, а революционный комитет взял власть в свои руки и провозгласил Испанию республикой. В декабре 1931 г. Учредительное собрание приняло новую конституцию с парламентом и всеми буржуазно-демократическими свободами. В сентябре 1932 г. в стране началась долгожданная аграрная реформа, что позволило крестьянам обрести землю. Однако влияние экономического кризиса продолжалось, и это негативно сказывалось на состоянии дел в хозяйстве. И без того слабая и отсталая, экономика Испании в условиях бурных политических событий и нестабильности вела страну к дальнейшим серьезным потрясениям.

В 1932–1933 гг. ряд правых партий начал объединяться, беря в качестве образца фашизм итальянского типа. В конце октября 1933 г. сын М. Примо де Риверы Хосе Антонио основал испанскую фалангу (зародыш партии *нового типа*), и с этого момента фалангисты стали фундаментом возникавшего в стране испанского фашизма. Сам Хосе — как то сделал в свое время и немецкий фюрер — составил программу фаланги из 26 пунктов. Правда, ему, как и его отцу, не удалось добиться реализации заложенной в программе корпоративной системы. Для этого нужно было время, а его не было. Ситуация в стране оказалась слишком тревожной, а события развивались весьма драматически. Свое полное развитие система корпораций, синдикатов и патернализма партии, взявшей на себя функции государства, с наибольшей силой проявила лишь после гражданской войны, в условиях господства фалангистов при диктатуре Ф. Франко.

Правда, на выборах в кортесы в ноябре 1933 г. победу одержали правые, постоянно выступавшие за укрепление власти. Новое правительство А. Лерруса начало энергично противостоять митингам, демонстрациям и забастовкам, в 1934 г., после включения в состав кабинета нескольких представителей сторонников фашизма, фалангисты начали было создавать корпорации. Но не успели. Обстановка в Испании становилась все более напряженной, так что доведение до конца экономической реформы пришлось отложить (ее достраивал, как упомянуто, Франко, а Хосе Примо де Ривера в ходе войны был расстрелян республиканцами). Что же касается самой войны, то она началась с того, что левые группировки Испании создали Народный фронт, который на выборах 1936 г. получил в кортесах 268 мандатов против 205 у правых. Президентом страны и главой кабинета стали представители этого фронта. В стране были выпущены

на свободу все политзаключенные, возвращены прежние демократические и социальные завоевания. Однако угроза со стороны фалангистов не исчезла. Напротив, они готовились к перевороту. Главную роль, как и во времена М. Примо де Риверы, играли армия и возглавлявшие ее генералы.

Мятеж фалангистов был хорошо подготовлен. Как принято считать, 18 июля 1936 г., после произнесенной по радио кодовой фразы «над всей Испанией безоблачное небо», фалангисты в разных районах страны начали военный переворот, который возглавил генерал Франко. Жандармерия, немногочисленные штурмовые отряды фалангистов и практически вся испанская армия, даже вооруженные отряды марокканцев были в его распоряжении. А против него в полном единодушии поднялся Народный фронт, состоявший из обычных людей, вначале очень плохо вооруженных, военному делу не обученных и почти совсем не организованных. Народный фронт настоял на создании нового правительства, объявившего войну фашизму. Однако разрозненность и противоречия внутри фронта серьезно его ослабляли. Не было единого командования, не существовало должной координации, зато продолжались внутренние распри между различными группировками левых, которые подчас переходили, особенно во всегда бурлившей Каталонии, в ожесточенное противостояние. На этом не слишком радужном фоне позиция мятежников была предпочтительнее. Они были хорошо организованы, имели единое командование и, главное, уже через месяц-другой после начала гражданской войны начали получать помощь от Германии и Италии в виде вооружения, включая самолеты и танки, а также военных советников и различного рода многочисленных инструкторов. Поток помощи в немалом количестве шел через соседнюю с Испанией Португалию, где к фалангистам относились весьма сочувственно.

Франция и Англия, как и многие иные державы (их было 27) объявили об эмбарго на поставку в Испанию вооружения и о невмешательстве в гражданскую войну. СССР, сначала было присоединившийся к этому соглашению, очень скоро изменил свою позицию и стал активно помогать республиканцам — как то делали Германия и Италии по отношению к мятежникам — всеми видами вооружения и военными советниками, даже просто различными военными профессионалами, начиная с летчиков и кончая солидными опытными военачальниками. Всего их было около 3 тысяч. Кроме того, из многих стран, включая и СССР, в Испанию для оказания помощи республиканцам стекались десятки тысяч добровольцев (разумеется, из СССР могли выехать только тщательно отобранные начальством люди), создавав-

ших интернациональные бригады. Считается, что добровольцев было около 35 тысяч. Согласно сведениям, сообщающим о помощи фалангистам солдатами из других государств, начиная с Италии и Германии, их было в несколько раз больше. Во всяком случае, в войне принимал участие немецкий легион *Кондор* (405 летчиков и обслуживающий их персонал) и, как считается, 125-тысячный итальянский экспедиционный корпус, не говоря уже о марокканцах. Война закончилась в начале 1939 г. разгромом республиканцев, причем уже за несколько месяцев до ее окончания конец был очевиден. В 1938 г. СССР и фашисты начали сворачивать свою помощь воюющей Испании и выводить войска, включая и добровольцев.

Гражданская война в Испании, занявшая 32 месяца, т.е. два с половиной года, считается первой предвоенной (имеется в виду Вторая мировая война) пробой сил основных враждовавших — а точнее, соперничавших — сторон, коммунистов и фашистов. Но на самом деле все в сражающейся Испании обстояло намного сложнее. И знаменитый роман Э. Хемингуэя «По ком звенит колокол», посвященный этой войне, многое делает явным. Дело в том, что в республиканской Испании, особенно после появления там большого количества советских специалистов, в числе которых было множество сотрудников НКВД, именно коммунисты со свойственной их доктрине агрессивной экспансией и явной склонностью к террору по отношению ко всем инакомыслящим стали главной силой. Они самовластно расправлялись с многими противниками в рамках Народного фронта, который как единая сила не действовал и не мог действовать, ибо состоял из очень разных частей, от коммунистов до антикоммунистов. **И эта постоянная война не только с фалангистами и поддерживавшими их итальянскими фашистами и германскими нацистами, но и с собственными «несогласными», многое объясняет и в конечном счете делает ясным главное.**

Оно в том, что республиканцы в такого рода ситуации и с такими противоречивыми указаниями, исходившими из совершенно разных мест, включая и СССР с Коминтерном, просто не могли одержать победу. Ситуация очень сходна с той, что была в Германии в момент прихода фюрера к власти. Именно Коминтерн с подачи Сталина запретил тогда альянс КПГ с СДПГ, которые вместе могли составить большинство в рейхстаге и обойти Гитлера, дав тем самым престарелому Гинденбургу основание предложить пост рейхсканцлера именно им, а не фюреру. Вовсе не обязательно считать, что этот союз спас бы Германию от фашизма, как нет достаточных оснований полагать, что, веди себя коммунисты во время гражданской войны в Испании ина-

че, они бы победили. **Но безусловно, что без этого, т.е. без единства КПГ и СДПГ в Германии, как и без единства коммунистов с несогласными в рядах Народного фронта в Испании, шансов на успех и в одном, и в другом случае просто не было. Впрочем, как ни кощунственно это может прозвучать, неизвестно, что лучше.**

Но, оставив в стороне войну, существенно обратить внимание на то, что, как легко заметить, общим родовым признаком и итальянского фашизма, и германского нацизма, и испанской фаланги была система корпораций в экономике. Речь о декларированном и реально игравшем очень большую роль принципе не просто сотрудничества труда и капитала в стране, где буржуазная либеральная демократия отсутствует либо подвергается жесткому прессингу, но и о верховном патернализме государства. Причем не просто государства, а такого режима, в рамках которого слиты воедино административная власть, представленная диктатором, и единственная правящая партия *нового типа*. При этом имеется в виду патернализм, который особое внимание проявляет по отношению к рабочим. Эта структура, характерная для некоторых индустриально-развитых стран некоммунистического варианта тоталитаризма (хотя о коммунистическом его варианте в этой связи тоже стоит задуматься), оказалась на практике весьма выигрышной (вспомним о КНР сегодня). Преимущество ее перед буржуазной либеральной демократией и многопартийным парламентаризмом в том, что в условиях маргинальности большинства городских работников с их деревенскими корнями (а речь именно и только о таких странах — не об Англии, Франции или США, не о Скандинавии либо Швейцарии) такая система оптимальна. Большинство населения еще не очень-то привыкло к демократии, к правам и свободам. Но оно уже крайне чувствительно к тому, что выпадает на его долю из тех больших возможностей, которые характерны для развитого индустриального урбанизма. И что важно, **при долголетней однопартийной стабильности корпоративная система могла обеспечить населению более или менее удовлетворяющий большинство уровень жизни.**

Важно добавить, что именно и только это, т.е. гарантированный властью приемлемый стандарт реального бытия, и создавал в тех странах, о которых идет речь и которые мы теперь уже привычно именуем тоталитарными, необходимую прочность существующей власти. После того как эта власть создана — будь то страна вождя-дуче, вождя-фюрера или вождя-*каудильо*, каким стал Франко уже в основном в годы Второй мировой войны и после нее, — режим такого рода рушится, как показала история, лишь в результате войны, точнее, поражения в войне. Если войны нет, он может сохраняться долго, во всяком слу-

чае до тех пор, пока жив диктатор, с именем которого связано становление данного тоталитарного режима. Так было в те годы не только в случае с Франко. Нечто подобное можно зафиксировать и в Португалии, и в некоторых других странах, где фашистско-нацистский тоталитаризм не был доведен до своей завершенной и достаточно жесткой формы, но по ряду важных причин как бы застрял на полпути. Обратим внимание на все эти субварианты, включая и по разным причинам не завершенные модификации некоммунистического варианта тоталитаризма. Таких стран было не слишком много, причем практически все они — кроме разве что Португалии — были расположены в Восточной Европе. Но, фиксируя это, очень важно не упустить все те, что так либо иначе оказались близки немецкому нацизму и поддержали либо были склонны поддержать его в годы Второй мировой войны. Как раз к их числу относится, в частности, Португалия.

ПОРТУГАЛИЯ

В послевоенной Португалии, как и во многих других европейских странах того времени, царила обстановка политической нестабильности. Развал системы финансов, большой внешний долг, экономические трудности и правительственная чехарда способствовали ослаблению государства и препятствовали укреплению норм обычной буржуазной либеральной демократии. Влияние движений большевистско-советского характера вело к возникновению не только компартии (она была невелика), но и резко противостоявших ей правых сил националистического и иного характера. Как и в соседней Испании, быть может, в немалой мере под ее влиянием, здесь дело шло к военному перевороту, который и произошел в мае 1926 г. Упразднив конституцию 1911 г. и распустив парламент, генералы (их было трое, своеобразный триумвират), однако, не понимали, что надлежит делать дальше. Они, как то довольно часто бывало, не очень хорошо представляли, как управлять страной, не доводя ситуацию до крайностей. Для этого следовало решить главные проблемы, финансово-экономические. Но это им было не под силу. Вскоре после избрания одного из генералов президентом страны созданное им правительство пригласило в апреле 1928 г. на должность министра финансов профессора Лиссабонского университета, молодого, но уже известного и отличавшегося незаурядными способностями экономиста А. ди Оливейра Салазара.

Для приходившей в упадок страны это был удачный выбор. Проводя политику жесточайшей экономии, Салазар за короткий срок ликвиди-

ровал бюджетный дефицит и создал в стране нормально работающую финансовую систему. Опираясь на свой резко возросший престиж, он создал в 1930 г. новую партию («национальный союз») и сумел убедить стоявших во главе администрации генералов в разумности своего плана создания авторитарного режима при сохранении некоторых внешних, хотя и лишенных реальной значимости атрибутов буржуазной демократии. Став в 1932 г. во главе кабинета, Салазар в 1933 г. добился принятия новой конституции, по букве которой Португалия превращалась в государство с корпоративной системой. Практически это означало, что власть в стране находится в руках главы правительства, обладающего врученными ему парламентом чрезвычайными полномочиями. В числе этих полномочий было право издавать законы. А из новых законов главным был тот, который создавал систему сближения труда и капитала под эгидой государства. Во главе системы стал глава правительства, наделенный диктаторской властью, а суть ее свелась к замене профсоюзов лояльными государству и очень тесно сотрудничающими с ним и с предпринимателями синдикатами, т.е. к тому, что уже было с успехом апробировано в Италии и активно реализовывалось в те же годы в Германии. В стране была ликвидирована многопартийность, а роль правящей партии и связанных с ней различного рода организаций становилась ведущей. Правящая партия обретала привычный для такого рода корпоративных систем облик партии *нового типа* со всеми необходимыми ее аксессуарами. При всем том, как упоминалось, спецификой страны было стремление сохранить либеральный фасад, позволявший Салазару, отнюдь не злоупотреблявшему диктаторскими полномочиями и не стремившемуся стать фюрером либо дуче, избегать ситуации, при которой его режим мог бы быть открыто приравнен к тоталитарному. И, стоит заметить, этот режим просуществовал достаточно долгое время в неизменном виде.

АВСТРИЯ И ВЕНГРИЯ

После крушения империи послевоенная **Австрия** оказалась под очень заметным влиянием социал-демократии. Среди них была заметна роль так называемых австромарксистов, которые одно время считались очень видными теоретиками марксизма начала XX в., но позже в большинстве перешли в стан тех, кто подверг марксизм решительной ревизии. Тем не менее, роль социал-демократов продолжала быть очень значительной, хотя на выборах 1927 г. они по числу голосов уступили блоку ряда партий буржуазного центра. Роль компартии в Австрии была много менее значимой, нежели

в Германии. А вот правые, напротив, год от года набирали силу, чему в немалой мере способствовал мировой экономический кризис. Вообще стоит обратить внимание на несколько парадоксальную ситуацию с этим кризисом. Ослабляя экономику страны, он вроде бы должен был вести к усилению позиций тех левых партий, которые остро критиковали буржуазное общество с его кризисами. Однако этого, как правило, не происходило. В одной лишь Германии компартия не потеряла той поддержки, что имела до кризиса, хотя это ей и не помогло. И совсем иначе обстояло дело в эти трудные годы в Италии, Испании и Португалии. Создается достаточно обоснованное впечатление, что в европейских странах, включая и нацистскую Германию, переход к некоммунистическому варианту тоталитаризма оказался наиболее удачным ответом не невзгоды, связанные с экономическим кризисом. Быть может, есть смысл напомнить и о том, что расцвет коммунистического варианта тоталитаризма в СССР тоже был теснейшим образом связан с тем же кризисом — но при том непременном условии, что речь идет именно о сложившемся тоталитарном режиме, а не о борьбе каких-либо компартий за электорат. Обратим в связи с этим внимание и на то, что происходило в Австрии.

Только что отмеченные особенности развития европейских стран на грани первой и второй трети XX в. позволяют не считать парадоксом то, что и здесь, т.е. в стране, очень сильно пострадавшей от войны и послевоенного разброда, от гибели империи, примерно в эти же годы интенсивно развивались и обретали внушительную поддержку движения фашистско-нацистского толка. Вообще-то движение, сходное с германским НСДАП, появилось в Австрии еще в 1918 г. Но у этого движения не было своего признанного фюрера, что не могло не сказаться на его успехах. Однако уже на выборах 1923 г. соответствующая партия получила 10 мандатов. Впрочем, заметно большего она так и не добилась. В 1930-х гг., когда эта партия фактически стала филиалом германской НСДАП, она развивалась параллельно с возраставшей ролью Германии в Европе и к моменту аншлюса в 1938 г. численность ее достигла 150 тысяч. В отличие от этих австрийских нацистов другое, уже явно фашистское движение, именуемое *хаймвером* (*союз защиты родины* или *отряды самообороны*), возникшее в 1919 г., сперва ориентировалось на итальянские реалии. Являвшие собой нечто вроде группировок первых итальянских фашистов или военизированных отрядов немецких штурмовиков, но состоявшие в основном, в отличие от нацистов, где было немало рабочих, из крестьян, хаймверовцы, которые насчитывали в 1930 г. около 400 тысяч членов, в 1933 г. получили портфели в кабинете министров канцлера Э. Доль-

фуса. Дольфус был склонен к католицизму и воспринял фашизм Муссолини как нечто близкое к этой религии. Не стремясь сблизиться с итальянским фашизмом, он тем не менее предпочел лучше перенять его опыт, чем склониться к немецкому фюреру с его идеей аншлюса, т.е. объединения с Германией. Стремясь действовать с позиций силы и рассуждая в духе дуче о *классовом мире*, канцлер распустил парламент, издал ряд чрезвычайных законов, в том числе закон об *особых военно-хозяйственных полномочиях* и включил военизированные отряды профашистского хаймвера в состав полиции.

В 1934 г. в Австрии была принята новая конституция, санкционировавшая сильное ограничение буржуазных свобод, в частности роспуск всех партий, кроме наспех созданного правящего «отечественного фронта». Были сделаны некоторые попытки создать корпоративное государство фашистского типа (система корпораций, основанная на союзе труда и капитала при патронаже государства). Но отечественный фронт Дольфуса оказался недостаточно крепкой социальной опорой для серьезных реформ, к тому же предпринятых в условиях противостояния немецкому фюреру. Австрийские нацисты подняли мятеж и тяжело ранили канцлера, вскоре скончавшегося. Мятеж был подавлен, а заменивший Дольфуса новый канцлер К. Шушниг попытался подорвать влияние в стране как нацистов, так и фашистов. Опираясь на все тот же отечественный фронт и предприняв ряд шагов для укрепления государства и оздоровления экономики, Шушниг одновременно стремился наладить отношения с немецким фюрером и получить от него гарантии независимости. Однако гарантии фюрера мало чего стоили. Оказавшись вынужденным под давлением Германии включить в 1936 г. в кабинет двух нацистов, а в 1938 г. амнистировать всю ранее поднимавшую мятеж австрийскую часть партии НСДАП, он ушел в отставку. Сразу же после этого в марте 1938 г. пришел черед аншлюса. Австрия под аплодисменты встречала посланную Гитлером 200-тысячную армию. С этого момента Австрия исчезла с политической карты мира, превратившись в часть нацистской Германии.

Как явствует из изложенного, ситуация в Австрии с начала 30-х гг. была не только до предела напряженной, но и практически безвыходной. Фашистско-итальянская ориентация канцлеров страны, резонно опасавшихся аншлюса, вызывала раздражение немецкого фюрера, который не столько хотел помочь изменению режима в этой стране, сколько мечтал о ее присоединении. Этим объясняются как неудачи с формированием после мирового экономического кризиса завершенной корпоративной системы в Австрии, так и вообще все то, что с этой страной затем случилось. Говоря же о характеристике режима, реаль-

но существовавшего в этой стране в 30-е гг., следует принять во внимание, что, несмотря на четко прослеживаемое влияние со стороны тоталитарных государств и проповедовавшихся в них идей, тоталитаризм в Австрии не достиг развитого уровня. В силу ряда очень существенных обстоятельств он застыл — до аншлюса — на полпути. О последующем времени говорить не приходится.

В **Венгрии**, где в 1919 г. после победы над коммунистами и созданного ими государства возникла буржуазно-демократическая республика во главе с правителем-регентом М. Хорти, наступил период внутриполитической стабилизации. Страна, в отличие от соседней с ней Чехословакии, была слабо развитой в промышленном отношении. Но и это еще не все. Городское население — работники, занятые в промышленности, лица свободных профессий (адвокаты, врачи и некоторые другие) — было представлено в основном немцами и евреями, что рождало некоторую национальную напряженность, как бы пришедшую на смену той, которая так давно и сильно сказывалась на устойчивости Австро-Венгрии и вообще империи Габсбургов. Антисемитизм на рубеже 20–30-х гг. стал достаточно заметным и сыграл свою роль в усиливавшемся влиянии многочисленных группировок фашистско-нацистского толка. Это привело к постепенному ужесточению режима, к ограничению в стране буржуазных прав и свобод. Новый избирательный закон, принятый в 1922 г., предполагал тайное голосование лишь в городах, а в сельской местности его не было. А так как в деревне жила наибольшая часть населения страны, особенно венгерского, то простор для манипуляции итогами выборов был широким.

Это создавало благоприятные возможности для правящей партии (*партия единства*, позже *национального единства*), но зато препятствовало увеличению популярности мелких группировок, в том числе фашистского толка, и в то же время вначале не мешало традиционному существованию в стране многопартийно-парламентской системы. Как и в соседней Австрии, эти группировки были небольшими, причем на первых порах с явственно проитальянскими симпатиями. Партия *Скрещенные стрелы* Ф. Салаши с ее прогерманской нацистской ориентацией появилась позже и лишь в середине 30-х гг. вышла на одно из первых мест, соперничая с правящей партией регента Хорти. Салаши удалось объединить вокруг себя множество более мелких организаций аналогичного типа, но стремление его к власти встретило отпор со стороны Хорти, которому не были чужды замашки всевластного диктатора.

Вообще же режим регента сильно отличался и от итальянского фашизма, и от германского нацизма. В годы мирового экономическо-

го кризиса в Венгрии ближе всего к тоталитаризму в его фашистско-нацистском варианте подошли кабинеты И. Бетлена (1921–1931) и Д. Гёмбеша (1932–1936). Однако близость и активное сотрудничество их сперва с Италией, затем с Германией тесно переплетались с главным, в чем остро нуждалась отсталая крестьянская страна — с вполне позитивными аграрными преобразованиями, отражавшими не столько популизм правящего режима, сколько в общем-то характерный для тоталитарно-корпоративных тенденций государственный патернализм, выражавшийся в стремлении как-то защитить интересы крестьян, заставив при этом богатых землевладельцев поделиться. И хотя компартия страны преследовалась, другие партии, включая фашистские *Скрещенные стрелы*, существовали, не пытаясь, как то было в Австрии, силой захватить власть. Быть может потому, что сам Хорти — в отличие от Дольфуса и Шушнига — был готов к активному сотрудничеству с Германией. В 1939 г. Венгрия присоединилась к антикоминтерновскому пакту. В итоге судьба обеих тесно связанных историей стран, Австрии и Венгрии, была, при всех естественных различиях, в чем-то сходной. Обе они шли к сближению с нацистской Германией, причем этот путь, несмотря на несходные параметры этих стран, привел их в конечном счете к слиянию либо к сближению с нацизмом.

РУМЫНИЯ, ХОРВАТИЯ И БОЛГАРИЯ

Румыния, вступившая в Первую мировую войну на стороне Антанты лишь в августе 1916 г. и почти сразу же, через три месяца, оказавшаяся разбитой и оккупированной неприятелем, была страной слабой и отсталой. Заметным элементом ее промышленного потенциала считалась только добыча нефти. Аграрная реформа, начавшаяся в 1922 г., кое-что сделала для сельского населения, хотя и не способствовала серьезному ускорению темпов развития. В 1923 г. была принята новая конституция буржуазно-демократического типа. Король делил высшую законодательную власть с двухпалатным парламентом, в котором были представлены разные партии, а население страны формально обретало декларируемые либеральными принципами права и свободы. Однако фактически избирательная система была ловко сконструирована таким образом, что в руках у короля оказались все рычаги реальной власти, что позволяло ему манипулировать выборами. Следует признать, что в стране с 80% крестьянского населения эта система оказалась легко осуществимой, чем и пользовались король и вся окружавшая его политическая элита. Резкие антибольшевистские тенденции в политике страны были очевидны-

ми (достаточно обратить внимание на спорную и острую в те годы проблему Бессарабии), а компартия с 1924 г. была запрещена.

Политические партии в Румынии 20-х гг. были, как правило, слабыми, что облегчало королю управление страной. Но на рубеже 20–30-х гг. в стране появилась достаточно влиятельная профашистская националистическая организация *Легион архангела Михаила*, или *Железная гвардия*. Эта партия, вначале небольшая, но с энергичным идейным ядром, быстро обретала популярность среди православных крестьян, обращавших более внимание на наименование организации и на ее религиозные символы (*железногвардейцев* называли *крестоносцами*), чем на ее склонность к разбойной анархии. Несколько остепенившись со временем и усилившись за счет присоединения к ней ряда мелких группировок и обретения поддержки со стороны Италии и Германии, *железная гвардия* на выборах 1932 и 1937 гг. получила немало мандатов, число которых возрастало. Однако эта полуразбойная вольница, одной из вершин политической активности которой стало убийство в 1933 г. премьера И. Дуки, не слишком вписывалась в респектабельность королевской власти, которая в 30-е гг. в свою очередь уже не оставалась равнодушной к идеям нацизма. Король Кароль II в начале 1938 г. изменил конституцию, введя единоличное правление. Политические партии были распущены, а взамен создан единый *фронт национального возрождения* (партия нации), т.е. партия *нового типа* со свойственными ей претензиями. Место профсоюзов заняли огосударствленные по фашистско-нацистскому образцу синдикаты. Это был серьезный шаг в сторону установления корпоративной системы. Однако крайняя слабость румынского индустриального города не способствовала ее расцвету. Кароль II в 1940 г. был вынужден отречься от престола и покинуть страну, а власть оказалась в руках генерала И. Антонеску, чья политика была близкой к той, что проводили *железногвардейцы*, и привела Румынию к тесному союзу с германским фюрером.

Хорватия была частью созданного после мировой войны королевства, в 1929 г. переименованного королем Александром в Югославию. В состав этой очень отсталой и крайне пестрой в национально-конфессиональном плане страны вошли православные сербы, католики, т.е. словенцы и хорваты, а также мусульмане из Боснии и Герцеговины, не говоря уже о многих иных национальных меньшинствах (венгры, немцы, турки, румыны, албанцы, македонцы). Хорватия, экономически более развитая, являла собой основную католическую часть королевства и выступала за национально-религиозную автономию, существование которой противоречило

принципу принятой в 1921 г. конституции с ее уклоном в централизацию королевства без всяких автономий. После реформы 1929 г. федерализм как принцип бесконфликтного существования королевства был вроде бы признан королем, но породил в Хорватии партию *усташей во* главе с А. Павеличем, который ориентировался на фашистскую Италию. Именно усташи сумели в 1934 г. убить короля. Однако это не принесло им дивидендов. Только после начала Второй мировой войны, в 1941 г., немцами было создано государство во главе с Павеличем. Новое хорватское государство отличалось не столько реализацией основ корпоративной системы, что было ему еще явно не под силу, сколько террором по отношению к нехорватскому населению, уничтожением коммунистов, евреев и цыган по нацистскому стандарту, а также репрессиями по отношениям к сербам, многие десятки тысяч которых были убиты в специальном концлагере.

Болгария после поражения в мировой войне оказалась, как и Румыния, перед острой необходимостью аграрных преобразований, которые были осуществлены в начале 20-х гг. правительством А. Стамболийского. Но в 1923 г. в результате государственного переворота, санкционированного царем Борисом, власть которого Стамболийский стремился ограничить, правительство возглавил А. Цанков с его явно профашистскими симпатиями и с попытками ограничить деятельность партий и профсоюзов. После выборов 1931 г. власть обрело правительство «народного блока» во главе с А. Малиновым, склонным к либерализации, но не успевшим осуществить что-либо серьезное в этом направлении. Переворот 1934 г. привел к власти К. Георгиева, который попытался распустить все партии, преобразовать профсоюзы и создать корпоративную систему по итальянскому образцу, но уже в январе 1935 г. лишился своего поста. Власть в стране взял в свои руки царь Борис, в свою очередь занявший откровенно пронацистскую позицию. Если не касаться дальнейших подробностей, следует заметить, что ни фашизма итальянского типа, ни нацизма германского образца в Болгарии практически не было, как и не сформировалось в этой преимущественно крестьянской в то время стране сколько-нибудь развитой корпоративной системы. Протототалитарные тенденции во внутренней политике были ощутимы, но более всего обращает на себя внимание внешнеполитическая ориентация страны на Германию.

ЯПОНИЯ

О Японии необходимо сказать особо. Первая мировая война очень сильно содействовала развитию японской промышленности, появ-

лению новых ее отраслей, увеличению количества военных заказов, а также энергичному освоению дальневосточных и океанских морских путей, росту объема внешней торговли. Японские вооруженные силы сыграли большую роль в процессе интервенции на российском Дальнем Востоке в годы гражданской войны, а колонизация Кореи продолжалась, подчас принимая все более жесткий характер. Будучи вынужденной отказаться на Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. от приобретенных ею прав на китайский Шаньдун, Япония осенью 1922 г. вывела войска и из Владивостока, на чем, собственно, и окончилась для нее мировая война. В сфере внутриполитических отношений 20-е гг. XX в. были ознаменованы в этой стране появлением новых политический партий, включая компартию, и рядом реформ, последовательно увеличивавших численность избирателей. С 1925 г. наладились советско-японские отношения, что нашло отражение как в экономическом сотрудничестве, так и в выводе японских войск из северной части Сахалина. Конец 20-х гг. привел к усилению роли военных (кабинет Г. Танака с 1927 г.) в политической жизни страны и к гонению на левые партии. А мировой экономический кризис ударил по производственной активности страны.

Как и в других индустриально развитых державах, этот кризис сильно повлиял на развитие событий в Японии. Более всего он содействовал резкому усилению позиций военных, особенно радикально настроенной группировки так называемых «молодых офицеров», которые настаивали на отказе от многопартийно-парламентской системы и на введении в стране диктатуры с курсом на усиление внешнеполитической экспансии. Танака оказался на их стороне, что вело к усилению влияния этой группировки на рубеже 20–30-х гг., к серии актов политического террора и даже к попытке путча в мае 1932 г. Путч успеха не имел, но Япония под влиянием «молодых офицеров» быстро шла по пути агрессивной экспансии. Такого рода путчи, как о том уже шла речь, были характерны для всех формировавшихся в эту пору тоталитарных режимов. Он привел в сентябре 1931 г. к оккупации расположенной к северу от Кореи китайской провинции Маньчжурии, где японцами было создано новое государство Маньчжоу-го во главе с бывшим китайским императором Пу И. А так как Лига Наций решительно выступила против столь беспардонной аннексии, Япония в 1933 г. вышла из нее. Японские войска в 1933–1935 гг. продолжили экспансию в северном Китае, захватив провинции Жэхэ, Чахар, Внутреннюю Монголию и оказавшись поблизости от Пекина. В 1935 г. японцы вынудили СССР продать КВЖД Маньчжоу-го. В ноябре 1936 г. Япония и Гер-

мания подписали антикоминтерновский пакт, к которому в 1937 г. присоединилась Италия. Возник союз *стран оси*. А летом 1937 г. японцы начали войну с Китаем. В 1938 г. кабинет Ф. Коноэ объявил, что целью страны является установление *нового порядка* в Восточной Азии. А в 1940 г. в стране стала создаваться новая политическая структура.

Суть ее сводилась к тому, что политические партии были распущены, а вместо них возникла *Ассоциация помощи трону*, ставившая целью возвеличить императора и придать его власти откровенно милитаристский характер. Административно-бюрократическая администрация ассоциации, как бы заменившая собой в Японии партию «нового типа» с ее строгой иерархией, опутала всю страну, от центра в столице до уездов, городов и поселков. Во главе администрации всюду были военные, которые от имени государства установили строгий контроль над экономикой и общественной жизнью. Официальные массовые организации заменили собой все остальные, любое инакомыслие жестко подавлялось. И хотя привычная корпоративная система европейского типа полностью здесь не была установлена, элементы не только корпоративности, но и сопутствующего ей тоталитаризма оказались вполне заметными. Заново возникший порядок свидетельствовал, что в Японии — как то было в Италии и Германии — была ликвидирована складывавшаяся ряд десятилетий буржуазная либерально-демократическая структура государства и общества с присущими ей правами, свободами и формами многопартийного парламентаризма. В стране с сильной многовековой традицией структуры власти-собственности сделать это было не слишком сложно. А традиционная воинственность самурайской Японии добавляла к сложившейся системе отношений столь характерную для европейского тоталитаризма агрессивную экспансию. Словом, параллельно с итало-германским тоталитаризмом в его фашистско-нацистской ипостаси в Японии шел аналогичный процесс становления общества с сильными тоталитарными и националистическими тенденциями.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГОВЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Итак, перед нами группа стран, зараженных, пусть в разной степени, а то и в различных комбинациях, бациллой тоталитаризма. Они не одинаковы. Да и странным было бы видеть здесь полное сходство; для его становления было слишком мало времени, не говоря уже об отсутствии единого руководящего центра и тщательно разработанной доктрины, а также об особенностях развития и даже о при-

надлежности к разным цивилизациям с их традициями и системами привычных ценностей. Например, у японцев не было расизма, как его не было и у итальянцев, хотя их колониальная экспансия, казалось бы, могла создать почву для этого. Но тут очень важно обратить внимание на чрезвычайно значимый и многое проясняющий аспект: расизма без разбора, как и этноцида без оглядки, не было и у немцев. Очень хорошо известно, что в Германии старательно возвеличивали арийцев, но это не означает, что всех не вполне подходивших под арийский стандарт жестко преследовали. Если уж на то пошло, то и фюрер отнюдь не походил на голубоглазый белокурый эталон стройного высокорослого арийца. То же можно сказать о многих его приверженцах.

Смысл арийской теории и тем более антисемитской практики нацистского расизма сводился прежде всего к уничтожению строго определенных этнорасовых групп, евреев и цыган. Этому образцу, насколько известно, активно последовали только хорватские усташи. У итальянцев не было этого, во всяком случае в такой форме, не говоря уже о масштабах. Зверства японцев по отношению к китайцам тоже не были вызваны четкой расовой ненавистью (расовые отличия здесь очень слабо заметны, если заметны вообще) либо даже этнофобией. Просто это были традиционные японские самурайские нормы обращения с противником. Другое дело — национализм в его социополитическом и социопсихологическом преломлении. Здесь у немцев, итальянцев и японцев было полное взаимопонимание. Но ни расизм, ни этноцид, ни идеи национального превосходства при всей их значимости и до предела страшной реальности не были основной сутью и самой главной отличительной чертой тоталитаризма правого толка.

Если попытаться подытожить все то, что было как-то связано с этим тоталитаризмом и близкими к нему режимами, то следует прежде всего выделить главное. А ***главной была умелая и гарантирующая поддержку населения социальная политика в сочетании с подкрепляющими ее институтами и безудержной — особенно в Германии — пропагандой.*** **Это и только это создавало устойчивый фундамент для всех такого рода режимов. Что же касается остальных признаков, то они, как частично уже на то было обращено внимание, сильно варьировали. В разных странах, объединенных в группу государств, которые так либо иначе активно принимали участие во Второй мировой войне на стороне Германии, фашизм и нацизм в собственном смысле этого слова присутствовали в различном объеме и даже в разных модификациях.** Для немецких нацистов, повторим, наиболее характерным был безудержный антисемитизм, доведенный до уровня вселенского Холокоста, равно как и стремление

к уничтожению неполноценных, психически нездоровых, и явно выраженное пренебрежительное отношение к некоторым неарийским народам. Для итальянских фашистов важно было возвысить величие Рима и подчеркнуть национальное превосходство итальянцев, столь долгое время незаслуженно принижавшихся историей постренессансного времени. Испанцам не было нужды стремиться и к этому, ибо их далекое прошлое не отличалось слишком заметным величием, а открытие Америки и успехи в процессе первичной колонизации во многом говорили, как и некогда созданные ими колониальные империи, сами за себя. Они, как и португальцы (т.е. как Франко, так и Салазар), довольствовались созданием достаточно крепкого и в общем-то вполне жизнеспособного государства.

Что касается всех остальных (австрийцев вынужденно приравняем к остальным немцам), то это были — за исключением, причем с оговорками, разве что Венгрии и отчасти Хорватии — индустриально мало развитые страны, в которых отсутствовали возможности для создания основанного на корпоративной системе фундамента. Присутствие и роль этого режима, как о том свидетельствуют некоторые факты, были ослаблены, насколько можно предполагать, незначительным уровнем индустриального урбанизма. И здесь мы вплотную подходим к тому, что следует считать весьма существенным. **Нацистско-фашистский тоталитаризм проявил себя с особой силой там, где этот *уровень был заметно более высоким*. Но этого сказать мало. Во всех тех странах, которые оказались сильно зараженными этой бациллой (а это Германия, Италия, Япония, с оговорками Испания и Португалия), уровень, о котором идет речь, *был достигнут в рекордно короткие сроки*. А это значит, что городское население, промышленные рабочие в них принадлежали в основном еще к тем первым двум-трем поколениям, которые вышли из опутанной феодальными либо полуфеодальными связями деревень, где часто господствовало патерналистское сознание зависимости от хозяина.** И это очень важно принимать во внимание при оценке ситуации в мире, особенно в Европе в конце 30-х гг. Ведь хорошо известно, что профашистские группировки были почти во всех европейских странах. Однако ни в одной из них, не говоря о бывших в этом отношении в исключительном положении США или британских доминионах (кроме южноафриканского), они не играли заметной роли. Там рабочие были уже в основном потомственными горожанами с давно привитой им либерально-демократической буржуазной психологией. Да и полуфеодальной деревни там либо вовсе никогда не было, либо не было уже очень давно.

В ином положении были остальные страны, расположенные в Восточной Европе. Ни в одной из них, даже в Румынии и тем бо-

лее в возникшей в качестве государства уже в годы войны Хорватии, несмотря на усилия и некоторые успехи (в Румынии) в создании корпоративной системы, должный фундамент для нее создать было невозможно. На сей раз основным препятствием было нечто прямо противоположное, т.е. слишком слабый уровень индустриального развития. Отсутствие или крайняя слабость промышленного потенциала не создавали должной базы для городского населения, необходимого в качестве объекта социальной политики и умелой пропаганды. Однако, несмотря на это, того, что имелось, включая подчас и крестьянство, было вполне достаточным для того, чтобы страны, о которых идет речь, оказались в союзе с нацистами. Все дело в том, что сильной антитоталитарной буржуазно-демократической прививки ни у одной из них не было. И это касается не только восточноевропейских Румынии, Хорватии или Болгарии. По меньшей мере отчасти, пусть с оговорками, это касается также Испании и Португалии с их так называемым иберийским фашизмом, и даже, с еще большими оговорками, Венгрии.

Как явствует из всего изложенного выше, тоталитаризм правого толка мог успешно функционировать лишь в пределах достаточно узкого диапазона реальных условий. К слову, фактически то же самое — пусть опять-таки с необходимыми оговорками, имеющими отношение к радикализму всей отечественной интеллигенции последней трети XIX столетия и особенно экстремистской ее части, — касается и тоталитаризма левого толка, т.е. большевизма.

Начнем с того, что еще раз обратим внимание на индустриальный город. Конечно, промышленное развитие России несопоставимо с немецким и явно уступало итальянскому и японскому индустриальному стандарту в первой трети XX в. Но в пределы упомянутого диапазона она, несмотря на военный коммунизм и гражданскую войну, все же входила. Здесь сыграло свою роль множество привходящих обстоятельств, обращаться к которым в данной главе нет смысла. Но при всем том, как это ни покажется парадоксальным, ее исходный фундамент в интересующем нас плане функционально был в чем-то сходен с фундаментом только что упомянутых стран и во всяком случае вполне пригодным для того, чтобы создать в стране нечто вроде все той же корпоративной системы. Только именовалась она иначе и была в пропаганде прикрыта иными, много более возвышающими тружеников словами, идеалами и призывами. Однако, как то ни странно, пропаганда лишь с очень большим трудом возмещала то, чего в реальности не хватало. Речь о частной собственности и рыночном хозяйстве, которые в нацистско-фашистских странах тоталитаризма правого толка

существовали и лишь в в определенной степени — только в некоторой степени! — зависели от власти. **В самом наличии их было колоссальное преимущество этих стран. В этом же, скорее всего, главная причина также и того, почему на высокоразвитом Западе партии *нового типа* не могли возникнуть и тем более претендовать на власть.**

Глава семнадцатая. США, АНГЛИЯ И ФРАНЦИЯ

В отличие от тех стран, которые в послевоенное время оказались заражены тоталитаризмом в его большевистско-коммунистическом либо фашистско-нацистском варианте, большинство стран остального мира либо не были знакомы с этим недугом вовсе либо оказались им едва затронутыми.

В этом последнем случае существование в них организаций красно-коричневого оттенка не оказывало, как правило, сколько-нибудь заметного влияния на жизнь общества и лишь оттеняло — если вести речь о Западе — плюралистические буржуазно-демократические принципы его структуры. Правда, в тех многочисленных неевропейских странах и тем более колониях, где буржуазная демократия еще далеко не устоялась, ситуация была иной, что со временем сказалось, подчас с очень весомыми следствиями. Но это, как правило, происходило уже после Второй мировой войны и тем более тесно связанного с ней процесса деколонизации. К этому мы обратимся позже, в заключительных частях тома. Пока же необходимо ознакомиться с тем, как шел процесс развития в буржуазно-демократической части мира с ее давно уже завоеванными и вошедшими в привычную норму жизни правами и свободами в период между мировыми войнами. Начнем с самых главных стран западного мира. Прежде всего это США, вырвавшиеся далеко вперед, но и подвергшиеся в наибольшей степени ударам возникшего именно в этой стране мирового кризиса, великой депрессии, как это чаще именуют, а также Великобритания с ее доминионами и Франция, статус которых после победы в Первой мировой войне оставался в Западной Европе, безусловно, наиболее предпочтительным.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

США за годы Первой мировой войны сильно окрепли в экономическом отношении. Щедро предоставляя кредиты союзникам и ускоренными темпами развиваясь, эта страна стала после войны бесспорным лидером индустриального мира. Едва ли есть смысл приводить

цифры, которые об этом свидетельствуют, — их полно в специальных изданиях. Важно лишь заметить, что эти цифры убедительно свидетельствуют в пользу американского варианта организации буржуазного либерально-демократического общества со всеми его важнейшими социально-политическими атрибутами, которые необходимы для процветания. Если вкратце суммировать составляющие всестороннего успеха, достигнутого США в первые послевоенные годы, то они сведутся к тому, что именно эта страна стала центром экономических достижений и мировых финансов, что здесь вмешательство властей в дела бизнеса было минимальным и что темпы экономического роста, начиная с 1923 г., оказались весьма значительными. И хотя возвращение после войны в США — как то было и в других странах, принявших активное участие в боевых действиях, — миллионов (5 млн к 1921 г.) демобилизованных заметно увеличило безработицу, это не слишком сказалось на просперити.

Соответственно с объективно сложившейся ситуацией несколько изменилось и отношение к внешнему миру. Страна, которая два-три года назад отказалась поддержать своего президента и признать Лигу Наций, в 1921 г. созвала в Вашингтоне международную конференцию, первую в этом роде. В ходе переговоров между представителями США, Англии, Франции, Италии и Японии было заключено соглашение об ограничении военного флота, о запрещении применять отравляющие вещества и о возврате Японией Китаю провинции Шаньдун. В 1924 г. американцы предложили план Дауэса, который предусматривал контроль союзников над деятельностью Немецкого банка и помощь Германии в виде крупного займа, облегчавшего выплату репараций и способствовавшего возрождению экономики побежденной страны. И хотя эти внешнеполитические акции вызывали раздражение среди многих все еще влиятельных сторонников доктрины Монро, правительство США продолжало политику участия в европейских и иных мировых делах. В 1921–1923 гг., в частности, в связи с голодом в Поволжье более половины всего американского экспорта в Россию составила благотворительная, т.е. бесплатная помощь (общий объем американского экспорта в Россию в 1923 г. был равен 7,6 млн долларов). США и Франция выступили в 1928 г. с проектом плана Келлога–Бриана, сводившегося к отказу от войны как орудия национальной политики (пакт подписали 63 государства).

Скандал, связанный с обвинениями в коррупции (приватизация нефтяных резервов военного флота нефтепромышленниками, финансировавшими предвыборную кампанию республиканской партии),

привел в 1923 г. к скоропостижной смерти президента У. Гардинга. Началась энергичная борьба с коррупцией сменившего его вице-президента К. Кулиджа, чей собственный президентский срок (1924–1928) совпал с периодом продолжения экономического роста, включая зарубежные инвестиции. Национальное богатство США в 1928 г. оценивалось в 450 млрд долларов (1912 г. — 187). Примерно к этому времени американцы, по некоторым данным, производили продукции больше, нежели все европейские страны, вместе взятые. Казалось, ничто не предвещало беды. Но она наступила, причем внезапно.

Считается, что освобождение республиканскими президентами крупного капитала от некоторой части налогов в сочетании с назревавшим в стране кризисом перепроизводства (слабость потребительского спроса вследствие недостатка средств у основной массы населения) привели к резкому росту чисто спекулятивного оборота ценных бумаг на бирже. Стоимость акций на бирже с 1924 по 1929 г. возросла более чем в три раза, что и стало, как то обычно считается, главной причиной мирового экономического кризиса. Впрочем, президент Г. Гувер считал, что товарный демпинг из России был одной из важных его причин. Как бы то ни было, но все, как известно, началось с паники на бирже в *черный четверг* 24 октября 1929 г., когда цена акций неожиданно стала быстро падать, отчего на продажу сразу же было выставлено необычайно большое количество ценных бумаг. Вполне естественно, что их стоимость резко снизилась. Покупателей не было, а снижение цены акций продолжалось, вследствие чего миллионы акционеров теряли свои деньги. Одна за другой рушились различные компании (всего 32 тысячи), разорялись банки (5 тысяч), их работники становились безработными.

Американские инвестиции за рубежом начали срочно изыматься, что привело к распространению кризиса на многие другие страны. Он становился мировым. Безработица и давно уже исчезнувшая было бедность стали в США на ряд лет нормой, а разорявшиеся и оказавшиеся в долгах бизнесмены нередко кончали счеты с жизнью. С 1929 по 1932 г. объем промышленного производства сократился наполовину. Гувер, стоявший на позициях отстраненности государства от бизнеса, вынужден был вмешаться. Но его постигала одна неудача за другой. Не помогло создание национальной кредитной корпорации, ибо банки в столь тяжелой обстановке не желали отдавать свои деньги ради помощи другим, терпящим бедствие. Попытка скупать продукты у фермеров ни к чему не привела: девать купленное было некуда, его никто не покупал вследствие недостатка средств. Словом, президент ничего не мог поделать с надвигавшейся на страну

стихией. На выборах 1932 г. вместо него, вроде бы виновного за все, президентом избрали демократа Ф. Д. Рузвельта.

Рузвельт пробыл президентом США более двух сроков – до 1945 г., – что в истории страны является исключением. В какой-то мере это уникальное явление связано с объективной обстановкой и объясняется именно ею. Рузвельт сумел вывести страну из кризиса и сопутствовавшей ему великой депрессии, он же сыграл очень важную для человечества роль в годы Второй мировой войны. Смысл его *нового курса* сводился к **существенному увеличению вмешательства государства в дела бизнеса, в регулирование экономической жизни**. После того, как в марте 1933 г. все американские банки были закрыты начавшим свое правление новым президентом, возникла банковская система из 12 федеральных резервных банков, функционировавших с помощью государства. После этого стали понемногу открываться лишь *здоровые* банки. Обретя с согласия конгресса чрезвычайные полномочия, Рузвельт содействовал принятию ряда законов, начиная с гарантирования банковских вкладов (до 5 тыс. долларов), а также регулирования выпуска ценных бумаг, и кончая организацией общественных работ с созданием миллионов рабочих мест и соответственным увеличением платежеспособного потребительского спроса, а также достаточно дешевым строительством. Были созданы федеральная организация помощи, гражданский корпус для содействия безработной молодежи, занятой в строительстве дорог, мостов, каналов и т.п. Был отменен «сухой закон» и приняты меры к отказу в займах тем странам, которые не выплатили США свои долги.

Специалисты отмечают, что на первых порах «новый курс» казался почти случайным набором не связанных друг с другом мер. Однако в нем была твердая линия, направленная на усиление государственного вмешательства в экономическую жизнь страны. Это было, видимо, связано и с получавшей на рубеже 20–30-х гг. все более широкое распространение теорией английского экономиста Д. Кейнса, побывавшего в США в 1931 и 1934 гг. Как бы то ни было, но действия президента строго соответствовали кейнсианству. Был принят закон о восстановлении промышленности, включавший в себя регулирование условий производства, трудовых отношений и помощь безработным. Закон о регулировании сельского хозяйства имел в виду разнообразную помощь фермерам. Сыграло свою роль решение о проекте реконструкции подвергшейся эрозии долины реки Теннесси с ее несколькими штатами. В 1934 г. был девальвирован доллар, что способствовало оздоровлению финансовой системы. Законы 1935 г. вели к активизации деятельности профсоюзов, усилению значения социального

страхования. Были проявлены как забота о бизнесе, так и внимание к бедным. И депрессия постепенно отступала.

Выборы в конгресс в 1934 г. и переизбрание Рузвельта в 1936 г. свидетельствовали о поддержке нового курса. И хотя в 1937 г. снова ощущалось некоторое падение производства и заметный рост безработицы, это уже не могло сильно повлиять на ситуацию в стране. Напротив, были приняты необходимые законы и ассигнованы миллиарды долларов на строительство, общественные работы, даже на восстановление плодородия почв. В итоге во второй половине 30-х гг. США, а вместе с ними и остальной мир, оправились от последствий мирового кризиса. Но вместо этого все они оказались лицом к лицу с событиями иного плана, имевшими отношение к сфере внешней политики.

Внешняя политика США в 20–30-е гг. не изобиловала важными событиями. Однако не стоит полагать, что депрессия вовсе не сказалась на ней. Правда, в 1933 г. были установлены дипломатические отношения с СССР (торговля велась и до того), но одновременно в 1935–1936 гг. были приняты законы о нейтралитете и запрете поставок оружия и выделения кредитов воюющим странам. А ведь в это время, начиная с гражданской войны в Испании, в ходе которой США соблюдали строгий нейтралитет, ситуация в мире стала резко обостряться с каждым годом. США не могли это вовсе игнорировать. На панамериканской конференции в Перу в 1938 г. было принято решение о политике в том случае, если в Европе *диктаторские режимы* начнут агрессивные действия. Такое решение было вполне своевременным, ибо *агрессивные действия* уже начинались. И со всем этим приходилось считаться. В условиях глобализации мира США не могли продолжать строить свою внешнюю политику только на столь привычной и удобной для них доктрине Монро. Но все же свое влияние эта доктрина еще продолжала оказывать. Фактически перед лицом наглой агрессии нацизма Англия и Франция в те годы еще не ощущали весомой поддержки со стороны США.

АНГЛИЯ

Согласно мирному договору Англия приобрела ряд новых колониальных владений, обретших, правда, не вполне обычный облик подмандатных территорий, т.е. владений, полученных по мандату Лиги Наций. Речь идет об Ираке и Палестине, тех частях Османской империи, где давно уже было очень заметно присутствие англичан и где они в ходе войны действовали наиболее активно. Важную роль

Англия, как и Франция, стала играть в «комиссии проливов», призванной сохранять режим свободного плавания торговых и военных судов всех стран через Босфор и Дарданеллы. Но приращение новых территорий, равно как и серьезная роль в международных делах, начиная прежде всего с Лиги Наций, были не слишком большим добавлением к тому влиянию, которое Британская империя имела до войны. Важнее было то, что Германия как очень сильный соперник временно сошла со сцены, а США, чье значение в годы войны и послевоенного мирного урегулирования было огромным, а кое в чем и главным, парадоксальным образом отказались, следуя излюбленной доктрине Монро, от активного вмешательства в неамериканские дела. Это означало, что в первые послевоенные годы единственной сколько-нибудь близкой к Англии по могуществу державой оказалась Франция, давний соперник в далеком прошлом и близкий союзник по Антанте в предвоенные и военные годы.

Однако Англия, вышедшая победителем из войны, уже не имела сил воспользоваться своими преимуществами для быстрого восстановления и тем более усиления своего прежнего экономического могущества. Она была обременена долгами, не имела сил противостоять энергичному натиску шахтеров, требовавших усиления государственного контроля, ставшего особенно актуальным в условиях заметного отставания в механизации шахт. Вставал острый вопрос об общем характере всей внутренней политики в послевоенной Англии, куда возвратились 4 млн демобилизованных воинов и где в экономике дело обстояло не слишком благополучно. На выборах 1918 г. долгие десятилетия стоявших у власти либералов с большим отрывом победили консерваторы. Но так как обе партии создали коалицию, премьером вновь стал Ллойд Джордж, который в 1919 г. провел ряд важных реформ. Была увеличена на 20% заработная плата для лиц наемного труда, введены семичасовый рабочий день и 40-часовая рабочая неделя. Пособия на срок от полугода до года стали получать демобилизованные и безработные.

На выборы 1922 г. консерваторы шли уже не в составе коалиции и, вновь получив большинство, сформировали правительство. Но оно существовало недолго и было в конце 1923 г. заменено лейбористами, которые во главе с Д. Р. Макдональдом впервые пришли к власти. Проведя некоторые реформы в системе страхований, введя субсидии на жилищное строительство и признав в феврале 1924 г. СССР с заключением с ним дипломатических отношений (торговое соглашение было заключено еще в 1921 г.), лейбористы в октябре 1924 г. уступили каби-

нет консерваторам во главе со С. Болдуином. Консерваторы приняли меры для укрепления фунта стерлингов, а в 1929 г. вновь отдали власть на короткий срок лейбористам. В 1931 г. обе эти партии создали коалиционное «национальное» правительство с премьером Макдональдом, после чего (1935–1937) во главе кабинета вновь оказался Болдуин.

Не очень обычная для пристойной Британии правительственная чехарда, которая сопровождалась спорадическими обострениями отношений то с бастующими рабочими, то с профсоюзами, то с предпринимателями, особенно с владельцами угольных шахт, то между партиями, учитывая активность компартии и даже союза фашистов, — все это создавало в Англии непривычную для этой страны обстановку некоторой неуверенности. Но, тем не менее, многими веками установившийся внутриполитический стандарт не нарушался. Все происходило в рамках как-то приемлемой нормы. Мировой экономический кризис повлиял на экономику Англии не слишком сильно, а после него развитие пошло более быстрыми темпами, чему способствовала политика государства (строгие преференции в масштабах всей империи и создание стерлингового блока, в который вошли, кроме стран империи, еще и Скандинавия, Португалия и Аргентина). Вообще некоторое увеличение по американскому примеру — стоит также обратить внимание на то, что Кейнс был англичанином, — государственного вмешательства в охваченную кризисом экономику страны сыграло свою позитивную роль. Но это не привело к существенному изменению положения в стране.

Англия во второй половине 30-х гг. не развивалась столь успешно, как то было свойственно, скажем, нацистской Германии, не говоря уже о США. А что касается политики в Европе, то она, особенно после выхода стран оси из Лиги Наций, все более заметно стала определяться страхом перед этими странами, особенно Германией, которая демонстрировала свои заметные экономические, военные и социально-политические достижения. Имеются в виду успехи в гражданской войне на стороне фалангистов в Испании, рост влияния фашизма и нацизма в Венгрии, Румынии, Хорватии и Болгарии, аншлюс Австрии. Неудивительно поэтому, что Англия в декабре 1935 г. даже сочла возможным настоять на том, чтобы Эфиопия уступила часть своей территории в пользу Италии.

Страх перед нацизмом в Англии, да и в других странах Европы сочетался, как упоминалось, с надеждой на то, что, быть может, будущая война, к которой активно готовятся нацисты, будет обращена прежде всего против большевистского СССР, которому Германия и Италия в 1936–1938 гг. уже активно противостояли в Испании. А если есть на это надежда, то не следует ли приложить усилия для того, чтобы

как-то посодействовать агрессивному тоталитаризму фашистско-нацистского толка? Такого рода соображения, как то многими считается несомненным, в немалой мере определяли внешнюю политику Англии, как и Франции, в конце 30-х гг. Соответствующее поведение держав вошло в историю как политика *умиротворения агрессора*. В Британии она была тесно связана с именем премьера Н. Чемберлена, сменившего Болдуина в мае 1937 г. Чемберлен оказался главой кабинета в решающий для страны и мира момент. Все более явственно вырисовывавшаяся угроза со стороны тоталитарных режимов, резко усиливавшихся, внутренне стабилизировавшихся и достигавших максимальной точки в процессе милитаризации, была вполне очевидной. Эти страны были готовы к новой войне. Мало того, они прямо-таки снова, как то было всего два с лишком десятилетия назад, буквально рвались к ней. Вопрос — и очень не простой — сводился к тому, кому с кем предстояло воевать. Как то ни покажется странным и даже несколько нелепым, но, в отличие от обстановки накануне Первой мировой войны, когда очертания коалиций были вполне очевидными, теперь, в 1938–1939 гг., многое было очень неясным. К вопросу о том, как этот вопрос решался, что принималось во внимание и к чему сводились ошибки, мы обратимся позже, в следующей части тома. Пока же взглянем на то, как обстояли дела в других западных странах, прежде всего в наиболее заметных из их числа. Речь о государствах, примыкавших к либерально-демократическому европейскому Западу.

БРИТАНСКИЕ ДОМИНИОНЫ

Коль скоро речь зашла об Англии, уделим сперва внимание доминионам Британской империи, в которых —, за исключением разве что Южно-Африканского союза, частично и Ирландии — протекавшие там внутренние процессы были в основных общих чертах сходны с теми, что шли в метрополии. Если и случались существенные различия, то они сводились либо к более тесным связям с США, как в Канаде, либо к еще более явно выраженной, нежели в метрополии, системе социальных преференций, что имело место в Австралии и Новой Зеландии. В целом же доминионы (опять-таки за исключением южноафриканского) смело можно считать странами, близкими к западноевропейским по всем основным параметрам. А тесная связь с Великобританией дает основание рассматривать всех их рядом с ней. Это по меньшей мере частично уместно еще и потому, что в составе всей Британской империи статус доминиона очень резко отличался от реального положения в остальных колониях.

Начать следует с напоминания о том, что колонии первого типа, которые стали доминионами, в период после Первой мировой войны обрели несколько необычный статус автономно-самостоятельных государств в рамках Британской империи. Формально их связывало с метрополией только лишь признание верховной власти за английским монархом, которого олицетворял назначенный им генерал-губернатор. Фактически везде реальная власть была в руках кабинета, формировавшегося, как и в других развитых буржуазных странах, из членов партии, победившей на очередных выборах. Доминионы входили в состав Британской империи и весьма это ценили, ибо пользовались выгодными для них имперскими преференциями. Разумеется, в различных доминионах могли быть свои особенности, но основного принципа это не меняло. Взаимные интересы и общие традиции связывали доминионы с метрополией достаточно крепко (во многом эти связи сохраняются и поныне, в рамках заменившего колониальную империю Британского содружества наций). В качестве участников Парижской мирной конференции доминионы подписывали мирные договоры от своего имени. Позже все они оказались представленными в Лиге Наций. На имперской конференции в октябре 1923 г. метрополия признала за доминионами право самостоятельно заключать договоры с другими государствами, равно как и определять свое участие либо неучастие в договорах, заключенных Англией. А Вестминстерский статут 1931 г., оформивший юридическую основу Британского содружества наций, предоставил всем доминионам право устанавливать дипломатические отношения и производить обмен послами.

Канада всегда была наиболее значительным из доминионов. Она приняла очень серьезное участие в войне, включая и интервенцию в Россию на севере и в дальневосточном регионе. Послевоенные годы были отмечены серьезным укреплением экономических и иных связей с США и, отчасти вследствие этого, быстрым индустриальным ростом. Попытка канадских фермеров объединиться в собственную партию внесла в 1921 г. некоторые изменения в соотношение сил на парламентских выборах (чего не сумела добиться компартия, созданная примерно в те же годы). Однако большего успеха партия канадских фермеров не достигла и вскоре она была поглощена либералами, которые обычно стояли во главе правительства, время от времени сменяясь консерваторами, как то было долгое время и в метрополии. В 1922 г. Канада присоединилась к англо-росийскому торговому соглашению. Кризис и депрессия в США затронули ее довольно сильно. Уровень промышленного производства и доход городского населения снизились почти вдвое, а падение цен на сельскохозяйственную про-

дукцию больно ударило по фермерам и привело многих из них к разорению. Следуя «нового курсу» президента Рузвельта, консерватор премьер Р. Беннет (1930–1935) создавал из безработных трудовые отряды, выполнявшие необходимые для страны работы. Либеральное правительство М. Кинга (1935–1948) проводило в предвоенные годы ту же политику, что и правительство Англии.

Австралия и **Новая Зеландия** в экономике и политической жизни прошли путь, сходный с канадским. Они принимали активное участие в войне (хотя до России не доходили), создавали в начале 20-х гг. новые политические партии, включая компартии, а в Австралии и влиятельную аграрную партию, которая временами, в коалиции с другими, приходила к власти. Но, в отличие от Канады, во главе правительства здесь чаще были лейбористы, проводившие политику социальных реформ. Великая депрессия сказалась на экономике этих стран, увеличив количество безработных, по некоторым данным, до 30%. Но правительства лейбористов в обоих доминионах постепенно справились с ситуацией, продолжая способствовать повышению жизненного уровня населения. Не будучи столь индустриально развитыми, как Канада, оба эти доминионы по-прежнему делали упор на энергичное производство сельскохозяйственных продуктов и овечьей шерсти. Тем не менее, в 20-х гг. в Австралии появились первые автомобильные заводы, в частности Форда, а также развивалась электроэнергетика. В Новой Зеландии в 30-х гг. стали нормой бесплатная медицина, пенсии по старости и пособия нуждающимся.

Южно-Африканский союз, к которому по мандату Лиги Наций после войны была присоединена бывшая немецкая колония Юго-Западная Африка (Намибия), в промышленном отношении быстро развивался и богател за счет золотых приисков и алмазных россыпей. Росли и заново строились большие города, увеличивалось количество стекавшихся почти со всей Африки рабочих-отходников, стремившихся заработать, пусть на тяжелой работе в шахтах. За этот счет росло население этой страны, уровень жизни которого в целом (даже учитывая, что негры, да и так называемые цветные, т.е. мулаты и метисы, получали в несколько раз меньше белых рабочих) был намного выше, чем во всех остальных африканских колониях. Возникали различные партии, включая компартию, профсоюзные организации. Появились и сторонники немецкого нацизма, в основном из числа африканеров (буров или африкандеров), среди которых было немало колонистов из Германии. При правительстве Д. Герцога (1924–1933) националистическая партия, в которой преобладали африкандеры-буры, отличавшиеся при-

вычным отношением к местному населению как к невольникам, расовая сегрегация усилилась и стала общепринятой нормой. Апартеид становился более резким и откровенно унизительным. Но это не мешало росту политической активности местного населения, включая цветных и негров. Большую роль играл АНК (Африканский национальный конгресс), требовавший от правительства предоставления африканцам избирательных и иных прав, возможности получать образование. Мировой кризис не слишком повлиял на эту богатую и процветающую страну, но апартеид все более определенно становился ее визитной карточкой.

Ирландия с ее огромной и трагической историей борьбы с англичанами за автономию, самоуправление (*гомруль*) и независимость не вписывается в ряд обычных британских доминионов, возникавших на базе колонизованных англичанами территорий. Но в ходе очередного мощного движения за национальное освобождение она в 1921 г. добилась именно этого статуса, что по существу означало признание ее фактической независимости (кроме северной части острова, протестантского Ольстера, оставшегося в составе Британии). В отличие от других доминионов Ирландское свободное государство, как эта страна стала себя именовать, хотя и осталось в составе Британской империи, но при том сформировало не только свой парламент и кабинет, но и избрало собственного президента. В 30-х гг. ирландцы отменили парламентскую присягу на верность английской короне, а в 1937 г. приняли конституцию, признающую лишь *временную связь* суверенного государства Эйре с Англией. При этом Ольстер был обозначен как часть Ирландии, на которую пока не распространяется ее юрисдикция. С 1923 г. Ирландия была членом Лиги Наций, вплоть до 1938 г. на ее территории сохранялись британские военно-морские базы. Промышленно слабо развитая, Ирландия не очень пострадала от депрессии на рубеже 20–30-х гг., разве что немного возросла безработица. По-прежнему продолжалась эмиграция ирландцев, в основном в США. В середине 30-х гг. в стране была пресечена деятельность компартии и фашистских организаций, а в конце 30-х гг. Ирландия принимала участие в работе комитета по невмешательству в гражданскую войну в Испании, после чего признала правительство генерала Франко.

ФРАНЦИЯ

События во Франции, происходившие в этой стране после войны, в 20–30-е гг. XX в., принадлежат к числу наиболее интересных с многих точек зрения и потому заслуживают особого внимания. Начать стоит

с того, что из стран, принимавших участие в войне, Франция, на чьей территории шли основные бои, пострадала более всего. Достаточно упомянуть, что было разрушено либо повреждено около10 тысяч предприятий северо-восточного региона страны, наиболее развитого в промышленном отношении. Правда, после войны Франция вернула утраченные в 1871 г. Эльзас и Лотарингию. Но и они, как известно, долго находились в зоне интенсивных военных действий, что не могло не сыграть своей роли. Страна устала от войны. Попытка президента Клемансо принять активное участие в интервенции против большевистской России привела к протестным выступлениям, в том числе военных, в результате чего в мае 1919 г. французский флот из Одессы и Севастополя был возвращен, и Франция отказалась от вмешательства в дела России. В апреле того же 1919 г. парламент принял закон о 8-часовом рабочем дне. Были подтверждены все права профсоюзов. На выборах в ноябре победу одержала коалиция ряда партий республиканского буржуазно-демократического направления, а главой правительства стал Мильеран, вскоре избранный президентом.

Национальный блок, как именовали пришедшую к власти коалицию, был вынужден решать сложные экономические и социальные проблемы, которые усугублялись размахом стачечного движения и общим недовольством в стране. Стремясь погасить недовольство, кабинет А. Бриана и сменившего его в начале 1922 г. Пуанкаре попытался было вынудить Германию платить репарации, а после неудачи (за 1920 г. немцы выплатили лишь 3 млрд марок из 20, причем на большее реально рассчитывать не приходилось) в начале 1923 г. оккупировал вместе с тоже сильно пострадавшей от войны Бельгией некоторые районы Рура. Однако оккупация результатов не дала (немецкие шахтеры прекратили работу), что, учитывая недовольство Англии, которая не хотела излишнего усиления Франции, вынудило французов вывести войска из Германии. Национальный блок распался, а на выборах в мае 1924 г. к власти пришел левый блок, вначале во главе с Э. Эррио. Левый блок за два года своего существования (несколько премьеров сменили друг друга) многого не достиг. Была объявлена политическая амнистия, установлены дипломатические отношения с СССР, подавлены волнения в некоторых колониях. Но попытка провести серьезную финансовую реформу, в чем страна, страдавшая от инфляции, очень нуждалась, привела к возврату к власти в июле 1926 г. Пуанкаре, в кабинет которого вошли и Бриан, и Эррио. Кабинет сумел, повысив налоги, погасить финансовый кризис и укрепить бюджет. **Это позволило провести ряд важных социальных реформ, включая пенсии по старости и пособия безработным,**

больным и т.п. Экономический кризис проявился во Франции с некоторым опозданием, лишь в конце 1930 г., к тому же воздействие его оказалось не слишком значительным, но этого было вполне достаточно для серьезной дестабилизации политической обстановки. Правительства менялись одно за другим, пока на выборах 1932 г. не одержал очередную победу левый блок и не пришел снова к власти кабинет Эррио. Впрочем, и он, снова столкнувшись с проблемой бюджетного дефицита, продержался недолго.

Стоит обратить внимание на то, что партийно-правительственная чехарда оказалась характерной для Франции примерно в те же годы, что она была и в Англии. Трудно сказать, можно ли видеть в этом какую-то закономерность, но стоит обратить внимание на то, что во Франции она привела к несколько иным результатам. Если в Англии вторая половина 30-х гг. привела страну к некоторой политической стабилизации на основе традиционных буржуазно-демократических ценностей, то во Франции все к этому же времени стало обстоять совершенно иначе. Быть может, как-то сказались радикально-революционные традиции, но вектор эволюции внутриполитической жизни страны качнулся в сторону экстремизма. Следует также иметь в виду, что несколько запоздавший кризис здесь в 1933 г. не подходил к концу, как в других странах, а, напротив, оказался в самом разгаре. И это способствовало активизации довольно многочисленных организаций фашистско-нацистского толка.

В определенной степени это было спровоцировано попыткой Англии, Франции, Германии и Италии, по инициативе дуче, создать упоминавшийся уже некий совместный *пакт четырех,* направленный против нарастающей угрозы со стороны СССР, но при этом близоруко игнорирующий не меньшую угрозу со стороны тоталитаризма нацистско-фашистского толка. И хотя пакт, подписанный в Риме летом 1933 г. и сразу же подвергнутый разрушительной критике в Англии Черчиллем, так в силу и не вступил, его подписание значило немало. В Англии оно ничего практически не изменило, но во Франции оказалось своего рода толчком для оживления деятельности различных профашистских группировок, энергия и сила которых по мере ослабления власти (кабинеты сменяли друг друга почти ежегодно) постоянно росли и использовали любой повод для агрессивного натиска. В феврале 1934 г., используя в качестве повода рухнувшую финансовую аферу некоего Ставиского, десятки тысяч профашистски настроенных молодчиков с лозунгом «Долой воров!» направились к парламенту, что привело к отставке правительства левого блока и к приходу к власти кабинета правых.

В эти дни стали консолидироваться и левые. Социалисты, радикалы, другие партии и многие организации левого направления, включая и профсоюзы, при поддержке компартии создали к лету следующего 1935 г. Народный фронт. На выборах весной 1936 г. фронт получил большинство и образовал правительство, которое возглавил социалист Л. Блюм. Летом 1936 г. парламент **принял решение о повышении заработной платы, 40-часовой рабочей неделе, оплачиваемых отпусках, об организации централизованной закупки зерна у крестьян, о льготном кредите для мелких торговцев и ремесленников. Были предприняты меры для оздоровления финансов, в том числе девальвация франка, налоговая реформа с ужесточением налогов на крупные доходы и большие наследства, введение государственного контроля над Французским банком. Для безработных организовывались общественные работы. Были распущены военизированные профашистские группировки.** Эти меры были восприняты в стране с одобрением. Но они же вызвали и острые противоречия внутри фронта, не говоря уже о недовольстве со стороны многих предпринимателей.

Социальные мероприятия кабинета Блюма, как того и следовало ожидать, привели к резкому ухудшению финансового положения и к сокращению золотого запаса страны. Капиталы в условиях давно нормализовавшейся после кризиса обстановки в других странах выводились из Франции, причем в очень большом количестве (до 60 млрд франков). Возник острый дефицит бюджета. Правительство приняло ряд финансовых мер, включая изменение учетной ставки и девальвацию франка. Но очередное новое снижение объема промышленного производства в 1936 г. и сопровождавший его рост цен, равно как и явные опасения капитала за свою безопасность в условиях господства Народного фронта и беспрецедентного нажима на него со стороны компартии, лидеры которой рассчитывали на нечто вроде *пролетарской революции*, привели к прекращению реформ, а затем и к отставке правительства летом 1937 г. Эта отставка еще не означала крушения фронта. Сменялись один за другим кабинеты, возглавлявшиеся его представителями. Нижняя палата парламента их поддерживала. Компартия по-прежнему давила на кабинет, предлагая перейти к более решительному наступлению на капитал. Но чем более это давление ощущалось, тем очевиднее становилось, что фронт себя изжил. Прыгнуть выше головы он не мог. А к революции марксистского типа — как то все, исключая разве что самих коммунистов, хорошо понимали — страна не была готова. Конец был закономерен: в апреле 1938 г. последний из кабинетов фронта ушел в отставку, новое правительство было сформировано Даладье.

Кабинет Даладье, в принципе не выступал против фронта, особенно имея в виду большинство в нижней палате парламента. Но ситуация в стране за недолгие годы существования фронта изменилась довольно существенно. Социалисты и особенно коммунисты теряли поддержку населения (считается, что немалую роль в этом сыграло безоговорочное одобрение коммунистами разгула кровавого террора в СССР в 1937–1938 гг.), а многие запрещенные прежде профашистские группировки, реорганизовавшиеся под новыми названиями, как например социальная партия Франции и народная партия Франции, резко увеличили свою популярность. Все это привело к концу Народного фронта, особенно после того как Даладье вместе с Чемберленом осенью 1938 г. заключили с Гитлером соглашение в Мюнхене.

БУРЖУАЗНЫЙ ЗАПАД В ПРОТИВОСТОЯНИИ ТОТАЛИТАРИЗМУ

В заключение обзора ситуации в ведущих странах буржуазного Запада, включая и идущие в его фарватере британские доминионы, очень важно остановиться на двух важных ее аспектах. Обратим для начала внимание на то, что в обеих главных европейских буржуазно-демократических державах было резко усилено внимание к государственному вмешательству с целью облегчить решение социальных проблем (обеспечение трудящихся и тех, кто по разным причинам нуждался во вспомоществовании). Причины этого не слишком отличны от тех, что сыграли свою роль в процессе формирования корпоративных систем в Италии и Германии. Более того, в самом процессе, в стремлении обратить внимание на социальную политику и — здесь стоит вспомнить также о США — усилить роль государства в регулировании экономики и социальной политики есть нечто общее. Оно в конечном счете сводится к великому триумфу буржуазно-демократических преобразований в XIX в. Ведь преобразования, сводившиеся прежде всего к ускоренным темпам индустриального роста, вели к резкому увеличению доли городского населения и к острой, постоянно возрастающей объективной потребности удовлетворить весьма отличные от деревенских потребности городского населения. Но в одних странах, как в Англии и Франции, буржуазное ускорение темпов развития и рост урбанизма современного типа, требующие затрат и забот, стартовали раньше и эволюционировали динамично. Поэтому там не требовалось резких движений, и только исключительные обстоятельства, как тяжелые последствия войны либо великой депрессии, побудили Ллойд Джорджа, Л. Блюма и Ф. Рузвельта при-

бегнуть к активизации социальной политики. А в других, как в Италии либо Германии (и в некоторых близких к ним странах, о которых шла речь выше) с их иными исходными условиями, где тот же процесс начался позже и оказался стремительным, потребовались действия хотя и сходного, но другого типа. **Там сложилась корпоративная система при диктатуре вождя, одной руководящей партии, официальных профсоюзах и безо всяких демократических прав и свобод.** В любом случае важно обратить внимание на то, что акцент, о котором идет речь, довольно гармонично вписывался в общую для всего мира глобально-генеральную тенденцию, сводившуюся к увеличению внимания власти к социальной политике.

В целом же определенно и даже достаточно четко фиксируемая мировая тенденция в сфере социальной политики была своего рода знамением времени. Она была порождением Первой мировой войны, которая поставила под серьезное сомнение триумф буржуазной демократии конца XIX столетия. Эта демократия оказалась слабой, как внешне (имеется в виду возникавшее и грядущее ее противостояние тоталитаризму), так и внутренне, т.е. с точки зрения социальной незащищенности труда. Как внутренняя, так и внешняя слабость угрожала буржуазной демократии и создавала нервозность в рядах ее правящей элиты.

Второй аспект ситуации в крупных западноевропейских державах, связанный в общем-то с теми же основными исходными причинами и усугубившими их факторами, будь то война с ее последствиями, мировой кризис или жажда реванша, сводится к тому, что за исторически очень короткий промежуток времени явно определилась страшная угроза со стороны быстро милитаризовавшихся тоталитарных стран. Эта угроза все более очевидно обретала облик резкого объективного противостояния буржуазной демократии и тоталитарных государств. Имеется в виду, разумеется, тоталитаризм и правого, и левого толка. Отношение к нему стало ключевой проблемой в конце 30-х гг. Именно оно превратилось в центр мировой политики, причем решать все возникавшие в связи с ним проблемы должны были руководители важнейших буржуазно-демократических государств. В Англии и Франции ими были Чемберлен и Даладье. Президент Рузвельт, глубоко погруженный в дела на своем континенте, близко к сердцу эти дела вначале не принимал, хотя и дал в 1938 г. понять, что в случае реальной угрозы, т.е. *агрессивных действий* со стороны *диктаторских режимов* (явно имея в виду Европу), США не останутся в стороне.

Вообще говоря, вся внешняя политика ведущих европейских держав с рубежа 10–20-х гг. и особенно в 30-х, тем более в конце их, вер-

телась именно вокруг этой проблемы. Сначала была завершившаяся полным фиаско интервенция в большевистскую Россию. Неудача зависела от сочетания многих неблагоприятных для Запада обстоятельств. Они начинались с того, что подойти к огромной стране можно было только со стороны ее дальних окраин, в основном с крайнего севера, с Мурманска и Архангельска, и с Дальнего Востока. Только в самом конце гражданской войны открылись еще запад (Польша, которая сумела отбиться от большевиков) и юг, т.е. порты Черного моря, Одесса и Севастополь. Но здесь французов, о чем уже вскользь упоминалось, постигла неудача: разагитированные большевиками военные моряки, и без того уставшие от долгой мировой войны, воевать в России не захотели, и французский флот вернулся домой. Словом, в ту горячую пору, когда к тому же многие ощущали на себе будоражащее влияние революционных идей, обещавших смутное, но светлое будущее, интервенция в силу вполне объективных причин к результату не привела.

Но это означало, что в первые послевоенные годы западным державам не только пришлось иметь дело с большевистскими Россией и СССР не в меньшей степени и даже со много большими сложностями, нежели с побежденной Германией, но и в ходе долгих споров принимать не очень уверенные, хотя необходимые решения. Суть решений в Локарно в 1925 г., когда перед Германией открылся путь в Лигу Наций, или в Женеве в 1927–1928 гг., где велись долгие переговоры о разоружении и принималось решение объявить войну вне закона (пакт Бриана–Келлога), была вроде бы совершенно оправданной. Побежденной Германии следовало помочь стать на ноги, не доводя дело до крайностей, которые могли бы обернуться радикализацией ситуации и выходом на передний план экстремистов. А уж против разоружения и запрета войны никто в те годы и не думал выступать. Восстанавливались отношения и с СССР, причем делалось это опять-таки не из сочувствия к большевикам, но принимая во внимания тот несомненный факт, что с реальностью нужно считаться и что международные отношения, включая торговлю, необходимо строить исходя именно из этого. Конференции в Генуе и в Гааге в 1922 г. хотя и не дали заметных результатов, но зато способствовали развитию экономических связей с СССР. Мировой экономический кризис открыл все шлюзы для интенсивной торговли: тот самый хлеб, за который заплатили жизнью 7–10, если не больше, миллионов крестьян СССР в период голодомора, оказался очень подходящей валютой для оплаты заказов на промышленное оборудование в странах Запада, преимущественно в США и Германии.

На очередной конференции по разоружению в Женеве в 1932 г. уже участвовали и СССР, и Германия. А итогом конференции стало признание «равенства в вооружениях в рамках системы безопасности», одинаковой для всех.

Попытка в 1933–1934 гг. заключить пакт четырех (Англия, Франция, Италия и Германия), который мог бы сыграть определенную роль в улучшении взаимоотношений в Европе, к успеху не привела. А тем временем Германия, выйдя из Лиги Наций, пошла по противоположному пути. Она ввела в 1935 г. всеобщую воинскую повинность, что было открытым вызовом давно начавшей разваливаться версальско-вашингтонской системе. Вроде бы в противовес этому в том же 1935 г. СССР заключил с Францией, а затем с Чехословакией договор о взаимной помощи, что трудно рассматривать иначе, нежели как стремление усилить антифашистский союз в Европе. И если вспомнить, что фашизм ежедневно проклинался в советской партийной пропаганде, то все концы с концами пока что вроде бы сходились. Больше того, оставив в стороне колониальную авантюру Италии в том же 1935 г. в Эфиопии, стоит обратить внимание на события 1936 г., т.е. на гражданскую войну в Испании. Здесь, в отличие от далекой африканской Эфиопии, жестко столкнулись две силы, откровенно разделившиеся на прокоммунистические и профашистские. Правда, это деление, особенно на раннем этапе войны, имело свои особенности. И иберийский вариант фашизма был не чета итальянскому, не говоря уже о склонном к геноциду германском нацизме. И республиканское правительство Испании было гораздо ближе к Народному фронту во Франции, нежели к коммунистам СССР. Но, несмотря на это, логика событий определяла позиции сторон. Впервые в открытую попытались помериться силами два варианта тоталитарных режимов. И по меньшей мере до рубежа 1938–1939 гг. не было для населения СССР более страшного внешнего врага, чем фашисты, которых клеймили на каждом шагу.

Если попытаться подвести предварительные итоги описанию важнейших международных событий, соглашений и конфликтов 20–30-х гг., то они сведутся примерно к следующему. Как легко заметить (упомянуты далеко не все из важных международных событий того времени, о котором идет речь), вначале лейтмотивом отношений — если не касаться проблем, связанных с колониальными войнами и захватами, — было стремление к примирению. Затем на передний план вышли попытки наладить отношения так, чтобы они не давали определенного преимущества ни СССР, ни побежденной и, похоже, начинавшей стремиться к реваншу Германии. При этом возлагались определенные надежды на Лигу наций. Важнейшие державы из стана победителей, Ан-

глия и Франция, стремились создать в чреватой конфликтами Европе ситуацию, которая ограничивала бы возможность для них. Но проблема была в том, что процесс энергичной индустриализации и сопровождавшей его милитаризации быстрыми темпами набирал силу именно в тоталитарных странах, прежде всего в СССР и в Германии, где правящие режимы не только максимально этому способствовали, но и, по крайней мере с 30-х гг., фактически существовали ради этого.

Глобальные идеи мирового господства, будь то *всемирная социалистическая революция* с превращением мира в своего рода расширенный СССР либо нацистский *новый порядок*, чреватый заявленным фюрером еще в «Майн кампф» стремлением к мировому господству, были в основе политики тоталитарных режимов. И именно вследствие этого в них все оказалось поставленным на службу войне. Более того, они соперничали друг с другом, выступали до поры до времени в качестве непримиримых конкурентов. А гражданская война в Испании послужила для обоих своего рода неким испытательным полигоном, на котором опробовались как все новейшие средства вооружения, так и тактика боевых действий, политическая практика работы с инакомыслящими в тылу и т. п. Так продолжалось до рубежа 1938–1939 гг., может быть, даже до чуть более раннего времени, когда военная активность обоих (даже трех, имея в виду действовавшую там Италию) режимов в Испании была свернута, после чего перед всеми в Европе встал очень не простой вопрос о выборе дальнейшего пути. Как этот путь выбирался?

Вспомним аншлюс Австрии, который легко произошел в марте 1938 г., приветствовался большинством австрийцев и не был слишком громко осужден в мире вследствие того, что происходил практически без выстрелов на фоне не прекращавшейся орудийной канонады в Испании. Мир если и не смолчал, то в любом случае ничего решительного не предпринял. В Лондоне и других городах состоялись демонстрации, а СССР напомнил, что аннексия Австрии создает угрозу для Чехословакии. Чехословакия, отличавшаяся своим энергичным промышленным развитием и до того, за 20–30-е гг. сумела многого достичь и стала одной из индустриально развитых стран. Но в ней, как и в соседних Австрии и Венгрии, Хорватии и тем более Германии, было немало профашистских группировок. А в западной части страны, в Судетах, где немецкое население преобладало, немцы были готовы последовать примеру австрийцев. Фюрер не желал упустить этой возможности и осенью 1938 г. заявил о своей готовности присоединить Судеты к Германии. И хотя у Чехословакии были соглашения с Францией и СССР, ни одна из этих держав не стала противодействовать аннексии. Франция потому, что была в это вре-

мя явно склонной пойти на уступки ради умиротворения Германии, чье могущество уже явно ее пугало. У СССР был свой расчет, который, похоже, был связан с тем, что испанская война доказала силу Германии и даже привлекательность нацистско-фашистских идей. Насколько можно судить, это в немалой мере повлияло на пересмотр в Москве ее антифашистской политики и на политический расклад сил в мире в близком будущем.

Как бы то ни было, но фюрер не спешил. Он ждал решения отнюдь не со стороны СССР. Его заботила реакция Англии и Франции. Руководители этих держав прибыли в Мюнхен в конце сентября 1938 г. Там же оказался и дуче. Снова возникла ситуация времен пакта четырех. Но теперь соотношение сил было другим, иным оказался и результат. Даладье и Чемберлен, учитывая изменившееся соотношение сил, вынуждены были согласиться на аннексию Судетской области в пользу Германии и даже на некоторые — правда, намного меньшие — территориальные претензии венгров и поляков. При этом фюрер с готовностью подписал с англичанами и французами декларацию о ненападении и об отсутствии у него каких-либо других территориальных претензий. Как известно, Даладье и Чемберлен, похоже, вполне искренне считали, что они ценой этих уступок добились мира в Европе. Возможно, что они еще не утратили надежду на то, что только что насмерть сражавшиеся в Испании друг с другом Германия и СССР продолжат свою конфронтацию, которая на сей раз не затронет Запад. Но реальность была совершенно другой. Фюрер, невзирая на декларацию, через полгода, в марте 1939 г., аннексировал Чехию и Моравию, создав в Словакии подконтрольное ему государство.

В том, что фюреру нужно было завладеть Чехословакией и, мало того (аппетит приходит во время еды), что ему захотелось сразу же после этого создать и так называемый *польский коридор*, который связал бы основную часть Германии с оторванной от нее Восточной Пруссией, нет ничего удивительного. Но стоит принять во внимание, что все эти планы 1938–1939 гг. задумывались и реализовывались в обстановке полного молчания СССР, который — не стоит забывать — был связан с Чехословакией соглашением о взаимопомощи. Случайно ли это? Отнюдь. И действительно ли ошиблись своих расчетах только прекраснодушные и будто бы не очень дальновидные Чемберлен и Даладье? Увы, все не так просто, как принято считать в многочисленных пропагандистских, а то и научных отечественных изданиях. Дело в том, что политические планы в явно усложнявшейся обстановке осени 1938 г. разрабатывались не только и даже не столько в Париже и Лондоне. Важнее были те, что стали вестись

во вполне очевидно сближавшихся (вспомним о вроде бы неожиданном прекращении конфронтации в Испании) Берлине и Москве. Но подробнее об этом чуть позже. А пока обратимся к краткой характеристике положения в иных европейских странах в 20–30-х гг.

Глава восемнадцатая. ПРОЧИЕ ЕВРОПЕЙСКИЕ ГОСУДАРСТВА

Эта довольно большая группа стран делится на три части. К первой из них следует отнести небольшие страны Западной Европы, исторически тесно связанные именно с Западом, — Бельгию, Нидерланды, Люксембург, а также ряд совсем небольших государств вроде Лихтенштейна. Вторая — страны Восточной Европы, по большей части не существовавшие в качестве самостоятельных государств до мировой войны. А третья, весьма специфичная — нейтралы, Швейцария и скандинавские страны. В соответствии с этим членением стоит обратиться к краткому повествованию об обстановке в этих странах и о динамике их развития в 20–30-х гг. XX столетия. Как правило, все государства, о которых пойдет речь, в XX в. были второстепенными странами Европы. Однако каждая из них, а подчас и их коалиции вроде так называемой *Малой Антанты*, играли определенную роль. И в ней следует разобраться, имея в виду заново складывавшееся, хотя и не очень изменившееся в конце 30-х гг. соотношение сил, особенно в связи с назревавшей как раз в то время Второй мировой войной.

НЕБОЛЬШИЕ СТРАНЫ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

В число небольших стран Западной Европы входят разные государства, общими для которых является их безусловная принадлежность именно к европейскому Западу и вовлеченность — подчас вынужденная — в дела соседних крупных держав, прежде всего Франции и Англии, т.е. стран Антанты. Одни из этих стран, особенно Бельгия, но также и Люксембург, оказались, независимо от их желания, непосредственными участниками войны. Другие располагались рядом и ощущали на себе все то, что с этой войной пришло. Дело в том, что эта группа стран отличалась от третьей, т.е. от нейтралов, тем, что их геополитическое положение не позволяло им оставаться нейтральными. Впрочем, это отнюдь не означает, что все они, особенно очень небольшие из их числа, принимали непосредственное участие в мировых войнах. Другое дело, что эти войны так либо иначе, но задевали практически всех их.

Бельгия с самого начала Первой мировой войны стала ареной военных столкновений и после этого все четыре с лишком года была на линии фронта, что не прошло для нее бесследно. После войны эта страна с ее высококачественной промышленностью (стоит заметить, что она еще до войны снабжала многие страны своими трамваями и принимала участие в сооружении парижской подземки) продолжала успешно развивать старые и создавать новые отрасли современной индустрии. Послевоенные законы 1919–1921 гг. зафиксировали в стране 8-часовый рабочий день, систему социального страхования, включая минимум зарплаты и пенсии, расширение избирательного права с предоставлением права голоса женщинам (вначале речь шла о вдовах павших солдат и тех, кто был угнан в Германию). Больным местом для страны были национальные трения между франкоязычным населением и фламандцами. На этом пытались играть профашистские группировки. В начале 20-х гг. Бельгия в союзе с Францией оказалась вовлеченной в рурский конфликт, связанный с временной оккупацией Рура, что не способствовало улучшению позиций этого государства в послевоенной Европе. Соглашение в Локарно в 1925 г. и вступление в Лигу наций привели к отказу страны от принципа нейтралитета. Правда, король Леопольд III в 1934 г. объявил о возвращении страны к статусу нейтрала, но это уже не имело серьезного значения. Гарантий безопасности от крупных держав Бельгия накануне Второй мировой войны не получила. И когда в мае 1940 г. страна была оккупирована немцами, помощь англичан и французов была уже бесполезной. Правительство страны перебралось в Лондон.

Нидерланды, не будучи вовлеченными в боевые действия, проходившие рядом с этой страной, в Бельгии, сумели в годы войны добиться некоторого успеха в промышленном развитии, делая упор на современные отрасли хозяйства (химия, электротехника, нефть), которые обещали большое будущее. В 1919 г. в стране были проведены реформы как в избирательном праве (женщины получили право голоса), так и в рабочем законодательстве. Были введены 45-часовая неделя, обязательное страхование и др. Как и большинство других развитых стран, Нидерланды испытали влияние мирового кризиса. Но он подстегнул реализацию трудоемких национальных проектов, к числу важнейших из которых следует отнести строительство в 1932 г. системы дамб и плотин, продолжавших расширение территории отвоеванных у Северного моря полей-польдеров. Жизненный уровень населения страны повышался, чему способствовало и освоение ресурсов богатой природными ископаемыми Голландской Индии, Индонезии. В частности, имеются в виду индонезийская нефть

и компания Ройял Датч Шелл. В итоге голландцы одними из первых в Европе сумели создать в своей небольшой стране подлинное «общество потребления». Это общество подверглось суровым испытаниям в годы Второй мировой войны, когда королева Вильгельмина, правительство и военный флот страны были вынуждены перебраться в Англию, а сотни тысяч жителей страны оказались в тюрьмах, лагерях и на принудительных работах в Германии.

Великое герцогство **Люксембург**, ныне одна из наиболее развитых индустриальных стран Европы с едва ли не наивысшим доходом на душу населения, в годы Первой мировой войны было оккупировано немцами, а после войны сблизилось с соседней Бельгией, заключив с ней в 1921 г. таможенный союз. Развитие тяжелой промышленности, фундаментом которой являлись богатые ресурсы страны, создало условия для приносящего большую прибыль экспорта. После оккупации Люксембурга нацистской Германией в мае 1940 г. герцогиня и правительство покинули свое государство, а промышленные предприятия перешли в собственность немецких фирм.

Небольшое княжество **Лихтенштейн**, расположенное между Швейцарией и Австрией, было до конца Первой мировой войны тесно связано с Австро-Венгрией, а с 1919 г. оказалось под патронатом Швейцарии. В 1921 г. в княжестве ввели конституцию, в которой были детально расписаны основные права и обязанности правителя-князя и иных высших органов — ландтага из 15 депутатов, исполняющего его обязанности в промежутках между сессиями Государственного совета, а также правительства из четырех человек. Как и Люксембург, это княжество отличалось уже в 20–30-х гг. XX столетия высокоразвитой индустрией. Немцы в годы Второй мировой войны это государство, насколько известно, не оккупировали.

Островная **Мальта** в Средиземном море была, как и **Гибралтар**, чем-то вроде английских европейских колоний, близких по статусу к мини-доминиону. Похоже, что они в 20–30-х гг. не очень многим отличались от прочих европейских владений Британии, в частности от Ирландии, особенно до обретения ею статуса доминиона. Мировые войны затронули их в основном только косвенно.

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ

Восточная часть континентальной Европы издревле и во многом уступала европейскому Западу. В этом сыграло свою немалую роль множество привходящих объективных обстоятельств, начиная с природных условий и обусловленных ими особенностей заселения тер-

ритории теми либо иными народами еще на рубеже нашей эры. Среди этих обстоятельств заметным было роковое для восточной части Европы разделение христианской церкви на католическую и православную. Не менее значимую роль сыграло влияние со стороны доисламского и исламского господства восточной структуры власти-собственности, которая — в отличие от западной части Европы — долгое время не замещалась здесь антично-буржуазной. И хотя не все страны Восточной Европы, о которых теперь пойдет речь, были православными, но практически все они в той либо иной степени подвергались нашествиям либо включались в состав империй, по структуре весьма несходных с европейским Западом, будь то Османская или Российская. Разумеется, в XX в. все это уже уходило в далекую историю. Но следы прошлого полностью не исчезали. Влияние их оставалось. И это приходится учитывать. Принимая во внимание, что о некоторых из таких стран (Румыния, Хорватия, Болгария) уже говорилось выше, в главе о странах, становившихся конце 30-х гг. в число более или менее активных союзников германского нацизма, они, естественно, останутся в стороне. Обратимся к остальным.

Наиболее заметной в ряду восточных стран континентальной Европы была **Чехословакия**. Появившееся на свет после подписания Версальского договора, зафиксировавшего распад Австро-Венгрии, это государство просуществовало до его аннексии в 1939 г. около двух десятилетий. А ведь возникало оно с его высокоразвитой индустрией как вполне полноценная буржуазная президентская республика, которая была сформирована на многопартийно-парламентском демократическом фундаменте. История ее невелика, но полна драматическими событиями. Встретившись на заре этой истории с попытками коммунистов укрепиться не только в Венгрии, но и в Словакии, которая была ее частью, Чехословакия с честью вышла из этого испытания, сумев установить свой суверенитет на всей территории страны. Словакия по сравнению с Чехией была отсталым сельскохозяйственным районом, что всегда сказывалось на взаимоотношениях обеих частей страны. Социал-демократы, возглавившие Чехословакию в 1919 г., провели ряд важных реформ в сфере аграрных отношений и социальной политики, а конституция 1920 г. закрепила эти решения. Борьба с коммунистами продолжалась и в 1921 г., что сыграло свою роль в решении правительства войти в состав антибольшевистской Малой Антанты. После этого страна чувствовала себя свободной и, хотя она не отказывалась вести торговые связи с СССР, важно отметить, что именно в Праге долго жили многие эмигранты из России.

С 1918 по 1925 г. президентом страны был Т. Масарик, с 1935 г. — Э. Бенеш. Промышленное развитие продолжалось, объем производства к 1929 г. возрос почти в полтора раза по сравнению с довоенным. Увеличился и вывоз капиталов в соседние страны, не слишком развитые в промышленном отношении. Экономический кризис серьезно затронул страну, причем он в конечном счете привел к росту сепаратистских тенденций в Судетской области, населенной преимущественно немцами и желавшей воссоединиться с Германией. Угроза со стороны Германии привела к заключению в 1934 г. договора с СССР о взаимопомощи. Как известно, этот договор — как и аналогичное соглашение с Францией — не помог Чехословакии ни осенью 1938 г., когда Англия и Франция подписали с фюрером соглашение о присоединении к Германии Судетской области, ни спустя полгода, когда в марте 1939 г. Гитлер без особых церемоний аннексировал оставшуюся территорию. Она была разделена на «протекторат Чехии и Моравии», который был присоединен к Германии, и на Словакию, где уже давно и активно проявлялись сепаратистские настроения и были весьма сильны фашистские группировки. Впрочем, Словакии это не сильно помогло: южная и восточная ее части были отданы Венгрии.

Югославия возникла как Королевство сербов, хорватов и словенцев одновременно и параллельно с Чехословакией. Это было весьма сложное в национальном отношении федеративное по сути образование. Как и Чехословакия, королевство вошло в состав Малой Антанты и проводило очень четкую антибольшевистскую политику, дав приют многим российским эмигрантам. В 1919 г. в стране началась аграрная реформа, вслед за тем были реализованы основы благоприятной для городского населения социальной политики, включая 8-часовый рабочий день, повышение заработной платы. Учредительная скупщина в июне 1921 г. приняла конституцию, а избранный в соответствии с ней парламент в августе того же года наложил запрет на деятельность компартии. В промышленном отношении королевство было отсталым, а политическая борьба в нем, вызывавшаяся прежде всего национальными противоречиями, хотя и не только ими, почти не затухала. Хорватия, о чем уже шла речь, фактически существовала автономно и рано стала проявлять профашистские симпатии. Сербы постоянно претендовали на приоритет. С 1929 г. по инициативе короля Александра, введшего систему более жесткого правления, страна стала именоваться Югославией, а новая конституция 1931 г. несколько ужесточила режим, дав в руки короля более значительную власть. В попытках укрепить эту власть Александр выступил против хорватских притязаний на автономию.

Но в 1934 г. король был убит во время визита во Францию одним из хорватских усташей. Усташи не получили от этого никаких выгод. Даже напротив, в стране началось движение за восстановление демократических свобод. Некоторые успехи, достигнутые в ходе этого движения, способствовали росту в Югославии промышленного производства и новому расцвету внутриполитической партийной борьбы. После аннексии Судетов в 1938 г. Малая Антанта фактически распалась, а большая часть входивших в нее стран начали откровенно ориентироваться на сильных соседей. Скупщина, избранная в 1938 г., вынуждена была в августе 1939 г. официально признать автономию профашистской Хорватии. А националисты из числа словенцев и сербов все чаще прислонялись к тем же сильным фашистско-нацистским режимам Италии и Германии. Как известно, в начале войны Югославия была оккупирована немцами.

Польша с ее многострадальной историей была воссоздана заново также решением победителей в Версале. Уже с ноября 1918 г. во главе страны стоял Пилсудский. В начале 1919 г. были проведены выборы в Учредительный сейм, который начал свою работу с закона об ограничении размера крупных земельных владений. Война большевистской России с Польшей завершилась для красноармейцев неудачно, а мирный договор от 18 марта 1921 г., подписанный в Риге, окончательно — до 1939 г. — установил польскую восточную границу. Конституция 1921 г. зафиксировала победу в стране буржуазного принципа многопартийно-парламентарной либеральной демократии. Членство в Малой Антанте укрепляло международные позиции Польши. Президент Пилсудский, переизбранный в 1926 г., провозгласил начало санации, т.е. оздоровления страны. Оно свелось к достаточно быстрому росту промышленности. Однако мировой кризис сильно сказался на состоянии польской экономики и резко обострил внутриполитическую обстановку. В 1934 г. Польша заключила с Германией соглашение о *мирном разрешении споров*. Конституция, принятая в апреле 1935 г., заметно усилила власть главы государства, но этот пост после смерти Пилсудского в мае того же года занял Э. Рыдз-Смиглы, вынужденный делить власть с военными. Впрочем, это не помогло. Авторитет нового руководства был невысок, а движения протеста в стране нарастали, проникая и в молчавшую до того польскую деревню. Очень показательно, что после мощного первомайского выступления в 1938 г. протестующих поляков, возглавленных компартией, как раз эта партия по решению Коминтерна была распущена. Если учесть, что без санкции Сталина Коминтерн не позволял себе никакого решительного шага, а шаг был, как говорится, из ряда вон выходящий, другого подобного не было,

то невольно складывается впечатление, что уже летом 1938 г. именно польские коммунисты были советскому вождю почему-то не нужны.

Осень 1938 и весна 1939 г., роковые для Чехословакии, не могли не насторожить правительство Польши. Оно хорошо знало об агрессивных намерениях Германии в связи с разговорами о «польском коридоре» и особенно после расторжения Германией в конце апреля 1939 г. договора 1934 г. Но предложенный было СССР 11 мая 1939 г. пакт о взаимопомощи ее, тем не менее, категорически не устраивал. В итоге страна оказалась зажатой двумя мощными тоталитарными режимами, к тому же в это время уже проявившими явную склонность к сближению друг с другом. И хотя ведущие западные державы, Франция и Англия, заключили с Польшей соответственно в апреле и в августе 1939 г. союзные договоры, включавшие обязательство оказать немедленную помощь в случае угрозы ее независимости, это по сути не меняло того печального факта, что судьба страны практически уже была предрешена. Как то хорошо известно, именно с нападения на Польшу 1 сентября 1939 г. и с раздела ее территории между Германией и СССР началась Вторая мировая война.

Греция после войны оставалась в основном аграрной страной. И хотя по мирному договору к ней должен был перейти турецкий район Измир, а также часть Фракии и некоторые острова, попытки греков оккупировать эти земли не привели к успеху. Генерал Кемаль сумел отстоять свою территорию, что привело Грецию в 1922 г. к политическому кризису. Лозаннский мирный договор 1923 г. покончил с войной и способствовал переселению в Грецию из Турции примерно 1,5 млн греков, что позволило использовать дешевый труд эмигрантов для ускорения экономического роста. После выборов 1923 г. Греция стала республикой, а после очередных выборов 1926 г. к власти пришло либерально-демократическое правительство, которое в 1928 г. возглавил Э. Венизелос. Проведенная в середине 20-х гг. аграрная реформа способствовала упрочению буржуазной частной собственности в деревне и создала более благоприятные условия для развития промышленного города. Как и большинство других стран, Греция испытала влияние экономического кризиса, что вызвало волнения в стране. В 1934 г. Греция в союзе с Турцией, Румынией и Югославией создала даже еще одну мини-Антанту, Балканскую. Как и Малая, Балканская Антанта находилась под патронатом Франции, что было весьма существенным, если принять во внимание распространение в стране ориентированных на Германию пронацистских группировок.

Государственный переворот 1935 г. привел к восстановлению в Греции монархии, а большой всплеск недовольства этим завер-

шился в августе 1936 г. роспуском политических партий. Правительство И. Метаксаса начало откровенно ориентироваться на нацистскую Германию. Однако стремление Италии, аннексировавшей в 1939 г. Албанию, настойчиво дать понять о своих аналогичных намерениях по отношению к Греции, побудило страну быть осторожной и в начале Второй мировой войны громко заявить о своем нейтралитете. Но это заявление мало что изменило. После начала войны Греция была оккупирована немецкими, итальянскими и болгарскими войсками.

Албания, эта небольшая страна, расположенная неподалеку от Греции, формально объявила в годы Первой мировой войны о своем нейтралитете. Но соседние государства — Италия, Греция и Сербия — использовали ее территорию в ходе военных действий против Австро-Венгрии. К 1922 г. эта по сути единственная независимая исламская страна Европы (Босния и Герцеговина независимыми не были) освободилась от оккупационных войск и попыталась создать нечто вроде демократической республики. Попытка не удалась, и во главе страны с 1925 г. стал А. Зогу, объявивший себя в 1928 г. королем. Италия, контролировавшая не только финансы и промышленность, но и практически всю жизнь небольшой Албании, терпела Зогу не слишком долго. В 1939 г. она оккупировала эту страну и провозгласила ее правителем своего короля. При наместнике его страной управляло правительство, состоявшее из албанцев.

Прибалтийские страны — **Эстония**, **Латвия** и **Литва** — обрели свою независимость в результате капитуляции Германии. Их независимость была подтверждена Брест-Литовским и Версальским мирными договорами. А практически она была реализована в ходе ожесточенного сопротивления большевикам. Все три республики просуществовали в качестве свободных и независимых государств всего около двух десятилетий. Но эти два десятка лет были для них особенно дороги, ибо Прибалтика давно уже перед этим была частью Российской империи. Судьба этих стран в 20–30-х гг. была примерно одинаковой. Во всех них возникли буржуазные либерально-демократические правительства, сложилась многопартийно-парламентская система во главе с президентом. И хотя временами где-либо вспыхивала внутриполитическая борьба, случались и государственные перевороты с временными запретами партий, ситуация в целом мало чем отличалась от обычной нормы для стран с не слишком устоявшимися принципами жизни. Экономические преобразования сводились к решению аграрных проблем и к заметному промышленному развитию. Мировой кризис ощущался сравнительно слабо. Но главное, на что важно обратить внимание, — это оторван-

ность прибалтийских стран от важнейших мировых событий, слабая их связь с внешним миром (а для Литвы даже чуть ли не постоянная враждебность по отношению к соседней Польше, аннексировавшей еще в 1919 г. ее столицу Вильно). Договоры с СССР о ненападении с Литвой в 1926 г. либо о ненападении и мирном разрешении конфликтов с Латвией и с Эстонией в 1932 г., как показала история, мало чего стоили. Осенью 1939 г. прибалтийские страны вынуждены были согласиться на размещение на их территории воинских соединений армии СССР, а летом 1940 г. они были превращены в советские республики.

Если теперь на мгновение бросить ретроспективный взгляд на все те восточноевропейские страны, о которых шла речь, то бросается в глаза их неустроенность, отсутствие во всех традиционной основы, которая могла бы послужить достаточно прочным фундаментом самостоятельного независимого существования. Конечно, в несколько иных условиях судьба этих стран вполне могла бы оказаться иной. Но в сложившейся ситуации краткого промежутка между двумя мировыми войнами все получилось не так. Казалось, сама судьба с какой-то черной меткой витала надо всеми ними. Именно в том регионе, где господствовали два наиболее мощных из известных истории тоталитарных режимов, быстро набиравших силу и стремившихся к новой войне ради мирового господства, эти небольшие государства были лишними. Судьба их была предопределена задолго до того, как ни одной из них не стало. В какой-то мере в этом заметно все то же объективно уже проявившее себя в Первой мировой войне стремление к глобализации. В наше время, спустя почти столетие, все хорошо понимают, о чем идет речь: если ты (имеется в виду Европа; вне ее пока ситуация не та) небольшое государство, тебе лучше как можно скорее примкнуть к сильному соседу. В противном случае легко можешь оказаться в центре больших осложнений. В 20–30-е гг. все это выглядело несколько иначе, но сущность ситуации была примерно такой же. А двигалась Европа к войне, чего не стоит забывать.

НЕЙТРАЛЬНЫЕ СТРАНЫ

Нейтральные страны Европы, чей нейтралитет складывался веками и во многом был определен тем, что территориально они находились в стороне от центров международных столкновений, всегда были и поныне остаются очень важной частью субконтинента. Более того, их существование играло определенную, подчас значительную роль для всей остальной части Европы, причем как в мирное время, так

и в разгар общеевропейских и мировых войн. Это объясняется довольно просто. Швейцария, первая и в чем-то главная среди нейтралов, расположенная в Альпах, была центром не только мировых финансов (надежность банков, вырубленных в скалах, вне сомнений), но и, что еще более важно, контактов. Скандинавия, начиная с ее наиболее уязвимой части, Дании, до рубежа XVII–XVIII вв. игравшая весьма серьезную роль в общеевропейских и, в лице Швеции, в русских делах, предпочла отказаться от воинственных авантюр, как только буржуазные преобразования проявились там во всей своей потенциальной силе. Именно скандинавские страны, оказавшиеся свободными от необходимости тратить огромную часть бюджета на военные нужды и тем более на колонии, сумели организовать жизнь таким образом, что их деньги в значительной своей части были направлены на социальные нужды. А так как с коррупцией скандинавы, как и большинство иных развитых буржуазных стран, знакомы не были, как не имели и слишком значимой и тем более многочисленной аристократии, то нет ничего удивительного в том, что, став нейтральными, они проявили несравненную способность процветать.

Вообще-то, если уж на то пошло, это урок и упрек всем остальным развитым буржуазным странам, кроме разве что США, проявлявшим свои потенции наилучшим из возможных способов. Именно США отличались активной и строго гарантированной государством конкуренцией, которая выталкивала наверх тех самых умных и способных, о необходимости выдвигать которых всегда, с глубокой древности, заботились в Китае. Но ни о США, ни о Китае — а эти страны, как то сегодня видно всем, впереди остальных — речь сейчас не идет. Стоит разве что иметь в виду, что европейские нейтралы и сегодня принадлежат к числу наиболее преуспевающих стран мира. И говорить особенно много о них не приходится, все и без того абсолютно ясно.

Швейцария и перед Первой мировой войной, и в тяжелые годы, когда военные действия шли неподалеку от нее, и тем более сразу же после войны оставалась самой собой. Это в первую очередь относится к ее широкому гостеприимству по отношению к преследуемым и прочим эмигрантам, будь то большевистские лидеры перед войной или вынужденные покинуть родину противники большевиков. Разумеется, между тружениками и буржуазными предпринимателями в стране случались трения, но для того и существовала вся многопартийно-парламентарная система, чтобы их сглаживать. В 1919 г. здесь была введена 48-часовая рабочая неделя и увеличен объем социальной помощи, причем к этому вопросу страна возвратилась и в 1925 г., когда проблема социальной политики (пенсии, по-

собия, страхование) снова оказалась в центре внимания государства. Мировой кризис сказался на стране не слишком сильно. Что же касается появления немногочисленных экстремистских группировок различного толка, включая и компартию, то это не имело существенного значения и не поколебало привычного образа жизни вполне обеспеченного в массе своей населения. Экономическое процветание страны достигло в 1937 г. таких размеров, что было принято специальное решение о так называемом мире в промышленности, суть которого сводилась к отказу от забастовок и к решению всех проблем и конфликтов с помощью арбитража. Стоит добавить ко всему, что с 1919 г. Женева была штаб-квартирой Лиги Наций.

Швеция, чей король перед Первой мировой войной был склонен к прогерманской ориентации, оставалась строго нейтральной, хотя и не отказывалась от торгового сотрудничества с соседней Германией, что играло определенную роль в попытках немцев компенсировать блокаду Балтики англичанами. Самой Швеции эта посредническая роль приносила немалые доходы, что способствовало ее экономическому процветанию. В 1919 г. здесь был принят закон о 8-часовом рабочем дне, о социальном страховании, о налоге на крупные состояния и о расширении избирательных прав (их получили женщины). С 1920 г. во главе правительства оказались социал-демократы. На протяжении 20-х гг. экономический подъем продолжался, а некоторые виды товаров, в частности шведские спички, стали востребованы во всем мире. Швеция торговала и с большевистской Россией, а в 1924 г. установила с СССР дипломатические отношения. Мировой экономический кризис сильно поколебал процветавшую до того экономику страны. Но уже с 1932 г. социал-демократы, до того не стоявшие у власти, снова оказались во главе кабинета, причем на сей раз надолго. Внутренняя их политика отличалась заметным воздействием на экономику с помощью государственного регулирования, опиравшегося на хорошо продуманную систему налогов и разного рода преференций. Реформы 1936–1939 гг. вели к оказанию государственной помощи женщинам с детьми и безработным, к субсидированию социального жилищного строительства, а также к ряду иных форм поддержки нуждающихся. Они реально создавали тот самый «дом народа», т.е. государство всеобщего благоденствия, ради которого социал-демократы не жалели усилий и не щадили крупный капитал. Не стоит забывать и о том, что в стране были введены обязательное 9-классное образование и двухнедельные оплачиваемые отпуска. Само собой имеется в виду и отсутствие в Швеции почвы для деятельности сколько-нибудь серьезных экстремистских группировок, столь характерных в те годы для большинства других европейских стран.

Финляндия, долгое время находившаяся под властью Швеции и очень многое у нее воспринявшая, за чуть более столетия своего пребывания в составе Российской империи (с 1809 г.) потеряла не слишком много. Будучи отделенной от остальной России таможенным барьером, своей валютой и автономной администрацией, она практически не имела отношения ко всему тому, что тревожило великую страну на протяжении этого бурного для России века. Это касается и крепостного права, и положения аристократии, и основ законодательства, да и многого другого, почти всего. Без согласия сейма русский царь, возглавлявший *великое княжество Финляндское*, не мог вводить новые законы либо налоги. Все доходы *княжества* оставались в нем. Оно не тратило средства на поддержание внешних сношений с другими странами, а также — до 1878 г. — на содержание собственного войска (то и другое было делом империи). Словом, не приходится удивляться тому, что финны — особенно после эпохи реформ, когда буржуазное предпринимательство в России стало активно поощряться, — были в числе наиболее процветавших. Лесное хозяйство, производство бумаги, металлургия развивались особенно быстро и успешно.

Стоит заметить, что далеко не все в Финляндии было в радужных красках. Правительство России пыталось то ограничивать деятельность сейма, то вводить цензуру, то русифицировать финнов. Но после реформ все эти ограничения ослабли, а Финляндия быстрыми шагами стала наверстывать упущенное. Восстановилась регулярная работа сейма. Законом 1878 г. было создано национальное войско. В 1866 г. проведена школьная реформа, в 1873 г. издан закон о выборных муниципалитетах. Как и вся остальная Россия, Финляндия быстро европеизировалась, но преимуществом ее была традиция, которая позволяла резко ускорять темпы. В конце XIX в. правительство России попыталось было приостановить этот процесс, присвоив себе право издавать законы для «княжества». Но к большим результатам это не привело. Да и поздно было. 1905 год стал началом либерализации России, активных буржуазно-демократических преобразований во всем и почти везде, включая и Финляндию. И хотя в 1910 г. была предпринята новая атака на автономию финнов, она уже не могла привести к желаемым результатам. А в декабре 1917 г. эта страна объявила о своей независимости, что большевики — крайне редкий, уникальный случай — были вынуждены признать на рубеже 1917–1918 гг.

Власть в Финляндии перешла к сейму, принявшему ряд важных законов, включая 8-часовый рабочий день. Но так как охваченный радикальным экстремизмом большевистский Петроград и тем более Кронштадт были рядом с Финляндией, она, естественно, не могла

рассчитывать остаться в стороне. Финны в спешном порядке стали укреплять свою армию (*щюцкор*), главнокомандующим которой был назначен генерал К. Г. Маннергейм. Он предпринял ряд шагов для вооружения армии, обратившись за содействием к Германии. Большевики попытались опередить его. Однако их попытка осуществить государственный переворот в конце января 1918 г. завершилась неудачей, после чего финны в мае этого года порвали отношения с Россией.

С 18 мая 1918 г. по решению сейма во главе страны в функции регента стал П. Свинхувуд, а с декабря того же года, после провалившейся попытки сделать финским королем одного из германских принцев (Германия уже капитулировала), у власти оказался Маннергейм. Конституция 17 июля 1919 г. провозгласила республику, с которой Россия в октябре 1920 г. заключила мирный договор.

Финны бдительно следили за деятельностью пробольшевистских партий, время от времени менявших свое наименование. Усилить свое влияние коммунисты так и не смогли. А проведенная в стране аграрная реформа решила земельный вопрос. Мировой кризис несколько пошатнул экономику страны и создал условия для возрождения экстремистских группировок. Но в 1932 г. они были запрещены, а экономика стала быстро восстанавливаться. Отношения Финляндии с внешним миром были не очень сильно развитыми. Членство в Лиге Наций и торговые связи с Англией и иными странами не спасали финнов от давления со стороны нацистской Германии и СССР. Это давление привело финнов в 1938 г. к отказу согласиться на предложение СССР заключить с ним пакт о взаимопомощи, позволявший использовать их территорию в случае гипотетического нападения Германии на СССР именно через Финляндию (не поленитесь, взгляните на карту). Однако СССР, как известно, отказ не остановил. Поздней осенью 1939 г. началась печально известная финская война, очень дорого обошедшаяся нашей стране и не приведшая к желаемым результатам. В последующие годы отношения Финляндии с СССР, несмотря на мирный договор от 12 марта 1940 г., были крайне напряженными, а с лета 1941 г. и вовсе враждебными. В ноябре 1941 эта страна даже присоединилась к антикоминтерновскому пакту, что, впрочем, не привело ее к сколько-нибудь серьезным военным действиям против СССР в годы войны. А в 1944 г. она выступила против немцев.

Дания в годы Первой мировой войны соблюдала нейтралитет, что, правда, сказалось на состоянии ее животноводства: нехватка привозного фуража вела к уменьшению стада и доходов. После войны страна достаточно успешно развивалась. В 1920 г. в результате плебисцита в Шлезвиге, о котором напомнил Версальский мирный договор

(по условиям Пражского мира 1866 г. в северной части этой провинции, населенной преимущественно датчанами, следовало провести плебисцит, чего Пруссия так и не сделала), к Дании была присоединена северная его часть. Успехи в экономике способствовали тому, что страна сравнительно легко перенесла последствия мирового кризиса и сумела в начале 30-х гг. провести ряд важных социальных реформ, включая разные формы страхования, фиксированные закупочные цены, снижение налогов, а также необходимые субсидии, особенно в важной для нее сфере животноводства и всего очень развитого сельского хозяйства. Социал-демократия во главе с премьером Т. Стаунингом стала в этом королевстве ведущей силой, а влияние экстремистских группировок оставалось, несмотря на все их усилия, незначительным. Благоприятная экономическая конъюнктура способствовала установлению необходимого взаимопонимания между работниками и предпринимателями при умеренном регулировании важных экономических и социальных процессов со стороны государства. Торговые связи с Германией накануне Второй мировой войны были очень развитыми, что во многом диктовалось спецификой датского, в основном сельскохозяйственного экспорта и острой нуждой немцев в такого рода продукции. Эти связи продолжались и в начале новой войны, причем сохранение торговых связей (даже при формальном присоединении страны в ноябре 1941 г. к антикоминтерновскому пакту) было как бы условием сохранения Данией нейтралитета. А символом этого нейтралитета стал датский король Кристиан X, который практически возглавил пассивное, но заметное движение сопротивления и, как гласит предание, не стеснялся носить на себе «звезду Давида» — знак, который должны были носить преследуемые нацистами евреи.

Исландия находилась в 20–30-х гг. в унии с Данией. Она с ее очень незначительным населением и преимущественно связанной с рыболовством экономикой тогда практически не претендовала на политическую самостоятельность. Но ее порты сыграли в годы Второй мировой войны важную роль в качестве пересадочного пункта для конвоев союзников, что способствовало развитию хозяйственных связей страны. В 1944 г. эта небольшая страна была провозглашена парламентской республикой с альтингом из двух палат и правительством. Во главе страны стал ее президент.

Норвегия обрела самостоятельность лишь с 1905 г. (до того она была связана унией со Швецией). Высокоразвитый торговый флот и рыболовство, лесная промышленность и сельское хозяйство были главными сферами производства в этой малонаселенной и в основном аграрной стране. Но сравнительно слабое индустриальное разви-

тие Норвегии в 20–30-х гг. с лихвой компенсировалось ее высокими достижениями в некоторых иных сферах. Гордостью страны, особенно в 20-х гг., были ее великий полярный исследователь Ф. Нансен, ее прославленные писатели Г. Ибсен и К. Гамсун. Стремление к гражданскому миру было здесь, как и в других скандинавских странах, лейтмотивом внутренней политики. Социал-демократы из рабочей партии Норвегии (НРП), в 1935 г. пришедшие к власти, стремились успешно проводить эту политику в жизнь. Курс на «мир в промышленности», который сопровождался реформами в налогообложении, охране труда, социальном страховании, а также в народном образовании и расширении прав женщин, способствовал этому. Для Норвегии, как и для других скандинавских стран, было характерно стремление государства осуществлять регулирование экономики и вмешиваться в производственные конфликты.

В июне 1940 г., презрев принцип нейтралитета, Германия вторглась в Норвегию, расположенную неподалеку от Англии. Король Хокон и правительство эмигрировали в Лондон, а во главе Норвегии стал глава незначительной фашистской группировки В. Квислинг, имя которого сразу же превратилось в нарицательное, в символ продажного предательства. Но коллаборационистов в Норвегии оказалось не слишком много. В стране началось очень заметное движение сопротивления, которое в конечном счете объединилось в единый *фронт Родины* и создало армию *Милорг*, сыгравшую серьезную роль в освобождении страны. И хотя не все в Норвегии были в принципе против немецкой оккупации (стоит упомянуть в этой связи имя нобелевского лауреата К. Гамсуна), страна в целом выражала негативное отношение к гитлеровской Германии.

ЗАМЕЧАНИЯ ИТОГОВОГО ХАРАКТЕРА

Если подытожить все то, что имеет отношение к разным группам стран, о которых шла речь в этой главе, то окажется, что — при всех существенных различиях — между ними было и нечто общее. Оно в том, что даже слабые и обреченные историей восточноевропейские страны в 20–30-х гг. как бы ожили и все свои силы тратили на то, чтобы быстрее развиваться, причем именно в сторону буржуазной либеральной демократии, с реформами, имевшими социальную направленность. Не всюду это было возможным, но везде, кроме разве что совсем отсталой Албании, к этому дело шло. В странах первой группы, которые были тесно связаны с западноевропейской традицией, это было естественной нормой. Особо же следует сказать о нейтралах.

Как легко заметить, страны Скандинавии отличались некоторыми существенными особенностями структуры и ее эволюции. Если не считать нейтралитет, порой вынужденно нарушавшийся враждебными силами, то общим для них был **подчеркнутый курс на примирение готовых в принципе к конфликту социальных слоев, тружеников и предпринимателей, и на немалую роль государства в регулировании экономики**. И этот разумный принцип, обходившийся любой из стран, о которых идет речь, не слишком дорого, оправдал возлагавшиеся на него надежды, так как именно он создавал большой запас внутренней прочности общества[1].

Здесь следует приостановиться и, возвращаясь назад, напомнить, что большинство стран буржуазного Запада в 20–30-х гг. XX в. были уже сориентированы к движению по такому же пути. Все те социальные реформы, о которых упоминалось при описании важнейших событий в западноевропейских странах, в британских доминионах, не говоря уже о США, свидетельствуют именно об этом. И в этом нет ничего удивительного, как нет ничего странного в том, что много сделал в том же направлении Бисмарк, отнюдь не отличавшийся склонностью к благотворительности. Принять это во внимание необходимо. Но сначала несколько слов о странах, формально не принадлежавших к Западу.

Глава девятнадцатая. МИР ВНЕ ЗАПАДА. ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

Эта часть планеты с ее — в историко-культурном плане — промежуточным положением между Западом и Востоком на протяжении последнего полутысячелетия отличалась медленным, но неуклон-

[1] Стоит еще раз обратить внимание на то, что такой же принцип был положен и в фундамент фашистско-нацистской корпоративной системы. Показательно, что реализовывавшие эту систему режимы, в частности германский, не рухнули, будучи подточенными изнутри. Однако разница между ними и буржуазно-либеральной скандинавской моделью была весьма существенной и потому сыграла решающую роль. Дело в том, что тоталитарные страны, где корпоративная система сочеталась с господством одной партии при сохранении в лучшем случае видимости общественных и политических организаций, да еще с учетом характерной для них агрессивной экспансии и стремлением к мировому господству, со своего появления на свет оказались, в отличие от нейтралов, обречены на гибель, ибо весь смысл их существования сводился к войне. Стоит в этой связи обратить внимание на то, что режимы, в которых тоталитаризм не был стопроцентным, так как отсутствовало стремление к агрессивной экспансии и мировому господству (имеются в виду режимы Франко в Испании, Салазара в Португалии), просуществовали дольше и начали изменяться лишь после смерти диктаторов.

ным движением в сторону Запада. Главной причиной такого рода динамики была прежде всего христианизация местного населения. Однако наряду с этим немалую роль сыграли и события, связанные с ликвидацией в этом обширном регионе испано-португальского колониального владычества. Свою роль сыграли и очень важные для Латинской Америки в целом этнорасовые процессы, приведшие за ряд столетий к сложению на территории южноамериканского континента (отчасти — Мексика — это коснулось и североамериканского субконтинента) метисного облика основной массы населения.

Казалось бы, что за дело до облика христиан, признанная и идентичная с западноевропейской система ценностей которых вроде бы та же самая, что и во многих странах Европы, кроме разве что восточно-православных. Но на самом деле все обстоит сложнее. Если говорить о сущности цивилизации как социально-психологического феномена, окажется, что латиноамериканско-иберийская католическая субцивилизация не идентична западноевропейскому, даже иберийскому католицизму. Это особая, самостоятельная субцивилизация христианства. А суть ее специфики именно в том, что она являет собой определенный синтез различных и равно сыгравших свою роль этнорасовых групп. Каждая из них — а всего их три, европейские иберо-католики, местные индейцы, включая потомков великих цивилизаций доколумбовой Америки, и африканские негры — внесла в нее свой весомый вклад. Так что дело, если говорить всерьез, не в этнорасовом облике как таковом. Он с преобладанием в разной пропорции различных этнорасовых признаков, создающих варианты метисов, в данном случае являет собой лишь отражение специфики, сущность которой восходит к синтезу резко отличных друг от друга расовых типов с их привычными религиозно-культурными и очень тесно связанными с ними иными традициями.

Все эти расовые типы с их несходным природным темпераментом, не говоря уже о весьма неодинаковой привычке к монотонному ежедневному производительному труду, внесли свой весьма существенный вклад в темпы эволюции латиноамериканских стран. Понятно, что по темпам — как, впрочем, и по многим иным параметрам — жители латиноамериканских стран не могли не отличаться от основного населения североамериканских колоний, США и Канады, которые осваивались преимущественно, а если иметь в виду Канаду, то по сути исключительно европейцами, причем прежде всего выходцами из Западной Европы. И достаточно долгие века сосуществования северян и южан на одном континенте, растянувшемся от северных приполярных районов к южным, показали к 20–30-м гг.

XX в., о которых теперь идет речь, что медленные темпы были необходимы. Они способствовали тому, что в результате длительного постоянного воздействия североамериканских стран, в первую очередь США, как и всего остального передового мира буржуазного Запада, на латиноамериканцев эти последние в сравнительно недавнее время начали показывать удивляющие мир успехи.

Эти успехи проявились в XX в. в резком изменении образа жизни, в стремительном сближении стран Южной и Центральной Америки с обычным западным буржуазным стандартом, что сегодня позволяет говорить об ускоренном индустриальном развитии многих из этих стран. Еще одна важная причина, которая действовала в том же направлении, связана с тем, что в интересующее нас время ни одна из стран региона, кроме разве что некоторых крохотных островков и анклавов на побережье в тропической зоне, давно уже не находилась в состоянии колониальной зависимости. А это не могло не сыграть своей важной роли. Более того, это весьма важное обстоятельство дает серьезные основания для того, чтобы выделить латиноамериканские страны из всех остальных владений предбуржуазного и буржуазного Запада с его колониями и зависимыми от него странами, обретшими независимость в основном лишь в середине XX столетия.

Все это авторами, обращающимися ко всеобщей истории, принимается во внимание далеко не всегда. Более того, расположенные вроде бы на отшибе, в стороне от основных центров мировой политики и даже от колониальных интересов (хотя с этим дело обстоит чуть иначе), страны Латинской Америки нередко занимают позиции падчериц. Даже во внушительных по объему многотомных изданиях типа «Всемирной истории» или в книгах сочинителей, претендующих на то, чтобы вывернуть наизнанку либо хронологию, либо причины исторических событий, которые они склонны объяснять преимущественно неясно откуда берущимися этнопсихологическими взрывами, к этому субконтиненту, как правило, не обращаются. Или пишут о нем крайне мало, как бы нехотя, давая понять, что и сказать-то здесь особо нечего. Между тем это совсем не так. Латинская Америка не чета первобытной Тропической Африке или малозаметной на карте Океании. Это — не говоря уже о ее доколумбовой истории — большой и наполненный событиями субконтинент. И развитие его вполне вписывается в общечеловеческий путь от далекого прошлого через века насыщенных переменами исторических событий к бурному XX столетию, не говоря уже о еще более яркой и значимой современности. Учтем это и отдадим Латинской Америке должное.

МЕКСИКА, АРГЕНТИНА, БРАЗИЛИЯ, УРУГВАЙ И ЧИЛИ

Говорить о субконтиненте с его, считая и очень небольшие, двумя с лишком десятками стран очень непросто. В рамках издания, в котором принято уделять внимание каждой из таких стран, сделать это, применительно к очень небольшому историческому периоду, тем более сложно. Но, разделить мир *латинос*, как их нередко именуют, на несколько блоков вполне справедливо. А это сильно облегчит задачу. Начнем с того, что выделим основные страны. Их немного. Прежде всего это три наиболее крупные — Мексика, Аргентина, Бразилия. К ним можно, с оговоркой, добавить еще две, менее значимые, но отличавшиеся достаточно высоким уровнем развития. Это Уругвай и Чили. Важно также то, что именно в этой группе стран отражены и выявлены важные особенности и основные пути развития субконтинента в целом.

О **Мексике** в томе уже было много сказано. Это вообще-то великая страна. В древности именно здесь был центр цивилизации майя, затем ацтеков. Потом она если и не возглавила, то сыграла очень важную роль в движении латиноамериканцев за освобождение от колониальной зависимости, еще позже отчаянно, хотя и в основном безуспешно сражалась с США за свои малонаселенные и очень слабо освоенные северные территории. А потом наступил драматический период внутриполитической борьбы и вооруженных выступлений крестьян. События 1910–1917 гг., как о том уже шла речь, обычно именуют революцией, хотя на самом деле это было массовое протестное движение крестьян за восстановление порушенной кровавой диктатурой Диаса привычной нормы существования. Это, впрочем, не умаляет значимости перемен, наступивших в стране после утверждения у власти умеренного либерально-буржуазного правительства Каррансы, склонного отнюдь не к революционному, но к буржуазно-конституционному эволюционному переустройству страны на основах либеральной демократии и постепенных индустриальных преобразований.

Как бы то ни было, в 20–30-хгг. XX в. Мексика обрела конституцию, способствовавшую возникновению в стране разных партий и профсоюзов (в основном анархо-синдикалистской ориентации) и открывшую путь для дальнейших преобразований. Правда, этого страна добилась отнюдь не сразу и совсем нелегко. Уже в 1920 г. Карранс был убит в ходе восстания, организованного претендовавшим на его место генералом А. Обрегоном, ставшим президентом (1920–1924). И хотя новый президент пытался провести аграрную

реформу, он не слишком в этом преуспел, как не достиг очень заметных результатов в попытках реализовать конституционные требования о 8-часовом рабочем дне и некоторых иных начинаниях. Более всего он добился в яростном — иначе просто не скажешь — своем стремлении ограничить влияние иностранного капитала. Но вместе с тем годы его правления были отмечены, как и правление его преемника П. Э. Кальеса (1924–1928), мятежами и борьбой за выполнение отраженных в конституции требований, направленных на улучшение положения народа.

Используя все еще имевшую популярность в стране «революционную» фразеологию, оба президента вели дело не столько к росту национальной буржуазии, хотя это и декларировалось, сколько к укреплению роли государства в экономике, к усилению союза труда и капитала с подчинением профсоюзов контролю власти. Этот курс так называемого *революционного каудильизма*, ставившего целью возвеличить роль очередного претендента на позицию вождя, был характерным проявлением авторитарных тенденций в обществе, где о победе буржуазно-демократических стандартов всерьез говорить не приходилось. В лучшем случае можно было лишь надеяться на движение в сторону буржуазных преобразований и либеральной демократии.

Правители Мексики на рубеже 20–30-х гг. не злоупотребляли фразеологией, но откровенно вели дело к усилению роли государства не только в регулировании экономики, но и в контроле над ней. Влияние со стороны европейских стран, затронутых корпоративизмом, сказывалось при этом довольно отчетливо. Ограничивалась деятельность партий и профсоюзов, запрещались забастовки, организовывался принудительный арбитраж властей при конфликтах между рабочими и предпринимателями. И хотя параллельно шла реализация аграрной реформы, декларировалось введение 8-часового рабочего дня, порой и повышения заработной платы, процесс в целом явно шел в сторону завинчивания гаек, что стало особенно заметным в условиях великой депрессии, ведшей к валютному кризису.

Выборы 1934 г. привели к власти президента Л. Карденаса (1934–1940), который завершил аграрную реформу и воссоздал общинную систему землевладения с правом отчуждения участков, что способствовало росту количества зажиточного крестьянства и обезземеливанию бедняков с резким усилением их миграции в США. Президент восстановил демократические свободы, что весьма помогло оживлению деятельности партий и профсоюзов. Но главным в его деятельности оказалась национализация важных отраслей экономики (нефть, железные дороги, электроэнергия) и развитие системы образования. Патерна-

лизм созданных Карденасом отношений порой рассматривается как его движение к социализму. Но это было скорее стремление к ограничению фашистских корпоративистских тенденций. Уклон в сторону антифашизма проявился, в частности, в поддержке республиканцев в гражданской войне в Испании, в осуждении итальянской интервенции в Эфиопии, аншлюса Австрии и захвата Чехословакии, наконец, в подавлении в 1938 г. мятежа фашистски настроенного генерала С. Седильо. К сказанному стоит добавить, что именно в Мексике в 1937 г. нашел свое последнее убежище Л. Д. Троцкий, спасавшийся, но так и не сумевший спастись здесь, от убийц, посланных большевистским вождем.

Аргентина, расположенная в южной части субконтинента, относится к числу наиболее продвинутых стран Латинской Америки. Ее развитие шло иным путем, во многом отличавшимся от мексиканского. Отличия можно объяснять многими причинами, важнейшими из которых следует считать сильное преобладание европейского по происхождению населения. Здесь буржуазные преобразования с немалым успехом были реализованы еще в конце XIX столетия, а сопутствовавшие им либерально-демократические реформы стали все более уверенно проявлять себя на рубеже веков. Этому способствовали многие факторы, начиная с географического расположения страны и ее богатых травами памп, активно способствовавших скотоводству (основа экспорта) и кончая постоянно продолжавшейся интенсивной миграцией европейцев, несших с собой широко распространенные в Западной Европе идеи и достижения буржуазной демократии. Аргентина — страна фермеров, частично креолов-*гаучо*, пастухов, своего рода эквивалента североамериканских ковбоев. Конституция 1853 г., создавшая федеративное устройство с сильной президентской властью, признававшая строгое разделение властей и демократические свободы по североамериканскому стандарту, играла в стране значительную роль. Обилие партий и ассоциаций, провозглашенное в 1912 г. всеобщее избирательное право способствовали успешному, в том числе и индустриальному развитию Аргентины, долгое время почти не знавшей мятежей и не сталкивавшейся с государственными переворотами.

Правительства президента И. Иригойена (1916–1922 и 1928–1930) и Т. Альвеара (1922–1928) продолжали, несмотря на тревожившие страну выступления недовольных горожан и батраков на рубеже 10–20-х гг., давно наметившийся курс. Но на исходе 20-х гг. Иригойен, приняв закон о 8-часовом рабочем дне, проявил склонность к усилению влияния государства в экономике, сделав упор на национализацию добычи и переработки нефти. Великая депрессия

ослабила позиции президента, подвергавшегося критике с разных сторон. Воспользовавшись этим, армия во главе с генералом Х. Урибуру совершила в сентябре 1930 г. государственный переворот, установив не свойственный этому государству Латинской Америки — в отличие от многих других — режим диктатуры. Будучи склонным к нацистско-фашистским идеалам социально-корпоративистской политики мира и союза между трудом и капиталом под верховным патернализмом жесткой руки государства, Урибуру оказался не слишком горячо воспринятым в стране, что вынудило его смягчить режим и восстановить конституционные нормы. Выборы в ноябре 1931 г. привели к власти генерала А. Хусто (1932–1938), которому Урибуру без особых треволнений передал бразды правления, после чего вскоре умер. Но в стране по-прежнему существовали серьезные ограничения во всем том, что имело отношение к традиционным демократическим правам и свободам. Тон задавала правящая национально-демократическая партия, против которой активно выступали многие другие, пытавшиеся время от времени — правда, безуспешно — создать народный фронт. Пришедший к власти в 1938 г. новый президент Р. Ортис выступил в защиту конституции. В начале Второй мировой войны Аргентина объявила нейтралитет, а в июне 1943 г., накануне очередных президентских выборов, был произведен переворот, приведший к власти группу военных, среди которых был ставший впоследствии весьма известным полковник Х. Перон.

Бразилия была одной из очень немногих латиноамериканских стран, участвовавших в Первой мировой войне. Здесь, как и в Аргентине, с 90-х гг. XIX в. была обеспечивавшая основные демократические права и свободы парламентарная республика с президентом, политическими партиями, парламентом, администрацией в штатах. Правда, на местах, в обладавших немалой автономией штатах часто заправляли делами влиятельные местные латифундисты, решавшие судьбу выборов и выдвигавшие губернаторов. В штате Сан-Паулу владельцы кофейных плантаций (там производилось 60% кофе, основы экспорта) были особенно влиятельны. Они же играли немалую роль в парламенте, что на деле ограничивало либеральную демократию в стране. После войны в Бразилии дали о себе знать радикальные настроения, стимулированные неустойчивостью политической жизни. Получили немалое распространение группы анархистов, а в середине 20-х гг. начался с трудом и не до конца подавленный военный мятеж так называемых тенетистов, т.е. младших офицеров.

Конец 20-х гг. был омрачен великой депрессией, оказавшей на Бразилию очень сильное воздействие. Количество покупателей

кофе резко сократилось, и около 40 млн мешков его пришлось уничтожить. Это был страшный удар по экономике страны, которая не только оказалась в тисках жестокого кризиса, но и вынуждена была в 1931 г. объявить себя банкротом. Ситуация предельного внутриполитического напряжения оказалась сразу же тесно связанной с очередными президентскими выборами 1930 г. В ходе выборов в результате ожесточенной борьбы победила коалиция либералов, включая немалую часть военных во главе с Ж. Варгасом. Этот новый президент, объявив о своих целях как об установлении режима «социальной гармонии», вскоре после победы великодушно включил в правительство и часть своих противников-консерваторов из числа прежних магнатов кофейных плантаций.

Варгас оказался весьма противоречивой фигурой. С одной стороны, за годы своей власти (1930–1945) он очень многое сделал для энергичной буржуазной модернизации страны. В 1934 г. им с этой целью была принята конституция, содержавшая принципы активной социальной политики (разработка нового трудового законодательства, организация официальных государственных профсоюзов, 8-часовый рабочий день, двухнедельные отпуска, коллективные договоры, трудовой арбитраж при ведущей роли представителей власти, избирательные права для женщин). Разумеется, это влекло за собой усиление государственного патернализма, явно перекликавшегося по многим пунктам с корпоративными принципами управления государством, восходившим к новациям раннего фашизма Муссолини. В принципе это настораживало, но не слишком. Кое-что изменилось с приходом к власти в Германии нацистов. В 1937 г. бразильский президент отменил конституцию 1934 г. и заявил о создании нового государства без политических партий и при полном господстве верховной власти диктатора, в качестве какового позиционировал себя.

Следует ли это считать поворотом к варианту тоталитарного фашистско-нацистского режима? Вопрос не напрасен, ибо в новом государстве Варгаса не было главного для тоталитарных режимов, т.е. установки на насилие и на войну. В то же время отечественные специалисты обращают внимание на «социальное маневрирование» и «уступки трудящимся», а также на крайне энергичное развитие, причем не милитаристской, а нормальной индустрии. Имеется в виду главным образом тяжелая промышленность (металлургия, электроэнергетика, транспорт, национализированная добыча и переработка нефти), в которую национальная буржуазия не имела возможности вкладывать большие капиталы, тогда как государство могло это делать. Учитывая последствия банкротства и выплаты по долгам (они продолжались до 1944 г.), пре-

зидент лавировал между обоими противостоявшими накануне и в ходе Второй мировой войны альянсами и ухитрялся получать очень большие займы, необходимые для ускоренной индустриализации. В подходящий момент в августе 1942 г. он объявил войну Германии и национализировал немецкие предприятия и капиталы в стране, не говоря уже о долгах. Да еще и получил в награду за это от США кредит для строительства крупного металлургического комбината. Участие бразильских вооруженных сил в ходе войны в столкновениях с Италией и предоставление баз для союзников было не слишком дорогой платой за те преимущества, что принесла Бразилии политика Варгаса. И его власть едва ли, учитывая все сказанное и многое другое, стоит считать хотя бы отчасти тоталитарной диктатурой, сравнимой с той, что была у испанского Франко после победы. Все-таки Варгас не пренебрегал выборами, в конце своего правления открыл двери для новых партий и даже выпустил из тюрьмы вождя бразильских коммунистов Л. К. Престеса. Словом, его *новое государство*, как вскоре выяснилось, было не хуже того, что пришло ему на смену после выборов 1945 г.

Уругваю, соседу Бразилии и Аргентины, чье население на 95% является выходцами из европейских стран, сильно повезло с президентом Х. Батлье-и-Ордоньесом (1903–1907 и 1911–1915), с чьим именем связаны огромные успехи в обычно столь болезненно пробивающей себе путь политике социального обеспечения населения. Конституция 1917 г. еще более укрепила позиции национальной буржуазии и, несколько ограничив власть президента, расширила сферу действия демократических прав и свобод, сделав страну в этом смысле еще более привлекательной для мигрантов. В 20-х гг. в эту страну — как и в быстро развивавшиеся Аргентину и Бразилию — ехали многие из изголодавшихся за годы войны европейских переселенцев. Вплоть до великой депрессии страна процветала, но кризис сильно повлиял на экономику и образ жизни населения, что привело к правительственному перевороту 1933 г., приведшему к власти диктатора Г. Терра. Был распущен парламент и в 1934 г. принята новая конституция, узаконившая заметное сокращение прав и свобод населения в пользу президента-диктатора. На несколько лет процветавшая страна лишилась части своих демократических завоеваний. Однако система выборов была сохранена, и избранный в 1938 г. новый президент А. Бальдомира восстановил прежний конституционный режим.

В **Чили** в 1920 г. к власти пришел президент А. Алессандри, чье правление было отмечено некоторыми успешными реформами (8-часовой рабочий день, право на коллективные договоры, отделение церкви от государства). В 1925 г. была принята новая конституция, но это

не помешало полковнику К. Ибаньесу совершить переворот и установить режим диктатуры (1927–1931). Испытывая определенное влияние со стороны фашистской Италии, Ибаньес попытался создать в Чили корпоративную систему. Она сводилась к сочетанию социальной политики и сотрудничества труда и капитала под патронажем государства с подавлением гражданских демократических свобод. Однако великая депрессия в начале 30-х гг. и недовольство в стране привели к серьезным волнениям и к бегству диктатора. В Чили начались забастовки, затем восстание военных моряков, но все завершилось в октябре 1931 г. выборами нового президента, который, однако, власть удержать не сумел. В январе 1932 г. последовал новый переворот под лозунгами «социализма», смысл которого сводился к национализации экономики и государственному контролю над всей жизнью страны.

Поскольку серьезной почвы для реализации такого эксперимента в Чили не было, не приходится удивляться тому, что в июне 1932 г. последовал новый переворот, затем, в сентябре, еще один, а в конечном счете на выборах в октябре того же драматического для страны года президентом снова стал Алессандри (1932–1938), на сей раз настроенный гораздо более консервативно, что следует считать — после всех политических перипетий в стране — вполне естественной реакцией ответственного руководителя. Президент сурово расправлялся с недовольными и весьма скептически отнесся к попытке создания Народного фронта сохранившими влияние в стране левыми силами. Но на выборах 1938 г. победил именно фронт, а президентом стал П. А. Серда. Как и в свое время Батлье в Уругвае, фронт в Чили — правда, намного позже — приступил к проведению активной социальной политики (повышение зарплаты, снижение цен, социальное обеспечение, наделение землей крестьян). Однако он одновременно стал реализовывать и программу активного государственного вмешательства в экономику, без чего многие социальные меры, особенно в том, что касается цен, не имели бы смысла. Обострившиеся вскоре раздоры внутри фронта, вызванные резкой сменой курса СССР, сблизившегося с нацистской Германией, сыграли роковую роль в его судьбе. Он прекратил существование в начале 1941 г.

ПРОЧИЕ СТРАНЫ СУБКОНТИНЕНТА

Речь теперь пойдет об остальных странах субконтинента за исключением тех, что расположены в бассейне Карибского моря. Большинство их — сравнительно небольшие, подчас совсем маленькие. Отметим важнейшие события в каждой из них.

Парагвай, небольшое государство на юге, о печальной судьбе которого во второй половине XIX в. трудно забыть, постепенно выбирался из состояния глубокого кризиса. Выправление ситуации привело страну в начале Первой мировой войны к определенным успехам. Развивались скотоводство и мясоперерабатывающая промышленность, производство хлопка и сахара, вывоз леса. В годы правления президента М. Франко (1916–1919) было закреплено владение землей за крестьянскими семьями и введен новый избирательный закон. Однако 1921–1923 гг. прошли в условиях междоусобных политических схваток, завершившихся военным мятежом и гражданской войной. Правда, следующий период, президентство Э. Аялы (1924–1928), был спокойным, что способствовало оздоровлению бюджетно-финансовой основы страны. Но вторая половина 20-х и начало 30-х гг. вновь привели к обострению политической ситуации, на сей раз в связи с открытием в районе границы с Боливией нефтяных месторождений. Война за этот спорный район Чако длилась долго и обошлась обеим сторонам довольно дорого, но нефть в конечном счете досталась Боливии. В Парагвае же неудачи в войне привели к вооруженному восстанию недовольных солдат, оставшихся не у дел. Начавшись в феврале 1936 г., военный мятеж привел к ряду важных реформ (8-часовый рабочий день, минимум зарплаты, раздача земли крестьянам). Президент Х. Эстигаррибиа (1939–1940) принял в 1940 г. новую конституцию, заметно укрепившую его власть. Жесткие нормы конституции помогли его преемнику И. Мориниго (1940–1948) стать диктатором и создать в Парагвае государство, во многом воспринявшее стандарт фашистско-корпоративного режима. Это сыграло свою роль в том, что после Второй мировой войны именно далекий Парагвай стал убежищем для многих сумевших бежать немецких нацистов.

Боливия, расположенная к северу от Парагвая, богата природными ресурсами — залежами олова и иных металлов, нефтью. Это в основном крестьянская страна, свыше 80% которой — индейцы и метисы. Давно лишившись в пользу Перу выхода к морю и залежам гуано, потеряв немалую часть Чако в борьбе с Парагваем, эта не слишком удачливая и слабо развитая страна в 30-х гг. испытала серию политических переворотов и очень мало преуспела в своем развитии.

Перу, древняя столица воинственных инков, богата, как и Боливия, залежами цветных металлов, имеет нефть, культивирует хлопок, сахар и кофе и разводит альпак с их мягкой шерстью. Промышленность не слишком развита, но уже во второй половине 10-х гг. здесь был декларирован 8-часовый рабочий день, существовал ряд партий, среди которых выделялся американский национально-революционный союз

во главе с его идеологом Айя де ла Торре, который активно выступал за национально-буржуазное развитие Латинской Америки, за демократию и правовое государство. Идеи Торре сыграли свою роль, но не слишком большую. В реальности развитие Перу являло собой в 10–30-х гг. цепь политических переворотов и почти постоянную борьбу за власть. Это не помешало провозглашению в 1920 и 1933 гг. конституций, сохранявших партийно-парламентский строй и некоторые элементы социального страхования, равно как и 8-часовый рабочий день.

Эквадор, как и Боливия и Перу, отличается запасами цветных металлов, наличием нефти, но прежде всего славен производством бананов и какао-бобов. В период между мировыми войнами для него были характерны политическая нестабильность, калейдоскоп сменявшихся президентов и правительств и постоянная борьба двух основных партий, консерваторов и либералов. При всем том, однако, в стране существовали конституционные нормы (конституция 1906 г.), проводились выборы, даже осуществлялись некоторые не слишком значимые реформы.

Колумбия — одна из наиболее крупных американских экваториальных республик, в 20-х гг. экспортер кофе и бананов, затем также хлопка и нефти, позже и наркотиков (кокаин и марихуана). Здесь те же две основные партии, есть парламент и президент, кабинет министров, губернаторы провинций, та же система выборов. Президент А. Лопес (1934–1938) провел серию реформ. Крестьяне получили землю, было реализовано бесплатное начальное образование, церковь отделена от государства, установлен контроль в сфере добычи нефти. Затем реформы были приостановлены..

Венесуэла долго была небольшим и отсталым государством, но с открытием месторождений нефти в 20-х гг. многое стало меняться. Сначала укрепился режим диктатора Х. Гомеса (1909–1935), опиравшегося на мощный репрессивный аппарат власти. В 1936 г. была принята конституция, гарантировавшая демократические права, 8-часовый рабочий день, право на забастовки и резко ограничившая пребывание на посту президента одним сроком.

Панама возникла как государство в 1903 г. Конституция 1904 г. создала структуру новой президентской республики с партиями консерваторов и либералов, с национальной ассамблеей. За пользование каналом США выплачивали в казну с 1936 г. ежегодно около полумиллиона долларов. В республике выращивают бананы, какао, кофе, сахарный тростник. Крупные плантации у *Юнайтед фрут компани.*

Коста-Рика, небольшое государство на Центральноамериканском перешейке севернее Панамы, тоже долго оставалась типичной

банановой республикой, правда, с большой долей европейского населения. Бананы и кофе — основные статьи экспорта. Ради экспорта бананов американцы построили железную дорогу. Подлинным хозяином страны долго была все та же знаменитая *Юнайтед фрут компани*. С 1910 г. она платила в казну республики немалые налоги. Спорный с Панамой район Кото в 1921 г. перешел к Коста-Рике. В стране существуют президент, кабинет министров, политические партии. До 1940 г. президент республики, что стоит специально отметить, симпатизировал державам оси. Элементы социальной политики начали ощущаться в стране лишь с 1940 г.

Сальвадор — республика на перешейке, севернее Коста-Рики. Конституция гарантировала буржуазно-демократические свободы, существование партий и профсоюзов, Рабочее законодательство стало играть существенную роль с 1927 г. Великая депрессия в 30-х гг. способствовала политической неустойчивости, восстаниям и переворотам.

Никарагуа — республика на перешейке, к северу от Сальвадора. В 20–30-х гг. здесь происходили политические перевороты и восстания. Получило заметную известность длительное повстанческое движение во главе с А. Сандино в 1926–1936 гг. Затем у власти на долгие десятилетия прочно стал А. Сомоса (президент в 1936–1947 и 1950–1956 гг.), ставленник США. Его имя со временем превратилось в нарицательное — тот самый «наш сукин сын».

Гондурас — республика на перешейке к северу от Никарагуа. Здесь выращивают бананы, причем в строительстве дорог для их транспортировки немалую роль сыграла заинтересованная в этом *Юнайтед фрут компани*. Народные волнения в 20–30-х гг. подавлялись при участии американского войска. В 30–40-х гг. у власти находился президент К. Андино (1933–1949, с перерывами), склонный к жесткому правлению, подчас к диктатуре.

Гватемала — южный сосед Мексики. Здесь когда-то тоже жили индейцы майя, чьи раскопанные археологами ступенчатые пирамиды сохранились до наших дней. В 20–30-х гг. XX в. конституционный режим в республике был непрочным, нарушаемым мятежами и политическими переворотами, приводившими к диктатуре. Огромную роль в экономике страны играла *Юнайтед фрут компани*.

Гвиана (с запада на восток) — колония Британии, Нидерландов и Франции. Все три части колониального владения были освоены соответствующими державами давно, причем не без конфликтов. В колонии господствует плантационное хозяйство, выращивают табак, хлопок, кофе, какао, кокос, сахарный тростник (из него чаще всего делают ром). Имеются запасы бокситов, в небольшом количестве алмазов и зо-

лота. В британской части в 20–30-х гг. XX в. уделялось внимание созданию профсоюзных организаций и необходимым реформам. В 1928 г. был создан Законодательный совет, частично избиравшийся населением, отчасти назначавшийся губернатором. В Гвиане нидерландской осваивалась добыча бокситов, в Гвиане французской в 30-х гг. начали добывать золото. Сравнительно слабо населенная, Гвиана оставалась в период, о котором идет речь, колонией, причем этот статус серьезного возмущения со стороны местного населения не вызывал.

Белиз, или **Британский Гондурас** — еще одна очень небольшая английская колония, расположенная между Мексикой и Гватемалой и являвшаяся в интересующее нас время объектом ожесточенного территориального спора. Ресурсы и основа экспорта Белиза — ценные сорта деревьев, гевея, продукты плантационного хозяйства и рыболовства.

ОСТРОВА КАРИБСКОГО МОРЯ (ВЕСТ-ИНДИЯ)

В этой части Латинской Америки, представленной несколькими крупными островами (Куба, Гаити, Пуэрто-Рико) и множеством более мелких, со времен испанской колонизации преобладали колонии, основным населением которых стали потомки привезенных туда африканских рабов, в меньшей мере мулаты и метисы. Население постоянно пополнялось мигрантами из разных стран, вплоть до китайских кули. Но европейцы всегда оставались в меньшинстве.

Куба — наиболее значительный из островов. Здесь с XIX в., как и почти во всей Латинской Америке, существовали партии (либералы и консерваторы), президент, парламент, правительство. После войны с Испанией в конце века США оказывали на события, происходившие на острове, немалое влияние, что нашло отражение и в конституции 1901 г. Остров издревле был достаточно богатым, славился табаком и сахаром, ромом и другими продуктами плантационного хозяйства, а также рыболовством. На Кубе на рубеже XIX–XX вв. были проложены железные дороги, существовали морские порты с налаженным портовым хозяйством, была уже вполне развитая обрабатывающая и иная промышленность. В годы правления президента Х. Мачадо-и Моралеса (1927–1933), в основном совпавшие с периодом великой депрессии, этот правитель пытался справиться с кризисом, используя методы диктата. Он пытался имитировать некоторые принципы итальянского фашизма с его корпоративной системой государственного патернализма. Но мощное протестное движении в стране привело к его свержению, к массовым

выступлениям народа и к восстанию в армии. Страна оказалась в состоянии резкой политической неустойчивости, с которой не могли справиться сменявшие друг друга кратковременные правительства, восстановившие демократические свободы и пытавшиеся спешно провести социальные реформы (44-часовая рабочая неделя, повышение зарплаты, коллективные договоры и т. п.). Осенью 1933 г. восстал столичный гарнизон и сержант Ф. Батиста, захватив реальную власть в стране, стал в 1934 г. ее фактическим диктатором, меняя по своей воле президентов, пока в 1940 г. сам не стал им.

Остров **Гаити**, разделенный на две части, в лице западной его половины, собственно Гаити, с рубежа XVIII–XIX вв. был республикой, находившейся под сильным влиянием идей и событий во Франции. Остров издавна был поставщиком в Европу колониальных товаров — сахара, какао-бобов, кофе, табака. В начале XX столетия в западной части острова большое влияние обрели США. В 20–30-х гг. здесь под влиянием депрессии возникали волнения среди крестьян и городского населения, а в 1935 г. американские войска были выведены.

В восточной части острова, в **Доминиканской республике**, где тоже некогда власть французов была абсолютной, с начала XX в. как и в Гаити, влияние обрели США. Собственно, продвижение США в сторону Карибов стало вполне естественным с того момента, когда президент Т. Рузвельт распространил в 1904 г. действие доктрины Монро на все западное полушарие планеты. Следует заметить, что это влияние не было привычным колониализмом, даже протекторатом с реальной властью у западного верховного администратора. Это было скорее влияние капитала, той же *Юнайтед фрут компани*, отчасти — в случае остро ощущаемой нужды — подкрепленное армейским либо военно-морским десантом. В Доминиканской республике введенные туда в связи с массовыми волнениями в 1916 г. войска были выведены в 1924 г., когда президентом стал О. Васкес, который, однако, не сумел в годы великой депрессии справиться с последствиями кризиса. Зато пришедший к власти в результате переворота президент Р. Трухильо (1930–1961) оказался той сильной личностью со склонностью к диктаторским привычкам, чье успешное управление республикой длилось свыше 30 лет. Он ликвидировал в стране партийный режим, заменив его правящей Доминиканской партией и стал управлять самовластно. В 1932 г. он не постеснялся заставить конгресс присвоить ему звание генералиссимуса (помню, как в мои юные годы ходила присказка о том, что в мире существуют три генералиссимуса — наш вождь, Чан Кай-ши и Трухильо). Трудно сказать, в какой мере правление Трухильо сыграло роль в том, что Доминиканская республика, в начале 20-х

гг. численно вдвое меньшая и более отсталая, к середине века по многим важным параметрам, кроме разве что численности населения (3,2 млн против 4,3) — оказалась впереди ее соседа Гаити.

Пуэрто-Рико повезло гораздо больше. Этот остров после испано-американской войны 1898 г. был занят войсками США, став вначале чем-то вроде колонии, где при американском губернаторе в 1917 г. был создан двухпалатный конгресс с кабинетом министров, вскоре после чего все, кто родился после 1917 г., стали считаться гражданами США. 20–30-е гг. были отмечены постепенным, не без естественных сложностей, приспособлением местного населения к американским стандартам. Возникавшие политические партии боролись за власть, устанавливались нормы привычного для США уровня социального обеспечения, а согласно конституции 1952 г. остров был объявлен частью США, сначала без определенного статуса, как «свободно присоединившееся государство».

Что касается большинства остальных островов Вест-Индии в зоне Карибов, то они в 20–30-х гг. оставались по преимуществу колониями разных держав. Впрочем, это вовсе не означает, что на каждом из островов не шел — как и во всей остальной Океании — процесс заметных буржуазных преобразований, сводившихся как к производственным достижениям, так и к налаживанию систем образования, здравоохранения, транспортных сетей и прочих элементов современной — применительно к середине XX в. — развитой инфраструктуры.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Если попытаться подвести итог развитию Латинской Америки в первой половине XX столетия, во всяком случае до Второй мировой войны, то очень важно в качестве общего вывода обратить внимание на то, что расхожее и в определенной мере справедливое мнение о ней как о совокупности примитивных банановых республик не вполне верно. На протяжении упомянутого века на этом субконтиненте шел очень серьезный и — что намного важнее — плодотворный процесс начатых еще в XIX столетии буржуазных преобразований, укоренения медленно и с трудом приживавшихся там основ либерально-демократических стандартов и, что особенно важно, укрепления успешной политической самостоятельности. И очень важно подчеркнуть, что происходило все это вовсе не в результате революций, о которых, особенно о мексиканской, пишут много и которыми там привыкли гордиться. Нет слов, массовые протестные

движения, чем бы они ни вызывались и куда бы объективно ни вели, играли во многих случаях позитивную роль, ускоряя именно буржуазные преобразования, т.е. будучи элементом того самого важнейшего из факторов прогресса во всей мировой истории, о котором уже столь много было сказано. Но дело к великому счастью тех, кого такого рода кровавые события благополучно миновали или кого они затронули лишь слегка, совсем не в них, не в революциях. Развитие, как правило, зависело от объективных условий, включая прежде всего наличие ресурсов (нефть, металлы, селитра и гуано, лес, рыба или пампы, пригодные для интенсивного товарного скотоводства). Свою важную роль играли и природно-климатические зоны, способствующие плантационному хозяйству с производством колониальных товаров (бананов, кофе, какао, сахара, хлопка и т.п.), и экономическая активность буржуа, включая и иностранный капитал.

Об этом стоит упомянуть особо, ибо во многих изданиях, включая энциклопедии, этот важный момент — присутствие и увеличение размеров иностранного капитала — всячески охаивается и воспринимается чуть ли не как нечто очень вредное для благополучия соответствующих стран. Но ведь на деле все обстояло совершенно иначе. Природа достаточно щедро наделила латиноамериканские республики возможностями для успешного развития. Однако в условиях XX в. с его индустриальным производством в качестве основы для буржуазно-демократического процветания этого было мало. Нужно было развивать промышленность, города с их инфраструктурой, транспортные и коммуникационные связи и многое другое, необходимое для ускоренного развития, ставшего в это время нормой для передовых стран. Республики этого региона передовыми отнюдь не были. Более того, своими скромными силами, даже с учетом постоянно прибывавших мигрантов, в основном европейцев, хотя и далеко не только их, создать все это сами они просто не могли. Поистине диву даешься, когда читаешь в различных специальных трудах, обобщающих сводках или в энциклопедических словарях возмущенные сетования на то, что де иностранный капитал заполонил Латинскую Америку, так что борьба с *засилием* иностранцев была чуть ли не основной заслугой многих правителей республик, особенно из числа тех, кто отличался диктаторскими замашками (а таких в неустойчивой внутриполитической жизни региона было немало). Впрочем, про других подобных же правителей столь же часто писали — и все еще порой пишут, — что они были марионетками в руках влиятельных зарубежных буржуазных компаний.

Конечно, трудно отделаться от советско-истматовских стереотипов, абсолютно господствовавших долгие десятилетия. Но все же пора осознать, что иностранные капиталовложения были величайшим благом для всей Латинской Америки. Разумеется, их не следует рассматривать как благотворительность или подаяние нищим и несчастным. Буржуазные компании не могут позволить себе, даже если бы очень этого захотели, работать в убыток. Жесткие законы рынка этого не допускают. Поэтому любые инвестиции должны не только окупаться, но и приносить прибыль. Но, даже *набивая карманы* разным *иностранным капиталистам*, такие инвестиции — сегодня это уже понимают у нас практически все, ибо все видят, как гоняются за кредитами даже крупнейшие и богатейшие из отечественных компаний, — приносят любой стране огромную пользу. От них остаются построенные заводы и фабрики, открытые специалистами рудные и иные ресурсы и созданные для их эксплуатации предприятия, железные и шоссейные дороги. За этот счет и благодаря этому возникали и бурно росли современные города с их разветвленной инфраструктурой, включая необходимые коммунальные удобства, появлялось очень много других полезных новаций во всех отраслях жизни, вплоть до оборудования плантаций и крестьянских хозяйств необходимыми сберегающими труд механизмами, а то и машинами. Без иностранных капиталов республики Латинской Америки самостоятельно добиться всего этого не имели ни сил, ни средств, ни должного опыта. Только — или в значительной мере — с помощью иностранного капитала они обретали немалое количество новых рабочих мест, повышали производительность труда и объем своего ВВП.

Все это в свою очередь содействовало развитию необходимого количества школ, больниц и всей системы образования, здравоохранения, социального обеспечения, даже просто элементарной возможности ограничить рабочий день 8 часами или повысить нижнюю планку заработной платы. И пусть не во всех республиках и тем более колониях, включая острова Вест-Индии, развитие шло одинаковыми темпами (такого вообще обычно не бывает), важно понять, что везде оно все же шло. И не просто шло, но от поколения к поколению, а их за полвека бывает по статистике не более двух, ситуация в каждой из многочисленных латиноамериканских стран изменялась, причем, как правило, в лучшую сторону. Этому способствовало довольно многое. Кроме богатства ресурсов и притока иностранного капитала к этому стоит прибавить то немаловажное обстоятельство, что войн на континенте было не слишком много и что за редкими исключениями (вроде того, что произошло с Парагваем) они не были слишком кровопролитными.

К тому же мировые войны сколько-нибудь заметно страны Латинской Америки не потревожили. Даже напротив, косвенно способствовали ускорению темпов их экономического роста.

Латиноамериканские правители, особенно диктаторы, в стремлении укрепить свою власть и одновременно решить проблемы социальной политики (это касается прежде всего стран с развитой урбанизацией и немалым промышленным потенциалом) подчас искали выход в типичном для первой половины XX в. стремлении наладить взаимоотношения между трудом и капиталом и усилить ради этого роль государства в регулировании экономической жизни и социальных связей. Не имея других обозначивших себя и выверенных ориентиров (в развитых буржуазно-демократических странах надобности в этом не было, так как там все шло давно и постепенно, без активного вмешательства власти), они порой апеллировали к опыту Муссолини с его корпоративной системой. Не уверен, что за это стоит их забрасывать камнями и вообще как-то особо клеймить. Во-первых, потому, что фашизм как термин и понятие в те времена еще не был столь одиозным, как это случилось позже, в варианте гитлеровского нацизма (вот у него уже, как правило, никто ничего не заимствовал). А во-вторых, из-за того, что корпоративная система как таковая в латиноамериканских условиях действительно могла давать позитивный эффект, ибо была способна сгладить те противоречия, которые так любили сознательно разжигать левые и коммунистически настроенные деятели во всех странах.

Завершая предварительную оценку процессов, протекавших в первой половине XX столетия в странах Латинской Америки, которые по уровню развития и характеру взаимоотношений со странами индустриального буржуазного Запада в чем-то были близки к миру колоний и зависимых стран Востока, важно обратить внимание на то, что эта близость была не отнюдь не случайной. Напротив, она вполне естественна и закономерна. Ведь и история латиноамериканского континента, и его длительное колониальное прошлое (не следует забывать, что это не были *колонии первого типа*, как США), и даже этнорасовый состав местного населения с его цивилизационными традициями в принципе почти не отличимы от восточных. И если Латинская Америка, в чем-то опережая одни из восточных стран и в чем-то отставая от других из их числа, а также отличаясь от всех них своей принадлежностью к западному христианству, все же обычно не считается восточной, то это легко объяснить.

Главная причина в том, что и географически, и в историко-культурном плане она всегда стояла особняком. Но, если принять —

как то делается в рамках авторской концепции, — что Восток являет собой не географическое, а историко-культурное понятие, все станет с головы на ноги. Восточные страны отличались от Запада не тем, что они расположены вдали от него (Османская империя или Кордовский халифат, не говоря о северной Африке, всегда были рядом и вовсе не обязательно много восточнее Запада), а тем, какие именно структурные основы с глубокой древности определили их принципиальное отличие от западных. Если учесть в первую очередь, как то вполне логично, именно это, то все станет на свои места, особенно когда мы обратимся к процессам, протекавшим в то же время на колониальном и зависимом Востоке, и сравним их с латиноамериканскими.

Глава двадцатая. СЕВЕРНАЯ АФРИКА И БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Вторая половина и особенно конец XIX столетия сыграли решающую роль в истории всех обществ вне Запада, как принадлежащих к числу великих древних цивилизаций, так и тех, кто едва вышел за пределы первобытности. Правда, этот процесс в ряде случаев, особенно в Тропической Африке, протекал с применением насильственных методов, вплоть до войн с теми негритянскими племенами, которые с луками и копьями в руках отчаянно сопротивлялись колонизаторам, нередко теряя при этом основную часть своего мужского населения. Однако факт остается фактом: к концу XIX в. на планете практически не осталось — кроме разве что гигантской сельвы южноамериканской реки Амазонки — таких мест, куда еще не ступала бы нога европейца, вооруженного всевозможными достижениями буржуазных преобразований. Имеются в виду, естественно, не только оружие, но и все то, что вело к созданию во всех уголках мира современной инфраструктуры, включая развитую урбанизацию, транспортные сети, торговые и культурные связи, медицину, санитарию и гигиену, а также очень многое другое из великих достижений науки и техники того времени. Не лишним было бы добавить, что все упомянутые нововведения значительно, порой очень резко изменили традиционный образ жизни и — впервые со времен неолитической революции — сыграли революционную роль в очень важной для человечества норме демографического прироста. Достаточно напомнить, что, если в начале XX в. планету населяло 1,6 млрд человек, то к концу его, несмотря на колоссальные потери людей в войнах и страшных многомиллионных акций по уничтожению мирных соотечественников посредством голодомора или холокоста, их стало 6,2–6,4 млрд.

Начало XX в. и сильно встряхнувшая весь мир Первая мировая война внесли в этот в общем-то, несмотря на очевидные издержки, позитивный процесс немало нового. Во всех уголках планеты люди еще и еще раз почувствовали, сколь ощутимым стал глобальный процесс сближения стран и народов мира. Стали осознавать, насколько звучно и значимо отражается повсюду то, что давно уже происходит в Западной Европе и США, этих бесспорных центрах мирового прогресса. Разумеется, вне буржуазного Запада все то, о чем только что шла речь, выглядело иначе. И для этого были очень серьезные причины. Однако в конечном счете — и на это очень существенно обратить внимание — человечество в целом, пусть далеко не одинаковыми темами, шло в едином общем поступательном движении в одном и том же направлении. Оставив пока в стороне проблему оценки этого до сих пор еще далеко не осмысленного до конца направления, как и тесно с ним связанных перспектив, сконцентрируем внимание на тех специфических особенностях, равно как и на некоторых общих закономерностях, которые сопровождали трансформацию в первой половине XX в. — до деколонизации большей его части — незападного мира.

АРАБСКАЯ АФРИКА

Мир арабов, которые сыграли столь важную роль в истории человечества в раннем средневековье, позже застыл в развитии и заметно отстал от многих других народов. Но на смену арабам пришли турки, варвары-кочевники, которые осели сравнительно недавно, в XIII–XIV вв., на территории бывшей Византии. Уничтожив это государство, они, как известно, начали вести агрессивную политику в Восточной Европе, доходя в своих завоевательных походах до Вены. Эта энергия турок не осталась без результатов. Вчерашние варвары многое переняли у европейцев, а в XVIII–XIX столетиях, осуществив в своей стране немало важных реформ, если и не стали вровень с европейцами, жившими на востоке Европы, то во всяком случае взяли от буржуазной Европы максимум того, что сумели. Этот важный для турок итог следует постоянно держать в памяти, особенно если обратиться к сопоставлению мира арабов с Турцией в первой половине XX в.

Начнем с арабов. Завоевав северную, плодородную и благоприятную для жизни человека часть африканского континента и оказавшись тем самым в потенциально очень выгодных для успешной эволюции условиях (вспомним Карфаген), они, как было упомянуто, несколько застыли в своем развитии. Можно было бы списать это на застывший характер ислама как религии, строго обращенной в прошлое, если бы

не та же Турция, о которой только что шла речь. Правда, турки — в отличие от арабов — не были тесно связаны историей с временами обожествленного пророка Мухаммеда, что имеет значение. Но ведь был и иберийский Кордовский халифат, прославившийся, особенно в X в., своей высокой культурой и темпами эволюции, явственными на фоне отсталой еще в то время христианской Европы. Правда, свой ощутимый вклад в процветание иберийского исламского халифата внесли также и жившие в нем христиане, и мигрировавшие туда из северной Африки, где они, судя по всему, чувствовали себя неуютно, евреи. Не исключено, что это обстоятельство сыграло ощутимую роль в ускорении темпов эволюции Кордовского халифата, хотя стоит заметить, что в эти века еще процветал (хотя его процветание уже завершалось) и халифат Аббасидов с центром в Багдаде. Как бы то ни было, но Кордова в IX–XI вв. была крупным центром мировой еврейской культуры. В ней жили и работали известные еврейские мыслители, крупнейшим из которых был Маймонид (Моше Бен-Маймон, 1135–1204). Словом, Кордовский халифат с его евреями — как и Османская империя турок, основой которой были, не забудем, ассимилированные завоевателями греки-византийцы, — исторически несколько отличны от африканских арабов, столкнувшихся в тех частях южной прибрежной полосы Средиземноморья, где они осели, с отсталым негритянским или не слишком развитым местным ливийско-берберским населением. И это заслуживающее внимания обстоятельство наложило свой отпечаток на все те государства (кроме Египта), о которых теперь пойдет речь. Начнем с крайней западной части арабской Африки.

Мавритания, значительная часть территории которой приходится на пески Сахары, с древности была населена разными негритянскими оседлыми племенами и скотоводами-берберами. После завоевания ее территории арабами в VII в. здесь сложился этнос арабо-берберов, а на юге по-прежнему оставались негритянские племена. Ислам стал основной религией в стране, а затем именно здесь в X в. сложилось протогосударство Альморавидов, которое в XI в. захватило значительную часть южноафриканского побережья на западе Средиземноморья. Оно начало завоевание Кордовского халифата, завершенное в начале XII в. А в середине того же столетия Альморавидов на территории Кордовского халифата и западной части Магриба сменили Альмохады, близкие к ним кочевники из той же Мавритании. Будучи в основном кочевыми, оба эти полуварварские государства принесли неисчислимые бедствия оседлому населению как Магриба, так и Испании, разрушив множество городов и уничтожив немалую часть местного населения. В Испании, в частности,

это обстоятельство сильно помогло процессу христианской Реконкисты. С XV в. побережье Мавритании осваивалось португальцами, а в XVII–XVIII вв. здесь стали появляться торговцы из некоторых иных европейских стран, стремившиеся завладеть гуммиарабиком. Французы, прочно обосновавшиеся в XIX столетии в долине протекавшей несколько южнее р. Сенегал с ее негритянскими племенами, в середине этого века начали вторгаться на север, исследуя пустыню и сталкиваясь на побережье страны с арабскими эмиратами Мавритании. К 1920 г. они упрочились здесь настолько, что превратили страну в свою колонию. Владычество французов в Мавритании вызывало сопротивление местных воинственных кочевников и полукочевых племен. Столкновения местной колониальной администрации с арабо-берберами практически почти не прекращались вплоть до конца Второй мировой войны, когда движение сопротивления колонизаторам сменилось подготовкой к назревшему в то время процессу деколонизации (1958–1960).

Западная Сахара, небольшая часть побережья с горным кряжем и песками пустыни Сахары, расположенная к северо-западу от Мавритании, населенная в основном арабо-берберами, была с XI в. под властью Альморавидов, затем — ненадолго — Альмохадов. Но с XIII по XV в. здесь уже были местные правители, а затем португальцы и испанцы стали осваивать побережье и прилегающие к материку острова, тогда как восточная часть территории довольно долго входила в состав усилившегося соседнего Марокко. После ослабления Марокко власть попала в руки вождей местных племен, воевавших друг с другом и с рубежа XIX–XX вв. с испанцами и французами. Наибольший нажим на территорию стали оказывать испанцы, овладевшие ее северной частью уже в 1884 г. В 1912 г. Франция и Испания поделили территорию, наибольшая часть которой под наименованием «Испанская Сахара» была превращена в колонию Испании.

Марокко с 1912 г. стало протекторатом Франции (небольшая его часть на севере с Танжером и в некоторых районах юго-западной части, близ Мавритании, превратилась, по договоренности с французами, в протекторат Испании). Впрочем, и в 20–30 гг. XX в. оно продолжало, тем не менее, быть объектом спора держав. Имеются в виду притязания со стороны Германии, претендовавшей на все то же Марокко, — вспомним о «прыжке "Пантеры"». Однако умелое и успешное правление страной генералом Ю. Лиоте (1912–1925), ставшим французским верховным комиссаром при сохранении формальной власти султана, и энергичное освоение протектората французским капиталом, как и многочисленными фермерами-колонистами, дава-

ло неплохие результаты. И хотя в 1920–1926 гг. в горном районе Риф возникла так называемая Рифская республика, выступавшая против колонизаторов, но при этом управлявшаяся народным собранием и эмиром Абд аль-Керимом, это не слишком повлияло на процесс трансформации Марокко. Племена, прежде задававшие тон, уходили в прошлое, теряя свое влияние, а на передний план понемногу выходили национальная буржуазия и образованные слои общества. Они организовали добычу полезных ископаемых — фосфоритов, марганца, свинца, меди, кобальта, цинка, активно вели строительство необходимой для этого инфраструктуры, занимались рыбным промыслом, создавали товарное сельское хозяйство. В стране возникали политические партии и профсоюзы, издавались газеты. В 30-х гг. и особенно во второй их половине, с начала гражданской войны в Испании, марокканцы и, в частности, испанская часть Марокко, приняли участие в войне на стороне мятежников. Испанцы достаточно резонно призывали своих марокканцев-мусульман активно выступать против коммунистов, что находило в их протекторате определенный отклик и почти всеобщее сочувствие. Французы с их курсом на нейтралитет и невмешательство в войну в Испании проводили в этом смысле много более сдержанную политику. Но это не помешало усилению в их части Марокко движения за независимость.

Алжир, расположенный к востоку от Марокко и принимавший достаточно заметное участие в боях в годы Первой мировой войны, оказался колонией Франции намного раньше, что благотворно сказалось на процессе его эволюции. Большое количество французских переселенцев способствовали усовершенствованию сельского хозяйства с приданием ему товарного характера, а также развитию городов. Если прежде в городском населении преобладали европейцы, а также турки и евреи, то теперь, когда сложились современное буржуазное промышленное производство и соответствующая инфраструктура, там поселилось немало арабов-алжирцев. Некоторая часть их даже мигрировала во Францию, причем переводившиеся домой заработки влияли на увеличение доходов их семей, часть которых занималась предпринимательской деятельностью. Уже на рубеже XIX–XX столетий возникла влиятельная прослойка буржуа и интеллектуалов из их числа. Появлялись различного рода культурные и просветительские ассоциации, издавались газеты и журналы. Усиливалось влияние *младоалжирцев*, представленных в совещательном предпарламенте — Финансовых комиссиях, созданных в 1898 г., и в муниципалитетах. Реформы 1919 г., изменив избирательный ценз, расширили права алжирского населения. Но этот акт, сыграв определенную

позитивную роль, вызвал к жизни мощное движение за предоставление местному населению равных прав с французами и за предоставление ему тех социальных преференций, которые существовали в метрополии.

В 20–30-х гг. в стране стала развиваться промышленность, разрабатывались залежи фосфоритов, цветных и черных металлов. Появилась национальная буржуазия, чьи капиталы более всего концентрировались в сфере коммерции и услуг. Начали возникать политические партии разных направлений, включая прокоммунистические и профашистские. Борьба за независимость стала основной целью наиболее влиятельных из их числа. Стоит заметить, что к этому времени роль французской культуры, языка и вообще влияние Франции стали в Алжире настолько значимыми, что вполне могут быть сопоставлены с ролью английского влияния в Британской Индии. А приход к власти Народного фронта во Франции повлек за собой новую серию реформ, предоставивших алжирцам демократические права и свободы. После ухода фронта в политическое небытие движение сопротивления в Алжире усилилось, как и влияние в стране экстремистских группировок. С 1939 г. и особенно после оккупации Франции в 1940 г. и фактической ликвидации ее как государства и тем более метрополии с заменой их марионетками из правительства Виши и немцами Алжир превратился в поле деятельности Германии, вывозившей из страны ее ресурсы. А вскоре после этого в страну пришла война. Англо-американские войска вытеснили из Алжира немцев, а французский комитет национального освобождения во главе с Ш. де Голлем завершил дело освобождения Алжира и отсюда в августе 1944 г. переехал в Париж.

Тунис, этот наследник великого Карфагена, стал, как и Алжир, владением Франции еще в последней четверти XIX столетия. Получив в 1881 г. статус протектората и затем большое количество переселенцев из Италии, Франции и некоторых других стран Европы, что способствовало его буржуазному развитию и соответствующим преобразованиям, он стал быстро развиваться. Приток капиталов позволил наладить освоение горнорудных богатств и строительство необходимой инфраструктуры. Быстрыми темпами росла национальная буржуазия, складывалась европейски образованная местная интеллектуальная элита. Однако приспособление к изменявшимся реалиям сопровождалось заметным сопротивлением, прежде всего со стороны местных крестьян, хотя и не только их. Националисты в годы Первой мировой войны были склонны опираться на поддержку немцев, в чем они, естественно, не преуспели. *Младотунис-*

цы после войны активно отстаивали идею независимости. Возникли политические партии, прежде всего очень влиятельная *Дестур*, стоявшая за независимость и создание национального правительства, но все же готовая сотрудничать с властями. Ее позиции поддержал бей Туниса. В начале 20-х гг. французы провели в стране реформы. Возник Большой совет как совещательный орган с участием тунисцев. На рубеже 20–30-х гг. на Тунис претендовали и итальянцы.

Политические партии, группировки разного толка, издаваемые ими газеты и активное соперничество между ними стали характерны в стране в 30-х гг. Свою роль, как то было и в Алжире, сыграло французское правительство Народного фронта, предоставившего Тунису немало прав и демократических свобод. На Тунис было распространено социальное законодательство Франции. Партия Нео-Дестур, которую в 1934 г. на базе старого Дестура реорганизовал тогда уже очень известный политический деятель страны Х. Бургиба, поддерживала новации и по-прежнему была готова к сотрудничеству с французами. Но после исчезновения фронта и усиления нажима на Тунис со стороны нового французского правительства в конце 30-х гг. эта партия формально была распущена. А в начале Второй мировой войны многие политические организации страны, включая *Нео-Дестур*, были склонны ориентироваться на немцев и правительство Виши ради достижения независимости. Но англо-французский десант, высадившийся в Тунисе в 1942 г., сильно изменил положение вещей. Только амнистия 1944 г. помогла дестуровцам вновь выйти на поверхность политической жизни.

Ливия — страна древних ливийцев, родственных берберам. Ее территория уходит вглубь Сахары, где граничит с Чадом и Нигером. Ливийцы, не будучи слишком тесно связаны ни с древнеегипетским (хотя захватывали Египет, основав там в X в. до н.э. 22-ю ливийскую династию), ни с финикийско-карфагенским очагами цивилизации, долгое время оставались на уровне преимущественно кочевых племен неолита. На их территории в районе средиземноморского побережья финикийцы создавали свои колонии, которые со временем стали владением карфагенян. Чуть позже, с VII в. до н.э., там же основывались колонии греков. Все это способствовало экономическому и культурному развитию жителей средиземноморского побережья, во всяком случае тех из них, кто оседал на земле и даже пытался строить города. Следы гончарного и ткацкого производства и особенно остатки письма свидетельствуют об этом. К сожалению, присутствие много более развитых культур вело, как можно предполагать, к ассимиляции местных земледельцев. Особенно это было заметно применительно к эпохе

конца господства Рима. Нашествие все громивших вандалов сыграло свою роль. Позже здесь ощущалось влияние Византии, а затем началось арабское завоевание.

Арабы, представленные полупервобытными кочевниками-бедуинами, но несшие с собой овладевшую ими великую религиозную идею, оказались много более развитыми и сильными по сравнению с ливийскими берберами, населявшими к моменту завоевания эту территорию. Сложившийся в районе Магриба арабо-берберский этнос оказался жизнестойким и овладел почти всем побережьем Северо-Западной и Северной Африки, по крайней мере до Египта. Ливия, как и Тунис, в позднем средневековье была основной базой наводивших ужас на мореплавателей пиратов-корсаров и беззастенчиво промышляла работорговлей. С XVI в., когда весь Магриб стал частью Османской империи, здесь появилось немало турок, а с XIX в. на Ливию стали наседать европейцы.

Турецкие реформы эпохи Танзимата с их ориентацией на европейскую систему права и иными особенностями в Ливии не были восприняты консервативным местным и все еще в большей части кочевым населением, которое предпочло учение *марабутов* из ордена *сенуситов*, резко выступавших против любых новаций, как турецких, так и французских. Лишь в 1908 г. младотурки сумели оказать на Ливию некоторое влияние, проявлением которого было, в частности, участие ливийцев в выборах в османский меджлис. Но вскоре после этого, в 1911–1912 гг., на Ливию стали наступать итальянцы. *Сенуситы* ожесточенно сопротивлялись, захватив в 1915 г. Киренаику, в 1918 г. — Триполитанию. В 1922 г. оба государственных образования соединились, но это не помешало итальянцам вести активные военные действия и спустя несколько лет овладеть большей частью страны. Фашисты действовали в Ливии жестоко и сумели превратить ее в 1931 г. в свою колонию. В стране появилось 100 с лишком тысяч итальянских переселенцев, в основном фермеров, налаживавших товарное хозяйство. Но это не спасло экономику страны от тяжелого кризиса, особенно в связи с резким сокращением у кочевых племен поголовья скота. В 1939 г. Ливия формально стала частью Италии. Однако после этого протесты ливийцев и их ожесточенное сопротивление не прекращались. Мало того, в конечном счете, особенно после начала Второй мировой войны, они обрели явную форму военного выступления против фашистов, на стороне союзников. Соглашение англичан с главой *сенуситов* помогло освободить страну от итало-германских войск. Впрочем, поражение итальянцев в мировой войне не помешало сохранению в стране итальянских фермеров и город-

ской промышленной буржуазии, внесших немалый вклад в процесс очень медленно шедшего буржуазного преобразования Ливии.

Египет по многим параметрам резко отличен от всех остальных стран арабского Магриба. Опираясь на мощный фундамент многотысячелетней культуры, население страны, долгие века бывшей житницей значительной части Европы, развивалось в силу ряда важных причин наиболее заметными темпами. Среди причин, которые имеются в виду, главную роль играло влияние британской колониальной администрации, налаживавшей процесс буржуазных преобразований в стране. Став в 1914 г. протекторатом Англии, Египет принял активное участие в мировой войне. Его территория была плацдармом, с которого стартовали многие боевые операции англичан в Палестине, Сирии и Ираке. В 1918 г. появилась влиятельная партия Вафд, сотрудничавшая с англичанами, но требовавшая независимости. В 1922 г. Египет обрел желанную независимость при условии сохранения в нем английских войск и верховного комиссара. По конституции 1923 г. страна превратилась в королевство с двухпалатным парламентом и ответственным перед ним и королем кабинетом, во главе которого стояли вафдисты. Эта партия сыграла большую роль в активизации национального буржуазного предпринимательства, но с начала 30-х гг. рядом с ней появились и иные влиятельные группировки, в первую очередь *братья-мусульмане*, ориентировавшиеся на мудрость Корана (*Коран — наша конституция*). Исламский фундаментализм в лице этих *братьев* бросил открытый вызов шедшему уже многие десятилетия процессу вестернизации страны.

Мировой экономический кризис сказался на неплохо развитой египетской промышленности не очень сильно. Обострение внутриполитической борьбы, связанной с ухудшением экономического положения в результате кризиса, привело было к появлению в 1930 г. нового варианта конституции, укреплявшей власть короля и заметно ограничивавшей роль парламента. Однако под давлением протестных движений в 1935 г. король с согласия англичан восстановил конституцию 1923 г., а к власти вновь пришли вафдисты во главе с Наххас-пашой. Англо-египетский договор 1936 г. привел к выводу английских войск из Египта. Комиссар стал британским послом, а вооруженные формирования англичан сохранились лишь в зоне Суэцкого канала и, в небольшом количестве, в Каире и Александрии. Это было расценено как важная уступка англичан. В стране подняли голову активные сторонники полной независимости страны, в числе которых были братья-мусульмане, националисты и ряд профашистских группировок. На выборах 1938 г. вафдисты потерпели пораже-

ние. Дело шло к тому, что накануне и в первые годы Второй мировой войны многие в Египте были склонны поверить в то, что фашисты и нацисты готовы покровительствовать исламу и что их цель — освободить арабские народы от колонизаторов. Стоит обратить внимание на то, что в Египте высадился в 1941 г. корпус немецких войск во главе с генералом Роммелем. Это и ряд последующих событий, в том числе попытка короля создать кабинет из профашистских группировок, стали поводом для вмешательства посла Англии, который заставил короля вернуть к власти Вафд. Сражение у Эль-Аламейна явилось поворотным моментом в истории военных действий в Африке в ходе Второй мировой войны. Разгром немецких войск Роммеля привел к полному освобождению Египта. В 1945 г. в Египте при содействии англичан была создана Арабская лига.

Судан, формально остававшийся англо-египетским кондоминиумом, был по-прежнему сравнительно отсталой страной. Усилиями англичан здесь была постепенно установлена достаточно эффективная администрация, осуществлялись проекты (плотины, водохранилища, железные дороги), способствовавшие развитию хозяйства, в первую очередь хлопководства и скотоводства. Необходимо напомнить, что значительную часть государства составляли — и составляют — территории, населенные негритянскими племенами и к арабской Африке прямого отношения не имеющие. В первую очередь это относится к Дарфуру, связанного в юго-западной части Судана и имевшему в рассматриваемое время зафиксированную автономию. Попытка султана Дарфура, имевшего связи с ливийским орденом сенуситов и с Киренаикой (откуда он получал оружие), объявить в 1915 г. свой султанат независимым государством, привела к столкновению с англо-египетским войском, восстановившим статус кво.

Судан очень медленно, но все же шел вперед, понемногу осваивая с помощью и при усиленном воздействии со стороны англичан основы буржуазного предпринимательства. В стране появлялись и развивались города и морские порты. Не вмешиваясь в политические споры о том, следует стремиться к единству долины Нила или, напротив, отстаивать лозунг *Судан для суданцев*, власти в 20-х гг. стремились способствовать развитию страны, создавая условия для появления общественных ассоциаций и политических партий, для издания газет или журналов. Египет играл сравнительно малую роль в развитии событий в Судане, что, похоже, не устраивало египтян. Но после убийства в 1924 г. в Египте генерал-губернатора Судана Ли Стэка — возможно, связанного именно с такой политикой — англичане приняли меры для еще большего ограничения присутствия и влияния

египтян. Впрочем, это решение имело и свою оборотную сторону, весьма нежелательную для англичан. В условиях продолжавшегося в Судане существования множества религиозных сект и братств и неподготовленности местного населения — в отличие от египтян — к трансформации было очень нелегко создать на местах стабильную систему, которая благоприятствовала бы активной поддержке необходимой для развития страны политики буржуазных преобразований. Будучи вынужденными оставлять власть в руках местных племенных вождей или глав религиозных сект и братств, англичане тем самым способствовали консервации отсталости, не говоря уже о некоторой потере управляемости страной. А возникновение фактически оторванных друг от друга провинций — Дарфур, Кордофан и др. — стало прямой угрозой единству Судана.

Поэтому после ряда попыток сдвинуть положение дел с мертвой точки за счет интенсификации предпринимательства и торговых связей в центре страны англичане в 1936 г. вернулись к привлечению египтян в участии в развитии Судана. Режим кондоминиума был восстановлен, а приток египтян стал успешно содействовать ускорению темпов развития. Сеть учебных заведений и роль ассоциации выпускников аналогичных заведений вне Судана становились все более значительными. Вторжение Италии в 1940 г. в соседнюю с Суданом Эритрею вызвало столкновения с суданцами, что прочно определило позиции страны во Второй мировой войне. В Судане начали строиться аэродромы, военные базы, ремонтные мастерские. Встал вопрос о формах участия суданцев в управлении своей страной, который решался далеко не просто и не слишком быстро.

Завершая очерк состояния дел и событий в арабской Африке, важно обратить внимание на то, что, хотя все государства, о которых шла речь, были колониями, это обстоятельство не препятствовало их развитию. Напротив, чаще всего оно — за исключением разве что Ливии (да и то с оговорками, касающимися роли колонистов в этой стране), которая была колонизована поздно и в условиях военных действий против мирного населения, — способствовало ему. Не везде это было одинаково заметно. Многое зависело от исходного уровня и от специфических особенностей ситуации, как в той же Ливии и в Судане с их орденами-братствами и сектами. Впрочем, аналогичные секты и племенная структура полукочевых окраин давали знать о себе и в других государствах Магриба. И вообще Магриб как таковой никогда не был чем-то единым и одинаковым, при всем том, что в главном у него была общая судьба, сводившаяся к арабизации и исламизации северной Африки. То и другое стало фунда-

ментом, который определил цивилизационные основы всего региона. Но эта же основа была характерной для всего Ближнего Востока. И при всем том буржуазные преобразования в разных странах шли различно. Передовым был Египет, а вот Мавритания, Ливия и Судан — если говорить только о Магрибе — отставали от остальных, причем их отставание было весьма заметным.

АРАБСКИЕ СТРАНЫ АЗИИ

Эта группа стран в принципе не слишком отлична от первой. Здесь тоже были свои лидеры и вместе с тем немало сильно отставших. Но как судьба, так и статус стран, входивших в эту группу, довольно заметно отличались от магрибинских. Обратим на все это должное внимание, особенно имея в виду тот показательный факт, что еще в 1905 г. сириец Н. Азури опубликовал в Париже манифест, смысл которого сводился к призыву ко всем арабам Азии объединиться в единое государство, без Османской империи и магрибинских арабов. При этом имелась в виду прогрессивная роль Запада, чья помощь будет активно содействовать процветанию проектируемого государства. И в такого рода призыве был немалый смысл, так как судьба магрибинских арабов была в то время намного предпочтительнее. Ведь они, имея дело с *гуманными просвещенными нациями* (формула из манифеста) практически не испытывали гнета османских турок. И хотя в Аравии власть турецких пашей была намного слабее, а влияние европейцев, особенно англичан, вполне заметным, обстановка здесь характеризовалась отсталостью большей части местного населения. Кроме разве что Сирии или Ирака оно в основном было традиционно представлено бедуинами. Отсталость кочевых и полукочевых племен в реальности оборачивалась суровой жесткостью первозданного ислама, возврат к истинным нормам которого давно уже стал принципом ваххабитов и созданного ими вначале еще очень слабого королевства Саудидов, стремившегося задавать тон в Аравии. Так что жившему в Париже сирийскому эмигранту, размышлявшему о будущем азиатских или *машрикских* (восточных) арабов, было над чем задуматься.

Сирия, не имеющая выхода к морю, и примыкающий к ней **Ливан** оказались после Первой мировой войны, о чем упоминалось, подмандатными территориями Франции. Выбор был не случайным. Санкционировавшая мандат Лига Наций руководствовалась тем, что влияние французов было здесь давним и первостепенным. И хотя спор с Англией и с хашимитским эмиром Фейсалом, который

вместе с Лоуренсом Аравийским активно участвовал в войне на стороне Антанты и мечтал возглавить машрикских арабов после войны, не сразу склонил чашу весов в пользу Франции, в конце концов эта чаша склонилась. Фейсал после не очень долгого сопротивления был удален из Сирии и Ливана. Затем французы, создавшие в 1920 г. свой центр администрации (Великий Ливан) во главе с верховным комиссаром в ливанском Бейруте, укрепили свои позиции. Их опорой стали как местные арабские шейхи, так и христиане-марониты. На их стороне были и заинтересованные в торговле влиятельные этнические общины армян, сирийцев, греков, турок, евреев, даже черкесов и айсоров-ассирийцев. В Сирии, которая была захвачена не сразу, так как этому препятствовали повстанцы, в том же 1920 г. были созданы провинции (некоторые считались полусамостоятельными государственными образованиями), возглавлявшиеся губернаторами, которые сосуществовали с местными арабскими властями. Управление в сфере экономики и финансов на первых порах осуществлялось французами через банк Сирии и Ливана.

В 1926 г. после ряда серьезных восстаний французы сочли за благо создать в Сирии и Ливане правительства, причем Сирия осталась под властью шейха, а более передовой Ливан стал республикой и обрел свою конституцию, в соответствии с которой там появились двухпалатный парламент и кабинет министров. В 1928 г. в Сирии было созвано Учредительное собрание, но предложенный им текст конституции с утверждением независимости страны был отвергнут верховным комиссаром, который в 1930 г. распустил собрание и издал свой вариант конституции. А когда депутаты парламента в обстановке острой политической борьбы ряда партий оказались слишком строптивыми, французские власти распустили парламент и на время отменили конституцию, заменив ее в 1934 г. новой, согласно которой президент Сирии назначался верховным комиссаром. Впрочем, это не нормализовало политическую обстановку в стране. В конце 1936 г. французское правительство Народного фронта заключило с Сирией и Ливаном договоры, которые предусматривали ликвидацию мандатного режима в течение трех лет. Состоялись выборы в новый парламент, причем президентом Сирии стал глава национального блока ряда партий Х. аль-Атаси. Однако после падения правительства фронта французский парламент отказался ратифицировать договоры 1936 г.

В 1939 г. вследствие обострившихся противоречий и протестов, которые возникли в связи с этим и с передачей Турции Александреттского санджака, где 40% населения были турками, правительства как Сирии, так и Ливана демонстративно подали в отставку. В ответ

на это французы распустили оба парламента и отменили конституции. Вся власть вновь оказалась в руках верховного комиссара. В сентябре 1939 г., вскоре после начала Второй мировой войны, в обеих странах был введен жесткий режим. А при правительстве Виши вновь начались массовые движения, на сей раз все чаще принимавшие облик голодных бунтов. Вишисты были вынуждены пустить в эти владения Франции войска Германии. Но уже летом 1941 г. Сирия и Ливан были заняты войсками Англии и «Свободной Франции» генерала де Голля. В обеих странах был восстановлен конституционный режим, а с рубежа 1943–1944 г. они обрели желанную независимость.

Палестина и **Трансиордания** по сравнению с Сирией и Ливаном были отсталыми частями Османской империи, населенными к тому же — особенно это касалось земли за Иорданом — в основном кочевниками во главе с их шейхами. В годы войны эти территории стали ареной серьезных военных действий, победу в которых одержали, как упоминалось, Лоуренс и Фейсал. После войны Трансиордания была отделена от до того очень тесно связанной с ней Палестины и стала подмандатной территорией Англии. А во главе эмирата оказался брат Фейсала Абдаллах. Он крепко взялся за управление и сумел создать сильную армию — Арабский легион, командовать которым стал англичанин Д. Глабб. Конституция 1928 г. подчеркивала власть эмира, но создавала Законодательный совет и правительство. А англичане, взяв в свои руки экономику страны, прокладывали дороги, строили нефтепровод и не стеснялись использовать Арабский легион для укрепления своих позиций, против чего Абдаллах не возражал.

События в Палестине были менее масштабны, но много более драматичны. Обретя мандат на управление этой небольшой, но крайне значимой частью Средиземноморья, расположенной к тому же рядом с Суэцким каналом, Англия стала активно содействовать созданию здесь национального очага для евреев, имевших немало оснований считать эти места своей прародиной. Понятно, что противоречия между новопоселенцами из числа евреев, скупавших земли у местных арабских крестьян, и арабами, считавшими Палестину своей, которые возникли еще в XIX столетии, разрастались с новой силой. Именно в это время на невзрачной скалистой земле усилиями многих переселенцев закладывались основы для будущего расцвета знаменитых израильских кибуцев, этих форпостов благосостояния современных их обитателей. Но процесс освоения земли, равно как и строительство промышленных предприятий, вызывали острое недовольство у палестинских арабов, которые были не в состоянии соперничать с евреями в благоустройстве родных им прежде территорий. Созданный ими

Арабский палестинский конгресс в 20–30-х гг. оказывал постоянный нажим на британские власти, которые оказались в сложном положении и были вынуждены лавировать между двумя непримиримыми силами. Практически в их задачу входило ограничение иммиграции и защита мигрантов от массового недовольства палестинских арабов, на помощь которым в случае драматических столкновений сразу же приходили арабы из соседних стран, вплоть до Сирии и Египта, как то было в 1929 г. возле иерусалимской Стены Плача.

Показательно, что обе враждующие стороны были равно недовольны непоследовательностью английских властей, что в общем-то является убедительным свидетельством разумности политики англичан. Другое дело, что у этой политики не было убедительной перспективы. События 1936–1939 гг. были уже чем-то вроде перманентной гражданской войны, пусть далеко не всегда с оружием в руках. Но массовость арабского нажима не приносила ожидаемых плодов. Евреи крепко держались за обретенные ими земли и не намеревались отступать. А антисемитская политика немецких нацистов заставляла все вовлеченные в конфликт стороны принять какое-то серьезное решение. Это решение постепенно вызревало и принимало форму раздела территории. Ожидая его, обе стороны стремились обозначить свое. При этом энергия еврейских поселенцев диктовалась, помимо прочего, еще и безвыходностью. Если у арабов вокруг Палестины было много иной занятой именно ими земли, то у евреев ее не было. И хотя в «Белой книге» англичан, опубликованной в 1939 г., говорилось о создании в перспективе ближайшего десятилетия некоего совместного арабо-еврейского государства, ни одну из сторон это не устраивало. Вторая мировая война переключила активность Англии в иную сторону, а обстановка тем временем накалялась, ибо многочисленные бежавшие от нацистов евреи устремлялись, несмотря на запрет, в Палестину.

Ирак, в котором в годы Первой мировой войны шли упорные бои, был захвачен англичанами лишь в 1917 г., а после войны стал подмандатной территорией Британии. Возглавлял администрацию здесь, как и в иных соседних арабских подмандатных государствах, верховный комиссар. Тяжелые голодные послевоенные годы нелегко дались местному населению. Сложно обстояло дело и с введением новых буржуазных порядков, в том числе в связи с проблемами частной собственности, особенно на землю. Но колониальная политика англичан постепенно делала свое дело. В Ираке был проведен ряд важных реформ, что способствовало росту национального самосознания и политической активности. Требование независимости

страны, которое порой сопровождалось массовыми движениями и даже восстаниями, вышло на передний план. Англичане вынуждены были пойти ему навстречу. В 1920 г. были созданы высшие органы местной власти, а в 1921 г. Государственный совет избрал королем Ирака Фейсала, союзника англичан. Была создана иракская национальная армия, в которой наряду с арабами немалую роль играли представители курдов и иных меньшинств. В 1924 г. начало работу Учредительное собрание, узаконившее англо-иракский договор и конституцию страны, которая тем самым обрела двухпалатный парламент и подотчетное королю правительство. В 1926 г. в итоге нелегких переговоров с Турцией за Ираком был закреплен также и богатый нефтью Мосульский вилайет.

Укрепив свои позиции в стране, англичане с легкой душой отказались в 1930 г. от своего мандата и способствовали вступлению Ирака в Лигу Наций. Британия и Ирак заключили новый договор, который вызвал в стране неоднозначную реакцию и на долгое время стал объектом весьма серьезных внутриполитических раздоров между возникавшими в стране партиями. Это, равно как и национальные притязания курдов и конфессиональные споры причастных к власти суннитов и обойденных ею шиитов (а их было около 60% от общей численности населения), создавали ситуацию внутренней нестабильности. Впрочем, это немаловажное обстоятельство не очень мешало экономическому развитию страны и реализации начатой в середине 30-х гг. большой серии реформ, которые активно способствовали буржуазным преобразованиям, в основном в сфере нефтедобычи и всей связанной с этим инфраструктуры. Но реформы, как и стоявшие за ними англичане, встречали сопротивление. Правда, на рубеже 30–40-х гг., когда уже началась Вторая мировая война, Ирак выступил против Германии, порвав с ней дипломатические отношения. Однако противники англичан в армии поддерживали связи с нацистами, рассчитывая на их содействие. Не очень надеясь на помощь, эти офицеры в апреле 1941 г. совершили антианглийский государственный переворот, что привело через два–три месяца к оккупации страны британскими войсками и в начале 1943 г. к объявлению Ираком войны Германии.

Аравия, в которой после Первой мировой войны началось ожесточенное соперничество Хашимитов и Саудидов за власть над основной частью пустынного полуострова, состояла в это время из нескольких небольших государственных и протогосударственных образований. Борьба эмира Неджда Сауда с королем Хусейном, отцом Фейсала и Абдаллаха, владевшим Хиджазом с Меккой и Мединой, привела в 1924 г. к победе Сауда, который провел ряд реформ,

направленных на укрепление его власти. В 1932 г. он стал королем **Саудовской Аравии** и, несмотря на склонность ваххабитов к порядкам раннего средневековья, оказался не чужд техническим новациям, приходившим в страну с буржуазного Запада. И телефон, и автомобили, и радио, и газеты с его легкой руки прижились в этой стране, что дало старт и иным необходимым буржуазным преобразованиям, столь ощутимым ныне в этой не утратившей чистоты первозданного ислама, но тем не менее развитой и очень богатой стране. Доходы от паломников и особенно от нефти с конца 30-х гг. содействовали популярности короля, обычно не жалевшего средств на благотворительность (это одна из заповедей Корана, провозглашенного конституцией страны). Контракт с американской нефтяной компанией АРАМКО стал с тех пор основой богатства страны.

Йемен, расположенный на крайнем юге Аравии, с древности был одним из очагов цивилизации. Но история в этой стране как бы застыла, так что и в XX в. она оставалась на уровне, весьма близком к глубокой древности. Основа населения ее — кочевники-бедуины с их племенными вождями. А в немногих городах страны местное население промышляло нехитрыми ремеслами и торговлей. Стратегически важный пункт, мыс Аден, был с 1839 г. владением англичан, причем губернатор Адена имел обыкновение вмешиваться в дела Йемена. В 1918–1928 гг. это вмешательство было особенно заметным. В 1934 г. англичане способствовали сохранению независимости Йемена, когда на него напала Саудовская Аравия, а англо-йеменский договор 1934 г. еще более усилил их влияние. Имам Яхья, вынужденный тесниться между наседавшей на его страну с севера Саудовской Аравией и укрепившимися в Адене англичанами, попытался было использовать поддержку Муссолини, который 20–30-х гг. очень интенсивно искал любые пустоты в неевропейском мире, дабы обзавестись там колониями либо зависимыми странами и создать нечто вроде колониальной империи. Однако от итальянцев Яхья поддержки так и не получил (как ничего не добились и они), что, впрочем, не помешало ему сохранить на севере страны те архаичные порядки, которые мало изменились за долгие тысячелетия.

Имамат **Оман**, расположенный на востоке полуострова, в 1919 г. сблизился с султанатом Маскат. Имамат был небольшим теократическим государством хариджитов-ибадитов, а Маскат, как известно, издревле промышлял торговлей. Сосуществование соединившихся по условиям договора 1920 г. обоих государственных образований, которые развивались и богатели в 30-х гг. в связи с открытием нефтяных промыслов в районе Персидского залива, зависело от англичан. Они

в конечном счете, сделав свой выбор, предпочли более основательно поддержать султана, оказав ему немалую материальную поддержку. Влияние англичан, владельцев нефтяной компании, было бесспорным и в расположенном чуть севернее **Договорном Омане** (ныне ОАЭ, т.е. Объединенные арабские эмираты — Абу-Даби, Дубай и др.). Примерно то же самое следует сказать и о **Катаре** или **Бахрейне**. Стоит обратить внимание на то, что еще задолго до открытия нефтяных промыслов район Персидского залива — как и йеменский Аден — были очень важными стратегическими пунктами Британской империи.

Кувейт, находящийся на севере Персидского залива и граничащий здесь с Ираком, издревле славился своими ловцами жемчужных раковин. На рубеже XIX–XX вв. он оказался в центре международных конфликтов в связи с железнодорожным строительством. С 1914 г. стал британским протекторатом, а с 1934 г. — одним из мест активной добычи нефти британской компанией.

ТУРЦИЯ, ИРАН, АФГАНИСТАН

Эти государства ближневосточного региона не имеют прямого отношения к миру арабов, хотя и являются странами, исторически тесно связанными — как и весь регион (хотя и не только он) — с исламом. При всем том это вполне самостоятельные страны, порой и воевавшие друг с другом. Наибольшего внимания заслуживают Турция и Иран, особенно **Турция**, в которой в 20–30-х гг. происходили крайне важные события

В 1922 г. Великое национальное собрание Турции ликвидировало султанат (в 1924 г. и халифат), с 1923 г. бывшая империя стала республикой, а Кемаль ее президентом. Последовали не обычные в таких случаях важные реформы, а радикальные, поистине революционные преобразования, занявшие около 10 лет. Возникла правящая народно-республиканская партия (НРП). По конституции 1924 г. в стране создавались однопалатный меджлис, из депутатов которого президент назначал премьера, и муниципалитеты в округах-вилайетах. Конституция не только декларировала буржуазные права и свободы, предоставив избирательное право всем, с 1930 г. и женщинам, но и строго настаивала на секуляризации всего образа жизни народа, привыкшего к нормам патриархального ислама. **Религия отделялась от государства и школы. Медресе и вакуфы национализировались, вместо шариата возник европейский суд с публичным состязанием сторон. Все население было обязано сменить привычную мусульманскую одежду на европейскую, принять новый календарь и летосчисление,**

смириться с ликвидацией многоженства, перестать употреблять прежние формы обращения (бей, паша, эфенди и др.) и взять по европейскому стандарту фамилии (особым решением парламента Кемалю было присвоена фамилия Ататюрк, «отец турок», с запретом носить ее еще кому-либо). Арабский алфавит был заменен латинским. Ни в одном из исламских государств никогда не было ничего подобного — и, похоже, уже не будет.

Наряду с этими решительными переменами, затрагивавшими каждого в новой Турции, государство взяло на себя патронажные функции в сфере экономики, что было столь характерным для очень многих западных стран того времени. Суть сводилась к активизации частного предпринимательства граждан и их ассоциаций, к системе протекционизма и преференций, отмене привычных льгот западному капиталу и к верховному контролю государства буквально надо всем. Оно взяло на себя финансы (все банки долго оставались государственными) с правом эмиссии, строительство железных дорог и портов, важнейших промышленных предприятий. В системе аграрных отношений были отменены нормы исламского права и созданы условия для повышения товарности хозяйства крестьян. Все эти преобразования производились сверху, с соблюдением жестких правил, при отсутствии оппозиционных политических партий и свободных профсоюзов, которых в стране еще не было (появились государственные профсоюзы) и возникновение которых нарочито тормозилось. Легко осудить Кемаля за строгость его норм. Иногда пытаются — и не без оснований — сравнивать их с авторитарными тенденциями, свойственными корпоративной системе и даже способными вести к тоталитаризму. И если формальное сходство здесь действительно есть, даже буквально бьет в глаза, то с сутью дела все обстоит иначе. Говорить о корпоративной системе фашистского типа или даже близкой к ней, типа испанской фаланги, можно лишь тогда, когда подобная система приводит к агрессивной и жесткой диктатуре вождя. Короче, так можно считать, только если мало известно о результатах. Или когда эти результаты действительно четко направлены в сторону роста авторитарной власти партии *нового типа*.

Но в случае с Кемалем все было не так. А решительность и жесткость его реформ были обусловлены необходимостью сломать жесткость ислама, с чем Кемаль успешно справился. За полтора десятилетия реформ Кемаля, умершего в 1938 г., Турция сделала невиданный для мира ислама шаг вперед, к западному буржуазно-демократическому стандарту. **Именно к западному, либерально-буржуазному, со всеми свойственными ему свободами, правами**

и институтами. Преемник Кемаля И. Иненю (с 1938 г.) продолжал его политику, сделав особый упор на ускоренную буржуазную индустриализацию страны. И снова результаты были очень заметными. Стоит особо оговориться, что сознательная этатизация всей системы жизни общества не имела — как то было в тоталитарных странах того времени — ни правой, ни левой идеологической подоплеки. А управлявшая страной партийно-государственная бюрократия оказалась не зараженной коррупцией, но напротив, старательно делала свое дело. Словом, кемалистский этатизм оказался для страны благом. Не для беззастенчивой эксплуатации миллионов тружеников, не ради успешной милитаризации, но только для процветания страны и реального, а не на словах, улучшения жизни ее населения.

Такая форма власти оказалась оптимальной и в международных делах. Согласно конвенции 1936 г. в Монтрё ограничивалось право нечерноморских государств вводить свои военные корабли в Черное море через проливы. Хуже обстояло дело с национальными меньшинствами. Боровшихся за независимость курдов в конце 20-х гг. без церемоний притесняли и перемещали к восточной границе страны. Выселяли и греков, обменивая их на живших в Греции турок. Вообще ассимиляция оставшихся в стране иноплеменников, будь то греки, армяне, евреи или кто-либо иной, была если и не нормой, то зримой реальностью. Зато в сфере внутренней политики ощущался явственный курс на демократизацию системы власти. При Кемале этот процесс еще не был заметен. Накануне Второй мировой войны Турция оказалась на распутье. Ее традиционные связи с Англией и Францией стали перекрываться партнерством с Германией. А связи с СССР после 1941 г. ослабли, будучи потеснены распространявшимися идеями пантюркизма. Впрочем, это не помешало тому, что в начале 1945 г. Турция объявила войну Германии. А сразу же после войны новая серия реформ привела Турцию к парламентарной многопартийной системе, к возрождению независимых профсоюзов и т. п.

Иран с самого начала Первой мировой войны был лишен возможности выбирать внешнеполитическую позицию. Южная часть страны была занята англо-индийскими войсками, а северная русскими. Здесь вскоре возник один из фронтов войны, причем основным противником были турки, о чем уже упоминалось. Стоит добавить, что националисты в местном правительстве, которые не скрывали своей прогерманской ориентации (страна была полна немецкими агентами), в 1916 г. бежали в занятый турками Керманшах, а затем в Багдад. В марте 1918 г. по условиям Брест-Литовского договора русские войска были выведены из Ирана. Их место заняли англича-

не. Англо-иранский договор, заключенный в августе 1919 г., превратил Иран в британский протекторат. Но страна в это время бурлила, во многом под влиянием событий в России, пока новое правительство страны с его сильным военным министром Реза-ханом не навело порядок. Договор с Россией, заключенный в 1921 г., предусматривал ее право вмешаться в события в Иране в случае, если безопасность ее будет под угрозой. В 1925 г. Реза-хан, обретший огромную власть в стране, заставил меджлис низложить династию Каджаров, а созванное вслед за этим Учредительное собрание провозгласило его новым шахом. Основав династию Пехлеви, Реза-шах пошел было по пути Кемаля Ататюрка, проведя в стране важные реформы в сфере аграрных отношений, финансов, судебной системы. Был создан Национальный банк. Государством строились промышленные предприятия и железные дороги, оно закрепило за собой монополию на внешнюю торговлю и даже пыталось пересмотреть условия работы Англо-иранской нефтяной компании, доход от деятельности которой во многом содействовал успеху реформ. Появились светские школы и университет, были отменены прежние титулы и звания, введены фамилии. Вместо прежнего наименования (Персия) страна с 1934 г. официально стала именоваться Ираном.

Но, отмечая все это и обращая внимание на быстрый рост буржуазного предпринимательства, на появление в стране существенной прослойки европейски образованных интеллектуалов, нельзя не отметить и крайне важных отличий деятельности Реза-шаха от того, что было создано Кемалем. Турецкие революционные преобразования базировались на фундаменте буржуазно-демократических прав и свобод. В отличие от великого турка иранский шах не желал и не мог сделать этого. Он был по натуре деспотом с явными параноидальными симптомами, причем с возрастом его деспотизм и паранойя становились все более страшными, что проявлялось в увеличении числа многочисленных репрессий, в казнях не только врагов, но и бывших друзей. В конце 30-х гг. симпатии шаха все более склонялись в сторону нацистской Германии, а Иран снова сделался землей обетованной не только для немецких торговцев и промышленников, но и для обильной агентуры. В августе 1941 г. СССР, апеллируя к упомянутой статье мирного договора 1921 г., ввел свои войска в северный Иран, а южную часть его заняли англичане. В сентябре Реза-шах был вынужден отречься от престола в пользу сына Мухаммеда, последнего из иранских шахов.

Афганистан, эта горная страна с очень отсталой экономикой и не очень развитыми социально-политическими отношениями, в годы

Первой мировой войны был наводнен турками и немецкими агентами, которые стремились побудить эмира Хабибуллу выступить против России. Обеспокоенные этим англичане воздействовали на эмира, не решившегося склониться в сторону Германии. В 1919 г. новый правитель страны Аманулла-хан заключил договор с Россией и признал одним из первых власть большевиков. В 1921 г. он же заключил англо-афганский договор, признававший независимость его страны. Это был немаловажный успех афганцев, результатом которого стала конституция 1923 г., провозгласившая буржуазно-демократические свободы при сохранении ислама в качестве государственной религии и суда шариата. Как рабство, так и разного рода поборы и повинности были отменены. Были учреждены Государственный совет и провинциальные советы, появился кабинет министров во главе с эмиром. Аграрные отношения в стране стали регулироваться новым законом, предусматривавшим частную собственность на землю, отменялись внутренние таможенные сборы, начали строиться промышленные предприятия, создавались школы и училища.

Недовольство реформами, менявшими привычный уклад жизни, возглавили религиозные деятели. И когда Аманулла после длительной поездки по Европе в 1927–1928 гг. вернулся с планами новых реформ, судебных, семейных, военных и административных, включая создание парламента с избираемыми депутатами, началось открытое возмущение, подогревавшееся муллами. В 1929 г. эмира вынудили покинуть Кабул, а сменивший его Надир-хан принял 1931 г. новую конституцию, узаконившую существование двухпалатного парламента с совещательными полномочиями и правительства, которое создавал и распускал сам эмир или — как теперь стали его именовать — шах. И хотя конституция не препятствовала буржуазному предпринимательству, она не слишком ему содействовала. Возник весьма умеренный режим, в рамках которого оказалось место и для национального банка, и для разных акционерных обществ. Но политическая жизнь была поставлена под строгий контроль. Это породило недовольство, и в 1933 г. шах был убит. Его сын Закир-шах более энергично содействовал экономическому развитию страны, но частное предпринимательство так и не обрело подходящих условий для ускоренной эволюции. В 1936 г. нацистская Германия вновь стала проявлять интерес к Афганистану, но в 1939 г. страна объявила о своем нейтралитете.

Вторая мировая война хотя и не затронула Афганистан, но, разумеется, не способствовала развитию этой далекой от международных торговых путей страны, практически мало связанной с со-

временными достижениями. Как то хорошо известно, Афганистан долго еще и после этой войны оставался одной из наиболее слабо развитых стран региона, хотя и не был при этом ничьей колонией.

СПЕЦИФИКА ЭВОЛЮЦИИ БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ СТРАН

Мир ислама (а ислам — это главное, что объединяет все рассмотренные в главе страны, населенные в основном арабами, тюрками и персами), будучи весьма жесткой и крайне нетолерантной религией, скорее даже образом жизни, с одной стороны отличается явной общностью религиозно-цивилизационных ценностей и историко-культурных традиций, а с другой — очень неоднороден, чтобы не сказать до предела разнообразен. Впереди других были Османская империя, старательно проводившая реформы, дабы сблизиться с западным буржуазно-демократическим стандартом, и Египет, где все с успехом делалось английскими колонизаторами. Можно с оговорками прибавить к ним Ливан. Но рядом с ними населенные полупервобытными бедуинами крайне отсталые арабские эмираты, еще не успевшие вкусить сладость нефтедолларов, и близкий к той же полупервобытности отдаленный от остального мира горный Афганистан. Посреди — колонизованные страны Магриба, особенно густо населенный европейскими мигрантами Алжир, отчасти также Тунис и Марокко, а также древний и гордый, но сильно поотставший Иран, с трудом пытавшийся с помощью тех же англичан, но в какой-то мере и под влиянием русских воспринять буржуазно-демократические нормы жизни, включая и муниципальную автономию.

Стоит сразу же обратить внимание на то, что в странах ближневосточно-исламского мира, как правило (реформы Кемаля — то самое исключение, которое подтверждает правило[1]), не встречалось попыток следовать принципам чего-то вроде корпоративной системы. Даже в завоеванной итальянцами Ливии (правда, это было

[1] Реформы в кемалистской Турции были, как упоминалось, в чем-то близки итало-фашистскому корпоративизму. Но с таким же основанием их можно считать близкими и к скандинавской социальной политике. Разве что методы Кемаля имели мало общего с западноскандинавской моделью, что обусловливалось, о чем упоминалось, необходимостью с упорством преодолевать отсталые традиции ислама. Учитывая сказанное, несправедливо было бы без серьезных оговорок говорить о кемалистской Турции в том же ключе, как то происходит применительно к странам, которые были перед Второй мировой войной заражены бациллой фашизма. А это иногда делается.

уже довольно поздно, в 30-х гг., да при непрекращающемся сопротивлении ливийцев) этой системы не было. И не только потому, что в буржуазно-индустриальном плане страны ближневосточного региона были еще слабо развитыми. В сравнительно развитом Египте тоже ничего подобного не было, ибо длительное колониальное влияние англичан с их постепенным, но неуклонным внедрением во всех подчиненных им восточных странах буржуазно-демократических норм в этом не нуждалось. А вообще-то ларчик, как говорится, просто открывался. Все дело в том, что в исламе как чрезвычайно жесткой доктрине, всегда обязательной для повседневного применения всеми и везде, существуют свои привычные нормы социальной взаимопомощи и благотворительности (закят, барака, вакуфные земли), которые практически ослабляют, если даже не снимают возможные конфликты между имущими и малоимущими либо неимущими. Считается нормальной и даже необходимой благотворительность. А если при этом учесть отсталость большинства исламских стран, в первой половине XX в. почти еще не знакомых со сколько-нибудь развитой индустриальной экономикой и связанным с ней современным буржуазным урбанизмом (древние торговые города не в счет), и привычное нежелание воспринимать чужой неисламский опыт, то многое станет ясным. Итало-фашистские, как, впрочем, и советско-коммунистические тоталитарно-корпоративные новации мусульманам были чужды и не нужны. Тем более это относится к скандинавским стандартам. Только медленное внедрение новаций здесь могло иметь успех, да и то лишь при особых обстоятельствах. Вообще проблема трансформации именно арабо-исламской цивилизации очень не проста и очень во многом отлична от трансформации всех прочих великих цивилизаций.

Глава двадцать первая. ИНДИЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Территории Азии, расположенные к востоку и юго-востоку от мира ислама, т.е. от арабов, тюрок и персов, в основном населены народами, которые принадлежат к индо-буддийской цивилизации. И хотя она и связанные с ней древние религии здесь не абсолютно преобладают, ибо встречаются и другие, в том числе исламские и даже христианизованные страны, в общем и целом это уже совсем другой мир. Почти все его страны — за исключением разве что Сиама и, пусть с оговорками, Филиппин — были в 20–30-х гг. XX в. колониями. Этому не стоит удивляться, если вспомнить, что регион был источником пряностей,

с поиска путей к обладанию которыми начались как Великие географические открытия, положившие начало новой эпохе в истории контактов между разными континентами, так и колониализм предбуржуазной эпохи. Результат колониальной активности того времени обрел свое выражение в том, что превращенные в колонии страны индобуддийского региона (включая исламскую часть Юго-Восточной Азии и Вьетнам с его явным тяготением к дальневосточным странам конфуцианской цивилизации) оказались прочно принадлежащими державам, которые проявляли наибольшую активность на начальной стадии колонизации. Речь прежде всего об Англии, Голландии и Франции. Лишь Португалия была довольно рано вытеснена из их числа, хотя отдельные колониальные анклавы оставались ее владением. Кое-какие территории, прежде всего Филиппины, оказались и во владении иных государств.

БРИТАНСКАЯ ИНДИЯ

Британская колониальная империя, центром которой была Индия, в период 20–30-х гг. XX в. и в первые годы после Второй мировой войны если еще и не агонизировала (до этого умные и в общем-то демократически настроенные и свободолюбивые англичане не дошли), то во всяком случае быстрыми шагами шла к своему концу, что, впрочем, отнюдь не было трагедией. О том, как это (деколонизация) выглядело со всеми британскими доминионами, уже было сказано. Теперь несколько слов о колониях иного типа, составлявших в 20–30-х гг. наибольшую часть региона, о котором пойдет речь. Подлинным центром и духовной основой этой части планеты задолго до появления там европейцев — как и ислама — по праву следует считать Индию, родину тех религий и той великой восточной цивилизации, которые преобладают в этом регионе. Но что характерно: Индия никогда, во всяком случае до завоевания ее мусульманами, не была империей и не претендовала ни на господство, ни на власть, ни даже просто на преобладание в столь тесно связанном именно с ней регионе. **Вообще это особая страна, для которой существование в профаническом мире посюсторонней сансары было чем-то не слишком значимым сравнительно с Высшей Абсолютной Реальностью потустороннего мира.** И она оставалась такой во все времена, в том числе под властью исламских правителей, в период свыше чем двухвекового британского владычества и даже, по меньшей мере отчасти, и поныне.

Будучи по справедливому ее наименованию жемчужиной британской короны, она активно помогала англичанам в годы Первой миро-

вой войны (в ней приняли участие, по некоторым подсчетам, свыше миллиона индийцев, не говоря уже о товарных резервах), а в XX в. постепенно обретала некоторые новые права. Законом, принятым английским парламентом, столица страны в 1911 г. из Калькутты была перенесена в Дели, где на торжественном съезде князей король Георг V был провозглашен императором Индии. Имперский титул был в данном случае лишь формальностью, призванной отдать великому субконтиненту должное. На деле после крушения империи Великих Моголов в начале XVIII столетия Индия, стоит повторить, империей не была. Она всегда была и оставалась при ее завоевателях гигантским конгломератом довольно существенно различавшихся во многих отношениях государств и нескольких сотен обычно обособленных более мелких княжеств. Население всех их заметно различалось по этническим корням и языку, но оно, тем не менее, было накрепко спаяно в великое единое целое основными нормами весьма необычной религиозно-цивилизационной традиции с ее кастами, идеей кармы и многими другими очень важными принципами, определявшими образ жизни и систему ценностей субконтинента.

Англичане не сразу и не очень быстро, но все же сумели разобраться в этом не слишком простом сплетении норм жизни, столь непохожих не только на европейские, но и на те, что были в иных колониях, даже в пределах региона, где доминировала Индия. Зато разобравшись, они начали уверенно проводить политику, смысл которой сводился к постепенной трансформации и вестернизации великой страны с учетом и даже заботливым сохранением ее специфики, начиная с самого дорогого в ней, с ее религиозно-культурных традиций (за исключением крайних из их числа, например самосожжения-сати юных вдов) и всей системы ценностей. И они сумели добиться очень многого. В 1919 г., после окончания Первой мировой войны, увеличилась роль выборных законодательных собраний с их совещательными в основном функциями при вице-короле и губернаторах провинций и вводилась практика назначения индийцев на административные посты, порой и министерские. В 562 вассальных княжествах, с каждым из которых британская администрация заключала отдельный договор, местная власть вообще была, как правило, нормой.

В системе аграрных отношений с ее различными формами, время от времени пересматривавшимися с точки зрения уровня их налогообложения, постепенно наводился некоторый порядок, устраивавший колониальные власти, до того порой сталкивавшиеся с неурожаями и массовой гибелью людей от голода. В самом общем виде эта система состояла из некоторого количества крупных и средних землевладельцев,

живших за счет аренды, большинства мелких землевладельцев и наследственных арендаторов с их немалыми традиционными правами, а также сравнительно небольшого числа малоземельных и безземельных, причем именно эти последние чаще всего выступали в качестве арендаторов и наемников. Стоит особо отметить, что англичане заботились о правах обездоленных, хотя многочисленные кастовые ограничения и привычные традиции сильно этому мешали. Налог с земли в общей сумме поступлений в казну составлял перед войной около половины всех сборов, но со временем, по мере активного роста промышленности и торговых оборотов, его доля очень существенно снижалась.

Промышленное развитие Индии в первой половине XX в. шло, с учетом ускоряющихся темпов эволюции буржуазных преобразований, довольно быстро и успешно. Все более заметной становилась доля индийского капитала и принадлежащих ему предприятий, вплоть до металлургических комбинатов и электростанций Д. Таты. Вообще в стране господствовал — как то и положено в развивающейся буржуазной экономике — частный капитал. Доля государства в ВВП не превышала 10%. Совершенствовалась система финансов и банков, возрастал импорт современного промышленного оборудования, развивалась необходимая инфраструктура, прежде всего городская, строилась сеть транспортных путей и связи. Образовательный и профессиональный уровень лиц наемного труда в городах был невысок. Рабочие на предприятиях в большинстве были выходцами из деревни, часть их жила и работала в городах без семьи и потому оставалась на рабочем месте не надолго, заменяясь другими такими же. Рабочий день достигал порой 12 часов. В гораздо более удовлетворительном состоянии находились торговля и торговцы, включая массу посредников и подсобников. Восходившая к древним традициям и не слишком быстро менявшая привычные формы существования, она вполне удовлетворяла нехитрые текущие нужды всего населения, прежде всего городского.

Большое внимание англичане уделяли системе народного образования, опять-таки прежде всего в городах, где уже существовали многочисленные школы, училища, университеты. Богатые индийцы и прежде всего выходцы из высших каст, брахманы, получали возможность учиться в престижных университетах Великобритании, результатом чего становилось их вполне квалифицированное участие в системе европейского судопроизводства или преподавания на родине. Связанное с этим распространение английского языка на субконтиненте, особенно в городах и среди образованных, тем более высших слоев общества было важным элементом становления страны индийцев как нации, огромной Индии, т.е. единого для всех

государства, уже не конфедерации, спаянной лишь преимущественно древними религиозно-культурными традициями. К слову, это немаловажное обстоятельство активно способствовало и развитию партийно-политической системы. В прессе и в рядах общеиндийских партий и прежде всего национального конгресса (ИНК) английский язык, естественно, был основой для выработки общих для всех членов партии документов и для определения политики на съездах или иных форумах.

Новый устав ИНК, принятый в 1912 г., определил нормы существования в виде ежегодных съездов и первостепенные цели (самоуправление в составе Британской колониальной империи, т.е. статус доминиона). Что же касается противостоявшей ИНК Мусульманской лиги, то она в 1913 г. поддержала требование о создании доминиона, но в то же время резко очертила — в отличие от конгрессистов — свои исламские предпочтения, в частности в связи с тем, что Османская империя все более очевидно становилась врагом англичан в назревавшей войне. Окончание войны было ознаменовано, с одной стороны, голодом и эпидемией *испанки*, стоившей Индии жизни 7 млн человек, а с другой — принятым в 1919 г. английским парламентом законом об усилении роли законодательных собраний. Индийцам была предоставлена возможность занимать высшие административные должности, включая министерские (для занятия таких должностей требовался не просто диплом об образовании, но и успешная сдача серьезного экзамена).

ИНК со своей стороны стимулировал формирование Всеиндийского конгресса профсоюзов, а в самом ИНК резко усилил свою деятельность неформальный его лидер М. К. Ганди, сторонник активных ненасильственных действий и отказа от сотрудничества с властями. Эти принципы Ганди опирались как на древнеиндийские представления об *ахимсе* (ненасилии), так и на европейские нормы сопротивления, с которыми он познакомился за долгие годы пребывания в британском доминионе на юге Африки. Действуя в разных провинциях и способствуя сопротивлению рабочих и иных слоев населения любым проявлениям произвола и несправедливости, Ганди обрел огромный авторитет. В марте 1919 г., когда власти начали все решительнее выступать за жесткое подавление любых движений, воспринимавшихся как «антиправительственная деятельность», началось движение протеста, порой переходившие за рамки ненасилия. Явившаяся ответом на это *амритсарская бойня* (расстрел весной того же 1919 г. собравшихся на митинг протеста индийцев, когда было убито около тысячи человек — самая драматическая, если не считать

восстания сипаев, страница в истории английской власти в Индии) всколыхнула страну. ИНК на очередном съезде принял решение о бойкоте англичан. Начались протесты в форме *харталов* (закрытие лавок, прекращение торговой активности). Ганди провел акцию гражданского неповиновения, которая способствовала росту национального движения протеста.

Бойкот, харталы, митинги и демонстрации впервые в истории Индии приняли общеиндийский характер, что способствовало превращению ИНК в массовую организацию и резко усилило его роль в стране. Кампания была сознательно приостановлена лишь в 1922 г., когда появились признаки того, что массовое движение может выйти из-под контроля. В эти же годы оживилась деятельность Мусульманской лиги, а также заодно и реакционных организаций правоверных индуистов. ИНК, взволнованный конфликтной ситуацией, предложил англичанам предоставить Индии статус доминиона. Отказ вызвал новую массовую кампанию неповиновения. Все тот же Ганди предпринимал поистине героические усилия для того, чтобы сблизить позиции индуистов и мусульман и ликвидировать в стране отчуждение неприкасаемых. Однако в этом больших успехов он не добился. Правда, в 1925 г. состоялась конференция индусско-мусульманского единения. Но ее решения не имели серьезных результатов. Тем временем в Индии активизировалось движение неприкасаемых во главе с признанным ее руководителем Б. Р. Амбедкаром, заметно расходившимся с Ганди в том, каким путем можно изжить в стране уходящую корнями в глубокую древность *неприкасаемость*. Словом, Индия продолжала бурлить.

Что же касается ИНК, то он, несмотря на разногласия в его верхах, в начале 20-х гг. активно действовал в пользу реализации лозунга *сварадж* (самоуправление), что создавало в стране определенное и даже заметное напряжение, хотя и считается, что 1923–1927 гг. были в Индии периодом относительной стабилизации. В 1927 г. британские власти, озабоченные массовыми движениями, попытались провести некоторые реформы. Для изучения проблемы была создана специальная комиссия из трех ведущих партий Британии. Эта комиссия во главе с лордом Д. Саймоном прибыла в Бомбей в начале 1928 г. Однако инициативу перехватили деятели Конгресса, которые во главе с М. Неру, отцом будущего первого премьера независимой Индии Д. Неру, предложили свой вариант конституции Индии. Текст был вполне умеренным и рассчитанным на компромиссы. Но Мусульманская лига отвергла его, на чем обсуждение проекта и прекратилось. Влияние мирового экономического кризиса на Индию было

слабым, едва заметным. Однако политические страсти на рубеже 20–30х гг., включая очередные кампании неповиновения, продолжали бушевать. Ганди в 1930 г. повел людей к Аравийскому морю с целью начать там выпаривать соль и тем нарушить монополию властей на добычу соли. Власти приняли жесткие меры. Последовали аресты ряда лидеров ИНК, хотя они не длились слишком долго.

В июне 1930 г. был опубликовал доклад комиссии Саймона с вариантом конституции, против которого в Индии выступили практически все влиятельные партии и движения. В Лондоне началось обсуждение разных предложений. Состоялось несколько конференций, на которых многие представители разных партий и групп населения (вроде неприкасаемых) отстаивали свои позиции и пытались прийти к согласию. Споры вызывала, в частности, проблема курий, которые вели к расчленению избирателей и депутатов будущего парламента. Особенно резко выступал против этого Ганди, назвавший неприкасаемых *хариджанами* (божьими людьми) и угрожавший голодовкой до смерти. Обсуждение заняло несколько лет и завершилось законом 1935 г., по нормам которого создавался двухпалатный парламент Британской Индии. В нем представители от княжеств назначались раджами и махараджами, а депутаты от провинций законодательными ассамблеями этих провинций. Право вето на законы, издававшиеся парламентом, оставалось за английским генерал-губернатором. Зато в провинциях, возглавлявшихся избираемыми губернаторами с их кабинетами министров, местная администрация обладала практически почти полной властью.

Подготовка к выборам шла довольно долгое время. Мусульманская лига, ощущая свою слабость по сравнению с влиятельным ИНК, резко усилила свою работу среди исламского меньшинства страны, что превратило и ее в массовую политическую партию. Проведенные в 1937 г. выборы в провинциях принесли победу Конгрессу: в 8 из 11 провинций страны его деятели возглавили кабинеты министров. В трех провинциях большинство получили мусульмане. После этих выборов правительства ИНК в своих провинциях начали активную политическую деятельность, регулируя налоги, содействуя активизации профсоюзов и крестьянских ассоциаций, решая проблемы ренты и арендных отношений на местах. Однако порой в деятельности этих правительств ощущался антиисламский акцент, что вело к столкновениям с мусульманским меньшинством.

Что касается выборов во всеиндийский парламент, то до Второй мировой войны провести их так и не успели. Индия вступила в войну 3 сентября 1939 г., а уже в январе 1940 г. было дано обещание

дать ей после войны статус доминиона при условии гарантирования прав меньшинств, прежде всего мусульман. В связи с этим Мусульманская лига сразу же поставила вопрос о разделе страны на два государства. ИНК не спешил с этим согласиться. Он занял весьма осторожную позицию выжидательного нейтралитета, чреватого заметным обострением в этой колонии антианглийских настроений. Лозунг *«Вон из Индии!»*, равно как и связанные с этим очередные организованные М. Ганди кампании активного неповиновения колониальным властям привели в 1942 г. к репрессиям против ИНК. В 1944 г., когда страсти несколько поутихли, Индийский национальный конгресс и Мусульманская лига сели за стол переговоров. Однако, что и следовало ожидать, они снова не сумели договориться. Летом 1945 г., когда судьба Второй мировой войны была практически предопределена, англичане объявили о выборах в центральное и провинциальные законодательные собрания. Назревал решающий и чуть ли не наиболее драматический момент в истории страны.

ИНДОКИТАЙ

Страны, расположенные к востоку от Индии, точнее, от ее южной части, являют собой тот мир буддизма, который считается ответвлением великой индо-буддийской цивилизации. Расположенные между Индией и Китаем, а если точнее, между южными частями обоих субконтинентов, эти страны по многим основным параметрам, да и по очертаниям их исторической судьбы, близки друг к другу. В них с древности были очень заметны многие элементы как индуизма, чаще в обеих его модификациях, вишнуизме и шиваизме, так и раннего южного буддизма Тхеравады или Хинаяны. С начала эпохи колониального освоения планеты европейскими государствами все они практически одновременно оказались в орбите влияния португальцев и чуть позже голландцев и англичан. И хотя на некоторые из них оказали свое влияние и другие страны (в древности это было завоевание Вьетнама Китаем, а много позже в Индокитае стали играть ощутимую роль французы), это в принципе не изменило общую ситуацию, о которой идет речь. Перед нами мир буддизма, причем идеалы и привычные нормы его существования были сформированы — если не иметь в виду первобытные времена — именно этой субцивилизацией в ее южной модификации.

Цивилизационная общность, как и исторические судьбы стран Индокитая весьма сильно сказались на их эволюции. И хотя, несмотря на это, пути их развития и степень зависимости от Запада, равно

как и положение каждой из них в XX в. и особенно после процесса деколонизации сильно различались, что во многом связано со спецификой, уровнем развития и геополитическим расположением каждой из них, от упомянутой общности не уйти. В большем либо меньшем объеме, но она постоянно давала и дает о себе знать. Это та самая идентичность, которая, несмотря на очень разные проявления, как позитивные, так и негативные, необычайно ценима в любой стране мира, ибо именно она придает стране и ее народу их неповторимую специфику.

Цейлон (Шри-Ланка) — страна с большой историей колониальной экспансии португальцев, голландцев и англичан. Каждая из упомянутых европейских держав внесла свой вклад в освоение острова, расположенного рядом с южной оконечностью Индии и всегда бывшего если и не частью субконтинента, то зависимым от его религиозно-культурных традиций. Эти традиции, как и колонизаторы, наложили свой очень серьезный отпечаток и на историю острова в XX в. Что касается колонизаторов, то они еще до Первой мировой войны, причем в основном усилиями англичан, уже добились многого. В стране возникло немало крупных промышленных предприятий, особенно в горнодобывающих промыслах и в сфере первичной переработки чайного листа и иных ценных видов растений. Были проложены железные дороги. Активно развивалась местная буржуазия, расцветало частное плантационное хозяйство. Буржуа и образованные слои местного населения стали составлять немалую долю экономической элиты и административного аппарата страны. Война весьма содействовала развитию торговых связей и укреплению экономики, а внедренные англичанами институты и элементы буржуазных преобразований со свойственными им особенностями эволюции с ее всегда ускоряющимися темпами вели к появлению многопартийной структуры с присущим ей парламентаризмом.

Еще в 1912 г. была принята конституция, которая предусматривала существование Законодательного совета, чуть позже, в 1919 г., на острове возникла наиболее влиятельная партия Цейлонский национальный конгресс, претендовавшая на создание ответственного правительства. Пересмотренная конституция 1924 г. создала условия для существования в Законодательном совете большинства из представителей местного населения. Конституция 1931 г. создала новый парламент, Государственный совет, депутаты которого избирались всем населением в условиях всеобщего избирательного права (до того было лишь общинное представительство). Словом, шаг за шагом на протяжении всего двух десятилетий на острове была создана буржуазно-демократическая многопартийно-парламентская

структура. И хотя за английским генерал-губернатором сохранялось право вето, он им не злоупотреблял, хотя основания для вмешательства в общем-то случались. И связаны они были прежде всего с тем, что существование на острове двух крупных этноконфессиональных групп местных буддистов, сингалов, и давно уже мигрировавших из Индии индуистов-тамилов временами очень сильно обостряло и усложняло внутриполитическую ситуацию, порождая напряжение, а то и серьезные претензии, которые влекли за собой — обычно со стороны тамилов, остро ощущавших свой ущемленный статус меньшинства, — резкие взрывы недовольства.

В итоге Цейлон обрел вполне развитое буржуазно-демократическое законодательство, основанное на европейских нормах права. На острове была создана большая сеть общеобразовательных учреждений, существовали и университеты в Коломбо и Канди. Вообще цейлонская буржуазия и присущие ей частная собственность и капиталы чувствовали себя не просто вольготно, но почти так же, как то было в странах Запада, в той же Англии. Это сказывалось на сравнительно быстром, без резких кризисных спадов, развитии экономики страны, а также на вполне пристойном уровне жизни населения, хотя уровень был разным в промышленно развитых районах юго-запада и на более отсталой периферии. Но в связи со сказанным стоит особо отметить, что сами англичане склонны были считать Цейлон образцовой колонией. Важно обратить внимание на то влияние, которое постоянно оказывала на Цейлон расположенная рядом с ней Индия со всеми сложными экономическими, политическими, социальными, религиозными и иными процессами, там происходившими. И хотя это влияние отнюдь не было слишком большим и тем более определяющим, оно служило для цейлонцев своеобразным эталоном — например, в том, что касалось политики, направленной на достижение независимости и требований статуса доминиона.

Вторая мировая война, в которой Цейлон оказался воюющей стороной уже в начале сентября 1939 г., оказала на эту страну очень серьезное влияние. Промышленность страны, поставлявшая армии многие стратегические ресурсы, особенно каучук, производство которого резко увеличилось после оккупации японцами Малайи, где гевея в основном и произрастала, активно развивалась. Порты Цейлона обрели важное стратегическое значение со всеми вытекавшими из этого последствиями. И хотя страну не миновали голодные годы (оккупация японцами Бирмы прекратила поставки риса), общие для всех воюющих государств, она от войны много больше выиграла, нежели проиграла.

Бирма, расположенная к востоку от индийской Бенгалии и завоеванная англичанами в результате трех войн в конце XIX в., была

несравненно более отсталой и в основном сельскохозяйственной страной, производителем риса. Железнодорожное строительство, нефтяной и лесной промыслы (особо ценился бирманский тик) на рубеже XIX–XX столетий были только самым началом развития буржуазной экономики. Правда, в годы Первой мировой войны Бирма оказалась страной с ценными стратегическими материалами (вольфрам, нефть, олово, свинец, серебро), что резко ускорило развитие в ней горнодобывающих и нефтяных промыслов. Стали возникать и иные промышленные предприятия, а в качестве рабочих использовались не столько бирманцы, сколько мигранты из много более развитой соседней Индии (индийцев в 1911 г. было, по некоторым подсчетам, 6% населения). Вообще Бирма довольно долго рассматривалась англичанами как часть Индии, некий довесок к ней, — при всем том, что они хорошо понимали, что это совсем другая страна, с иными населением, культурой и тем более уровнем развития. Управлял ею губернатор, подчиненный индийскому генерал-губернатору и существовавший на правах обычных индийских провинциальных британских администраторов. Вместе с тем закон 1919 г., предоставивший индийцам право быть избранными в провинциальные законодательные собрания, вначале не был распространен на Бирму. Возмущение этим, приведшее к возникновению в этой стране первого политического объединения, Генерального совета бирманских ассоциаций, и к массовым движениям протеста, включая митинги и бойкоты типа индийских *харталов*, привело к тому, что в 1922 г. законодательный совет по индийскому стандарту появился и в Бирме, причем в выборе его членов приняли участие многие возникшие к этому времени политические партии. Активную политическую роль в эти же годы стали играть и буддийские монашеские организации. При этом стоит заметить, что выдвигавшиеся требования сразу же взяли очень высокую планку, поставив вопрос о независимости и о статусе доминиона.

Мировой кризис отразился в Бирме преимущественно на отношениях в деревне. Цены на рис падали, отчего многие земли оказались в руках индийских ростовщиков. Массовое недовольство крестьян, равно как и разгоревшиеся споры по поводу проекта административно-политического отделения Бирмы от Индии слились в начале 30-х гг. в общебирманское движение. Это движение в ряде случаев перерастало в вооруженное восстание против богачей и иностранцев, чем-то напоминавшее — по уровню мышления и использования архаических представлений, магии и амулетов — китайских ихэтуаней, выступавших против колонизаторов с пиками и заклинаниями. Восстание было довольно быстро подавлено. Тем временем в Англии, где после опу-

бликования доклада комиссии Саймона остро стоял вопрос не только о конституции Индии, но и об отделении от нее Бирмы, решался этот вызывавший споры и недовольство вопрос. Закон об индийской конституции был увязан с законом об управлении Бирмой. Согласно этому закону Бирма отделялась от Индии, обретала свой парламент и ответственное перед ним правительство. Наиболее влиятельной партией стала к этому времени Добама асиайон, партия *такинов* (такин — «господин»; так обычно именовали друг друга члены партии), руководители которой стали со временем играть ведущую роль в политической жизни страны. Вторая половина 30-х гг. XX в. была отмечена в этой стране резким ростом национального самосознания, профсоюзной и политической активности населения, на сей раз прежде всего уже резко увеличившегося в числе городского. А лидером партии такинов в это время становится Аун Сан.

Именно в эти годы начала усиливаться связь с Японией многих из числа оппозиционных по отношению к британской колониальной администрации политических групп. Японцы в 1939 г. сумели построить в очень сложных природных условиях шоссейную дорогу, соединившую юго-запад Китая, провинцию Юньнань, с северо-восточной Бирмой. Эта связь сыграла важнейшую роль в последующих судьбах Бирмы, немалая часть видных представителей которой, будучи склонной к националистической ориентации в политике, оказалась готовой к сотрудничеству с японцами. С начала Второй мировой войны Бирма, не успевшая оценить преимущества развитых буржуазных преобразований и либерально-демократической структуры, уже вполне удовлетворительно проявивших себя в Индии и Шри-Ланке, легко склонилась в сторону более жесткого авторитарного режима Японии с его заметным привкусом фашистского тоталитаризма. Некоторые партии Бирмы, начиная с такинов, установили тесный контакт с японскими разведывательными службами и уже в 1941 г. создали в оккупированном японцами Таиланде *армию независимости* Бирмы.

А так как англичане, вовлеченные в военные действия, не слишком много знали об этом и во всяком случае не придавали этому достаточно большого значения (в ходе переговоров с бирманским премьером — видимо, учитывая уровень развития страны — они отказали Бирме в статусе доминиона после войны), бирманцы, о которых идет речь, сочли это достаточным основанием для военного союза с Японией. Япония на рубеже 1941–1942 гг. вторглась в Бирму. Вместе с ней, обрастая по дороге сочувствующими, вошла в страну и возглавлявшаяся Аун Саном армия независимости Бирмы (АНБ). Но японцы, как и англичане, не очень спешили предоставлять Бирме

независимость. Правда, поскольку вся деловая и административная верхушка страны (предприниматели и квалифицированные специалисты, городские интеллектуалы из числа лиц свободных профессий, англичане и индийцы) покинули Бирму, а их места попытались занять мало пригодные для этого воинственные кадры националистов, об этом всерьез не могла идти речь. АНБ была распущена японцами. Все ценности вывозились из страны. Стоит особо сказать и о трагической эпопее строительства железной дороги в Таиланд (вспомним о мосте через реку Куай), осуществлявшегося мобилизованными бирманцами и английскими военнопленными. Словом, иллюзии, связанные с надеждами на добрую волю японцев в борьбе с несговорчивыми англичанами, рассеялись. Такины оказались в состоянии острых внутренних раздоров. И хотя в 1943 г. японцы объявили о готовности даровать Бирме независимость, ход войны побудил правительство такинов образовать осенью 1944 г. Антифашистскую лигу народной свободы во главе с Аун Саном и начать движение сопротивления японцам. Силы этого движения в начале 1945 г. освободили Бирму от оккупантов и открыли дорогу к политической независимости страны.

Сиам (Таиланд), будучи одной из очень немногих оказавшихся вне колониальной зависимости незападных стран, продолжал в 20–30-х гг. XX столетия развиваться достаточно энергичными темпами, прежде всего за счет городского населения, в котором преобладали китайцы-хуацяо. Преодоление некогда сильной зависимости крестьян от государства и землевладельцев способствовало развитию сельского хозяйства. Ушли в прошлое долговое рабство и архаические связи. На смену пришли легко воспринимавшиеся в этой стране западные влияния, сопровождавшие очень существенные буржуазные преобразования. Конечно, шедшая быстрыми темпами ломка привычных норм жизни, ощущавшаяся в стране, порой вела к обострению внутриполитических отношений, к выступлениям против того, что активно содействовало таким преобразованиям. Но при этом стоит заметить, что активная позиция верховной власти, в частности короля Рамы VI Вачировуда (1910–1925), играла серьезную роль в движении страны вперед. Король был склонен возвеличивать прошлое и оставался, несмотря на его равнодушие к религии, ревностным сторонником буддизма, но в то же время занимался активным просветительством, перенимая все полезное у Запада.

В 1926–1927 гг. Сиам ликвидировал элементы экстерриториальности для западных иностранцев. В стране возникла влиятельная Народная партия, стремившаяся к более активным политическим

переменам. Ее руководители Приди Паномионг и Пибун Сонграм в 1932 г. совершили государственный переворот, за которым последовал период политической нестабильности и выбора пути. Дело завершилось конституцией, предусматривающей существование монархии при ограничении ее парламентом с частично выбранными и частично назначенными депутатами и кабинетом министров. В 1933 г. был избран состав первого парламента, но существование многих политических партий еще не стало нормой. Зато в сфере экономики был взят твердый курс на укрепление государственного регулирующего начала и увеличение роли национального капитала в хозяйстве страны. Некоторые его отрасли оказались даже национализированными. Был взят курс на внедрение сиамцев в государственно-частные предприятия, призванные конкурировать с китайскими. Вообще идея Великого государства тайцев, подпитывавшаяся националистическими настроениями, активно поддерживавшимися в свое время королем Вачировудом, вышла на передний план. В соответствии с ней и название страны было в 1939 г. заменено на Таиланд. Позиции китайцев при этом подвергались все более резкой критике, тогда как стремление учиться у Японии становилось все более почитаемым.

Эти настроения отразились и на поведении Таиланда накануне Второй мировой войны. Будучи склонным к сближению с Японией, Таиланд рассчитывал на ее помощь в связи со своими притязаниями на часть французского Индокитая, попавшего в 1940 г. под юрисдикцию зависевшего от стран оси правительства Виши. А в 1941 г., когда весь Французский Индокитай стал японским, таиландцы предложили им свое сотрудничество. И хотя в руководящих кругах страны существовали различные мнения по этому поводу, так продолжалось вплоть до 1944 г., когда к власти пришел Приди Паномионг, начавший искать контакты с англичанами. В середине августа 1945 г., когда война кончилась, он от имени короля извинился за «неконституционный характер» объявления войны союзным державам в недавнем прошлом и, вернув Франции захваченные в ее владениях земли, сумел добиться прощения и реабилитации статуса страны как независимого государства.

Французский Индокитай, или созданный французами в конце XIX в. **Индокитайский союз**, состоял из нескольких частей, наиболее важными из которых были — начиная с юга — Кохинхина, Аннам и Тонкин, т.е. три части, на которые был разделен **Вьетнам**. Существенно иметь в виду, что статус протектората, характерный по меньшей мере для двух северных частей страны, означал, что формально у них еще оставался свой правитель. Это был император из дина-

стии Нгуенов. И хотя он не играл заметной роли, само существование его накладывало определенный отпечаток на ситуацию в Аннаме и Тонкине. Впрочем, французов это мало заботило. Гораздо более значимым для них было создание во Вьетнаме, наиболее крупной и развитой из стран французского Индокитая, условий для интенсивных буржуазных преобразований с вовлечением в них максимального количества местного населения, соответствующим образом для этого подготовленного. Первая мировая война способствовала этому. Развивалась обрабатывающая и некоторые другие отрасли промышленности, возникали банки, появлялась все возраставшая прослойка европейски образованных политических деятелей, предпринимателей, лиц свободных профессий, прежде всего из числа получивших образование — в основном после Первой мировой войны — в Париже.

Уже в 20-х гг. в стране стали появляться политические партии, в первую очередь Национальная, находившаяся под сильным влиянием видного идеолога борьбы за национальное освобождение Фан Бой Тяу, еще в 1912 г. возглавившего общество возрождения Вьетнама. Противостоявшая ей Конституционалистская партия ограничивалась требованием статуса доминиона и главный смысл своей деятельности видела в ускорении темпов буржуазных преобразований и в укреплении буржуазно-демократических прав и свобод. Были и другие партии, в том числе созданная в 1930 г. Хо Ши Мином в Париже компартия, которая после прихода к власти во Франции Народного фронта стала активно бороться за создание аналогичной коалиции во Вьетнаме. И хотя из этой затеи мало что получилось, Демократический фронт Индокитая все же появился, даже получил на выборах 1937 г. заметное число голосов. Но идеи коммунизма он не пропагандировал. Скорее активно поддерживал те реформы, которые под влиянием политики парижского правительства Народного фронта стали осуществляться во Вьетнаме, да и во всем французском Индокитае. Эти реформы сводились к сокращению рабочего дня для лиц наемного труда, к легализации всевозможных политических, гражданских и иных организаций, а также к амнистии всех политзаключенных.

Вторая мировая война привела Вьетнам и весь французский Индокитай к тому, что он оказался под властью правительства Виши, что привело не только к установлению здесь власти Японии, но и к передаче Таиланду двух частей Индокитайского союза, Камбоджи и Лаоса. Экономически довольно слабо развитая древняя **Камбоджа**, как и еще менее развитый, да к тому же лишенный выхода к морю **Лаос** стали под влиянием политики колонизаторов и переселенцев-мигрантов, в основном из Франции, развиваться более быстрыми темпами и в духе

буржуазных преобразований, что сказалось прежде всего в Камбодже. Там быстро росли города с их инфраструктурой. В обеих странах были проведены административные реформы с созданием провинций с ограниченным местным самоуправлением. В Камбодже налаживалось создание плантаций гевеи, создавалась сеть железных и шоссейных дорог, реконструировалась столица Пномпень. В Лаосе преимуществом пользовалось лесное хозяйство и горнодобывающие промыслы (добыча олова), находившиеся, впрочем, в основном еще в зачаточном состоянии. Налаживались производство кофе, животноводство. Развивались по мере возможности системы образования и здравоохранения (более активно в Камбодже, слабее в малонаселенном и крайне отсталом Лаосе). Появлялись первые националистически настроенные группировки. Это вело к появлению здесь, пока еще в очень незначительном количестве, национальной буржуазии и образованных представителей из числа местного населения. С целью ускорить процесс развития этих отсталых частей союза французы пытались было начать кампанию перемещения сюда, особенно в малонаселенный Лаос, вьетнамцев из перенаселенных частей этой страны. Но больших результатов это не дало. Даже статус протектората отсталый Лаос получил лишь в 1941 г. (Камбоджа имела его с 60-х гг. XIX в.).

В целом Индокитайский союз в качестве французского Индокитая доживал в 30–40-х гг. свои последние дни. Он буквально на глазах разваливался вместе со всей колониальной империей. И поскольку именно Индокитай был наиболее значимой французской колонией, стоит специально заметить, что уже со времен Народного фронта власть Франции здесь была заметно подорвана. А с начала Второй мировой войны японцы нанесли по колониальным амбициям французов серьезный удар, щедро отдав часть Камбоджи и Лаоса, населенную тайцами, Таиланду. И, хотя сразу же после войны утраченное было возвращено с извинениями, это не очень помогло французам. Вскоре французская колониальная администрация признала независимость Камбоджи и Лаоса. Вьетнам же был накануне своей долгой войны за национальную независимость, обратившуюся со временем в китайского типа крестьянскую войну во главе с коммунистами.

Малайя и **Сингапур** в начале XIX в. постепенно обретали современный облик. В то время, о котором идет речь, эта территория еще состояла из трех неравных частей — из главной, т.е. президентства Стрейтс-сетлментс (Малакка и Сингапур), из четырех наиболее развитых малайских султанатов, объединенных в федерацию, и нескольких других султанатов, в нее не входивших. Всеми колониальными владениями ведал губернатор, при котором в президентстве был Законодательный

совет, а в федерации — Федеральный. Свои советы были и в некоторых султанатах-княжествах вроде Джохора, в федерацию не входивших. Число включавшихся в них местных жителей, в том числе китайцев, составлявших 30–40% всего населения, и индийцев, постепенно возрастало, что вполне соответствовало темпам экономического развития Малайи, славившейся своим ценными ресурсами (олово, каучук, металлы, уголь). В 20-х гг. сами мусульмане-малайцы (чуть более 40% населения) были в основном крестьянами, а промышленность, городское хозяйство, добыча олова, плантации гевеи были в основном делом китайцев, частично индийцев, и преимущественно развивались за счет эволюционировавшего китайского капитала. Такой национальный, социальный и экономический состав колонии, в части которой, как в Сингапуре, китайцы преобладали абсолютно, рождал политическую напряженность и был источником антикитайских и антианглийских настроений. Учитывая это, английские администраторы способствовали развитию малайцев, назначая образованных представителей из их числа на видные должности, предоставляя им членство в органах управления.

На рубеже 20–30-х гг. в Малайе появляются политические партии и разные гражданские ассоциации, формировавшиеся, как правило, по национальному признаку. Однако деятельность их была еще не очень заметна. Наиболее заметной она была среди китайцев, что вполне понятно, если принять во внимание, что население городов состояло главным образом именно из них. Кроме того, существенно иметь в виду, что оживленная политическая жизнь в самом Китае именно в это время служила истоком тех идей, которые охотно подхватывались китайским населением в Малайе. Стоит заметить, что радикальные идеи проникали сюда особенно успешно в связи с ухудшением уровня жизни, прежде всего в городах, вследствие великой депрессии и ее влияния на экономику разных стран, особенно связанных с производством важных промышленных ресурсов. Правда, вслед за депрессией наступил — уже во второй половине 30-х гг. — экономический бум, сильно улучшивший состояние экономики Малайи. Но вскоре последовавшая за ним Вторая мировая война привела к оккупации страны Японией, которая наиболее резко выступила против малайских китайцев, что привело к началу партизанской войны.

ОСТРОВНОЙ МИР ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Эта часть Юго-Восточной Азии состоит из нескольких больших островов и огромного числа более мелких. К числу больших относятся острова, составляющие основную часть Индонезии, или Голланд-

ской Индии (Ява, Суматра, Калимантан, Сулавеси), и Филиппины. Остальные — мелкие отдельные острова либо целые их архипелаги. Некоторые из них явно тяготеют к малайско-индонезийскому миру. Другие отдалены от него и их более справедливо относить к Океании.

Голландская Индия (Индонезия) — сумма нескольких наиболее крупных и великого множества мелких островов, расположенных к югу и юго-востоку от Индокитая, точнее, от его восточной части. О политике голландцев в этой крупнейшей их колонии уже вкратце упоминалось в первой части тома. В годы между обеими мировыми войнами продолжался начавшийся ранее процесс формирования в стране туземной буржуазии, создания различных политических партий и развития европейских либерально-демократических институтов. В 1916 г. голландский парламент (Генеральные штаты) создал в Индонезии собственный парламент, *фолксраад*, с законосовещательными функциями. Представленная местным населением половина делегатов избиралась в муниципалитетах.

Значительную роль в политической жизни страны в середине 20-х гг. стала играть компартия, которая попыталась было взять курс на вооруженное восстание, сразу же подавленное властями. Затем стало возрастать влияние союза индонезийского народа, во главе которого вскоре стал Сукарно. Союз (его название и состав время от времени менялись) активно выступал за независимость страны. Конец 30-х гг. прошел под знаком не утихавшей политической борьбы и создания новых союзов, участвовавших в ней. В годы Второй мировой войны, когда острова Индонезии стали один за другим оккупироваться Японией, нидерландская королева Вильгельмина обещала Индонезии после победы статус доминиона. Но руководители политических объединений страны, включая Сукарно попытались наладить контакт с японцами и стали ждать независимости от них. Так продолжалось до конца войны.

Соседние с Индонезией **Саравак** и **Сабах** в 20–30-х гг. продолжали оставаться английской колонией, причем здесь, как и в Малайе, очень внушительную роль играли мигранты из Китая. А во главе Саравака по-прежнему стоял англичанин из семьи Бруков, который стал фактически кем-то вроде местного раджи. В 1941 г., в день столетия власти Бруков, Саравак был объявлен конституционной монархией, согласно которой при радже создавался Государственный совет с участием представителей местного населения.

Филиппины с начала XX в. находились в политической зависимости от США, которые много сделали для распространения в этой достаточно еще в то время отсталой стране элементов либеральной де-

мократии, включая подготовку кадров для будущего управления, возникновение политических партий, систему выборов в национальную Ассамблею, развитую сеть школ, высшее образование и т.п. В 1916 г. было принято решение о предоставлении бывшей испанской колонии в скором будущем независимости, а в 1934 г. был установлен и 10-летний срок обретения ее (до того — режим автономии при существовании собственного правительства). Конституция 1935 г. учитывала это и старательно следовала стандартам США — буржуазные свободы и права человека, независимость суда и т.п. В 1941 г. Филиппины оккупировали японцы, вслед за чем во внутренней политике архипелага наступило время жесткого режима оккупационных властей, действовавших под прикрытием марионеточного местного правительства.

ИНДО-БУДДИЙСКИЙ РЕГИОН И ЕГО ТРАДИЦИИ

Из изложенного выше явствует, что огромный индо-буддийский регион в период между мировыми войнами был во многом, начиная с религиозно-цивилизационных его традиций, очень неоднородным. Здесь и огромная индуистская Индия, и основные страны буддизма, в том числе все те, кто имел отношение к южной его ветви, к Хинаяне, и большое количество мусульман, и немалое число китайцев, и католики-христиане (на востоке, во французском Индокитае, и на Филиппинах). С точки зрения политической, это и колонии, и страны зависимые, в том числе находившиеся в некоем промежуточном состоянии, т.е. настойчиво требовавшие либо уверенно ожидавшие (как Филиппины, отчасти Индия) независимости, и — очень редко — независимые, в частности Сиам. Эта пестрота не была исключительным достоянием именно данного региона. Вернее заметить, что она отражала определенную эпоху, стадию исторического процесса, заключительную для всего мира вне Запада накануне деколонизации.

Но специфика района все же заметна. Правда, она не столько в многообразии его политических режимов и этноцивилизационных характеристик, сколько в накале страстей, подчас, например в Индии, без бурных эксцессов, но почти везде заметно ощущавшемся. И именно эта специфика была наиболее явным проявлением того только что отмеченного факта, что страны вне Запада накануне и в годы Второй мировой войны находились на стадии завершения своего колониального и зависимого положения. А катализатором, резко ускорившим весь процесс, оказалась оккупация большей части стран этого региона Японией.

Японцы, сами того явно вовсе не желая, сыграли именно эту роль, ибо после их вторжения этот огромный регион оказался для них тем куском, которым эта сравнительно небольшая — хотя и очень развитая, к тому же традиционно крайне воинственная и агрессивная — дальневосточная держава просто подавилась. Разумеется, при иных обстоятельствах Япония, имея в виду ее милитаристский потенциал, вполне могла бы и переварить захваченное ею. Но ситуация сложилась именно так, причем вполне объективное стечение обстоятельств способствовало тому, что весь регион после окончания мировой войны активно выступил в качестве авангарда мощного движения за деколонизацию. Стоит добавить к этому, что движение сразу же приобрело весьма радикальный характер, что породило в ряде случаев долгие войны за национальное освобождение — войны, подчас считающиеся революциями, но по сути практически нигде ими не бывшие. Это были именно войны за освобождение от колониального гнета, тогда как сопровождавшие некоторые из них — например, вьетнамскую — революционные лозунги марксистско-экстремистского типа ничего реально революционного (в смысле принципиального перехода к лучшему образу жизни) с собой не несли. Более того, они часто затягивались, что в конечном счете вело к отступлению на задний план наиболее воинственных экстремистов и к восприятию освобождающимися от колониализма странами буржуазной рыночно-частнособственнической структуры, пусть вначале еще без сколько-нибудь развитой либеральной демократии. Впрочем, это же в полной мере относится и к другим регионам, расположенным далеко от европейского Запада. Речь прежде всего о Дальнем Востоке, но также и о Тропической Африке и даже об Океании.

Глава двадцать вторая. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК, ТРОПИЧЕСКАЯ АФРИКА И ОКЕАНИЯ

Эта глава уделяет внимание очень отличным друг от друга частям земного шара, которые в данном случае условно соединены вместе главным образом для удобства изложения. Однако важно при этом учесть и то обстоятельство, что это не просто неодинаковые территории, населенные несходными людьми. В некотором смысле это альфа и омега ойкумены, по крайней мере на протяжении долгих тысячелетий существования сапиентных людей. И сопоставление их важно для того, чтобы обратить внимание на общность генерального исторического пути на протяжении последних полутора-двух столетий.

Конечно, негры африканских тропиков до наших дней остаются тесно связанными с общинно-родовыми традициями, которые тянутся за ними длинным шлейфом. Примерно то же можно сказать и о жителях многих островов Океании (к этому можно прибавить и приближенные к ним по сложным стандартам обитания в условиях неблагоприятной природной среды иные этнические общности, будь то население приполярных районов, обширного бассейна Амазонки или аборигены Австралии). Но очень важно принять во внимание, что начиная с XX столетия, причем несмотря на мировые войны (а отчасти и благодаря им) многие из упомянутых этнических общностей — увы, далеко не все — стали весомо ощущать влияние достигших, наконец, и их разносторонних преобразований. Эти перемены, основанные на мощном притоке индустриальной энергии европейской буржуазии, промышленном капитале колониальных держав, привели к тому, что стандарт жизни людей в этих регионах почти повсюду начал меняться.

Разумеется, благодатный процесс всемирной глобализации, который далеко не завершился и в наши дни, был в середине прошлого века еще на сравнительно ранней своей стадии. Однако уже и тогда он был достаточно заметен, особенно по сравнению с тем, что имело место за столетие до того. Но самое главное в упомянутом процессе — а он прослеживается на примере всех регионов, о которых выше уже шла речь, — в том, что разница в нормах существования людей по мере продвижения всего человечества вперед, т.е. заметного ускорения шагов истории, уменьшалась. Мир начал как бы сжиматься уже на рубеже XIX–XX вв. и в связи именно с этим процесс весьма позитивной глобализации, отчасти стандартизации, набирал силу. По-разному проявлялось это в разных регионах, но тем не менее реально ощущалось повсюду.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Этот очень большой и численно едва ли не наиболее крупный из регионов мира своими истоками восходит к китайской цивилизации. Его важной особенностью было и то, что, не считая мелких анклавов вроде Макао или колонизованной японцами Кореи, он был не знаком с колониями в полном смысле этого слова. Более того, на протяжении длительного времени он, о чем уже шла речь, существовал как бы особняком. В какой-то степени это не следует считать удивительным: Дальний Восток потому и назван был европейцами именно так, что находился очень уж далеко от Европы. И хотя еще на рубе-

же XV–XVI столетий первые западные мореплаватели достигли его пределов, к колонизации местных земель они не очень стремились. Не стремились как потому, что здесь не было ни пряностей, ни особых иных ценностей, так и вследствие того, что слишком уж долгим был путь, издержки которого себя явно не оправдывали. Во всяком случае, не оправдывали довольно долго. И, помимо всего прочего, здесь европейские колонизаторы встретились с сильными странами с хорошо организованной системой централизованной власти.

Но пришло время — середина XIX в., — когда и Китаем, да и Японией на Западе всерьез заинтересовались, начав настоятельно предлагать местным властям вести все более активно развивавшуюся торговлю. Естественно, что западные торговцы преуспели в этом далеко не сразу. Их торговые связи были вначале строго ограничены немногими портами и соответствующим объемом. Правда, кое-где постепенно налаживались новые контакты, усиливался нажим, процветала контрабанда, особенно опиумом с Китаем. В общем, как бы то ни было, пусть даже с применением военных действий, но в конечном счете в середине XIX в., о чем уже шла речь, были преодолены все преграды. Иностранцы добились-таки своего. Путь на Дальний Восток был открыт. Не включенные еще в колониальный оборот страны, начиная с великого Китая, были вынуждены предоставить западным иностранцам массу преференций и льгот, облегчавших не только торговлю, но и активное их проникновение с последующими за всем этим преобразованиями буржуазного характера. И коль скоро все это происходило, причем далеко не только с Китаем, но также с Японией, Кореей, Монголией, то нет ничего странного в том, что следствием проникновения западных новаций стало довольно серьезное преобразование упомянутых стран. Они понемногу втягивались в жизнь остального мира, причем не только торговую, но и политическую, что особенно отчетливо проявилось уже в начале XX в., будь то русско-японская или Первая мировая война.

Конец мировой войны вызвал болезненную напряженность в отношениях между некоторыми странами Дальнего Востока и в еще большей степени во внутриполитической обстановке крупнейшей из них, Китая. Вот об этом, собственно, и пойдет речь прежде всего.

КИТАЙ В КОНЦЕ 10-х И В 20-х гг. XX в.

Период, наступивший в Китае после окончания Первой мировой войны, с последствиями этой войны практически никак не был связан. Страна бушевала и буквально распадалась на части, что было тесно

связано как с крушением последней правящей империей династии, так и с попыткой многих противоборствующих сторон как-то увязать новую реальность с институтами парламентско-президентской буржуазной республики, складывавшейся в очень слабо подготовленной к этому восточной стране с преобладающим крестьянским населением. А если принять во внимание размеры этой страны, ее великую историю, огромные традиции и численно невообразимое по тем временам население, то сложные процессы, происходившие в ней, станут если и не более понятными, то во всяком случае более впечатляющими. В синологии период, о котором идет речь, чаще всего именуется временем жесткого противоборства влиятельных региональных либо провинциальных генералов-милитаристов.

Не пытаясь в рамках данной работы разобраться в этом противостоянии, обратим внимание на самую суть. А она сводится к захвату и удержанию власти генералами, сосредоточившими в своих руках всю власть в рамках той либо иной, часто весьма значительной территории. На фоне такой борьбы за власть и влияние создавались и ликвидировались те или другие влиятельные группировки милитаристов, действовал либо переставал действовать давно избранный парламент, подтверждалось существование конституции или она отвергалась. Даже решение о вступлении в Первую мировую войну было достигнуто только в ходе согласования позиций тех, кто имел тогда в стране наибольшее влияние (в то время более сильны оказались позиции Дуань Ци-жуя, премьера Китая).

Следует, впрочем, обратить внимание на то, что напряженная политическая обстановка в Китае была связана отнюдь не только с острыми проблемами борьбы за власть в результате легкого падения династии Цин и создания пока еще совсем не институционализированной и административно крайне слабой республики. Все дело в том, что в движение пришли многие слои населения страны. Даже если не принимать во внимание недовольство крестьян, подвергавшихся тяжелому налоговому гнету со стороны прежде всего собственных милитаристов, к числу недовольных следует отнести многих, едва ли не всех. Это были и традиционные интеллектуалы из сословия конфуциански образованных шэньши, и лишенная реальной власти многомиллионная бюрократия, и получавшие немалые выгоды от развития торговых отношений и буржуазных преобразований местные кандидаты в буржуа. Добавьте к этому кипящую молодежь, т.е. выпускников уже современных, созданных по европейскому стандарту университетов с их взглядами, принципиально ориентированными на западные ценности, и вы получите некоторое

представление о том, что творилось в стране на рубеже 10–20-х гг. XX в.

А происходило в стране нечто необычное. Вообще-то ситуация мятежа, бунта не была для огромного Китая чем-то непривычным. Как раз напротив, в длительной истории империи бывали и мощные народные движения, и дворцовые перевороты, и острые периоды противостояния недовольных ревнителей привычных порядков коррупции либо беззаконию захвативших власть родственников дам гарема из числа беспринципных и наглых временщиков. Бывало разное, причем не так уж и редко. Однако теперь происходило нечто совсем другое. На улицу вышли бунтующие толпы людей, призывавших к чему-то новому либо отчаянно цеплявшихся за привычное старое. В стране выходили многие десятки газет и журналов разных направлений, обретали признание политические лидеры, как видные радикалы вроде Суня, так и возвратившиеся из эмиграции лидеры движения за реформы конца XIX столетия. При этом одни из них, в частности глава реформаторов Кан Ю-вэй, более всего, и весьма разумно, предостерегали страну от разрушающей самоубийственной революции, к чему вполне мог привести — и явно уже вел — неконтролируемый политический процесс, тогда как другие, начиная с близкого соратника Кана Лян Ци-чао, стремились не только к этому, но и к сближению вчерашних реформаторов и современных им экстремистски настроенных молодых людей с великими традициями Китая, дабы во все том же псевдореволюционном раже не погубить страну. «Конфуций представляет китайскую цивилизацию... Не было бы Конфуция... не было бы и китайцев», — не без серьезных оснований писал Лян в одной из своих статей. Словом, Китай бурлил, и это брожение огромной страны выглядело не столько непривычным, сколько опасно незнакомым и потому угрожающим.

Главным провозвестником нового стал журнал «Синь циннянь» («Новая молодежь»), на страницах которого печатались наиболее яркие статьи весьма разных идеологических лидеров и признанных в стране деятелей, начиная с уважаемых профессоров Пекинского университета и кончая недавно возвратившимися в страну эмигрантами, в том числе и все тем же Сунем, продолжавшим пользоваться огромной популярностью, особенно на юге. В движении за новую культуру многие, особенно из числа молодежи, ориентированной на буржуазные западные ценности, на передний план выдвигали стремление к быстрому обновлению Китая, к освобождению его от конфуцианских традиций, которые в тот момент рассматривались как тяжелые путы, висящие на ногах страны, стремящейся поскорее

идти вперед. Призывы к обновлению поддерживались почтенным профессором Ху Ши, призывавшим народ к «государству свободы и равенства», писателем Лу Синем, звавшим страну к освобождению и прогрессу, а также постоянно развивавшим свое учение Сунь Ятсеном, упорно воспевавшим преобразовательные потенции китайского народа.

В начале 1919 г., когда в Париже шла конференция, решавшая судьбы послевоенного мира, Китай рассчитывал на то, что захваты японцев на его территории, равно как и их иные притязания (*21 требование*, выдвинутое в 1915 г.), будут осуждены державами, признательными за участие китайцев в мировой войне. Этого, как известно, не случилось, что вызвало 4 мая 1919 г. взрыв возмущения в Пекине. *Движение 4 мая* оказалось настолько бурным, что китайская делегация в Париже отказалась подписать мирный договор, а само это движение, переросшее в мощный широкомасштабный протест, энергично способствовало усилению в Китае позиций сторонников радикальных теорий коммунистического толка. И хотя китайская компартия (КПК) в то время была еще только в зародыше, она, в отличие от компартий в западных буржуазных странах, да и во многих иных государствах, успешно шедших по пути буржуазных преобразований, именно в этой огромной крестьянской стране имела неплохие возможности для распространения своего влияния. Впрочем, это было еще только впереди. Пока же на передний план вышла другая партия. Это была основанная на юге Сунем партия гоминьдан, т.е. партия народная, национальная.

Противостоя одному из южных милитаристов, захвативших власть в Кантоне (как в те годы привычно именовали современный Гуанчжоу), Сунь не только создал свою партию, но и был в 1921 г. избран парламентом, созванным еще в 1913 г., чрезвычайным президентом Китая. С этого времени пров. Гуандун стала центром борьбы за власть. То теряя власть, то обретая ее вновь, президент Сунь в поисках поддержки обратился к СССР. В 1923 г. в Москву была послана миссия во главе с Чан Кай-ши. Результатом переговоров стало соглашение о масштабной военной, финансовой и технической помощи Китаю. СССР и Коминтерн руководили отправлением в Китай добровольцев и прилагали огромные усилия для того, чтобы влияние КПК в этой стране возрастало. Естественно, что и президент был вынужден считаться с этим, в частности с тем, что готовившая военных специалистов школа на острове Вампу близ Кантона была укомплектована прежде всего преподавательским составом из числа советских военных и политических советников. Помощь оружием, специалистами,

организацией войсковых формирований привела к тому, что осенью 1924 г. юг Китая был уже готов к походу на север с целью подчинить себе не признававших власть президента милитаристов. Тем временем тяжело больной президент направился все же в Пекин, где наиболее влиятельный из северных милитаристов Дуань созвал конференцию с целью достичь умиротворения в стране. Конференция к позитивным результатам не привела, а смерть Суня в марте 1925 г. сильно сказалась на складывавшейся в Китае политической ситуации.

В обстановке все усиливавшейся в стране напряженности (30 мая 1925 г. в Шанхае была разогнана англичанами массовая демонстрация студентов) и междоусобных столкновений милитаристов на севере, а также при все более возраставшей активности КПК в июле 1925 г. в Нанкине было создано национальное правительство Китая. Во главе его оказались близкие к Суню лидеры гоминьдана, а осенью того же года начались активные боевые действия армий хорошо вооруженного юга страны. Это привело к тому, что Чан, добившийся в ходе военных действий наибольших успехов, вскоре стал наиболее значительным из гоминьдановских лидеров. Он возглавил не только ЦИК этой партии, но и войска, начавшие Северный поход (1926–1927 гг.), итогом которого вскоре стало подчинение большей части страны национальному правительству в Нанкине. При этом с милитаристами было практически покончено и более того, усилившиеся гоминьдановцы во главе с Чаном сумели разорвать союз с КПК, которая пыталась навязать им свои методы ведения войны и свои далеко идущие цели. Разрыв с КПК, чьи войска ушли в далекие и сравнительно малодоступные северо-западные районы Китая, где ими был создан *особый район*, привел к некоторому успокоению страны. Началось достаточно долгое и почти мирное десятилетнее существование Китая в условиях отчаянных попыток гоминьдановского правительства установить в стране режим буржуазной либеральной демократии при активно развивавшейся и поощрявшейся государством частной предпринимательской деятельности быстро формировавшейся китайской буржуазии.

НАНКИНСКОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ (1928–1937 гг.)

Строго говоря, этот режим во многих отношениях был если и не копией, то достаточно заметной предтечей того, который сложился в современном Китае с 1978 г., т.е. после смерти Мао, крушения его принесших стране столько несчастий социальных экспериментов и начала подлинно великого преобразования страны Дэн Сяо-

пином. На этом сегодняшние руководители страны пока не делают осознанного акцента. Видимо, полагают, что время еще не пришло. Но, тем не менее, факт остается фактом. В то время как в далеких северо-западных районах страны был создан независимый от центрального гоминьдановского правительства *особый район* КПК, где эта партия продолжала существовать и даже пополнять свои силы, выжидая лучших времен, основная часть Китая во главе с Чаном заняла совсем иную позицию. Чан стремился, не теряя времени, модернизировать и тем самым вестернизовать по мере сил великую страну. При этом очень важно принять во внимание, что эта модернизация реализовывалась в основном в духе суньятсеновских идей, на которые и опирался в своей политической программе Чан. Это означало, что перестройка всей системы управления страной выглядела достаточно своеобразно. В частности, в ней ощущалось сильное влияние имперской конфуцианской традиции с ее принципами власти-собственности и централизованной редистрибуции. Иными словами, это был осознанный и обусловленный обстоятельствами неторопливый переход от привычных традиционных норм двухтысячелетнего стандарта к новым либерально-демократическим принципам буржуазного Запада.

В феврале 1928 г. в Нанкине было заявлено о прекращении военного этапа революционных боев и о переходе к периоду *политической опеки*, смысл которой сводился к тому, что Национальный конгресс гоминьдана брал на себя высшую власть в стране. В промежутках между конгрессами эта власть осуществлялась центральным исполнительным комитетом гоминьдана, образующим национальное правительство. Сложной, даже громоздкой была структура управления. Основой правительства стал Государственный совет из председателя и пяти членов, каждый из которых возглавлял отдельную палату (юань) — исполнительную, т.е. кабинет министров, законодательную, занимающуюся подготовкой проекта законов для совета, судебную, а также экзаменационную, занимавшуюся подготовкой административных кадров, и контрольно-ревизорскую. Возглавил правительство Чан, но трудно сказать, насколько успешно работали все его юани в обстановке все еще фактически не прекращавшихся раздоров между представителями различных фракций, борьбы с не складывавшими оружия милитаристами, а также в условиях назревавшей агрессии со стороны Японии. Но, как бы то ни было, новое правительство начало свою нелегкую работу.

Первые его декреты были направлены на ликвидацию неравноправия в отношениях с державами (таможенная и тарифная политика,

сеттльменты, право экстерриториальности и т.п.) с заключением новых договоров. Китаю были возвращены 20 концессий из 33, закрыты многие лишние консульства, особенно советские, открыто поддерживавшие КПК (в июле 1929 г. СССР порвал дипломатические отношения с Нанкином — они были восстановлены в 1932 г. после оккупации Маньчжурии японцами). Однако главные новации произошли в сфере экономики и внутренней политики. Законы о труде определили размер рабочего дня, установили минимум зарплаты, законы о профсоюзах признали право лиц наемного труда на организацию, забастовки, на заключение коллективных договоров, даже на участие в управлении предприятием и в его прибылях. Реформы в сфере финансов, банков, страховых обществ укрепили позиции центра в этом важном деле. Роль власти в регулировании экономики возрастала и за счет усиления контроля над промышленностью, создания государственного сектора в экономике. Однако при всем том — и это следует считать едва ли не самым главным — был сделан упор на стимулирование буржуазного частнособственнического хозяйства. Все эти новации и связанные с ними серьезные преобразования оказались достаточно эффективными. В условиях великой депрессии в мире Китай демонстрировал завидные успехи: производство росло быстрыми темпами, в годы нанкинского десятилетия среднегодовой прирост промышленной продукции достиг 6,4%.

В сфере аграрных отношений был установлен потолок землевладения, приняты меры для защиты арендаторов, упорядочено налогообложение, созданы условия для создания крестьянских союзов. Правда, проведение всех этих законов в жизнь в огромной стране требовало больших усилий и времени. Но усилия государства, дополненные мерами по развитию мелиорации, агротехники, стимулированию развития экспортной товарной сельскохозяйственной продукции, не пропали зря, что сказалось прежде всего на ощутимом росте производства, особенно чая, шелка и хлопка. И если оценить всю эту политику в целом, приняв во внимание те условия, в которых она реализовывалась, и время, отпущенное на это историей, то нет никаких сомнений в благотворности попытки гоминьдана и его руководства вывести страну из глубокой отсталости за счет усвоения основ буржуазных преобразований с элементами либеральной демократии. Однако, к великому сожалению, история была безжалостна по отношению к этим благотворным устремлениям в краткий период нанкинского десятилетия.

И дело не столько в том противодействии, которое оказывалось этой политике в стране. Не очень мешали процессу буржуазных пре-

образований и находившиеся в то время далеко от Нанкина основные силы КПК (скорее стоит говорить о нескольких попытках гоминьдановцев покончить с мятежными базами вооруженных сил КПК, которые, впрочем, к успеху не привели). Главным, что прервало путь вперед, была война, развязанная Японией. Как то хорошо известно, еще в 1931 г. японцы оккупировали Маньчжурию (марионеточным правителем ее был провозглашен бывший император Пу И), а сразу же после этого, в 1932 г., они попытались было захватить Шанхай. И хотя с Шанхаем ничего не получилось, сам натиск страны восходящего солнца на Китай, который был глубоко погружен в процесс внутреннего упорядочения и попыток ускорения темпов буржуазной эволюции, означал весомый и тревожный сигнал. Страна не могла не реагировать на него. Попытка решить проблему за счет прихода к власти в Нанкине прояпонского деятеля Ван Цзин-вэя ничего не дала. Вана вскоре отвергли (на него было совершено покушение), а к власти в 1935 г. вновь пришел Чан. Демонстрации студентов в пользу усиления политики сопротивления агрессору, чьи солдаты уже успели прославиться жестокими расправами с мирным населением, побудили Чана, явно не очень желавшего этого, пойти на соглашение с КПК. Речь шла о создании с ней *единого национального фронта*, что было для Нанкина очень желательно, ибо влекло за собой серьезную военную помощь со стороны СССР. Впрочем, это было достигнуто не сразу и даже не без эксцессов.

Дело в том, что КПК, которая вообще-то отнюдь не стремилась к активной борьбе с японцами, чьи основные силы были к тому же не слишком близко от мест дислокации ее войск, не очень-то желала объединения с гоминьдановским Нанкином. Стоит заметить, что после поражения ее войск на юге в рядах руководства компартии усилилась фракционная борьба, следствием которой стал выход в 1935 г. на передний план Мао, чье влияние особенно усилилось, когда в отдаленной северо-западной части страны был создан сравнительно компактный *особый район*. Используя антияпонскую борьбу прежде всего как удобный предлог для укрепления своих позиций, Мао и его активные сторонники в КПК на рубеже 1935–1936 гг. все же развернули кампанию за создание единого национального фронта, что поддерживали и на чем настаивали Москва и Коминтерн. Однако провокация, связанная с арестом прибывшего в декабре 1936 г. для переговоров в г. Сиань самого Чана, на время похоронила эти попытки. И хотя через несколько недель Чан был освобожден (этому, считается, способствовала опубликованная в московской газете «Правда» передовица), переговоры, естественно, затянулись. Только

в середине 1937 г. они под усиленным нажимом со стороны СССР привели к успеху, завершившемуся договором нанкинского правительства с СССР и упоминавшейся уже военной помощью.

ВОЙНА С ЯПОНИЕЙ (1937–1945 гг.)

Помощь была более чем необходима, так как события разворачивались быстрыми темпами. 7 июля 1937 г. после провокации у моста Лугоуцяо близ Пекина начался бурный старт японской агрессии. В конце 1937 г. японцами были захвачены Шанхай и столица гоминьдановского Китая Нанкин. Затем были открыты фронты в южном Китае и в районе Уханя, куда переместилось правительство Чана. В октябре 1938 г. столицей страны стал отдаленный и фактически уже оторванный от моря Чунцин. Естественно, что в этих условиях гоминьдановский Китай не мог рассчитывать на помощь со стороны западных держав, так как пути были отрезаны. Помощь могла прийти только из СССР. И советские летчики начали принимать участие в борьбе с японцами. В то же время КПК, используя ослабление позиций гоминьдановского правительства и вынужденное сосредоточение его сил на фронтах борьбы с японцами, начала понемногу расширять территорию особого района и сферу своего влияния. Активно используя в соседних с этим районом провинциях пропаганду среди давно уже очень недовольных обстановкой в стране китайских крестьян, КПК взяла курс на вступление их в ряды коммунистических армий и разворачивание под ее руководством партизанской войны.

Тем временем в мире начала решительно изменяться общеполитическая ситуация. Страны оси, т.е. Германия, Италия и Япония, готовившиеся к новой мировой войне, в 1939 г. начали ее в Европе. На долю Японии выпало продолжение войны с Китаем, которое сопровождалось небезуспешными попытками расколоть руководство гоминьдана и побудить прояпонскую его часть во главе с Ваном создать марионеточное правительство на территории, оккупированной японцами. В марте 1940 г. это правительство и заново скомплектованная с помощью японцев его армия были созданы. И лишь после нападения в 1941 г. японцев на Пирл-Харбор и вступления в мировую войну США военная ситуация в Китае начала изменяться. Расколотый на три части Китай начал понемногу обретать утерянную было внутреннюю силу, причем позиции гоминьдановского правительства в Чунцине становились все более предпочтительными. Оставляя в стороне проблемы ванцзинвэевского марионеточного правительства, важно обратить внимание на то, что гоминьдановцы из законного

правительства в Чунцине при активной военной помощи США, в том числе через проложенную японцами бирманскую дорогу, сумели начать наступление и в конечном счете одержать верх над Японией, хотя этот успех к 1945 г. уже настолько истощил их силы, что на большее — имеется в виду соперничество с КПК — их не хватило.

КОРЕЯ И МОНГОЛИЯ

Что касается этих двух дальневосточных стран, то они в 20–30-х гг. XX в. развивались как бы вдали от тех событий, которые столь серьезно повлияли на ход истории в двух основных странах региона, в Китае и Японии. В очень большой степени исторический путь обоих государств зависел как от их геополитического расположения, так и от сложившейся в каждой из них внутриполитической обстановки.

Корея была, как о том уже шла речь, фактической колонией Японии. И если принять во внимание, что богатство природных ресурсов выгодно отличало эту страну от японских островов, то не приходится много говорить о том, что главной целью оккупировавших ее японцев было индустриальное развитие страны. А в условиях буржуазных преобразований, игравших в этом процессе первостепенную роль, упор на подобного рода развитие не мог не сказаться на облике и уровне развития Кореи, пусть и в статусе колонии. Конечно, корейцы, как и китайцы, сильно страдали от жестокости японской военной машины. Но в то же время есть немало оснований обратить внимание на то, что основы современного процветания экономически высокоразвитой современной южной части Кореи (о северной — КНДР — с ее коммунистическим режимом в его наиболее жесткой форме говорить не приходится) были заложены именно тогда, в первой половине XX в. И немалую роль в этом сыграла политика колонизаторов, которые вынуждены были проводить активную модернизацию своей колонии. Вначале это проявилось прежде всего в аграрных преобразованиях, в создании в деревне частнособственнических отношений буржуазного типа. В промышленности был сделан основной упор на разработку природных ресурсов с созданием горнорудных промыслов и прочих предприятий, обеспечивающих добычу и переработку полезных ископаемых. В стране велось интенсивное железнодорожное строительство, в городах возникали многие сотни современных фабрик и заводов, немалая часть которых была ориентирована на обеспечение Японии всем необходимым для ведения крупномасштабных войн.

Существенно заметить, что попытки корейских общин вне страны побудить Парижскую мирную конференцию 1919 г. обратить

внимание на положение Кореи, к позитивному результату не привели. Следствием этого стало усиление движения в стране за независимость, которое, однако, заметным успехом не увенчалось, хотя и побудило колониальные власти провести ряд реформ, направленных на предоставление корейцам некоторых политических прав. С начала 20-х гг. в Корее стали выходить различные газеты и журналы, появляться политические партии и общественные организации, возникать забастовки и руководившие ими профсоюзы. В 30-х гг. усилили свое влияние коммунистические группировки, которые после начала японской агрессии в Китае обращали особое внимание на помощь китайцам в их борьбе с агрессорами. После Второй мировой войны президентом Южной Кореи стал живший до того в США Ли Сын Ман. А северная часть страны оказалась в 1945 г. оккупированной советскими войсками. Понятно, что вместе с ними в эту часть Кореи пришли и поддержанные СССР корейские коммунисты.

Если попытаться охарактеризовать ситуацию с эволюцией Кореи на протяжении примерно двух десятилетий между обеими мировыми войнами, то стоит обратить внимание на то, что политически несамостоятельное ее существование не нанесло ей непоправимого вреда. Скорее даже напротив. Приняв во внимание главное, т.е. буржуазные преобразования и тесно связанную с ними эволюцию общества в целом, а также возникновение пусть не всех, но хотя бы некоторых элементов буржуазного социополитического развития, нельзя не учесть, что индустриальное развитие страны в условиях японской оккупации сыграло важную роль. Это была роль подготовительного этапа для того, чтобы после Второй мировой войны юг Кореи сумел достичь многого. Разумеется, большое значение имело и то, что Корея — в отличие от Китая и Японии — практически не воевала ни с кем ни в годы обеих мировых войн, ни в промежутке между ними.

Судьба **Монголии** была совершенно иной, хотя и кое в чем сходной. Эта степная страна с ее преобладающим кочевым населением и немногими торговыми и религиозными центрами городского типа на рубеже 10–20-х гг. XX в. оказалась под политическим нажимом как Китая (с юга), так и ведшей ожесточенную гражданскую войну России. Южная, так называемая Внутренняя, Монголия была частью Китая, а на территории севера страны вскоре после окончания гражданской войны в России в 1924 г. возникла находившаяся под сильным политическим влиянием СССР Монгольская народная республика. В политическом отношении эта республика была в сильной зависимости от советской компартии. Одного из руководителей республики, П. Гэндена, в годы большого террора расстреляли в Москве по обвинению в «слиш-

ком мягком отношении» к ламаистской церкви, после чего его преемник Х. Чойбалсан начал исправлять ошибки. Он физически уничтожил десятки тысяч лам, а вместе с ними и очень значительную часть, если даже не большинство имевшихся в стране образованных людей. Не миновали расправы и многие десятки монгольских коммунистов из числа руководящих деятелей страны. Одновременно были уничтожены сотни монастырей и храмов. Правда, с помощью СССР в МНР было построено несколько крупных центров городского типа и промышленных предприятий, а в 1940 г. принята новая конституция, ставившая целью построение социализма советского типа. Однако ни то, ни другое не могло компенсировать того вреда, который нанесли стране годы вмешательства в ее жизнь советского тоталитарного режима.

ТРОПИЧЕСКАЯ АФРИКА

Регион африканских тропиков — крайне отличный по всем основным цивилизационным параметрам от дальневосточного — в первой половине XX в. принадлежал к числу самых отсталых. Имея это в виду, к сказанному следует, однако, добавить, что именно в этот сравнительно недолгий, но весьма значимый с точки зрения убыстряющихся шагов истории период (в первой половине XX столетия) буржуазные преобразования сильно изменили привычный облик и образ жизни тех народов, которые там обитали на протяжении многих тысяч лет, даже десятков тысячелетий. Все дело в том, что быстро развивающийся и резко возрастающий количественно — не говоря уже о постоянно совершенствующихся технико-технологических характеристиках — колониальный промышленный капитал как раз теперь начал зримо преображать негритянскую Африку. Если до того большая часть континента и особенно тропическая ее середина были в полупервобытном состоянии, то именно после того, как раздел африканских тропиков между колониальными державами завершился (а точку на нем поставил Версальский мирный договор), ситуация стала зримо меняться. В первую очередь это сказалось на британских и французских колониях западной части континента с их относительно более развитыми товарным хозяйством и торговыми связями, хотя так либо иначе процесс затронул всю огромную территорию.

Речь вовсе не идет о том, что нечто стало мгновенно изменяться как бы по мановению волшебной палочки. Такого не бывает. Но у промышленного колониального капитала (а с начала XX в. энергично функционировал в африканских тропиках именно он), в отличие

от веками предшествовавшего ему торгового, было то колоссальное преимущество, что в его распоряжении было многое. Очень многое. Фигурально выражаясь, в 20–30-х гг. прошлого века он уже вполне мог, что называется, горы своротить. И он делал именно это, особенно там, где богатые и весьма разнообразные природные ресурсы, как то было, в частности, в Конго или Нигерии, позволяли это и, более того, давали надежду на извлечение немалой прибыли. Конкретно все то, о чем идет речь, выражалось в возникновении в наиболее многообещающих колониях огромных промышленных предприятий, целых индустриальных районов. Там быстро появлялись сотни тысяч рабочих мест и именно вследствие этого в районах бывших лесов или прочих малопригодных для жилья территорий возникали огромные города. Рядом с ними и в них прокладывались необходимые сети коммуникаций, прежде всего шоссейных и железных дорог, создавалась вся необходимая для индустриального развития инфраструктура.

Снова и снова нужно оговориться, что такое возникало далеко не везде и тем более не сразу. Но почти везде закладывались основы для роста товарной индустрии и соответственно создавались условия для извлечения прибыли. Сразу очень важно обратить внимание на то, что и возникновение рудников и других предприятий, равно как и создание сети городов и транспортных путей, всей разнообразной инфраструктуры, в ходе возникновения которой важную роль играли европейские переселенцы, колонизаторы и колонисты, отнюдь не вели к резкому радикальному преобразованию образа жизни местного населения. Как раз напротив, с этим дело везде шло медленно, наталкиваясь на естественное сопротивление людей, не привыкших к новому, ценивших консервативную стабильность и в случае необходимости готовых оказывать решительное сопротивление, вплоть до вооруженных выступлений. Однако это не мешало постепенному размыванию привычных стандартов. Оно — размывание — шло шаг за шагом. Начавшись задолго до описываемого времени где-то на юге Африки, в районе золотоносных приисков либо алмазных копей, привычное отходничество по мере освоения европейским промышленным капиталом многих других районов африканских тропиков стало привычной нормой для огромного большинства окрестного населения.

Африканцы разных соседних племен понемногу перебирались в города, где постоянно ощущалась острая потребность в рабочей силе. Перебирались не абы как, а чаще всего именно к **своим** с надеждой получить поддержку и помощь и хорошо устроиться. В итоге в городах создавались привычные для общинно-племенных структур

полупервобытного типа землячества, обилием которых отличается африканский город и в наши дни. Землячества играли и играют очень важную социально-психологическую роль. Будучи чем-то вроде индийских каст, они создавали и создают надежное прикрытие для своих. Это позволяло и позволяет, причем нередко не только на первых порах, создавать в городах привычные для переселенцев атмосферу, да и весь образ жизни. Трансформация общинно-племенной структуры для реализации ее в городах стала надежным и важным фактором перемен. А перемены эти, укреплявшиеся и развивавшиеся от поколения к поколению, как раз и содействовали тому генеральному процессу трансформации и модернизации, который уже в конце XIX столетия, но более заметно в XX в. стал нормой. Нормой, к слову сказать, на всей планете, практически в самых отдаленных ее уголках, кроме разве что приполярных районов или иных мест, вроде бассейна р. Амазонки, явно не пригодных для проникновения туда и укрепления там современной буржуазной цивилизации.

Если подытожить, то главное сведется к тому, что на древний привычный полупервобытный фундамент усилиями колонизаторов был наложен очень мощный пласт вестернизованного капитала в его развитой индустриальной модификации. Это было велением времени. И хотя промежуток между двумя мировыми войнами был краток, именно его оказалось достаточно, чтобы начатый несколько ранее процесс обрел зримые и весьма заметные с точки зрения результатов формы. А результаты, которые имеются в виду, отнюдь не следует сводить только к современного типа городским строениям, коммуникациям, принципиально новым стандартам повседневного бытия, причудливо сочетавшимся с теми, что пришли из общинной деревни и все еще крепко держатся. Не следует сбрасывать со счетов и деятельность колониальных властей по налаживанию в их колониях систем просвещения и образования, профессиональной подготовки городского населения. Важно также учесть те возможности, которые обретали африканцы, учившиеся в университетах метрополии и стажировавшиеся в разного рода фирмах, конторах или на предприятиях. Нельзя забывать и о том, что обучение и суровая школа жизни воспитывали в новых поколениях ту цепкость, которая столь необходима для налаживания собственного мелкого или даже среднего по объему бизнеса.

Ко всему сказанному существенно добавить и возрастающую роль партийно-профсоюзных объединений и организаций. Пусть даже они создавались, по меньшей мере вначале, в основном на базе племенной общности. Этот неизбежный факт, столь заметный в Африке и в наши дни, полвека с лишком спустя, не должен — как и в случае

с возникавшими на той же племенной основе политическими партиями — смущать. Другого пути просто не было. Люди успешно учились и обретали опыт новой жизни только таким образом. И только так возникали первые представления о демократических процедурах, о правах и буржуазных свободах, о том, какими должны в недалеком уже будущем стать заново возникавшие африканские государства. Следовало бы особо обратить внимание также и на то, что возникновение конкурирующих в борьбе за власть многих политических партий, равно как и постепенное привыкание к нормам западной парламентской демократии требовало от африканцев большой и долгой подготовки. Далеко не сразу даже после окончания Второй мировой войны вообще встал вопрос о возникновении независимых политических государств, хотя именно к этому дело шло.

Не стоит сбрасывать со счетов и знакомство с великой западной культурой, с литературой и искусством, современной музыкой и театром. Не будем забывать и об основах санитарии и гигиены, о современной системе здравоохранения. Пусть не сразу и далеко не повсюду, но играло свою роль и влияние всего этого. И хотя наряду с этим многое, очень многое тянуло и тянет африканцев назад, в недавнее прошлое племенной вражды и кровавых столкновений, это прошлое уже в первой половине XX столетия и особенно в наступившей вскоре после Второй мировой войны деколонизации Африки не было главным. Конечно, оно время от времени давало и все еще дает о себе знать. Тропическая Африка в первой половине XX в., да и позже, вплоть до наших дней, еще только на пути к современной цивилизации, не более того. И все это стоит учесть. Но очень важно не забывать того, что улучшение положения дел вполне очевидно, хотя это и не мешает время от времени появлению новых диктаторов и тиранов, готовых вырезать целые племена и чуть ли не поедать своих соперников. Прошлое все еще дает о себе знать.

ОКЕАНИЯ

С островами и архипелагами Океании дело обстояло намного проще, хотя и не везде одинаково. Все дело в том, что острова эти и их население были и остаются очень разными как по образу жизни и уровню развития, так и — что крайне важно — по численности местного населения и соответственно темпам его аккультурации европейцами, будь то колонизаторы или колонисты, а то сразу те и другие. Кроме того, нельзя не принимать во внимание, что наряду с европейскими переселенцами на островах было немало выходцев

из сравнительно развитых стран Азии, а также метисов. Численность населения Океании невелика. На всех архипелагах и мелких отдельных островах в XX в. проживало всего несколько миллионов человек, причем принадлежали они ко многим различным расовым группам, языковым семьям и этническим общностям либо племенам. Однако поскольку, во-первых, стратегическая роль островных баз бесценна, а во-вторых, немалая часть островного мира способна выращивать ценные растения, имеет немалые природные ресурсы и, помимо всего, уже по меньшей степени со второй половины XX столетия начала становиться центрами привлекательного туризма и местом желанной рекреации, то стоит не забыть и о них.

Опять-таки не вдаваясь в детали, которые легко почерпнуть из разных справочников, обратим внимание на основное. А оно в том, что Океания, как и весь незападный мир, в XX в. под влиянием буржуазных преобразований стала быстрыми темпами очень решительно изменяться. Перемены шли обычным образом. Строились порты, рождались портовые центры, иногда внушительные по размеру современные города. Возникали нужные в каждом отдельном случае промышленные и другие предприятия, создавались оборудованные необходимыми механизмами плантации, появлялись средства связи. Разве что по большей части не было нужды в железнодорожном строительстве — обходились шоссе и прочими транспортно-коммуникационными связями. Иногда возникали заметные по размеру переселенческие колонии, но обычно количество западных переселенцев, включая колониальную администрацию, неизменных миссионеров и представителей бизнеса, было сравнительно незначительным. Существенно обратить внимание на то, что колониальные власти практически везде, по крайней мере там, где это вообще было возможно, терпеливо и не торопясь готовили местное население к обретению им политической независимости.

Нельзя обойти стороной тот печальный факт, что в отдельных случаях местное население не выдерживало нагрянувших на него перемен, подчас сопровождавшихся насилием, и не столько ассимилировалось либо подвергалось аккультурации, сколько просто вымирало, как то было, к примеру, в Тасмании. Стоит, впрочем, напомнить, что такое случалось не только в Океании. В СССР в свое время был написан роман «Последний из удэге», название которого в определенной степени (содержание романа в основном не об удэгейцах) говорит само за себя. И это в принципе, конечно, весьма прискорбно. Однако фиксация такого рода фактов не меняет общего вывода о том, что вмешательство промышленного капитала и очень тесно связанных с ним

буржуазных преобразований с неизбежным включением в них элементов либеральной демократии сыграли позитивную роль в истории народов Океании, как и всего остального незападного мира.

Разумеется, что происходившие в островном мире перемены далеко не сразу затронули большинство местного населения, основная часть которого продолжала вести традиционный образ жизни. Это следует считать вполне нормальным, особенно принимая во внимание тот несомненный факт, что со временем все большая часть подрастающего поколения, особенно после обретения на крупных архипелагах политической независимости, меняла привычки. Она включалась, как то происходило и все еще происходит с населением Тропической Африки и некоторых других отсталых частей планеты, в новые условия жизни.

СОПОСТАВЛЕНИЕ РЕГИОНОВ

Возвращаясь к началу главы, стоит снова напомнить, что нет на планете такого региона, который был бы сопоставим по многим своим генеральным параметрам с дальневосточным. В самом деле, взглянем на него с позиций сегодняшнего дня. Это три великих по своим потенциям государства, относящихся к наиболее передовым в мире, — Япония, Китай и Корея (Южная). Рядом с ними — коммунистическая КНДР, чьи потенции ограничиваются созданными с чужой помощью атомными ядерным оружием и ракетами при голодающем, но до предела индоктринированном и крайне запуганном населении, и пытающаяся, пусть не без многих сложностей, стать независимой буржуазной республикой освобожденная от гнета коммунистов Монголия. Очень разные государства. Но, если оставить в покое Монголию с ее весьма небольшим населением и крайне сложной историей и принять во внимание, что население КНДР чуть превышает 20 млн человек, нельзя не обратить внимания на то, что почти полтора миллиарда китайцев, японцев и жителей Южной Кореи пусть не сразу, но в конечном счете оценили те буржуазные преобразования, которые пришли к ним с запада. Об извилистом пути Китая после победы крестьянской войны под руководством КПК и лично Мао еще будет немало сказано. Но, оценивая ситуацию с позиций сегодняшнего дня, очень существенно обратить внимание на то, что не только Япония и южная часть Кореи, но и великий Китай в конечном счете оценил несомненные преимущества буржуазной (еще не буржуазно-демократической) рыночно-частнособственнической структуры. Гоминьдан и особенно Чан

Кай-ши многое сделали для этого в то время, которое лежит в центре внимания данной главы. И хотя вслед за тем под влиянием победы СССР во Второй мировой войне наступил длительный период маоистских экспериментов в казарменно-коммунистическом стиле марксистской утопии, страна сразу же после смерти Мао все же нашла силы, опираясь на многотысячелетнюю традицию конфуцианства, решительно уйти от утопического идеала и выбраться на путь, ведущий ныне ее к процветанию.

Не таков путь народов, живущих в африканских тропиках и в островном мире. Там не было цивилизационных традиций такой силы и в виде столь мощного их пласта, каким отличался Дальний Восток. И соответственно судьба их была в рассматриваемое время иной. Она целиком зависела от воздействия со стороны буржуазного Запада. Конечно, это же воздействие сыграло свою роль и в судьбах дальневосточных стран. Но его сила и значимость были неизмеримо меньшими и не идут ни в какое сравнение с тем, что могла предложить этим странам их собственная цивилизационная основа. Трудно сказать, насколько разницу следует считать значимой. В случае с Японией и югом Кореи ответ будет один, применительно к Китаю несколько иной. Но при всем том разница не только заметна, но и бесспорна. И не стараясь углубляться в нее, просто примем это во внимание. Примем и обратимся к итоговым размышлениям по поводу того отрезка исторического пути, который прошел мир между обеими мировыми войнами.

Этот в общем-то небольшой отрезок сыграл очень существенную роль в истории. Ведь именно он в конечном счете привел к крушению тоталитарных режимов и к торжеству, пусть не везде, буржуазной либеральной демократии. Он заложил основы глобального всепланетного ощущения единства человечества. Но самое главное, пожалуй, в том, что принципиально новые явления вроде выхода на авансцену обанкротившейся еще в конце XIX столетия марксистской доктрины и тесно связанного с этим расцвета тоталитарных режимов оказались не просто феноменом, заслуживающим внимания исследователей истории. Они стали симптомом, сигналом того, что после триумфа буржуазии в XIX столетии наступил новый век, поставивший этот триумф под сомнение, попытавшийся противопоставить ему нечто новое. Вопрос в том, что было в этом новом самым важным, что осталось от него и ныне фактически принято всеми (т.е. без чего нельзя обойтись) и что оказалось наносным и потому было, пусть не сразу и не слишком легко, но все же решительно отметено. Именно об этом теперь и пойдет речь.

Глава двадцать третья. ИТОГИ РАДИКАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН В МИРЕ

Итак, все то, о чем было сказано в предыдущих главах, подводит теперь к необходимости сделать некоторые итоговые выводы. О чем, собственно, идет речь? Прежде всего о том, что две конкурировавшие друг с другом на протяжении свыше двух тысячелетий структуры — древняя восточная, основанная на власти-собственности с присущей ей централизованной и децентрализованной (феодальной) редистрибуцией в разных ее модификациях, и антично-буржуазная рыночно-частнособственническая с сопутствовавшими ей свободами, правами, демократическими процедурами и выборной властью сохранились и в XX столетии. И хотя структура власти-собственности в этом веке подверглась существенной деформации, она отнюдь не исчезла вовсе. А вопрос о том, что первично, власть или собственность, оставался все еще не решенным. Правда, это не означает, что ничего не изменилось. Напротив, решительные буржуазные преобразования, шедшие — особенно в XIX в. — нарастающими темпами и достигшие колоссальных результатов, говорят сами за себя. Вызванные ими перемены ощущались в мире и перед Первой мировой воной, и в ходе этой войны, и в период между обеими мировыми войнами. Мир в эти немногие десятилетия XX в. продолжал по инерции активно пользоваться достижениями, восходившими к эпохе триумфа буржуазии с **ускорявшимися темпами буржуазной эволюции и всеми связанными с этим принципиальными институциональными сдвигами (все это обычно именуют емкими словами «вестернизация» и «модернизация»)**.

Чтобы все было до предела ясным, учтем, что модернизация западных стран, равно как и заимствование миром вне Запада его достижений — вестернизация — еще во второй половине XIX и тем более в первой трети XX в. стали нормой повсюду, вплоть до наиболее отдаленных уголков планеты. Более того, в их оценке, особенно в сфере индустриально-инфраструктурных сдвигов (с идейно-институциональными было намного сложнее), мир был практически единодушен. Более того, **бесценной для всех протестующих и недовольных буржуазным Западом оказалась возможность приобретать совершенно новую технику и осваивать принципиально иную технологию производства, что давало им в руки новое современное оружие.** Эти и многие другие достижения в области образования и науки, здравоохранения и элементарной гигиены с санитарией, в создании новых условий для жизни и работы огромного числа людей во всем мире, особенно горожан, и т.п. могли показаться сви-

детельством продолжавшихся успехов буржуазии. **Главный вопрос, казалось бы, был решен, и в конкуренции двух структур антично-буржуазная доказала свои преимущества.** Но на самом деле все было далеко не так. XX век столкнул сильно возраставшее в числе население мира с новыми проблемами, которые, помимо всего прочего (политические амбиции тоталитарных режимов) вновь подвели человечество ко все той же, казалось бы, уже решенной в XIX в. проблеме роли государства — **народ для него или оно для народа.** Но эта проблема оказалась поставленной по-другому. Какой должна быть роль государства в изменившихся условиях в качестве заботливо-патерналистской силы, принимающей на себя тяготы не столько власти (хотя и ее, безусловно, тоже), сколько необходимых усилий, направленных на централизованное регулирование социальных проблем и, как следствие, тесно связанного с ними народного хозяйства, т.е. все той же экономики, имеющей отношение к рынку и частной собственности. **Эта заново возникшая проблема оказалась в XX в. настолько актуальной, что она воскресила увядшую было марксистскую утопию и параллельно с ней породила тоталитарные тенденции различного толка.**

Разберемся во всем этом максимально обстоятельно, ибо от этого зависит слишком многое с точки зрения как объяснения причин вновь возраставшей роли государства, так и превращения в ряде случаев этого государства в страшного монстра, пожирающего миллионы подданных и буквально питающегося ими.

БУРЖУАЗНОЕ ПРОИЗВОДСТВО И ГОРОДА

Развитая промышленность и соответствующая инфраструктура — это неотъемлемые спутники преобразований, того **буржуазного промышленного переворота**, о котором в этой связи столь часто упоминают. Этот переворот, благодаря которому была включена на полную мощность свойственная только и именно буржуазной модернизации исключительная по ее основным параметрам эволюция с постоянно ускоряющимися темпами, теснейшим образом связан с проблемой города. При этом очень важно оценить суть города в его принципиально новом качестве. Имеется в виду город как развитый центр индустриального промышленного производства и всей сопутствующей ему инфраструктуры, не говоря уже об идейно-институциональном его фундаменте. Вначале, в далеком прошлом, города были центрами администрации, где помимо управителей и обслуживавшего их персонала (чиновников, жрецов, воинов, слуг, а порой и приближенных

ко двору интеллектуалов) жило постоянно увеличивавшееся количество трудового населения, которое, наряду с выплачивавшими ренту-налог окрестными земледельцами, было призвано обеспечивать именно управителей всем необходимым. Позже они на традиционном Востоке становились также и центрами развитых ремесла и торговли, причем прибыль от этих занятий тоже в основном доставалась представителям власти, что отражало суть принципа власти-собственности (власть первична, собственность вторична, а функция власти — распоряжаться ее перераспределением, редистрибуцией). Только античный мир породил в результате социополитической мутации другую структуру, с приоритетом частных собственников, граждан, с их правами и свободами, не сравнимыми с властью избранных ими чиновников, обязанных отчитываться перед избравшим их народным собранием. Поэтому античные полисы стали центрами рыночно-частнособственнической протобуржуазной экономики.

Влияние античного города с его рыночно-частнособственническими свободами и считающейся с этим властью (собственность первична, а выборная либо сменяемая из центра власть вторична) ощущалось в завоеванном Александром ближневосточном регионе около тысячи лет, но после этой эпохи эллинизма оно ушло в прошлое, вернув место структуре власти-собственности. Зато в завоеванной восточными варварами Западной Римской империи вместо утраченных на Ближнем Востоке эллинских античных городов появились новые, близкие к ним по типу. Это были города раннего западноевропейского средневековья, в которых постепенно восстанавливались античные традиции и институты. Их сутью стали развитие свободной предбуржуазной частной собственности, а также права и свободы горожан-буржуа и выборные либо ограниченные договорными отношениями с городами органы власти. Вот в этом пункте, отметив усиление роли и значимости западноевропейских городов предбуржуазного типа с их склонностью заимствовать античные стандарты, обратим специальное внимание на специфику этих городов. Она сводилась не только к постоянно возраставшему в объеме и умении развиваться быстрыми темпами хозяйству. Основой было восстановление всех прав, свобод и демократических институтов античности в их полном объеме с учетом изменений во времени и в успехах мировой экономики, особенно заметных с момента Великих географических открытий и начала эпохи колонизации неевропейских территорий. Эти важные перемены отнюдь не были простой случайностью. Они оказывались условием развивавшегося буржуазного производства. Задноевропейская буржуазно-демократическая рыночно-частнособственническая

структура становилась ведущей народном хозяйстве всего мира. А центрами ее укоренного развития становились прежде всего большие города.

Эта специфика эволюции в эпоху ускоренного развития буржуазии становилась нормой. Буржуазный Запад с характерным для него постоянным ускорением темпов эволюции начинал играть важнейшую роль мотора, передающего ускорение движения вперед всему остальному миру. Это касалось как недостаточно развитых европейских стран, так и освободившихся от колониальной зависимости латиноамериканских государств и всего остального колониально-зависимого мира. Но не все страны могли с легкостью воспринять западные стандарты хотя бы потому, что они для этого оказались недостаточно развитыми. А уровень их развития зависел от того, в каком состоянии к моменту, когда требовалось сделать усилия, необходимые для радикальной трансформации, находились города того либо иного общества. И в XIX, и в XX в. многое зависело от того, каким был и кем был в основном заселен город, призванный начать процесс буржуазной модернизации. Речь пойдет — следует сразу оговориться — как о составе населения, так и о той социальной политике, которую проводило государство. Кое-что в этом смысле уже сказано выше. Теперь обратимся к некоторым важным итоговым выводам.

В эпоху всеобщей и часто вынужденной промышленной трансформации, сводившейся к заимствованию основ модернизации и к вестернизации в мире вне Запада, города повсюду, даже в центре африканских тропиков начали расти в буквальном смысле слова как грибы. Они появлялись как символ, как высшая цель и смысл модернизации, которая никогда (а старт движению в эту сторону был дан в античности) не могла бы осуществляться вне города, хотя бы только в форме независимого от авторитарной власти полиса, и тем более без него. Не могла потому, что на протяжении веков эволюционировавшая экономика, включая высокоразвитую буржуазную индустрию с ее разнообразной инфраструктурой, линиями связи, центрами образования, науки, здравоохранения, культуры и т.п., могла реально и успешно функционировать лишь в крупных городских центрах. Конечно, кое-что из современной промышленности, например добывающие промыслы, могли и должны были размещаться вне больших городов. Но и при них, как правило, возникали поселки городского типа, многие из которых быстро разрастались, превращаясь в те же города, пусть не слишком большие и не очень старательно оснащенные всей необходимой для городского жителя инфраструктурой. Это было велением времени, диктовалось модер-

низацией, и потому процесс глобальной урбанизации уже в XIX в., и особенно в конце его, становился нормой.

Разумеется, в процессе реконструкции старых и возникновения огромного количеств новых городов существенно изменялись не только и даже не столько принцип традиционного градостроения, сколько суть самого города и всего городского хозяйства. Города становились другими. Разумеется, те из них, что давно уже существовали и были важными центрами культуры, стремились сохранить хотя бы часть своей истории. Отраженная в старинных, порой уникальных постройках, в неповторимом и притягательном облике города, она привлекала всех интересующихся величественным прошлым человечества, спецификой различных его цивилизаций. Но в основном и эти города, не говоря уже о многочисленных заново возникавших и порой — как китайский Шанхай — быстрыми темпами разраставшихся, приспосабливались к тем важным потребностям, которые несли с собой модернизация и вестернзация. О чем, собственно, идет речь?

Все дело в том, что прежние города, как на предбуржуазном Западе, так и на традиционном Востоке, где путь для модернизации был открыт только после появления и упрочения там западных буржуа, не оставались прежними ремесленно-торговыми и/или административными центрами. Напротив, они, будучи вынужденными соответствовать нормам и характеру интенсивных и в глобальной своей основе единых стандартов буржуазных преобразований, проявлявшихся прежде всего в быстрой индустриализации и в изменении облика всей экономической и прочей инфраструктуры, кардинальным образом изменялись. Эти принципиальные перемены сводились к удовлетворению как потребностей принципиально нового буржуазного оснащенного механизмами и машинами и очень часто крупномасштабного производства, так и тесно связанной с этим производством инфраструктуры. Это дороги и транспорт, конторы и склады либо жилища, школы и все необходимое (от магазинов до больниц) для огромного числа лиц наемного труда, призванных обслуживать все возраставшие потребности растущих городов.

Все это были общие проблемы урбанизации как неотъемлемого спутника модернизации и — если обратить особое внимание на специфические формы и нормы ее, характерные для стран вне Запада, — вестернизации. Города принципиально нового типа быстрыми темпами изменяли облик всех стран, всего мира. Они становились не просто центрами, но такими центрами, всестороннее обслуживание потребностей которых становилось нормой для всей страны. При этом осо-

бенно важно заметить, что речь вовсе не идет об эксплуатации городами деревни с ее сохранявшимся традиционным укладом и заметной отсталостью в развитии. Такая отсталость была нормой (ее не было заметно лишь там, где традиционная деревня прежде не существовала вовсе, как в США). Но буржуазные отношения с их абсолютным господством рыночно-частнособственнических связей выступили в деревне в качестве ограничителя эксплуатации, резко меняя, если это было необходимо, принципы взаимоотношений в сельскохозяйственной сфере, т.е. делая все необходимое для того, чтобы буржуазная свободная и полная частная собственность восторжествовала и там. Разумеется, перестройка веками складывавшихся отношений собственности в деревне была делом очень не простым, подчас заставлявшим власти — особенно колониальные, т.е. чужие по отношению к местному населению, — делать серьезные ошибки, как то было в Британской Индии, да и далеко не только в ней. Но ошибки исправлялись, и дело все же делалось. А конечная цель сводилась к тому, чтобы развитие сельского хозяйства везде, будь то Индия или отсталые восточноевропейские страны с их преобладающим крестьянским населением, подчинялись общим потребностям генеральной модернизации. И это повсюду, пусть далеко не сразу, достигалось.

Однако — и пусть это не будет сочтено парадоксом — последствия описываемых процессов, включая превращение традиционных городов, ремесленно-торговых центров, в индустриальные, а деревень в некие новые коллективы частных собственников, пусть даже только мелких сельских хозяев типа фермеров, проявлялись прежде и более всего не в экономике. Экономика изменяется медленно. Проявлялись же они ранее всего там, где этого вроде бы не следовало ожидать, т.е. в сфере социальных отношений и, что наиболее существенно, в политике. Начнем с того, что появление новых городов и интенсивное развитие современной индустрии неизбежно вели к созданию многих десятков, а затем и сотен, тысяч рабочих мест. Рабочие руки быстрыми темпами становились дефицитом. И если в сравнительно отсталых странах это было не слишком заметно (что можно сказать и о России рубежа XIX–XX вв.), то в передовых процесс шел быстрее и потому был более болезненным. Если вспомнить о тех реформах, которые проводились в большинстве стран после Первой мировой войны, то бросится в глаза обилие преобразований, направленных на государственное ограничение рабочего дня, уровня зарплаты, страховых выплат и т.п. На законодательном уровне государства решали вопросы, затрагивавшие интересы лиц наемного труда (стоит вспомнить, что в Германии начало таким рефор-

мам положил еще раньше умный и дальновидный Бисмарк, причем это очень помогло быстрому росту военно-индустриальной мощи этой страны еще до войны).

Но аналогичные реформы примерно в те же годы проводились и в других странах, будь то Латинская Америка или Восточная Европа. Нечто в этом роде происходило, пусть еще более замедленными темпами, и во многих азиатских либо североафриканских колониях. Иными словами, перед нами своего рода знак, веление времени. Смысл его в том, что модернизация и вестернизация, приносившие немалые прибыли как предпринимателям и их фирмам, так и государствам, рождали острые социальные проблемы. Какие же? На этом вопросе, обычно рассматриваемом лишь в специальных работах, стоит особо остановиться. Дело в том, что он крайне важен для понимания политических сдвигов в XX в. в большом количестве разных стран, как передовых, так и бывших колоний. Потребности города в рабочей силе удовлетворялись преимущественно за счет выходцев из деревни. Там решительными темпами протекал процесс укрупнения землевладения и создания — пусть разными темпами и в неодинаковых формах — механизированного, иногда и сравнительно крупного буржуазного частного сельского хозяйства, которое уже не нуждалось в излишней рабочей силе. Немалый избыток деревенского населения (чаще и охотнее всего молодежь) заполнял города с достаточной степенью интенсивности. При этом в развитых странах процесс был мало ощутим, тогда как в остальных и особенно в многонаселенных колониях типа Индии он становился проблемой для городских властей (в частности, люди нередко ночевали на тротуарах).

Все эти процессы шли не одновременно, протекали не сразу везде и потому поначалу не бросались в глаза. Но с начала XX столетия они становились все более заметными и, более того, требовавшими к себе все усиливавшегося внимания. Чьего? Кто и как должен был брать в голову заботу об обустройстве многих тысяч людей, которые перемещались с одних мест на другие и сразу же сталкивались с множеством серьезных проблем? Ответ бесспорен. Это те, кто был заинтересован в привлечении рабочей силы, а также те, кто должен был позаботиться о создании условий, не допускавших роста внутренней напряженности. Или, иначе, буржуа (предприниматели) и государство.

На первых порах это было, насколько можно полагать, не слишком сложным делом. А там, как в Англии, где процесс создания фабричной промышленности и огораживания в деревнях начался очень давно и протекал не то чтобы безболезненно, но постепенно и довольно долго, проблем вообще почти не было. Законы против

бродяжничества, работные дома и постепенное трудоустройство избыточного деревенского населения в растущих и быстро развивающихся городах как бы снимали проблему, не давая ей стать чересчур острой. Но и в Англии, и в достаточно гармонично развивавшихся США, да и в остальных странах Запада, включая британские доминионы, проблема все же оставалась. Более того, с течением времени она часто обострялась, причем уже не только потому, что люди массами перемещались. Вступали в дело новые факторы. В основном смысл перемен сводился к тому, что у возраставшего городского населения быстрыми темпами появлялись и росли потребности. Деревенская хижина новые поколения горожан не устраивала, как не годились и примитивные бараки в стиле работных домов. Степень благоустройства жилищ современного типа, становившихся нормой с начала XX в., сильно отличалась от прежнего и требовала не только больших расходов на коммунальные сети, но и все растущих инвестиций просто для нужд жилищного строительства. И если представители среднего класса были в состоянии платить за это, то с основной массой тружеников дело обстояло намного сложнее. Для того чтобы снять и тем более купить оборудованный домик с крохотным участком либо квартиру в многоэтажном доме нужны были большие деньги. Соответственно, вставал вопрос о повышении заработной платы. Все больше средств требовалось и для улучшения питания и одежды, для содержания детей в семье и т.д. и т.п.

Собственно, все эти элементарные рассуждения должны восприниматься с высоты современности элементарно и автоматически. И уже при рассказе о социальной политике в европейских государствах, начиная с озабоченного ею Бисмарка, упорно не желавшего обострять отношения с немалочисленной немецкой социал-демократией, немало говорилось о том, как все только что сказанное еще в конце XIX в. принималось во внимание, по меньшей мере в Германии. И делались необходимые выводы. Видимо, не хуже обстояло дело в Англии. Возможно, то же следует сказать и о многих иных западных государствах. Но все изменилось с началом Первой мировой войны, которая заставила людей подтянуть пояса.

ГОСУДАРСТВО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ И ТРУЖЕНИКИ

В послевоенной Европе практически все буржуазно-демократические государства осуществляли разные социальные реформы, направленные именно на то, чтобы как-то улучшить жизненный стандарт

основной массы городского населения. Это требовало капитальных вложений, обычно немалых. Но откуда они брались? В основном за счет предпринимателей. Возможно, в немалой части из бюджета. Но как комплектовался бюджет? Прежде всего в результате налогообложения. А основную часть налогов платили имевшие большие или хотя бы средние доходы буржуа. Итак, платили так либо иначе те, кто много зарабатывал, кто получал высокие доходы. И вот здесь, в этом пункте, мы подходим к новому и очень важному аспекту темы.

Изуродованное марксистской интерпретацией экономических процессов отечественное население — да и многие за пределами нашей страны — привычно считают, что богатые предприниматели только и делают, что наживаются на эксплуатации простых тружеников. Собственно, на этом стоит вся доктрина марксизма, держатся все рассуждения автора знаменитого «Капитала». Но коль скоро в рамках данной работы марксизм считается — что по мере его сил обосновывается автором — дискредитировавшей себя доктриной, то стоит ко всему сказанному выше о ней добавить и еще некоторые не лишенные смысла соображения. Суть их в данном случае сводится к тому, что богатые — речь не о феодалах! — обычно делятся. Они привыкли делиться и делают это не только потому, что этого от них ждут и что к этому их вынуждают требующие налогов власти. Делятся потому, во-первых, что хорошо понимают, что труженики на их предприятиях имеют законное заработанное право на хорошую оплату их труда. Оплату, рост которой должен быть закономерен и соразмерен с ростом доходов буржуа. А во-вторых, вследствие того, что этого ждут от них общество и государство, что производимую ими продукцию кто-то должен все время покупать. Добиться же этого можно лишь в том случае, если покупатели — а среди них абсолютно преобладают те, кто трудится на их же предприятиях, — будут иметь для покупок (для удовлетворения своих растущих потребностей) достаточные средства.

Далеко не сразу все эти элементарные расчеты стали нормой. Но на протяжении всего XX в. именно они довлели над умами людей, всерьез разрабатывались в экономических сочинениях и заставляли ломать голову не только теоретиков, но и тех, кто отвечал за социальное и экономическое благосостояние населения. Ситуация в немалой мере облегчалась тем, что в XX столетии быстрое индустриальное развитие влекло за собой не только промышленный подъем и экономический рост, но и очень значительное увеличение доходов. Часть их в качестве капитала вкладывалось в производство, вывозилась в другие страны, где экономика была еще слабо развитой. И хотя отечественные авторы, о чем выше упоминалось, очень

часто в своих трудах сурово осуждали капиталистов ведущих держав за то, что они своими инвестициями будто бы только и делали, что закабаляли менее развитые страны, на деле то, что они делали, было, как правило, благом для этих стран, ибо способствовало их индустриальному развитию.

Естественно, что вывозилось и вкладывалось не все извлеченное в виде дохода. То, что оставалось после обеспечения собственного потребления и выплаты налогов, что не нужно было использовать для реконструкции и расширения местного производства и не предназначалось для внешних инвестиций, шло на увеличение заработной платы, на оплату необходимых издержек, предназначавшихся для страхования, сокращения рабочего дня и т.п. Словом, нет нужды доказывать, что бухгалтерия и все сложные расчеты, связанные с нормально развивающимся буржуазным производством, достаточно многолики и сложны и вовсе не сводятся к эксплуатации тружеников. Во всяком случае нет и не может быть сомнений в том, что предприниматели в сколько-нибудь развитых странах хорошо понимали, что по меньшей мере частью доходов им следовало делиться со всеми теми, кто трудился ради их получения. Понимали не хуже других и делились. Но все это хорошо, когда идет в норме. А как обстояло дело в тех случаях, когда норма почему-либо давала сбой? Что тогда происходило с предпринимателями и тружениками? И на чьи плечи ложилась задача выбраться из сложной ситуации?

Ответ прост и недвусмыслен. Помочь в таких случаях могло и должно было только государство. Собственно, любое государство, будь то раннее древневосточное или античное, в форме полиса либо империи типа Римской, возникало именно для того, чтобы помочь выжить и нормально существовать чрезмерно усложнившемуся обществу. Это становилось необходимым потому, что общество было не в состоянии самостоятельно решать все свои проблемы без специально подготовленной и освобожденной от всяких других забот администрации, наследственной в одном случае и выборно-отчетной перед избирателями в другом. Во всей длительной истории человечества власть (государство) дольше и чаще всего стояла над населением, бывшим обычно бесправными подданными. Но как бы в обмен за это такое государство, стоявшее на фундаменте принципа власти-собственности и потому не слишком церемонившееся с частными собственниками, забирало у них все, что считало нужным. И этого, как правило, хватало на то, чтобы причастные к администрации были удовлетворены, а подданные в случае нужды (война, неурожай, голод и т.п.) имели распределявшийся среди них страховой запас. В тех много более редких и гораздо менее длительных случаях,

когда существенную роль играла иная структура, состоявшая из полноправных и свободных граждан, выбиравших, пусть подчас в непрямой форме, а через посредство сената, как то было в Римской империи, своих правителей, в функции государства входила забота о гражданах.

Она сводилась прежде всего к обеспечению максимума благоприятных возможностей для развития частнопредпринимательской протобуржуазной по типу деятельности, что должно было способствовать и всегда способствовало ликвидации во всех мыслимых ситуациях любых необычных сложностей (не только в полисах, но и в многонаселенном Риме от голода, насколько известно, никто никогда не умирал, а войны чаще всего приносили победы и щедрые контрибуции). Из всего этого вытекает, что пусть каждая система власти по-своему, но любая из них всегда как-либо вмешивалась в экономику. Только характер такого вмешательства бывал разным. В одном случае это было постоянное регулирование, контроль и беспрекословное распоряжение избыточным продуктом коллектива, включая и все то, что удастся содрать с частных собственников, а в другом — постоянное и заботливое содействие гражданам в их производительной и предпринимательской деятельности.

Начиная с конца XIX и особенно в начале XX в., когда государство буржуазного типа стало господствующим сперва во всех западных странах, а затем и во многих других, ситуация в некотором смысле существенно изменилась. Развитые и все более быстрыми темпами развивавшиеся буржуазные государства были, как то хорошо известно, демократиями не только по форме. Суть их сводилась к тому, что от реакции населения зависело, кто будет у власти. А это значило, что население, теперь уже почти повсюду в значительной своей части принимавшее участие в выборах, должно было быть удовлетворено политикой тех, кто сегодня стоит у власти. И любая партия, партийная коалиция не могли не считаться с этим, особенно если у левых было заметное число голосов в парламенте, как то случалось в конце века в Германии или в период правления Народного фронта во Франции. В таких случаях парламенты могли принимать законы, которые позволяли проводить щедрую социальную политику. Это происходило за счет бюджета, в конечном счете пополнявшегося налогами, взимавшимися с предпринимателей. К слову, именно такая тенденция была более всего заметна на примере скандинавской модели социального партнерства.

Итак, даже в странах буржуазной демократии государство порой активно вмешивалось в экономику и систему связанных с ней социальных отношений. Это вмешательство становилось особенно серьезным в случае сильных нарушений в норме, как то проявилось в годы великой

депрессии в США, а затем и в ряде других западных стран. Оно проявлялось во вмешательстве в финансово-банковские дела, в организации дорогостоящих проектов за счет казны, да и во многом другом. Теоретической основой такого вмешательства стало кейнсианство, т.е. разработки английского экономиста Кейнса. И в самом этом вмешательстве не было ничего угрожающего буржуазной демократии. Напротив, как только нужда в нем прекратилась, прекратилось и оно. Но для нас сейчас очень важно зафиксировать сам факт: вмешательство государства, его контролирующая и регулирующая роль порой становится реальностью и там, где никогда не было структуры власти-собственности с ее редистрибуцией, которая и была постоянным вмешательством властей в экономику общества. Это означает, что в принципе такое вмешательство возможно, даже до известной степени необходимо по меньшей мере в тех случаях, когда налицо явное отклонение в экономике от привычной нормы. И этот факт необычайно значим в свете того, что стало характерным для модернизирующегося мира в XX в.

Для начала стоит обратить внимание на то, что в переходных режимах Востока, включая и колонии, подобного рода вмешательство в принципе должно быть гораздо более частым и заметным. Во-первых, потому, что отклонения от нормы в них много чаще и серьезнее (особенно, когда речь шла о неурожае и голоде), а во-вторых, просто из-за того, что новые буржуазно-демократические институты там еще не устоялись и порой с легкостью вырождались в деспотизм захватившего власть диктатора. По меньшей мере частично это же относится к Латинской Америке. Но, учитывая сказанное, стоит теперь снова обратить особое внимание на то, как выглядела корпоративная система в тех тоталитарных странах, где жесткие режимы правящих партий *нового типа* предпринимали определенные и вполне логичные — более того, отнюдь не безрезультатные, — усилия для упрочения своих позиций.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТОТАЛИТАРНЫХ СТРАНАХ

Как то ни покажется удивительным, но и лидеры тоталитарных режимов осуществляли — разумеется, лишь в определенном смысле и не без весьма существенных особенностей, — примерно ту же социальную и экономическую политику, что и буржуазные правительства. Разве что никакой либеральной демократии там не было. Но почему ее не было и, более того, необходимость в ней принципиально отрицалась? Можно было бы сказать, что все дело в стремлении

стоящих у власти вождей к диктатуре. Нет слов, этот импульс играл свою роль, что видно и на примере неустойчивых демократических режимов в некоторых латиноамериканских странах. Но что позволяло склонным к диктатуре правителям в подобных условиях, начиная с фашистской Италии, сравнительно легко становиться диктаторами? Почему такого не было и не могло быть в развитых либерально-демократических странах?

Пусть это не покажется неубедительным, а то и вовсе обидным, но **дело** не столько в режимах как таковых, сколько **в поведении основной массы населения**. Точнее даже в том, с каким именно населением и в какой период существования страны имеют дело кандидаты в диктаторы, равно как и поддерживающая их правящая элита. Снова вернемся к тому, откуда шла нужная быстро растущим городам рабочая сила. С какого рода деревней имели дело латиноамериканские страны? Или Италия с ее традиционным крестьянским югом? Или даже вроде бы развитая Германия перед приходом к власти нацистов? Все это разные страны (к их числу можно добавить Испанию, Португалию, Венгрию, не говоря уже о Японии), но для всех них характерно существование многочисленной и, стоит подчеркнуть, как правило, отсталой крестьянской периферии. Даже в Германии после неудачной для нее Первой мировой войны и в условиях послевоенных невзгод веймарского периода многие крестьяне едва ли могли быть в числе тех, кто был предан принципу либеральной демократии. Старая прусская дисциплина с ее жесткой военной муштрой прививала крестьянским парням привычку повиноваться. Учтя этот важнейший фактор, представим себе теперь, кем в послевоенные годы оказались наводнены города стран, о которых идет речь.

Практически сказанное означает, что городское население было склонно не столько бороться за свои антично-буржуазные права и свободы, сколько поддерживать идеи реванша, войны и в конечном счете очень жесткой диктатуры — особенно если диктатор обещал и, реально выполняя обещание, действительно в некоторой, а то и в немалой степени как-то способствовал улучшению его материального положения. Ведь любой диктатор (фюрер, дуче, каудильо и др.) в странах, где сохранялась рыночно-частнособственническая экономика, был озабочен сохранением приемлемой нормы в обострявшихся взаимоотношениях между растущим притоком слабо обеспеченных горожан и предпринимателями, порой не очень явно выражавшими готовность пойти навстречу наемным работникам. В итоге частное хозяйство в тоталитарных режимах правого толка приносило свои плоды, тогда как сознательно **превращенные в фикцию атрибуты**

либеральной демократии замещались институтами, заимствованными из привычной для деревни структуры власти-собственности со свойственным ей патернализмом и с обожествленным вождем, харизматическим лидером. Существенно принять во внимание, что патерналистское государство в условиях уже созданной индустриальной мощи оказывается способным и даже заинтересованным в том, чтобы обеспечить труженикам вполне сносный жизненный стандарт. А предприниматели, принуждаемые официальными организациями, в том числе профсоюзными, готовы активно содействовать обеспечению этого стандарта, ибо оказывались в ситуации, идентичной той, что всегда была типична для частных собственников в рамках структуры власти-собственности. И, бессильные перед аппаратом власти, чья мощь обеспечена органами жесткого контроля, принуждения и насилия, предприниматели шли на уступки. Более того, они подчас делали это охотно, ибо, во-первых, сознавали, что плетью обуха не перешибешь, а во-вторых, не без оснований рассчитывали, что в условиях агрессивной внешней политики, являвшейся, как правило, неотъемлемой частью режимов, о которых идет речь, им тоже кое-что может перепасть. Перед специалистами, которые должны оценить этот феномен, остается задача определить сумму плюсов и минусов подобного типа смешанной структуры. Это важно, помимо всего прочего, для того, чтобы достаточно обоснованно определить внутреннюю устойчивость такого рода гибрида.

Здесь существенно не сойти с необходимой для адекватного анализа твердой почвы, т.е. не дать эмоциям увлечь себя в сторону. Дело в том, что очень легко осудить фашизм за его беспардонность и тем более нацизм за его зверства, за свойственный ему геноцид. Но ведь этим дело отнюдь не ограничивается. Специалисты обязаны понять и объяснить, почему народ (речь об огромном, подавляющем большинстве) восторженно приветствовал своих вождей и долгое время, до полного краха режима, был им искренне предан. Автор далек от того, чтобы полагать, что понимание и объяснение феномена, давно уже многократно изучавшегося, до него не были реализованы. Но он предлагает собственную концепцию исторического процесса и потому вправе дать свое понимание сложившейся в каждом данном случае ситуации, тем более исторически крайне значимой. С точки зрения авторской концепции суть проблемы в том, что основная масса тружеников, пусть даже искусно противопоставленная другой их части (не стоит забывать, что среди немецких евреев большинство было преуспевающим, что не могло не вызывать зависть со стороны не слишком обеспеченного населения), с легкостью соглашалась с политикой,

содействующей улучшению и сохранению в улучшенном виде ее жизненного стандарта. И еще одно очень важно. Ведь речь идет об эпохе, когда развитие масс-медиа уже достигло высокого уровня, что открывало широкие возможности для массовой индоктринации населения. Если не все понимали, как хорошо им живется и насколько хуже приходится другим, всем остальным, то им это ежедневно объясняли. Объясняли терпеливо, сопровождая необходимыми пояснениями со ссылкой на тщательно подобранные данные, цифры и факты, отсылая сомневающихся к тому (например, к выпускаемым в стране в большом количестве легковым автомобилям и великолепным немецким автобанам), что действительно говорило само за себя.

Если иметь в виду итальянцев и иные народы, которые жили в условиях господства аналогичного тоталитарного режима правого толка, но без явно выраженного антисемитизма, тем более без геноцида евреев (частично, если даже не прежде всего потому, что их в стране было сравнительно немного и они там не занимали тех позиций, что имели в Германии), то и там все шло как по маслу. Одобрение основной части населения было обусловлено тем, что патернализм государства постоянно обеспечивал лояльность и уступчивость предпринимателей, а официальные профсоюзы защищали связанные с этим интересы тружеников. Даже там, где профашистские режимы, как то было в ряде стран Восточной Европы перед Второй мировой войной, многого не достигли, тенденция, о которой идет речь, оказывала свое влияние. И для самих таких режимов, и для абсолютного большинства их населения **корпоративная система с тесно переплетенным с ней государственным патернализмом была — что бы ни писали о том критики тоталитаризма — чем-то приемлемым, даже более предпочтительным, нежели что-либо другое, к чему они не успели привыкнуть**. Люди ценили то, что обретали, и не очень негодовали в связи с тем, что чего-то мало еще понятного им (имеются в виду нормы и институты либеральной демократии) лишались. Не претендуя на многое, они в массе своей были если и не всегда довольны, то во всяком случае удовлетворены.

Обобщая, можно сказать, что условия жизни в тоталитарных странах правого толка были в принципе не хуже, а в чем-то, возможно, иногда и лучше, нежели в странах со слабо развитой буржуазной либеральной демократией (например латиноамериканской). А тесно связанная с сохранением сложившихся условий внутриполитическая стабильность была в глазах большинства населения преимуществом, выгодно отличавшим его жизнь от существования населения в странах, где спорадическая смена правя-

щей элиты вела к непредсказуемым переменам. Здесь перед нами типичное традиционно-восточное опасение перемен и неизменная склонность к давно достигнутой и желанной консервативной стабильности.

Если следить за логикой рассуждений автора, легко заметить, что СССР, который до Второй мировой войны был единственной тоталитарной страной левого толка, по ряду параметров, особенно в том, что касалось норм взаимоотношений народа и диктатора, вроде бы мало чем отличался от остальных тоталитарных стран. Впрочем, одно очень важное отличие все же было. Оно, собственно, и лежало в основе принципиального несходства тоталитарных режимов правого и левого толка. Отличие сводилось к тому, что марксистская доктрина категорически отрицала частную собственность и всю рыночно-частнособственническую структуру с ее фундаментом в форме прав и свобод буржуазной либеральной демократии и тем более социал-демократии. Эта очень важная разница вела к тому, что тоталитаризм левого советско-коммунистического толка был лишен не только повседневной и серьезной патерналистской заботы государства по отношению к массам тружеников, но и не имел богатых преуспевающих предпринимателей, которых можно было бы принудить регулярно делиться своими доходами с работниками своих предприятий. Какие следствия имела эта важная структурная разница и как ее в этой связи следует оценивать?

Это, пожалуй, одна из наиболее сложных и серьезных проблем, которая имеет отношение не столько к теории тоталитаризма, сколько к истории и трагедии России как жертвы тоталитарного режима. Режима, значимость и страшное воздействие которого на нашу страну и ее многострадальный народ кое-кто сегодня пытается чуть ли не реабилитировать. И это побуждает отнестись к проблеме в целом с максимальной серьезностью. Здесь не может, не должно быть ни колебаний, ни склонности к конъюнктурному пересмотру драматической реальности. Вспомним о воспетом в мировой литературе пепле Клааса, который должен давать о себе знать каждому! Люди — не навоз. Многие миллионы, даже десятки миллионов погибших не должны быть забыты! ***Их палачи и тем более Главный Палач не имеют права на прощение!*** Руководствуясь этим элементарным соображением, обратимся к сути проблемы.

Устойчивость тоталитарного режима правого толка гарантировалась его корпоративной системой, эффективное существование которой без признания и активного использования частного предпринимательства невозможно, так как эта система — материальная основа режима,

его прочный экономический и социальный фундамент. А что же служило эквивалентом ее в СССР? Им было и могло быть в сложившихся условиях только государство. Но для этого то самое государство, о котором идет речь, должно было быть — и реально было — своего рода супервариантом той самой классической восточной власти-собственности со свойственной ей централизованной редистрибуцией, о которой уже так много было сказано. Фиктивные либерально-демократические институты и процедуры, как и прописанные в советской конституции будто бы реально существовавшие права и свободы, которые практически не только не играли никакой роли, но блистательно отсутствовали, в реальности создавали лишь благоприятный фон для восприятия советского строя некоторыми левыми интеллигентами из стран Запада. Но это означало, что тоталитаризм в коммунистической его модификации должен был бы на самом деле испытывать неимоверные трудности. Однако никаких видимых трудностей не было. А те, что все же были, как правило, сравнительно легко преодолевались при помощи элементарного насилия, пусть даже в невиданных до того в мире масштабах. Почему же это было именно так?

Потому, что рыночно-частнособственнической антично-буржуазной структуры с ее фундаментом в виде либеральной демократии с многими ее институтами, процедурами, правами и свободами не было и в досоветской России. Не то чтобы ее не было вовсе. В конце XIX и начале XX столетия она вроде бы стала постепенно оформляться. Однако процесс шел медленными темпами и к сколько-нибудь ощутимым результатам привести не сумел, не успел. А для подавляющего большинства народа он не был заметен, особенно имея в виду все трудности военного времени. Поэтому, в отличие от всех европейских тоталитарных режимов правого толка, коммунистический тоталитаризм не был озабочен необходимостью удовлетворить массы тружеников (а это были в основном привыкшие к нищете и бесправию крестьяне) своей заботливой патерналистской опекой. Напротив, перед ним открылись неведомые остальным тоталитарным режимам возможности безжалостно ограбить крестьян и вновь вернуть их в состояние крепостных рабов, обязанных бесплатно работать на государство и готовых умереть с голода, если взращенные ими продукты потребуются для индустриализации и милитаризации страны.

Разумеется, при этом огромную роль играли постоянная индоктринация, умело воздействовавшая на чувства людей и превращавшая многих из тружеников, привыкших к православию, в верующих в светлое будущее, ради которого новоявленные их большевистские пастыри могли выделывать все. Свою роль, естественно, сыграло

явное и скрытное насилие, насилие в беспрецедентных размерах, рождавшее как безжалостно подавлявшееся сопротивление, так и великий страх. Вот эти самые **вера, насилие и страх** стали в нашей стране **вынужденным, продиктованным официальной доктриной марксизма эквивалентом корпоративной системы с ее патернализмом и вниманием к необходимым потребностям населения.** Вопрос о том, что лучше и что хуже, при этом явно не встает. Встает другая проблема, а почему народ все это безропотно терпел?

Разумеется, сопротивление было. Но для того и существовали невиданные по их мощи репрессивные органы, чтобы уничтожать крамолу. И несогласные ликвидировались, а курс не только на мировую войну, но и на союз с самым оголтелым тоталитарным режимом в Германии был смело взят после этого, на рубеже 1938–1939 гг. Разумен ли был этот курс? Увы, но это именно так. Только в союзе с нацизмом (а точнее, надеясь на то, что этот союз поможет Германии истратить все силы на борьбу с буржуазным Западом, после чего для СССР откроются манящие перспективы) можно было рассчитывать на успех в борьбе за мировое господство. И здесь в который раз перед исследователями встает вопрос о роли случайности или стечения обстоятельств в качестве факторов эволюции. То и другое были тогда на стороне советского диктатора, сумевшего в своей огромной стране запугать большинство и уничтожить меньшинство населения ради того — не стоит обольщаться иными предположениями, — чтобы стать властелином мира. Конечно, на пути к мировому господству были соперники вроде нацистского фюрера. Но его можно было бы и обмануть, перехитрить, заманить в ловушку. Во всяком случае есть немало оснований полагать, что ход мысли был именно таким.

Стоит принять во внимание, что агрессивность и империалистические аппетиты всех тоталитарных держав, постоянно и очень ловко обыгрывавшиеся в советской пропаганде, прибавляли нашим внутреннюю силу и надежду на достижение экспансионистской цели. Индоктринация приучала людей к тому, что их государство выше и лучше любого другого и что именно поэтому им следует начать войну с врагами их лучшего в мире режима. Люди привыкали считать, что враги преследуют их страну, что их нужно одолеть и что поэтому война необходима для того, чтобы всем, всему миру стало так же хорошо, как хорошо живется населению нашей страны. Чем дальше, тем более ясным становилось то, что жесткость тоталитарных режимов, учитывая их внутриполитическую стабильность и очевидно поддерживавшуюся населением склонность к агрессии, придавала им дополнительные шансы на успех. Все это ставило планету на грань очередного столкновения. Назревала Вторая мировая война.

Часть четвертая

Вторая мировая война

Эту часть писать наиболее сложно. И дело вовсе не в том, что новая война по многим важным параметрам отличалась от Первой. В те времена — при всей неоднозначности политики каждой из ведущих держав — все было достаточно логично и вело к одному. Обе коалиции, пусть даже затянув в отдельных случаях переговоры до той поры, когда война уже началась (случай с Италией), были заведомо вполне предсказуемы. Теперь все было не так. Хотя готовились к войне и оказались втянутыми в нее вроде бы те же ведущие мировые державы, она с самого начала имела другие цели и иной внутренний смысл. Историография Второй мировой войны настолько многогранна, обильна и спорна, что даже о перечислении основных работ и точек зрения говорить не приходится. Но есть важные проблемы, значимость которых первостепенна. Это прежде всего вопрос не столько об обстоятельствах начала войны, т.е. заключения советско-германского договора. Вызывает споры волнующий всех вопрос, почему нападение Германии на СССР застало нашу страну врасплох. Обе проблемы заслуживают специального рассмотрения, что и предполагается сделать. Но сначала о том, как разворачивались события накануне войны.

Суть новаций в изменении ситуации в мире. Хотя между обеими войнами лежат лишь два неполных десятилетия, мир за эти годы очень изменился. Перемены сводились к тому, что на передний план в мировой политике вышли тоталитарные режимы (нацистская Германия и коммунистический СССР), которые стали олицетворением нового, «тотального» империализма. В итоге вместо прежних двух появились три центра политической силы. **Важнейшим из них казались либерально-буржуазные страны.** Но они не являли единого блока и долго не ощущали назревавшей политической опасности, не заботились о сближении и тем более о создании коалиций. Похоже на то, что были даже уверены в том, что ничего похожего на мировую войну им не грозит. Была создана Лига Наций, созывались разные

международные конференции, ставившие целью создать условия для сохранения мира. Принимались меры для содействия попавшим в тяжелое положение, будь то голод в Поволжье или невозможность выплаты военной контрибуции. Очень похоже на то, что буржуазно-демократические страны не осознавали опасности, которую влекло безудержное усиление тоталитарных режимов. Вплоть до лета 1939 г. они, как то вытекает из разного рода попыток урегулировать их отношения то с Германией, то с СССР, еще надеялись, что мировая война не неизбежна. Лишь после аннексии немцами Австрии и Судетов, а также резкого усиления военной мощи СССР и усиления бесконтрольной власти его вождя на Западе начали ощущать надвигающуюся угрозу войны. Страны Запада, Франция и Англия (о США речи нет, они продолжали предпочитать изоляционизм), пытались сделать все, что можно, для ее предотвращения. Вопрос был только в том, где следует обозначить ту грань, далее которой уступки потенциальному агрессору невозможны. И как реагировать, если эта грань будет решительным образом прорвана. Сомнения, помимо всего прочего, были связаны и с тем, что столкновение СССР с Германией в Испании позволяло Западу надеяться, что его уступки фюреру могут привести к тому, что война начнется между соперничавшими тоталитарными державами, на что они явно и, похоже, всерьез рассчитывали.

Вторым центром силы были тоталитарные режимы правого толка во главе с Германией, создававшей коалицию стран оси. Характерным для этих режимов (не только Германии, но также Японии и Италии) было свойственное им стремление к агрессивной экспансии и в конечном счете к мировому господству. С Германией, главенствующей в блоке стран оси, все было ясно. Горячо приветствуемый народом фюрер, немало сделавший для улучшения жизненного стандарта страны и активно способствовавший индустриальному — включая в первую очередь военную промышленность — ее развитию, успешно выполнял поставленные им цели. А сводились они не столько к укреплению корпоративной системы и скромному увеличению *жизненного пространства* за счет Австрии или Судет. Гораздо более важным было установление во всем мире *нового порядка*, не совместимого с коммунистическим и не имевшего ничего общего с буржуазной демократией. Для этого фюреру, усилившему военную мощь нацизма, следовало сделать стратегически обоснованный выбор. Он должен был исходить из точной оценки не только силы и возможностей своих потенциальных противников, но и из того, как лучшим образом использовать их потенциал, если он окажется присоединенным к высоко технологичной, но не изобилующей ресурсами Германии. Практически это

вроде бы значило, что установление нового порядка следовало начать с завоевания Западной Европы. Вопрос был в том, как урегулировать отношения с СССР и что ему придется за это уступить.

Если говорить о взаимоотношениях между этими двумя центрами силы в Европе в конце 30-х гг., то складывается впечатление, что фюрер и германский генеральный штаб к этому времени все в основном уже решили, что, быть может, не исключало некоторых колебаний. Предполагалось начать войну с завоевания высокоразвитой Западной Европы. Собственно, захватывая один за другим куски Восточной Европы и подготавливая восточноевропейские государства к сближению с немцами, для чего там создавались покладистые правительства и даже конструировались корпоративные системы, фюрер давал понять именно это, хотя старался, чтобы его потенциальные противники не были в том абсолютно уверены. Все это страны Запада могли элементарно высчитать, ибо воевать на два фронта для Германии самоубийственно, что после прошлой войны вроде бы не требовало особой аргументации. А явное преимущество развитой индустриальной Европы — если ее потенциал оказался бы в распоряжении фюрера — над (как тогда ему и многим представлялось) несравненно более низким военным потенциалом СССР было вне сомнений, не говоря уже о том, что завоевывать ее со многих точек зрения проще. Однако Запад, стоит повторить, не стремился к войне. Обвиняя его в *умиротворении агрессора*, что для отечественной историографии привычно, не стоит забывать об этом, хотя и не следует сбрасывать со счетов, что уступки фюреру могли быть и намеком, рассчитанным на то, что война начнется на восточном фронте.

Теперь несколько слов **о третьей силе, об СССР**. Советский вождь имел, как упоминалось, свой расчет. И если он вел переговоры с разными державами, это еще не значило, что он внутренне еще не принял решения. Другое дело, что до поры до времен он предпочитал не быть связанным ни с кем, оставляя за собой свободу для маневра. Эта позиция была очень важной, если принять во внимание высшую цель советского коммунистического руководства. **Целью этой была война за мировое господство.** Все старшее поколение страны хорошо помнит, что в довоенное время СССР был целиком поглощен подготовкой к войне, воплощенной — уже после убийственной для крестьянской деревни коллективизации, а также во многом обеспеченной за этот счет и обусловленной военными целями массированной и резко ускоренной индустриализации (либо мы это сделаем за две-три пятилетки, либо нас побьют) и в запугавшем всех *большом терроре* 30-х гг. — в мобилизационной экономической и социальной политике. Суть этой крайне безжа-

лостной по отношению к народу политики сводилась к тому, что война неизбежна. А раз так, то население, забыв обо всем прочем, должно было быть в состоянии полной боевой готовности. И хотя о целях предстоящей войны говорилось не слишком много, а если и заводилась речь, то все сводилось к враждебному *капиталистическому окружению*, на деле страна готовилась к войне, причем отнюдь не к оборонительной. Этот тезис может показаться не слишком убедительным, причем не потому, что все забыли о бесчисленных лозунгах насчет *всемирной революции*, которые идейно обосновывали жестокую политику большевиков после 1917 г. Вопрос стоял иначе.

После очищения ВКП(б) от старой гвардии тех, кто в свое время пытался свершить революцию не только в России, но и во всем мире, причем не преуспел ни в том, ни в другом, мировые политики и специалисты в мире приняли к сведению, что СССР во главе с его вождем уже не тот, чем был прежде. Конечно, исследователей не могла не смущать неоправданная жестокость по отношению к десяткам миллионов людей, обреченных на смерть либо откровенно — как в годы коллективизации и голодомора — уничтоженных во имя свершавшейся с милитаристскими целями индустриализации. Но они вполне могли принять к сведению заявление руководителя СССР, сделанное еще на начальном этапе большого террора. Как известно, в марте 1936 г. в ответ на вопрос американского журналиста Р. Говарда насчет мировой революции вождь сказал, что **подобных намерений никогда не было и нет, что экспорт революций — это чепуха**.

Заявление не означало, что цель изменилась. Пусть не стимулировалась мировая революция посредством идеологической пропаганды, что давно уже стало делом явно безнадежным. Но взамен этого революцию, как о том открыто время от времени вспоминали, можно было принести на штыках винтовок. А кроме того сутью крупной тоталитарной страны является — по определению — экспансия в борьбе за преобладание в мире. Только теперь она сводилась к попытке завоевания просто мирового господства, пусть под флером все тех же лозунгов о революции в иных странах («...пошел воевать, чтоб землю в Гренаде [?] крестьянам отдать...», — как писал один из наших поэтов).

Еще одной чертой, существенно отличавшей новую мировую войну от прежней, было отчетливое ее раздвоение во времени. Эта война на протяжении первых почти двух лет была западноевропейской. В ней не принимали участия ни США, ни Япония. А что касается СССР, то, выступив в самом ее начале в качестве не только союзника Германии, но и страны, намеренно сталкивавшей нацизм с демократическими странами Запада, он после этого более в ход войны практически долго

не вмешивался. Получив за содействие немало из того, что руководство страны желало, СССР в последующем ограничивался активной помощью воюющей гитлеровской Германии. И только после страшного стратегического просчета советского вождя — просчета, тесно связанного со всем курсом руководства СССР на войну, — характер этой давно уже шедшей войны решительно изменился. Она стала мировой, а центр ее тяжести переместился на территорию СССР, отчего эта война для нашей страны привычно считается отечественной. Понятно, что в связи с этим основными проблемами новой мировой войны становятся, во всяком случае, для специалистов-историков широкого профиля, не столько описание боевых действий, чем обычно заняты военные историки, сколько выяснение причин, замыслов и просчетов, приведших к войне и столь дорого обошедшихся именно нашему народу. Неудивительно, что именно этому будет уделено основное внимание и в данном томе.

Глава двадцать четвертая. ИСТОКИ И ПОДЛИННАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ ВОЙНЫ

Теперь о самом главном. Обращаясь к проблемам историографии Второй мировой войны, обратим внимание на тот революционный переворот, который связан с именем В. Суворова, который, опубликовав за последние два с лишком десятилетия несколько специальных исследований, перевернул с головы на ноги всю проблематику и основные выводы, связанные со столь привычной оценкой политики СССР. Как выясняется, привычная оценка не объясняет очень многое (в нашей стране существуют запретные архивы, к которым не допускаются исследователи).

Обладая незаурядной работоспособностью, умением видеть мелочи и вникать в них, а также отточенным аналитическим умом (все эти качества обусловлены его профессией, хотя далеко не все профессионалы в этой сфере способны на такое), этот человек с его уникальной биографией[1] сумел, **используя только открытые публикации**, выявить самую суть. Суть же его изысканий, получивших ши-

[1] См.: *Суворов В.* Ледокол.: Кто начал Вторую мировую войну? М., 1992; *он же.* День «М». Когда началась Вторая мировая война? М., 2001; Разгром, 2010. — Важно обратить внимание на то, что такую работу мог позволить себе лишь тот, кто очень хорошо знает, о чем пишет. Именно таким человеком и является автор, профессиональный разведчик, который в 1978 г. «бежал в Великобританию и был заочно приговорен к смертной казни», как о том сказано в надписи от издательства на обложке изданной в 2001 г. его книги. См. также сборник откликов на книгу: Правда Виктора Суворова. Переписывая историю Второй мировой. М., Яуза, 2006.

рокое признание (хотя и встретивших возражения, даже опровержения, чаще всего несерьезные и по мелочам, но не в главном!), в том, что, начиная с первых лет своего существования и особенно энергично с конца 30-х гг. СССР последовательно вел курс на мировую войну, эквивалент всемирной революции. Страна прилагала все усилия для того, чтобы получше ее подготовить. И это было очевидно, хотя и тщательно камуфлировалось. В аргументации книг, о которых идет речь, обращается особое внимание на то, что вождь имел обыкновение, что никем не оспаривается, не фиксировать в протоколах самые важные и секретные переговоры и решения. Учтя это, автор провел гигантскую работу, которую способны по достоинству оценить лишь те специалисты, у кого нет сервильной привычки молчать, кто не страдает склонностью к неприятию фактов, которые противоречат его привычным представлениям. Очень важно иметь в виду, что **речь идет именно о фактах, о тщательно собранных данных и выводах, которые основаны на скрупулезно проделанной работе по привлечению найденных в отечественных публикациях (с подробными ссылками на каждую из них) — а отчасти и в доступных архивах — свидетельств и неопровержимых доказательств.**

ПОЛИТИКА ВКП(б) В КОНЦЕ 30-х гг.

Выше было немало сказано политическом курсе большевиков с того момента, как они захватили власть в нашей стране. Он вполне соответствовал многогранности тех перемен, которые пришли в Россию после завоевания ее экстремистами с их идеей мировой революции. Казалось бы, реалии Запада убедительно свидетельствовали, что, даже принимая всерьез все догматы марксизма, время для *пролетарской* (социалистической) революции упущено. Того пролетариата, которому «нечего терять, кроме своих цепей», в мире нет. Любому пролетарию на Западе уже было что терять, и эти свои накопления подавляющее большинство лиц наемного труда просто так революционерам отдавать не собиралось. Но *пламенные революционеры*, большинство которых оказалось в попавшей в руки большевиков России, не хотели этого видеть. Они упорно считали любое проявление социального протеста в развитых странах Запада предвестником той самой *революции*. А когда выяснялось, что это не так, готовили, не жалея денег Коминтерна (а это были деньги российского народа), новые такие же выступления, не говоря уже о том, что на те же деньги — их требовалось немало — содержались многочисленные компартии.

Определенные надежды, особенно в связи с событиями в Китае (до Мексики было слишком далеко от СССР), возлагались на мир вне Запада. Однако стоило всерьез углубиться в проблему, как выяснялось, что здесь пролетариата тоже нет, он просто еще отсутствует или не готов к пролетарской революции. Вместо него на передний план выходило взбудораженное архаично мыслившее крестьянство. Это не мешало вмешательству советских *добровольцев* в китайскую гражданскую войну, но и не сулило заметной практической пользы. О том, сколь сложно иметь дело с недовольными крестьянами, большевики хорошо знали. Словом, с мировой революцией не получалось. Успокаивали мир: СССР не думает о мировой революции, он не за войну! А тем временем вся наша индустрия работала исключительно на войну. Ради войны лили сталь, получали электроэнергию, строили самолеты (только военные — иных не было). Создавали тракторные заводы в Сталинграде, Челябинске, Харькове. А что выпускали заводы? Правильно, танки. Иногда делали и тракторы. Но в основном не их. Нужно ли продолжать? Почитайте прессу того времени, изучите специальные работы — и вы увидите, сколько танков, самолетов и прочей военной техники, боеприпасов, обмундирования, да и всего-всего остального, нужного для войны (именно для нее в первую очередь, если даже не исключительно), делали наши заводы — плод той самой индустриализации, что так дорого обошлась народу.

Разве это не проясняет суть политики ВКП(б)? Обратим внимание на то, сколько внимания уделяла страна в предвоенные годы летчикам. А будущим десантникам-парашютистам (в каждом большом городе были вышки, с которых много прыгали любители острых ощущений — учились)? Вспомним, как призывали девушек вслед за П. Ангелиной садиться на тракторы! Вот она, смена нашим парням-танкистам, вчера еще сидевшим на этих тракторах! Сколько внимания уделялось созданию все новых и новых воинских частей и соединений — пехотных, танковых, артиллерийских, авиационных, морских, обычных пограничных и спец-НКВД! Взглянем и на методы управления страной. Вначале все было если и не демократично, то и не слишком деспотично. В партии шли дискуссии. Правда, меньшинство обязано было подчиниться большинству (*демократический централизм* партии *нового типа*), но ведь возникали новые дискуссии и каждый раз вырисовывалось новое неправильное меньшинство, как то было в 1934 г. на XVII съезде партии. Конечно, в большинстве всегда те, кто с вождем. Да и он внимательно следил, кто что и когда говорил, на кого можно положиться, а кто очень самостоятелен и потому следует его взять на заметку (память была великолепная).

И вообще, не пора ли в партии навести порядок? Хороший, военный порядок. Иначе ведь черт знает что.

Добавим к этому, что многие из *говорунов* — это старые большевики, не слишком склонные прислушиваться к каждому мудрому слову вождя. Новые молодые выдвиженцы куда предпочтительнее. Да вообще, к чему бесполезные дискуссии? Коллективизация завершена (деревни умерших от голода заселили новопоселенцами, а колхозный режим несколько облегчили, хотя и не очень), индустриализация подходит к концу, подготовленная к битвам армия успешно готовится и комплектуется. Все вроде бы знают свое место и делают свое дело. Вот даже в газетах благодарят товарища Сталина *за наше счастливое детство*. Куда же дальше?! А тут всякие говоруны мешают общему делу. И вообще, дел много, далеко не все сделано, а лагеря для арестованных пока наполнены не слишком. Не пора ли что-то решительное и, главное, очень нужное все для того же великого дела предпринять? Пора! Пора!

Не стоит ли взять пример с других? С этого и начался большой террор, жертвой которого стали миллионы, значительная часть которых погибла. И что существенно, среди них оказалась почти вся военная верхушка страны. Почему она-то? Особенно, если принять, что основная цель вождя — война. Кто воевать-то будет? И это, пожалуй, самый серьезный вопрос во всем том, что было сделано во имя страстно ожидаемой будущей войны, ради которой столько было принесено в жертву. Но ответ на этот вопрос есть. Следовало, во-первых, убрать тех, кто слишком умен и самостоятелен, особенно если он популярен в армии. Во-вторых, всех тех, кто имеет немало прошлых заслуг. Эти опасны как возможные соперники. (случись что не так — и как тогда дела повернутся?) В-третьих, тех, кто давно уже засиделся на высоком месте и склонен высоко ценить свои заслуги, а то и может послужить в случае чего союзником для кого-либо из партийных оппонентов. Наконец — это результат десятилетий работы на должности секретаря партии, — хорошо известно, что лучше всего для руководителя иметь в качестве близких помощников, особенно военных, тех, кто поднят именно тобой из низов, кто обязан тебе всем и кто хорошо знает, как поступают со всеми, кто не вполне предан вождю.

Могли быть и иные серьезные соображения. Но главное — сделать то, что обеспечит тебе абсолютную власть в стране. Власть надо всеми. Власть бесспорную. Власть такого вождя, кого все безотчетно любят, кому все беспредельно верят, на кого одного все надеются. Власть безграничную.

И для того, чтобы добиться этого, в ход, как хорошо известно, было пущено все. Привычно используемая фразеология, настойчиво бьющая в одну точку пропаганда, искусная риторика постоянно отвлекали внимание простого народа от подлинных целей политики. Люди верили, что все делается ради их блага. И на этой вере, постоянно подкреплявшейся страшными приступами жестокого насилия, миллионами уничтоженных *врагов народа*, держалось многое. Вера и страх приносили в хорошо организованной и твердой рукой взнузданной стране, уже почти не смевшей свободно вздохнуть, желанные плоды. И в этих условиях можно было, наконец, перестать всего опасаться и начать размышлять над тем, как добиться желанной конечной цели.

СТАЛИН И ГИТЛЕР

Между двумя диктаторами — как и обоими тоталитарными режимами — разница небольшая. Как между красным и коричневым с красноватым оттенком цветами, которые были символическим обозначением каждого из них. Вообще термин *красно-коричневые* очень в этом смысле подходит. Но речь все же не о терминах и не о символах. Она о сути. А суть в том, что вождь и фюрер, пусть не сразу, но вполне осознавали свою взаимную близость, постоянно в то же время перераставшую в соперничество. Мало того, эта близость была в какой-то мере продиктована предысторией появления обоих режимов и неким сходством судеб стран, в которых эти режимы сформировались после Версаля. Дело в том, что, хотя в годы Первой мировой войны Россия воевала с Германией, тогда как с другими западными державами была связана отношениями союзничества, у руководителей большевиков в дни той войны были уже иные предпочтения. И базировались они далеко не только на том, что немцы позволили им в разгар военных действий перебраться в запломбированном вагоне из Швейцарии в Петроград и тем самым овладеть великой многострадальной империей. Гораздо больше значило то, что побежденная союзниками Германия была в состоянии острого внутреннего дискомфорта. Похоже на то, что это не только на уровне интуиции раньше всего оценил Ленин (немцев и немецкий язык он знал лучше других), который энергично отстаивал подписание Брестского мира на любых условиях. Германия ведь была накануне краха. И далеко не случайно советские войска так настойчиво рвались к Польше в конце гражданской войны — ведь за Польшей лежала та самая разбитая в войне и почти открытая для большевиков Германия, а за ней — дайте только одолеть Польшу! — маячил при-

зрак все той же столь желанной мировой революции. Куй железо, пока горячо! И большевики понимали это, отчего неудача в Польше так болезненно ими переживалась.

Конец войны и версальский мир не были восприняты с энтузиазмом как в Германии, так и российскими большевиками. Для тех и других введенные победителями ограничения были обузой. Немцев они ограничивали в праве быстро восстановиться и стать мощной, включая военную мощь, державой. Советскую Россию в расчетах ее руководства на более или менее скорую мировую революцию, ради которой они начинали свою борьбу. И хотя Ленин с 1918 г. не уставал напоминать, что *мы* зажгли факел мировой революции, готовы нести этот факел повсюду и что вообще история шагает вперед на базе освободительных войн, эти заклинания мало что прибавляли к реалиям истощенной России. Ради великого дела мировой революции понадобилось отступить от принципов марксизма и создать НЭП, который один только и сумел за несколько лет поставить страну на ноги. И хотя этот вроде бы очень знаменательный факт не отрезвил большевиков (великое дело вера — никакие резоны против нее не выстоят!), он все же сыграл свою роль. Расчеты на мировую революцию пришлось отложить. А потом, особенно после смерти Ленина, на передний план вышли иные планы и цели. Точнее, старые были вынужденно подкорректированы. Эта корректировка началась с улучшения отношений с Германией.

Ощутимую форму это обрело в 1922 г., в апреле, во время генуэзской международной конференции европейских держав (первой после войны, причем специально посвященной установлению связей, особенно торговых). Представители советской России в Рапалло, пригороде Генуи, как-то ночью встретились с их германскими коллегами. Встреча была, видимо, не столько тайной, сколько сепаратной. Она явно не вписывалась в регламент, иначе не было бы нужды удаляться из Генуи. Но, как бы то ни было, встречавшиеся сумели за ночь договориться о восстановлении дипломатических отношений и о возобновлении торгово-экономических контактов. Контакты оказались чрезвычайно плодотворными для обеих сторон. Что касается СССР, то он за полтора десятилетия после этого получил из Германии в виде поставок немало нужных товаров на миллиарды долларов. А Германия (для чего и нужна была скрытность) обрела возможность в обход версальских запретов наладить не слишком известные по сей день военные связи. Немцы обрели на территории России концессии, строили предприятия и, что важно, получили возможность для подготовки кадров рейхсвера. Под Москвой фирма

Юнкерс построила авиазавод, в районе Самары была создана химфабрика. Липецк оказался тренировочным центром для будущих немецких летчиков, о чем все там знали, но вынуждены были молчать под угрозой ареста. К сказанному можно добавить, что один из наиболее известных германских генералов Г. Гудериан изучал танки и совершенствовал свое образование в военном училище в Казани, а другой будущий фельдмаршал, В. Кейтель, даже преподавал в военной академии в Москве. В то же время многие из советских командиров совершенствовали свое боевое мастерство в Берлине.

Мало того, есть сведения, будто в более поздние годы, уже сравнительно незадолго до Второй мировой войны, при Гитлере, такие изобретения и усовершенствования, как газовая камера на автомобиле или устройство концлагерей, передавались в виде схем из России в Германию. Можно, конечно, ставить некоторые из этих данных, особенно последние из перечисленных, под сомнение. Но нет сомнений в том, что связи были и что склонность помогать немцам, а позже и нацистам, ненависть которых к демократическим буржуазным государствам была близка идеологическому стандарту СССР, считалась на протяжении долгого времени чем-то вполне естественным. Разумеется, учитывая меняющуюся конъюнктуру и политику, подчас приводившую, как в гражданской войне с Испанией, к открытому конфликту с нацистской Германией.

Теперь о Гитлере. Он пришел к власти, когда в СССР уже почти все было готово к войне. Мало того, пришел с ненавистью как к коммунистам, так и к буржуазным либералам, с идеей добыть для немцев новые земли и создать в мире новый порядок. И за ним стояло огромное количество поверивших в его способности и возможности, внутренне согласных с его звериной расовой политикой, особенно с его антисемитизмом, довольных установкой на налаживание тесного контакта труда и капитала под патронажем партии и правительства и не возражающих в принципе против войны. Выступления любимого фюрера (он был умелым оратором и харизматическим лидером, обладавшим свойством привлекать к себе и заставлять верить ему) всегда встречались публикой с восторгом. Разумеется, все эти свои личностные свойства фюрер начал проявлять задолго до прихода к власти, а процесс роста его популярности был, естественно, постепенным. Стоит помнить и то немаловажное обстоятельство, что фашизм, появившись в Италии в начале 20-х гг., на рубеже 20–30-х был хорошо известен в Европе, причем политики разных стран стремились не просто оценить его возможности, но и дать ему более четкую оценку. В первую очередь это относится к коммунистам.

Сталин был в числе первых среди тех, кто пытался отождествить фашистов с ненавистными ему социал-демократами, определив этих последних как нечто вроде умеренного крыла фашизма, а фашизм как боевой отряд мировой буржуазии. *Социал-демократы и фашисты не антиподы, а близнецы,* — писал он в 1924 г. (Собр. соч., т. 8, с. 282). И только после триумфального прихода Гитлера к власти Сталин согласился зафиксировать в 1935 г. на VII конгрессе Коминтерна тезис о необходимости единого фронта социал-демократов и коммунистов в качестве противовеса набиравшему силу нацизму.

Завидовал ли фюреру Сталин, ораторскими качествами в столь заметной мере не обладавший? Похоже, что нет. Скорее напротив, он ощущал свое явное превосходство перед этим выскочкой, но вел себя при всем том крайне осторожно. Впрочем, можно сказать вполне определенно, что за событиями в Германии вождь не просто следил. Он явно прикидывал, что они могут означать для него с точки зрения его далеко идущего стратегического плана.

Судя по тому, что известно — а известно не слишком много, особенно касательно периода до 1939 г., — нацист Гитлер, как и нацизм в целом, в принципе не слишком его смущали. Видимо, он ощущал близость того, что было создано им в СССР, к тоталитаризму в фашистско-нацистском его варианте. Но в Гитлере он видел соперника. Об этом свидетельствует тот несомненный факт, что союза немецких коммунистов с социал-демократами (правда, не вполне ясно, зависел ли этот союз только от коммунистов — быть может, свое отношение высказывали и социал-демократы) вождь опасался больше, чем выхода на анвансцену европейской истории немецкого нацизма. Впрочем, о готовности следовать примеру фюрера есть упоминания (ссылаются на устное высказывание А. Микояна о фразе вождя на заседании политбюро после получения в 1934 г. сведений о ночи длинных ножей: «вот как надо расправляться с оппозицией»).

Тщательно изучив специально для него сделанный перевод гитлеровского «Майн кампф», где встречается резкая, уничижительная критика коммунизма в России, вождь в 1936 г. рассуждал о *мутной волне* фашизма и призывал страну к борьбе против *фашистского варварства.* Фюрер в тот момент, когда назревала гражданская война в Испании (для успеха коммунистов в которой задолго до ее начала Коминтерном и московским ЧК было приложено немало усилий), стал удобен для создания в представлении нашего народа обобщенного образа врага. Но стоит учесть, что с такой же яростью в Москве в те же годы клеймили и все западные буржуазно-демократические страны. И, взвешивая уровень про-

пагандистского гнева, можно констатировать, что сигналы посылались в разные стороны и что вождь не то чтобы заметно щадил фюрера, но явно не отрезал возможных путей к контактам с ним. Ведь он говорил, что дело не в фашизме, который, как и в Италии, *не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной.* Следовало заключить, что важно найти основу для контактов с Германией как государством, а нацизм этому не помешает. Стоит добавить к этому, что в том же 1936 г., по словам Г. Раушнинга, фюрер сказал ему, что *между нами и большевиками больше объединяющего, чем разделяющего.*

КАНУН ВОЙНЫ. ПОЛОЖЕНИЕ В МИРЕ ПОСЛЕ 1938 г.

Когда к концу 1938 г. почти одновременно завершился большой террор в нашей стране, а из Испании, где еще шла гражданская война, *по просьбе республиканского правительства* были выведены советские *добровольцы* (многие из них, особенно из числа их руководителей, в Москве сразу же были репрессированы), стало ясно, что в политике ВКП(б) — а именно она сыграла в последующих событиях, включая начало Второй мировой войны, решающую роль — начался принципиально новый этап. Чем он был вызван? В начале 1938 г. Австрия стала частью рейха. В августе советские войска одержали верх над японцами у оз. Хасан. В сентябре было подписано в Мюнхене соглашение о Судетах. Специалисты обращают также внимание на то, что с осени 1938 г. Германия стала искать дипломатические пути для начала сближения с СССР. Немецкий посол в Москве граф В. Шуленбург заявил, что вскоре намерен обратиться к председателю СНК СССР Молотову *для урегулирования вопросов, осложняющих германо-советские отношения.* А в СССР со все большей благосклонностью стали реагировать на этот зондаж. Перечисленные события, сколь далекими друг от друга они бы ни казались, имеют между собой самую непосредственную связь. Это звенья одной большой и крайне вычурно закрученной жесткой цепи. А сама цепь, ковавшаяся достаточно долго, была вроде бы уже почти готова. Часть ее выковывалась в Советской России, где 1937–1938 гг. прошли под знаком не столько даже репрессий и террора как таковых, сколько усиления роли и слова вождя на фоне этих страшных репрессий и массового террора. Страна вначале в страхе замолкла, а затем с облегчением вздохнула. Все в порядке, враги уничтожены, а наш мудрый вождь, он же *лучший друг* всех-всех наших, прочно

держит в руках бразды правления. С ним мы не пропадем. И никто отныне и пикнуть не сможет против того, что вождь считает нужным сделать. В частности, это касается и прекращения участия советских добровольцев в гражданской войне в Испании, и наказания тех из них, кого вождь счел нужным наказать. Касается и Японии, чтобы там не думали, что СССР так же слаб, как и гоминьдановское правительство в каком-нибудь далеком Чунцине.

В Германии, к которой фюрер не менее успешно присоединял страны с преобладающим немецким населением, заставляя трепетать их соседей, да и практически всю Европу, укреплялись аналогичные настроения. С нашим великим фюрером мы не пропадем. Германия процветает. Ее враги, особенно столь докучавшие немцам своим благополучием евреи, поруганы, изгнаны и уничтожены. Версальские ограничения ушли в прошлое. Силы страны все время растут, мощь ее доказана успехами в Испании. Все в Европе, включая Англию и Францию, отчаянно стремящихся к сохранению хоть видимости какого-то договорного порядка, не только начинают ее побаиваться, но и прямо-таки заискивают перед ней. Этот страх нельзя сравнить с опасениями, которые мог бы внушить СССР. На Западе считали, что чистки сильно ослабили эту страну. В Англии и Франции многие были если и не в отчаянии, то в шоке. Эти страны с удовольствием сделали бы все, что в их силах, дабы ухудшить отношения между СССР и Германией. Собственно, и аншлюс Австрии, да и Мюнхен были, как упоминалось, уступкой, к которой они были вынуждены обстоятельствами. Либо они пойдут на эти уступки, либо фюрер будет продолжать вести курс на заметное постепенное улучшение отношений с СССР, к чему в свою очередь был склонен и СССР. А взаимная эта склонность, подкрепленная несколько неожиданным отводом советских добровольцев из Испании, очевидна. Она опирается на усиление возможностей руководителей обеих стран после их успехов во внешней (Германия) и в основном внутренней (СССР) политике. Сближение же, о котором идет речь, — самая страшная угроза не только для практически всей основной Европы, но и для судеб либеральной демократии.

Страны с тоталитарным режимом сильны, как никогда. И пусть даже террор не принес Советскому Союзу пользу. Но он в любом случае усилил роль вождя, склонного все еще реализовывать идеи мировой революции. Поэтому, в частности, западные державы не могли не пойти на мюнхенское соглашение. Для защиты Чехословакии советские войска — по утверждению руководства СССР (а оно явно лукавило) — должны были пройти только через Поль-

шу, которая имела серьезные основания для категорического отказа. Этого не могли не понимать в Англии и Франции. Ведь в складывавшихся в тот момент условиях неизвестно, чем этот проход в конечном счете мог быть чреват, особенно если принять во внимание демонстративные амбиции Японии, а также учесть слабости стран Латинской Америки и азиатских колоний. Оставалось только прикинуть, сможет ли в случае чего союз с США помочь ослабевающим Англии и Франции удержать, казалось бы, еще так недавно (в конце XIX в. и в дни победоносного Версаля) явный и бесспорный приоритет и убедительные успехи либеральной демократии почти во всем мире. Но США не спешили вмешиваться в дела вне Америки. И это усугубляло непрочность складывающейся ситуации. Она была тревожна, как никогда. Поэтому и приходилось хвататься за соломинку (Мюнхен), чтобы не пойти ко дну. Но долго ли удержит на плаву соломинка? И что делать дальше? Следующий и вполне зримый уже этап наступления тоталитаризма — все та же Польша, последний рубеж. Как быть с ней, особенно принимая во внимание, что она лежит между СССР и Германией? Похоже на то, что именно здесь та последняя грань, которая кладет предел уступкам.

Вопросов много, очень много. И они остаются не вполне выясненными по сей день, ибо все архивные данные в нашей стране все еще не доступны, а упоминавшаяся склонность вождя не доверять свои планы бумаге делает ту либо иную проблему вообще почти не разрешимой. В этих условиях в отечественной науке на передний план продолжают выходить официально одобренные и до примитива облегченные версии. Казалось бы, это облегчает задачу. Каждый может выбирать и разрабатывать то, что ему представляется наиболее достоверным, пользуясь при этом не вполне убедительными данными. И это немаловажное обстоятельство, открывающее путь к столкновению веры и разума (а при такого рода столкновении неизбежно выигрывает вера, ибо она как таковая доводам разума никогда не поддается), сильно затрудняет серьезный анализ сложившейся ситуации.

Но все же вернемся к ней, в частности к Польше и ко всей сложной и крайне интригующей истории нескольких месяцев 1939 г., которые предшествовали началу Второй мировой войны. В этом тревожном году в европейских странах шла сложная дипломатическая работа и решались проблемы мировой политики, в центре которых теперь — вместо Австрии и Чехословакии — оказались другие восточноевропейские страны. Почему? Мюнхен не спас западноевропейские державы и не принес им мира. Это становилось с каждой неделей все более очевидным весной 1939 г., когда Гитлер,

не ограничившись пожертвованными ему Судетами, аннексировал 15 марта всю оставшуюся Чехию с провозглашением независимости покорной ему Словакии, а 22 марта еще и прибалтийскую Клайпеду. Вслед за тем аналогичным образом поступила Италия, присоединившая к себе 7 апреля без особых церемоний Албанию. Как легко заметить — достаточно взглянуть на карту, — каждый такой шаг жестко изолировал Польшу от возможности оказания ей в случае нужды реальной военной помощи. Как смотрели на это западные державы?

В специальных отечественных публикациях говорится об осторожном курсе *на сближение с СССР*[1], взятом Германией после Мюнхена. Между тем даже если со стороны Германии это был лишь *осторожный курс*, то с советской стороны все выглядело несколько иначе. Долгие предшествовавшие мировой войне годы внешняя политика СССР была весьма противоречивой, что легко понять, так как в борьбе за мировое господство руководившему ею вождю приходилось постоянно лавировать. Что германский нацизм с его союзниками, что блок демократических держав — все это были потенциальные враги. А главной задачей в таких условиях было создать баланс, дабы, враждуя между собой, эти враги оказались в примерно равной и к тому же в ослабленной позиции. Далеко идущий смысл и цель подобного рода политики были в том, чтобы соперники и враги воевали друг с другом.

Но добиться желаемого было не очень легко. Нужно было умело лавировать и до поры до времени непрестанно вести одну сложную интригу за другой. Однако как раз здесь для вождя была родная стихия. Обратим внимание на его незаурядное искусство. В отчетном докладе на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г. звонкая антифашистская риторика отчетливо преобладала. Делегаты, привыкшие к ней за годы гражданской войны в Испании, бурно реагировали. Но были в докладе и строки о том, что антикоминтерновский пакт будто бы направлен не столько против коммунистов, сколько против западных стран. Считается, что таким образом был подан сигнал Германии о том, что СССР готов сменить политический курс. Одними из первых в связи с этим проявили беспокойство Польша и Англия, заключившие 6 апреля англо-польский договор о взаимопомощи. И хотя этот договор еще не предусматривал решительных мер в случае откровенной агрессии, он весьма насторожил немецкое руководство, которое сочло его доказательством агрессивности и враждебности по отноше-

[1] Мировые войны XX века. Книга 3. Вторая мировая война. Исторический очерк, М., 2005. С. 50.

нию к Германии. Открыто назвав этот договор антигерманским (политика окружения Германии), фюрер 28 апреля заявил, что он со своей стороны отнесется к этому всерьез и начнет мобилизацию. Собственно, это было как раз то, что играло на руку Советскому Союзу.

Сразу же вслед за мартовским съездом и после воинственных апрельских заявлений фюрера, буквально накануне первомайских торжеств, был уволен с должности нарком иностранных дел М. М. Литвинов, замененный на этом посту Молотовым. А сообщения немецких дипломатов в начале мая дают основание для вывода, что из их бесед с русскими коллегами они поняли, что смена не случайна и что смысл ее именно в том, что близкий к Сталину Молотов готов к переговорам с Германией. В июле 1939 г. с особой тщательностью фиксируется повышенное внимание в СССР к сообщениям об увеличении и развитии торговых связей, а также намеки советских дипломатов на нормализацию и улучшение политических отношений с Германией. В начале августа немецкий посол Шуленбург получил из Берлина официальную инструкцию МИДа о целесообразности демонстрировать благожелательное отношение к СССР. Посол, видимо, учел рекомендацию и вел себя соответственно. В результате вскоре последовало и было с удовлетворением принято приглашение Молотова перенести переговоры в Москву.

ПЕРЕГОВОРЫ (ЛЕТО 1939 г.)

Наступил полный внутреннего драматизма заключительный этап подготовки к войне. В чем был смысл переговоров? В общем, именно в том, кто кого переиграет. Это зависело не столько от реальной силы какой-либо из сторон, тем более от откровенной наглости, какую вот уже не менее года постоянно демонстрировал фюрер, сколько от ловкости, дипломатической увертливости и дьявольского искусства политической интриги. А в этом деле советскому вождю, как о том свидетельствуют предшествующие годы, не было равных. Трудно сказать, насколько это понимали в Берлине. Там тоже была своя жесткая доктрина, суть которой сводилась не столько к тому, чтобы свести соперников лбами (это по геополитическим соображениям было очень не просто), сколько к тому, чтобы развести их в разные стороны и ни в коем случае не допустить скорого сближения между ними. Собственно, ради этого все и делалось, включая заигрывание с Москвой. И хотя параллельно с московскими переговорами в Берлине и Лондоне все лето 1939 г. шел аналогичный обмен мнениями об улучшении отношений с Западом, включая пересмотр версаль-

ских соглашений и раздел Европы на сферы влияния, это было, похоже, лишь прикрытием основного поля дипломатического сражения. Или чем-то вроде запасного варианта. И дело отнюдь не только в том, что для немцев главным было обеспечить гарантии со стороны СССР, хотя это было жизненно важно. Без этого, рискуя войной на два фронта, они не могли бы начинать осуществление своих планов. Основная дипломатическая задача сводилась к элементарному расчету. Он был в том, что начать вести войну следовало с запада, ибо там было все для успешной реализации мощного натиска — и дороги, и скромные территориальные размеры, и союзники типа Италии либо Испании с Португалией и, наконец, гигантская индустриальная мощь, включая и неисчерпаемые ресурсы колоний Англии и Франции. Овладев всем этим, можно было смело обратиться лицом на восток и тем самым — опираясь на поддержку Японии — добиться конечной цели, т.е. ввести во всем мире желанный новый порядок.

Западные державы не могли не видеть и не оценивать все эти позиции. Они, принимая во внимание сближение Германии с СССР, были заинтересованы в успешном ведении переговоров как с фюрером, так и с советским вождем. Будучи как бы младшими и в какой-то мере уже почти проигрывавшими партнерами в этой гигантской политико-дипломатической игре, они надеялись либо на то, что немцы обратятся против СССР, либо на то, что в СССР поймут, что его наиболее грозным врагом является Германия, тогда как западные державы готовы стать союзниками. Для советской дипломатии переговоры с западными державами были, как о том только что шла речь. небезвыгодным отвлекающим маневром, позволявшим шантажировать главного партнера, немцев. В Москве в августе 1939 г. уже очевидно склонялись к тому, что выгоднее идти на союз с фюрером. Во-первых, потому, что он начнет войну на западе, что как раз и ослабит обе враждебные стороны, открыв, быть может, дорогу для все той же мировой революции, смысл которой с течением времени все более сводился к мировому господству советского вождя. А во-вторых, учитывая соотношение сил и прогнозируя успех фюрера, делался расчет на то, что война, к которой на протяжении добрых полутора десятков лет столь энергично готовились в СССР, примет именно тот характер, который наиболее желателен. Речь о войне на территории врага, об уничтожении противника, как то звучало в советской предвоенной песне, *малой кровью, могучим ударом*, с расчетом — пусть все уменьшающимся — на поддержку со стороны западного *пролетариата*.

Таким был примерный расклад сил, как и веер дипломатических усилий и намерений в конце лета 1939 г. И хотя в кулуарах работа

шла вовсю, на поверхности политической жизни Европы она была слабо заметна. Более того, если учесть, что конкретные намерения и тем более предполагаемые решения и расчеты сторонами тщательно скрывались — в этом весь смысл любой дипломатии, — то трудно было представить, во что в конечном счете все это выльется и кто окажется, сразу либо позже, более пострадавшей стороной. Все было впереди. Одно, во всяком случае, вскоре стало окончательным. И это *одно* являлось принятым, наконец, твердым решением советского вождя. Такое решение, судя по материалам, введенным в оборот сравнительно недавно, было принято 19 августа и реализовано необычайно быстро, уже 23 августа в Москве. Оно стало отправной стартовой точкой Второй мировой войны.

Объективно все восходит к тому, что по решению Англии и Франции гранью, за пределы которой отступать перед шантажом Гитлера более нельзя, была признана независимость Польши. С ней обе державы в 1939 г. незадолго до войны (Франция 19 мая, а Англия буквально накануне войны, 25 августа, хотя устная договоренность была твердо зафиксирована раньше) подписали соответствующие договоры. И именно эти документы, четко обозначившие рубеж возможного отступления, сыграли важную роль в истории предвоенных политических комбинаций. Они привели в движение силы, противостоявшие буржуазной демократии. Дело в том, что вплоть до июля 1939 г. немцы, похоже, еще рассчитывали на нейтралитет Англии, о чем в Лондоне велись переговоры, хотя и не вполне ясно, что они могли с его помощью получить. Вплоть до середины августа французы и англичане вели переговоры и в Москве, причем день ото дня позиции СССР в ходе этих переговоров становились все более требовательными, чтобы не сказать ультимативными. Смысл их сводился к тому, чтобы Польша в случае агрессии со стороны Германии беспрепятственно пропустила советские войска через свою территорию. Не вполне ясно, сумели ли в то же время уже договориться Молотов с немецким послом Шуленбургом (переговоры между ними шли в Москве по меньшей мере с мая), но очень похоже на то, что предварительные параметры будущего соглашения были уже оговорены. Именно это придавало требованиям СССР зловещий оттенок, связанный с категорическим отказом поляков пропустить советские войска через Польшу.

При всем том, однако, решающим оказалось совещание членов советского политбюро 19 августа. Споры вокруг этого дня за последние годы стали особенно острыми. Дело в том, что документа о заседании в этот день нет, хотя косвенные данные позволяют предположить, что именно 19 августа состоялась встреча по меньшей мере

узкой группы членов политбюро, что случалось не раз и до того. Но особенностью именно этого заседания было отсутствие протокола. Более того, на том, что его — заседания — не было, настаивали многие видные деятели СССР, причем многократно. Оно и понятно: если признать, что оно было, многое в вопросе о начале войны пришлось бы пересмотреть, причем к явной невыгоде для устоявшейся официальной отечественной пропаганды. Только в январе 1993 г. военный историк генерал Д. А. Волкогонов сообщил, что он держал в руках протокол заседания. Правда, текст протокола оказался урезанным, с упоминанием лишь о некоторых второстепенных вопросах. Главного в нем не было, что и не следует считать удивительным, если принять во внимание стремление вождя не фиксировать в текстах самое главное. О чем же — если иметь в виду главное — могла идти речь? И почему так долго и упорно скрывали сам факт заседания и существования протокола те, кто что-то об этом знал? В чем тут дело?

А дело было — так сегодня, после публикаций Суворова, считают многие — в том, что на этом заседании, судя по, стоит повторить, косвенным данным (но учитывая факт существования протокола, а следовательно, и заседания как такового, что так долго, до 90-х гг., старались скрыть), Сталин сообщил о своем решении начать войну. Не сейчас, не сегодня, но с серьезным длительным стратегическим расчетом. Суть этого решения, против которого политбюро — что, видимо, стало уже обычным — явно не смело возражать, сводилась к тому, что с фюрером будет заключено важное соглашение с тем, чтобы он, не опасаясь удара в спину, мог начать войну с западными державами. Или, во всяком случае, оказаться вынужденным вести войну, объявленную ими. Для этого нужно было немногое. Достаточно было просто убрать с политической карты Польшу как государство. После этого война станет неизбежной, Запад и Германия ослабят друг друга и настанет время воспользоваться этой слабостью в интересах мировой революции. Пока же в СССР объявляется ситуация мобилизационной готовности. Все будет подчинено подготовке ко «дню Х».

Весь смысл книги Суворова «День "М"» сводится к этому. И даже в статьях, *отрицающих утверждение В. Суворова о том, что Сталин отдал приказ о тайной мобилизации 19 августа 1939 г.*, сразу же после этой фразы упомянуто, что именно 19 августа было *дано согласие* на приезд в Москву И. Риббентропа *для заключения пакта о ненападении.* А в начале сентября был *отдан приказ о начале скрытой мобилизации* в основных военных округах страны. Она коснулась 2,6 млн *военнослу-*

жащих запаса[1]. Но это означает, что 19 августа все-таки были не только заседание и протокол, но и принятие решения, касающегося пакта о ненападении и даже скрытой мобилизации. Конечный итог известен. 23 (точнее даже в ночь на 24 — странная спешка в столь важном деле!) августа между Молотовым и Риббентропом был подписан — как следует полагать, ранее оговоренный и подготовленный — договор о ненападении с добавленными к нему статьями секретного протокола, определявшими геополитические интересы СССР. Это Финляндия, Прибалтика, восточная часть Польши, Бессарабия[2]. Иными словами, имелось в виду, что, коль скоро и когда Германия начнет войну с Польшей, именно эти территории СССР сможет считать своими.

Знала или не знала об этом Англия (есть сведения, что знала; быть может, знала лишь нечто в общих контурах), но на следующий день, 25 августа, она, как вскользь уже было упомянуто, подписала — опять-таки, видимо, заранее подготовленный — текст англо-польского договора о взаимной помощи в случае нападения со стороны Германии. А Муссолини тогда же официально уведомил фюрера, что Италия пока не готова к войне с Англией и Францией. Гитлер на всякий случай отменил решение предъявить Польше ультиматум уже 26 августа и вновь обратился к Лондону с предложением урегулировать германо-английские отношения — правда, в основном все же за счет Польши (имеется в виду данцигский коридор, который

[1] *Мельтюхов М.* Преддверие Великой отечественной войны 1939–1941 гг.: становление великой державы // Правда Виктора Суворова. М., 2006. С. 43–44.

[2] Текст секретного протокола, как и опубликованной в конце ноября 1939 г. французским агентством Гавас речи Сталина, см.: *Дорошенко В. Л., Павлова И. В., Раак Р.* Ч. Не миф: речь Сталина 19 августа 1939 года // Правда Виктора Суворова. С. 230–234. Публикацию текста речи см. также: *Бушуева Т. С.* «...Проклиная — попробуйте понять» // Новый мир. 1994. № 12. С. 230–237. — Секретный протокол долго скрывался советскими властями. В дни Нюрнбергского процесса, уже после победы на Германией, представители СССР настаивали на том, чтобы некоторые щекотливые для них вопросы не поднимались, с чем союзные державы были вынуждены согласиться. Текст соглашения, взятый из немецкого архива, впервые был издан на немецком и английском в США в 1948 г., после чего он стал известен всем, хотя в СССР вплоть до перестройки — а точнее, до специального решения второго съезда народных депутатов СССР в декабре 1989 г. — настойчиво отказывались признать его достоверность. А после признания и опубликования текста начались споры вокруг него по существу дела. Смысл споров сводился к тому, как расценивать эти статьи. Не вдаваясь в детали аргументации, что было бы уместно в специальной работе, важно обратить внимание на главное. А оно в том, что секретные статьи протокола раскрывают сложный процесс переориентировки советской внешней политики, особенно заметно начавшей проявляться с весны 1939 г.

со времен Первой мировой войны отрезал основную часть Германии от Восточной Пруссии). Чемберлен согласился вести обсуждение этого вопроса — но не более того.

26 августа во избежание войны западные державы предложили Польше воздерживаться от ответа на германские вооруженные провокации, а 27-го они даже поставили перед поляками вопрос об организации взаимного обмена населением (в районе Данцига жило немало немцев). Предложение, насколько можно понять, отклика не получило. Похоже, ни Польша, ни Англия с Францией в те дни еще не верили, что фюрер начнет войну. 28 августа англичане предложили ему начать переговоры с Польшей, делая через Италию намеки на некие возможные уступки. Немцы решили попробовать, а 29-го даже дали согласие на переговоры при условии решить проблему Данцига с помощью плебисцита. 30 августа немцы ожидали прибытия польских представителей для переговоров. Похоже, что в эти дни весь грандиозный замысел советского вождя висел на волоске. Но ничего неожиданного не случилось Утром 31 августа Польша через Лондон заявила о готовности вести переговоры, однако уже через несколько часов, в 6 часов вечера, Риббентроп заявил польскому послу, что, поскольку польский уполномоченный вовремя не прибыл, Германия отказывается от переговоров и предъявляет Польше ультиматум.

Не дожидаясь ответа и согласия на предъявленные требования, 31 августа Гитлер объявил о начале войны, а 1 сентября 1939 г. немецкие войска вторглись в Польшу. С некоторым, но оказавшимся очень значительным для поляков опозданием, 3 сентября, в войну вступили Англия и Франция. Это и стало началом войны, в ходе которой СССР до июня 1941 г. если и не формально, то фактически выступал в качестве союзника Германии и соучастника в борьбе этой страны за чужие земли. Столь важное обстоятельство, которое бросает неприглядную тень на весь облик Второй мировой войны, воспринимаемой у нас в качестве оборонительной и отечественной, многое объясняет. В нашей стране очень много тех, кто не готов воспринимать подлинные реалии, связанные с таким поворотом дел. Но жизнь есть жизнь. Рано или поздно, но то, что было, станет на свое место, и все будут вынуждены с этим считаться.

Глава двадцать пятая. НАЧАЛО ВОЙНЫ. ГЕРМАНИЯ И СССР

Итак, Вторая мировая война началась с захвата немцами (как то и было оговорено в секретном протоколе) западной части Поль-

ши. Стоит еще раз напомнить читателю, что это была — во всяком случае, со стороны Германии — принципиально новая война по сравнению с Первой мировой. Это была война технических средств. Отказавшись от слабо контролируемых в силу ряда важных причин газовых и химических средств поражения, немцы сделали основной упор на современную боевую технику. Это прежде всего танки (на польской границе стояли 3,2 тыс. машин, в основном усовершенствованных моделей, самолеты (2,1 тыс.), артиллерия (6 тыс. стволов), но также и такая вроде бы элементарная вещь, как мотоциклы и автомобили для пехоты. Поляки могли противопоставить этому много меньшее количество вооружения, причем часто устаревшей конструкции. Словом, силы были заведомо неравные, что вообще-то хорошо было известно обеим сторонам. Расчет у поляков был и мог быть только на эффективную помощь со стороны Франции, с которой был соответствующий договор и которая могла ударить по немцам со своей стороны, создав тем самым эффект войны на два фронта, столь нежелательной для Германии. Практически вопрос упирался в важнейший в той обстановке фактор времени.

Этот фактор сыграл драматическую для поляков роль. Если вести рассказ о первых днях войны более детально, то следует заметить, что, пока Франция принимала решение о начале боевых действий, немцы уже по меньшей мере три дня продвигались вглубь Польши со скоростью 25–30 км в сутки. К 9 сентября основные польские войска были вынуждены отступить к Варшаве. А когда французы двинулись в сторону Германии, немецкая армия организованно отступила примерно на 10 км, после чего активность обеих сторон на западном фронте была по существу прекращена. Обращения поляков к западным державам за конкретной военной помощью не получали отклика. Франция и тем более Англия не были готовы к войне с немцами, они просто не могли действовать в столь стремительном темпе, какой обрело наступление немцев на Польшу. Не проявлял пока активности и СССР. Стоит заметить, что Германия обращалась в эти дни к СССР с предложением начать и ему продвижение через польскую границу, но Молотов дал понять, что время для этого не наступило, хотя и скоро наступит. Позиция советского руководства была достаточно понятной. Польские земли, обещанные ему, никуда не уйдут. Тем более, что заранее была достигнута договоренность, что в случае, если будет необходимо для успешного ведения немцами военных действий, они могут временно занять какие-либо районы, которые признаны принадлежащими после начала войны СССР. Затем они будут покинуты немцами, что в реальности и произошло. А вступать в открытую войну со странами Запада советское руководство отнюдь не стремилось. Оно

придерживалось собственной далеко идущей стратегии, суть которой сводилась к тому, что воевать друг с другом должны Германия и демократические страны Запада. Другое дело — взять свое в той части восточноевропейской территории, которая по секретному протоколу была признана немцами советской сферой влияния и владения.

Стоит добавить ко всему уже сказанному, что только в середине сентября были завершены советско-японские столкновения в районе р. Халкин-Гол (важно обратить внимание на то, что Япония в свое время официально выразила недовольство по поводу заключения пакта о ненападении между Германией и СССР). К этому времени Польша была практически разгромлена. Ее правительство перебралось в Румынию, где вскоре по требованию Германии оказалось интернированным. Польша как государство перестало существовать, хотя сопротивление окруженных армий продолжалось еще несколько недель, что избавило СССР от необходимости объявлять войну и вообще каким-либо образом оказаться в состоянии войны. Зато руки его теперь были развязаны.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И РАЗДЕЛ ПОЛЬШИ

Следует заметить, что мобилизация советских войск началась с сентября и с каждым днем шла все более быстрыми темпами. Молотов 14 сентября сообщил Шуленбургу, что *Красная армия достигла состояния готовности скорее, чем это ожидалось.* Но, имея в виду политическую обстановку, вторжение начнется не ранее, чем падет Варшава. Тем временем в советской пропаганде усиливался акцент на том, как народ Польши истекает кровью в войне, затеянной *помещичье-капиталистической кликой.* А 16 сентября Молотов просил Шуленбурга передать Риббентропу, что, поскольку польское государство распалось и более не существует, аннулируются заключенные с Польшей соглашения. 17 сентября в ноте польскому послу в СССР было сказано примерно то же самое с добавлением об опасении угрозы со стороны Польши и о заботе об *единокровных* украинцах и белоруссах, *брошенных на произвол судьбы.* Одновременно такой текст был передан официальным представителям дипломатического корпуса в Москве, а Молотов в пространном заявлении по радио ознакомил с позицией правительства советский народ, не забыв упомянуть о том, что это не война (страна сохраняет нейтралитет) и что карточной системы вводить не предполагается[1].

[1] Соответствующие документы можно прочитать в сентябрьских выпусках газеты «Правда» за 1939 г.

28 сентября, когда защитники Варшавы прекратили сопротивление, а советские войска заняли ту часть Польши, которая имелась в виду в секретном протоколе, между СССР и Германией был подписан еще один договор, на сей раз *о дружбе и границе*. Но главное же не в договоре как таковом. Гораздо важнее то, что 31 октября 1939 г. на сессии Верховного совета, посвященной ратификации этого договора, Молотов произнес ту самую знаменательную речь, которую стоит воспроизвести для сведения современного читателя хотя бы во фрагментах: **«Правящие круги Польши немало кичились "прочностью" своего государства и "мощью" своей армии. Однако оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей .... Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это — дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с ней войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за "уничтожение гитлеризма"...»**[1]. Едва ли эта речь нуждается в комментариях; она весьма убедительно говорит сама за себя. А что касается вопроса о том, был ли СССР с лета 1939 г. по июнь 1941 г. союзником Германии, то пусть каждый читатель определяет это сам. Это, как сказано у Молотова, **дело политических взглядов**. Чтобы закончить изложение событий, связанное с очередным разделом Польши, важно не забыть об уничтоженных советскими репрессивными органами пленных польских офицеров.

То весьма существенное обстоятельство, что СССР не объявил войну Польше, а польское правительство не успело этого сделать, лишило захваченных в плен польских военных статуса военнопленных со всеми связанными с таким статусом обязательствами. Специалисты отмечают, что те, кто, вопреки приказу польского главнокомандующего Э. Рыдз-Смиглы, не сдались советским войскам, а с боями прорывались на запад, где были интернированы немцами, или скрылись, переодевшись в штатское, по большей своей части уцелели. В то же время те, которые были взяты в плен, воспринимались **как контрреволюционеры, задержанные с оружием в руках на территории СССР**. Поэтому они либо уничтожались, либо отправлялись в концентрационные лагеря в Катыни, Козельске,

[1] Внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР. 31 октября — 2 ноября 1939 г. // Стенографический отчет. М.,1939. С. 8–9.

Старобельске и Осташкове. При этом стоит специально отметить, что обычных солдат (свыше 200 тысяч) в конечном счете отпустили, отправив основную часть их на восток. Впоследствии, в 1942 г., кое-кто из них вступил в армию генерала Андерса, хотя очень многие — как и депортированные в СССР мирные поляки (примерно 1,2 млн) — просто не выжили. Что же касается офицерского состава, включая офицеров запаса из числа интеллигенции (профессоров, учителей, лиц свободных профессий), то их, числом примерно около 20 тысяч, весной 1940 г. органы НКВД казнили в Катыни (все трупы со следами выстрела в затылок — типичный прием палачей) и некоторых других лагерях. Это было сделано по приказу вождя, что, к слову, официально было признано в России только в конце 2010 г.

УСПЕХИ ГЕРМАНИИ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

Едва успев разгромить польское войско, фюрер 19 сентября заявил в беседе с немецкими генералами, что намерен еще до зимы покончить с Францией. Заявление было весьма опрометчивым и поспешным. К активным боевым действиям на широком западном фронте (Голландия, Бельгия, Люксембург и Франция, да еще и Дания с Норвегией) вермахт был не готов. Сильно скорректировала планы фюрера и неудачная для СССР советско-финская война. После начала этой войны англо-французский экспедиционный корпус был направлен на защиту финнов, но скандинавские страны, через которые он должен был двигаться в Финляндию, заявили о своем нейтралитете и не позволили корпусу, уже было высадившемуся в Норвегии, идти дальше. Фюрер со своей стороны готовил десант в Норвегии для противодействия захвату Норвегии союзниками. Однако в феврале–марте 1940 г. война с финнами завершалась, союзный десант покинул Норвегию и планы фюрера стали меняться. Но перемены были не принципиальными. Начать войну с Англией и Францией немцы решили с Дании и Норвегии, ибо им важно было овладеть Северным морем и отрезать Англию от морского пути через Данию. Однако спешить было уже некуда.

Начало военных действий на западе Европы в годы Второй мировой войны принято именовать термином «странная война». И на самом деле, ситуацию в целом (особенно, если принять во внимание, что после сентября основной действующей силой был Советский Союз, формально вроде бы никому войны не объявлявший, но зато фактически почти все время воевавший, то в Польше, то в Прибалтике, то в Финляндии) действительно иначе, нежели странной, не на-

зовешь. Неясно, например, что же все-таки заставило фюрера медлить после неудачи советских войск в Финляндии (особенно принимая во внимание его хвастливую фразу о готовности покончить с Францией до зимы — если, конечно, считать, что такая пустая фраза действительно была им сказана). Но, как бы то ни было, зима ушла на подготовку, а война с Данией и Норвегией началась только 9 апреля 1940 г.

После орудийного обстрела Копенгагена и Осло немецкие посланники в этих странах вручили их правительствам ультиматумы. Датский король Кристиан X подчинился, так что уже к концу дня Дания была оккупирована немецкими войсками. Норвегия ультиматум отвергла, но активные боевые действия вести не стала. После робких попыток сопротивления Осло был занят немцами, а местный фашист В. Квислинг объявил о создании им правительства и отменил приказ о мобилизации. Всего несколько дней ушло на оккупацию немцами всей территории Норвегии, много более солидной, нежели датская. И хотя на юге страны небольшая армия (60 тыс.) продолжала сопротивление, рассчитывая на помощь англичан и французов, перспектив у нее не было. Все еще не готовые к войне — странно, но это факт, — союзники смогли лишь потопить несколько немецких кораблей и высадить не слишком большой десант (13 тыс.), который после энергичных налетов германской авиации вынужден был эвакуироваться. Сопротивлявшаяся норвежская армия 3 мая 1940 г. капитулировала. Тогда союзники высадили десант на севере, в Нарвике. Это привело к некоторым успехам. Но после начала широкого наступления немцев на западном фронте (это было 10 мая) союзники были вынуждены покинуть Нарвик, после чего норвежский король Хокон и правительство страны эмигрировали в Лондон, а последние сопротивлявшиеся норвежские войска 10 июня капитулировали.

Итак, война на западном фронте началась. И если у фюрера были некоторые, хотя до конца не очень ясные основания не торопиться, то союзники, судя по событиям в Дании и Норвегии, просто не были к ней готовы. Первый их натиск 3 сентября (было свыше сотни дивизий против 23 у немцев), на который фюрер ответил отступлением на несколько километров, оказался безрезультатным. А других серьезных действий Англия и Франция не предпринимали, пока не были вынуждены идти на помощь Норвегии, что завершилось для них неудачей. Но почему так? Некоторые специалисты склонны считать, что столь странное поведение без попыток к обострению ситуации на протяжении свыше полугода можно объяснить лишь расчетами на Западе на то, что, одолев Польшу, фюрер не остановится и пойдет дальше на СССР. Но, даже если такие расчеты и существо-

вали, не могли ведь вовсе не приниматься во внимание и иные обстоятельства. Во-первых, то, с каким спокойствием советские войска оккупировали свою часть Польши без малейшей попытки фюрера противодействовать этому (а о секретном протоколе союзники знали или, во всяком случае, догадывались). Во-вторых, явную готовность фюрера помочь СССР в Финляндии. Наконец, в-третьих, то, что ключевой пост военно-морского министра 1 сентября занял У. Черчилль, главный противник политики умиротворения, которой придерживались ряд лет Чемберлен и Даладье, рассчитывавшие на столкновение Германии с СССР. Черчилль не мог не видеть и не понимать, что расчет на то, что фюрер может одуматься, заключить с союзниками мир и пойти против СССР, явно себя не оправдывает. Во всяком случае, все эти *contra* нельзя не принять во внимание.

Но все шло иначе, как бы вопреки здравому смыслу. Союзники не были готовы к началу германского наступления даже 10 мая, когда Черчилль сменил Чемберлена на посту премьера, а хорошо подготовившиеся немецкие войска напали одновременно на Голландию, Бельгию и Францию. На рассвете — без объявления войны — немцы легко уничтожили почти всю авиацию этих стран еще на земле. Одновременно, минуя линию Мажино и выбросив десант в тылу, они принялись разрушать долго сооружавшиеся оборонительные укрепления. 13 мая танковая армия генерала Э. Клейста форсировала р. Маас. 20-го она вышла к Ла-Маншу, отрезав группу войск противника от основных частей. Успех блицкрига был полным. Голландия капитулировала 15 мая, 18-го немцы были в Брюсселе, оккупировали Люксембург, а отрезанные от основных сил окруженные армии англичан и французов (340 тыс.) через Дюнкерк с трудом в начале июня 1940 г. эвакуировались в Англию. Германские войска в обход линии Мажино устремились во Францию. 17 июня Франция прекратила сопротивление, а 22-го подписала договор о перемирии, по условиям которого Франция была разделена. На севере — зона, оккупированная немцами, на юге — правительство со столицей в Виши и с маршалом Петэном в качестве его главы. Эльзас и Лотарингия возвращаются Германии, французский флот разоружается, немецкие эмигранты выдаются немцам, 1,5 млн французских солдат остаются в плену до мирного договора. Все вооруженные французы считаются фронтирёрами (партизанами) и подлежат расстрелу.

Блицкриг, продемонстрированный немецкими войсками дважды, в Польше и на западе, прежде всего во Франции, заслуживает внимания. Эта явная и очень весомая демонстрация новых методов ведения войны означала, что, в отличие от Первой мировой войны, теперь выигрыва-

ют не те, кто лучше построил оборонительные рубежи, а те, кто сделал ставку на внезапность и на прорыв. Уничтожение на рассвете самолетов на аэродромах, мощные десанты в тылу, огромные по размеру *мешки, котлы* и прочие емкости (речь не о названиях) впечатляют. Впервые создавалась ситуация, когда окруженные войска перестают быть организованной группой и превращаются в тех, кто отчаянно стремится выбраться из окружения любой ценой. Все это стало после 1939–1940 гг. основой ведения успешной войны. Почему же граничившие с немцами страны европейского Запада не учли опыт Польши? Почему не предусмотрели те новые возможности, которые дают современные танки, авиация, десант, не говоря уже об упреждающем ударе на рассвете? И как после всего понимать то, что случилось в июне 1941 г. с СССР? Но, оставив пока этот больной вопрос, продолжим рассмотрение дальнейшего хода войны на западном фронте. Там после разгрома Франции на передний план вышла битва за Англию, но также укреплялись немецкие позиции в Греции и Югославии.

БИТВА ЗА АНГЛИЮ

Хотя первые налеты германских бомбардировщиков на Англию начались раньше, еще в дни эвакуации разбитых армий из Дюнкерка, формально, как считается, эта битва была задумана раньше и начата с 16 июля 1940 г., когда был принят план высадки немецкого десанта в Англию. Он получил название «Морской лев» — *Зеелеве* — и предполагал вначале интенсивными ударами вывести из строя авиационный потенциал Британии (налеты на аэродромы, базы, авиационные заводы, летные школы и т.п.), обеспечить поддержку со стороны флота, после чего, примерно в августе, прибегнуть к интенсивному десанту. Параллельно с этим еще 19 июля фюрер на торжественном заседании рейхстага, посвященном триумфу немецких войск в континентальной Европе, призвал англичан к «компромиссу», т.е. к заключению мира, на что сразу же получил от Черчилля очень резкий отрицательный ответ. В итоге началась изнурительная и чреватая серьезными потерями для обеих сторон воздушная война, в ходе которой немецким бомбардировщикам более чем успешно противостояли английские истребители. Война тянулась долго, так что в конце августа 1940 г., когда по первоначальному плану фюрера должно было уже начаться вторжение, подготовка к нему отнюдь не была завершена.

В октябре 1940 г. выяснилось, что потери немецкой авиации слишком велики (по некоторым данным, за период с 10 июля по 31 октября немцы потеряли 1294 самолета, а англичане 788) и что следует перей-

ти к ночным бомбардировкам. Однако этот новый этап не привел к облегчению задач немецкой авиации. Англичане изобрели радары, которые фиксировали местонахождение бомбардировщиков. Все попытки с помощью специальных лучей обезвредить возможности этих радиолокационных устройств лишь способствовали улучшению конструкции и усилению потенций английских радаров. В итоге второй этап авиационной войны, начавшийся осенью 1940 г., к улучшению ситуации в пользу нападающей стороны не привел. Третьей фазой битвы за Англию считается начало интенсивной бомбардировки промышленных центров Британии. Мощные удары по Ковентри, Бристолю, Лондону, Манчестеру, Ливерпулю и другим городам, попытка уничтожения портовых центров и торгового флота, минирование с воздуха устьев рек — все это ставило целью подорвать промышленную базу страны и запугать ее население. Однако вскоре, уже весной 1941 г., оказалось, что потери немецкой авиации слишком велики, а результаты им не соответствуют. Кроме того, ответные нападения британских самолетов на немецкие города становились все более частыми и болезненными, а эффективно бороться с ними в ситуации, когда все направлено на бомбардировку промышленных центров Англии, практически не представлялось возможным. Не хватало и самолетов, и летчиков, особенно принимая во внимание, что весной 1941 г. англичане усилили борьбу с немецким надводным военным флотом, для противостояния чему также была необходима авиация.

Словом, примерно к маю 1941 г. выяснилось, что операция Зеелеве не может быть доведена до конца. Иными словами, битва за Англию была немцами проиграна. Авиация сделала все, что было в ее силах, тогда как армия и флот оказались не в состоянии выполнить свою задачу. Это в немалой мере объяснялось тем, что битва за Англию была в течение года не единственным фронтом, на который немецкое командование вынуждено было обращать серьезное внимание. Стоит начать с того, что в тяжелый для Англии год Италия решила воспользоваться ситуацией и в начале 1941 г. вторглась на территорию британских колоний в северо-восточной части Африки — в Кению, Судан, Сомали. А так как ее попытки еще в сентябре 1940 г. захватить с территории Ливии Суэцкий канал англичане пресекли, фюрер был вынужден в 1941 г. отправить на север Африки корпус генерала Роммеля, который весьма активно и результативно действовал на протяжении довольно длительного времени.

Вообще действия итальянцев причиняли фюреру немало хлопот, а явное отсутствие координации и провалы итальянцев в их агрессивных устремлениях вынуждали его время от времени отдавать часть

немецких вооруженных сил на поддержку инициатив беспокойного союзника. Кроме Африки так произошло на Балканах, где в октябре 1940 г. итальянцы оккупировали Албанию, после чего двинулись в сторону Греции. В марте 1941 г., будучи вынужденным помогать итальянцам в их неудачной кампании против греков, фюрер ввел войска в фактически союзную с ним Болгарию, а затем и в Югославию, где в том же месяце произошел направленный против немцев государственный переворот. И хотя в начале апреля 1941 г. свершившие переворот югославы сумели заключить с СССР *договор о дружбе и ненападении*[1], в конечном счете за несколько недель немцы сумели оккупировать и Югославию, и Грецию, что привело к превращению всех балканских государств в союзников фюрера. В конце мая 1941 г. к ним был присоединен и остров Крит, откуда британские и греческие войска были вынуждены эвакуироваться в Египет.

Характеризуя общую ситуацию на фронтах Второй мировой войны к лету 1941 г., существенно обратить внимание на самое главное. Оно заключалось в том, что захватить Англию не удалось, тогда как на всей территории континентальной Европы, а частично и в северной Африке, державы оси и их союзники, как вполне искренние, так и вынужденные обстановкой, были, что называется, на коне. Стоит специально отметить, что это стало ясно всем, в том числе и внимательнее других следившему за событиями советскому руководству. И речь идет об апреле–мае рокового для СССР 1941 г., когда уже было вполне очевидно, что мощь нацистской Германии не ослабла, а усилилась за счет промышленности Франции и других европейских стран.

СССР В СЕНТЯБРЕ 1939 – ИЮНЕ 1941 гг.

Как легко понять, теперь самое время дать серьезную аналитическую оценку советской политике, особенно внешней, в те годы, когда Германия вела войну со странами континентальной Европы. Показательно, что в 4-томном фундаментальном издании «Мировые войны XX века»[2] об этом сказано под рубрикой *СССР: укрепление*

[1] Этот договор вызвал некоторое смятение в советской печати и в общественном мнении, но вскоре, особенно после падения югославского правительства, заключившего договор, о нем перестали вспоминать. Впрочем, в какой-то мере событие, о котором идет речь, стало сигналом, свидетельствующим о более настороженном отношении советского руководства к нацистской Германии.

[2] Мировые войны XX века. Книга 3. Вторая мировая война. Исторический очерк». М., 2005. С. 85.

геостратегических позиций. Или, иначе, немцы вели войну, а Советский Союз тем временем заботился о том, чтобы его внешние рубежи, да и все прочее (как иначе трактовать *геостратегические позиции*?) были как можно крепче, чтобы — как следует полагать — никакими случайностями не быть захваченным врасплох. В чем еще может быть смысл упомянутого укрепления позиций? Но если так, то какие могут быть сомнения в том, что СССР, формально оставаясь нейтралом, фактически стал кем-то вроде союзника нацистской Германии? Он не вступил в антикоминтерновский пакт, не присоединился к странам оси и не объявлял никому войны. Но разве это помешало реально существовавшему сближению, проявлявшемуся не только в соблюдении договоренностей, зафиксированных в секретном протоколе, но и в бесперебойном, даже все расширявшемся торговом обмене? Российские продукты, включая важные военно-стратегические ресурсы вроде, скажем, вольфрама, широкой рекой текли в Германию, помогая ей не испытывать нужды во всем том, что так важно в военное время для снабжения армии и населения. И именно за это вождь получал от верного (до поры до времени) своего фактического союзника все то, что ему было обещано 23 августа 1939 г.

Учитывая это, обратимся к более или менее обстоятельному изложению достаточно хорошо известных основных событий, происшедших в нашей стране после этого. Говоря о внешнеполитических акциях — а именно о них и следует вести речь прежде всего, ибо остальное находилось в полной зависимости от успеха либо неудач в реализации Советским Союзом условий секретного протокола к договору с Германией от 23 августа 1939 г., — следует начать со стран Прибалтики. Эти лимитрофные государства, как их в то время именовали, были лакомым куском для СССР, что сознавали немцы. Фюрер еще в апреле 1939 г. высказывался в том смысле, что судьба этих стран будет определена в зависимости от решения Германии. В мае 1939 г. Литва согласилась считаться с волей немцев, если они гарантируют ее границы, а Эстония получила согласие англичан на заключение эстонско-германского (но не эстонско-советского!) договора. Однако подписание секретного протокола поставило проблему Прибалтики на другую основу.

Вот краткая хроника событий. 1 сентября Литва объявила о нейтралитете в германо-польской войне, а 10-го отказалась от предложения немецкого посла ввести свои войска в Вильно (город был в то время польским). 20 сентября Вильно заняли советские войска. 24 сентября Эстонии под угрозой применения силы был предложен военный союз с СССР. А 27 в Москве на переговорах с Риббентро-

пом Сталин заметил, что Эстония и Латвия будут принуждены принять советские предложения (речь шла о «медленном проникновении» в эти страны). Территорию Литвы он был готов обменять с немцами на часть польских земель. 28 сентября был подписан договор «о взаимопомощи» с Эстонией, предполагавший размещение 25 тысяч советских воинов. 5 октября был подписан аналогичный договор (по форме — «о взаимопомощи») с Латвией на тех же условиях, т.е. с размещением 25 тысяч войска с базами. 10 октября, получив от немцев согласие на обмен некоторыми территориями, СССР заключил договор с Литвой (включая польский Вильно и размещение 20 тысяч военнослужащих). Ратификация договоров, ввод армейских частей, заключение разного рода торговых и иных соглашений не заставили себя долго ждать. Что же касается реакции жителей Прибалтики на эти события, то следует заметить, что вначале, на протяжении 1939 г., советские должностные лица предупреждались от вмешательства во внутренние дела и от попыток советизации лимитрофов. Ситуация стала меняться с 1940 г.

Первые месяцы этого года прошли под знаком стремления прибалтийских стран выработать общую политику по отношению к размещению в них советских войск и усиления нажима советских руководителей на эти страны с обвинением их, особенно Литвы, в нежелании быть лояльными по отношению к СССР. Обвиняя страны Прибалтики в подготовке выступлений *реакционных элементов*, в стремлении *«изолировать советские гарнизоны»* от местного населения[1], советские руководители 14 июня предъявили Литве ультиматум. Суть его сводилась к формированию нового правительства и введению новых войск. 15 июня 1940 г. ультиматум был принят, войска введены. 16 июня аналогичные ультиматумы были приняты Латвией и Эстонией. В последующие за этим несколько дней были сформированы правительства с руководящей ролью в них коммунистов. Некоторая часть населения приветствовала перемены, другие активно выступали против. Но все выступления быстро закончились. Дело было сделано. Его венчали выборы, проведенные во всех республиках. Естественно, выборы проходили по апробированной советской модели. А затем, уже в августе 1940 г., все три республики вошли в состав СССР.

[1] Имелись в виду случаи временного исчезновения загулявших солдат (с этого начались строгости, воспринимаемые как вынужденное стремление к *изоляции*), а также слухи о *Балтийской Антанте*, т.е. о сближении позиций трех стран на основе одинакового их недовольства сложившейся обстановкой.

Иначе обстояло дело с Финляндией. Как о том мельком уже упоминалось, дела с этой страной оказались настолько сложными, что одно время даже немцы собирались было помочь СССР, идя на риск столкновения с войсками союзников. Но не успели. Впрочем, начнем по порядку. В начале октября 1939 г., едва разделавшись с Польшей и подписав первые договоры со странами Прибалтики, СССР предложил Финляндии провести переговоры об урегулировании территориальных проблем. Был составлен и текст договора, сходный с тем, что позже оказались вынужденными принять прибалтийские страны. От договора финны сразу же отказались, а переговоры об обмене территориями (земли близ Ленинграда с Выборгом и ряд островов предлагались взамен куска безжизненной тундры на севере Карелии) прекратились примерно через месяц. Тем временем обе стороны подтягивали войска к границе. 26 ноября советские пограничники, устроив провокацию со стрельбой, предложили финнам отвести войска от границы на 25–30 км. Финляндия настаивала на проведении расследования, хотя и согласилась на обоюдный отвод войск от границы, на что СССР в ноте от 28 ноября заявил, что считает себя свободным от обязательств, зафиксированных в пакте о ненападении, после чего 30 ноября советские войска перешли границу. Началась война, продлившаяся чуть больше 100 дней.

Война оказалась очень тяжелой для советских солдат, не подготовленных к ведению боевых действий на севере в суровую зиму, да еще в природных условиях, препятствующих танковым атакам, не говоря уже о наличии хорошо укрепленной *линии Маннергейма*. Глубокий снег, продуманно построенная оборонительная тактика противника, сложности со снабжением и ряд других серьезных негативных факторов, включая демонстративную эвакуацию финского населения из захваченных поселков, оказывавшихся негодными для размещения войска, привели к ряду досадных неудач. А когда правительство СССР создало на своей территории *Демократическую финляндскую республику* и заявило, что вовсе не воюет ни с какой другой Финляндией, Лига Наций 14 декабря исключила нашу страну из числа своих членов. В феврале 1940 г. советские войска, передохнув и попытавшись реорганизоваться, вновь начали наступление по всему фронту. Оно не было достаточно удачным. Лишь в ночь с 12 на 13 марта был взят давно уже окруженный Выборг. Одновременно в результате начавшихся еще до того переговоров 12 марта был заключен мирный договор, по условиям которого Карельский перешеек с Выборгом и некоторые другие территориальные анклавы отошли к СССР. Похоже на то, что решение о прекращении военных действий было в немалой

мере обусловлено повышенным вниманием к ним со стороны европейских держав, как Англии и Франции, так и Германии. Это внимание, равно как и угроза реального вмешательства с их стороны были категорически нежелательны для советского вождя, в планы которого большая война или даже просто военные столкновения с какой-либо из европейских стран, формально находившихся в состоянии войны друг с другом, никак не входили. Как бы то ни было, но финская война была осечкой. Более того, она оказалась серьезным ударом по престижу СССР и его военной мощи, на которую в стране долгое время делалась столь большая и так дорого обошедшаяся людям ставка.

Оставалась Бессарабия[1], которая долго была объектом территориального спора СССР и Румынии. Как и ряд иных пограничных стран, она была включена в текст секретного протокола в качестве советской сферы интересов. Поэтому сразу же после окончания войны с финнами Молотов в конце марта 1940 г. заявил о том, что бессарабский вопрос СССР не считает решенным. Румыния сразу же обратилась к своему союзнику Германии с просьбой о содействии, но обнадеживающего ответа не получила. В середине апреля румыны заявили, что готовы воевать за Бессарабию. В мае обе стороны вели мобилизационную подготовку, а в июне немцы заявили, что в случае войны займут нейтральную позицию. В конце этого месяца Молотов предъявил Румынии требование отдать Бессарабию и часть соседней с ней Буковины. 28 июня 1940 г. советские войска начали занимать территорию Бессарабии. Румыны всерьез не сопротивлялись, и все советские требования были реализованы без особого труда.

Если попытаться подвести итог внешнеполитической экспансии СССР в 1939–1940 гг., то она вроде бы должна быть определена как свидетельство успехов стратегического замысла вождя. Немцы воюют с западными буржуазно-демократическими странами, а мы приращиваем к своей и без того огромной империи новые и очень значимые территории, пусть даже подчас, как в Финляндии, не в полной мере. Однако стоит повнимательнее взглянуть на ситуацию, как станет очевидным, что на деле все обстояло далеко не так гладко, как на то не без оснований рассчитывал советский вождь. Попробуем реально оценить складывавшуюся в стране ситуацию.

Фашистская Германия, если верить газетам, радио и всей остальной пропаганде (а как им не верить?), больше не враг нам. Наши враги — поляки, финны, румыны, даже страны Прибалтики. И мы их одо-

[1] Ныне Бессарабия — это Молдавия. Небольшая — приморская — ее часть входит в состав Одесской области Украины.

леваем, пусть не всегда полностью и без потерь. Нельзя сказать, чтобы это сильно расстраивало население. Скорее напротив, большинство радовалось тому, что нашего полка прибыло, что мы сильны и очень убедительно, пусть даже с неизбежными подчас срывами, демонстрируем свою мощь. Не зря старались, отдавали последнее — зато вот какая теперь у нас армия, вот как хорошо управляет страной очистивший ее от внутренних врагов любимый вождь! Никто не считал, во что это обошлось. Но все должны были ощущать (и подавляющее большинство действительно ощущало), что наше будущее в надежных руках, что если завтра война, то мы не только не отступим под натиском любого врага, но напротив, на чужой территории и могучим ударом быстро и легко добьемся победы. Об этом пели песни, в это верили. Но важнее всего было то, что в это верил сам вождь, что именно это он медленно, но целеустремленно готовил.

Целый год после окончания всех захватов оставался до рокового июня 1941 г. И весь этот год ушел на укрепление боевой мощи страны. Но как странно шел процесс этого укрепления! Страна и народ дезинформировались, а предупреждениям о том, что фюрер готовится напасть на СССР, вождь не верил. Не верил потому, что готовился именно к нападению, а не к обороне. Он не привык отказываться от своих планов. И не то чтобы вовсе не верил тому, что ему сообщалось из разных источников о подготовке немцев к нападению, но **не хотел верить**. Не хотел, ибо уверенно внутренне полагал, что уж кого-кого, а фюрера-то он, старший и умудренный опытом, давно и до мелочей все рассчитавший, сумеет обойти и опередить. Для этого все и делается, причем вроде бы в страшной тайне. Армия развивается, мобилизационный план в действии, все продумано до мелких деталей.

Ну посудите сами. Для чего нам новые присоединенные территории? Для того, чтобы именно там, на новой границе, создать удобный плацдарм для нападения. Туда направляются новейшие авиа- и танковые соединения, там строятся аэродромы и опорные базы, склады и госпитали. Там понемногу, исподволь, чтобы не привлекать излишнего внимания, накапливаются силы. **Силы вторжения, а не линии обороны** — и **уж в этом-то любой военный легко сориентируется.** В большом количестве статей и книг, посвященных столь острой проблеме, как просчет вождя в начале войны, отчего она оказалась неожиданной и тяжелой по последствиям, довольно часто можно найти осторожные суждения об этом. Авторы пишут что 14 октября 1940 г. был утвержден план наступательной войны с Германией, 11 марта и 15 мая 1941 г. происходили уточнения этого

плана, а с начала 1941 г. процесс вступил в заключительную стадию, но что вскоре выяснилось, что никакие наступательные действия ранее 10–15 июля 1941 г. невозможны[1]. Не воспроизводя в деталях аргументы специалистов, есть основания считать, что летом 1941 г. вождь готовил именно генеральное наступление, о чем, в частности, свидетельствует его речь 5 мая 1941 г. перед выпускниками военных академий, в которой было прямо сказано о необходимости перехода **к военной политике наступательных действий**.

Аргументов в пользу того, что готовились не к обороне, а к наступлению, **что относя его на июль и не желая слушать сообщения агентов о введении в действие германского плана «Барбаросса» 22 июня, вождь был высокомерно упрям и потому элементарно просчитался, достаточно много**. Стоит начать с того, что **линия обороны не создавалась**. Самолеты стояли на аэродромах, а не в скрытых ангарах, на виду были и скопления танков. Военнослужащие не были наготове, а для отвода глаз кому-то из них давались отпуска на выходные. Более того, некоторые части оказались зажатыми между двумя близко расположенными реками, а не находились на нашем берегу восточной реки. Мосты были разминированы. Карты с подробным изображением пути к Берлину и разговорники с немецкими фразами миллионными тиражами загодя издавались и в запломбированных вагонах направлялись в район границы, но не раздавались[2]. Строгая тайна! **Словом, все говорило о готовности к скорому наступлению, но никак не о заботе о создании прочной оборонной линии, которую за год можно было создать, если бы именно оборона от возможного удара со стороны очень сильного противника считалась главной целью.**

ФЮРЕР И ПЛАН «БАРБАРОССА»

Следует заметить, что фюрер никогда не питал иллюзий относительно нашего вождя. Он всегда держал в голове острую необходимость рано или поздно покончить с большевизмом. Об этом ему вре-

[1] Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 281, 283; 1995, № 3. С. 40.

[2] Стоит особо подчеркнуть, что карт, касавшихся территории к востоку от границы — на случай вынужденного отступления, — не было. Не было и сколько-нибудь налаженной хорошей связи. И когда армиям пришлось в панике отступать, командиры с великим трудом ориентировались в незнакомой местности. И как знать, сколько миллионов военных попало в плен и сколько командиров позже было расстреляно за то, что, будучи окруженными немецкими моторизованными войсками, они, не имея карт и возможности наладить связь, не зная, как выбраться, попадали в окружение.

мя от времени напоминал и дуче, как то было, в частности, в письме от 3 января 1940 г. Но речь вовсе не о том, что оба руководителя союзных стран оси только и думали о том, как бы поскорее покончить с СССР. И Германия, и Италия были равно заинтересованы в том, чтобы вначале обессилить Францию и Англию, дабы воспользоваться их ресурсами, потеснить в их колониях. Даже Япония стремилась именно к этому, причем ее намерения по отношению к английским и французским колониям были наиболее очевидны, не говоря уже о географической близости страны восходящего солнца к значительной части этих колоний. Однако битва за Англию затянулась и к успеху не вела. Это выяснилось к лету 1941 г. Но еще до того, 31 июля 1940 г., фюрер начал строить серьезные планы, имевшие отношение к нападению на СССР.

От него, разумеется, не могли укрыться тщательно камуфлировавшиеся меры по подготовке к войне советских вооруженных сил, мобилизация и многие другие события, которые свидетельствовали о том, что после ликвидации лимитрофных посредников граница СССР и Германии с ее союзниками вроде Румынии была ареной энергичной подготовки к войне. И — в чем он, в отличие от многих наших специалистов, не мог позволить себе усомниться — войне только и именно наступательной. Поэтому в его задачу входило не дать опередить себя. Различие между фюрером и нашим вождем в этом пункте было заметным. Первый твердо знал, что его хотят перехитрить, обойти, и потому для него очень важно не опоздать, успеть покончить с врагами на западе и подготовиться к кампании на востоке до того, как СССР будет готов наступать. А другой, будучи высокомерно уверенным в себе и недооценивая потенциального противника, заботился только о том, чтобы приготовления делались скрытно. Однако эта политика напоминала поведение страуса в случае опасности. Кому нужно, видели все и потому достаточно легко могли верно оценить ситуацию.

Тот год между летом 1940 и летом 1941 г., который был столь бездарно загублен — если иметь в виду именно готовность к войне — в СССР, фюрер сумел использовать намного более эффективно. Возвращаясь к тому, что 31 июля 1940 г. появились первые его планы о будущей войне на восточном фронте, стоит заметить, что нападение тогда было условно намечено на май 1941 г. Это было предварительное решение, которое в сентябре 1940 г. было подкреплено пактом трех держав оси. Основная идея сводилась к тому, что Италия и Япония, каждая в своем регионе, тоже будут наводить тот самый новый порядок, к которому в мировом масштабе фюрер

стремился уже достаточно давно. И хотя в тексте делалась оговорка, что пакт вроде бы не затрагивает отношения этих стран с СССР — что было важно для СССР, это не означало, что к войне на востоке фюрер не готовился. Отказавшись от доведения до конца операции Зеелеве, он был готов именно к этому. Тем более, что теперь, после капитуляции всех противников на территории континентальной Европы, война на восточном фронте уже не означала ведения боевых действий на два фронта (нападения в виде десанта со стороны истощенной боевыми действиями Англии фюрер явно не опасался). И Германия начала активно действовать.

Смысл этих действий сводился к тому, чтобы подготовить вооруженные силы к войне на востоке еще до того, как будет окончена битва за Англию. Считалось, что молниеносный разгром СССР лишит Англию всякой надежды. В общем, если не вдаваться в детали, касающиеся дислокации армий и поставленных перед ними задач, главное было в том, чтобы успеть все сделать вовремя (дата начала войны вскоре была уже точно определена — 22 июня). Преимуществом фюрера было то, что его армии были давно отмобилизованы, что они получили солидный опыт молниеносных боевых операций. Планы, естественно, учитывали, что военнослужащие должны иметь возможность отдохнуть и, не торопясь, перебираться на новые места близ советской границы. Важным преимуществом немцев было то, что вся континентальная Европа с ее мощным индустриальным потенциалом могла теперь работать — и работала — именно на их армию (стоит в этой связи вспомнить о том, что советский вождь рассчитывал на взаимное ослабление сражающихся его противников). И хотя вся отечественная разведка не только знала обо всем, но и на протяжении весны–лета 1941 г. регулярно сообщала необходимые сведения в Москву, эти сведения мало тревожили вождя. *Больше того, он дал понять, чтобы с подобными вещами к нему не приставали,* **а вечером 21 июня через сообщение ТАСС газеты рекомендовали «не поддаваться на провокации». Это стоит хорошо запомнить.** Поражают это самонадеянное упорство и абсолютная уверенность в непогрешимости собственных расчетов и стратегических замыслов. Не все любят вспоминать об этом, как и о том, сколь сокрушительным был удар, обрушившийся на страну 22 июня, после чего вождь в жесточайшем состоянии тяжелой депрессии не появлялся на людях свыше 10 дней, по некоторым сведениям, опасался даже ареста, пока не оправился настолько, чтобы выступить по радио.

Глава двадцать шестая. ОСНОВНОЙ ЭТАП ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.) И ЕЕ ЗАВЕРШЕНИЕ

В нашей истории Вторая мировая война обычно рассматривается как отечественная война против германского нацизма. На деле, при всей значимости восточного фронта, который для Германии на ряд лет стал основным, речь должна идти все-таки о новом этапе Второй мировой войны. Другое дело, что для нашей страны это было началом и что только к этому свелась вся война, принесшая народу столько страданий, унесшая столько миллионов жизней и принявшая облик **отечественной**. Рискуя навлечь неудовольствие со стороны ветеранов, стоит все же заметить, что за этим ласкающим душу и воодушевляющим воинов и весь народ термином явно скрывалось совершенно очевидное стремление вождя затушевать его позорный, недопустимый промах, приведший к провалам в начале войны, к гибели и пленению миллионов солдат. *На нас вероломно напали*, — шумела отечественная пропаганда. Но почему вождь верил тем, кто веры не стоил? И стоит ли ему верить после этого?

Словом, людям следовало заткнуть рот, для чего и существовала невиданная по мощи пропагандистская и репрессивная машина. Солдаты, да и все остальное население не должны были размышлять. Их дело было закрыть своими жизнями все промахи вождя, да при этом еще и славить его. И лучше, чем лозунг «*отечественная*», трудно было что-либо найти[1]. Вот и оказалась война не мировой, как первая, а «*нашей*». Позор вождя был скрыт, а на авансцену вышел героизм воинов, которые — если верить пропаганде — только и думали, как бы успеть погибнуть не как-нибудь, а с криком *за вождя*! Речь вовсе не о том, чтобы бросить тень на десятки миллионов, погибших в годы войны, которую они считали отечественной. Речь вообще не о названии. Дело в сути. Суть же в том, что власть умело выдала позор за добродетель, да еще и карала за свой позор миллионы ни в чем не виноватых воинов, оказавшихся из-за недопустимого промаха вождя в разного рода *котлах* и обвиненных за это в измене, казненных либо отправленных (имеются в виду те, кто выжил) в концлагеря ГУЛАГа.

[1] Стоит напомнить, что этот термин предложил сам вождь в выступлении 3 июля 1941 г.

НАЧАЛО ВОЙНЫ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ С СССР

Поскольку вождь думал только о наступлении, намеченном им на июль, и готовил армию к этому дню, советские войска в районе границы оказались выдвинуты на передовые позиции без должной защиты и без планов на случай нападения на них. А когда грянул рассвет воскресенья 22 июня 1941 г. и весь замысел вождя рухнул с неслыханным треском, сам он, естественно, впал в состояние депрессии. Первые дни война шла без него, да и нужды в его участии не было. Помочь было уже поздно. Самолеты и танки были в основном с воздуха уничтожены, не получившие приказа воины были вынуждены отступать, дабы не оказаться окруженными. **Командиры не знали, что делать, ибо никакого плана обороны у них не было.** Говорить в подробностях о последующем едва ли есть смысл. Это были самые тяжелые месяцы войны. По дорогам — и вне дорог — миллионы людей, как военных, так и мирных жителей, причем в полном беспорядке, уходили от войны, в немалом количестве погибая по дороге. А немецкие танки обходили их, даже не останавливаясь на пути. Самолеты бомбили эшелоны с беженцами. В котлах сотни тысяч окруженных методично истреблялись либо брались в плен.

В целом за осенние месяцы 1941 г. были уничтожены почти все стоявшие 22 июня под ружьем советские армии. Это был сокрушительный разгром, равного которому история войн не знала. Противник захватил огромную часть европейской территории страны с Минском, Киевом и многими другими городами, подошел не только к Ленинграду и Москве, но и к Ростову. К октябрю 1941 г. немецкие войска были недалеко от Москвы, а в районе Вязьмы и Ржева (октябрь 1941 — апрель 1942 г.) после неудавшейся попытки захватить Москву с хода возник немецкий плацдарм, в районе которого советские войска в результате ряда неверных решений долго не могли добиться успеха. Правда, контрнаступления в ходе зимы 1941–1942 гг. помогли спасти Москву от оккупации, несколько отодвинули немцев от Ленинграда и сняли угрозу захвата Кавказа. Однако в ходе весенне-летней кампании 1942 г. противник захватил Харьков и почти всю Украину, Крым, часть Кавказа, вплоть до перевалов Главного кавказского хребта, и подошел к Волге в районе Сталинграда.

Но важно заметить, что уже к этому времени в войне стал намечаться перелом. На смену разгромленным армиям пришли новые. Промышленность, с трудом перебазировавшаяся на восток, начала выпускать все большее количество боевой техники, прежде

всего самолетов, танков, артиллерийских и реактивных орудийных установок. Огромную роль стали играть поставки союзников, особенно американцев, по ленд-лизу. И хотя войска еще не перешли от активной обороны к наступательным операциям, дело шло именно к этому. Издавались все более строгие приказы, направленные на укрепление воинской дисциплины. Появилось немало штрафных батальонов из числа заключенных и иных репрессированных, которые посылались *искупать вину* в наиболее трудной воинской обстановке. За ними тщательно следили специальные войска НКВД. Вместе с тем активно работали и заградотряды, которые все чаще располагались в тылу обычных частей и подразделений, становясь своего рода гарантией того, что военнослужащие в трудную минуту не станут отступать, тем более бежать.

На территории, оккупированной врагом, с первых же недель войны начали активно действовать партизанские отряды. И здесь стоит заметить, что документы ЦК ВКП(б) об организации борьбы в тылу врага, изданные не в этом самом тылу 29 июня и 18 июля 1941 г., да еще и имевшие гриф *секретно*, т.е. предназначавшиеся явно не для тех, кто с 22 июня трудом искал пути к отступлению либо, оказавшись в окружении, должен был наобум нащупывать связь с кем-то, являются немаловажным доказательством того, что к обороне страна не была готова. Вождь не хотел и думать об этом. Здесь трудно не вспомнить знаменитый роман А. Фадеева *Молодая гвардия*, из которого все это было настолько ясно видно, что вождь вернул роман на переработку, после чего вышло новое издание, в котором появились невесть откуда взявшиеся в тылу врага партийные руководители, уже все знавшие и умело возглавлявшие энтузиазм юных. А ведь именно в первом издании романа была правда: молодые организовались, чтобы как-то, без вооружения и даже не особо таясь, сопротивляться.

Одновременно с такими группами возникали и другие. В лесах, в тайных убежищах скрывались и накапливались оторвавшиеся от своих вооруженные солдаты и офицеры, которые со временем создавали партизанские отряды, вынужденно пытались установить связь с соседними деревнями (было нужно какое-то снабжение) и старательно искали то самое партийное подполье, которое будто бы — если верить фильмам о партизанах — было загодя подготовлено, но которого на самом деле нигде не было, причем опять-таки потому, что к войне на своей территории вождь не готовился. Разумеется, со временем были созданы всесоюзные штабы, руководившие отрядами партизан, были налажены нужные связи,

организовано снабжение оружием и боеприпасами, так что партизанское движение превратилось в грозную силу в тылу врага. И это следует приветствовать, хотя нельзя забывать и о том, что задним умом многие крепки и что руководители, особенно самые высшие, все-таки ценятся еще и в зависимости от того, какой именно ум у них преобладает.

Что же касается политики противника на захваченных им землях, то она была суровой, часто просто жестокой. Коммунисты и евреи преследовались и уничтожались, за партизанами устраивалась настоящая охота, что впрочем, не мешало тому, что многие из них уходили от преследований и успешно делали свою работу, дезорганизуя тылы врага. Все остальное население было обязано выполнять трудовые повинности. Часть его, в основном мобилизованная молодежь, отправлялась на работу в Германию. Колхозы, обретшие форму *общинных хозяйств*, должны были поставлять немцам продукты. Вся система местной администрации (губернии, уезды, волости) была обязана регулярной отчетностью. Под надзором гестапо создавалась местная полиция (полицаи, как их именовали). Формировались мировые суды. Работали театры — с утвержденным властью репертуаром. В кино шли немецкие фильмы с русским переводом. Энергично велась антисоветская пропаганда, издавали соответствующие газеты и брошюры, на работе читались обязательные политические лекции. Детей обязывали посещать школу, где учителя, нужным образом переподготовленные, были поставлены перед необходимостью учить тому, что требовали оккупанты (имеются в основном *уроки текущих событий*). При церквах создавались группы, обучавшие *закону божьему*. По некоторым подсчетам, на оккупированных территориях немцами было уничтожено не менее 5–7 млн человек.

Перелом в военных действиях и вообще во Второй мировой войне (если вести речь об основном — восточном, советском — ее фронте) наступил поздней осенью, в 1942 г., когда подошедшая вплотную к Волге армия генерала Ф. Паулюса была разгромлена под Сталинградом. И хотя после этого тяжелый для СССР 1943 год был отмечен не только огромными успехами типа битвы под Курском, но и рядом неудач, в целом это было уже время активного и успешного контрнаступления, в ходе которого советские войска проделали нелегкий путь от Волги до Днепра. Год завершился на рубеже ноября–декабря известной конференцией руководителей союзных держав в Тегеране, на которой впервые встретившиеся Сталин, Черчилль и Рузвельт обсуждали вопрос об открытии в Европе второго, западного (западноевропейского) фронта.

СССР И ЕГО СОЮЗНИКИ

Теперь самое время вспомнить о том, что с первых же дней второго этапа войны, когда немецкие армии напали на СССР, наша страна в тяжелом противоборстве с набравшимися боевого опыта солдатами и генералами вермахта оказалась не одна. Стоит начать с того, что США при президенте Ф. Рузвельте начали, наконец, отступать от строгих норм продиктованного традиционной политикой изоляционизма и принятого при президенте Гувере в 1937 г. закона о нейтралитете. 4 ноября 1939 г. конгресс после долгих споров принял новый закон, который снял эмбарго на поставку вооружений воюющим странам. Это был большой успех, который англичане — правда, не сразу — ощутили в процессе затянувшейся битвы за Англию. Летом 1940 г. У. Черчилль направил в Вашингтон просьбу об активной и срочной помощи, сводившейся к поставкам различного оружия. Капитуляция Франции подкрепляла своевременность и разумность просьбы ибо, как писал он в те дни, перед США вполне явственно вырастала угроза оказаться лицом к лицу с нацистскими *Соединенными штатами Европы*. В США это начинали осознавать. В августе 1940 г. англичанам было передано 50 старых эсминцев в обмен на аренду ряда вест-индских островов, на которых можно было создать военно-морские базы.

Вся вторая половина 1940 г. стала периодом налаживания энергичных контактов между обеими странами, включая разведданные и информацию о радарах и даже о работах по созданию атомной бомбы. В США все это было поддержано влиятельными фирмами, заинтересованными в расширении производства вооружения и прочего для военных нужд. А так как наличных денег у англичан уже не было, конгресс в марте 1941 г. принял закон о ленд-лизе, т.е. о поставках странам из числа противников держав оси необходимой для ведения войны продукции взаймы или в аренду. В апреле 1941 г. (в апреле!) американский посол в Москве, предупредив о слухах по поводу подготовки Германии к блицкригу против СССР, заметил, что *США будут рады оказать помощь СССР*. Имелась в виду именно помощь по ленд-лизу.

К сближению с СССР накануне вторжения Германии в нашу страну стремились и США, и Англия, предупреждавшие вождя о готовящемся блицкриге. Стремились не потому, что коммунистический режим был для них предпочтительнее нацистского. Просто ситуация в мире складывалась таким образом, что неминуемое вторжение немцев превращало жертву этого вторжения в важного союзника буржуазно-демократических стран. Иного варианта просто не существовало.

А это как раз и означает, что следовало заблаговременно предупредить советского вождя, что союзники готовы помогать СССР в отражении натиска нацистов. И действительно, уже 22 июня 1941 г. Черчилль от имени Англии пообещал оказать жертве агрессии всю возможную в ее положении помощь. В США 23 июня Рузвельт заявил, что с этого дня армии Гитлера — главная опасность для Америки. В обращении Сталина к советскому народу 3 июля было сказано о «чувстве благодарности» за это. 21 июля 1941 г. было подписано советско-английское соглашение, 26 сентября было признано правительство свободной Франции во главе с де Голлем. Более обстоятельные договоры о союзе в войне с нацистской Германией были подписаны с Англией 26 мая 1942 г., а с США 11 июня того же года.

Но эта задержка отнюдь не помешала тому, что огромная и очень важная для страны и для армии помощь по ленд-лизу стала направляться в советские порты еще задолго до этого, летом–осенью 1941 г. Самолеты (18 300) и танки (11 900), корабли и паровозы, мощные тягачи-*студебеккеры* и вездеходные воинские легковушки-джипы *виллисы* (всего 427 000 автомобилей), разнообразное воинское снаряжение и столь полюбившаяся всем свиная тушенка, как и разные продуктовые наборы (о чем могу судить по детским воспоминаниям), — все это, как и многое другое, появлялось в большом количестве и становилось привычным. Не следует сбрасывать со счетов то, что прибывало не из далекой Америки, а из Англии и ее доминионов, причем опять-таки часто фактически бесплатно, в качестве военной помощи, не говоря уже об опасностях, связанных с морской транспортировкой грузов.

О союзниках стоит сказать особо. Хотя советско-германский фронт в ходе всего довольно длительного периода был основным и в конечном счете решающим, не стоит забывать, что помимо него в мире происходило немало других масштабных военных столкновений и крупных территориальных захватов, в которых участвовали страны оси и противостоявшие им армии союзников, США и Англии. Начать стоит с Японии. Как о том уже шла речь, японцы с 1937 г. вели весьма успешную для них войну в Китае. Однако этого было для них явно не достаточно. Они попытались задеть СССР. Но результаты первых советско-японских столкновений на Дальнем Востоке (оз. Хасан в 1938 г., Халкин-Гол в 1939 г.), о которых вкратце уже упоминалось, убедили японцев в том, что война с СССР дело не простое. Оно выглядело затратным и, главное, мало перспективным, вследствие чего была решительно изменена направленность внешней политики Японии. И она решила обеспечить на этой

границе (речь о китайско-советской границе в районе Маньчжурии и Монголии, где хозяевами в то время были японцы) нейтралитет. В этом нейтралитете и в активных действиях японцев в другом регионе, на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии, был заинтересован в то время и их основной союзник, Германия. Об этом свидетельствует визит И. Мацуока в Берлин еще весной 1941 г. Договор о нейтралитете СССР и Японии, заключенный тогда же, 12 апреля 1941 г., сыграл важную роль в истории нашей страны, ибо обеспечил безопасность дальневосточных рубежей в самый тяжелый момент войны с немцами.

Но именно этот договор развязал руки японцам и содействовал ускорению процесса создания ими за счет завоевания английских, французских и нидерландских колоний так называемой восточноазиатской сферы «сопроцветания». Отказавшись, как считалось, на время, от планов включения в эту сферу Восточной Сибири и советского Дальнего Востока, японцы начали в июле 1940 г. с оккупации французского Индокитая, так как эта колония после падения Франции и раздела ее немцами на части оказалась фактически беззащитной. Однако эта агрессивная акция вызвала резкие протесты со стороны западных стран и привела к эмбарго на продажу японцам нефти. Это обстоятельство, больно ударив по стране, лишенной собственных энергетических ресурсов, привело, однако, ее руководство после некоторого периода внутренних споров к решению активизировать свои действия по овладению наполненных ресурсами других колоний. Имелись в виду теперь колонии разных западноевропейских держав в странах южных морей. Однако для этого следовало предварительно сломить возможное сопротивление со стороны мощного американского флота. И 7 декабря 1941 г. был нанесен неожиданно очень сильный удар по базе США на Гавайях. Речь идет о знаменитом налете японцев на Пирл-Харбор. Удар был сокрушительным. Значительная часть американского флота была уничтожена. Но этот удар означал, что в США прекращаются столь типичные для этой страны дебаты на тему о том, стоит ли им вмешиваться в войну на чужих континентах. Американцы сразу же осознали, что война, ставшая и для них мировой, коснулась их самым непосредственным образом. И им оставалось лишь принять вызов и достойно ответить на него. Однако для начала серьезной войны американцам потребовалось некоторое время.

За это время — речь о примерно пяти месяцах — японцы сумели захватить Бирму, Малайю, всю Голландскую Индию, Филиппины, а также крупнейшие острова-порты (Гонконг, Сингапур). Таиланд сам

пропустил японцев на свою территорию. И только с мая–июня 1942 г. Япония, явно выдохшись (освоение огромных занятых ею территорий требовало немалых сил и средств), приостановила дальнейшие наступательные действия и вынуждена была перейти к обороне, что наиболее ярко проявилось в районе Тихого океана с его многочисленными архипелагами. Однако этот важный фронт не был все же главным. Остановив агрессивный натиск японцев и заставив их перейти к обороне, американцы поспешили на помощь своим британским союзникам. Имеется в виду север Африки, прежде всего Египет, где осенью 1942 г. сосредоточили свои войска итальянцы и немцы.

О стратегическом значении Суэцкого канала говорить не приходится. Не удивительно и то, что в критический момент войны, когда немцы стояли под Сталинградом, многое зависело от положения дел на остальных фронтах. Победа англо-американских войск во главе с Б. Монтгомери в октябре–ноябре 1942 г. над армией генерала Роммеля при Эль-Аламейне, неподалеку от Александрии, вошла в историю в качестве важного этапа мировой войны. Она была тем более важна, что открыла дорогу к высадке мощного десанта союзников в Алжире и к постепенному, занявшему несколько месяцев, вытеснению из северной части Африки войск стран оси, прежде всего Италии. Более того, успешный исход всей этой операции открыл дорогу к высадке летом 1943 г. десанта в Италии (начиная с Сицилии) и на Балканах. Этот решительный поворот в ходе военных действий привел не только к свержению и аресту Муссолини, но и к выходу в сентябре 1943 г. Италии из войны и объявлению в октябре того же года новым итальянским правительством войны Германии. И хотя немецкие войска после этого вторглись в Италию, разоружили ее армию и освободили Муссолини, что заметно задержало процесс окончательного освобождения Италии (северная ее часть была освобождена лишь в конце войны, весной 1945 г.), итальянские войска из активных военных действий были выведены. И именно с этими итогами руководители союзных стран встретились в конце 1943 г. в Тегеране.

КОНФЕРЕНЦИЯ В ТЕГЕРАНЕ В КОНЦЕ 1943 г.

Эта конференция означала, что во Второй мировой войне произошел коренной перелом. Суть его была в том, что страны-союзники, СССР, США и Великобритания, уже считали себя победителями. Ни один из руководителей этих стран, насколько можно судить по характеру бесед, повестке дня и ходу переговоров, в этом не сомне-

вался. Основным вопросом, который был поставлен на конференции в центр дискуссии, была операция Оверлорд, т.е. вопрос об открытии второго фронта. Несмотря на несомненную очевидность решения его как такового, он оказался спорным. Споры возникли вокруг того, где открывать новый фронт. Наиболее дальновидный и опытный в международных делах Черчилль долго настаивал на Балканах, которые после освобождения североафриканского плацдарма были очень удобны для высадки там десанта, особенно если иметь в виду, что германских войск там почти не было. Аргументом считалось и то, что открытие второго фронта на западе, где немецкие войска, принимавшие участие в битве за Англию, все еще были в достаточном количестве, не говоря уже об укреплении побережья, чревато огромными потерями.

Однако советская сторона хорошо понимала, что подлинное, хотя и легко разгадывавшееся содержание этого проекта заключалось в том, чтобы перерезать восточноевропейские территории, захваченные немцами (на север от Балкан к Польше и Прибалтике). Это вело к ограничению продвижения советской армии на запад. А если вспомнить, как начиналась война в 1941 г. и чем заплатил наш народ за стремление наступать в сторону запада, то легко понять, как подобное предложение возмутило советское руководство. Одно время оно — по высказанному вслух предложению вождя — было готово даже покинуть конференцию. В конечном счете при поддержке Рузвельта стороны пришли к решению открыть второй фронт на западе в мае 1944 г. В качестве компенсации со стороны СССР было предложено начать в это время наступление, дабы предотвратить переброску дополнительных немецких войск с востока на запад.

К числу важных проблем, решавшихся в Тегеране, следует отнести вопрос об организации, которая должна прийти на смену Лиги Наций, а также споры о будущем Германии. Проблема Германии, вновь — всего через два десятка лет, пусть даже до предела насыщенных очень важными и решительно изменившими мир событиями, — оказалась больным местом. Обсуждая ее, ведшие переговоры руководители выдвигали разные проекты, включавшие прежде всего вопрос о количестве частей, на которые следует расчленить это распухшее перед войной государство. Насколько можно судить, к окончательному решению стороны не пришли, но необходимость раздела побежденной страны на части сомнений ни у кого не вызывала. В частности, все согласились с тем, что Восточная Пруссия с Кенигсбергом — это давнее яблоко раздора между Германией и Польшей (имеется в виду проблема данцигского коридора) — останется за СССР. Вопрос о Польше

был решен легче: западные ее границы расширялись за счет Германии (линия по Одеру), а восточная граница должна была пройти по линии 1939 г., оставив СССР все то, что он приобрел.

Стороны согласились, что СССР после окончания войны с Германией вступит в войну с Японией, что опять-таки явно было в интересах СССР. Была гарантирована независимость и целостность Ирана (это в связи с тем, что Иран временно был оккупирован войсками союзников). Одно из решений касалось необходимости попытки привлечь Турцию к выступлению против Германии. Если говорить об общей оценке конференции и ее результатов, то нельзя не признать, что обсуждение шло при доминировании со стороны СССР. Это в немалой степени оправдывалось не столько основной ролью нашей страны в войне, особенно заметной именно в 1943 г., когда перелом в ней стал очевидным, сколько возросшим в этой связи престижем СССР в качестве державы первостепенного значения. Союзники сознавали роль, которую играли в войне успехи советского оружия, и это вынуждало их идти на вполне определенные уступки. В итоге Тегеранская конференция сыграла роль переломного момента в истории международных отношений. Именно здесь и теперь впервые за многие годы недоверия, неудачных переговоров, а то и конфронтации — имеется в виду довоенный период, а не соглашения в ходе начавшейся советско-германской войны — ведущие западные державы наметили основы постоянного и рассчитанного на долгий срок взаимодействия. Другое дело, что в итоге это взаимодействие оказалось не слишком долгим и совсем не прочным. Но в 1943 г. было важно как раз то, что оно было налажено и зафиксировано, что вслед за Тегераном последовали аналогичные встречи в Ялте и Потсдаме.

ЗАВЕРШЕНИЕ ВОЙНЫ: 1944 — ЛЕТО 1945 г.

В начале 1944 г. ситуация на советско-германском фронте изменилась. На Украине советские войска подошли к Киеву, в Белоруссии были неподалеку от Минска и Витебска, еще севернее оказались рядом с Латвией, Эстонией и Псковом, в Карелии — с Петрозаводском. Наступление началось в январе с юга, шло в достаточно быстром темпе и привело уже в марте к выходу на пограничную реку Прут. Были заняты с боя Киев, Одесса и Крым, вскоре почти вся Правобережная Украина и часть Молдавии. На севере была снята блокада Ленинграда, части советской армии вступили в Эстонию. Летом 1944 г. были захвачены Выборг и Петрозаводск, несколько позже, в конце лета, в августе, почти вся Белоруссия с Минском и иными

городами, затем также вся Прибалтика. Завершение войны на юге, в Молдавии, привело к свержению 23 августа пронацистского режима в Румынии. В сентябре были заняты Болгария и Югославия, часть Польши и Чехословакии. В декабре осажден Будапешт.

Из очень краткого обзора военных успехов СССР в 1944 году явствует, что напор с востока немцы, даже прилагая к этому все усилия, уже не могли, просто не были в состоянии остановить. По меньшей мере частично это было связано с тем, что одновременно нацистской Германии приходилось сдерживать наступающий порыв англо-американского десанта в Италии, где немцы с трудом удерживали лишь северную часть страны, а также второй фронт. Давно ожидавшееся и вынужденно перенесенное с мая на начало июня вторжение англо-американско-канадского десанта на побережье французской Нормандии — операция *Оверлорд* — оказалось делом чрезвычайно сложным и заняло несколько долгих недель, на протяжении которых союзные войска несли большие потери. С трудом потеснив обороняющиеся армии немцев, десант, освобождая по дороге французские города, включая Париж, форсировал реку Сену и направился на восток, к границам Германии. На юге Франции, в районе Тулона, несколько позже, в середине августа, высадился практически без потерь еще один, менее крупный десант, включавший и воинские соединения французской армии де Голля. В сентябре десантами союзников был занят Антверпен, в октябре Аахен, в ноябре Мец и Страсбург. Но форсировать Рейн не удалось. На рубеже 1944–1945 гг. установился западный фронт, поставивший своей целью собрать и перегруппировать силы и подготовиться к решающему броску на территорию Германии весной 1945 г.

Надо сказать, что немцы к этому времени сосредоточили на западе немалые силы. В связи с этим Черчилль, принимая во внимание взятые Сталиным в Тегеране обязательства, напомнил ему об этом в письме в начале января 1945 г., на что получил ответ, сообщавший о намерении советской армии начать наступление *не позже второй половины января*. 12–14 января наступление началось с разных направлений. В феврале был взят Будапешт, в марте Вена. Советские войска прошли через Польшу, вошли на территорию Германии и начали готовиться к решающему удару по Берлину.

В феврале 1945 г. в ливадийском дворце близ Ялты состоялась вторая международная конференция с участием Черчилля, Рузвельта и Сталина. На ней руководители союзных стран определили некоторые проблемы послевоенной организации мира. Были приняты решения о репарациях с Германии и подтвержден план расчленения

этого государства, уточнены вопросы о международном суде над военными преступниками, о создании ООН с участием в ней наряду с СССР еще двух советских республик, Украины и Белоруссии. Много внимания потребовало обсуждение вопроса о Польше, точнее, о ее будущем правительстве, а также обо всех иных восточноевропейских государствах. В целом стороны сочли возможным воспринимать Восточную Европу как сферу влияния СССР, что, однако, не коснулось Греции, где уже находились британские войска. В принятой на конференции *Декларации об освобожденной Европе* упоминалось о помощи нуждающимся европейским народам и об организации свободных выборов правительств, отвечающих воле народов. Едва ли не самым серьезным моментом дискуссии было обсуждение дальневосточных проблем. Подтвердив решение тегеранской конференции о вступлении СССР через два — три месяца после окончания войны в Европе в войну с Японией, стороны согласились с рядом его территориальных требований. Речь шла о южной части Сахалина, Курильских островах, о КВЖД и районе Порт-Артура, а также о сохранении статуса Монголии. Следует заметить, что вплоть до сегодняшнего дня именно эти решения, формально не имеющие строгой международно-правовой основы, определили на долгие десятилетия (а вопрос о Курилах — до наших дней) послевоенное устройство мира.

Тем временем война продолжалась. В марте союзники форсировали Рейн, в апреле заняли Магдебург и Лейпциг, Бремен и Гамбург. В том же апреле перешли в наступление и англо-американские войска в северной Италии, что привело к окончательной капитуляции этой страны. Битва за Берлин завершилась в начале мая штурмом советских войск. Практически одновременно была захвачена Прага, на чем и завершилась Вторая мировая война в Европе. Собравшаяся в июле 1945 г. очередная международная конференция в Потсдаме, на которой вместо умершего в апреле Рузвельта Америка была представлена Г. Трумэном, а Черчилль 26 июля был заменен новым премьером К. Эттли, приняла еще раз — теперь уже последний — некоторые согласованные всеми важные решения союзников. Отвечая на упреки в связи с политикой СССР в его сфере влияния, Сталин заявил, что он «не собирается советизировать Восточную Европу», что предоставит возможность для участия в свободных выборах всем партиям, кроме фашистских. На конференции в деталях обсуждались проблемы денацификации Германии, был решен вопрос о мирных договорах с восточноевропейскими странами и об уходе иностранных войск из Ирана. Просьба советской стороны об отмене конвенции Монтрё и изменении статуса черноморских проливов удовлетворена не была.

В Потсдамской декларации, подписанной представителями США, Великобритании и Китая (т.е. сторонами, воюющими с Японией), японцам была предложена капитуляция на сравнительно удовлетворительных условиях. Япония это предложение отклонила, и война в Азии и на островах Тихого океана продолжалась, особенно в Бирме и в Китае, где японцы ожесточенно сопротивлялись. Как то хорошо известно, война с Японией после атомного удара по Хиросиме и Нагасаки 6 и 9 августа 1945 г. пришла к концу. 14 августа Япония заявила о сдаче на условиях Потсдамской декларации. СССР, денонсировавший пакт о ненападении с Японией 8 августа и считавший себя в состоянии войны лишь с 9 августа, хорошо подготовился к боям на Дальнем Востоке и не приостанавливал своего натиска вплоть до 20 августа, когда японская Квантунская армия, уже не оказывавшая серьезного сопротивления, была окончательно разгромлена. Акт о капитуляции Японии воюющие стороны подписали 2 сентября на борту крейсера «Миссури». На этом Вторая мировая война закончилась, хотя стоит иметь в виду, что в различных районах Азии и Тихого океана японские группировки, не знавшие о происходящем, продолжали сопротивление еще несколько месяцев, а отдельные военнослужащие и дольше, подчас годами. Тем не менее война кончилась, и мир с облегчением вздохнул. Началась новая послевоенная эпоха. И прежде чем перейти к конкретным событиям богатой ими ее истории, стоит сделать несколько итоговых замечаний.

ЧТО ОЗНАЧАЛ КОНЕЦ ВОЙНЫ?

Войны обычно завершаются миром, а мирные договоры часто определяют сложившееся в результате войн новое соотношение сил и новые политические реалии. Так было после Первой мировой войны, более всего напоминающей Вторую. Но и сама новая мировая война, и завершение ее, и мирные договоры, да и очень многое другое не были сходны с тем, что случилось тогда. Прежде всего, война пришла к концу в результате взрывов атомных бомб. И хотя не весь мир, но во всяком случае страны-победительницы, включая СССР, горячо приветствовали эти взрывы, все понимали, что новый атомный век привносит в мир принципиально новые условия бытия и отношений между державами. Ясно было, быть может, не всем и не сразу, но прежде всего правящей элите, что больше мировых войн между великими державами, каждая из которых не сегодня завтра обзаведется ядерными бомбами, не будет, просто не сможет быть, если не вести речь о самоубийстве человечества. А это означает, что с лю-

бителями мировых войн следует обойтись как можно строже. Этим, в частности — хотя и не только этим, ибо не стоит забывать и о Холокосте, да и о кое-чем другом, — объясняется тот важный факт, что все завершилась не миролюбивым Версалем, а жестоким Нюрнбергом, приговорившим к виселице главных не успевших покончить с собой германских виновников войны.

Но и Нюрнбергский процесс, и расчленение Германии на части с потерей ею отошедших от нее к СССР и Польше немецких территорий не ставили своей целью унизить страну и оставить ее обиженной и стремящейся к реваншу. Напротив, немцам — во всяком случае в тех зонах страны, которые были под попечительством стран Запада, — дали возможность с помощью известного плана Маршалла достаточно быстро не только восстановить на новом современном уровне уничтоженный индустриальный потенциал, но и, что самое главное, забыть о страшном нацистско-тоталитарном прошлом как о дурном сне. Нечто подобное проделал с Японией проведший там ряд лет американский генерал Д. Макартур. А Италия не нуждалась и в этом. Там в силу ряда обстоятельств (особенно в связи с тем, что почти два последних года войны значительная часть страны уже была освобождена от фашистов) процесс трансформации прошел легко, почти что без серьезного вмешательства извне.

Эти итоги войны, давшиеся народам побежденных стран отнюдь не легко, были, тем не менее, весьма отрадным фактом. Благодаря вмешательству союзных держав с их палкой (военные процессы в Германии и Японии) и пряником (план Маршалла и иная активная помощь, направленная на решительные буржуазно-демократические, именно демократические преобразования) об агрессивной политике все три страны перестали и мыслить. Что же касается буржуазно-демократических стран-победителей, Англии, США и Франции, то их послевоенное восстановление не потребовало слишком многих усилий, а США не коснулось вовсе. Более того, создание Организации Объединенных Наций — ООН — со штаб-квартирой в Нью-Йорке, которая пришла на смену Лиге Наций и продолжила ее дело, способствовало объединению вокруг этих государств огромного числа других. В их числе были и нейтральные страны Европы и Латинской Америки, и вчерашние доминионы, и начавшие освобождаться от колониальной зависимости страны Востока.

Это следовало бы считать весьма обнадеживающим. Угроза новой мировой войны — учитывая наличие ракетно-ядерного потенциала — вроде бы раз и навсегда снята. Мир явно вступил в новый этап своего существования, о чем лучше всего свидетельствовал все расширявший-

ся и набиравший силу процесс деколонизации. ООН была призвана организовать этот новый мир и придать ему необходимые параметры, должные обеспечить мирное сотрудничество. Все вроде бы шло хорошо, если бы не одно очень большое «но». Это «но» — СССР, в котором продолжал сохраняться и более того, проявлять все свои агрессивные потенции тоталитарный режим, который оставался таким, каким был до войны. Поэтому конец войны не привел мир к успокоению и тем более к прекращению конфронтации. Напротив, ознаменовал наступление нового этапа вражды, причины которой коренились в том, что разгром группы тоталитарных государств правого толка лишь объективно усилил тоталитарную державу левого толка, СССР. Победа принесла руководству страны немало оснований для надежды на успех в достижении главной цели режима, мировой революции, а если выражаться более точно — обретения власти над миром.

И хотя устами вождя на Потсдамской конференции было официально заявлено, что он *не собирается советизировать* восточноевропейские страны, а появление нового ракетно-ядерного вида смертоносного оружия, очень скоро после войны оказавшегося и в распоряжении СССР, должно было бы стать сдерживающим фактором, на самом деле все обстояло совсем не так. Более того, ситуация стала серьезно изменяться в пользу СССР в ряде азиатских стран, в первую очередь в Китае. Имеются в виду восстания в *мировой деревне* под знаменами переинтерпретированного крестьянскими вождями марксизма. Все это шло не слишком быстро. Но в самом общем плане важно заметить, что после окончания Второй мировой войны достаточно быстро стали возникать предпосылки для новой, на сей раз в основном политической конфронтации между ведущими державами-победительницами, несколько позже получившей наименование *холодной войны*.

Пока, однако, продолжим рассказ о том, что было связано с итогами на территории Европы, где шли основные битвы в ходе войны. Речь о вполне предсказуемых последствиях победы. Говоря о надеждах советских людей, трудно сформулировать что-то определенное. Но общий дух был, тем не менее, достаточно заметен. Этот дух — речь именно о нем, о не поддающемся словесному выражению настроении — проявлялся в том, что кое-что после победы должно измениться. Измениться к лучшему. Нельзя сказать, что об этом задумывались все или хотя бы даже многие. Напротив, большинство было радо уже тому, что они живыми вернулись домой, что живы остались — если остались — их семьи. Однако, если принять во внимание все, что выпало на долю старшего поколения, не слишком трудно понять, что имеется в виду.

Люди устали. Первая мировая война, затем гражданская с сопровождавшим ее красным террором, ведшим к уничтожению ряда слоев общества, некоторое облегчение в десятилетие НЭПа и снова принуждение, насилия, массовое подавление (колхозы и высылка *кулаков*), уничтожение деревни (голодомор), затем истощавшая страну индустриализация, т.е. в основном милитаризация, и, наконец, унесшая столько жизней неразумно начатая война — разве на долю одного поколения этого мало? Разве оно не заслужило некоторую релаксацию? Разве не пора ему почувствовать себя не удобрением во имя утопического будущего, а людьми, обычными людьми, заслужившими лучшей доли? Стоит повторить, так думали не все, даже не многие. Но подспудное, неосознанное настроение существовало. И лучше других уловил его вождь, кому это было необходимо более всех. Именно он раньше и больше других понял, сколь опасным для его далеко идущих целей было бы такого рода расслабление. Что ему уставшее поколение! Он мыслил много более глобальными категориями и делал все, чтобы не дать народу расслабиться. Если дать слабину — конец всем расчетам. А ведь сейчас самое время не останавливаться, а, пользуясь моментом, идти дальше. Разумеется, во имя победы коммунизма — это все должны понимать. И ядерная мощь, которую страна вот-вот обретет, может в этом помочь. Такой была доминирующая политическая линия вождя. И ему казалось — отчасти так и было, — что все складывается в его пользу. Нужно лишь не упустить время, не пожалеть усилий, не останавливаясь ни перед чем.

Глава двадцать седьмая. СССР И ЕГО СФЕРА ВЛИЯНИЯ В ГОДЫ ВОЙНЫ И В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ НЕЕ

А базовая основа для реализации такой политики была очень благоприятной, хотя и оказалась связанной с болезненной проблемой, которая в публикациях сводного характера чаще всего обходится стороной, чем охотно пользуются те, кто хотел бы мифологизировать и героизировать наше недавнее прошлое, особенно грозную и мрачную фигуру самого вождя, и принести мрачную правду в жертву сиюминутным политическим расчетам.

ВОЖДЬ И ВОЙНА

Стоит снова начать с того, что после кратковременной депрессии, в состоянии которой просчитавшийся и обескураженный вождь про-

вел десять с лишком дней после начала войны, он довольно быстро пришел в норму. И не только пришел, но и, официально возглавив воюющую страну в новом качестве верховного главнокомандующего, с удесятеренной энергией начал являть отступавшей армии всю свою столь страшно проявившую себя задолго до того жесткость характера. Нет слов, в момент блицкрига и вызванного им панического отступления, чтобы не сказать бегства неподготовленной к обороне армии, лишенной соответственных тщательно разработанных на сей счет планов и линий хорошо оборудованных преград, должная суровость была необходима. Однако все хорошо в меру. Расстрел десятков генералов, просто не имевших возможности зацепиться за какую-то преграду и потому оказавшихся с их армиями в окружении, с великим трудом выбиравшихся, подчас теряя большую часть своего войска, — не просто несправедливо и чересчур сурово. Это беззастенчивое стремление свалить свою вину на других, что, конечно, объективно вполне может быть объяснено необходимостью заставить остальных умирать, но не отступать. Но почему столь же безжалостная участь должна была выпадать на массу офицеров, на сотни тысяч, миллионы простых солдат, ценой невыразимых мучений и по **вине просчитавшегося вождя** все же выбиравшихся из разного рода котлов и мешков?

Между тем хорошо известно, что именно они, попав в плен (что было в условиях массовых окружений начальных месяцев войны практически нормой), если и публично и не объявлялись, то в соответствии с указанием вождя рассматривались как предатели. И когда кому-либо из них удавалось вырваться из кольца врагов, освободиться в результате бегства из лагерей военнопленных и возвратиться к своим, дабы продолжить участие в войне, все они для начала интернировались в советских лагерях. Там их тщательно, с пристрастием проверяли привычные к этому органы НКВД, и лишь после этого решалась их судьба. Кого-то прощали и с укором возвращали в армию, кого-то направляли в штрафные батальоны, откуда живыми уже мало кто выходил, а кого-то — причем очень значительную часть — направляли в качестве наказания (не надо было оказываться в плену!) в систему ГУЛАГа, подчас надолго.

Когда бегство закончилось, а фронт стабилизировался, что произошло осенью–зимой 1941 г., отношение к солдатам и офицерам мало изменилось. Правда, их чаще стали награждать за боевые заслуги, когда эти заслуги были заметны. Спокойней начали чувствовать себя и генералы, хотя каждый из них хорошо понимал, что малейший промах с его стороны — и он ответит за все. Но уже в 1942 г. по воле вождя появились упоминавшиеся выше заградотряды НКВД, в функции ко-

торых, стоит напомнить, входило стрелять по тем, кто побежит, даже просто станет отступать без приказа. Впрочем, и эту жесткую меру можно как-то понять и объяснить, коли враг уже у Волги. Но вот вести дневники даже с крайне безобидным содержанием, без упоминаний мест, дат, имен, было категорически нельзя. Кто вел — вернее, кого сумели в этом уличить, — тот прощался с волей и отправлялся на долгие годы во все тот же ГУЛАГ. Не приходится говорить, что и в тылу нормы были не легче. Трудповинность естественна для военного времени. Но жесткое ее соблюдение с угрозой за малейшее отклонение от дисциплинарной нормы оказаться во все том же ГУЛАГе было характерно именно для нашей страны, не для какой-нибудь Англии, тоже в трудных условиях ведшей войну с тем же противником.

А что было с теми, кто оказался под властью врага на оккупированной территории?! Речь не об администраторах либо полицаях. Обычным людям — а их десятки миллионов — нужно было как-то и на что-то жить. Они работали, производили то, что на их предприятии обычно производилось (это очень часто была военная продукция, ибо так уж была устроена наша индустрия, причем лишь малую долю ее, особенно из западных районов страны, успели вывезти или взорвать), получали зарплату. Жили за ее счет и не очень-то ясно себе представляли, что они на самом деле делают. А на самом деле — так учил вождь — они злостно и предательски сотрудничали с врагом. И не только они. Учителя в школах, врачи в больницах, механики в кинотеатрах, продавцы в магазинах либо торговцы газированной водой на улицах — словом, все, вплоть до вчерашних колхозников, чью продукцию забирали и потребляли немецкие солдаты, были в числе *предателей*. И как только ту либо иную часть страны *освобождали* (даже слово какое-то не очень подходящее), вслед за уходящими вперед солдатами приходили работники НКВД и начинали поголовную проверку *освобожденных*, часто завершавшуюся ГУЛАГом.

Некоторая часть не успевавших бежать с немцами действительно запятнала себя в глазах советской власти. Одни служили в разного рода управах бухгалтерами, секретаршами, делопроизводителями, различными мелкими служащими, а то и заметными администраторами разного уровня, не говоря уже о полицаях. Другие ревностно выдавали коммунистов (выдавать и доносить советская власть учила годами, за это обычно вознаграждали), а третьи — их бывало особенно много, они встречались едва ли не чаще остальных — искали прятавшихся евреев. Так ведь речь вовсе не о них, хотя и с некоторыми из их числа, особенно со служащими, следовало бы разбираться по-человечески. Но обычно всех или почти всех стригли под одну гре-

бенку. Принцип вождя, столь хорошо известный всем с довоенных лет (лучше перебрать, чем недобрать тех, кого можно обвинить и затем ликвидировать), продолжал доминировать. Именно он служил путеводной звездой всех работников репрессивных органов, причем долго, до смерти вождя в 1953 г. А тех, кто был вывезен на работу в Германию — сотни тысяч, а то и миллионы сравнительно молодых, преимущественно девушек и женщин, — брали в оборот наиболее жестко. Как же, они не просто сотрудничали с врагом, но жили в его логове, видели, как живут люди вне СССР и могли рассказывать об этом другим. Еще одна сурово преследуемая категория населения страны в те послевоенные времена– это перемещенные лица. В нее были включены не только те, кто был взят в плен и, уже хорошо зная участь военнопленных, возвращаться не хотел. К их числу прибавлялись и те, кто был направлен на работу в Германию и по той же причине ехать домой не желал. Сюда же были включены и воины тех соединений, что были включены, подчас вынужденно, а то и против их воли, в антисоветские армии. Более того, советские власти настаивали на выдаче им казацких и иных воинских группировок, давно уже, со времен их эвакуации в 20-х гг., живших вне России. *Словом, речь шла о* **десятках миллионов людей**, *не желавших возвращаться, принуждавшихся к этому, подчас ультимативно* (речь о требованиях к военным комендантам в тех зонах, которые не стали советскими и куда опрометью бежали все не желавшие попадать в ГУЛАГ, а также об обращениях к руководителям стран-союзников, прежде всего Англии и США).

Едва ли все категории наших людей. оказывавшихся виновными перед советской властью, здесь перечислены. Их, в подавляющем большинстве без вины виноватых, были многие миллионы. И все они десятилетиями обязаны были писать в длинных анкетах, где они жили во время войны и что делали на оккупированной либо вражеской территории, коль скоро там оказались. Еще об одной категории советских граждан стоит сказать особо. Это те, кто жил на территориях, присоединенных к СССР в результате секретного протокола 1939 г. Впрочем, об этой категории населения стоит говорить особо, вместе с тем, что следует сказать о населении ряда *освобожденных* восточноевропейских стран, включенных на ялтинской конференции в сферу влияния СССР.

НАСЕЛЕНИЕ И ВЛАСТЬ

О том, что населению на оставшейся от блицкрига 1941 г. территории пришлось туго, говорить особо не приходится. Лишившись

житницы страны, Украины, потеряв огромное количество городов с предприятиями, а вместе с тем и элементарных условий для жизни, страна оказалась в очень тяжелом положении. Необходимо было кормить армию, все возраставшую численно за счет дополнительных мобилизаций, гигантское количество лишившихся всего и едва ушедших от врага беженцев (их было свыше 40% населения страны; при этом доля более или менее организованной эвакуации — примерно 17%[1]), да и всех остальных. Карточная система скудных каждодневных выдач, к которым люди привыкли со времен гражданской войны и пятилеток, позволяла кое-как выжить, но не более того. А истощенным и лишенным всего людям на новых местах приходилось заново строить предприятия, работать ненормированное время и получать за это деньги, которые уже практически почти ничего не стоили. Единственным — хотя и весьма существенным, по крайней мере в морально-психологическом плане, — облегчением было привычное ощущение необходимости, как говорил поэт, *«вынести все, что Господь ни пошлет»*.

И народ выносил, не ропща. Люди снова работали на износ, жили как придется, одевались кто во что горазд и ели, что выпадало на их долю. Но народ выдержал испытания войны. Многие погибли в тылу от голода и невзгод. Еще больше мирных людей погибло на оккупированной территории. Точно никто и никогда всех погибших не считал и не сможет сосчитать в будущем. Одно несомненно: счет шел на многие миллионы, на десятки миллионов. И это была цена войны, готовя которую неприкасаемый вождь позорно просчитался и которая из-за этого обошлась стране и народу столь дорого.

Первые послевоенные годы тоже были очень тяжелыми и, к сожалению, отличались усилением жесткости правящего режима. Страшно боясь влияния демобилизованных, увидевших в странах Запада иную жизнь, власть многое делала для того, чтобы поскорее улучшить уровень жизни в городах (о деревнях мало заботились; оттуда по-прежнему выметалось почти подчистую все, что только можно было

[1] Следует заметить, что в страхе бежали из западных районов прежде всего евреи, которые хорошо знали, что их ждет в условиях нацистской оккупации. Уйти смогли, однако, далеко не все. Оставшихся ждали газовые камеры, Бабий Яр и иные места публичных казней. Однако были и другие категории беженцев, точнее, высланных. За Урал в августе 1941 г. по специальному решению было отправлено около 1 млн давно обрусевших немцев. Высылались в начале войны и представители некоторых иных национальностей, в том числе многие жители Прибалтики. А в конце войны — люди из Западной Украины, Кавказа и Крыма, а также вновь из Прибалтики.

забрать). В конце 1947 г. карточная система была отменена. Но еще годом раньше, в августе 1946 г., наиболее близкий к вождю А. Жданов сделал доклад о состоянии дел в советской литературе. Казалось бы, до литературы ли стране, едва выжившей в войне?! А как же! Как иначе призвать всех к строгости, политической и идеологической четкости, к непримиримости к скрытым противникам режима, в частности А. Ахматовой и М. Зощенко, грубо заклейменным в докладе? И страна вновь была взнуздана, причем надолго, а в качестве компенсации городское население получило вскоре освобождение от регламентированного снабжения по карточкам. Словом, вождь по-прежнему был на коне. Мало того, его продолжали любить и бояться — то самое, к чему он всю жизнь стремился и чего очень хотел бы добиться в мировом масштабе. Давно хотел, еще задолго до войны.

В праздничные дни все дружно откликались на призывы вождя. Однако стоит заметить, что праздников было немного, при этом самый главный из них, праздник победы, 9 мая, с 1947 г. перестал — до 1965 г. — быть праздничным днем. Вождь явно не хотел концентрировать на нем внимание, ведь это, как ни крути, был не его праздник, не революционная дата, а праздник народа, к тому же рождавший в душе людей не вполне подконтрольные власти чувства. А в остальное время люди просто работали, стремясь излечить раны войны и создать условия для нормальной жизни. Мало кто отдавал себе отчет, сколь мрачную роль в истории страны и жизни их поколения, нескольких поколений, сыграл вождь. В СССР в 1949 г. пышно отметили его 70-летие, пытались даже всерьез изучать его труды о языкознании (?) и рассуждения по экономическим проблемам. Но это было уже приближение конца. Конец довольно неожиданно наступил весной 1953 г. И большинство восприняло его трагически. Многие плакали, а несчитанные десятки задавленных в толпе, рвущейся к мавзолею, дабы увидеть мертвого вождя, были чем-то вроде кровавой тризны.

Здесь стоит приостановиться. Смерть вождя явилась важным, очень важным этапом в истории нашей страны, да и всего мира. Но говорить о том, к чему она привела, пока преждевременно. Стоит сначала обратить внимание на все то, что предшествовало 1953 г. в окружавшем СССР мире, и принять во внимание, что эта смерть отнюдь не привела к крушению тоталитарного режима. Он просуществовал, пусть постепенно слабея и разрушаясь изнутри, еще около 30 лет. Поэтому оставим соответствующие суждения на будущее, а пока обратим внимание на события, связанные с послевоенными годами в близких к нашей стране странах, вошедших в сферу влияния СССР.

СТРАНЫ, ВОШЕДШИЕ В СФЕРУ СОВЕТСКОГО ВЛИЯНИЯ

Вопрос об *освободительном* характере военного натиска советской армии в конце войны считается спорным. Но важно, чтобы ни у кого не возникало иллюзий. Германский нацизм и обобщающий термин «фашизм» оказались тесно связанными с войной, обошедшейся стране, по официальной статистике, почти в 30 млн жизней. Фашизм в представлении страны — виновник войн. А уничтоживший его СССР заслуживает оценки со знаком плюс хотя бы потому, что именно он добился этого. Наши, в том числе павшие в войне люди, **освободили мир от фашизма. Разве не так?** Вроде бы само собой разумеется. Но так ли это на самом деле? Действительно ли наша армия несла всем именно **свободу**? Или все-таки происходило нечто совсем другое? Давайте не пожалеем усилий и постараемся разобраться. Оставим на некоторое время споры и взглянем на проблему с позиций генеральных процессов, с точки зрения совокупности исторических событий в XX столетии. Начнем с того, что обратим внимание на понятие «свобода».

Вопрос совсем не праздный. Если для одних народов, преимущественно живших далеко от Запада, включая и Россию, свобода как норма жизни мало что значит, то для других она значит много. И хотя некоторые из них в XX в. оказались под властью тоталитарного режима фашистского толка, они были готовы радоваться, когда этот режим рушился. Но не всем так повезло, как итальянцам или западным немцам после Нюрнберга. Как могли они надеяться добиться прав и свобод, если на смену фашистскому режиму пришли советские войска? Вопрос праздный. Все сводится к тому, что **на смену тоталитаризму нацистов пришел жесткий тоталитаризм советских коммунистов, который в принципе был несовместим со свободой.**

Здесь нужна предельная точность и ясность. Конечно, **советские солдаты**, занимавшие чужие страны, включая и те, что были включены в СССР накануне войны по секретному протоколу, **к народам занятых ими стран никаких дурных чувств не испытывали, хотя подчас — в том, что касается немцев, — им не было чуждо стремление к мести.** Но значит ли это, что они несли с собой свободу? Страны, о которых идет речь, обычно не походили на Россию. Они привыкли к парламентской буржуазно-демократической власти с ее правами, свободами, честными электоральными процедурами, что России было чуждо. И поэтому упрекать эти страны и их народы за то, что они после **освобождения** не полюбили СССР или ставить им в счет количество солдат, которые погибли в битвах за эти страны, нелепо и несправедливо. Погибшим

солдатам страны, как правило, ставили памятники, за которыми до наших дней постоянно ухаживают. Но ведь за солдатами — и об этом уже говорилось — шли НКВД и уцелевшие от террора коминтерновцы, слуги и палачи тоталитарного режима. О какой свободе, о каком *освобождении* могла идти речь, если сразу же или через недолгое время в занятой СССР стране на повестку дня вставали обыски, допросы, массовые репрессии и высылки, в том числе и в наш ГУЛАГ?

ПРИБАЛТИКА И СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Теперь несколько слов о политической конкретике в разных странах региона, о котором идет речь. Ситуация была отнюдь не однозначна. Но все эти страны после войны испытали серьезные внутренние преобразования, суть которых сводилась к их советизации. Начнем с тех стран, которые перед войной уже были включены в состав СССР.

Страны Прибалтики. С одной стороны, нет никакого сомнения в том, что Литва, Латвия и Эстония в 1939–1941 гг. подверглись насилию со стороны СССР. Насилие выражалось как в изменении государственного строя (все три страны были превращены в советские республики, что сопровождалось камуфляжем, отнюдь не похожим на свободные выборы или плебисцит), так и в открытых массовых репрессиях. Только перед началом войны, за считаные недели до 22 июня было выслано в Сибирь несколько десятков тысяч жителей этих стран. Из одной Литвы в конце мая было выслано около 50 тысяч. Неудивительно, что сразу же после начала войны прибалтийские страны с облегчением вздохнули. Нельзя сказать, что нацизм с его преследованием евреев им нравился. Но нацисты не настаивали на перемене привычной системы власти, требовали лишь лояльности с ее стороны. А так как симпатии большинства были резко антисоветскими, то нет ничего удивительного в том, что некоторые жители этих стран добровольно вступали в создававшиеся немцами дивизии ваффен СС. Не очень ясно, насколько активно они воевали. Но нет сомнений, что по меньшей мере некоторые из них принимали участие в уничтожении евреев и, быть может, других людей.

Собственно, в этом нет ничего удивительного. Основная часть народа всех прибалтийских стран не могла не ощущать себя противниками СССР в войне и если не союзниками, то лояльными по отношению к тем — немцам, нацистам, — которые пришли на смену очень скверно зарекомендовавшим себя в этих странах советским властям.

Как следует это расценивать? С точки зрения советской власти — как нечто вроде предательства. С точки зрения населения Прибалтики как закономерную реакцию на сложившуюся ситуацию. С точки зрения уничтожаемых евреев и иных людей, как зверское поведение лиц, потерявших человеческий облик. Но стоит оговориться, что такого рода лиц было, к сожалению, достаточно много на всей территории, оккупированной Германией. Что изменилось в конце войны, когда прибалтийские страны были возвращены под власть не столько СССР, сколько все того же НКВД? Легко понять, что прежде всего начались такие же репрессии, как и после 1939 г. В далекую Сибирь с 1940 по 1953 г. было отправлено, согласно весьма точным подсчетам (государства-то небольшие), почти 350 тысяч человек. Многие из вчерашних активных врагов ушли в партизаны (*лесные братья*), и борьба карателей с ними длилась долгие годы. Ну а остальной народ, скрепя сердце, вынужден был смириться с тем, что ему уготовила история. Эстония, Латвия и Литва снова стали советскими республиками. Можно добавить к сказанному, что в эти республики не прекращался поток мигрантов из других частей СССР, даже не только из СССР (уже в недавнее время здесь оказалось множество переселенцев из Вьетнама), ибо эта часть страны всегда отличалась высокой культурой образа жизни.

Западная Украина и Молдавия. Западная часть Украины после уничтожения Польши в 1939 г. оказалась под сильным влиянием организации ОУН. Возглавлявшие ее С. Бандера и другие лидеры националистов были очень деятельны. Значительную часть членов ОУН НКВД успело выслать после оккупации Западной Украины в предвоенное время. Но сеть сторонников этой организации была велика. Имея там немалое число активистов, оуновцы после начала войны сотрудничали с немецкой оккупационной властью, принимали участие в уничтожении евреев и особенно поляков (они были значительной частью населения Западной Украины), подчас лютуя при этом самым зверским образом. Однако вскоре ОУН, стоявшая за самостийность Украины, вошла в конфликт с планами Германии, видевшей в Украине часть рейха. Начались столкновения, сопровождавшиеся даже попытками установить связи оуновцев с партизанами, что было особенно заметным в районе Ровно. В последующем в движении возникли различные группировки, враждующие друг с другом, а часть лидеров движения, включая Бандеру, была арестована немцами (он был освобожден в 1944 г.). После окончания войны деятельность ОУН и тесно сотрудничавшей с ней повстанческой армии (УПА) была осуждена советской властью, а НКВД содейство-

вал тому, чтобы никто из этих организаций не ушел от возмездия. Бандера, как известно, был убит уже после войны. Однако влияние ОУН на Украине и особенно в западной ее части сохранялось долго и дожило до наших дней, когда оно признано легально. Ныне эта организация практически реабилитирована.

Молдавия в годы войны оказалась под властью румынского профашистского режима И. Антонеску, что более всего отразилось на судьбах уничтоженного там еврейского населения. Как считается, за годы войны в Молдавии и в Румынии всего было уничтожено 420 тысяч евреев. Однако это никак не исключает того, что перед войной и сразу же после нее в Молдавии хозяйничал НКВД, в результате чего репрессиям с депортацией было подвергнуто 30 тысяч человек.

Теперь о **Польше**. Эта страна с ее полной драматизмом историей последних нескольких веков после 1939 г. оказалась расчлененной на две части. Восточная, населенная украинцами и белорусами, поляками и евреями, была поделена советской властью на Западную Украину и Западную Белоруссию, которые на рубеже октября–ноября 1939 г. были включены в состав УССР и БССР. Одновременно было интернированы и уничтожены в Катыни польские военнопленные, представители интеллигенции. Если добавить к этому десятки тысяч беженцев, прежде всего евреев, а также многие десятки (если не сотни) тысяч членов семей всех репрессированных и высылавшихся, заключавшихся в лагеря и отправлявшихся в спецпоселения, то картина в целом будет более или менее ясной. Не столь уж и важно точно посчитать количество пострадавших. Важно обратить внимание на манеру обращения НКВД — с ведома и по приказу вождя — с многими сотнями тысяч той части Польши, на которой всего-то проживало в ту пору 12–13 млн жителей. Эти люди — в том числе и члены распущенной Коминтерном польской компартии — считались врагами СССР или, по крайней мере, ненадежными. А раз так, то и церемониться с ними не следовало — такими были данные репрессивным органам установки. 30 июля 1941 г., по соглашению, заключенному с польским правительством в изгнании, в Лондоне, признался утратившим силу договор с Германией в том, что касается территориальных перемен в Польше. Сформированная в СССР польская армия генерала Андерса (80 тыс.) после длительной подготовки и споров о том, где ей воевать, была в июле 1942 г. переведена через Иран на ближневосточный фронт. Но в апреле 1943 г., когда польское правительство обратилось в международный Красный Крест с просьбой расследовать обстоятельства убийства офицеров в Катыни, СССР разорвал с ним дипломатические отношения и приступил к формированию прокоммунистического правительства во главе с Б. Беру-

том и его армии. А на Тегеранской конференции было достигнуто соглашение о польско-советской границе по линии Керзона — той, что была реализована в сентябре 1939 г.

Что касается той части Польши, которая оказалась под властью фюрера, то там положение в годы войны было очень тяжелым. Принудительный труд, закрытие вузов и преследование интеллигенции стали нормой, как и гетто для многочисленных евреев, отправленных затем, с рубежа 1942–1943 гг., в лагеря смерти, где было уничтожено несколько миллионов человек. Восстание весной 1943 г. в варшавском гетто (350 тысяч евреев) было героической страницей сопротивления, но к успеху не привело. Армия Крайова, руководимая правительством из Лондона, была достаточно крупной вооруженной силой, но против немцев эффективно бороться все же не могла. А когда в 1944 г. советские войска вышли к Висле в районе Варшавы и эта армия, находившаяся в подполье, подняла 1 августа знаменитое варшавское восстание, длившееся 62 дня, до 2 октября, советские войска по приказу вождя не сдвинулись с места, пока немцы, практически разрушив всю Варшаву, не подавили это восстание.

Послевоенная Польша стала сферой влияния СССР. Вначале была создана переходная по характеру власть с участием некоммунистических партий, включая популярную народную партию С. Миколайчика. Но в январе 1946 г. был принят декрет о национализации экономики страны. На выборах 1947 г. блок партий во главе с коммунистами одержал победу, а президентом стал Берут. В конце 1949 г. маршал К. Рокоссовский был назначен министром обороны и главнокомандующим войсками страны. Соглашение с ГДР в 1950 г. зафиксировало западную границу по Одеру. Польская объединенная рабочая партия (ПОПР) стала вести экономику страны по советскому пути, вплоть до намерения — так, к счастью, и не осуществленного — создавать колхозы. В 1952 г. страна была переименована в Польскую народную республику.

Чехословакия была одной из наиболее мощных индустриально развитых стран континентальной Европы. На ее заводах производилось первоклассное вооружение, так что фюрер был очень доволен тем, что страна, снабжавшая его армию оружием, оказалась в составе рейха практически безо всяких осложнений. Наступление советских войск привело к восстанию 1944 г. в Словакии. Весной 1945 г. в Москве было достигнуто соглашение между представителями чехословацкого правительства в эмиграции (в Лондоне) и коммунистами о создании Национального фронта чехов и словаков. Главой страны стало президент Э. Бенеш, возглавивший республику. Им было

создано переходное правительство Национального фронта, во главе которого в 1946 г. стал коммунист К. Готвальд. Новое правительство осуществило национализацию промышленности, всей инфраструктуры, начало аграрную реформу. Возникли экономические трудности. Отношения в правительстве обострились, и в феврале 1948 г. коммунисты организовали ряд выступлений вооруженных рабочих отрядов, что привело к отставке правительства. 30 мая 1948 г. выборы привели к победе списка фронта, в котором преобладали сторонники коммунистов. В начале июня президентом стал Готвальд, а во главе правительства А. Запотоцкий. Пятилетний план (1949–1953) и реформы в сельском хозяйстве свидетельствовали о том, что страна вступила на путь развития по советскому стандарту.

Югославия была едва ли не единственной восточноевропейской страной, где на протяжении первой половины 40-х гг. шла крупномасштабная партизанская война, в которой ведущую роль играли коммунисты во главе с И. Броз Тито. Правда, при этом в большой многонациональной Югославии параллельно существовали войска, верные королевскому правительству в изгнании, т.е. четники Д. Михайловича, и власть поставленного немцами сербского правительства М. Недича. И, кроме того, не стоит забывать об отделившейся от нее Хорватии с Павеличем и его усташами, а также об оккупированной Италией Черногории и о переданных разным соседним странам частях Воеводины, Македонии, Далмации и Словении. Однако на этом фоне национальной раздробленности роль партизан усиливалась. Они сумели создать в конце 1942 г. югославское объединенное антифашистское вече, а затем, в ноябре 1943 г., Национальный комитет освобождения Югославии. Осенью 1944 г., когда советские войска подошли к границам страны, они вместе с партизанами заняли Белград. 7 марта 1945 г. было создано временное правительство Демократической федеративной Югославии во главе с Тито. Все эти существенные отличия от остальных восточноевропейских стран обусловили значительную степень политической самостоятельности ФНРЮ (так страна стала именоваться после решения Учредительной скупщины 29 ноября 1945 г.). В этом государстве с его двухпалатным парламентом, с решением о национализации экономики, пятилетним планом (1947–1951) и крестьянскими кооперативами было много такого, что соответствовало нормам советского режима. Но здесь не было представлено советское НКВД (во всяком случае, в таком количестве, как в других странах советской сферы влияния). Эта самостоятельность сыграла свою роль в охлаждении и разрыве отношений Югославии с другими странами советского блока в 1948–1949 гг.

Румыния под властью Антонеску принимала участие в войне на стороне Германии (26 дивизий). Ее нефть была важнейшим источником ресурсов для нацистской военной техники. Летом 1943 г. в этой стране возник подпольный антигитлеровский фронт, действовавший под руководством компартии. А 23 августа 1944 г., когда советские войска подошли к границам страны, по инициативе короля Михая в Бухаресте был совершен государственный переворот. Антонеску был арестован, а армия выступила против немцев. Однако король, рассчитывавший на поддержку Англии и США, которые должны были считаться с тем, что восточноевропейские страны — кроме Греции — это советская сфера влияния, оказался вынужден искать контакты с СССР. Получив от вождя орден Победы и личный самолет, Михай не смог ничего противопоставить активности румынских коммунистов, которые не без помощи НКВД довольно быстро подмяли под себя все остальные партии. В марте 1945 г. во главе правительства стал П. Гроза, а Михай в конце 1947 г. под давлением власти отрекся от престола и, лишившись всего имущества, эмигрировал из Румынии. В 1948 г., после разгрома всех конкурирующих партий и репрессий, затронувших около 200 тысяч человек, возникла Народная республика Румыния, в которой правящей партией стала просоветская Румынская рабочая партия во главе с Г. Георгиу-Дежем. Осуществлялись национализация, аграрная реформа, объявлен переход к строительству *социализма на плановой основе.*

Венгрия, довольно долго находившаяся под властью профашистского режима Хорти, в 1939 г. примкнула к антикоминтерновскому пакту, обрела части расчлененной Чехословакии и Закарпатской Украины и в 1941 г. стала воевать с СССР, потеряв в битве близ Дона в январе 1943 г. около 100 тысяч военнослужащих. Премьер М. Каллаи осенью того же года попытался было, связавшись с западными державами, выйти из войны. Однако в ответ на это Венгрия весной 1944 г. была оккупирована немцами, а 15 октября фюрер отстранил Каллаи от власти, заменив откровенным фашистом (вспомним *скрещенные стрелы*) Ф. Салаши. Советские войска с трудом продвигались по территории Венгрии, завершив свой путь лишь в апреле 1945 г. Правда, в ходе продвижения по стране они способствовали возникновению новой власти. В декабре 1944 г. в Дебрецене возникло временное правительство, в котором, вполне естественно, руководящую роль играла компартия. Она не слишком легко избавилась от других партий, особенно от партии мелких сельских хозяев. Но созданный коммунистами блок левых одолел противников и с 1946 г. стал руководить республикой. В 1947 г. был проведен закон о национализации, затем началась коллективизация в деревне.

Болгария была третьей и последней из восточноевропейских стран, сотрудничавших в годы войны с Германией. Примкнув в марте 1941 г. к антикоминтерновскому пакту, она, однако, в войну с СССР не вступила, оставшись нейтральной (Англии и США война была объявлена). Когда советская армия в 1944 г. подошла к границам страны, Болгария объявила войну Германии. Однако это не спасло тех, кто, по мнению компартии, возглавившей правительство Отечественного фронта, и стоявшего за ней НКВД, заслуживал наказания. Начались массовые репрессии, жертвами которых стало около 50 тысяч человек.

Албания была протекторатом Италии с 20-х гг., а в 1939 г. Италия сделала ее фактически своей колонией. Но после капитуляции Италии в 1943 г. в эту страну были введены германские войска, которые, однако, долго удержаться не сумели. В 1943–1944 гг. в стране началось широкое антифашистское движение, а в ноябре части народно-освободительной армии Албании вошли в Тирану. В начале 1945 г. прокоммунистическое правительство во главе с Э. Ходжей объявило о конфискации всех крупных предприятий, банков и прочих объектов частной собственности. За национализацией последовала аграрная реформа. В 1946 г. была принята конституция Народной республики Албании, затем заключен союз с соседней Югославией.

ПРИОБРЕТЕНИЯ СССР ВНЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Помимо освоения восточноевропейской сферы своего влияния СССР после войны сыграл важную роль в процессе расчленения Германии и разгрома Японии. В итоге это обернулось для него некоторыми территориальными приобретениями. Германия, включая и — отдельно — Берлин, как известно, была разделена союзниками на четыре оккупационные зоны. Восточная с восточной же частью Берлина досталась СССР. Трансформация этой зоны с ее столицей в Берлине шла в основном по восточноевропейскому стандарту. Уже в 1945 г. была начата аграрная реформа, в 1946 г. на базе коммунистической и социал-демократической партий возникла Социалистическая единая партия Германии во главе с коммунистом В. Ульбрихтом. Активно шла национализация промышленных предприятий и банков, хотя вообще-то промышленность была в ходе военных действий разрушена, банки и прочие финансовые учреждения, как и инфраструктура в целом, фактически не функционировали или делали это с большим трудом. Денежная реформа 1948 г. способствовала стаби-

лизации положения в стране. Начало активно восстанавливаться народное хозяйство, а в 1949 г. было оформлено существование нового государства, Германской Демократической Республики. Президентом республики стал В. Пик, ее премьером, О. Гротеволь, заместителем премьера, В. Ульбрихт. Основные политические процессы пришлись на 1949–1950 гг., когда в ГДР репрессировали около 80 тысяч человек, а недовольство населения курсом новой власти с особой силой — и, пожалуй, лишь один раз — проявилось 16–17 июня 1953 г., вскоре после смерти нашего вождя. Около 400 тысяч рабочих ГДР начали забастовку, переросшую рамки мирного протеста и превращавшуюся в народное восстание. Движение было подавлено в считаные дни. После этого в стране был принят ряд мер, способствовавших улучшению уровня жизни.

Что касается дальневосточных территорий, то СССР в соответствии с достигнутой на Ялтинской конференции договоренностью претендовал на возвращение ему за участие в войне с Японией южной части Сахалина, отторгнутой в пользу японцев после неудачной русско-японской войны в начале века, а также на острова Курильской гряды. Проблема Сахалина практически не вызвала споров. Но вот вопрос о Курилах остался спорным, ибо мирный договор, который фиксировал бы право СССР на владение ими, до сих пор не заключен, хотя острова давно уже де-факто являются частью России.

Глава двадцать восьмая. ИТОГИ ВОЙНЫ

По имеющимся данным, всего в войну было вовлечено около 60 стран, из них в боевых действиях принимали участие 43, в которых проживало 80% населения планеты. Погибло, по разным оценкам, 50–60 млн человек. Война, как известно, велась в основном на территории Европы, но также и на средиземноморско-североафриканском и юговосточноазиатско-тихоокеанском фронтах. В ней принимали участие государства, общепризнанные с точки зрения международного права, марионеточные образования типа Маньчжоу-го или Виши, а также коллаборационисты, войска прибалтийских стран или *Свободной Индии*, не говоря уже о множестве дивизий из военнопленных (в основном советских) и о добровольцах из нейтральных стран, от Португалии и Испании до Швеции. Понятно, что в деталях обо всех рассказать невозможно. Да едва ли это и требуется. О деталях можно узнать из океана специальных изданий на эту тему. В нашу задачу входит рассказать об основном, о самом главном. Учитывая, что о войне на территории Европы, да и в Африке, в общих чертах речь уже шла, обратим перво-

степенное внимание лишь на некоторые ее аспекты. Имеется в виду то, как война и ее итоги (Нюрнбергский процесс над нацистами в Германии и территориально-политические перемены в мире), равно как и коренное изменение положения с колониями в Азии заложили фундамент принципиально новой ситуации в послевоенное время.

ФРАНЦИЯ, АНГЛИЯ И США

Сначала о союзниках, в первую очередь об Англии, Франции и США. Эти три страны сыграли основную роль на первом этапе войны, до июня 1941 г., и очень значительную на втором ее этапе, особенно в дни открытия в 1944 г. западноевропейского фронта, да и позже, вплоть до августа 1945 г. Война, вспомним, началась с захвата и раздела Польши между Германией и СССР. Именно после этого в нее вступили Англия и Франция. США фактически помогали Англии и Франции. Эмбарго на торговлю оружием по инициативе президента Рузвельта в ноябре 1939 г. было снято. Вначале поставки американского вооружения оплачивались полностью, позже они шли по принципу обмена на аренду некоторых английских островов в Вест-Индии, а еще позже, с марта 1941 г., в соответствии с принципами ленд-лиза.

Странная война тянулась свыше полугода, после чего она с 10 мая немного недель шла по выработанному в немецком генштабе плану блицкрига. Через несколько дней после прекращения военных действий, уже в 20-х числах июня, генерал Ш. де Голль по английскому радио обратился ко всем французам с призывом связаться с ним и начать сопротивление. Движение *Сопротивления* с этого момента и далее на протяжении ряда лет стало основой борьбы французов за свободу и гордостью, честью Франции. Стоит подчеркнуть, что в нем приняли активное участие и русские эмигранты, позже и некоторые наши военнопленные, сумевшие бежать из немецких лагерей. Стоит заметить, что неоднократные попытки Англии и США в те месяцы повлиять на изменение политики СССР (имеется в виду его соглашение с Германией) успеха не имели. Возможно — как подчас считают — недоверие вождя к будущим союзникам было связано с известным и до сих пор еще не вполне ясным отлетом в разгар битвы за Англию, 10 мая 1941 г., близкого к фюреру Р. Гесса в Лондон (речь об опасении, как бы Англия не сговорилась с Германией). Но более вероятно, что сближение с западными державами в планы вождя не входило. Битва за Англию не кончилась, пусть себе воюют дальше. А предупреждения, шедшие из Англии и США практически всю весну и раннее лето 1941 г. о том, что немцы могут обернуть оружие против СССР, считались вождем провокацией.

Когда же наступили роковые для нашей страны первые недели войны, США и Англия (о Франции речи нет, она, если иметь в виду французов как союзников, тогда существовала лишь в форме обращения генерала де Голля к французам и движения *Сопротивления*; первые воинские соединения были созданы позже, летом 1942 г.) сразу же откликнулись. Они предложили СССР помощь и союз, включая поставки по ленд-лизу. 3 июля, в своем первом выступлении по радио после тяжелой депрессии вождь, благодаря за этот отклик, говорил о создании *единого фронта народов* против нацистской Германии. Де Голль упомянул о военном сотрудничестве с СССР уже 24 июня 1941 г., а в сентябре того же года был признан советским правительством в качестве главы *свободных французов*. Нападение японцев на Пирл-Харбор 7 декабря 1941 г., когда немцы были близ Москвы, означало конец нейтралитета США и вступление их в войну, что укрепило альянс союзников, хотя объявлять войну Японии вождь не стал и даже просил руководство Китая на этом не настаивать. Зато войну всем державам оси объявили в январе 1942 г. Индия, доминионы Англии, девять латиноамериканских и восемь европейских стран (одновременно была подписана декларация 26 союзных государств).

Понятно, что в условиях войны все страны испытывали лишения. Но на одних это сказалось сильнее, другие, на чьей территории война не шла, ощущали ее тяготы меньше. Между союзниками случались разногласия. Эти разногласия проявлялись и на конференциях трех основных руководителей, начиная с тегеранской. И это вполне естественно, особенно имея в виду, что СССР за военные усилия и гибель миллионов солдат в процессе продвижения к Берлину выдвигал немалые требования, прежде всего территориальные (включая и проблему сферы влияния). И союзники, несмотря на их огромный материальный вклад в войну, вынуждены были считаться с этим. А перед вождем, привыкшим платить за идею миллионами жизней, уже маячил призрак если и не мирового господства, то власти над значительной частью мира.

ГЕРМАНИЯ, ИТАЛИЯ, ЯПОНИЯ

Страны оси, которые объединились накануне войны с целью помочь друг другу совместными усилиями переделить мир, создав новые огромные империи, были достаточно разными. Национал-социализм Германии являл собой откровенно тоталитарный режим, равного которому в мире — оставляя в стороне СССР — просто не было. Фашистская Испания была со всей присущей ей корпоративной организацией общества несколько другой и, в частности,

не отличалась жестокостями по отношению ни к собственному населению, ни к иным народам, в частности к евреям. Вообще современные специалисты чаще делают акцент на различиях между режимами Германии и Италии, чем на их сходстве. В частности, отмечается, что в Италии не было слитности партии фашистов с государством, скорее держался определенный баланс. Что касается Японии, то в ней совсем не было элементов национал-социализма или фашизма, даже однопартийной диктатуры, тем более расизма. Была очень влиятельная Ассоциация помощи трону, заменившая политические партии и централизовавшая военизированную систему администрации. Создавалось — ничуть не мешая деятельности крупных концернов типа Мицуи и Мицубиси — нечто похожее на корпоративную структуру с соучастием контролируемых властью массовых организаций. Была и пропаганда идей национального превосходства, подкреплявшаяся социальной демагогией. Под этим предлогом Японию, которая стала одной из главных основ пресловутой оси, подчас именовали фашистской, что неверно. Что же в таком случае объединяло все три государства оси?

Объединял их свойственный империям нового типа крайне агрессивный натиск. Речь о ничем не скрываемом, но напротив, подчеркнутом желании захватить чужие земли и под любым предлогом расширить свои владения. Сделать это предполагалось за счет более слабых либо тех, кого можно ослабить или просто оккупировать в ходе агрессивной войны. Собственно, только это, по крайней мере в основном это и объединило страны оси в единый блок агрессивных держав, причем такому единству способствовало то, что три страны гармонично дополняли друг друга. Их интересы практически не соприкасались. Германии была нужна прежде всего Европа, включая советскую ее часть. Японии — Азия и зона Тихого океана. Италии — хотя бы северная Африка. Вступившие друг с другом в прочный союз, называвшийся вначале антикоминтерновским, т.е. считавшийся направленным против соперников-коммунистов, страны оси очень скоро осознали, что в борьбе за мировое господство лучше начать с тех земель, что поближе и послабее. Это и привело немцев к захвату западной части континентальной Европы, итальянцев к активности на севере Африки, японцев к войне в Китае. Только по отношению к США расчет японцев оказался заведомо неверным. Но здесь сыграли роль другие причины: нужно было обеспечить свободу рук для войны на Тихом океане, а США с их флотом этому мешали. Напрашивался вывод: рискнем и быстрым ударом уничтожим американский флот. Тогда дело в основном будет сделано. Не стоит забывать, что этот расчет де-

лался осенью 1941 г., когда битва за Англию еще не выглядела вовсе проигранной, а скорая гибель СССР считалась предрешенной.

Ситуация резко изменилась в начале 1942 г. Немецкие войска под Москвой были разгромлены, а флот США, несмотря на серьезные потери, уцелел. Сразу же дало о себе знать многократное превосходство союзников, обладавших огромными ресурсами, над скудными именно в этом плане возможностями стран оси, вынужденных спешить. Эта спешка вначале дала свои результаты. Большое число колониальных стран Азии и островов Тихого океана оказались в руках Японии. При этом многие слои населения выступили в союзе с японцами, против своих колонизаторов, что было заметно даже в наиболее проникнутой идеями британской демократии Индии, где отряды С. Ч. Боса выступили против англичан. Однако — и об этом писали многие, в том числе и в странах оси — время работало против этих стран. Оно было за многочисленных союзников, которые обладали ресурсами и высокоразвитой индустрией, не говоря уже о науке, способной создать страшное оружие массового уничтожения, которое в конечном счете и заставило Японию капитулировать Конечно, скоро — как принято говорить — сказка сказывается, да не скоро дело делается. И на то, чтобы союзники окончательно выявили свое превосходство, сумели открыть новые фронты и успешно действовать повсюду, ушли довольно долгие и кровавые годы. Но годы ушли не зря, как не напрасно погибли те, кто отдал жизнь во имя победы. И Германия, и Италия, и Япония были разгромлены, а вместе с ними прекратили сопротивление те, кто был с ними, — как страны, вынужденные сотрудничать, так и коллаборационисты и добровольные помощники. Конец войны в разных регионах принял различные формы. Раньше других потерпела поражение Италия, затем настала очередь Германии, позже и страшнее всех пришла к концу войны Япония. Очень по-разному шел и процесс осуждения виновников войны и перестройки побежденных на мирный лад.

О том, как это шло в Восточной Европе, уже было подробно рассказано. Что касается нацизма, то он был сурово осужден на Нюрнбергском процессе, главный смысл которого был не столько в немногочисленных казнях основных виновников войны, сколько в искоренении основ тоталитарного мышления и соответствующих форм организации общества и государства, в денацификации Германии, во всяком случае западных ее зон (с восточной, находившейся под властью СССР, дело обстояло иначе, ибо здесь тоталитаризм нацистского толка постепенно заменялся тоталитаризмом коммунистов). К этому стоит добавить, что западные оккупационные зоны побежденной Германии — как и Италия — стали с помощью западноевропейских держав и США

перестраиваться по буржуазному либерально-демократическому стандарту. И хотя на это ушло немало лет, плоды стали заметны уже в первом послевоенном десятилетии.

Сложнее, но примерно так же обстояло дело и с Японией. Правда, за годы войны Япония преуспела немало, далеко обойдя в этом смысле ту же Италию. Но объясняется это в основном тем, что японцы — не считая Китая — имели дело в основном с колониями, причем достаточно далекими от Европы. Это немаловажное обстоятельство облегчало им задачу оккупации, особенно если принять во внимание, что в ряде случаев оккупанты умело играли на антиколониальных чувствах местного населения. Однако в конечном счете это японцам не помогло. После ядерной бомбардировки у страны не было иного выхода, кроме капитуляции. А она и последовавший за ней заключенный на американском крейсере мир отдали многое в послевоенном обустройстве агрессивной державы в руки США. В итоге, благодаря главным образом усилиям американских советников во главе с генералом Макартуром, было вырвано жало у военной верхушки, толкавшей эту страну на политические авантюры. Послевоенная Япония — как и Западная Германия или Италия — быстро усвоила уроки войны и начала энергично создавать в своей стране новые нормы существования в рамках буржуазной либеральной демократии.

В итоге есть все основания констатировать, что со странами оси, сыгравшими главную роль в попытках создать в мире новый порядок и превратить его в группу империй тоталитарного типа, было решительно покончено. На смену этим странам пришли демократические государства.

НЕЙТРАЛЬНЫЕ СТРАНЫ

Несколько слов о роли нейтральных стран. Их было не слишком много и позиции их не одинаковы, а кое-кто, особенно из числа латиноамериканских, в конце войны — практически уже чисто символически — все же вступил в войну. Наиболее естественным союзником стран оси должна была бы стать **Испания** генерала Франко. Но у каудильо хватило мудрости не спешить с вступлением в войну и более того, под любыми предлогами препятствовать этому. Причин для политики осторожного германофильского нейтралитета было немало. Первая из них — усталость страны от только что пережитой гражданской войны и отсутствие готовности и резервов для продолжения военных действий. Правда, на первом этапе войны, после капитуляции Франции, когда требовалось разрешить немецким танкам дойти до Гибралтара,

ничто, казалось бы, не мешало Франко дать согласие. Но он не дал его, аргументируя отказ тем, что-де испанцы вскоре, собравшись с силами, сами возьмут эту крепость, а пропустить немецкие войска — унижение национальных чувств гордого народа. Но на деле этот отказ в момент встречи с фюрером в октябре 1940 г. объяснялся многими другими причинами. И первая из них — явное нежелание каудильо портить отношения с западными державами, от которых он только что, в марте того же года, добился согласия на внушительный кредит, позволявший ставить на ноги разрушенную экономику страны.

В феврале 1941 г., нанеся визит в Италию, Франко получил письменное послание от фюрера с просьбой принять участие в грядущих военных действиях. Но только после 22 июня, горячо поздравив фюрера с началом войны *против большевистской России*, Испания направила на фронт *голубую* (речь о цвете формы) *дивизию* добровольцев, около 20 тысяч военнослужащих. Большего Германия от испанцев так и не добилась. А дипломатический контакт с союзниками не прекращался и приносил результаты. Испания знала о высадке англо-американского десанта в Африке, где у нее были свои интересы, и не выразила особого протеста. А летом 1943 г. даже объявила о возвращении *голубой* дивизии, что было реально выполнено в октябре того же года параллельно с заявлением о намерении впредь придерживаться *строгого нейтралитета*. Разумеется, Франко вынужден был, не переставая, вести торговлю с немцами, в том числе и стратегическими товарами, в частности поставляя вольфрам. Однако уже в 1944 г. он оговаривал с США объем этих поставок. В итоге Испания в 1945 г. поплатилась за свои связи со странами оси лишь тем, что не была допущена в число членов ООН.

Португалия во главе с Салазаром тоже сохраняла нейтралитет, причем он, скрепленный соглашением с Англией, был более прочным, нежели испанский. Эта страна с ее явственно авторитарным режимом, близким к корпоративно-фашистскому в Италии, не запятнала себя сотрудничеством с нацизмом.

Ирландия при всех сложностях ее взаимоотношений с Англией (она была не только доминионом, но и членом Британского содружества) должна была, казалось бы, оказаться на ее стороне. Все-таки слишком многое сближало эти страны и мало что могло стать причиной симпатий ирландцев к Германии и к нацизму. Но Ирландия предпочла нейтралитет. Он не был похож на португальский и тем более на испанский. Весь 1940 год ирландцы опасались немецкого вторжения, и оно было вполне вероятным на фоне не приводившей к успеху битвы за Англию. Но выступить против Германии вожди непримиримой Ирландской республиканской армии (ИРА) с их ло-

зунгом *чем хуже для Англии, тем лучше для Ирландии* все же не захотели. Однако, приняв во внимание личное обращение Черчилля в декабре 1941 г., уже после вступления в войну США, они высказали лишь согласие на *дружественный нейтралитет* по отношению к США, не более того. Эта политика была продолжением многовековой борьбы за суверенитет Ирландии.

Положение **Швеции** в годы войны было сложнее. Достаточно вспомнить о ее географической близости и историко-культурных связях с Финляндией, на которую в конце 1939 г. напал СССР. Шведы объявили себя *невоюющей страной*, активно помогали финнам всем, чем могли, но пропустить через свою территорию англо-французские войска в марте 1940 г. отказались. После оккупации Дании и Норвегии немцами в начале апреля 1940 г. они вначале продолжали политику строгого нейтралитета, но позже вынуждены были пойти на ряд незначительных уступок немцам, что проявилось наиболее явственно в первые годы войны Германии на восточном фронте, вплоть до 1943 г. Впрочем, вынужденные уступки рождали в стране мощное движение народного протеста. Шведы приняли и разместили у себя финских беженцев, датских и некоторых освобожденных из немецких концлагерей евреев других стран, а также иммигрантов из Прибалтики. Стоит напомнить о шведском дипломате в Венгрии Рауле Валленберге, успевшем спасти многие тысячи венгерских евреев и исчезнувшем после появления в Будапеште советского НКВД.

Швейцария была единственной из европейских стран, чей нейтралитет воспринимался всеми как нечто само собой разумеющееся и соответственно использовался. А так как эта страна географически была окружена фашистами (Германией, Италией и подчиненной немцам Францией), то нет ничего удивительного в том, что ее нейтралитет был вынужденно более терпимым по отношению к этой воюющей стороне. Ее ресурсы, промышленный потенциал широко использовались странами оси. Но эта страна была очень удобна и для союзников, имевших с ней — исключая СССР — дипломатические контакты.

Что касается стран **Латинской Америки**, то там немецкие экономические интересы были еще до войны весьма заметными, что и сыграло свою роль. В Аргентине, Бразилии, Чили, Мексике, Перу, даже в сравнительно небольшой Гватемале и тем более в богатой оловом Боливии они были весьма заметны. Стоит учесть и немалую долю немцев среди местного населения. В ряде стран были и национал-социалистические партии. На Кубе тысячами исчислялись сторонники испанских фалангистов. В общем для характеристики политики стран субконтинента стоит учесть, что они лишь постепенно и в ходе войны частями

отказывались от принятой в сентябре 1939 г. (стоит обратить внимание на дату) на межамериканской конференции министров иностранных дел в Панаме декларации о нейтралитете. После нападения японцев на Пирл-Харбор в войну со странами оси вступила группа небольших центральноамериканских стран (Панама, Коста-Рика, Никарагуа, Сальвадор, Гватемала и Гондурас), а также островные Куба, Гаити и Доминиканская республика. В 1942 г. к ним присоединились Бразилия и Мексика, в 1943 г. — Боливия и Колумбия, а в 1945 г., когда все уже было фактически решено, Венесуэла, Перу, Парагвай, Чили, Уругвай и Аргентина. Реальное участие в войне приняли только крупнейшие — Бразилия и Мексика. Стоит отметить, что формальный нейтралитет латиноамериканских стран был проамериканским. США имели возможность создавать на территории этих стран десятки военно-морских баз, не говоря уже о фактически беспрепятственной закупке ими ценных стратегических товаров.

Тропическую Африку Вторая мировая война — в отличие от Первой — почти не затронула. Лишь на захваченных Италией частях территории Эфиопии и Эритреи, отчасти Кении и Судана, да в итальянском Сомали в 1941 г. происходили вооруженные столкновения, в ходе которых англичане вытеснили итальянцев с этих земель. Правда, десятки, если не сотни тысяч африканцев принимали участие в войне на стороне союзников в качестве обслуживающей рабочей и вспомогательной воинской силы, что сыграло роль и должно быть принято во внимание. Что касается северной арабской Африки, то этот регион был одним из фронтов войны, особенно после переброски основных сил Германии против СССР. Уже во второй половине 1941 г. англичане начали укреплять свои позиции в районе Средиземного моря. В Египте была сформирована армия, выступившая против сосредоточенных в итальянской Ливии войск Роммеля. В ответ на это германское командование выдвинуло в зону военных действий новые силы, вследствие чего первая половина 1942 г. прошла под знаком нажима армии Роммеля на англичан. Перейдя через ливийско-египетскую границу, немецко-итальянские соединения подошли к Эль-Аламейну, где были остановлены союзниками. За этим в октябре 1942 г. последовал разгром уставшей от боев и не получавшей подкреплений армии Роммеля, что сыграло решающую роль в ходе военных действий на севере Африки. В ноябре в Алжире высадился десант англо-американских войск под командованием Д. Эйзенхауэра. Французские войска правительства Виши сопротивления не оказали, а в марте 1943 г. был освобожден Тунис, на чем война в Африке закончилась, перейдя в кампанию против Сицилии и Италии.

РЕАЛИЗАЦИЯ ИТОГОВ ВОЙНЫ

Конец первой половины XX в. преподнес миру немало проблем, которые никогда до того не выходили на передний план, хотя временами и становились достаточно актуальными. В их числе проблема огромных по масштабу войн, включая гражданские (Россия, Китай), и гибель десятков, сотен миллионов людей, чего до того не случалось. Естественно узнать, за что именно люди воевали, как они свой долг или обязанность воспринимали и как все это до́лжно оценивать. Перед человечеством встал вопрос о смысле существования, обо всем жизненно важном для выживания человечества. И речь шла не только о том, что ядерное оружие как бы поставило мир на грань между бытием и небытием, хотя и это играло свою роль. Просто люди, пусть далеко не все, начали осознавать, что дальше дело таким образом идти не может, не должно.

Следует решительно изменить всю парадигму ведения мировых дел, научиться обходиться без подобного рода катаклизмов. Первые результаты такого рода настроений начали проявляться еще в годы войны на конференциях глав союзников, хотя тогда они в основном сводились к спорам о послевоенном переделе мира и наказании военных преступников. Но показательно, что само представление о публичной ответственности за военные преступления возникло именно в это время и в связи с этим. А закреплено соответствующее решение было на конференции в Лондоне летом 1945 г., когда был создан Международный военный трибунал, основные принципы функционирования которого были затем утверждены Генеральной ассамблеей ООН.

Членами трибунала и главными обвинителями стали представители четырех держав союзников. Местонахождением трибунала был избран Нюрнберг, а в список главных военных преступников были включены вначале 24 оставшихся в живых руководителя нацистской Германии, в том числе Г. Геринг, В. Кейтель, И. Риббентроп. Процесс длился долго (несколько сот заседаний), а в числе основных обвинений были агрессивные планы установления мирового господства и преступления против мира и человечности. Трибунал признал преступными основные нацистские организации (СС, СД, СА, гестапо) и весь руководящий состав нацистской партии. 12 главных преступников были приговорены к смертной казни через повешение, и в ночь на 16 ноября 1946 г. приговор привели в исполнение (Геринг отравился в тюрьме перед казнью). Избежать смерти удалось лишь осужденному заочно М. Борману. Помимо главного процесса (на нем многие обвиняемые были осуждены на длительные сроки заключения) в том же Нюрнберге и в США в 1946–1949 гг. были проведены еще некоторые, так

называемые малые нюрнбергские процессы над врачами, виновными в бесчеловечных экспериментах над людьми, над некоторыми судьями, военными, руководителями экономики. Наряду с ними с января 1946 г. в Токио шли процессы над японскими военными преступниками, семеро из которых в декабре 1948 г. тоже были казнены. Важность этих публичных акций в том, что благодаря гласности создавалась атмосфера справедливого возмездия за военные преступления, что рассматривалось как предупреждение и было одобрено миром, включая — если говорить о Нюрнберге — и немцев.

Вторым важнейшим совместным актом стран-победительниц было создание ООН, основные принципы которой были согласованы на конференции в 1944 г. в Думбартон-Оксе. В Ялте в феврале 1945 г. руководители союзных стран согласились созвать конференцию для обсуждения этих принципов, что и произошло в апреле–июне того же года в Сан-Франциско. 24 октября 1945 г., когда выработанные там документы с ратифицированными грамотами стран-участниц были переданы на хранение, считается днем ООН. Впрочем, спор вокруг проблем, связанных с функционированием этой важной мировой организации, продолжался и после этого, особенно в связи с начавшейся в 1946 г. холодной войной между противостоявшими друг другу новыми блоками держав. Эти споры, временами ожесточавшиеся, с трудом были погашены, а права и компетенция ООН оказались при этом несколько урезанными. Дабы это не сильно сказывалось на текущей работе специализированных международных учреждений, будь то валютный фонд МВФ, организация здравоохранения ВОЗ, труда МОТ, продовольствия и сельского хозяйства ФАО, промышленного развития ЮНИДО, детский фонд ЮНИСЕФ, агентство по атомной энергии МАГАТЭ, международный банк реконструкции и развитии МБРР или некоторые другие, было решено связать их с ООН отдельными соглашениями.

ООН стала функционировать в основном на ежегодных осенних сессиях Генеральной ассамблеи с представителями всех ее членов. Ассамблея выбирала председателя и с его помощью решала текущие вопросы, начиная с проблемы финансирования. По рекомендации Совета безопасности, в который вошли пять постоянных членов (США, СССР, Китай, Англия и Франция) с правом вето и несколько переизбираемых, она избирала Генерального секретаря на 5 лет с возможным одноразовым переизбранием, а также некоторые другие органы, включая секретариат, Международный суд из 15 судей, Экономический и социальный совет. Не следует, однако, думать, что ООН стала чем-то вроде мирового правительства. Таких полномочий у нее

не было, а реальная ее роль в международных делах с начала холодной войны стала заметно уменьшаться, что в немалой мере зависело от политики СССР и его вождя. Помнится, как сотрудники американского посольства на Моховой, мимо которого проходили студенты МГУ по дороге из метро в аудитории на рубеже 40–50-х гг., вывешивали в окнах небольшие плакатики с напоминанием, что 24 октября — день ООН. Если бы не они, студенты и не вспомнили бы. Наши средства массовой информации об этом не упоминали.

Неудивительно, что многие важные спорные проблемы послевоенного мироустройства решались в ходе сложных переговоров вне ООН. Одна из наиболее важных — проблема перемещенных лиц (*displaced persons*, ди-пи), имевшая отношение к возвращению, в основном принудительному, всех наших соотечественников, оказавшихся вне досягаемости органов НКВД. Их было много, по разным ориентировочным подсчетам, до 10 млн. Этот вопрос был поднят еще в 1944 г., а на конференции в Ялте в начале 1945 г. было даже достигнуто соглашение. Казалось, проблема решена. Однако сразу же выяснилось, что неясность пограничной линии на западных пределах СССР перед войной позволяла беженцам из этого региона — их было особенно много — протестовать против принудительной репатриации. И с осени 1945 г., когда проблема особенно обострилась, власти на Западе стали осознавать, что отказ этот по меньшей мере обоснован, ибо возвращавшиеся подлежали репрессиям. Поток выданных, особенно эмигрантов, живших вне СССР после гражданской войны, или тех, что входили в армию генерала Власова, с которыми в СССР расправлялись наиболее жестоко, стал сокращаться. Всего вернулось, как считается, около половины, четыре с небольшим миллиона, встреченных не слишком ласково и в лучшем случае прошедших лишь через строгую фильтрацию с заметным последующим ограничением в правах (имеется в виду практика составления строгих анкет, в которых нужно было фиксировать факт пребывания на оккупированной территории и которые принимались во внимание при устройстве на работу или поступлении в учебное заведение). Остальные остались на Западе, где постепенно с помощью местных властей как-то обустраивались. Связь с ними, как правило, отсутствовала или была очень затруднена. Отсюда, к слову, острая проблема пропавших без вести. Если вспомнить, сколько сотен тысяч безымянных воинских захоронений в нашей стране остается до сих пор, то легко понять, как сложно было несчастным семьям, лишившимся кормильца, существовать без пенсий и пособий в случае, если у них не было официального уведомления о смерти военнослужащего, если он числился *пропавшим без вести*.

Середина века: великий геополитический сдвиг

Несмотря на весьма существенные различия между мировыми войнами, под знаком которых прошла первая половина XX столетия, обе они имели немало общего. Оно в том, что борьба шла за территориальный передел мира. Но это далеко не все. С начала XX в., на протяжении первой половины которого шла почти непрерывная борьба за передел мира, постепенно со все большей определенностью выяснялось, что в мире появились объективные условия для энергичных деструктивных действий. Сначала об этом было заявлено в Европе, а затем бацилла экстремизма оказалась с легкостью подхваченной в других странах. Дело в том, что быстрое развитие по, казалось бы, буржуазному пути (модернизация в варианте вестернизации) колоний сочеталось с борьбой за освобождение от колониализма и политическую независимость. И после Второй мировой войны в благоприятных для того условиях именно это стало главным результатом обеих мировых войн. Мир колоний перестал существовать. А освободившиеся от колониальной зависимости страны оказались перед нелегкой проблемой выбора пути, вследствие чего на земном шаре возникла новая геополитическая конфигурация.

Но великий геополитический сдвиг, разлом послевоенного мира отнюдь не ограничился проблемой освободившихся колоний. Он даже не сводился в основном именно к ней. Итоги Второй мировой войны и сопутствовавшая ему деколонизация были с лихвой перекрыты — если иметь в виду главное в политической динамике второй половины XX в. — событием много более грандиозного всемирного значения. Имеется в виду основной политический итог обеих мировых войн, а именно появление на карте мира двух гигантских противостоящих друг другу сил, либеральной демократии, с одной стороны, и резко усилившегося тоталитаризма левого толка — с дру-

гой. Противостояние этих сил, только что бывших союзниками, приняло, как то всем хорошо известно, облик холодной войны. Холодной потому, что после изобретения оружия массового уничтожения обычная война между двумя мощными и до зубов вооруженными коалициями оказалась бы самоубийственной для человечества и даже, более того, для всего живого на земле. А в своей новой *холодной* форме война превратилась в единственное в своем роде во всей истории вынужденное недружелюбное сосуществование двух до зубов вооруженных противоборствующих сил.

Таким образом, итогом первой половины XX в. стала новая ситуация. Расклад сил изменился. То, за что прежде всего боролись друг с другом в двух кровавых войнах разные коалиции крупнейших мировых держав, т.е. уверенное преобладание в мире и лишь как часть его полное господство в гигантском мире колоний и в немногих зависимых странах, отошло на второй план по сравнению с тем, что вышло на авансцену. И новое противостояние перестало быть борьбой за колонии либо даже за *жизненное пространство*, не говоря уже о *мировой революции* или *новом порядке*. Оно свелось к тому, кому из вчерашних союзников удастся одержать верх. И от того, кому это удастся, кто сумеет перетянуть на свою сторону большинство других стран мира, включая освободившиеся колонии, зависело очень многое. Ставка в этой борьбе стала крайне высокой. Победа или поражение определяли всю последующую судьбу человечества. А если принять во внимание, что тоталитарные режимы левого толка были почти что копиями хорошо известной истории традиционной структуры власти-собственности, причем в ее наиболее жесткой — с запретом частной собственности и свободного рынка — модификации, то ситуация окончательно прояснится. Стоит еще раз сказать, что далеко не все сознавали, о чем именно идет речь и что поставлено на кон в холодной войне. Но на кону стояла именно борьба античной-буржуазной либеральной демократии с жесточайшим авторитаризмом традиционной восточной структуры власти-собственности с ее доведенной до крайней степени централизованной редистрибуцией (кто хочет лучше понять, что это такое, пусть обратит внимание на сегодняшнюю КНДР). А человечество в то время в подавляющем своем большинстве сложившуюся ситуацию адекватно не воспринимало. Находясь в состоянии эйфории, оно этого не ощущало. Осознавало опасность — по меньшей мере на начальном этапе холодной войны — лишь крайне небольшое меньшинство. Первым публично высказался по этому поводу выдающийся английский политический деятель У. Черчилль.

Глава двадцать девятая. У ИСТОКОВ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Трудно точно сказать, с чего следует отсчитывать начало холодной войны. Все дело в том, что это была не война в собственном смысле слова. Альянс между вчерашними союзниками никогда не был прочным, потому что летом 1941 г. либерально-демократические страны Запада и СССР оказались союзниками поневоле. И обе стороны очень хорошо это понимали. Но понимали они и то, что война после 1945 г. — речь о ядерном оружии — обрела иные формы и измерения. Даже небольшая часть этого оружия способна уничтожить все живое на планете. А раз так, то проблема *кто кого* решалась теперь не голой силой, не хитростью и удачей, **но непредсказуемыми случайностями и стечением обстоятельств.** То и другое в данном случае могли стать лишь результатом медленных, постепенных и целенаправленных перемен как внутри недавнего политического союза, так и во всем геополитическом пространстве. Другими словами, многое зависело от накопления той либо иной стороной сил, свидетельствующих о ее жизнеспособности и очевидном превосходстве над противником. Или, иначе, от потери одной из сторон способности успешно доказывать свои преимущества. Легко понять, что при этом очень многое зависело от мощи натиска с той или иной стороны. Но одно важно: натиск должен был быть не словесным (пропаганда — огромная сила; но она, не будучи подкрепленной реальными достижениями, решающим фактором все же не становилась), а действенным. Однако действовать приходилось медленно и в основном политическими методами. Практически это значит, что время, отпущенное историей на холодную войну, должно было быть гораздо более длительным, нежели при обычных войнах XX в., включая обе мировые.

НАЧАЛО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Но с чего все же противостояние началось? Его начало, пусть в очень осторожной форме, было положено в выступлении советского вождя в связи с выборами в первом послевоенном году. Предвыборная речь 9 февраля 1946 г. была наполнена — что следует считать вполне естественным и даже всеми ожидаемым — восхвалениями коммунистических идей и тех достижений, которым приписывалась победа, равно как и жесткой критикой в адрес капитализма. Но стоит все же обратить внимание на некоторые ее отрывки. Вторая мировая война возникла — по словам вождя — **«как неизбежный результат**

развития мировых экономических и политических сил на базе современного монополистического капитализма. Марксисты не раз заявляли, что капиталистическая система мирового хозяйства таит в себе элементы общего кризиса и военных столкновений, что ввиду этого развитие мирового капитализма в наше время происходит не в виде плавного и равномерного продвижения вперед, а через кризисы и военные катастрофы». И далее: **«Наша победа означает, прежде всего, что победил наш *советский общественный строй*... наш *советский государственный строй*».**

Казалось бы, ничего необычного. Маркс действительно уделял много внимания кризисам. Однако он, насколько известно, никогда не связывал их с военными катастрофами, ибо рассчитывал на пролетарскую революцию. Но в интерпретации советского вождя давалось понять, что великая победа союзников над врагом — это заслуга не народа, не десятков миллионов павших, но того режима, который был создан в СССР и будто бы доказал **свою полную жизнеспособность.** Разумеется, у вождя были основания для того, чтобы выразить представления о реальности таким образом. Однако эти заявления вовсе не были безобидными. Они имели характер строгого предупреждения, особенно учитывая все то, что было сказано в речи о заслугах и мощи армии. Тоталитаризм живет и побеждает, армия наготове — таков смысл сказанного.

Заново складывавшуюся ситуацию стремления к чему-то вроде новой мировой войны адекватно оценили в мире, отчетливо противостоявшем коммунистическому тоталитаризму. Правда, до конца были в состоянии осмыслить все с этим связанное вначале лишь немногие, наиболее умные и дальновидные. Первым среди них был сэр У. Черчилль, внесший огромный вклад в победу над фашизмом во Второй мировой войне. Его политический статус (он не был избран премьером на новый срок, перешел в стан оппозиции, что позволяло достаточно откровенно излагать свои мысли) способствовал тому, что говорить о нависшей над миром опасности столь много знавший и понимавший деятель мог вполне свободно. И вот вчерашний всесильный премьер 5 марта 1946 г., по сути одновременно с вождем и в то же время в качестве своеобразного ответа на его предвыборную речь, выступил в Фултоне, где он то время жил, небольшом городе штата Флорида, со своей потрясшей мир речью. Речь была необычна. Главное в ней было то, что происходившее в мире характеризовалось с предельной четкостью и безо всякого смущения. Это было открытое обвинение в адрес вчерашнего союзника, СССР. Вот некоторые наиболее существенные отрывки из речи:

«Протянувшись через весь континент от Штеттина на Балтийском море и до Триеста на Адриатическом, на Европу опустился *"железный занавес"*», — так сформулировал У. Черчилль свою основную идею. **«Столицы государств Центральной и Восточной Европы — государств, чья история насчитывает многие и многие века, — оказались по другую сторону этого занавеса. Варшава и Берлин, Прага и Вена, Будапешт и Белград, Бухарест и София — все эти славные столичные города со всеми своими жителями и со всем населением окружающих их городов и районов попали, как я бы это назвал, в сферу советского влияния. Влияние это проявляется в разных формах, и эти страны подвергаются все более ощутимому контролю, а нередко и прямому давлению со стороны Москвы»**. Черчилль заявил далее, что советская угроза нависла не только над Европой, но и над всем миром. В каждой стране есть пятая колонна коммунизма, причем все эти колонны действуют **«удивительно слаженно и согласованно, в полном соответствии с руководящими указаниями»**, получаемыми из Кремля. Мощные коммунистические партии, продолжал он свою основную мысль, сумели пошатнуть основы ряда западноевропейских государств, в частности Италии и Франции, а также сыграть на разрухе на Дальнем Востоке, как то видно на примере Китая. **«Понимая все это**, — сказал Черчилль в качестве итогового вывода, — **Запад должен объединиться и всемерно укрепить "мускулы мира"»**.

В речи содержалась идея, что следует внимать урокам истории, что столь характерные для конца 30-х гг. попытки умиротворения агрессора к добру не приводят. Демократический мир не должен повторить ошибки прошлого, ему следует сплотиться в противоборстве с новой тоталитарной угрозой, которую олицетворяет теперь гордящийся своей победой коммунистический Советский Союз. Эта речь, как то хорошо известно, сыграла важную роль в решении многих стран Запада приступить к активным действиям с целью сдерживания натиска со стороны СССР на демократический Запад. Собственно, именно эти реальные действия в гораздо большей степени, нежели просто выдвижение в адрес вчерашнего союзника словесных обвинений, легли в основу той самой холодной войны, о которой теперь идет речь. Речь Черчилля и его метафора — *железный занавес* — были недвусмысленным и бесспорным жестким сигналом к открытому противоборству. Как легко заметить, первые ходы в этой войне были сделаны противоборствующими сторонами практически одновременно. И есть все основания считать началом холодной войны первые месяцы 1946 г.

ПЛАН МАРШАЛЛА И БЕРЛИНСКИЙ КРИЗИС

Несколько слов о мотивах, вызвавших к жизни политику и практику холодной войны. Тезисы советского вождя в принципе не отличались новизной и лишь повторяли основные цели марксизма, которые в новых послевоенных условиях вполне могли бы показаться более осуществимыми, чем когда-либо раньше. Правда, за этим выступлением последовали как достаточно заметная и набиравшая силу пропагандистская кампания, так и реальная работа по составлению планов на будущее. Но все же следует принять во внимание, что прямым призывом к новой войне это — несмотря на готовность многих воевать — не было. Политика была направлена на борьбу за усиление *лагеря мира и социализма*, как его позже официально именовали. Укрепление этого лагеря сводилось, как обычно, ко все усиливавшейся борьбе с инакомыслящими. Именно эту политику превращения европейских стран — а несколько позже и не только их — в оплот мирового коммунизма имел в виду Черчилль.

Вопрос, насколько его опасения и обвинения были справедливы, заслуживает внимания. Что касается восточноевропейских государств, попавших на заключительном этапе войны под власть СССР, а точнее — под суровый надзор и скорую расправу НКВД, то здесь все вне сомнений. Можно даже отметить нарочитую сдержанность заявления бывшего британского премьера. Нельзя не заметить и того, что в Италии референдум и произошедшее спустя несколько недель после фултонской речи провозглашение республики зафиксировали не вполне явственное усиление в стране влияние компартии. Некоторое время в середине 40-х гг. представители итальянской компартии входили и в состав правительства страны. Во Франции в движении сопротивления в годы войны было немало коммунистов, причем истинных патриотов, не ставленников Коминтерна. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в середине 40-х гг., уже после войны, компартия Франции входила некоторое время в состав правительства, будучи в нем — наряду со сторонниками де Голля — одной из наиболее значительных политических сил. И особо был замечен Черчиллем Китай, в котором именно после появления на Дальнем Востоке войск СССР и разгрома фактически не оказывавшей сопротивления японской Квантунской армии огромное количество ее вооружения было переданы именно КПК.

Можно было бы продолжать и детализировать многое из того, что легло в основу фултонской речи. Но не подлежит сомнению, что обеспокоенность судьбами западной буржуазной демократии, кото-

рая была положена в основу этой речи и дала повод для серьезных выводов, отнюдь не была праздной выдумкой. Эта обеспокоенность, включая формулу о железном занавесе, резко отделившем и продолжавшем отделять все расширяющиеся зоны, в которых ощущалось постоянно растущее влияние мирового коммунизма, от остального мира, была суровой реальностью, которую не следовало как бы не замечать, памятуя о том бесценном вкладе, который внес СССР в разгром стран оси. Мир снова на глазах изменялся, а место повергнутых и уничтоженных режимов тоталитаризма правого толка решительно и быстро, с применением репрессивных методов, стремился занять несший знамя победы тоталитаризм в его коммунистической модификации. Здесь нужны оговорки и пояснения. Ведь все то, что было столь хорошо видно умным аналитикам, далеко не так и не с тех позиций воспринималось большинством населения планеты. Люди, хорошо прочувствовавшие всю тяжесть войны, не могли в первые послевоенные годы не быть благодарными советскому — русскому, как чаще всего его тогда воспринимали — солдату за великую победу. А всё то, что делалось за спиной русского солдата органами НКВД, огласке не подлежало. Неудивительно поэтому, что чувство благодарности создавало престиж коммунистической идее, что и находило свое внешнее проявление как в легкости превращения захваченных СССР государств в его надежных сателлитов (пусть даже это происходило не сразу), так и в росте числа людей, сочувствующих этой идее в некоторых странах Запада.

Тем не менее, как хорошо известно, призыв Черчилля был услышан. Правда, отголоски его встретили деловой и активный политический отклик не сразу. Да и едва ли престарелый отставной политик, впрочем, один из самых известных и прославленных в это время, рассчитывал на мгновенную реакцию. Он и жил-то в провинциальном американском городке — быть может, сознательно, с оттенком обиды на Англию, столь нелюбезно отплатившую ему за все его заслуги перед ней, — как раз для того, чтобы более ничем не выделяться и никому не мозолить глаза. Но оставался великим политиком. Он слышал, видел, понимал и адекватно оценивал многое, если не все, раньше и лучше других. И коль скоро в результате анализа сложившейся в мире ситуации (а с конца войны к этому моменту прошло всего около полугода) пришел к определенным выводам и решил, что этими выводами самое время поделиться с миром, все еще находившимся в состоянии некоторой эйфории, то в этом не было ничего удивительного.

Неудивительно и то, что он должен был быть услышан миром. Впрочем, для этого принимались меры. В скромном зале местного

колледжа в Фултоне собрались важные люди, начиная с пришедшего к власти после Рузвельта американского президента Г. Трумэна Собрались все те, кто должен был услышать то, что скажет им Черчилль. И те, кому была адресована речь, должным образом ее оценили. Среди них были и представители той части Европы — территориально уже небольшой, — которая оставалась под властью армий союзников и была верной идеям либеральной демократии, чье явное противостояние советскому тоталитаризму становилось с каждым годом все очевидней. В политической практике европейского Запада это противостояние находило свое выражение прежде всего в вытеснении все еще влиятельных компартий из правительств демократических стран, а также в явственном стремлении США помочь разгромленной войной экономике этих стран как можно быстрее встать на ноги. Для выполнения этой задачи американцами был предложен знаменитый план Маршалла.

Вообще-то все началось с обсуждения в американском конгрессе через неделю после речи Черчилля проблемы Греции и Турции, в которых в это время возникла реальная угроза ухудшения экономического положения. В Греции к этому добавлялось усиление деятельности прокоммунистических военизированных организаций. Конгресс учел просьбу президента — она потом получила наименование «доктрины Трумэна» — и ассигновал на помощь Греции и Турции 400 млн долларов. В мае 1946 г. соответствующий закон был утвержден, причем параллельно с финансовой было решено оказать Греции и Турции техническую, военную и дипломатическую поддержку. Это означало, что буквально через считаные недели после речи Черчилля ситуация в мире стала кардинальным образом меняться. Если до того в Европе энергично действовали только те политические и военные группировки (оставим в стороне НКВД), которые вели боевые действия, направленные на расширение зоны влияния и контроля со стороны прокоммунистических сил, то теперь США сделали решительный выбор с целью противопоставить силе силу.

Это решение было подкреплено докладом госсекретаря Дж. Маршалла, который, вернувшись в те же мартовские дни 1946 г. из Москвы, сообщил, что Сталин и Молотов отказались вести переговоры о будущем Европы и Германии и что это его насторожило: *восстановление Европы идет медленнее, чем ожидалось; пока доктора раздумывают, пациент умирает.* Собрав специалистов из американских университетов, Маршалл в июне 1947 г. выступил с докладом, ставившим своей целью бороться с голодом, бедствиями и угрозой хаоса в разрушенной войной Европе. Более конкретную форму его предложения обрели вскоре после

этого, приняв вид хорошо известного *плана Маршалла*, который был направлен на восстановление Европы. И хотя Трумэн и Маршалл хорошо понимали, что этот план не вызовет одобрения Советского Союза, они формулировали свои идеи и предложения таким образом, чтобы он — если пожелает — тоже мог воспользоваться американской помощью. Иными словами, США не хотели вести дело к окончательному расколу Европы на Восточную и Западную. Ответ СССР не заставил долго себя ждать. Молотов сразу же отверг помощь, а когда Чехословакия проявила в начале 1948 г. склонность к ней, там начались политические события, которые кончились тем, что министр иностранных дел Ян Масарик был выброшен из окна своей квартиры, а компартия страны захватила власть. В итоге все стало на свои места: *лагерь социализма* с негодованием отказался от плана Маршалла, а приняли его с большим единодушием все остальные европейские страны кроме Испании, которой приглашение не было послано, но зато включая испытывавшую сильное советское давление не вполне европейскую Турцию. Уже в апреле 1948 г. американский конгресс принял соответствующий закон, определив стоимость начального этапа помощи в 12–13 млрд долларов. Успех плана, экономический и даже политический, был огромным. К 1952 г. вся Европа не только преодолена последствия послевоенной разрухи, но и заложила фундамент своего процветания, ставшего, как назвали его позже, *экономическим чудом*.

Стоит особо подчеркнуть, что это касалось не только стран-победителей, но и побежденных. План Маршалла привел к резкому падению престижа итальянских коммунистов и к процветанию Италии (то же самое, впрочем, происходило и во Франции). Он возрождал и денацифицированную Западную Германию. Но разделенная Германия, будучи центром противостояния обеих групп стран, оказалась объектом давления со стороны СССР. Это давление после проведения в западных зонах, включая Берлин, денежной реформы приняло форму известного берлинского кризиса, суть которого сводилась к попытке недовольного реформами СССР блокировать разделенный на части Берлин, находившийся посреди советской зоны оккупации.

Кризис начался с того, что функционировавшие до того дороги в Берлин с запада были в июне 1948 г. перекрыты, вследствие чего три западные части столицы Германии лишились доступа извне и были, как представлялось в те дни, обречены на голод и все прочие следствия блокадного существования. Американский президент, от которого зависело едва ли не все, твердо заявил, что войну из-за Берлина он начинать не намерен, но американцы и другие страны Запада из города не уйдут. Соответственно было принято единственно возможное решение

снабжать многомиллионный город всем необходимым по воздуху, т.е. самолетами. Операция *воздушный мост* оказалась на практике не только посильной, но и весьма эффективной. И стоит заметить, что США, обладавшие атомной бомбой (необходимо напомнить, что они тогда сохраняли монополию на это оружие), были уверены в том, что в воздухе война не начнется, ибо это, вполне понятно, было более всего опасно не для Запада. В итоге британские и американские самолеты совершали до тысячи, иногда и больше, вылетов в день, что вполне обеспечивало город всем необходимым. Длилось это почти год, пока 12 мая 1949 г. блокада не была снята. Снабжение города по огражденным пограничными заставами дорогам было возобновлено, а сам берлинский кризис — точнее, его конец — стал знаком, фиксировавшим окончательное разделение Европы на две части. Как раз в это время, 4 апреля 1949 г., было принято решение о создании НАТО. А когда спустя несколько месяцев, в июне 1949 г., СССР категорически отверг идею объединения всей Германии в рамках буржуазно-либеральной демократической республики, в сентябре из трех западных зон оккупации — без Берлина — была создана Федеративная Республика Германия (ФРГ). В ответ на это в начале октября 1949 г. была создана Германская Демократическая Республика (ГДР). После этого германские проблемы отступили на задний план, а на передний вышли другие, имевшие отношение к иным геополитическим регионам.

УКРЕПЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ ОБЕИХ СТОРОН

Конец 40-х гг. прошел под знаком ощутимого стремления соперничающих сторон к укреплению позиций. В СССР быстрыми темпами шел успешный процесс создания ядерного оружия. Много нового приносила борьба колоний и зависимых стран, что содействовало укреплению *лагеря мира и социализма*. В процессе деколонизации важную роль сыграли успехи китайской, в основном крестьянской армии и создание 1 октября 1949 г. КНР. Можно прибавить к этому начавшуюся в июне 1950 г. войну в Корее, о которой чуть далее. Но при этом с отдаленной Восточной Азией все было далеко не так просто, как может показаться на первый взгляд.

С одной стороны, на помощь советской зоне влияния в Европе приходила аналогичная зона в Азии. Но с другой страны Азии, в которых идеология и практика коммунизма задавала тон — к ним можно добавить и Вьетнам, — существенно отличались от стран Восточной Европы, причем не только тем, что в них не было активно действующих агентов советского влияния, начиная с НКВД. Много более важным было то,

что эти страны вообще представляли собой нечто принципиально иное, нежели склонные к западному буржуазному стандарту восточноевропейские страны. Это были государства, в которых преобладала *мировая древня*. Соответственно и радикальные движения, даже если они оказывались под воздействием переинтерпретированного марксизма, были гораздо более близки к нормам консервативной стабильности, нежели к преобразованию по советской модели. Разумеется, выбор пути диктовался тем, что структура власти-собственности в СССР была типологически более близка обществам традиционного Востока, нежели чуждая им антично-буржуазная с рыночно-частнособственническим хозяйством и соответствующими ему идеалами и институтами. Выбор этот стимулировался тем, что идеи, в XIX в. похороненные в Европе (кроме России), оживали в переинтерпретированном виде в XX в. в ряде стран, освобождавшихся от колониальной экспансии. Но, ожив там, они обычно обретали явственно восточный привкус, который не сразу давал о себе знать, но в конечном счете оказался решающим. Тем не менее — если пока оставить в стороне процессы, выявившиеся позже, особенно в огромном Китае, на который советские коммунисты вначале возлагали столько надежд, — события в послевоенной Восточной Азии были очень важны для укрепления позиций СССР. Он заметно укреплялся и обретал новые силы.

Вождь это учитывал, хотя и внешне не стремился слишком подчеркивать (достаточно напомнить о том, сколь нелюбезно был встречен в Москве Мао, прибывший туда вскоре после победы китайских коммунистов и образования КНР). Но нужно при этом заметить, что он, похоже, не просто не слишком высоко оценивал факт усиления своих позиций за счет стран отдаленного Востока, но явно стремился усилить эти позиции иным способом. Речь идет прежде всего о ближневосточных территориях. Не сумев добиться уступок от Турции, вскоре прикрывшейся надежным щитом плана Маршалла, он сделал было ставку на молодое государство Израиль. И в этом был немалый смысл. В СССР и в других странах было много евреев, которые принимали активное участие в коммунистическом движении, и если бы заметная их часть оказалась во вновь создавшемся государстве, это могло бы сыграть, как предполагалось, ощутимую роль в усилении в Израиле советского влияния. Поэтому, когда в первые послевоенные годы арабо-израильский конфликт, давно тлевший в Палестине, грозил превратиться в настоящую войну, ООН в конце ноября 1947 г. при поддержке ее постоянных членов, имевших право вето, включая СССР, приняла решение о создании в Палестине двух государств, арабского и еврейского. Арабы не очень торопились реа-

лизовать это решение, тогда как евреи во главе с Д. Бен-Гурионом уже в мае 1948 г. создали государство, на которое сразу же после этого напали войска нескольких соседних арабских стран.

США и СССР помогли Израилю не только отразить нападение, но и увеличить в результате этой победоносной войны его территорию за счет арабской Палестины. Мало того, как раз Советский Союз был первой страной, признавшей Израиль де-юре. Именно доставленное окольными путями из Восточной Европы оружие и советские воины-добровольцы еврейской национальности активно помогли Израилю в тот решающий момент его ранней истории выстоять и победить. Почему? Существует версия, что Сталин сделал это, чтобы вбить клин между арабами и странами Запада. Но гораздо серьезнее считать, что активная деятельность советских спецслужб в Палестине еще до возникновения Израиля и сразу же после этого была направлена на то, чтобы подорвать позиции Англии и не допустить усиления влияния США в этом стратегически важном регионе (до 1947 г. Палестина была подмандатной территорией Британии). Иными словами, советское руководство, как следует полагать, очень рассчитывало на то, что еврейское государство, в котором заметную роль будут играть коммунисты, окажется в какой-то степени его союзником. Однако из этих расчетов, как то хорошо известно, ничего путного не получилось. Евреи, переселявшиеся в Израиль, в большинстве переставали быть коммунистами и стремились создавать именно еврейское государство, которое было бы основано на принципах буржуазной либеральной демократии.

Неудача с Израилем была компенсирована немалыми успехами в других странах. Жесткая политика, обеспечившая превращение всей Восточной Европы, включая часть Германии, в коммунистические государства советского типа, была достаточно серьезной гарантией роста могущества всего лагеря и консолидации его сил и устремлений. Создание в 1949 г. Совета экономической взаимопомощи, в рамках которого сначала были объединены СССР и 5 стран Восточной Европы — Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния и Болгария (чуть позже к ним присоединились Албания и ГДР), — было важным шагом на этом пути. А успехи коммунистической Восточной Азии, подкреплявшиеся увеличением числа стран Востока, склонных к реализации идей марксизма, считались еще одним таким важным шагом. Поэтому, если подводить итоги первого этапа холодной войны, пришедшегося на последние годы жизни советского вождя, то они должны быть оценены как вполне позитивные. *Лагерь мира и социализма* укреплялся и расширялся, вооруженность его ничем не уступала той, которой обладал противник.

Противостоявшие коалиции страны буржуазной либеральной демократии, однако, тоже не теряли в эти годы времени зря. После создания НАТО, членами которого стали 12 государств (США, Канада, Великобритания, Франция, Италия, Португалия, Бельгия, Нидерланды, Дания, Норвегия, Люксембург и Исландия), оформление союза этих стран обрело новые черты и новый смысл. Формальной целью организации стало сдерживание агрессии противостоящей группировки держав и защита от нее, как и курс на интеграцию стран Запада. Этот курс был целеустремленным и настойчивым, несмотря на то, что реализовывался медленно и постепенно. В марте 1948 г. Англия, Франция и сблизившиеся еще до того друг с другом Бельгия, Нидерланды и Люксембург (Бенилюкс, как этот союз в то время именовался) подписали Брюссельский пакт. Он ставил целью не столько экономическую и социокультурную интеграцию, хотя именно на этом делался акцент, сколько создание системы коллективной самообороны против возможного агрессора, т.е. в первую очередь и главным образом СССР, хотя прямо в тексте это не было уточнено. Западноевропейский союз, чье военное предназначение было вскоре с лихвой перекрыто созданием НАТО, оказался со временем ядром будущего европейского сообщества, основой интеграции стран Западной Европы. В 1951 г. эти же страны (без Англии, но зато с ФРГ и Италией) создали новую организацию стран континентальной Европы — Европейское объединение угля и стали. Это был следующий и весьма важный этап сближения экономического потенциала прежде враждовавших европейских стран.

НАКАЛ СТРАСТЕЙ

Укрепление позиций каждой из противостоявших друг другу сторон привело на рубеже 40–50-х гг. к обострению внутреннего политического напряжения. В Западной Европе оно не было слишком заметным, ибо там в ходе реализации плана Маршалла шел весьма благодетельный процесс противоположного характера. Страны быстрыми темпами возрождались, почти везде происходило то, что впоследствии стало именоваться экономическим чудом, начинался процесс интеграции, а влияние левых идей и коммунистических партий сильно уменьшалось. Иное дело — события в США. Послевоенная Америка в возрождении не нуждалась. Но она на протяжении военных лет предприняла ряд суровых мер, включая разного рода законы против тех, кто призывает к свержению существующего строя. Формально в число такого рода деятелей могли входить сторонники

разных идей, включая деятелей американской компартии. Но фактически на рубеже 40–50-х гг. объектом репрессий стали именно они, хотя и не только. А суть проблемы, впоследствии обозначенная термином *маккартизм*[1], во многом была связана с тем, что советская разведка сумела найти путь к некоторым специалистам, которые согласились продать либо передать СССР тайны ядерного оружия.

Современная официальная советская историография не скрывает тот факт, что сведения, полученные из США, сыграли очень важную роль в ускорении процесса создания советской атомной бомбы. Едва ли все каналы, по которым шли эти сведения, были в свое время известны соответствующим службам в Америке. Но кое-какие из них, видимо, были либо вскоре раскрыты, либо вычислены задним числом. Нет сомнений, что активное преследование коммунистов и левых комиссией Маккарти и процесс над руководителями компартии США, а также над казненными затем супругами Розенберг были в немалой степени спровоцированы реальными событиями. И хотя в 1954 г. накал страстей в США поутих, а многочисленные жертвы преследований членов комиссии Маккарти реабилитированы, мутное пятно маккартизма осталось на Америке навсегда.

Важно, однако, принять во внимание, что гораздо более масштабный разгул страстей происходил в те же годы в нашей стране, причем по характеру он был до предела скверным, а в некоторых своих проявлениях позорным. Это было достигнуто в хорошо известной кампании против *космополитов*, т.е. евреев. Причина начала кампании была вполне очевидной. Проиграв в Израиле, вождь не мог забыть об этом. Естественной жертвой, на которой можно выместить недовольство, стали советские евреи, причем в первую очередь наиболее значительные из их числа, в основном видные деятели науки и культуры, хотя и не только они. Разумеется, сказать вслух, что их преследуют за то, что они евреи, в СССР с его многократными и показательными кампаниями в пользу дружбы народов было невозможно. Но обойти эту деликатную преграду было не слишком сложно. Достаточно оказалось назвать еврейских деятелей как-то иначе, т.е. сделать вид, что их преследуют именно за так называемый и далеко не всем в стране понятный *космополитизм*. Ситуация теоретически могла бы остаться непонятной, даже если прибавить к этому загадочному для большинства страны термину несколько проясняющее его смысл

[1] По имени сенатора Д. Маккарти, наиболее рьяно взявшегося за чистку Америки от коммунистически настроенных элементов, будто бы пробравшихся даже в ряды влиятельных чиновников страны.

определение *безродный*. Но в реальности абсолютно всем сразу же стало ясно, что объектом очередной политико-пропагандистской кампании стали евреи. Да это не особенно и скрывалось. Достаточно напомнить, как раскрывались в скобках фамилии преследуемых, многие из которых — как то повелось с первых лет советской власти — брали себе псевдонимы, под которыми и стали со временем известны. Впрочем, касаясь проблемы разгула страстей в СССР в годы начала холодной войны, не следует ограничиваться проблемой космополитизма. Стоит обратить внимание на то, как реагировал вождь, от которого по-прежнему все зависело, на весь комплекс явлений, затронувших так либо иначе положение в стране после окончания войны и особенно в связи с резким обострением взаимоотношений с буржуазно-либеральным Западом.

Выше упоминалось, что он довольно болезненно воспринял победу СССР. Не то чтобы был ею недоволен. Одолеть такого врага, да еще и прирастить к территории страны большое количество новых зависимых от нее государств — явное благо. И на приеме в Кремле 24 мая 1945 г. он от всей души поднимал бокал за победу и роль русского народа, внесшего в нее наибольший вклад. Все так. Но празднование дня победы над врагом было прекращено. А подспудно и в различных формах все чаще проявлявшееся стремление победившего народа закрепить эту победу облегчением жизненного стандарта (особенно после того, как армия — да и не только она — увидела иной стандарт в западных странах) раздражало его все сильнее. И это вело к тому, что в СССР начали решительно — как то было свойственно созданному им режиму — закручивать гайки. Это стало проявляться во многом. 14 августа 1946 г. было опубликовано известное постановление оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», в котором наряду с резкой критикой А. Ахматовой и М. Зощенко был дан старт жесткому идеологическому наступлению в стране. С высшей партийной трибуны раздалось требование постоянно и неуклонно разоблачать и обличать низкопоклонство перед буржуазной культурой. Параллельно с этим вождь осенью того же 1946 г. лично вмешался в научные связи отечественных медиков с американскими (речь о препарате против рака, заинтересовавшем американцев, предложивших сотрудничество, которое в условиях отсутствия должного финансирования было крайне заманчивым для ученых АМН СССР). Вождь потребовал сурово осудить ученых *за измену Родине*, а затем, в марте 1947 г., в стране было принято постановление *о судах чести*. Согласно этому документу, во всех государственных и ведомственных учреждениях должны были создаваться специальные органы, направленные на усиление идейной борьбы с *низ-*

копоклонством в тех случаях, когда соответствующие действия не подлежали более жесткому наказанию по приговору суда. В 1947 г. было, по некоторым данным, проведено свыше 80 такого рода процессов.

Логичным продолжением курса стала ставка на презрение к зарубежной культуре и прославление русской, особенно передовой советской культуры, вслед за чем началось воспевание многочисленных открытий, от велосипеда до самолета, которые будто бы были сделаны в нашей стране. Соответственно стали сперва негласно, а затем более строго пресекаться ссылки на труды зарубежных авторов. Осуждалась практика публикации научных статей в иностранных журналах. И от всего этого был только шаг до преследования космополитов. Причем — стоит особо подчеркнуть — свой наиболее зловещий оттенок этот термин обрел не сразу. Вначале, в январе–марте 1948 г., в установочных текстах по этому поводу обращалось преимущественное внимание на то, что космополитизм — буржуазная альтернатива пролетарскому интернационализму и, естественно, идеологическое орудие изменников Родины, от Троцкого до сотрудничавшего с фюрером генерала А. Власова. А чуть позже, ближе к концу года, крайне зловещий оттенок термина легко и как бы сам собой перешел на современных деятелей культуры из числа евреев. Впрочем, к этому в СССР готовились. В 1948 г. были репрессированы члены очень заметного в годы войны Антифашистского комитета советских евреев, много сделавшего для получения помощи от еврейских общин разных стран, прежде всего США (глава этого комитета, знаменитый артист С. М. Михоэлс, был в январе 1948 г. убит по личному приказу вождя; официально было тогда объявлено о его смерти в результате *несчастного случая*). А с 1949 г. одна за другой лавиной пошли официозные публикации с резкой критикой многочисленных деятелей отечественной культуры из числа евреев. Именно в это время понятия *деятель культуры еврейской национальности* и *безродный космополит* фактически идентифицировались. Мало того, оба они стали олицетворять тех, кто противопоставлял себя истинным советским и российским патриотам.

Стоит напомнить, что параллельно с позорной кампанией внутри СССР нечто подобное происходило и в большинстве стран Восточной Европы, где сурово обличались и приговаривались к смертной казни высокопоставленные политические деятели, в основном (более чем на 70–75%), по странной случайности, оказывавшиеся евреями[1]. Это

[1] Видимо, это следовало расценивать как своего рода вклад стран *народной демократии* в общее дело. Нет сомнений в том, что руководство этих стран не имело выбора и что оно поступало так, как того требовал советский вождь.

была, как легко заметить, масштабная, осознанная и позорная кампания сведения счетов с очередной отобранной категорией *врагов* в *социалистическом лагере* и доведения до некоего логического конца политики накала страстей против внешнего мира за пределами железного занавеса, т.е. против стран Запада. Чего, собственно, хотел добиться вождь, взяв курс на жесткое противостояние? Было ли это тщательно продуманной политикой, случайным результатом драматического стечения обстоятельств или просто следствием до известной степени понятных опасений давно уже не молодого человека, боявшегося опоздать и не довершить той миссии, которую он, возможно, считал целью своей жизни? Трудно сказать что-либо с полной уверенностью. Но кое-что предположить все же можно. Похоже, что вождь все-таки действовал не только вполне осознанно, но и неспроста. Он готовился сам и готовил лагерь к новой схватке с врагом. И для такого предположения есть определенные основания.

ВОЙНА В КОРЕЕ КАК ПРОБА СИЛ

Для начала позвольте — в виде исключения — рассказать о впечатлениях времен моей юности, пришедшейся как раз на эти годы. В конце 40-х гг. на занятиях по военной подготовке в МГУ, которые тогда должны были посещать все студенты призывного возраста, наш преподаватель (в чине, насколько помню, подполковника) как-то рассказал нам, что посещает какие-то курсы по подготовке дивизионных командиров. Ну посещает — и пусть. Запомнилось, однако, что он при этом, не особо стесняясь, делился своими мыслями и заметил, что, в частности, с его точки зрения, уж коли на то пошло, нужно бы, не теряя времени, резким броском дойти до Франции и тем способствовать решению проблемы мирового капитализма, по крайней мере в Европе. Пусть читатель не удивляется. Что-что, а подобные речи, да еще в неформальной обстановке, не были в то время чем-то запретным. Напротив, они составляли неотъемлемую часть и даже были логичным продолжением того накала страстей, той ежедневной пропаганды, которые воспитывали народ в духе ненависти к *классовому врагу*. Каждый мог свободно говорить о чем-то вроде новой войны, особенно если принять во внимание, что его речи вписывались в русло официальной политики. И приведенный эпизод на таком общем фоне следует считать просто случайно запавшим в память событием, мелочью, не более того.

Но все-таки стоит считать его немаловажным аргументом. Ведь вся страна, как то ни покажется странным (а прошло всего три-четыре года после страшной войны, стоившей ей почти 30 млн жизней), была вро-

де бы готова к тому, чтобы не останавливаться на уже достигнутой победе. Мы, студенты, в том числе женская половина коллектива, говорили об этом не раз и упоминали в разговорах и о чем-то вроде *комсомольского призыва*. Словом, рассуждения подобного рода являлись объективным показателем готовности добившегося великой победы народа не просто внимать речам вождя и связанной с ними текущей пропаганде, призывавшей энергично бороться с низкопоклонством и ненавидеть буржуазный Запад, но и принимать все к сведению, учитывая складывавшуюся международную обстановку. Иными словами, быть готовым к решительной схватке с возраставшими в числе внешними и внутренними врагами. И многие, похоже, вполне искренне верили в то, что наступает самое подходящее время не останавливаться на полпути. Разумеется, это отнюдь не значит, что так же думали и все те, от кого зависело принятие важных решений. Они хорошо понимали, — особенно после того, как в СССР появилось свое ядерное оружие, а затем и средства его доставки, — что время для серьезной войны в условиях существования такого оружия у обеих противостоявших друг другу коалиций быстрыми темпами уходило в прошлое. Но кто сказал, что вести следует только широкомасштабную войну на главном фронте?

Учтем, что на рубеже 40–50-х гг. наша страна с военной точки зрения была очень хорошо подготовлена к серьезной активной политике. Ее развитое индустриальное и военно-политическое могущество, а также новые союзники, т.е. страны, входившие в коалицию, либо бывшие, как КНР, потенциальными союзниками, составляли немалую силу, в принципе вполне сопоставимую с силой предполагаемого противника. К тому же надо заметить, что кроме них появлялись новые, как, например, Вьетнам, да и ряд других бывших колоний, высказывавших явную благосклонность к коммунистической идее. Разумеется, этого было еще не достаточно, чтобы очертя голову идти напролом. Но никак не означало, что предпринять что-либо в направлении развязывания новой локальной войны (в качестве хотя бы некоего пробного активного действия) вовсе не стоит. Напротив, очень даже стоило попытаться. Важно было только найти место, где локальная война с самого ее начала не выглядела бы сразу угрозой всему миру. И такое место нашлось в разделенной на части Корее.

Доступные ныне данные позволяют утверждать, что с идеей объединения этой страны с помощью военной силы глава северной ее части, КНДР, Ким Ир Сен обращался к советскому вождю еще в начале 1949 г. Но тот не торопился давать согласие. Он явно — и не без оснований — ожидал, что ситуация может улучшиться и стать максимально для этого подходящей не только в результате назревавшего

образования КНР, но и вследствие завершения процесса создания советского ядерного оружия. И когда оба фактора, будучи реализованными, резко усилили советскую коалицию (а ядерное оружие стало гарантией на случай неудачи), возможность и даже желательность пробной локальной войны стала представляться советскому вождю важным аргументом в глобальной международной политике. Война в Корее, начатая в июне 1950 г., оказалась не просто вполне ожидаемым продолжением противостояния коалиций, но и, как есть основания полагать, крайне желательной для советского вождя пробой сил. Иными словами, именно СССР в конечном счете — после немалых раздумий — санкционировал эту войну, но при этом вовсе не хотел делать это гласным. Вслух советская пропаганда утверждала (разумеется, это имело значение только в качестве официальной позиции, причем даже в основном для внутреннего пользования), что будто начала войну Южная Корея. Эта версия объясняет, почему СССР не участвовал в голосовании в Совете Безопасности 25 июня 1950 г., когда было принято решение о санкциях от имени ООН против агрессора. Ведь отказаться выступить против агрессора, коль скоро агрессия налицо, было практически невозможно, ибо это нанесло бы серьезный урон имиджу лагеря мира и социализма. Зато просто не присутствовать на заседании было более чем легко.

Как то хорошо известно, первые недели войны привели к захвату КНДР почти всей территории Южной Кореи и лишь осенью, в сентябре–ноябре, умелый контрудар сил ООН во главе с США изменил ситуацию. Армия КНДР была разгромлена, но зато в бой вступили китайские *добровольцы* (КНР заранее предупредила, что не останется равнодушной, если 38-я параллель будет пересечена врагом). В начале 1951 г. ими даже был занят Сеул, столица Южной Кореи, после чего война вступила в фазу стабилизации в районе упомянутой параллели, и обе почти миллионные армии долгое время мало что могли сделать. Смерть Сталина поставила точку на корейской войне. Летом 1953 г. был заключен мирный договор между КНДР и силами ООН, от имени которых текст подписал американский генерал (Южная Корея подписать этот договор отказалась). Как следует оценить результаты локальной войны в Корее? Сомнений нет. Это была не столько безосновательная авантюра, сколько вполне осознанная проба сил. Накал страстей первого этапа холодной войны достиг в начале 50-х гг. своей кульминации. Удачная случайность, разделенная Корея, обе стороны которой громко требовали восстановления единства, способствовала тому, что стечение обстоятельств оказалось в пользу решения о начале боевых действий. Это решение было ускорено явным нетерпением не столько даже севе-

рокорейского, сколько теперь уже советского вождя, годы жизни которого были на исходе. Риск новой мировой войны был не слишком велик (известно, что в ходе войны в Корее в США не раз возникали разговоры об использовании ядерного оружия, но дальше разговоров дело не шло), а результат в случае военного успеха стоил немалого. Он мог дать выигрыш в противостоянии и привлечь симпатии не определившихся бывших колоний, решительно настроенных на деколонизацию и бывших в тот момент в явной оппозиции по отношению к странам колониального Запада. А если принять во внимание, что армия КНДР была готова к войне много лучше южнокорейской, выигрыш вполне мог в то время казаться чем-то реальным. Даже в том случае, когда в качестве противника окажутся более символические, нежели реальные *силы ООН*. Разумеется, риск был. И достаточно большой. Но в конечном счете заплатить за проигрыш должна была КНДР. А СССР был в общем-то к корейской войне мало причастен — во всяком случае формально, де-юре. Так оно в конечном счете и произошло. Стоит лишь добавить, что итог пробы сил зафиксировал факт, не вызывавший особых сомнений и до войны. Он в том, что противостоящие друг другу коалиции находились в начале 50-х гг. в примерно равном положении, что и было закреплено мирным договором, подписанным после смерти советского вождя. Договор снял крайнюю степень напряженности в отношениях противостоящих сторон и тем самым открыл путь к политике их *мирного сосуществования*, которую стали после смерти вождя проводить его преемники.

Глава тридцатая. ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРА ВНЕ ЗАПАДА

Теперь обратим внимание на мир колониальных стран, прежде всего тех, что в той либо иной степени в годы мировой войны подверглись успешному натиску со стороны Японии. Вопрос, подводящий к проблеме деколонизации как к важнейшему и чреватому колоссальными переменами во многих отношениях сдвигу в истории, заслуживает серьезного анализа. Сложность проблемы вне всяких сомнений. Важно учесть все ее стороны, не пренебрегая и второстепенными нюансами, дабы картина деколонизации в целом была бы полностью и адекватно оценена. А для этого существенно иметь в виду не только весь контекст связанных с этим событий (ему уделяют должное внимание многие сотни специальных серьезных исследований), но и сам достаточно длительный процесс, и те факторы, что активно способствовали ему на протяжении не только XX столе-

тия, но и в более раннее время. Кое о чем в этой связи уже шла речь в третьей части тома. Но так как теоретическому анализу связанной с этим проблематики там не было уделено достаточно внимания, необходимо сделать это сейчас.

Буржуазные преобразования во всем мире — сначала в западном, затем в остальном — сводились к резкому качественному перевороту в экономике, науке и технике, а также к постоянному ускорению темпов индустриального роста. Этот рост, олицетворявший весь процесс радикальных перемен, *буржуазный промышленный переворот*, влек за собой очень многое. За примерно полтора столетия в отдельных очень немногих странах, прежде всего в Англии, в меньшей степени в Голландии, процесс начался раньше и соответственно продлился дольше, дав старт модернизации в целом еще несколько раньше, он решительно изменил мир. Прежде всего это коснулось стран Запада, особенно той его части, которая активно содействовала буржуа и связанным с ними преобразованиям, что было в реальности — например, в США, а после революции во Франции почти во всей континентальной Европе, кроме разве что России, — подкреплено восходящими к античной древности идейными установками и вытекавшими из них важными институциональными преобразованиями, которые опять-таки соответствовали антично-буржуазному либерально-демократическому стандарту. Примерно то же самое происходило и в тех странах, где большинство населения составляли европейцы (это прежде всего колонии первого типа, т.е. доминионы Англии). Однако не следует забывать и о тех регионах, в частности, о Латинской Америке, где после очень ранней деколонизации идеи и институты антично-буржуазной структуры воспринимались медленно и не слишком охотно, к тому же часто обретая несовершенный и непрочный характер.

Очень важно, однако, учесть и то, что параллельно с этим в XX в. в отдельных странах наряду с энергичным промышленным ростом эти идеи и институты стали решительно, в принципе, отрицаться, как то было в СССР. Либо, как то было в ряде стран тоталитаризма правого толка, в значительной степени в реальности отвергались. И стоит заметить, отторжение институтов буржуазно-демократической структуры означало сближение с институтами, которые извечно были свойственны структуре власти-собственности с ее неуважением к частной собственности, непризнанием незнакомых ей прав и свобод человека, склонностью к диктатуре и произволу носителей власти. А это значит, что в лице тоталитарных режимов правого и левого толка, оживших и обретших немалую силу в первой

половине XX в., мы сталкиваемся со своеобразной попыткой реванша в новых условиях. Во всяком случае с решительным противодействием определенных социальных сил тому новому, что принесли с собой всему миру институты буржуазного общества в том их виде, в котором они сложились в XIX столетии. В чем же дело? Что не подходило определенным — как правило, наиболее отсталым — слоям обществ, причем довольно разных по уровню развития и религиозно-культурным традициям, которые в XX в. оказались склонными либо были вынуждены поддержать, а то и укрепить структуру власти-собственности со свойственной ей привычкой к диктатуре и произволу власти? Вопрос этот необычайно важен и потому заслуживает самого пристального внимания. Это необходимо еще и потому, что общества подобного типа не исчезли вовсе и поныне. И уже одно это заслуживает самого серьезного анализа. Однако теоретический анализ, о котором идет речь, не может быть ограничен только проблемой реализации в XX в. новаций, связанных с энергичной буржуазной модернизацией, наиболее наглядно проявившейся за столетие до того. Он неизбежно уходит в глубь веков, ибо только так можно понять все то, что характерно для особенностей современной модернизации и вестернизации.

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВ

Обратимся к сути проблемы. Человечество, как и жизнь вообще, да и мир неживого развивается по великому принципу, наиболее точно и четко сформулированному в свое время А. Тойнби. Речь о вызове и ответе на него (*challenge and response*). Суть этой плодотворной идеи в более развернутом и предлагаемом здесь виде в том, что некий **вызов** настоятельно требует дать на него **ответ**. В процессе эволюции животного мира ответ проявляется в виде открытого Ч. Дарвином естественного отбора, тесно сочетающегося с борьбой за существование. В обществе ситуация несколько иная, хотя близость ее к тому, что имело место на протяжении миллионов лет, задолго до появления сапиентных людей, давно уже была отмечена в науке и даже получила свое наименование (*социальный дарвинизм*). Можно добавить к сказанному, что и более ранние космологические процессы, связанные с образованием солнечной системы и с историей нашей планеты, тоже подчинялись такому же вызову. Вот почему необходимо обратить внимание на сущность явления.

Что такое этот мистический вызов? Не более чем настоятельный призыв, некое почти постоянное требование продолжать эволюцию,

энергично и настойчиво двигаться. Куда и зачем? Если кратко отвечать на вопрос, ответ будет крайне жестким и бескомпромиссным: **ради всего сущего для его существования, а для живых с целью их выживания.** Жизнь это движение, нет движения — энтропия, смерть. Иными словами **Нечто** — назовем это Природой — бросает некий **Вызов.** А объект вызова, неживые субстанции, живые существа и социальные структуры, призваны дать на него ответ. Вызов может быть и, как правило, являет собой что-то крайне неясное, слабо ощутимое, совсем не обязательно и отнюдь не всеми, к чему и к кому он обращен, воспринимаемое. Материально он вовсе не существует. Но, тем не менее, — пусть не воспримут это как некий мистический постулат — реально он все же есть. Во всяком случае, бывает практически всегда и постоянно. И он не только есть. Самое существенное в том, что он настоятельно требует Ответа. А более конкретно — активности от всего того и всех тех, что и кто в состоянии его воспринять. Постоянной и длительной активности. Вызов зовет. Куда, снова спросите вы. **Вперед. От старого к новому. От прошлого к неведомому пока будущему.**

Что очень важно при этом иметь в виду: далеко не всё и не все в состоянии понять либо осознать суть этого вызова, а также, что наиболее существенно, дать на него адекватный ответ. **Одни,** в силу наиблагоприятнейшего стечения обстоятельств и удачных случайностей (включая мутаци, в том числе нечто вроде них в обществе — социополитическая мутация типа античности) и имея необходимые потенции, могут дать адекватный ответ. **Другие,** лишенные таких потенций, самостоятельно сделать это по различным причинам не в состоянии. **Третьи,** кто не может или не хочет ни уловить вызов, ни дать на него ответ, оказываются в положении аутсайдеров, а то и сходят со сцены. Насколько известно, всерьез эта проблема еще не разрабатывалась (при всем том, что словосочетания типа, скажем, *вызовы XXI в.* можно встретить сегодня достаточно часто). Но можно предложить свое понимание проблемы. Суть его в том, что **вызовы, о которых пойдет речь, — это серия сигналов, обеспечивших последовательные этапы в процессе эволюции человечества, от истоков антропогенеза до современности.** Оставляя в стороне все прочие этапы, о которых подробно сказано в других моих работах, обращу внимание на то, что античная модернизация была ответом на очередной вызов, который, как можно полагать, был сделан людям после формирования в Западной Европе на базе античной римской традиции городов нового, отличного от восточных типа, с самоуправлением и гражданским обществом предбуржуазного характера. Эти города стали фундаментом широкомасштабной буржуазной модернизации,

приведшей вне Запада к вестернизации всего колониального мира. Это и была та самая модернизация, причем весьма радикальная, которая, ответив, наконец, на вызов, решительно изменила мир. Начиная по меньшей мере с XVIII и особенно сильно в XIX в., она стала символом триумфа западной буржуазии в Европе, США и британских доминионах (Канада, Австралия, Новая Зеландия, в меньшей степени и с необходимыми оговорками — ЮАР). **И если поставить вопрос, что способствовало и/или препятствовало буржуазным преобразованиям, то ответ будет элементарно прост: только наличие либо отсутствие условий для существования буржуазии. На Западе, где господствовали античные традиции, эти условия были. Во всем остальном мире, включая и Россию, их не было.**

СПЕЦИФИКА ВЕСТЕРНИЗАЦИИ

Вестернизация была, как правило, длительным и весьма болезненным процессом для туземного населения. Она протекала в большинстве случаев очень трудно из-за того, что восточная структура власти-собственности в принципе не могла породить способную к воспроизводству буржуазию. Эта структура была против свободы частных собственников и неконтролируемого государством рынка. Соответствующим образом был веками воспитан в ней и социум. Поэтому страны, не имевшие отношения к античному наследию и к буржуазному Западу, были не в силах сами стать буржуазными, т.е. гарантировать возможность превращения дохода в капитал, приносящий собственнику защищенные законом проценты. Они оказались перед необходимостью заимствовать чуждые им реалии. Естественно, что подобный процесс шел туго и требовал немалого времени. Результаты стали проявляться в основном лишь во второй половине XIX в. Главное, что оказалось характерным практически для всех, кто был вынужден и склонен идти на добровольное заимствование, следует считать со временем изменявшийся и долго бывший тормозом для описываемого процесса баланс между **сопротивлением** и **вынужденным приспособлением**. Это следует считать **первой важной особенностью, спецификой вестернизации.**

Второе, что отличает вестернизацию, — крайне замедленные темпы привыкания к новациям и восприятия их. Мало того, даже когда и если вестернизация становилась реальным фактом и воспринималась обществом, на что обычно уходило много поколений, создание ситуации, при которой хотя бы немногие отдельные представители туземного населения могли достичь уровня креативной мощи передовой

элиты обществ западного типа, шло — и идет в наши дни — очень медленно. Этому препятствуют многие причины, начиная с недостаточности необходимой и дорогостоящей научной инфраструктуры, отсутствия собственной высококультурной традиции, учебных заведений, уходящих в далекое прошлое устойчивых научных школ и т.п. Если мигрант попадает в гущу развитой научной культуры, он — в строгом соответствии с заложенными в нем способностями — может достичь немалого. Но после этого он, как правило, становится неотъемлемой частью школы и страны, в которой всего достиг и чем-то прославился. А его родная страна может лишь гордиться тем, что он родился в ней. Но и для всего этого необходимы благоприятные исходные условия.

Одно из них — политика метрополии, предпринимавшей меры для того, чтобы радикально изменить столь отличную от западной антично-буржуазной восточную структуру власти-собственности в колонии. Или аналогичные усилия должны были прилагать власти отставших от Запада стран. Это достигалось в ходе многочисленных реформ, направленных на создание и укрепление буржуазной частной собственности и свободного рынка, а также в содействующем этому введении западных правовых норм и институтов, включая изменение самого характера администрации (избранные — вначале, как правило, частично — законодательные собрания, политические партии, гражданские свободы и многое другое, тесно со всем этим связанное). Иными словами, успешная модернизация в форме вестернизации предполагала характерное для буржуазного Запада непременное сочетание **индустриально-инфраструктурных преобразований** с **идейно-институциональными**. Если этот фактор — политика метрополии или местного государства — активно включался и тем более последовательно реализовывался, результат оказывался много более позитивным, нежели в противоположном случае.

Другое условие — религиозно-культурная традиция общества, с которым в данной колонии имела дело та либо иная из западных метрополий. Даже не столько сама традиция, сколько ее идейно-институциональная система ценностей, степень толерантности и соответственно готовности внимать тому, что настойчиво предлагалось колонизаторами, стоявшими вне норм данной традиции.

Третье — уровень развития или, точнее, степень отсталости данного общества.

Очень важно принимать во внимание действие всех трех означенных факторов, ибо от этого обычно зависели и конечный результат, и темпы его достижения. При этом **гармоничное сочетание** целенаправленного длительного влияния метрополии в сочетании с высо-

кой степенью толерантности религиозной традиции при достаточно заметном уровне развития туземного общества **могло привести** к наиболее **ощутимым результатам**. Но такое гармоничное сочетание обычно не рождалось само по себе, ибо, как правило, являлось функцией колониальной политики той западной державы, которая выступала в качестве метрополии. Стало быть, **влияние политики администрации метрополии** было едва ли не решающим в процессе успешной вестернизации. Оно в реальности было намного более ощутимой силой даже тогда, когда религиозно-культурная традиция по определению являлась крайне не толерантной, а система ее ценностей, как то было в случае с исламом, активно противостояла западной. Это в XX веке продемонстрировала история на примере исламских колоний Англии, будь то Египет, Малайя или та часть Индии, которая превратилась в Пакистан и Бангладеш. Быть может, это не навсегда. А в случае с Нигерией (другая степень отсталости) этого было уже недостаточно.

И здесь стоит еще раз особо отметить целеустремленность и точную целенаправленность именно со стороны британской колониальной империи, политика которой вырабатывалась лондонским парламентом и являлась наиболее либерально-демократичной на протяжении последних веков. Далеко не любая колониальная империя, даже имея развитую систему либеральной демократии, но обретя ее в качестве тщательно разработанной основы многопартийно-парламентского режима значительно позже Англии, проводила политику демократизации и либерализации администрации своих колоний столь же целенаправленно успешно, что и Великобритания. У Франции и Голландии успехи в этом смысле — имеются в виду прежде всего Индокитай и Индонезия — были менее заметными. В случае с французской колониальной администрацией объяснением может служить сравнительно небольшой срок колониального господства. В случае с голландской, как следует полагать, — опоздание с началом энергичной реализации подобной политики, которая в силу перипетий (наполеоновские войны и потеря колоний) началась лишь во второй половине XIX в.

Существовали и длительное время играли важную роль и некоторые иные особенности модернизации в модификации вестернизации. Они касаются стран, не превратившихся в колонии, но лишь оказавшихся в той либо иной степени зависимости от Запада, что было характерным, в частности, для таких крупных империй, как Китай (в несколько меньшей зависимости была Османская империя). Для них, как, впрочем, и для немногих остававшихся независимыми от Запада государств Евразии, какими были Япония и Россия, были наиболее характерны те особенности, о которых уже упоминалось. Суть их сводилась к яв-

ному предпочтению заимствования всего того, что было тесно связано с индустриально-инфраструктурными преобразованиями, при пренебрежении по отношению к идейно-институциональным новациям (права и свободы, нормы демократии и ограниченность контролируемой народом власти и т.п.). Речь идет о заметно избирательном характере и соответствующей направленности индустриального развития. Или, если говорить без обиняков, о явственно выраженном стремлении обойтись **частичной модернизацией**.

Что практически это значило? История убедительно свидетельствует о том, что в большом числе случаев те либо иные страны вне Запада, включая Японию (вплоть до ее поражения во Второй мировой войне) и Россию, с совершенно недвусмысленными целями выбирали путь частичной модернизации и демонстрировали осознанное стремление обойтись лишь заимствованием техники и технологии с тем, чтобы создать современную промышленность и инфраструктуры. Им казалось — и для этого были вполне определенные основания, — что этой стороны буржуазных преобразований будет достаточно для решения национальных задач. В какой-то мере, особенно на начальном этапе вестернизации, такая политика себя, по меньшей мере частично, оправдывала. Но не более того.

Ведь для нормального функционирования общества, вступавшего на путь вестернизации, было необходимо заимствовать кое-что из буржуазных преобразований идейно-институционального характера, в основном тех, которые оказывались неразрывно связанными с текущими потребностями индустриализации как таковой и потому оказывались жизненно важными. Дело в том, что численно резко возраставшее городское население нуждалось в современного типа жилищах, во все возраставшем количестве услуг, в налаженной системе охраны здоровья, включая санитарию и гигиену. Труженики, постоянно имевшие дело со все усложнявшимися механизмами и машинами, должны быть грамотными и достаточно квалифицированными, для чего требовалось наладить систему образования, причем не только начального. Для развития производства требовались усилия в области техники и технологии, науки, что вело к созданию необходимых для этого институтов. Не лишними были и разнообразные учреждения культуры. Как следовало быть со всеми этими требованиями, если признать, что по меньшей мере часть их была связана не столько с заимствованием идейно-институционального фундамента буржуазной модернизации, сколько с созданием желанной инфраструктуры?

Практика показывает, что в связи с такими вынужденными новациями, имевшими отношение к процессу вестернизации, вступавшие

на путь преобразования страны вне Запада — включая и Россию — вынуждены были так либо иначе, но все же заимствовать не одни только индустриально-инфраструктурные, но и по меньшей мере некоторые из тесно связанных с ними идейно-институциональных буржуазных преобразований. Некоторые — но отнюдь не все. И здесь снова следует вернуться к проблеме лишь **частичной модернизации в варианте вестернизации**. Ведь всё в итоге сводилось к тому, что в стороне оставались те важнейшие элементы идейно-институциональной стороны буржуазной модернизации (речь о демократии, т.е. о правах и свободах человека, о парламентарно-многопартийной системе регулярно переизбираемой власти, о строго оговоренной реально действующей — а не фиктивной — конституции и т.п.), которые принципиально были наиболее важными для успешного завершения процесса вестернизации в целом. Как правило, еще в конце XIX и часто в XX в. это встречалось там, где государства стойко придерживались привычной и устоявшейся структуры власти-собственности и не желали ее отвергать. Более того, если взять советскую Россию, которая твердо ориентировалась на марксистскую утопию (позже в этом направлении пошли было и иные страны, начиная с Китая), то в ней сыграли свою роль и привычная структура, принципиально отвергавшая основные буржуазные идеи и институты.

Особо следует упомянуть о буржуазного типа частной собственности, этом залоге всех успешных преобразований в их полноценном виде. Марксизм, как хорошо известно, в принципе был против буржуа и их собственности. Но именно такого типа частичная вестернизация, оставлявшая в стороне важнейшие основы буржуазных идейно-институциональных принципов, чаще всего вела к появлению тоталитарных режимов левого толка, которые оказались обреченными. Иными словами, **частичная модернизация** с настойчиво-нарочитым противопоставлением индустриально-инфраструктурных преобразований сознательно отвергнутым важнейшим из числа идейно-институциональных, **не может считаться адекватным ответом на вызов эпохи**. И все те, кто еще склонен на это рассчитывать, рассуждая об особом пути развития той либо другой страны, должны это учитывать. Дело не идет — а чаще всего ситуация именно такова — именно потому, что такие рассуждения все еще не развенчаны.

РЕАЛИИ ВЕСТЕРНИЗАЦИИ

Однако, несмотря на все очень существенные пороки, вестернизация — даже в ее частичной форме — была, пусть не стопроцентно

адекватным, но ответом (стремлением ответить) на вызов, звавший к модернизации. При этом важно подчеркнуть, что общее движение в сторону как полноценной буржуазной модернизации на Западе, так и специфически реализовывавшейся в различной форме и неодинаковом объеме вне Запада, объективно было чрезвычайно значимым и знаковым явлением всемирно-исторического значения. Важность его в том, что ситуация с этим вызовом породила в съеживавшемся благодаря новациям успешной модернизации понемногу глобализовывавшемся мире новые проблемы. Они были связаны как с необходимостью прокормить невероятными темпами возраставшее население планеты, так и с тем, что не везде это получалось. В ходе радикальных преобразований во всех уголках планеты возник принципиальный вопрос, **все ли страны и народы в принципе могут с успехом пройти через процесс вестернизации и оказаться если и не стопроцентно идентичными с буржуазно-либеральным Западом, то во всяком случае близкими к нему и таким образом дать ответ на сделанный миру еще перед возникновением античности важнейший вызов**.

На этот вопрос следует — вопреки многочисленным сомнениям и попыткам отстоять право на собственный (не вполне ясно, какой именно) ответ — твердо заметить, что вообще **могут все**. Во всяком случае все те, кто оказался в сфере досягаемости современного буржуазного общества, вплоть до австралийских аборигенов или эскимосов, особенно **если речь идет об отдельных индивидах, оказавшихся с юных лет волею судеб в чуждом им развитом обществе**. Историческая практика сегодняшнего дня, во многом проявившая себя уже в середине XX столетия, свидетельствует, что дело обстоит именно так. Но если речь заходит о сколько-нибудь значительном коллективе *своих*, оказавшихся на чужбине, но тесно сплоченно существующих вместе, ситуация сразу же изменяется, причем очень решительно. Кое-что, безусловно, заимствуется. Но **менее всего воспринимается** как раз то, что следует считать фундаментом успешной эволюции, т.е. **вся система социопсихологически чуждых обществам восточного типа идей и институтов Запада**. Поэтому-то вся гигантская и постоянно разбухающая *мировая деревня* продолжает оставаться за пределами современного мирового созданного на буржуазном Западе стандарта постиндустриальной цивилизации. Это касается и тех, вроде многих в мире ислама, кто по принципиальным соображениям не желает либо в силу обстоятельств оказался в стороне от некоторых основных институтов буржуазной модернизации и длительное время отстаивает и продолжает отстаивать право на обусловленный религиозно-цивилизационной традицией, несовместимой с институтами Запада собственный вариант пути развития.

Речь как о возможностях, так и о желании. И характерно, что даже при вроде бы явно выраженном нежелании воспринимать буржуазные и тем более либерально-демократические новации Запада бедуины из числа исламских фундаменталистов-ваххабитов где-нибудь в песках Аравии постепенно приучались пользоваться многими из весьма полезных для всех — в том числе и для них — новаций индустриально-инфраструктурного типа, которые как раз с середины XX в. благодаря неисчислимому потоку нефтедолларов неслыханно всех их обогатили. Но при этом лишь осторожно и частично заимствуются кое-какие идейно-институциональные преобразования буржуазной модернизации.

Можно в качестве примера напомнить об адаптации не желающих смешиваться со всеми остальными американцами североамериканских индейцев в их весьма неплохо устроенных и обеспеченных всем необходимым резервациях. Не стоит забывать и о потомках австралийских аборигенов, которые все чаще выглядят с экранов западного телевидения хорошо одетыми и явно не очень плохо благоустроенными, не говоря уже об их прекрасном владении английским. И хотя те и другие подчас выражают свое недовольство (как известно, из-за этого современные США и Австралия даже принесли официальные извинения), процесс успешной их вестернизации, пусть даже частичной, говорит сам за себя. Но здесь нужна очень существенная оговорка. Одно дело, когда речь заходит, к примеру, об эскимосах на освоенных Западом районах Аляски или Канады и совсем другое, когда имеются в виду их соплеменники на крайнем севере Евразии. И даже если оставить в покое эскимосов и обратить внимание на народы, живущие в другой экстремальной климатической зоне, к примеру в африканских тропиках, то окажется, что далеко не все из них вообще знают — хотя и смотрят телевизионные передачи, — что такое права и свободы в современном мире. Нечто в этом роде, однако, относится к мировой деревне или к ее традициям и в других странах, в том числе и в нашей, где немало тех, кто следует принципам патерналистских взаимоотношений с властью, воспитанных веками крепостного рабства.

При всем том, однако, на давно уже, два с лишним тысячелетия назад, сделанный природой вызов модернизации, воспринятый и реализовывавшийся античностью, мир в целом дал вполне адекватный ответ. И этой адекватности — если иметь в виду не исключения, а правило — не помешало то обстоятельство, что не всюду, во всяком случае к середине XX столетия, вестернизация была полноценной, стопроцентной. Сыграло ли это обстоятельство свою негативную роль?

Безусловно. Существенно принять во внимание, что нежелание и неумение дать адекватный ответ на вызов — как и, к примеру, нежелание и неумение школьника учиться — неизбежно приводит со временем к печальным, а то и к драматическим последствиям. Это стоит учесть, имея в то же время в виду, что процесс аккультурации и усвоения стандартов развитого Запада люди из разных стран, неодинакового уровня развития и цивилизационных религиозно-культурных традиций проходят по-своему. Для этого требуются в разных случаях различные усилия. Этому могут препятствовать неодинаковые, но порой очень важные, иногда едва и совсем не до конца преодолеваемые обстоятельства. И это сказывается как на процессе адаптации, так и на его темпах и итоговых результатах, что опять-таки хорошо заметно и может поэтому считаться бесспорным.

Можно сказать в заключение, что мир вне Запада, если воспринимать его в целом и к тому же учитывать, что численно он неудержимо растет, особенно при сопоставлении его с западными обществами, являет собой далеко еще не познанную и весьма своеобразную, как принято говорить в среде философов, **вещь в себе**. Причем не одну какую-то грандиозную, но скорее совокупность нескольких, если даже не многих таких разных вещей. Мир этот особый, отличный от западного и, несмотря ни на что, все-таки почти везде понемногу развивающийся, трансформирующийся. Вопрос лишь в том, какова эта трансформация, насколько она в целом вписывается в эволюционный путь современного Запада. И если, что скорее всего, окажется, что не только темпы, но и направление эволюции неодинаковы, то к чему это может привести? Вопрос очень не простой, а от ответа на него, как и от возможных коррекций пути, многое зависит. Кое-что в этом смысле проясняет материал следующей главы, чуть выходящий за пределы середины XX столетия.

Глава тридцать первая. МИР ВНЕ ЗАПАДА: ОТ ВЕСТЕРНИЗАЦИИ К ДЕКОЛОНИЗАЦИИ

Переходя к следующей теме, очень важной для последовательного изложения и понимания событий середины XX в., обратим внимание на связь между обозначенными в заголовке процессами. Принято считать, что широкомасштабная деколонизация была результатом Второй мировой войны и, в частности, поражения в ней Японии, успевшей в ходе этой войны аннексировать несколько стран Юго-Восточной и Восточной Азии, которые до того были колониями Англии, Франции и Голландии. И для такой исходной позиции

есть веские основания. Ведь именно эти колонии, освобожденные от опеки своих колонизаторов, обрели в результате агрессивного натиска японцев не то чтобы свободу, но некую надежду на освобождение и политическую независимость.

Более того, именно эта надежда, позволившая активным политическим партиям и движениям занять более или менее прочные политические позиции в своих странах (в частности, пытаясь лавировать между вчерашними и нынешними их властителями), была с успехом реализована сразу же после поражения Японии. Все это не вызывает сомнений. Вопрос лишь в том, следует ли считать военно-политическую ситуацию, о которой идет речь, основной, главной и тем более единственной причиной начавшейся в середине XX в. в мире вне Запада массовой деколонизации. Или все-таки причиной было нечто другое, тогда как война и поражение Японии оказались лишь очень удобным поводом для того, чтобы пружины давно уже близившегося к завершению процесса деколонизации заработали в одном из очень важных регионов, юговосточноазиатско-дальневосточном, во всю свою силу.

Достаточно поставить вопрос таким образом, чтобы стало совершенно очевидно, что речь должна идти даже не о соотношении во времени итогов модернизации в форме вестернизации и энергично начавшейся во всем мире, а отнюдь не только в Восточной и Юго-Восточной Азии, включая и Дальний Восток, широкомасштабной деколонизации. Вся суть проблемы в том, какую роль вестернизация в целом как великий феномен мирового значения сыграла в сложнейшем и принципиально крайне важном для всего человечества процессе деколонизации. И при этом необходимо включить в рассмотрение отнюдь не только тот упомянутый уже регион, в котором деколонизация началась сразу же после поражения Японии, была вызвана этим поражением и приняла наиболее резкие формы, нередко обретавшие облик вооруженной борьбы, к тому же под кричащими лозунгами азиатской разновидности марксизма. Нужно принять во внимание и все то, что касается Индии, Африки, Ближнего Востока и даже — с необходимыми оговорками — латиноамериканского региона. Ведь весь генеральный процесс деколонизации, за редким исключением в виде Латинской Америки, охватил за исторически кратчайший срок, какие-нибудь пятнадцать–двадцать лет, весь колониальный мир, И это намного лучше, нежели какие-либо другие аргументы, указывает на предпочтительность варианта, который связывает этот процесс именно, во всяком случае прежде всего и главным образом, с вестер-

низацией, тогда как конец Второй мировой войны оказался лишь очень подходящим поводом для его энергичного старта.

Приняв сказанное во внимание, стоит привести те соображения, которые более или менее убедительно подтверждают как справедливость самой постановки проблемы, так и связанную с этим оценку ситуации в послевоенном мире вне Запада в целом. Очертим для начала некоторые исходные позиции, обратив преимущественное внимание на те регионы, которые не имели отношения к активности японцев в годы войны. Имеются в виду прежде всего Латинская Америка, Ближний Восток, включая в него арабскую Северную и Восточную Африку, и Индия. Если взять за основу общее, что было характерно для этих регионов, окажется, что каждый из них сильно изменился за первую половину XX в., причем значительная часть, явное большинство стран, о которых идет речь, стали в эти годы уже не только формально, но и фактически политически самостоятельными государствами. Легче всего проследить это сначала на примере выпадающего из общей нормы латиноамериканского региона, где деколонизация произошла ранее всего и с которого поэтому стоит начать.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

Освободившись от колониальной зависимости еще в первой четверти XIX в., республики этого обширного региона, долгое время находившегося с его преимущественно метисным населением под влиянием так называемого *иберийского католицизма*, развивались медленно и неровно. Но они все же развивались. Процесс модернизации в его модификации вестернизации здесь шел постоянно, что не могло со временем — пусть даже на это ушло столетие–полтора — не сказаться на результатах. Не повторяя то, о чем уже было сказано и не пытаясь останавливаться на многих второстепенных событиях, сконцентрируем внимание на главном. Это главное — движение в сторону овладения всеми теми достижениями, которые несли с собой буржуазные преобразования западного типа, заимствовавшиеся прежде всего у США, но и в немалой степени со стороны европейского Запада, откуда неуклонно шел заметный приток мигрантов.

Влияние со стороны более продвинутых западных стран, которое чаще всего было представлено североамериканским и британским капиталом, делало свое дело. И хотя в разных латиноамериканских странах то и дело можно было встретиться с недовольством ростом влияния иностранного капитала, это никак не мешало тому, что объективно он

способствовал развитию соответствующих стран. Возникало плантационное хозяйство, производилось (в том числе и в *банановых республиках*) все возраставшее количество товарной продукции, увеличивался объем внешней торговли, усложнялась необходимая для этого инфраструктура — строились дороги, порты, складские и различные прочие вспомогательные сооружения, не говоря уже о банках и необходимых для успешного хозяйства страховых и других финансовых учреждениях. Возникали не только плантации. Появлялись и обустраивались города, эта основа модернизации. В середине XX в. горожане составляли почти половину всего бурно растущего населения региона. Естественно, что соответственно увеличивалось, особенно в наиболее развитых странах вроде Аргентины и Уругвая, количество лиц наемного труда. Почти повсюду добивались все большего успеха новые отрасли современной промышленности, в том числе крупное современное производство, добыча нефти и т.п.

Все это накапливалось постепенно и неравномерно. К середине XX в. стали отчетливо лидировать, что легко понять, страны с наиболее благоприятным климатом, удаленные на севере (Мексика) и на юге (Аргентина, Уругвай, Чили, Бразилия) от субтропической зоны с ее преимущественно все еще плантационной экономикой, либо, что касается Бразилии, с обширной территорией. При этом бразильская и мексиканская экономика развивались наиболее быстрыми темпами. Преимуществом Мексики были успешные аграрные реформы, способствовавшие росту частнособственнического товарного хозяйства крестьян, понемногу трансформировавшихся, пусть не повсюду, в кого-то типа фермеров. Бразилия сделала ставку на быстрый рост индустрии, сопровождавшейся ростом городов и энергичной миграцией.

Тем не менее в первой половине XX столетия республики Латинской Америки все еще не отличались стабильностью. Политическая обстановка в большинстве из них продолжала оставаться неустойчивой, а заимствованные идейно-институциональные институты все еще недостаточно прочно укоренившимися. Военные перевороты и самовластие диктаторов были обычной нормой в подавляющем большинстве стран, хотя то и другое, как правило, не было чем-то постоянным, но достаточно часто замещалось конституционными демократическими режимами, сопровождавшимися необходимыми реформами. Спецификой латиноамериканских государств, вызванной к жизни особенностями их неустойчивой социополитической внутренней обстановкой, следует считать обилие маргинальных радикально-экстремистских течений, от движений левых типа анархистов и коммунистов до правых типа не-

мецких нацистов. Правда, слишком большой роли в жизни этих стран ни одно из такого рода течений не играло (время коммунистической Кубы еще не пришло). Но условия для их существования долго сохранялись, что вполне заметно и в наши дни.

Завершая краткий по необходимости обзор насыщенной красноречивыми деталями и экстравагантными событиями истории стран Латинской Америки, важно сделать напрашивающийся итоговый вывод. Суть его безо всяких сомнений сводится к тому, что весь регион пусть медленно, но практически безостановочно двигался вперед. Это движение во всех его важнейших направлениях было, если подводить некий общий знаменатель, достаточно позитивным. Диктат привычных узурпаторов со временем все более ощутимо ограничивался в пользу конституционных, пусть даже не всегда прочных и тем более устоявшихся, но все же в основе своей безусловно либерально-демократических буржуазных систем власти. Экономика тоже двигалась вперед уверенными шагами, пусть опять-таки не слишком быстро, но зато неуклонно. Ей сопутствовали определенные и тоже в основе своей вполне позитивные социальные сдвиги, наиболее ощутимые в процветавших городах (так и хочется напомнить о несбывшейся мечте великого комбинатора, страстно желавшего на рубеже 20–30-х гг., покинув нашу страну, достичь Рио-де-Жанейро). Словом, именно модернизация в варианте заимствований у буржуазного Запада, т.е. вестернизации, постепенно, на протяжении не менее одного–двух веков, трансформировала этот обширный регион. Она превращала одну из наиболее сложных по ее исторической судьбе частей колониального мира не только в деколонизованный, но и в постепенно достигавший все более заметных успехов южноамериканский субконтинент. В середине XX в. это было еще не слишком заметно. Сегодня — вне всяких сомнений. Но важно, что уже к тому времени, когда завершилась Вторая мировая война и начался более обширный процесс деколонизации, латиноамериканцы легко вписались в него, внеся свой немалый вклад. И это было осуществлено безо всякого существенного влияния на них войны и тем более крушения Японии. Видимо, немалую роль во всем этом сыграла, помимо прочего, еще и религиозно-цивилизационная традиция, столь родственная в своей иберийско-католической основе буржуазному Западу.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Несколько иначе, со своими специфическими особенностями, шел сходный процесс в еще одном крупнейшем региона мира вне Запада. Речь о восходящих к глубочайшей древности странах Ближне-

го Востока. Сначала многие из них находились в составе Османской империи или были в зависимости от нее. После Первой мировой войны империя рухнула. Разные ближневосточные страны стали подмандатными территориями Англии и Франции (часть их и до того была в числе колоний либо зависимых от тех же западных держав). В целом речь идет о различных по уровню развития государствах, среди которых лидировали такие, как Египет или Алжир, в меньшей степени Иран. Особо можно вести речь о Турции и странах Аравии, включая Левант и Ирак, а также о ряде сравнительно отсталых арабских странах Африки, будь то Магриб или восточное побережье континента. Но главное, что давно уже объединяет весь этот турко-арабо-персидский мир Ближнего Востока — это религия, ислам, как прежде всего ортодоксальный суннитский, так и оппозиционный ему шиитский.

Мир ислама, о чем уже шла речь, всегда наиболее жестко противостоял как западным либерально-демократическим идейно-институциональным принципам, так и всей системе духовных ценностей христианской традиции. Вообще-то это не помешало европейцам, особенно англичанам с их завидным терпением и настойчивостью, но также и французам обрести прочные позиции в ряде мусульманских государств, прежде всего в Египте, Алжире, Тунисе, Марокко либо в Леванте и даже в Аравии, включая Ирак, и Иране. Не вдаваясь опять-таки во второстепенные подробности, о которых к тому же частично уже шла речь, скажем о самом главном. В том, что касается ближневосточного региона, оно сводится к тому, что скорее и больше в результате Первой мировой войны, чем Второй, страны этой части восточного мира осуществили энергичную трансформацию, сводившуюся к вестернизации. Наиболее ощутимой она была в Турции времен К. Ататюрка, в Египте, в Алжире и некоторых соседних с ним странах Магриба с их европейскими колонистами и, как то ни покажется странным с позиций сегодняшнего дня, в шахском шиитском Иране с его нефтью. Вторая мировая война внесла, конечно, свой весомый вклад в этот важный и весьма позитивный процесс. Но главное — это то немаловажное обстоятельство, что не обе мировые войны стимулировали процесс деколонизации стран этого региона.

Конечно, они сыграли в этом свою роль. Но главное было все же в том, что и Турция (несмотря на ее поражение в Первой войне), и Иран под властью энергичного Реза-шаха, и Египет, и Алжир, и даже Ирак с Сирией за два коротких десятилетия между войнами сделали огромный шаг вперед по пути вестернизации и именно этим заложили

основу своей политической независимости. Разумеется, далеко не все при этом обстояло просто. Сложности были и с аравийскими арабами, включая Саудовскую Аравию, Ирак, Сирию, Иорданию и особенно Палестину, и с магрибинскими, и тем более с восточноафриканскими. Многое решалось и обретало свой окончательный вид не сразу. И вообще здесь, в обширном и раскинувшемся на разных континентах ближневосточном регионе, процесс деколонизации был необычайно размыт. Определенную, хотя и сравнительно небольшую роль сыграли здесь события, связанные со Второй мировой войной. Но в общем и целом для этого огромного региона была характерной постепенная эволюция, медленное движение в сторону деколонизации и обретения политической независимости. Практически для каждой из входящих в регион стран трудно провести четкую грань между полной и частичной зависимостью. Или между какой-то еще сохранявшейся степенью зависимости и полной политической самостоятельностью. Но в любом случае сам процесс был в очень большой степени связан с ощутимыми индустриально-инфраструктурными преобразованиями, а в ряде случаев — особо заметно в Турции и в Египте, но также в некоторых других странах — и с немалыми очень серьезными идейно-институциональными заимствованиями.

Почти везде были приняты конституции, функционировали парламенты, существовали партии, проводились выборы. При этом функции и статус ислама в то время — в первой половине XX столетия — были, на что стоит специально обратить внимание, очень ослаблены. Могло даже показаться, что они надолго, если не навсегда отступили под натиском все той же вестернизации, очень серьезно изменявшей жизнь людей и весь облик ближневосточных стран с их большими по европейскому стандарту построенными городами, с неплохо развитой современной промышленностью, образованием, наукой и культурой в лучшую сторону. И такая оценка была бы и выглядела бы в середине XX в. вполне основательной. Страны Ближнего Востока одна за другой вступали в ООН, многие из них более чем активно сотрудничали с буржуазным Западом. Впрочем, некоторые — хотя в то время еще очень немногие — были склонны сближаться и со станами противоположной, советской коалиции. В любом случае после Второй мировой войны (но отнюдь не в результате этой войны и тем более поражения в ней Японии) они одна за другой решительно порывали со своим колониальным прошлым. И, как правило, не встречали на этом пути преград.

Подводя итоги, снова следует обратить внимание на то, что **причиной деколонизации были успехи колоний в процессе их вестер-**

низации. Вопрос о том, какая из метрополий и в какой мере внесла наибольший вклад в дело преуспевания своих бывших колоний, обретавших с ее помощью и обычно при ее активном содействии облик стран, завершивших успешный процесс модернизации в естественной для них форме вестернизации, — это особая проблема, о которой уже упоминалось. Но необходимо подчеркнуть, что именно этот путь как таковой — вне зависимости от вклада метрополии, но с учетом значимости этого вклада — был в конечном счете основной причиной, приведшей в середине XX в. мир вчерашних колоний к их деколонизации. Без этого колонии деколонизоваться просто не смогли бы. Их было бы некому возглавить. О сложности этого процесса там, где уровень развития был наиболее низким, а период колониального статуса кратким (имеются в виду прежде всего страны Тропической Африки, речь о которых пойдет далее), свидетельствуют непреодолимые порой трудности в этом смысле, которые были — а кое-где остаются и по сей день — очень большими. Это стоит воспринимать как весьма убедительный довод в пользу того, что привычное отношение к колониям как к черной странице в истории буржуазного Запада, будто бы беззастенчиво издевавшегося над разными колониальными народами, по меньшей мере — имея в виду ход истории и проблему адекватного ответа на вызовы Природы — несправедлив. Запад европейских колонизаторов не мешал, а помогал колониям развиваться.

ИНДИЯ

Это едва ли не наиболее убедительно выглядит на примере Индии, той самой, о сложностях управления которой Р. Киплинг говорил как о *бремени белого человека*. Индия — не столько территориально большой, сколько во многих иных отношениях необычный субконтинент. Это огромная по числу жителей колония, океан трудных для колонизаторов проблем, широкое поле для поиска нужных решений, неизменная гордость и бесценная жемчужина британской короны. О ней выше было немало сказано. Теперь время для нескольких итоговых выводов. Снова самый главный среди них сводится к тому, что **англичане вполне осознанно и довольно долго делали все, что в их силах, дабы превратить эту колонию в образцовую витрину буржуазного либерально-демократического общества**. Насколько можно понять, именно к этому сводилось то нелегкое *бремя белого человека*, о котором только что было упомянуто. И как о том свидетельствует история середины XX в., англичане нашли в себе

силы отказаться от этого бремени сразу же после Второй мировой войны, причем не потому, что эта война, тем более Япония как оккупационная держава, внесла в их позицию что-то принципиально новое, но потому, что после окончания ее, не будучи обремененными серьезными угрожающими существованию Великобритании проблемами, они сочли, что время для этого наступило.

Почему случилось именно так? Для начала можно напомнить, что заботливо пестуемый англичанами — хотя и постоянно вступавший с ними в споры и порой выдвигавший дерзкие претензии — Индийский национальный конгресс требовал независимости чуть ли не с начала века и что метрополия, принимая во внимание весь ход событий, связанных как с вестернизацией Индии, так и с участием ее в войне на стороне союзников, еще в 1940 г. обещала ей после войны статус доминиона (стоит напомнить, что это вполне высокий статус, который по сей день имеют Канада и Австралия, да и не только они). О том, что Британская Индия всегда являла собой объект если и не особой заботы, то в любом случае пристального внимания, говорить не приходится. Нет смысла напоминать и о том, сколь решительно после восстания сипаев в середине XIX в. Англия изменила в лучшую сторону свое отношение к этой стране, взяв решительный курс на подготовку этой тогда уже вставшей на путь вестернизации страны к политической независимости.

Но обратимся вкратце к историческим реалиям, свидетельствующим об этом. Уже в начале XIX в. всерьез озабоченные проблемой будущего независимой Индии и принимая во внимание существование в этой огромной многонаселенной стране значительного исламского меньшинства, которое категорически не вписывалось в религиозно-культурные традиции кастовой Индии и, более того, претендовало на ведущую роль в управлении империей, англичане предприняли ряд мер. Важнейшей среди них было возникновение — в противовес Национальному конгрессу — Мусульманской лиги, партии, энергично набиравшей влияние в стране. И хотя далеко не всегда интересы обеих самых заметных партий расходились, они вполне недвусмысленно выражали интересы принципиально разных — не столько в этноязыковом, сколько в религиозно-культурном плане, — частей населения субконтинента. Вся дальнейшая политика колониальных властей сводилась к тому, чтобы поддерживать определенный баланс между реально существующими политическими группами, имея в виду будущее страны (но вовсе не желая вбить клин между ними, о чем с легкостью и часто писали в отечественном востоковедении). В 20-х и начале 30-х гг., как упоминалось, в Индии и в Лондоне долго

и основательно обсуждался проект будущей конституции. А в конце 30-х гг. на основе этой не вполне одобренной в стране конституции были проведены первые общенациональные выборы. В результате в восьми провинциях из 11 были созданы правительства во главе с лидерами Конгресса, а в остальных трех — Мусульманской лиги. Выборы же в общеиндийский парламент, стоит опять-таки напомнить, просто не успели провести из-за начавшейся мировой войны.

В годы войны Индия последовательно и достаточно активно принимала участие в боевых действиях на стороне союзников, причем именно в эти годы Мусульманская лига решительно поставила вопрос о разделе Индии после войны. Все эти детали повторяются только ради того, чтобы убедить читателя — если он сомневается — в том, что к процессу предоставления крупнейшей своей колонии политической независимости Англия готовилась долго и основательно, учитывая при этом все сложности деколонизации. Очень важно при этом принять во внимание, что обе основные политические силы к этому учету практически почти не имели отношения. Каждая из них отражала собственные интересы и без церемоний, что называется, тянула одеяло на себя. А на долю колонизаторов, весьма озабоченных тем, чтобы не потерять после столь сложного болезненного процесса, каким деколонизация обещала стать, своего влияния, выпадало искать компромисс. В конце концов правительство К. Эттли в 1946 г. предоставило Индии, как и было обещано, статус доминиона. На общеиндийских выборах по двум куриям Конгресс получил 930 мест, Лига 497. И хотя большинство было за Конгрессом и вице-король Индии, следуя английской либерально-демократической традиции, поручил представителю большинства Д. Неру сформировать правительство бывшей колонии, ситуация в стране начала выходить из-под контроля. Лига не признала результаты выборов и отказалась войти в правительство. В стране сразу же начались индо-мусульманские столкновения, имевшие явно выраженную тенденцию к обострению. За исторически кратчайший срок они превратились в нечто вроде гражданской войны по религиозным мотивам — одной из наиболее страшных разновидностей из числа возможных ее форм.

Англичанам не оставалось ничего другого, кроме как принять вариант, предложенный Лигой несколькими годами раньше. В 1947 г. последний вице-король Индии лорд Л. Маунтбеттен предложил разделить субконтинент на два доминиона, Индийский союз и Пакистан. В августе того же года британский парламент принял соответствующий закон. Согласно закону субконтинент, учитывая состав преобладающего населения, делился на три части. Северо-восток и северо-запад, включая устье Ганга с перенаселенной Бенгалией, отходили к Паки-

стану. Остальная и основная его территория — к Индии. При этом княжествам, а их, стоит напомнить, всегда было около 600, предоставили право самим решать вопрос о присоединении к тому либо иному доминиону (или даже сохранить свой прежний статус в отношениях с Англией).

Территориально-политический передел бывшей Британской Индии, в основе которого лежал религиозный принцип, дорого обошелся стране. Многие миллионы людей вынуждены были сниматься с родных мест и искать новые. По некоторым подсчетам, перемещение, сопровождавшееся вооруженными столкновениями, обошлось примерно в полмиллиона жизней. Что касается княжеств, то они, как правило, принимали решение влиться в то государство, на территории которого были расположены. Правители наиболее крупных из них нередко становились губернаторами заново создававшихся штатов. Сложности возникли с крупнейшим из княжеств, Хайдарабадом, правитель-низам и немалая часть населения которого были мусульманами (само княжество располагалось в сердцевине территории Индийского союза). В конечном счете в сентябре 1948 г. Индия ввела в это княжество свои войска.

Другая серьезная проблема возникла на северо-западе, в районе еще одного большого княжества, Кашмира. Его махараджа в октябре 1947 г. обратился к Индии с просьбой о вхождении в ее состав. Но мусульманская часть населения княжества была резко против этого, что спровоцировало в ответ на обращение махараджи ввод войск Пакистана в северо-западную часть Кашмира. Проблемой был вынужден заняться Совет безопасности ООН, создавший комиссию, которая установила линию прекращения огня, что привело в конечном счете к разделу княжества. Примерно две его трети остались за Индией в составе штата Джамму и Кашмир. А оставшаяся в составе Пакистана северо-западная его часть вышла к припамирской границе КНР, что позволило позже построить в этой весьма сложной горной части мира стратегически важное Каракорумское шоссе, связавшее две страны и сыгравшее немалую роль в их длительном общем противостоянии Индии.

В качестве вывода очень важно расставить акценты. Нет никаких сомнений в том, что процессу деколонизации Индии способствовало многое. Это и политическая активность индийских партий, особенно Конгресса, и движение ненасильственного сопротивления во главе с духовным лидером страны М. Ганди, да и многое другое, включая политику лондонского парламента и выполнявших его решения лидеров Великобритании, в том числе и глав администрации Британской Индии, вице-королей. Точно так же вполне очевидно, что этот про-

цесс, состоя из множества последовательных этапов, шел медленно. Но, учитывая все, следует тем не менее заключить, что по сути самой главной составляющей процесса стали достижения модернизации огромного субконтинента. Его **вестернизация оказалась залогом того, что все разнородное в прошлом население субконтинента**, которое вначале держала в жесткой узде деспотическая власть падишахов, сменившаяся затем властью британской колониальной администрации, в конечном счете **оказалось подготовленным к тому, чтобы создать демократические республики, причем не только в самой индуистской Индии, по ее новой конституции переставшей быть кастовой, но и во много более сложном исламском государстве Пакистан**, от которого в начале 70-х гг. отделилась его восточная часть, превратившаяся в республику Бангладеш. При этом стоит особо отметить то важное обстоятельство, что, хотя новые республики быстро отказались от статуса доминиона, они продолжали и продолжают оставаться членами Британского содружества наций. Иными словами, враждебности к бывшей метрополии в ходе их очень непростой деколонизации не возникло[1]. Но этот вариант деколонизации был характерен отнюдь не для всех. Наиболее драматичной — если не считать африканские тропики — оказалась судьба колоний, которые были оторваны от своих прежних метрополий в ходе Второй мировой войны и немалую роль в судьбе которых сыграла японская оккупация.

Стоит загодя специально отметить, что провокационная роль японской оккупации во многом оказалась причиной того, что после капитуляции Японии здесь начались кровавые восстания под знаменами коммунистов.

СУДЬБА КОЛОНИЙ, ОКАЗАВШИХСЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ЯПОНИИ

Речь теперь пойдет о восточной части Азии, большая часть которой была оккупирована японцами в ходе Второй мировой войны.

[1] Британское содружество наций, в рамках которого вначале все входившие в него страны признавали суверенитет английской короны, в ходе обретения Британской Индией независимости с явным предполагаемым ее отказом от признания такого суверенитета в 1946 г. обрело иное название — просто Содружество, — которое не настаивало на такого рода признании (оно сохранилось в 16 странах Содружества, не считая самой Англии) и поставило целью обеспечение равноправного и взаимовыгодного взаимодействия всех его весьма многочисленных членов. Общая численность населения входящих ныне в Содружество государств примерно 1,8 млрд, а совокупный размер их территории — около четверти земной суши.

Японцы начали свое участие в этой войне в декабре 1941 г. успешной операцией на Гавайях, в Пирл-Харборе. Сразу же после этого их войска оккупировали Филиппины, а затем в течение немногих месяцев Индокитай, Бирму, Таиланд, Малайю, Индонезию, а также Сингапур, Гонконг и некоторые острова Океании. Они продолжили военное давление на гоминьдановский Китай. Стоит обратить внимание на то, что политика японцев на захваченных территориях не была одинаковой, как и по-разному относились к ней оккупированные ею страны. Независимый Таиланд, к примеру, пошел на контакт с японцами и при их согласии присоединил к себе часть Лаоса и Камбоджи. В Бирме с ее заметным ростом националистических сил симпатия к японцам оказалась едва ли не наиболее явственной. Армия независимости Бирмы и, в частности, Аун Сан вначале более чем охотно и во всяком случае очень активно сотрудничали с японскими вооруженными силами, хотя позже их пыл и надежды на деятельную помощь Японии в борьбе за независимость значительно ослабли. Индокитай, еще с лета 1940 г. оказавшийся под властью тех французов, что сотрудничали с правительством в Виши, вынужден был подчиниться японцам и выполнять их требования. Аналогичным образом вела себя и колониальная администрация в Индонезии. Лишившись связи с метрополией (правительство Нидерландов в годы войны находилось в вынужденном изгнании в Лондоне), она оказалась не в состоянии противостоять Японии и, в частности, обязана была снабжать ее нефтью, добывавшейся на Суматре. В то же время в Китае, Малайе и на Филиппинах к японским оккупантам относились враждебно. Китай продолжал вести войну с Японией. Филиппинцы и малайцы развернули значительное движение сопротивления.

Что касается политики японцев на оккупированных территориях, то она вначале сводилась к пропаганде создания *сферы совместного процветания* в Восточной Азии. Эта не вполне ясная теория в то время сопровождалась обещаниями помочь захваченным японцами странам (почти все они, кроме разве Таиланда, были старыми колониями западных держав). И эти не вполне четкие обещания во многом подкупали националистов, более всего — в Бирме и Таиланде. Позже, уже в конце 1943 г., когда они стали терпеть ощутимые военные неудачи, японцы попытались создать из оккупированных ими стран просто *восточноазиатский блок*, нечто вроде владений Японии, имея в виду и возникшее, даже несколько уже окрепшее к тому время марионеточное правительство в оккупированной ею части гоминьдановского Китая. При этом наибольший упор оккупанты делали на Бирму и острова Океании, считая, видимо, именно эту часть своих владений самой на-

дежной. Предприняли они и последнее серьезное наступление в Китае. Но к началу 1945 г., потеряв кое-какие из владений и потерпев поражение в боях в районе Бирмы, японцы перешли к круговой обороне, что символизировало начало конца войны в восточноазиатском регионе. И это, собственно, было сигналом к резкому изменению там политической ситуации. Радикальные перемены проявились в бурно начавшемся движении стран восточноазиатского региона за их политическую независимость. Разумеется, в каждой из стран, о которых пойдет теперь речь, движение принимало свои неповторимые формы. Но в общем и целом все они сливались в одно расширявшееся русло, ведшее к деколонизации (исключение составлял Таиланд и особо стоит вести речь о Китае, не имевшем статуса колонии, но энергично распропагандированном коммунистами). Обратим особое внимание на каждую из упоминавшихся стран.

Начнем с **Вьетнама**. Здесь японцы, вынужденные формально сотрудничать с благосклонной к ним администрацией Виши, в 1942–1943 гг. пытались создать партии и даже оживить деятельность сект, которые поддерживали идею о великом сопроцветании Восточной Азии. В противовес этому заметно оживили свою деятельность и силы, боровшиеся за освобождение страны и опиравшиеся на поддержку гоминьдановского Китая. Вначале к ним присоединилась прокоммунистическая Лига борьбы за освобождение Вьетнама, которую возглавлял Хо Ши Мин. В октябре 1944 г. Хо вернулся из Китая во Вьетнам и начал энергично собирать под знаменем национального освобождения своих потенциальных сторонников. А когда в марте 1945 г. японцы ликвидировали французскую администрацию и сразу же после этого объявили о создании независимого Вьетнама, коммунисты умело использовали создавшееся в стране неустойчивое положение (французы потеряли власть, а японцы контролировали в основном лишь города) и стали энергично готовить в отдаленных сельских районах севера страны вооруженное восстание. В мае–июне 1945 г. здесь возникла большая подчинявшаяся им территория, где были сформированы вооруженные силы. В августе 1945 г. на севере страны власть перешла к временному правительству во главе с Хо и был дан старт всеобщему восстанию, которое развивалось стремительными темпами. Уже 2 сентября — задолго до капитуляции Японии — Хо Ши Мин в захваченном восставшими Ханое объявил о создании независимой демократической республики.

Как известно, после капитуляции Японии французы высадили десант на юге страны, где была восстановлена власть колониальной администрации. С конца 1946 г. во Вьетнаме начались военные действия,

приведшие на первых порах к успеху Франции. Но с 1950 г, начав получать весомую поддержку КНР, вьетнамские войска стали теснить французов. Война продолжалась до 1954 г., после чего в результате Женевских соглашений страна была поделена на две части. Но вскоре после этого началась партизанская война на юге страны. В ней приняли активное участие американские войска, которые, однако, так и не сумели одолеть партизан Вьетконга, помощь которым с севера шла по так называемой тропе Хо Ши Мина. Это тянулось довольно долго, но завершилось победой вьетнамцев. В 1975 г. в южновьетнамском Сайгоне была с успехом завершена война за независимость.

В **Индонезии** ситуация складывалась иначе. Здесь, на разрозненных островах, не было рядом огромного взбудораженного и воюющего с японцами Китая, ни гоминьдановского, ни коммунистического. А с изгнанием из страны голландцев в самом начале 1942 г. многие влиятельные руководители политических партий, давно уже возникших, то ведших друг с другом борьбу, то бравших курс на создание союза борьбы за национальное освобождение, добровольно пошли — в том числе и А. Сукарно — на сотрудничество с японцами. Компартия тогда большого влияния на развитие событий не оказывала. Японская администрация активно действовала в направлении создания послушных организаций, но больших успехов в этом деле не достигла, а осенью 1944 г. вынуждена была завести речь о скором предоставлении Индонезии независимости. В марте 1945 г. была создана из рекомендованных Сукарно деятелей подготовительная комиссия, в мае того же года японский премьер пообещал этой стране независимость с начала 1946 г.

Неудивительно, что комиссия начала активно действовать, приняв в июле 1945 г. за идеологическо-политическую основу будущего независимого государства предложенную Сукарно концепцию *панча сила*, в рамках которой национализм легко уживался с разумной социальной политикой, демократия — с уважением ко всем религиям (ислам не был абсолютно господствующим), а принцип взаимных консультаций — с новой формой власти в виде республики. Сочетание всех этих установок оказалось для страны вполне удобоваримым и было принято, а тем временем подошло начало августа 1945 г. И, как легко понять, работа комиссии гармонично вписалась в капитуляцию Японии во Второй мировой войне. И 17 августа без особых переживаний (хотя и преодолевая некоторые сомнения) Сукарно объявил, что отныне Индонезия — свободное независимое государство. И хотя голландцы, возвратившись, попытались было восстановить свою власть и в ходе войны и переговоров в стиле выкручивания рук сумели овладеть частью крупнейших островов Явы и Суматры, вмешательство ООН и,

что намного существеннее, США, выступивших с угрозой прервать помощь Нидерландам по плану Маршалла, в августе 1949 г. решило проблему. Голландцы прекратили борьбу за колонию, а в августе 1950 г. Индонезия была провозглашена независимой республикой, президентом которой стал Сукарно. В итоге, хотя страна не сумела избежать войны, эта война с голландцами по масштабу и последствиям оказалась несравнимой с той, что выпала на долю Вьетнама или Китая и Кореи. И такого рода весьма немаловажное обстоятельство, по крайней мере частично, объясняет неудачу попытки в стране в 1965 г. коммунистического переворота. Хотя в тот момент компартия оказалась весьма многочисленной и сильной (она тогда считалась крупнейшей в некоммунистических странах), у нее не было основы для успеха. Успех был достигнут ранее и без нее, что руководителям неудавшегося переворота, положившего конец влиянию коммунистов в стране, и было наглядно и убедительно продемонстрировано.

Филиппины, чей парламент с удовлетворением принял в свое время выработанный американцами закон о десятилетнем переходном к независимости режиме автономии (1935–1945) и соответствующий текст новой конституции, близкой по типу к американской, успешно трансформировались в буржуазное либерально-демократическое государство. Однако это развитие было прервано в декабре 1941 г., когда началось вторжение японцев, к лету 1942 г. захвативших весь архипелаг. Как и во всех остальных странах, подвергшихся японскому вторжению, кое-кто из местных националистов сотрудничал с японцами, но гораздо большее количество филиппинцев — до 1 млн человек — влилось в ряды движения сопротивления. Японцы ответили на это движение — в нем принимали участие и коммунисты — жестокими массовыми репрессиями. А осенью 1943 г. они попытались, как то было и в Индонезии, создать комиссию для подготовки Филиппин к независимости. Но ситуация была не такой, как в Индонезии. Американцы, используя изменение в соотношении сил в войне, осенью 1944 г. высадили десант и начали войну с японцами, которая успешно завершилась летом 1945 г. Параллельно с этим американские войска позаботились о том, чтобы разоружить лучше других организованную коммунистическую часть движения сопротивления, отряды хуков (Хукбалахап). Вскоре после этого, летом 1946 г., Филиппины стали независимой республикой. И хотя отнюдь не подавленная американцами компартия, собравшись с силами, на рубеже 50-х гг. попыталась было — как несколько позже то было и в Индонезии — поднять вооруженное восстание, к успеху это не привело. Серия реформ филиппинского республиканского

правительства сделала свое дело. Коммунисты оказались на Филиппинах, как и в Индонезии, не нужны.

Малайя — как и тесно связанный с ней **Сингапур** — была оккупирована Японией на рубеже 1941–1942 гг. И стоит заметить, что с самого начала японцы по отношению к этим странам, в немалой степени населенным китайцами, взяли особо жесткий политический курс. Они не старались привлечь к себе местное население обещаниями независимости и иными лозунгами. Скорее напротив, были склонны наказать его, что вызвало не только озлобление, но и вооруженное сопротивление, особенно со стороны местных китайцев. Но стоит заметить, что по отношению к индийскому меньшинству политика была несколько иной. Поощряя бежавшего сюда из Индии одного из лидеров индийского Конгресса С. Ч. Боса, который с их благословения создавал здесь армию освобождения Индии и правительство *свободной Индии*, японцы рассчитывали на развертывание антибританского фронта (примерно такой же была и их политика в граничившей с Индией Бирме, о чем чуть далее). Что касается малайцев, то их исламские султанаты Япония считала за благо объединить с соседними островами Индонезии, с которыми, как отмечалось, оккупанты откровенно заигрывали.

После того как ситуация на фронтах стала существенно изменяться, японцы форсировали эту идею. Они стремительно создавали сервильные малайские организации, которые вроде бы соглашались с объединением. Но спохватились оккупанты явно с опозданием. К этому времени и особенно заметно уже в начале 1945 г. в стране стало разворачиваться массовое партизанское движение, в котором заметную роль играли коммунисты. Однако попытки коммунистов навязать стране свои формы управления успеха не имели. После капитуляции Японии англичане вернулись в Малайю, как и в Сингапур и некоторые иные островные части колонии. Правда, после этого компартия подняла открытое восстание. Но, по прошествии нескольких лет ситуация сложилась таким образом, что вынужденные опираться в основном на китайцев (а китайцы были главным образом горожанами, тогда как в деревнях, где могли действовать партизаны, местное малайское население их не поддерживало), партизаны постепенно проигрывали войну. В то же время англичане, активно содействовавшие малайскому населению, постепенно добивались и добились решительного перевеса. К концу 50-х гг. Малайя, которая в 1957 г. обрела независимость (с 1963 г. в рамках Малайской федерации, Малайзии) покончила с войной[1].

[1] Сингапур выделился из федерации в качестве самостоятельного государства в 1965 г.

Оккупация **Бирмы**, как и Малайи, да и большинства восточноазиатских стран, к нападению на которые — параллельно с атакой на Пирл-Харбор — японцы заблаговременно и хорошо подготовились, началась все в том же декабре 1941 г. Спецификой ситуации в Бирме стало соучастие в агрессии бирманских антибританских военизированных группировок, что привело к созданию в стране после ее оккупации коллаборационистского правительства, контролировавшегося японскими советниками. При этом обещанная стране независимость обрела, естественно, несколько двусмысленный характер, не говоря уже о бесцеремонной жестокости, с какой оккупанты обращались с мобилизованными ими трудовыми отрядами из местного населения. Неудивительно, что в подобной двусмысленной политической обстановке националисты во главе с Аун Саном, до того активно сотрудничавшие с японцами, начали сомневаться в правильности избранной ими тактики. И, несмотря на официальное решение оккупантов предоставить Бирме полную независимость и даже вроде бы подготовленную при их благословении конституцию, они к 1944 г. сумели заметно переориентироваться, превратив легально существовавшие при японцах вооруженные силы армии обороны в ядро потенциального движения антияпонского сопротивления.

Японцы вынуждены были в ходе изменяющейся в войне ситуации считаться с этим, ибо активно противостоять нелегальным организациям и ширившемуся партизанскому движению в условиях военных неудач в попытке наступления на Индию были не в состоянии. А те самые националисты, которые начинали с сотрудничества с японцами, стали устанавливать связи с англичанами в Индии. Контрнаступление войск союзников из Индии привело в марте 1945 г. к антияпонскому восстанию отрядов армии обороны, что привело не только к ликвидации оккупационного режима, но и к созданию основ независимой Бирмы. Правда, для этого потребовалось еще некоторое время, которое возвратившаяся в страну британская колониальная администрация потратила на организацию и проведение всенародных выборов, принесших в апреле 1947 г. победу националистам во главе с Аун Саном. После убийства Аун Сана осенью того же года президентом страны стал У Ну. Однако вскоре в Бирме вспыхнула гражданская война, в которой приняли участие и немногочисленные бирманские коммунисты, и вытесненные из Китая отряды гоминьдановцев, и армия во главе с генералом Не Вином. Не Вин в конечном счете одержал победу и начал править, создав диктаторский режим с не очень ясным уклоном в своеобразный азиатский социализм, некую смесь национализма, коммунизма и буддизма.

Камбоджа и **Лаос** в годы Второй мировой войны находились под властью французской колониальной администрации Виши, которая сотрудничала с японцами. С марта по август 1945 г. японцы, прервав это сотрудничество, взяли власть в свои руки. А после капитуляции Японии снова пришли французы. Но они оставались хозяевами положения недолго и через несколько лет признали независимость обеих стран. Как известно, несколько позже, когда французы вынуждены были покинуть эти страны, их хозяевами стали коммунистические режимы, в том числе Пол Пот, прославившийся своими зверствами и уничтоживший примерно четверть населения Камбоджи.

ТРОПИЧЕСКАЯ АФРИКА

Колонизация африканских тропиков — если не принимать во внимание ее первые шаги, связанные с освоением прибрежных районов и с работорговлей, сделанные португальцами на рубеже XV–XVI вв., — шла в конце XIX столетия, когда буржуазный промышленный капитал был во всеоружии. Неудивительно, что этот капитал и вообще активность колониальных держав в поделенном ими континенте вела к вестернизации отсталого местного населения. Но понятно, что это не затронуло большинства негритянских этнических общностей с их привычным первобытным и полупервобытным существованием, а практически ограничилось вновь возникавшими городами со всей необходимой для их нормального функционирования инфраструктурой, создававшимися той же западноевропейской буржуазией. Учитывая интенсивное градостроительство, включая и создание поселков городского типа в районе горнодобывающих и иных промыслов, это привело к тому, что вся Тропическая Африка за кратчайший срок весьма заметно изменилась. Там, куда еще в первой половине XX в. не ступала нога европейца и где все выглядело примерно так, как тысячелетия назад (например, в Бельгийском Конго, которое было изучено знаменитыми путешественниками Д. Ливингстоном и Г. Стэнли), возникли большие города, выраставшие рядом с общинными деревнями.

Конечно, африканские города, о которых идет речь, как правило, и по сей день отличаются от европейских. Перенаселенные мигрантами из различных соседних этнических общностей, они до сих пор чаще всего являются некоей совокупностью поселков либо кварталов, населенных преимущественно представителями одной из таких общностей. Это понятно и как бы само собой разумеется, так как интенсивное перемещение населения в возникавшие города, нуждав-

шиеся в рабочей силе, шло по характерному для Африки общинно-племенному принципу. Мало того, на новых местах в городских кварталах сохранялись традиционные общинные связи, землячества, без существования которых не привыкшие к иной форме существования люди просто не могли бы нормально адаптироваться.

Это стало **основной формой приспособления негритянского населения** к реалиям в условиях индустриального бытия. Разумеется, адаптация к принципиально новому, даже продвинутому по своей буржуазной рыночно-частнособственнической сущности стандарту была для привыкших к общинно-деревенскому существованию африканцев делом крайне не простым. Она вызывала — и достаточно долго не могла не вызывать — стихийное чувство протеста людей, возмущенных насильственными переменами привычных стандартов образа жизни, который проявлялся в неосознанном сопротивлении, с чем колонизаторы не могли не считаться. И потому нет ничего удивительного в том, что хорошо знакомые с положением дел в колониях и вынужденные учитывать уровень развития негритянского населения европейцы делали все для ускорения темпов адаптации хотя бы части его, особенно из числа элиты, старейшин и племенных вождей. Ради этого в городах обычно создавались различные миссионерские и иные школы, готовившие работников для нужд местной администрации. Наиболее способные, опять-таки чаще всего из рядов элиты направлялись в метрополии, где они получали хорошее образование.

Вообще жизнь в городах, особенно больших, где обитало и немалое количество европейцев, будь то военные, представители колониальной администрации, предприниматели и обслуживающие их нужды специалисты либо обычные колонисты, энергично стимулировала ускоренную адаптацию. Формировались группы лиц наемного труда, появлялись представители местной интеллигенции, росло число метисного населения (мулаты или так называемые цветные), чей статус и уровень развития были, как правило, выше среднего. Активно поддерживались те, кто обладал предпринимательскими способностями, хотя принималось во внимание, что вчерашний общинник не может с легкостью стать буржуа европейского типа. Ведь для этого следовало порвать с устойчивой традицией, согласно которой твое — это не только и даже не столько именно твое, сколько, по меньшей мере отчасти и общее, т.е. принадлежащее твоей семье, общине, роду и даже порой всему племени. Не стоит скидывать со счетов и то немаловажное обстоятельство, что Запад стремился привить городскому населению некоторые навыки европейской парламентско-многопартийной либеральной демократии и что выборы и партии

воспринимались легче всего. Ведь каждая крупная общность, тем более племя, была склонна к объединению своих в противоположность всем остальным. И хотя и партии, и выборы начали энергично функционировать лишь с момента деколонизации, не следует полагать, что до того ничего в этом смысле не было.

Словом, несколько десятилетий, на протяжении которых негритянское городское население прошло школу современной политической жизни, зря не прошли. Конечно, было бы наивным полагать, что интенсивная модернизация в форме всесторонней вестернизации, включая элементы буржуазного идейно-институционального фундамента, быстро принесла созревшие плоды. Этого нет и сегодня. Но, учитывая объективные и практически непреодолимые обстоятельства, нельзя не видеть тот огромный, поистине гигантский шаг, который был сделан Тропической Африкой за несколько десятилетий колониальной экспансии. Можно, конечно, счесть этот тезис апологией колониализма как исторического феномена. Но дело вовсе не в этом. Положа руку на сердце, нельзя не видеть, как изменился континент. Можно спорить о том, насколько полезен колониализм как исторический феномен. Но без буржуазного капитала в колониях ничего не было, и всему новому, что за несколько десятилетий возникло, просто неоткуда было бы взяться. Сетуют на жестокости процесса колонизации. Да, он был жестоким и сопровождался войнами, а то и истреблением этнических общностей, что было особенно характерно для политики Германии до Первой мировой войны (после нее эта страна лишилась своих африканских колоний). Цивилизующее начало внедрялось в среду местного населения грубо, что несло с собой страдания для людей, не привыкших к новому и не желавших перемен. Все именно так, здесь спору нет. Спор идет о другом.

Суть другого в том, что войны велись везде и всегда, но только буржуазные преобразования принесли отставшим в развитии африканским народам то, что потенциально способствовало ускоренному развитию и в большинстве случаев заметному улучшению образа жизни, формированию элементарных стандартов существования. Новая техника и технология приходили вместе с европейцами и их знаниями. Конечно, привыкать к этому африканцам было трудно, много труднее, чем деревенским жителям в России или на традиционном Востоке, который давно был знаком с развитым цивилизациями. Но индустриальная цивилизация создала предпосылки для развития Тропической Африки. И стоит особо заметить, что дело отнюдь не ограничилось технико-технологическими новациями, перемена-

ми в способах ведения хозяйства, освоением природных богатств. Параллельно шли и институциональные новации.

Колонизаторы при всем их подчас высокомерно-унизительном отношении к местному населению и выраженных расовых предрассудках вынуждены были прилагать усилия для развития городского населения. Без этого оно оставалось бы неумелым и не пригодным для работы на предприятиях, которые нуждались в специалистах. Разные школы и курсы способствовали приобретению нужных знаний и специализации. Города немыслимы без развитой инфраструктуры, кто-то должен был обслуживать транспорт, строить дома и иные здания, возведение которых — в отличие от деревенских хижин — требовало не только знаний, но и определенных навыков, умения работать со строительной документацией. Опять-таки можно было использовать мигрантов из метрополий. Но одними ими не обойтись. Рано или поздно, но вставал вопрос о специалистах из числа местного населения. Большие города немыслимы без повседневного оказания жителям различных услуг, что в современном городе тоже требует определенной квалификации. Люди, особенно дети, часто болеют. И если в деревне обычно пользовались услугами колдунов-знахарей, то город одним этим удовлетворить было невозможно. Требовались современные медики, более или менее развитая система санитарии и гигиены, поликлиники и больницы. Пусть не везде это было, но требовалось. И люди учились, прежде всего за пределами Африки, в том числе, к слову, и в Москве. В африканских городах возникали учреждения культуры, что способствовало изданию на языках метрополий газет, журналов и книг с их важной интегрирующей ролью.

Африканские колонии создавались случайно, никаких геополитических границ между этническими общностями в африканских тропиках не было. Население захваченной колонии начинало ориентироваться на метрополию, принимая ее язык и насаждаемые ею нормы жизни. Такого рода немаловажное обстоятельство облегчало англичанам и французам (а их колонии абсолютно преобладали) подготовку населения к созданию в тропиках Африки свойственной именно либерально-демократическим Англии и Франции многопартийной парламентарной системы, которая неплохо вписывалась в реалии разнородных этнических общностей каждой колонии. Институциональные основы обществ африканских тропиков трансформировались с учетом семейно-клановых, родовых, племенных, общинных, земляческих, религиозно-культовых связей. Они сковывали каждого с рождения, впитывались с молоком матери, так что преодолеть их было

очень трудно, это давалось немногим, в основном из числа элиты, кто долго жил вне Африки и получал хорошее западное образование. Стоит заметить, что, будучи детьми природы, негры не были приучены жизнью к тяжелому повседневному труду. А невысокая культура и дисциплина труда, столь показательно проявившиеся в процветавшем прежде Зимбабве с его изгнанными из страны европейскими фермерами, не создавали достаточную основу для регулярного производства жизнеобеспечивающего коллектив продукта. Это жестоко сказывалось в голодные годы и является бичом Тропической Африки и сегодня, что особенно заметно на фоне резкого и не обеспеченного собственным продуктом демографического роста.

На таком фоне преимущества институциональных новаций, появившихся в регионе вследствие его вестернизации, оказались недостаточными, что ведет к формированию устойчивой традиции патернализма, трансформировавшейся в иждивенчество. И в этом нет ничего удивительного. Очень медленно — что вполне естественно и ожидаемо — идет приспособление к требованиям современности. А это в условиях резких темпов прироста, потрясающего демографического скачка, рождает заметный дисбаланс, способствующий возрастающему на субконтиненте недовольству.

ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ АФРИКИ

К деколонизации африканские общества, о которых идет речь, в середине XX в. готовы не были. Были города, интенсивно развивавшиеся в качестве индустриальных центров, но создавались они представителями Запада, тогда как малочисленные представители туземной элиты, отличавшиеся уровнем образования и причастностью к буржуазным традициям и ценностной ориентации, лишь учитывали то, что во всем мире вне буржуазного Запада завершается процесс деколонизации, что воспринималось ими как веление времени. Они полагали, что и их странам следует приступить к становлению политически независимых государств на той примитивной основе, с которой им приходилось иметь дело. Кроме того, свою роль сыграло то обстоятельство, что перспектив постепенного становления этнически гомогенных государств не было. Колонии в африканских тропиках создавались не по этническому признаку, что рождало или в любом случае сохраняло межплеменные распри. Оставалось надеяться на то, что обретение политической независимости при многопартийной системе позволит найти путь к решению проблемы колоний.

Как легко понять, в период после Второй мировой войны, когда рушились колониальные империи, было уже не до того, чтобы

рассуждать о том, готовы к независимости те либо иные колонии или еще не совсем. И на рубеже 50–60-х гг., от лозунга *Независимость при жизни настоящего поколения!* элита африканских тропиков перешла к лозунгу *Независимость немедленно!* И добилась своего. Именно в эти годы около полусотни бывших колоний региона превратились в политически самостоятельные государства, ставшие членами ООН. На этом и завершился процесс деколонизации. Но после обретения независимости государства этого региона встали перед лицом многих почти не разрешимых проблем, которые оказались неизмеримо более сложными, чем во всех остальных деколонизованных странах.

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ПУТИ

Главной из них стала проблема выбора пути. Дело в том, что специфика африканских этнических общностей — речь об океане первобытности, в котором мелкими островками высились социополитические образования, являвшие разные этапы процесса структурирования протогосударства, на примитивной основе которого шло создание урбанистического общества, — не сочеталась с преувеличенными претензиями. Причудливая смесь современности с позавчерашним днем к гармонии не ведет и за немногие десятилетия привести не может. Нужно время, и немалое. А пока — патерналистское иждивенчество. На практике это означало, что выбор был между двумя путями, к буржуазному обществу или к марксистскому социализму.

И соперничество продолжалось долго, пока не рухнул СССР. А важнейшими элементами борьбы оказались два, **армия** и **трибализм**. Армия, т.е. ставка на силу, диктовала ориентацию на СССР и была базой для диктатуры, которая в государствах Тропической Африки стала соперничать с латиноамериканской. Трибализм, опиравшийся на этнически стерильную деревню, превращался в господствующую политическую силу в городе. От соотношения сил зависело формирование правительств и их частая смена, а также все то, что выглядело как многопартийная система в парламентской республике, а на деле было не более чем соперничеством этнополитических организаций. Преодоление норм трибализма могло быть реализовано только силой. А сила шла от армии, того единственного организованного института, который был вне трибализма. Становясь над этническими распрями — при всем том, что для офицерского корпуса, как и для солдат, та же система социальных связей немало значила, — армия оказывалась фундаментом, опираясь на который можно было создать более или менее прочную (пусть даже только до очередного переворота) власть.

Власть в форме военного переворота оказывалась формой организации прочного государства. А военные предводители, обретая после выборов функции президентов, были склонны к революционного типа фразеологии, но нуждались в оружии. И понятно, что многие из них ориентировались на СССР, а на смену иллюзии многопартийности приходила однопартийность. Выбор пути определялся не столько потребностью в помощи, сколько расчетом на то, что уподобленная тоталитарному режиму система власти может укрепить административную структуру в условиях трибализма. Преимуществом системы власти с искусственно формируемой однопартийностью следует считать возможность сплотить полиэтническое население под псевдореволюционными лозунгами. Но слабость ее в том, что она легко становится жертвой очередного претендента на власть, а общество теряет перспективу индустриального развития по буржуазному либерально-демократическому пути. Объективно складывавшаяся ситуация вела многие государства африканских тропиков к болезненным рывкам, которые прекратились лишь с исчезновением СССР, после чего на континенте не осталось ни одной страны, которая предпочитала бы тоталитарно-социалистический путь развития. Однако колебания в выборе пути дорого обошлись народам стран, о которых идет речь.

ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ – ОСНОВА ДЕКОЛОНИЗАЦИИ

Подводя итоги, важно заметить, что в политической судьбе всех стран вне Запада вестернизация и Вторая мировая война, включая японскую оккупацию, сыграли решающую роль. Что касается восточноазиатских стран, включая соседнюю с ними Бирму, главным заключительным импульсом была их оккупация Японией. Она была не только провокатором, стимулировавшим рост деструктивных коммунистических сил, сыгравших на возмущении отсталой мировой деревни, но и своего рода катализатором, резко ускорившим процесс деколонизации. Впрочем, учитывая это немаловажное обстоятельство, следует подчеркнуть, что оккупация оказалась не столько причиной, сколько подходящим поводом для того, чтобы ускорить давно наметившийся процесс, придав ему в то же время экстремистско-тупиковое с точки зрения эволюции направление. Поэтому очень важно еще раз взглянуть на то, что означала вестернизация для народов мира вне развитого буржуазного либерально-демократического европейского (а затем и неевропейского, начиная с США) Запада со всеми его идеями, институтами, процедурами и высоко ценимыми

населением принципами жизни, равно как и идеалами общественного устройства. Или, иначе, как и, более того, насколько тесно связаны друг с другом именно вестернизация и деколонизация. Вспомним, что первыми на западный путь развития встали ранее других и в уникальных условиях республики Латинской Америки, активно, хотя и с большим трудом заимствовавшие вместе с мудростью великого века Просвещения все то, что многими веками было выработано в странах Запада в качестве адекватного ответа на вызов модернизации.

Примем, далее, во внимание те серьезные усилия, которые под руководством лондонского парламента предпринимали британские колонизаторы в стремлении подготовить население важнейших английских колоний, начиная с Индии (но не забывая о Южной Африке, Египте, Цейлоне и иных аналогичных владениях, оставляя в стороне пока что разве Тропическую Африку, о которой разговор особый), к политической независимости, реальной — а не лишь декларируемой — многопартийности и к социальной структуре западного либерально-демократического буржуазного типа. Индийский и латиноамериканский варианты эволюции, очень разные по многим параметрам, заняли примерно полтора–два столетия, но привели к успеху. И оба означали интенсивную, хотя и медленную, постепенную вестернизацию привычного традиционного образа жизни туземного населения с заимствованием тех идей, институтов, принципов жизни и процедур, которые формировали фундамент антично-буржуазной рыночно-частнособственнической их структуры. Обратим внимание, однако, и на те страны вне Запада, что шли своим путем, не будучи колониями и даже всерьез зависимыми (Япония, Сиам, Турция). Они тоже сумели дать адекватный ответ на вызов в процессе заимствования основных достижений все того же Запада. И хотя в полном смысле слова эти страны, никогда не бывшие колониями (к их числу нужно отнести и Китай), вроде бы не имеют прямой связи с деколонизацией, на деле все то, что происходило с ними, весьма сходно с трансформацией колоний.

Учитывая все это, даже принимая во внимание крайне замедленные темпы эволюции ряда арабских государственных либо даже протогосударственных (племенных) образований и Ирана, нельзя не включить все упомянутые выше неевропейские страны в единую общую категорию тех, которые шли прямым путем от вестернизации к деколонизации. Дорога эта была совсем не легкой и занимала обычно столетия. Но путь был всегда и для всех одинаковым. И на этом общем фоне необходимо специально выделить те восточноазиатские страны, включая в их число и Бирму, которые пришли

к деколонизации своего рода особым путем, в ходе преодоления тех невзгод, которые выпали на их долю в результате японской агрессии в годы Второй мировой войны. Почему важно выделить этот вариант деколонизации?

Важно потому, что эволюция всех стран, прошедших через краткий период жесткой — пусть даже со сладкоречивыми обещаниями независимости — оккупации, оказалась особенной. Специфика ее сводилась к тому, что под влиянием оккупации был резко ускорен переход от обычных для колоний успехов в вестернизации к обретению ими столь желанной политической независимости. Но, помимо этого, наряду с ускорением темпов происходила резкая провокационная радикализация процесса, чем и воспользовались экстремистские силы, в основном коммунисты (хотя в Бирме отнюдь не только и даже не столько именно они). Показательно, что это проявилось и в таких очень отсталых странах, как Камбоджа или Лаос. При этом специфические черты, свойственные имеющимся в виду странам с преобладающей в них мировой деревней оказались тесно связанными друг с другом. Более того, в конечном счете их можно считать сторонами единого процесса, вызванного к жизни одним и тем же обстоятельством, т.е. оккупацией. Откуда взялась эта связь и почему она оказалась характерной именно для стран, подвергшихся японской оккупации? Ответ не слишком сложно найти.

Колонии, которые имеются в виду, в одночасье сменили владельцев. А такая смена не может произойти легко и без существенных перемен. Напротив, перемены неотъемлемы от этого. Лишившись прежней налаженной колониальной администрации, пусть не везде сразу, но всюду достаточно отчетливо, колонии не то чтобы почувствовали себя свободнее, но оказались перед необходимостью спешно налаживать новые связи и подчиняться иным хозяевам. А это нигде и никогда не происходило легко, не могло быть безболезненным. И жестокость новых хозяев сразу же рождала и должна была вызвать протест. Протест принимал форму обостренного национализма, что ускоряло темпы эволюции, вело к резкому усилению борьбы за независимость. Но одновременно тот же внутренний и чаще всего не осознанный до конца массами протест — а к этому и сводилась провокационная роль японцев — вел к естественной радикализации общественного мнения и тем самым к успеху демагогии коммунистов. Словом, далеко не случайно мелкие и не имевшие влияния компартии в условиях отсталой мировой деревни, и без того легко поддающейся демагогическим призывам, но растревоженной непонятными ей пертурбациями, быстро увеличивали свою роль. Иногда

они действовали в союзе с националистами, но чаще обособленно. Однако в любом случае это были две стороны одного общего процесса, вызванного к жизни переменами, связанными со сменой колониальных властителей. Итог не замедлил сказаться. В тех случаях, когда вестернизация шла наиболее интенсивно и была максимально полной, коммунисты не сумели добиться успеха. Но там, где она не достигла больших успехов, как то было во Вьетнаме и в Бирме, в Камбодже и в Лаосе, или в процесс закономерной эволюции вмешались противостоящие друг другу внешние силы (лучше всего это видно на примере разделенной Кореи или параллельного сосуществования Китая и Тайваня), вышло иначе.

Что же касается африканских тропиков, о которых было рассказано достаточно подробно, то там практически не было место компартиям или национализму, хотя и там к деколонизации вела интенсивная, но крайне еще пока недостаточная вестернизация. Естественно, что этого для местного населения оказалось мало, а нехватка компенсировалась насилием и трибализмом, ставшими основными орудиями, которые сыграли в руках правящей местной элиты решающую роль в процессе не столько даже несколько запоздавшей деколонизации, сколько в процессе затянувшегося выбора пути с его столь навредившими континенту колебаниями. В итоге Тропическая Африка с ее быстро растущим населением, все более очевидно с каждым новым десятилетием оказывавшаяся не в состоянии себя прокормить, понемногу, но довольно быстро, во всяком случае очень заметно, превращалась — и продолжает превращаться — в самое больное место современного человечества.

Глава тридцать вторая. СТРАНЫ ЗАПАДА В СЕРЕДИНЕ XX в.

В мире, оказавшемся расколотым надвое, после войны были вызваны к жизни интеграционные импульсы, особенно заметные в Западной Европе. Они позже легли в основу характерного для последующего полувека движения в сторону объединенного и в общем процветающего, несмотря ни на что, Запада. Более того, эти же стандарты после Второй мировой войны стали ориентиром для полноценной вестернизации в таких далеких от Европы странах, как Япония или южная часть Кореи, Тайвань или Сингапур, с оговорками ряд других стран того же обширного региона. Словом, количество государств, вошедших уже на начальном этапе длительного исторического периода холодной войны в состав западного блока, оказалось вполне внушительным. Заслу-

живает внимания то, что все эти страны принадлежали к числу наиболее развитых и максимально эффективно продолжавших развиваться. Такого рода факт нельзя обойти вниманием, ибо он весьма убедительно свидетельствовал о том, что долгий всепланетный процесс модернизации и вестернизации реализовывался и — о чем следует специально постоянно напоминать — мог, т.е. имел все основания быть реализованным практически повсюду, во всяком случае там, где для этого были необходимые и соответствующие условия. Учитывая все сказанное, обратимся к обзору положения в упомянутых странах в середине XX в., т.е. в послевоенные годы, вплоть до начала 60-х.

США

Хотя явный сигнал к фиксации радикальных перемен в отношениях между вчерашними союзниками (*железный занавес*) был подан Черчиллем, не следует забывать, что экс-премьер Великобритании дал его с территории США. И нельзя не принять во внимание, что именно здесь было принято решение о необходимости помочь сильно пострадавшей от войны Европе. Отсюда, издалека, было начато осуществление грандиозного плана (доктрина Трумэна, план Маршалла) помощи, который позволил европейскому Западу за короткий срок стать на ноги, а кое в чем и очень быстро преуспеть. Следует напомнить и о том, что США — в частности генерал Макартур с его внушительной командой специалистов — много сделали для радикального преобразования внутренней структуры Японии и южной части Кореи. После окончания гражданской войны в Китае они же взяли под защиту гоминьдановский Китай, съежившийся до размеров сравнительно небольшого острова Тайвань. Все это необходимо иметь в виду, дабы стало понятно то, что США в середине XX в. сильно изменили свой привычный политический курс. Не стоит забывать, что тень доктрины Монро продолжала нависать над огромной американской державой вплоть до начала Второй мировой войны, в которой участие США сперва ограничивалось бесценной помощью по ленд-лизу, но не более того. И только Пирл-Харбор привел страну к внешнеполитической перестройке. Только тогда, получив страшный удар, великая держава, наконец, опомнилась и поняла, что дальше так жить нельзя, что она вынуждена взять на себя ту долю ответственности за все дела в мире, которая соответствует ее мощи.

Правда, все это отнюдь не далось Америке слишком легко. Послевоенные трудности, сопровождавшиеся ростом безработицы и забастовок, инфляцией и ростом цен, заметным обострением внутри-

политической борьбы, не обошли ее стороной. Серия экономических и социальных реформ, осуществленных в годы правления Трумэна, способствовала преодолению многих трудностей. В стране быстрыми темпами увеличивался выпуск автомобилей, в жизнь начали входить телевизоры, строились сотни тысяч домов, десятки тысяч километров современных автострад. Но далеко не все вело к процветанию. Во внешней политике американцы, о чем уже шла речь, встретились с неожиданной для них войной в Корее. Эта война, да и не только она, способствовала в 1951 г. созданию американцами блока АНЗЮС. Целью этого было обеспечить безопасность бастионов либеральной демократии Австралии и Новой Зеландии в охваченном в те годы войнами регионе Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии.

На выборах 1952 г. президентом был избран противостоявший демократам и выдвинутый республиканцами генерал Д. Эйзенхауэр, один из наиболее известных американских военачальников, сыгравший главную роль в борьбе с нацизмом в Западной Европе в годы войны. Генерал не был умелым и тем более опытным политиком. Но это частично компенсировалось наступательной позицией госсекретаря Д. Ф. Даллеса, то и дело выдвигавшего на передний план идею об активизации *динамичной политики* и о защите *порабощенных народов*. Эта позиция способствовала внешнеполитической активности США, которые в 1954 г. создали еще один военный блок СЕАТО, в основном ограниченный задачей сохранения стабильности все в той же Юго-Восточной Азии. В том же году в южной части Вьетнама появились первые американские военные советники, обучавшие южновьетнамскую армию после ухода потерпевших поражение при Дьенбьенфу французов. Получила хождение известная *теория домино*, смысл которой сводился к тому, что вслед за уходом из любой страны тревожного региона другие его страны одна за другой упадут под натиском коммунистов как поставленные на узкие боковые ребра костяшки.

Внутренняя политика в начале 50-х гг. была на первый взгляд менее успешной, нежели во времена президента Трумэна, особенно после его реформ. Однако активно развивалось автомобилестроение, бывшее мотором американской экономики. Продолжали строиться шоссейные дороги, покрывшие густой сетью автострад всю страну. Расцветала сфера услуг, демонстрировавшая всему миру свои потенциальные возможности. Разрастались крупные и появлялись новые города со всей их хорошо продуманной и богатой необходимыми деталями современной инфраструктурой, включая обилие учебных и научных центров, разных учреждений развитой культуры. В городах и тяготевших к ним близких пригородах в 1960 г. проживало уже

70% населения страны. При этом массовые перемещения в зависимости от спроса на рабочую силу либо от потребностей возрастающего поколения стали обыденной нормой. Это весьма благотворно сказывалось на динамике образа жизни страны с ее постоянно возраставшим — в основном по-прежнему за счет миграции — населением. Стоит заметить, что именно в эти годы Верховный суд США позаботился и о том, чтобы пресечь все еще существовавшие в стране расовые проблемы, которые проявлялись, в частности, в ограничении возможностей для американских негров получить хорошее образование.

Вторая половина 50-х гг. была для страны менее успешной. Снизились темпы экономического роста, росли цены, увеличивалась безработица, вновь нормой стали частые забастовки. Обострялись и международные проблемы, начиная с арабо-израильских конфликтов и кончая массовыми протестными движениями в латиноамериканских республиках, где все чаще к власти приходили военные диктаторы. Борьба с ними подчас приводила к власти коммунистически настроенных партизан типа Ф. Кастро на Кубе. И хотя после смерти Сталина в 1953 г. наметилось некоторое сближение с СССР, больших результатов оно не дало. А полет американского самолета над советской территорией сорвал предполагавшуюся в 1960 г. встречу глав великих держав, Н. С. Хрущева и Эйзенхауэра. Достойный сожаления инцидент вызвал к жизни ускорение темпов в деле разработки новых видов вооружения, прежде всего различного типа средств доставки, т.е. ракет. Это создавало потенциальную возможность для обострения противостояния в условиях холодной войны.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И СОДРУЖЕСТВО НАЦИЙ

Если, несмотря ни на что, развитие США шло быстрыми темпами по нарастающей, то с великими державами недавнего прошлого и, в частности, с Англией и всей грандиозной, но оставшейся позади гигантской Британской империей дело обстояло иначе. Англия, сильно пострадавшая в годы обеих мировых войн, с помощью плана Маршалла, как и другие страны Западной Европы, постепенно восстанавливалась, но при этом заметно теряла свой несомненный прежде высокий статус не только перворазрядной, но едва ли не самой великой в мире державы. Разумеется, это не означает, что темпы развития замедлились. Напротив, англичане много сделали для быстрого восстановления довоенного стандарта в экономике и образе жизни. Помощь государства, помимо инвестиций, связанных с энергичной реализацией плана Маршалла, обеспечила восстановление и ускоренный рост бывшего в упад-

ке хозяйства. А реформы в социальной сфере, активно проводившиеся правительством лейбористов, — при всей их непопулярности среди той части населения, которая была вынуждена оплачивать их увеличенными налогами, — продолжали выработанную еще в довоенное время отчетливо проявившую себя политику, направленную на улучшение благосостояния большинства населения страны. Ту же политику проводили и сменившие в 1951 г. лейбористов консерваторы. Уже в середине 50-х гг. уровень реальной заработной платы в Англии стал равен довоенному, что следует считать заметным достижением.

Внешняя политика и связанные с ней перемены во взаимоотношениях страны с внешним миром играли в послевоенные годы огромную роль в жизни Великобритании и англичан. Начавшееся крушение империи поставило перед ними непростую проблему британского гражданства. Согласно принятому в 1948 г. закону о подданстве население практически всех бывших колоний и доминионов было либо приравнено по статусу к англичанам либо получило право свободного въезда в Англию. Как известно, предоставленными правами стали широко пользоваться прежде всего мигранты из тех колоний, где уровень жизни был не слишком высоким. Это были переселенцы из Вест-Индии, Индии и Африки, так называемая *цветная иммиграция*, которая с начала 50-х гг. стала провозвестником волны афроазиатизации европейского Запада, позже ставшей характерной и для остальных европейских стран. Другие внешнеполитические акции в середине века были связаны с отказом Англии в 1957 г. от интеграции в рамках Европейского экономического сообщества на континенте и с участием в военных блоках. Политика страны была обусловлена представлением о прошлом величии, о месте Великобритании в формировавшемся заново послевоенном мировом сообществе.

И островное положение Англии, и ее долгими веками налаживавшиеся связи со странами, еще недавно входившими в империю (эти страны тоже были заинтересованы в сохранении налаженных связей), и необходимая инфраструктура, включая торговый флот, портовое хозяйство и т.п., — все было за то, чтобы попытаться сохранить экономические позиции и не вести курс на интеграцию с континентом, по крайней мере на первых порах. В то же время участие в заново создававшихся военных блоках (в НАТО, СЕАТО, в ближневосточном СЕНТО или в Багдадском пакте) было для Англии делом чести, ибо поддерживало ее признанный в мире высокий политический статус. Статус был особенно дорог в связи с тем, что военные столкновения, в которые Великобритания время от времени оказывалась в силу обстоятельств вовлеченной, подчас завершались

провалом, как то было, например, в конфликте с Египтом, национализировавшим в 1956 г. Суэцкий канал.

Что касается английских доминионов, которые всегда были тесно связаны с Великобританией родством по крови и культуре большой — обычно даже большей — части местного населения, английским языком и формальным признанием верховного суверенитета британской короны, то следует заметить, что эти связи в основном сохранились и после крушения империи. Конечно, признание политической независимости каждого из доминионов и превращение их по основным параметрам международного права во вполне самостоятельные страны содействовали определенным переменам в их статусе и в самосознании населения. Однако нередко встречавшуюся трогательную привязанность к короне и горячее желание оставаться подданными английской королевы не стоит сбрасывать со счетов. Это было характерно почти для всех доминионов в середине века и кое-где существует поныне. Конечно, история каждого из государств, о которых идет речь — Канады, Австралии, Новой Зеландии, ЮАР (к странам типа Цейлона, получившего статус доминиона в 1948 г., это не относится), — была своей, не во всем сходной с другими. Но было у этих по сути уже бывших доминионов и нечто общее. Хотя они перестали зависеть от решений британского парламента, как было до крушения империи, нет никаких сомнений том, что они навсегда остались странами, принадлежавшими к либеральной демократии европейского буржуазного типа.

Войдя в Содружество наций, эти заново оформившиеся независимые государства являли собой нечто вроде прочного бастиона, на который Великобритания в случае нужды могла спокойно опереться. В какой-то степени примерно то же самое можно было бы сказать и применительно к некоторым из бывших британских колоний, также включенных с их согласия в состав Содружества. Однако разница здесь есть, причем она сводится не только к признанию верховного суверенитета британской короны или к отказу от этого. И все же применительно к середине века, о которой идет речь, Британское содружество наций можно считать дополнительным фактором, укреплявшим международные позиции Великобритании, постепенно оттеснявшейся на второй план ее соперниками, в первую очередь США и Германией.

Существенно иметь в виду, что Англия и в середине XX в. пыталась не столько даже отстаивать свое историческое право на исключительность, сколько де-факто держаться несколько в стороне от процессов серьезной интеграции, которые стали доминирующими в сильно пострадавшей от двух мировых войн континентальной Западной Европе. Англия не вовсе была против таких союзов. В 1948 г. она вместе с Фран-

цией и странами Бенилюкса (Бельгия, Нидерланды, Люксембург) вступила в Западноевропейский союз, все еще как-то направленный против возможной новой агрессии со стороны Германии, хотя и предполагавший угрозу со стороны восточноевропейской группы стран во главе с СССР. Была она, естественно, и членом НАТО с момента создания этой организации. В 1949 г. вместе с девятью другими странами (Франция, Италия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Дания, Швеция, Норвегия, Ирландия) Англия вошла в состав Совета Европы. Столицей Совета стал Страсбург, а целью его было сближение европейских стран, выработка единых принципов внешней и внутренней политики, активное способствование международному сотрудничеству и отстаивание демократических норм, свободы и прав человека. Но на более близкие контакты с континентальной Европой, особенно в сферах, имевших непосредственное отношение к экономике, англичане довольно долго не шли. Эта сфера для них все еще слишком много значила. Иными были положение на континенте и политика соответствующих стран.

ФРАНЦИЯ

Первой среди стран, стремившихся — хотя не безоговорочно, ускорить процесс интеграции, была Франция. После войны она оказалась, пожалуй, в наиболее трудном положении. В 1944 г., после восстания во главе с лидерами движения *Сопротивления* и при активном участии армии генерала де Голля в стране было создано временное правительство во главе с генералом. В 1946 г. созванное в разорванной в годы войны на части стране была, хотя и не сразу, принята новая конституция, обратившая — как то и соответствовало стандарту буржуазных либерально-демократических государств — особое внимание на принцип разделения властей. Конституция Четвертой республики (1946–1958) заметно расширила полномочия парламента, Национального собрания, и урезала власть президента. Недовольный этим де Голль ушел в отставку, а вскоре, уже в 1947 г., от власти были отстранены и коммунисты, игравшие видную роль в движении *Сопротивления* и во временном правительстве. Как и в довоенное время, власть оказалась в руках нескольких разных партий, что создавало в политике страны некоторую неустойчивость и вызывало к жизни новые партийные сообщества, в частности усиливавшуюся со временем партию голлистов, Объединение французского народа (РПФ).

План Маршалла позволил уже к началу 50-х гг. поставить на ноги экономику страны, а видная роль Франции в возникавших в те годы организациях европейского экономического сотрудничества укрепля-

ла достигнутые позиции, содействуя росту темпов развития. Успехи экономики способствовали процессу интеграции ряда западноевропейских государств (имеются в виду прежде всего ближайшие восточные соседей французов, о чем упоминалось). Важно обратить внимание и на то, что, как то было в США и послевоенной Англии, а также в ее бывших доминионах, Австралии, Новой Зеландии и Канаде, правительства Четвертой республики, в которых видную роль играли социалисты, вели целенаправленную социальную политику. Росла заработная плата лиц наемного труда, были введены новые условия социального страхования, установлен оплачиваемый отпуск, возвращена 40-часовая рабочая неделя. В стране развернулось строительство домов, улучшались бытовые условия жизни, причем не только горожан. Общество потребления с автомобилем и телевизором как главными его атрибутами к концу 50-х гг. свидетельствовало об успехах в улучшении уровня жизни. Одновременно Франция время от времени проявляла свое отношение к различным политическим проблемам. В 1954 г. она выступила против создания Европейского оборонительного сообщества (туда кроме Италии и стран Бенилюкса должна была войти Германия, ФРГ). Правда, уже в 1957 г. Франция согласилась на создание Общего рынка (Европейского экономического сообщества, ЕЭС), в состав которого ФРГ вошла.

В то же время в сфере внешней политики и международных отношений страна терпела ряд неудач. На глазах рушилась — причем не так, как то было в Англии, которая сумела сохранить Содружество наций, — система французских колоний, ее пусть не столь грандиозная, как британская, но все же заметная на карте мира колониальная империя. Поражение в Индокитае, закрепленное Женевским соглашение 1954 г., было началом процесса. За ним последовала неудача 1956 г. в Египте, которому французы вместе с англичанами пытались помешать национализировать Суэцкий канал (война за канал была выиграна Египтом в борьбе с Англией, Францией и Израилем). В 1956 г. независимым стал Тунис, в 1957 г. Марокко. А завершением неудач стали драматические события, вооруженное восстание в Алжире, долгое время бывшем чем-то вроде французского доминиона (там жило много — около 10% всего населения — колонистов). Длительная война в Алжире завершилась в 1962 г. полным поражением, сопровождавшимся выселение французских колонистов и эмиграцией во Францию тех алжирцев, кто был склонен защищать их. Но к этому времени внутриполитическая обстановка в стране была уже несколько другой.

В 1958 г. во Франции, во многом в связи с событиями в Алжире, хотя и не только поэтому, возник острый политический кризис, вновь при-

ведший к власти генерала де Голля, изменившего конституцию, расширившую полномочия президента за счет парламента. В стране начался период Пятой республики. В марте 1962 г. Франция подписала Эвианские соглашения, предоставившие Алжиру независимость. Однако вскоре после этого Париж захлестнула волна террористических актов, подготовленных правой вооруженной тайной организацией ОАС, пытавшейся воспрепятствовать отделению Алжира от Франции. Де Голль решительно справился с ОАС и вообще был склонен — в отличие от лояльной к США Англии — проводить внешнюю политику, демонстративно фиксирующую вполне определенную независимость Франции от ее союзников по НАТО, особенно США, хотя и не только. Он, например, препятствовал вступлению Великобритании в Общий рынок. Позже, уже в 1966 г. он же настоял на том, чтобы Франция вышла из военной структуры НАТО, не покидая при этом вовсе группу стран, связанных Североатлантическим договором.

ГЕРМАНИЯ (ФРГ) И АВСТРИЯ

Обратимся к оценке состояния дел в побежденных странах, представленных прежде всего тремя западными зонами Германии и Берлина, с осени 1949 г. ФРГ, а также подвергнутой в 1938 г. аншлюсу Австрией (вопрос об Италии, как и о восточноевропейских союзниках немцев, нужно рассматривать особо). Главным были Нюрнбергские процессы с денацификацией, которая рассматривалась союзниками в качестве предварительного условия всей последующей политики по отношению к немецким государствам. После достижения желаемых результатом и — не следует забывать — в условиях начавшейся уже холодной войны, быстро достигшей максимального уровня накала страстей, встал вопрос о политическом урегулировании статуса тех частей Германии, которые были зонами влияния западных держав и СССР. Оставив в стороне проблемы ГДР, обратимся к ФРГ и затем к Австрии, которая довольно долго, около десяти послевоенных лет, находилась вне вполне ясной политической ситуации.

Федеративная Республика Германия, просуществовавшая с 1949 по 1990 г., обрела, согласно новому конституционному устройству, практически почти прежний облик федеративного государства с сильной властью парламента из двух палат, бундестага и бундесрата (палата представителей от земель, каждая из которых обладала парламентами и правительствами, даже собственными конституциями), и канцлера. Функции президента были по преимуществу представительными, а первым канцлером новой страны стал К. Аденауэр, сыгравший

большую роль в послевоенной истории Германии. Как то достаточно хорошо известно, именно под его руководством и при умелой политике министра экономики Л. Эрхарда (в 1963–1966 гг. он, сменив Аденауэра, был канцлером) Германия стала страной главного и наиболее показательного во всей истории послевоенного мира *экономического чуда*. План Маршалла в условиях ставшего необходимым воссоздания экономики страны на новой и наиболее современной технико-технологической основе (старая была практически уничтожена войной) содействовал кардинальной перестройке всего хозяйства страны. Результатом этого, на что ушло сравнительно немного лет, и оказалось экономическое чудо, приведшее не только к достижению уровня довоенной высокоразвитой экономики, но и — что неизмеримо важнее — к переориентации всего хозяйства страны на резкое улучшение уровня жизни населения.

Это происходило как бы само собой. Милитаристские устремления — в этом с Германией могла соперничать разве что лишь реформированная Макартуром и его советниками послевоенная Япония — ушли в прошлое вместе с огромной и ненасытной армией, от которой немцы с немалым облегчением отказались. А это вело к резкому ускорению усилий, которые были направлены на создание мирных отраслей производства и услуг, на расцвет заложенной еще Бисмарком умелой социальной политики. В стране быстрыми темпами строились жилища, росли заработная плата и социальные выплаты, была ликвидирована безработица. Успехи, свидетельствовавшие о радикальных переменах в ФРГ, открыли перед ней дорогу к институтам западноевропейской интеграции, куда немцев вначале, естественно, еще не допускали. Речь идет о Европейском объединении угля и стали (1951), о Европейском оборонительном сообществе и НАТО (1954), о Европейском экономическом сообществе, ЕЭС (1957). И это вполне понятно. Денацифицированная Германия, избавившаяся от ужасов тоталитарного режима и к тому же явно испытывавшая стыд за недавнее прошлое, оказалась естественным союзников тех стран, с которыми она еще сравнительно не так давно воевала. В 1955 г. Аденауэр прибыл с визитом в Москву, и с СССР были установлены дипломатические отношения.

Австрия, как и Германия, была в 1945 г. поделена на четыре зоны, после чего возникло правительство, единое для всех зон (в этом было принципиальное отличие от Германии). Судя по всему, Австрия — хотя она и стала частью Германии, оставаясь в этом статусе около 8 лет, — не оказалась за этот в общем-то небольшой, хотя и исторически крайне значительный и драматический период слишком зараженной идеями

нацизма. Во всяком случае о денацификации в этой стране в послевоенное время речь обычно не заходит. Зато во всем остальном ее судьба в эти годы очень напоминает все то, что происходило с ФРГ. Начать с того, что с 1945 г. временное правительство социал-демократа К. Реннера энергично взялось за восстановление разрушенного войной хозяйства страны. Поставки по плану Маршалла этому активно содействовали. С 1955 г. в обмен на постоянный нейтралитет Австрии Н. С. Хрущев от имени СССР согласился на Государственный договор, который превращал всю эту объединенную отныне страну в независимую федеративную республику с двухпалатным парламентом, президентом и возглавляемым канцлером правительством. Этот статус не должен был мешать, но в чем-то все же ограничивал возможности страны в плане интеграции. Австрии не было среди членов НАТО и других организаций общеевропейского сотрудничества (одно из очень немногих исключений — ее членство в Европейской ассоциации свободной торговли, ЕАСТ, с 1960 г). Как и в ФРГ, в Австрии быстро развивалась экономика. Однако ни по темпам эволюции, ни по результатам соперничать с Германией Австрия все же не могла. Об экономическом чуде применительно к ней как-то говорить особо не принято. Впрочем, это не мешало тому, что сравнительно небольшая страна уверенными шагами шла вперед, достигая заметных успехов.

ПРОЧИЕ СТРАНЫ

Нидерланды, Бельгия и **Люксембург**, о чем уже шла речь, были едва ли не первыми странами Западной Европы, которые решительно открыли дорогу к европейской интеграции. Нет смысла вдаваться в мелкие детали. Достаточно обратить внимание на то, что уровень жизни всех трех небольших государств, начавших объединение раньше других, был всегда весьма высок. И, что важно иметь виду, этот уровень поддерживался в основном усилиями самих этих стран. Потеря крупных колоний (Голландской Индии в 1949 г. и Бельгийского Конго в 1960 г.) сколько-нибудь серьезно не сказалась на привычном стандарте существования с его постоянной тенденцией к улучшению. В конечном счете можно заключить, что интеграция, равно как и интенсивное экономическое развитие этих стран, стимулированное в самое тяжелое для них время планом Маршалла, увенчались высокими результатами, которые не могли не сказаться на дальнейшем движении Европы по пути интеграции.

Одними из первых на этом пути были Франция, о чем уже шла речь, и **Италия**, довольно давно, еще в 1943 году, переставшая быть надеж-

ным союзником Германии. Ситуация в этой стране, на родине фашизма, но при всем том не зараженной самой страшной его модификацией, германским нацизмом, была заметно отличной. Она оказалась гораздо более приемлемой и открытой для быстрой трансформации, нежели то имело место в ФРГ и даже в Австрии, присоединенной, пусть и сравнительно ненадолго, к Германии. Не было ни денацификации, ни разделения на зоны. Уже в 1945 г. страна была объединена. Многопартийная парламентская система власти в послевоенной Италии, принявшей новую конституцию и отказавшейся в итоге референдума 1946 г. от короля, характеризовалась поначалу — как и в большом количестве стран мира в то время — немалой ролью коммунистов. Однако несколько позже, причем в значительной степени в результате активной экономической и социальной политики государства, ситуация стала меняться. Роль коммунистов постепенно уменьшалась, а развитие Италии (в том числе при энергичном включении в процесс интеграции и помощи по плану Маршалла) привело к заметным успехам. В частности, имеется в виду решение оставшихся от прошлого проблем, например тех, что были связаны с отставанием аграрного юга страны. 50-е гг. стали для Италии вариантом экономического чуда, быстро и резко изменившего общий облик страны, столь известный по фильмам великих итальянских режиссеров эпохи неореализма. Правда, экономические успехи не гарантировали уверенной политической стабильности в стране, где партии и правительства чересчур часто сменяли друг друга у власти. Впрочем, эта особенность, как вскоре выяснилось, не слишком мешала Италии уверенно идти вперед.

По меньшей мере частично процесс западноевропейской интеграции затронул и скандинавские страны. **Дания** с ее сохранявшимся в значительной мере и при немецкой оккупации достаточно высоким уровнем жизни вступила в 1949 г. в НАТО, а с 1952 г. стала членом Северного совета, направленного на интеграцию скандинавских стран. Членами Северного совета, целью которого считалась координация политики сотрудничества северных стран Европы, стали **Швеция**, **Норвегия** и **Исландия**, а с 1956 г. и **Финляндия**. Многопартийно-парламентская система небольшой Дании, равно как и ее органы местной власти, успешно решали проблемы, связанные с гарантией сохранения достигнутого страной уровня жизни. Примерно то же самое можно сказать применительно к Швеции, Норвегии, Финляндии и крохотной Исландии. Процветание Швеции (шведская модель, скандинавский социализм, разумеется, не марксистский) обычно тесно связывают с высоким уровнем социальной заботы государства о процветании населения. Имеются в виду высокие налоги с имущих и перераспределение общего дохода

среди всех, включая нуждающихся, кто не в состоянии без помощи обеспечить достойный уровень существования. Норвегия, Дания и Исландия с 1949 г. являлись членами НАТО, тогда как Швеция и Финляндия формально оставались нейтральными и в эту организацию не входили, что для Швеции не исключало некоторое с ней сотрудничество. Много сложнее было ситуация с Финляндией, оказавшейся в послевоенные годы в определенной зависимости от соседнего весьма могущественного СССР. «Финляндизация» как использовавшийся для обозначения этого состояния политологическо-журналистский термин, не нуждавшийся на Западе в пояснениях, достаточно четко это фиксировал. Впрочем, такого рода обидное пренебрежение, явно сквозившее в упомянутом термине и в оценке реального статуса страны, не слишком помешало Финляндии со временем, уже в 60-х гг., начать заметный и вполне успешный крен в сторону Запада.

Освобожденная силами союзников **Греция** уже с 1944 г. на долгие несколько лет стала ареной ожесточенной гражданской войны, в ходе которой наибольшую активность проявляли коммунисты. Как о том вскользь уже упоминалось, именно ситуация в Греции и Турции была поводом для начала энергичной деятельности Запада, включая попытки найти решение проблемы железного занавеса и план Маршалла, — направленной на изменение ситуации, которая сложилась в Европе после войны. Компартия в результате активной помощи со стороны стран европейского Запада потерпела поражение, а последующее развитие страны пошло по либерально-демократическому пути. Впрочем конец 40-х и 50-е гг. в этой стране продолжали быть политически нестабильными. Однако это не слишком сильно сказалось на достаточно успешном экономическом развитии страны, в чем большую роль сыграли иностранные инвестиции. Особо стоит отметить интерес к Греции как к плацдарму поблизости от СССР, что проявилось, в частности, в создании в этой стране ряда военных баз НАТО (Греция вошла в состав НАТО в 1952 г.; процесс более тесной интеграции в рамках европейских сообществ коснулся Греции позже).

Португалия на фоне начавшей процветать либеральной демократии и активной социальной политики подавляющего большинства стран Запада выглядела не слишком красиво. И хотя ее — в отличие от франкистской Испании, — все же включили в число стран, охваченных планом Маршалла, отношение к ней оставалось настороженным. Все дело в том, что демократические нормы в этой стране были иллюзорными и реально не соблюдались, что, впрочем, встречалось в современной истории отнюдь не только в Португалии. Нет ничего удивительного в том, что, хотя эта страна стала членом НАТО, к более тесной инте-

грации ее долгое время, как правило, не призывали. Тем не менее, экономика страны в послевоенное время, несмотря на явное стремление Салазара не порывать союза с Испанией (в 1948 г. был продлен договор с Франко о дружбе и ненападении), развивалась с американской помощью вполне успешно. Хуже стало с началом неудачных для Португалии колониальных войн в Африке на рубеже 50–60-х гг.

Швейцария — одна из самых необычных стран европейского Запада. Ее национальное богатство и особенно необычайно высокий уровень дохода на душу населения во многом объясняются геополитическим расположением страны и традиционной политикой нейтралитета, сопровождавшейся обычно важной ролью в международных делах, включая как политику, так и в гораздо большей степени экономику, особенно финансы и систему надежных банков. Многими эта страна, сама себя в таком плане не позиционирующая, давно уже считается едва ли не богатейшей в мире.

Япония, как и Республика Корея, имеет все основания считаться едва ли не стопроцентной страной Запада. Это страна с историей и традиционной структурой, очень не сходными с другими восточными государствами. Ее агрессивный милитаристский потенциал, восходящий к воинственности сословия самураев, был важным фундаментом внешней политики страны в конце XIX столетия. Это стало очень заметным после превращения Кореи в японскую колонию. В начале XX в., в годы русско-японской войны, японцы снова показали миру свои острые зубы. Во Второй мировой войне Япония не только охотно присоединилась к странам оси, но и стала вместе с нацистской Германией основой этой оси. Естественно, что после капитуляции в августе 1945 г. оккупировавшие Японию американцы сделали все, что было в их силах, для того чтобы кардинальным образом изменить традиционные нормы бытия столь воинственного государства и буквально силой привить ему традиции буржуазной либеральной демократии.

Очень показательно, что ломка старого образа жизни не привела к решительным протестам со стороны любителей сохранения традиций и идентичности (самих японцев стоит оставить в стороне). В отличие от ситуации в других странах, за идентичность внутреннего устройства которых они, часто с пеной у рта, громогласно выступали, обличая колониализм, бесцеремонно делавший это, — здесь фактически был консенсус. Никто не осудил результаты деятельности Макартура и его советников. При этом стоит учесть, что американцы, ломая старое, отнюдь не переусердствовали, так что современная Япония с ее многими уходившими в далекое прошлое безобидными традициями и всей системой ценностей осталась именно Японией. Ломалось же все то,

что было связано с необходимостью становления буржуазной рыночно-частнособственнической экономики и необходимых для ее процветания либерально-демократических институтов.

Едва ли есть нужда вдаваться в детали, ибо хорошо известные потрясающие результаты быстрого переустройства Японии на современный буржуазно-демократический лад стали очевидны несколько позже. Это преображение, которое превратило дальневосточную страну в бастион западного мира, стало удивлять не сразу. Зато совсем не зря мир вслед за немецким заговорил о еще более разительном японском экономическом чуде. Но для того, чтобы увидеть в данном феномене некую закономерность, стоит сопоставить его с тем, что сделали американцы с оказавшейся в сфере их оккупации южной частью Кореи.

Республика Корея была создана после первых наиболее трудных лет начального этапа преобразований на южной части территории бывшей японской колонии. С сентября 1945 г. страной управляла американская временная военная администрация. В поисках будущего руководителя создававшегося ими демократического государства американцы обратились к собственным политикам корейского происхождения. Был избран Ли Сын Ман, который в мае 1947 г. возглавил переходное правительство, а 9 сентября 1948 г., после выборов, стал президентом так называемой Первой республики, которая просуществовала до 1960 г. Вскоре после этого началась война, развязанная с согласия советского вождя хорошо подготовленной к ней КНДР, о чем уже шла речь. Под знаком этой войны (миллионные армии с каждой из сторон, учитывая помощь извне) прошло несколько лет, принесших Корее немало бедствий и страданий. Война, как известно, завершилась без ощутимых результатов для какой-либо из сторон, а послевоенная достаточно либеральная экономическая политика, связанная с реформами и потоком инвестиций, в основном из США, привела в южной части Кореи к существенным достижениям.

Однако эти достижения были смазаны как ужесточениями в сфере внутренней политики, так и вызванными этим поворотом в сторону авторитаризма протестными движениями конца 50-х гг., приведшими к падению правительства Ли Сын Мана. На смену ему вскоре пришла военная хунта во главе с Пак Чжон Хи, который на довольно длительный срок восстановил авторитарный политический режим. Это, впрочем, не помешало ему провести так называемые реформы обновления. Умело проводившиеся реформы в условиях явно выраженных авторитарных тенденций власти (ситуация, крайне редко ведущая к успеху) энергично способствовали с начала 60-х гг. бурному экономическому развитию страны. Собственно, именно в это время

и особенно в 70-х гг. население юга Кореи с энтузиазмом вырабатывало свой крайне успешный ответ на давно уже сделанный вызов модернизации, причем этот ответ в форме вестернизации очень гармонично сочетался с особенностями традиционного образа жизни в рамках корейского варианта конфуцианской цивилизации. Но в любом случае важно обратить внимание на то, что импульсы, заложенные американцами на начальном этапе сложного процесса преобразования юга Кореи, включая годы корейской войны, сыграли свою роль. Реформы 50–60-х и даже 70-х гг., связанные с не вполне обычными в такой ситуации тенденциями к авторитаризму, которые сопутствовали этим реформам и логически вели корейцев к демократии, сыграли решающую роль во всем упомянутом процессе. И об этом не стоит забывать, когда встает вопрос о некоей закономерности, которая способствовала успеху в развитии по пути возникновения буржуазного рыночно-частнособственнического общества в странах Дальнего Востока причастных к конфуцианской цивилизации с ее столь привычными тенденциями к прагматичному и гармоничному развитию.

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ СТРАН ЗАПАДА В СЕРЕДИНЕ XX в.

Первой и, пожалуй, самой главной особенностью глобального альянса стран Запада в годы формирования основ нового послевоенного мира в условиях гигантского по масштабам геополитического сдвига, коими был столь богат XX век, стало добровольное сближение этих стран. Речь об интеграции, как вполне очевидной и наиболее тесной в рамках одной лишь части Европы, так и более расширенной типа НАТО и некоторых иных аналогичных оборонительных союзов. И что характерно, альянс, вызванный к жизни возникновением двух противостоящих по основам социополитической структуры групп государств, не был именно западным по географическим и цивилизационным параметрам. В него с первых послевоенных лет начали вовлекаться дальневосточные государства, Япония и южная часть Кореи. К нему тяготели бывшие английские доминионы, пусть даже не все.

Важной в этом смысле новацией послевоенного Запада стало решительное, во многом отличное от довоенного и вызванное к жизни кардинально изменившимися обстоятельствами отношение к занимавшим столь заметное место в довоенный период тоталитарным режимам. Если до войны Запад, разрозненный и значительно ослабевший по сравнению с бурно растущими до предела милитаризованными тоталитарными странами, мог разве что в меру своих сил лишь готовиться к тому,

что на него нападут, то теперь он до предела отчетливо понял, что сила буржуазной либеральной демократии в ее единстве. И не только понял, но и начал решительно действовать именно в этом направлении. Собственно, у него больше не было выбора. Либо он добьется усиления в процессе энергичной интеграции, либо ему не уцелеть перед нажимом со стороны тоталитаризма, сила и потенции которого и после крушения держав оси не очень-то уменьшились. А если иметь в виду расширившуюся сферу влияния СССР в Восточной Европе и возникновение КНР, то приходилось принимать во внимание, что такого рода режимы остаются постоянной, быть может, даже растущей потенциальной угрозой для него, по меньшей мере в перспективе.

Второй важной особенностью альянса следует считать принципиальную его открытость для всех стран, успешно прошедших через процесс модернизации либо вестернизации, которые оказались в состоянии дать адекватный ответ на вызов и уверенно развиваться, быстро идти вперед по открывшемуся перед ними пути. Как легко понять, путь, который имеется в виду, — это уверенное движение к тем достижениям технико-технологического прогресса, которые были связаны с последним из великих вызовов, стоявших перед человечеством. Еще одно, что важно специально подчеркнуть, но что не было спецификой лишь середины XX в., это глубоко продуманная и ставшая одной из фундаментальных основ современного Запада детально разработанная социальная политика. В своей крайней форме она порой доходила уже в рассматриваемое время до уровня серьезного перераспределения доходов имущих в пользу неимущих (это своеобразный социализм, разумеется, не имеющий ничего общего с насильственным авторитаризмом большевистского марксизма). **Важно иметь в виду, что речь идет не столько об активном вмешательстве государства** в дела общества — хотя и это не стоит сбрасывать со счетов, особенно в кризисные периоды существования, — **сколько о понимании необходимости делиться.**

А это означает не только содержание на должном уровне большинства населения, что крайне важно для внутренней прочности общества, но и проявление особой заботы о недееспособных либо социально ущербных. При всем том именно такая социальная политика, которой привыкли бездумно спекулировать некоторые любители понятия *социализм* (они склонны считать шведский социализм чуть ли не разновидностью марксистского), свойственна буржуазной либерально-демократической рыночно-частнособственнической структуре. И вполне понятно, почему. Только эта структура, тем более уже во второй половине XX в., оказалась достаточно успешной и бога-

той, причем на всем Западе, для того, чтобы подобная политика стала вполне выносимой обществом реальностью. Об этом никогда не стоит забывать, так как на деле весь такой *социализм* является не более чем **разновидностью западной буржуазной демократии, ничего общего с коммунистическими идеями марксизма не имеющей.**

Глава тридцать третья. СССР И СТРАНЫ МАРКСИСТСКОГО СОЦИАЛИЗМА В СЕРЕДИНЕ ВЕКА

Приступая к теме о сущности политики руководства тоталитарных режимов левого коммунистического толка и имея в виду, что об этом уже шла речь, необходимо начать с оговорок. Главная их суть в том, что одно дело — политика и образ жизни, создававшиеся руководством определенной страны, и совсем другое вынужденная жизнь ее населения, одного-двух, а то и трех поколений. Люди имеют только одну жизнь. И сколь бы тяжело не по их вине эта жизнь ни складывалась, как бы уродлива они ни была, это их доля. Спорить с ней бессмысленно. И люди вынуждены были жить так, как могли. Жить в тех обстоятельствах, которые им были предложены судьбой. Хорошо, если они не слишком задумывались над этим и верили пропаганде, уверявшей их, что они живут хорошо, во всяком случае намного лучше, нежели другие, например обитатели стран *загнивающего* капиталистического Запада. Эта убаюкивающая идеология заметно облегчала реальную жизнь большинства, а у некоторых даже рождала искреннюю веру в то, что все так и есть, как им о том твердят с утра до вечера. Невозможность, а то и нежелание знать правду, крайне важные для любой традиционной структуры власти-собственности с ее естественной тягой к неизменности, к консервативной стабильности, тоже необходимо учитывать. Благодаря невежеству либо насквозь извращенной трактовке реальности, а то и прямой откровенной лжи, приправленной будоражащими красивыми пропагандистскими лозунгами, люди приучались жить так, как было позволено, и подчас даже испытывать чувство комфорта.

А те, кому хотелось правды, кто стремился жить не по лжи (число таких со временем понемногу росло), обычно дорого за это платили, что всем было хорошо известно. Стоит также заметить, что в тех странах — это прежде всего касается Восточной Европы, — которые привыкли жить иначе либо были много лучше советского населения или китайцев знакомы с тем, как живут на Западе, люди намного энергичнее и чаще протестовали, что тоже в конечном счете сыграло свою роль. Но все же

главным было то, что тоталитаризм как режим оказался нерентабельным и потому постоянно уступал в темпах и результатах эволюции буржуазному Западу. Он мог надежно опереться разве что на военную мощь. Однако времена, когда этой мощью можно было бы с успехом воспользоваться в интересах мировой войны или *пролетарской революции*, уходили в прошлое, а в умении использовать достижения военной техники и технологии в мирных целях тоталитаризм как агрессивно-милитаристский режим решительно уступал Западу.

Все вышеприведенные оговорки освобождают от необходимости объяснять читателям — тем более тем из них, кто, не зная правды, привык верить мифам, — почему их взгляды на реальную и подлинную историю недавнего прошлого расходятся с теми, к которым пришел автор данного издания. Пришел на основании не только знакомства с суровыми реалиями XX столетия, но, в силу его профессии, в результате обстоятельного изучения принципиальных закономерностей и различных отклонений от них в ходе исторического процесса. Итак, обратимся к суровым реалиям все еще недостаточно полно известного многим нашего недавнего прошлого.

СССР ДО ВЕСНЫ 1953 г.

Начнем рассказ с драматического периода перед смертью вождя. Трудно быть предельно объективным, когда знаешь чудовищные преступления, свершавшиеся во имя имперского величия и стремления от имени несчастной изуродованной большевизмом страны к столь страстно желаемому мировому господству. Ведь хорошо известно, что и сегодня в нашей стране немало таких, кто склонен воспевать империю и был бы готов (только дайте ему волю) принести ради ее величия в жертву кровавому и ненасытному богу войны Молоху миллионы и миллионы жизней, будто бы появившихся на свет лишь ради этого. И ведь речь не о защите отечества, на которое давно уже никто не посягает. Суть проблемы сводится именно к империалистической агрессии. Но оставим в покое современных певцов тоталитарного режима со свойственной ему наступательной экспансией. Они скоро уйдут. А страна останется, как и ее население. И очень важно, чтобы люди умели верно оценивать свою жизнь и не желать мирового господства. В середине прошлого века все было не так. СССР после войны и особенно на первом этапе холодной войны, о котором уже было сказано, в буквальном смысле этого слова лихорадило. Страна как бы качалась, находясь под влиянием человека, явно потерявшего душевный покой. В чем это проявлялось?

Прежде всего во все увеличивавшемся активном вмешательстве вождя в повседневную — как сказали бы сегодня — жизнь страны и ее населения. Это вмешательство приняло характер в основном, причем в лучшем случае, нравоучительных поучений, но чаще жестких кампаний против тех или иных видных деятелей отечественной литературы, культуры, науки либо разных общественных организаций, например Антифашистского комитета советских евреев. Никогда прежде столько разнообразных постановлений, решений и пропагандистских кампаний в исторически небольшой срок, пожалуй, не было. Одна из них следовала за другой. Создавалось впечатление, что в стране происходило что-то совсем несуразное. Ее буквально лихорадило. А народ не успевал усвоить, что же неладно теперь, сейчас, сегодня. Возникает вопрос, чего вождь добивался этими грубыми вторжениями в жизнь людей и особенно в сферу творчества? Есть ряд соображений по этому поводу, но в целом вполне очевидно, что опасался он вольнодумства и стремился суровыми методами всячески ограничить свободу не только действий и слова, но также и мысли. Естественно, что основные удары наносились по тем слоям населения, которые всегда были потенциальными и реальными носителями знаний и способностей открывать и познавать новое. Речь об интеллигенции, в первую очередь творческой.

Уже 26 августа 1946 г., сразу же вслед за постановлением *О журналах «Звезда» и «Ленинград»*, от имени того же оргбюро ЦК ВКП(б) было опубликовано постановление *О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению*, в котором разные театры страны резко осуждались за *безыдейные пьесы*, дающие искаженное представление о *советской жизни*, а также за безответственность *театральной критики*. 4 сентября 1946 г. то же оргбюро приняло постановление *О кинофильме «Большая жизнь»*, который был посвящен восстановлению шахт Донбасса. В его тексте, много более широком и зловещем, чем заголовок, были подвергнуты суровому осуждению и вторая серия фильма классика отечественного кино С. М. Эйзенштейна «Иван Грозный», и ряд других кинофильмов за их *аполитичность, ошибочное идейное содержание* и несоответствие культурным запросам советского зрителя. Если приплюсовать эти шедшие одно за другим постановления к хорошо известному докладу Жданова перед ленинградскими писателями 21 сентября 1946 г., в котором резко и грубо были осуждены не только Ахматова и Зощенко, но и другие *им подобные несоветские писатели*, то картина окажется достаточно полной и вполне понятной. Кто как не те деятели литературы и культуры, которые прежде всего причастны к созданию произведений, рассчитанных на мас-

совое потребление, в ответе за то, чтобы идейная направленность всего их творчества была в духе того, что партийные верхи во главе с вождем сегодня считают правильным? И кому как не вождю и руководимым им органам исправлять ошибки и заблуждения этих деятелей?

Существенно заметить, что на этом — первом — этапе суровых одергиваний дело обходилось без упора на национальности деятелей культуры. Проблема Израиля в 1946 г. еще не всплыла на поверхность, а целью вождя в обстановке начавшейся холодной войны было приструнить *вольнодумцев*. И не только приструнить, но и грубыми окриками, часто с последующими оргвыводами, обеспечить строгую линию в противостоянии западному влиянию, что прежде всего должно было выразиться в идейной непорочности всех тех, кто позволял себе в этом смысле расслабиться и отойти хоть немного в сторону от четкой большевистской линии. Эта позиция, однако, просуществовала недолго, в основном реализовываясь в 1947 и начале 1948 г. Пожалуй, последним в ряду имеющих к ней отношение партийных документов было постановление политбюро ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. о формализме в сфере музыки. Речь шла об опере В. И. Мурадели «Великая дружба».

Согласимся, что музыка как сфера культуры наиболее сложна для критики с *идейных позиций*. Но по стилю текста постановления хорошо заметно, что и на сей раз вождь не только руководил процессом осуждения, но вникал в детали. Ему не понравилась музыка (сумбур!) и по его решению новая опера была выброшена из репертуара Большого театра. Но дело не ограничилось, как и прежде, осуждением одного композитора. Важнее было, что вместе с Мурадели оказались осуждены за *формализм* крупнейшие отечественные композиторы, самые знаменитые из них, Д. Д. Шостакович и С. С. Прокофьев. Народ, в массе не слишком причастный к серьезной музыке, был в некотором недоумении. Но ведь никто его мнения и не спрашивал. Неизмеримо важнее было то, что всем давалось понять, что вождь все видит, все знает и во всем понимает толк. И что любой, кто думает, что ему в его сугубо вроде бы элитарных делах все позволено, очень даже в этом ошибается.

Собственно, именно теперь и как раз в этом пункте вслед за деятелями культуры пришел черед ученых из разных сфер знания, от физики до истории и философии. Эта проблема заслуживает особого упоминания еще и потому, что на сей раз гонения на *лжеученых* стали, пусть далеко не всегда, переплетаться с описанной ранее кампанией против евреев-*космополитов*. Это, к слову, заметно облегчалось тем объективным обстоятельством, что среди деятелей отечественной науки кандидатов в *космополиты* было более чем достаточно. Дискуссии по научным проблемам начинались по-разному. В случае с биоло-

гией, например, любезный вождю агроном Т. Д. Лысенко, постоянно твердивший о его (беспартийного!) преданности партии и политике руководства страной и добившийся этим, равно как и завидным умением убеждать не слишком сведущих в биологии людей в реальности своих достижений в науке, сумел в середине 30-х гг. выдвинуться. Он оттеснил на задний план (со временем добился и ареста) крупнейшего ученого-биолога страны руководителя Института генетики и Всесоюзной сельскохозяйственной академии (ВАСХНИЛ) Н. И. Вавилова и занял его место. И вскоре лжеученый оказался в глазах вождя истинным идейным представителем *мичуринской биологии*, тогда как его противников, серьезных исследователей, объявили *лжеучеными* и склонными к низкопоклонству специалистами, чье уважение к западной науке и ее достижениям следовало решительно искоренить.

Доклад Лысенко летом 1948 г. на сессии ВАСХНИЛ дал мощный сигнал к решительным преследованиям не только биологов, будто бы враждебно настроенных к достижениям советской науки СССР, разных *вейсманистов* и *морганистов*, но и многих специалистов в ряде других отраслей науки. Объектом едва ли не наиболее жестких преследований наряду с генетикой (вейсманистами-морганистами) стали кибернетики. Этим термином тогда именовали все те наисовременнейшие и потому слабо контролировавшиеся властями отрасли науки, связанные с электроникой и информатикой. Или, иначе, все то, что сегодня имеет отношение к компьютерам, к интернету, мобильникам и всему тесно с этим связанному (едва ли придется удивляться тому, что все это сегодня у нас импортное, что страна не умеет производить свои компьютеры или мобильники). Как то ни покажется странным, внешне такие кампании иногда могли выглядеть как стремление сохранить некоторый баланс в стране, крайне растревоженной столь странным для общества *дружбы народов* (этой дружбой клялись на каждом шагу, тогда как о варварском выселении целых народов в годы войны, будь то немцы Поволжья или чеченцы и иные кавказцы, никто не знал — кроме самих пострадавших, да еще тех, кто этим занимался, давая при этом клятву молчания) преследованием евреев. Баланс, о котором идет речь, был найден как в виде отношения ко всем деятелям некоторых неугодных вождю областей науки, т.е. к специалистам разных национальностей, так и в форме острых политических преследований вроде так называемого *ленинградского дела*.

Суть этого насквозь фальшивого дела сводилась к тому, что руководитель совета министров РСФСР М. И. Родионов предложил создать (как то было во всех остальных республиках СССР) в федерации свою компартию, да еще собственные гимн и флаг. Причаст-

ными к этому *вредительскому* делу с целью создания в Ленинграде *антипартийной группировки* и противопоставления местной парторганизации всей партии с ее ЦК оказались также секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецов, председатель Госплана СССР Н. И. Вознесенский и ряд других видных руководителей города, которые вместе с Родионовым уже в 1949 г. (дело началось с постановления политбюро партии 15 февраля того же года) после ареста и пыток были расстреляны. Но вождь, руководивший всем делом, на этом не остановился. И имеется в виду отнюдь не то существенное, но в конечном счете ставшее привычным обстоятельство, что рядом с высшими руководителями в 1950–1952 гг. пострадали еще многие сотни людей, а члены семей репрессированных высылались, если не подвергались жестоким репрессиям. Речь о том, что наводившие страх на людей кампании, будь то гонения на *космополитов* или ленинградских *вредителей*, преследовали все ту же цель, к которой всегда стремился вождь, — запугать всех, дабы страна боялась и все остерегались любого неповиновения. Пусть никто не думает, что если он не еврей или не ленинградец, то в безопасности. Отнюдь! **Дрожать были обязаны все.**

Но на этом старания вождя указать всем их место не закончились. Летом 1950 г., как раз в момент начала войны в Корее, он выступил в газете Правда с заявлением, что к нему будто бы обратилась *группа товарищей из молодежи* с просьбой высказать свое мнение по поводу языкознания и особенно роли марксизма в языкознании. Вся страна внимала тому, что вождь думает о лингвистических проблемах (существенно заметить, что в научных кругах в это время шли споры по некоторым из них). И хотя мнение вождя было принято к сведению, важно вовсе не то, что он сказал о языке, что это не надстройка и нечто вовсе не *классовое*. Гораздо важнее было то, что он снизошел до лингвистических споров и показал всем, что нет ничего в стране, за чем бы он бдительно не следил. **Все опять-таки должны были все время помнить, кто возглавляет страну и насколько он — вождь — выше любого другого.**

Впрочем, время безжалостно шло вперед. И, несмотря на все убедительно продемонстрированное стране величие, вождь понемногу, но вполне заметно сдавал. После всенародного празднования семидесятилетия (декабрь 1949 г.) он не мог не сознавать, что время неумолимо подводит его к финишу. Что же следует еще сделать? Как не упустить самое важное? Нет слов, многое было уже сделано. В стране в 1947 г. была проведена денежная реформа, отменена карточная система. Восстанавливалась экономика. Завершались испытания ядерного оружия. Поставлены на место все, кто в чем-то сомневался и не спешил поддер-

живать линию партии. Жестоко наказаны евреи, посмевшие не поддержать политику партии в самом Израиле. Понесли заслуженную кару те партийные руководители, кем бы они ни были, кто смел поднять голову. В холодной войне был сделан — в Корее — решающий ход, от которого многое зависело и который уже, после включения в войну Китая, практически невозможно было переиграть. Правда, существенно принять во внимание то крайне досадное для вождя обстоятельство, что отношения с Югославией, глава которой маршал И. Броз Тито вел себя все более независимо и где не было ни советских войск, ни НКВД, обострились до предела. Это умаляло престиж советской власти в *лагере социализма*. Но тут уж трудно было что-либо сделать. Югославия — большая страна, а традиции партизанской борьбы в ней давно и прочно укоренились. Не начинать же, на потеху всему свету, войну с этим вроде вполне *социалистическим* государством?! Лучше уж смириться со status quo и обратить еще раз внимание на то, чтобы все в стране привести в порядок, дабы никому не было повадно следовать примеру недостойного югославского маршала и всей клики Тито.

В начале 1952 г. в связи с дискуссией в процессе подготовки учебника по политэкономии вождь выступил в печати с замечаниями об экономических проблемах социализма в СССР. Нельзя сказать, что после этого были внесены важные поправки в экономическую политику страны. Но внимание к ней обострилось. Кроме того, на рубеже 1951–1952 гг. был дан приказ готовиться к давно не созывавшемуся очередному съезду партии. XIX съезд состоялся в октябре 1952 г., причем на нем было изменено название партии (КПСС) и предложено вождем избрать вместо Политбюро Президиум ЦК из 25 человек, а в нем — бюро из нескольких высших руководителей, в числе которых не было Молотова, к которому вождь начал относиться с подозрением. Показательно, что уже чувствовавший себя нездоровым вождь не взялся делать отчетный доклад (его делал Г. М. Маленков, доклад об уставе — Н. С. Хрущев), а ограничился кратким заключительным словом. И хотя по существу все на съезде прошло, как обычно, близким к вождю людям было ясно, что дни его сочтены. Очень скоро это проявилось в последней его всенародной кампании. Речь о знаменитом *деле врачей*.

В этой кампании, как в фокусе, слилось все, что к концу жизни наиболее болезненно — можно даже сказать, патологически, навязчиво и психически неуравновешенно — начало восприниматься вождем. Речь о том, как обострившаяся ненависть к евреям-*космополитам* плавно перетекла в ожесточение по отношению к *плохо лечившим* вождя евреям-врачам (их было большинство в медицинской, особенно кремлевской элите специалистов). И, как логическое завершение цепочки,

непримиримость к той самой *мировой закулисе*, которую многие ищут и находят по сей день и которую вождь задолго до наших дней упрямо видел в числе руководителей действиями кого угодно из тех, кому он перестал доверять. В деле врачей это была, по его мнению, международная и подкармливавшаяся американской разведкой сионистская организация Джойнт. Как только дело — а следствие шло по меньшей мере с 1952 г. и связанные с ним аресты врачей в основном в ноябре того же года — стало сенсацией (речь о статье в «Правде» 13 января 1953 г.), бурная и, увы, активно поддержанная народом волна махрового антисемитизма прокатилась по стране. Врачей *виновной* национальности увольняли и преследовали, а стремление наказать столь нехорошую национальность проявилось, помимо всего, в слухах том, что будто бы готовится постановление о выселении всех ее представителей в Сибирь.

Дело врачей завершилось, к счастью, немногими жертвами из арестованных. Остальных спасла смерть вождя 5 марта 1953 г., после чего дело закрыли. Все медики были отпущены на волю и, насколько можно судить, в основном возвращены на их рабочие места (без врачей никакое современное общество, вполне понятно, обойтись не может). Зато перед страной во всю его гигантскую ширь встал вопрос, как жить дальше. Смерть диктатора в любой стране не ведет просто к вздоху облегчения — слишком сложна проблема перестройки общества. Стократ сложнее всё в случае смерти вождя тоталитарного государства, да еще с такими претензиями и таким размахом деятельности, включая претензии на господство над миром, какие были характерны в нашем случае. В СССР и во всех подвластных ему странах эта проблема резко обострилась. Как быть?

СТРАНА ПОСЛЕ ВОЖДЯ. Н. С. ХРУЩЕВ У ВЛАСТИ

Оставляя в стороне все, что произошло в дни похорон (а они привели к кровавой тризне, связанной с давкой и множеством задавленных толпой из числа тех, кто стремился увидеть мертвое тело), стоит сразу же сказать, что весь мир отнесся к этому событию с заслуживающим того вниманием. Со стороны стран Запада были высказаны официальные соболезнования, которые сопровождались уверенностью в том, что смерть вождя неизбежно приведет СССР, а вместе с ним и весь мир, к некоторым переменам. Активно делили власть между собой те, кто вошел на последнем съезде партии в состав бюро президиума КПСС. Как известно, в ходе этой совсем не простой процедуры лишился жизни наиболее одиозный из них, глава репрессивных органов Л. П. Берия, постепенно утратил власть бывший вначале во главе пра-

вительства Маленков с его реформами в колхозной деревне и впервые выдвинутым именно им тезисом *Мы — за мирное сосуществование*. А на авансцену вышел первый секретарь партии Н. С. Хрущев, под знаком правления которого прошло чуть больше десяти лет.

Это десятилетие стало особенным в жизни СССР. Его подчас именуют периодом оттепели, хотя растаяло от сталинского льда в измученной стране далеко не все. Тем не менее, появились надежды, и они не были ни пустыми, ни напрасными. Многое начало меняться. Для начала люди подняли головы, стали свободнее общаться и разговаривать. Становилось нормой пренебрегать — разумеется, до известной степени, не более того — теми многими писаными и неписаными запретами, которые до того жестко регламентировали их привычный образ жизни. Страна с внутренним, не очень заметным внешне нетерпением ожидала от власти — а иначе не было принято действовать — каких-то послаблений и перемен. И они последовали, пусть не сразу и не во всем решительно, на что, впрочем, никто и не рассчитывал. Ведь во главе продолжала оставаться партия *нового типа* с ее надежной силовой основой в лице никуда не подевавшихся и остававшихся теми же репрессивных органов.

К чему сводились перемены, столь обнадеживающе сконцентрированные в понятии *оттепель* (этим словом была озаглавлена книга писателя Ильи Эренбурга, вышедшая в свет сразу после смерти вождя) о событиях в нашей стране? Их было много, даже очень много, причем противоречивых, как крайне неоднозначна и фигура Хрущева, явно не очень хорошо понимавшего, куда и к чему следует вести страну, а за ней и весь *социалистический лагерь*. Не слишком вдаваясь в мелкие, пусть и значимые подробности, важно вычленить главное. Главное же сводится к нескольким основным позициям.

Первая из них — конец эпохи бесчеловечных репрессий, которые одни только, заметим как бы в скобках, и могли держать взнузданную страну (правда, все же неизвестно, сколь долго) в строгом повиновении. Нельзя сказать, что давно находившийся на вершине власти Хрущев не понимал роли репрессий. Но он хорошо помнил и понимал другое, то, как сам он и все, кто был рядом с ним (не говоря об остальном населении огромной страны), постоянно тряслись от страха. Тряслись даже тогда, когда проигравший начало войны фюреру вождь был в состоянии глубокой депрессии и с полным основанием мог и должен был за это взят, что называется, голыми руками (есть основания полагать, что вождь тогда, на рубеже июня–июля 1941 г., понимал и даже ожидал этого). Именно подобного рода немаловажное обстоятельство побудило Хрущева взяться едва ли не прежде всего за амнистию уце-

левших жертв вождя, которые были не только освобождены, но и трудоустроены, наделены по большей частью вполне приличным жильем. Нет смысла углубляться в цифры. Много важнее отметить, что столь разумно-справедливый акт придал правлению Хрущева немалый авторитет. Люди как бы поверили в то, что их ожидания не напрасны.

Второе — развенчание культа Сталина. Знаменитый XX съезд КПСС в феврале 1956 г. с его секретным, но ставшим вскоре общедоступным докладом о преступлениях вождя потряс страну и весь мир. Доклад и съезд были тесно связаны с политикой реабилитации репрессированных. Однако значение их было много большим. Мало того, что сразу же во всей стране бесчисленные изображения вождя были решительно убраны — и история, к слову, от этого никак не пострадала. История все помнит и никогда о преступлениях не забудет. Но не менее важно и другое: **весь мир как бы перевернулся в глазах многих из тех, кто все еще слепо верил в вождя, несмотря ни на что**. Это касалось как нашей страны, так и других. Заслуживает внимание и то, что не очень храбрый и явно боявшийся последствий этого шага Хрущев нашел в себе мужество сделать его. Более того, воодушевленный успехом, он пошел дальше и провозгласил весной 1957 г., что перегонит США по производству молока и мяса. А когда недовольные этим члены политбюро выступили против него, он не остановился перед тем, чтобы с позором удалить их, а чуть позже и маршала Жукова, чьего влияния на армию он опасался, в том же 1957 г. от руководства страной. Казалось бы, все шло к лучшему. Но на деле ситуация постоянно осложнялась. Это с особой силой проявилось вскоре после обещания обогнать Америку.

Третьим из заслуживающих внимание успешных дел Хрущева — но, к сожалению, успешных лишь частично — **стала его забота о людях**. Как то хорошо известно, сегодняшнее городское население не перестает издеваться над *хрущобами*, всем известными примитивными пятиэтажками. Едва ли стоило бы не только сегодня, но и вообще когда-либо потешаться над этими в общем-то убогими сооружениями. Ведь благодаря именно им многие десятки миллионов людей, почти все городское население страны за исторически короткий срок забыло о бараках, где в одной большой комнате, как правило, жило несколько семей, а *удобства* были во дворе, о коммуналках с одной кухней и уборной на порой дюжину комнат и семей и о плотно заселенных подвалах сталинской эпохи. Люди обрели современного типа квартиры со всеми удобствами.

Правда — и с этого начинается отсчет неудачам в политике, направленной на улучшение жизни, — по отношению к крестьянам эта забота оказалась почти не заметной. И если первые успешные преобразования

Маленкова, который уменьшил вдвое налоги и разрешил увеличить размер приусадебных участков, дали потрясающий эффект (продуктов стало производиться, в основном на этих участках, намного больше), то вскоре неразумные представления Хрущева о судьбах страны и народа стали вести страну к потерям. В чем смысл едва ли не всех ошибок и благоглупостей Хрущева, не говоря уже о серьезных просчетах, порой граничивших с преступлениями против народа, которые можно и должно поставить ему в вину? Они легко объяснимы и — увы — были практически неизбежными. Все дело в том, что, получив в свое время сколько-то сносное образование советско-партийного типа, он был советско-коммунистическим лидером средних интеллектуальных возможностей. Будучи пусть далеко не фанатичным, но все же ортодоксальным коммунистом, он вполне искренне верил в то, что через какие-нибудь два десятилетия сумеет безо всяких репрессий построить в измордованной вождем стране то самое светлое будущее, о котором всю жизнь слышал как о мечте, но в реальность которого, похоже, верил. Едва ли он понимал, что такое коммунизм, но идти к нему считал своим долгом. И соответственно действовал, исходя из того, что в коммунизм входить с частнособственническими пережитками нельзя.

Но как можно? Как нужно? И что для этого необходимо делать, с чего начать, если увеличивать крестьянские участки и тем самым вести дело к расцвету частнособственнических инстинктов заведомо нельзя? Начал он с того, что в 1954 г. попытался добиться решительного прироста урожая в стране за счет всенародной кампании по подъему целины. Через несколько лет, однако, выяснилось, что не освоенные земледельцами степные почвы Казахстана и Восточной Сибири не были освоены отнюдь не случайно. Для интенсивного земледелия они оказались абсолютно не пригодны, а то, что было вспахано, стало превращаться в гигантский пылевой котел (видимо, это было заранее известно и, скорее всего, специалисты об этом предупреждали — но ведь ради победы коммунизма разве не пойдешь на риск?!). Неудача не остановила энтузиаста перемен в сельском хозяйстве страны. Вновь урезав в 1956 г. крестьянские участки и увеличив налоги, дабы мяса и молока (тех самых, добыв которые он предполагал обогнать Америку) деревня сдавала больше и к коммунизму мы стали ближе, Хрущев заметно усугубил продовольственную проблему в стране. Прибавьте сюда его требование выращивать кукурузу, которая в условиях России росла далеко не везде (а налаживать развитый рынок нельзя — какой же это коммунизм?). И, как вершина неудач, расстрел летом 1962 г. демонстрации недовольных ростом цен в Новочеркасске, что уж совсем с коммунизмом не вязалось, зато репрессии вождя весьма напоминало.

Неудачи преследовали Хрущева не только в сфере экономики. Они столь же выпукло проявляли себя в области идеологии и культуры (в 1958 г. скандал с романом и Нобелевской премией писателя Б. Л. Пастернака, затем скандал на выставке художников в Манеже), хотя сам глава КПСС этого, похоже, не понимал. И, наконец, следует напомнить о его внешней политике. Она была активной, даже в некотором смысле излишне активной, что мы вправе считать неизбежным следствием реформ в стране, начиная с десталинизации. О проявлениях недовольства в *социалистическом лагере* и среди лидеров компартий чуть дальше. А вот обо всем том, что касается внешнеполитических акций по отношению к противостоящему миру (не забудем о продолжавшейся холодной войне!), самое время сказать теперь.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Проблемы холодной войны не могли не быть в центре внимания и после смерти вождя. Но вопрос в том, как их следовало воспринимать. Мир в Корее был свидетельством того, что жесткость курса на конфронтацию и движение к новой крупномасштабной войне вроде бы уходили в прошлое. В мае 1955 г. в Женеве главы правительств СССР, США, Великобритании и Франции заключили государственный договор с Австрийской республикой и возникла нейтральная и независимая Австрия, причем из этой страны были выведены все оккупационные войска. О снижении уровня напряженности в холодной войне свидетельствовало и то, что на XX съезде КПСС в 1956 г. был поставлен вопрос о мирном сосуществовании, о смягчении этой войны до толерантного уровня. В докладе на съезде Хрущев заметил, что страны с разными социальными системами не просто могут сосуществовать рядом друг с другом, что надо идти дальше, укрепляя взаимное доверие и стремясь к сотрудничеству, а фатальной неизбежности войны нет. Это важное заявление не было оставлено без внимания, хотя прежний курс на активизацию поддержки международного коммунистического движения не слишком содействовал реализации такого сосуществования, ибо подрывал его основы. Кроме того, западные страны не могли не учитывать того, что по мере накопления в СССР ядерного оружия и средств его доставки на рубеже 50–60-х гг. все чаще звучали совсем иные речи. Смысл их сводился к тому, что ядерная война — не конец существования человечества, ибо если осужденный историей капитализм развяжет такую войну, то именно он в ней и погибнет.

Конец 50-х гг., несмотря на лозунги о мирном сосуществовании, прошел, стоит заметить, под знаком усиления нажима со стороны СССР на Запад. В 1956 г., особенно после успехов в испытании баллистических ракет и вывода на орбиту первых советских спутников, Хрущев поставил вопрос о статусе Берлина, находившегося в центре ГДР, и чуть ли не предъявил ультиматум странам Запада. Переговоры по этому вопросу затянулись, а ГДР стала ограничивать перемещения граждан западных зон города на восток и обратно. США и, в частности, президент Эйзенхауэр, предприняли меры к тому, чтобы смягчить взаимоотношения. Хрущев посетил президента в Кемп-Девиде и согласился на новые переговоры. Они должны были начаться в СССР в мае 1960 г., но полет американского самолета над Свердловском, где он и был сбит, сорвал эту договоренность. А когда в конце того же 1960 г. Хрущев вновь посетил США в качестве главы советской делегации на Генеральной Ассамблее ООН (вспомним эпизод с башмаком, который был им использован для того, чтобы громким стуком заглушить одно из выступлений), он оставил по себе не очень благоприятное впечатление.

Тем не менее, престиж СССР в эти годы стал расти. Это было связано прежде всего с успехами страны в космосе. Полет Ю. А. Гагарина в апреле 1961 г. оказался неоценимым вкладом в рост упомянутого престижа, а вместе с ним и всего того, что представлял собой и как действовал, пусть неуклюже, на внешнеполитической сцене глава СССР Н. С. Хрущев. Этот колоссальной значимости в истории человечества факт как нельзя лучше сыграл в пользу внешней политики Хрущева, хотя именно его особой заслуги в этом не было. Но, окрыленный успехами в космосе, Хрущев в июне 1961 г. на встрече с президентом Д. Кеннеди вновь выдвинул определенные претензии по отношению к статусу Берлина. Но не встретив должного понимания, он санкционировал строительство печально знаменитой Берлинской стены, возведенной властями ГДР в августе 1961 г. Вообще с этого момента, с лета 1961 г., шло нарастающее ужесточение внешнеполитического курса СССР, что завершилось, как хорошо известно, Карибским кризисом 1962 г.

Кризис начался с того, что американский самолет 14 октября 1962 г. заметил на территории Кубы советские ракеты. 22 октября Кеннеди в выступлении с обращением к народу рассказал об этом, продемонстрировав через два-три дня миру соответствующие фотоснимки. А так как советские корабли все еще шли в сторону Кубы с новыми ракетами, он угрожающим тоном предложил главе СССР вывезти все ракеты с Кубы. В обмен на это он гарантировал отказ от попыток свергнуть

режим Ф. Кастро, который в начале 1959 г. возглавил правительство этой страны и начал проводить реформы, ведшие к созданию структуры советско-социалистического типа. Оказавшись перед угрозой войны, Хрущев, до того, видимо, не очень серьезно воспринимавший возможную реакцию США на свои действия, вынужден был согласиться. А осознание того, что мир из-за подобных действий несколько недель был в состоянии чрезвычайного напряжения вследствие стремления к демонстрации советского превосходства, что глава СССР подвел человечество к грани ядерного самоуничтожения, стало со временем одним из тех моментов, которые определили многое. И, в частности, дальнейшую политическую судьбу самого Хрущева.

Вообще-то могло показаться, что ничто не угрожает его власти. Только что, в октябре 1961 г., с успехом прошел XXII партийный съезд, принявший новую программу, в которой по-прежнему утверждалось, что источник военной угрозы — мировой капитализм, готовящий термоядерную войну, что нужно бороться за исключение войны из жизни человечества. И что, хотя капитализм еще может сколько-то просуществовать, он исторически обречен. Пока же следует продолжать бороться за мирное сосуществование, вести переговоры, уважать территориальную целостность всех стран и т.п. Но если принять во внимание Карибский кризис, то напрашивается логичный вывод, что программа — программой, а Н. С. Хрущев с его явно непредсказуемым темпераментом и соответствующими решениями остается тем же, кем был. И это — разумеется, с учетом всего остального, накопившегося за десятилетие с небольшим, — сыграло свою роль в том, что заговор партийной верхушки привел в 1964 г. к падению незадачливого преемника вождя. Это падение, завершившееся лишь отставкой, означало конец еще одного периода в истории нашей страны.

СОБЫТИЯ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ЛАГЕРЕ

Восточноевропейские страны и ГДР, получившие наименование *страны народной демократии*, успешно развивались. Разумеется, по уровню развития они не только по-прежнему отставали от стран Запада, но увеличивали разрыв, что было особенно заметно на примере отгородившейся от ФРГ укрепленной границей и мощной стеной в Берлине ГДР, жители которой до создания упомянутых укреплений массами бежали на Запад. Но, даже приняв это во внимание, можно с уверенностью сказать (готов засвидетельствовать это ссылками на личный опыт), что и по уровню жизни, и по традициям, и по стандартам повседневной культуры и обыденного сознания все страны, о которых идет речь, были мало похожи на то, что считалось привычной

нормой в СССР. Можно сказать и больше: пусть не столь бросающейся в глаза, но все же весьма ощутимой была подобная же разница между вновь включенной в состав Советского Союза (с переехавшими туда россиянами) Прибалтикой и остальной частью нашей страны. Не стоит здесь рассуждать о том, почему это так, но принять этот факт во внимание стоит, ибо все это сыграло позже свою решающую роль, обусловив сегодняшнюю границу между Западом и Россией. И неплохо бы учесть, что никто из русских жителей Прибалтики, не имеющих там статуса полноправных граждан, не стремится возвратиться в Россию.

Возвращаясь к странам *народной демократии*, важно обратить внимание на то, что они с трудом поддавались советизации, реализовать которую было главной целью КПСС при вожде и после него. Нет слов, за ряд десятилетий коммунисты справились с этой трудной задачей. Но, во-первых, это давалось им очень не легко и спорадически вызывало бурные проявления массового недовольства с протестными движениями, а во-вторых, оказалось в итоге ненадежным. И об этом необходимо сказать в первую очередь, так как в странах, о которых идет речь, исторический процесс проявлялся прежде всего и главным образом именно в этом. Начать стоит с **Югославии**.

Эта страна — следует напомнить, мало чем отличавшаяся от других в том, что касается движения по пути строительства социализма советского типа, — в послевоенное время и особенно на рубеже 40–50-х гг., проявляла политическую самостоятельность. Она началась в активности в делах Балканского полуострова, включая Албанию и Грецию, в которой все еще шла гражданская война. Суть активности заключалась в попытках создать нечто вроде союза стран этого региона при ведущей роли в этом сообществе именно Югославии. СССР следил за такой деятельностью с явным неодобрением. Советский вождь предложил создать федерацию Югославии с одной лишь Болгарией, где влияние СССР было очень сильным. Но этого не хотел Тито. В качестве жесткого ответа в марте 1948 г. советские специалисты были отозваны, а высшее югославское руководство обвинено в претензиях на руководящую роль на Балканах, в авантюризме во внешней политике, непонимании марксизма и скверном отношении к СССР. В апреле 1948 г. руководство Югославии отвергло обвинения в недружественном отношении к СССР.

В мае в ответ на это было выдвинуто обвинение Тито и других руководителей Югославии в отступничестве от марксизма, а в июне того же 1948 г. уже все компартии восточноевропейских стран поставили вопрос о несоответствии политики Югославии стандартам, которые приняты в *социалистическом лагере*. С осени этого года *клика Тито* превратилась

в пропаганде в открытого врага. Возникали вооруженные конфликты на границах Югославии, а кампания преследования некоторых видных партийных деятелей в ряде стран народной демократии, о которой упоминалось в связи с преследованиями космополитов, связывала их *враждебную деятельность* порой и с *симпатиями к Югославии*. Тито в ответ на это начал контрнаступление с обвинениями советского руководства в гегемонизме и в *перерождении социализма*. А страны Запада не преминули использовать этот конфликт в своих интересах, организовав помощь Югославии. Смерть Сталина послужила сигналом к концу затянувшегося конфликта. Укрепившись у власти, Хрущев в 1954 г. провел предварительное зондирование обстановки и, уверившись в положительной реакции, в 1955 г. во время визита в Югославию снял все претензии к ней и даже принес нечто вроде извинения. Но, хотя отношения с этой страной были восстановлены, она осталась не просто чем-то особым рядом с остальными восточноевропейскими странами народной демократии, но и сохранила возможность проводить самостоятельную и до известной степени независимую от СССР политику, как внутреннюю, так и внешнюю. Это немаловажное обстоятельство стоит иметь в виду, оно оттеняет ту ситуацию, которая складывалась в некоторых других восточноевропейских странах после разоблачений на XX съезде ВКП(б). Имеются в виду прежде всего и даже в основном события в Польше и особенно в Венгрии.

В **Польше** ситуация уже вскоре после смерти Сталина становилась все напряженней, особенно связи с делом Берии, которого там не без оснований считали одним из наиболее страшных представителей советских репрессивных органов. Эти органы сыграли, как известно, зловещую роль в уничтожении в Катыни многих выдающихся деятелей польской культуры, одетых в то время в офицерские шинели. А так как смерть диктатора в странах народной демократии была воспринята как сигнал к ослаблению повседневно нарастающего давления, которое ощущалось до того, то нет ничего удивительного, что в Польше, более всего пострадавшей от советских репрессий, недовольство постоянно нарастало. Это нашло свое проявление в появлении более или менее критических статей в прессе, что в свою очередь возбуждало общественное мнение в стране. Поэтому вполне понятно, что разоблачение преступлений советского вождя и созданного им тоталитарного режима накалило обстановку. Смерть главы страны Б. Берута и проблема избрания нового партийного руководителя еще обострили проблему, придав ей отчетливый политико-идеологический оттенок. Это обусловило необходимость прибытия в марте 1956 г. в Польшу советской делегации во главе с Хрущевым, который, несмотря на его заверения

не вмешиваться в выборы (формально делегация прибыла для участия в похоронах), счел желательным найти замену Беруту в лице Э. Охаба. Однако распространенный параллельно с этими событиями текст доклада на XX съезде породил весьма бурную реакцию, в центре которой оказались многие больные для поляков вопросы. Эти вопросы волновали всех, ибо затрагивали многое, начиная с варшавского восстания, которое в годы войны было подавлено немцами при полной безучастности видевших это с другого берега Вислы советских войск (у них был приказ ставки не вмешиваться), и кончая правомерностью пребывания советских гарнизонов в стране.

Летом 1956 г. в Познани состоялись массовые протестные выступления с лозунгами экономического и политического (*Долой коммунизм!*) характера. Движение было подавлено силой. Десятки убитых, сотни раненых. На очередном пленуме ЦК ПОПР (Польской объединенной партии рабочих) обсуждался вопрос о партийном руководстве. Был восстановлен в партии исключенный из нее несколько лет назад (и находившийся некоторое время в тюрьме) за *правонационалистический уклон* бывший секретарь партии В. Гомулка, которого в октябре 1956 г. — после обещания очередной советской делегации, что Польша не собирается выйти из Варшавского договора, — избрали главой ПОПР. А советский маршал К. Рокоссовский, ставший после войны по настоянию вождя министром обороны Польши, покинул страну. Столь радикальные перемены удовлетворили обе стороны, и конфликт в Польше был улажен.

Много хуже обстояло дело в **Венгрии**, руководитель которой М. Ракоши с первых послевоенных лет осуществлял крайне жесткую репрессивную политику. Ставший летом 1953 г. главой правительства И. Надь взял курс на реформы, но доносы Ракоши в Москву привели к решению Хрущева о его отставке в апреле 1955 г. События в Польше летом–осенью 1956 г. пробудили у венгров новые надежды. В конце октября в Будапеште и других городах состоялись массовые демонстрации, наиболее активной частью которых стали студенты. Глава венгерских коммунистов Э. Гере пустил в ход оружие, но события развивались стремительно. Уже 22 октября к должности главы правительства вернулся Надь, а несколькими днями позже Гере был заменен Я. Кадаром. По всей стране стали возникать местные народные формы власти, в которых принимали участие представители разных партий. Перешедший на сторону восставших Надь отказался считать это *контрреволюцией*, а 28 октября им были распущены органы безопасности. В московском президиуме ЦК КПСС в тот же день возникли споры о том, что делать. Решили отступить и продолжать поддерживать кон-

такт с руководством. Но через пару дней, 31 октября, решение было изменено. Дело в том, что в ночь на 30 октября началась война Израиля, Англии и США за Суэцкий канал с Египтом. И Хрущев на заседании руководства КПСС заявил, что теперь следует пересмотреть решение и начать наведение порядка в Венгрии. Если СССР этого не сделает, его поведение будет расценено как слабость и подбодрит империалистов. 4 ноября 1956 г. советские войска вступили в Венгрию, и позиции СССР в этой стране ценой немалых жертв среди местного населения были восстановлены. И. Надя арестовали и в 1958 г. после суда над ним казнили. А решительно взявший в последний момент сторону руководителей СССР Кадар стал руководить Венгрией по-старому.

Теперь несколько слов о странах затронутого коммунистической идеей Востока, которые в социалистический лагерь не входили. Годы Второй мировой войны были периодом не утихавшей гражданской войны в **Китае**. А конец этой войны и резкое усиление позиций китайских коммунистов в результате появления на Дальнем Востоке мощной советской военной группировки и разоружения Квантунской армии в Маньчжурии сыграли важную роль в последующих событиях. Они за несколько лет привели к поражению гоминьдановского Китая (его руководство, остатки армии и почти вся элита страны переместились на остров Тайвань, который именно с этого времени начал бурно развиваться и превращаться в процветающую республику буржуазного типа), где в 1949 г. было отпраздновано создание Китайской народной республики (КНР), коммунистическое руководство которой сразу же дало понять, что будет строить новую жизнь в основном по советской модели.

Показательно, что сразу же после этого, в декабре 1949 г., Мао отправился с визитом в Москву, где Сталин встретил его не слишком дружелюбно. Долгие несколько недель вождь его вообще не желал видеть. Это не значит, что не хотел признать великого значения свершившегося в Китае. Напротив, хорошо понимал значение этого. Более того, с его санкции был составлен договор о дружбе, союзе и взаимопомощи, подписанный 14 февраля 1950 г. и предполагавший весомый вклад в восстановление разрушенной войной страны. Но этот чрезвычайной важности факт ничуть не меняет того, что Сталин, чьи не очень частые эмоциональные переживания длились несоразмерно долго (вспомним его депрессию в первые дни войны в 1941 г.), просто не торопился принимать Мао, просчитывая все *pro* и *contra* и вместе с тем давая понять гостю, кто есть кто. Мао это запомнил и в свою очередь не приехал в Москву на похороны вождя несколько лет спустя (все другие лидеры компартий прибыли).

Об этом не стоит забывать по ряду причин. Первая из них в том, что советский вождь не терпел соперничества (едва ли стоит об этом лишний раз напоминать — вся история его руководства страной перед глазами). А вторая сводится к тому, что явно не слишком хорошо зная Китай и тем более не будучи уверенным в том, куда в реальности повернет новое руководство без заботливой повседневной опеки СССР (ни советские войска, ни НКВД в этой стране ведь не присутствовали), Сталин хотел соблюсти необходимый баланс. Суть его в том, что гигантский Китай — главный и наиболее весомый союзник и потенциально составная часть *социалистического лагеря*. Но в то же время и наиболее непредсказуемая часть лагеря, чего вождь никогда не терпел, и потому необходимость просто принять это как факт его крайне раздражала. Но деваться было некуда. Можно было надеяться только на счастливый — для него, вождя — случай.

Ничего такого, однако, не произошло. Все получилось совсем иначе, хотя и соответствовало опасениям в связи с ожидавшимся вождем дисбалансом. Первые несколько лет Мао жестокой рукой наводил в стране новый порядок, решительно преследуя и наказывая богатых землевладельцев и распределяя их землю среди крестьян (к весне 1953 г. около 300 млн семей владели 47 млн гектаров — весьма много по китайским понятиям). В промышленности частный капитал был поставлен под государственный контроль. В те же 50-е гг., уже после смерти Сталина, был взят курс на социалистическое преобразование китайской экономики и всего образа жизни, что на практике вело к коллективизации деревни (группы взаимопомощи и производственные кооперативы). Параллельно шли чистка правящей партии и внедрение в сознание народа *идей Мао*. Можно добавить к этому вовлечение в войну в Корее, что также способствовало воспитанию идейной непримиримости. В 1954 г. в стране была принята конституция, а с СССР было заключено новое крупномасштабное соглашение о строительстве и реконструкции свыше полутора сотен крупнейших предприятий, а также о помощи в проектировании и научной разработке новых. Это было очень серьезным вкладом, что не осталось без внимания. Казалось, создавались объективные условия для тесного сотрудничества. Однако на деле все начинало обстоять иначе.

Прежде всего дело было в том, что Мао, добившийся в соперничестве с другими лидерами КПК фактически абсолютной власти (в отличие от того, что было в нашей стране, это происходило без показательных процессов и без физического уничтожения соперников), стремился продемонстрировать, что именно он имеет основание занять опустевшее место лидера мирового коммунизма. Особенно это стало очевид-

ным после того, как разоблачения на XX съезде создали в коммунистическом движении ситуацию некоего вакуума. Разумеется, такого рода ситуация отнюдь не означала, что претензии Мао кем-либо воспринимались всерьез. Но она значила для Мао возможность быть свободным от необходимости строго внимать рекомендациям из Москвы, особенно от Хрущева, в котором он явно не был готов видеть признанного лидера. Это не мешало ему с признательностью принимать советскую помощь. Но безоговорочно признавать приоритет Москвы он не был готов. Мало того. Стремясь доказать всему миру свою мощь, Мао решился на грандиозный социальный эксперимент, вошедший в историю современного Китая как *большой скачок*, смысл которого — отвлекаясь от его нелепых форм — сводился к тому, чтобы в кратчайший исторический срок показать всем, на что способен новый Китай под его руководством.

Все началось на рубеже 1957–1958 гг., а уже с лета 1958 г. весь Китай был увешан лозунгами *три года упорного труда — 10 тысяч лет счастья*. В деревне центр тяжести был сделан на ирригационных работах, в которых приняли участие свыше 100 млн человек. В городе (впрочем, потом и в деревнях) — на выплавке стали. Плавили чуть ли не в каждом дворе в наспех сколоченных доменных печах, куда без разбора бросали все металлические изделия (печей построили десятки тысяч, а в производстве металла было занято еще не менее 100 млн). Кроме того, весь Китай в свободное от этих работ время или усилиями тех, кто для тяжелой работы был не пригоден, убивал мух, комаров, воробьев и крыс. И, как вершина, начали на базе крестьянских кооперативов создавать так называемые *народные коммуны*, в которых обобществлялось все, практиковались общие трапезы. И, в довершение ко всему, создавались специальные бараки для стариков (*дома счастья* — очень важно заметить, что в Китае исторически сложилось крайне уважительное отношение к старшему поколению, так что этим наименованием стремились заместить то неуважение, которое проявлялось теперь к старикам на деле).

К осени 1958 г. стало ясным, что ирригационные сооружения, часто не нужные, даже вредные, были созданы в огромном количестве, что никуда не годной стали было выплавлено 10 млн т, в коммуны вошли 120 млн дворов, почти все мухи и воробьи были ликвидированы, а страна оказалась на грани голода. Очередной пленум ЦК КПК в декабре 1958 г. признал, что спешили с коммунизмом зря. Мао скрепя сердце осознал это и в качестве признания согласился с тем, что формальным главой КНР вместо него стал Лю Шао-ци. Чуть позже, летом 1959 г., на следующем пленуме (а за это время Мао побывал в своей родной деревне, где убедился в том, что наспех построенная

плотина никуда не годна, горы выплавленного металла никем не востребованы, а в столовой дерутся за лучший кусок) против всей линии на *большой скачок* выступил маршал Пэн Дэ-хуай. Однако на пленуме большинство приняло сторону Мао и решило спустить всю проблему на тормозах, обратив преимущественное внимание на обострение отношений с СССР, обогнать который было главной целью. Мао осудил курс на мирное сосуществование, призвал не бояться мировой и даже ядерной войны. Летом 1960 г. советское руководство отозвало из КНР своих специалистов. А в Китае с этого времени на протяжении ряда лет шло выяснение отношений в связи с обсуждением провалившегося скачка. Мао в общем принял вину на себя, но настаивал на правильности курса в принципе. Лю, Дэн Сяо-пин и некоторые другие лидеры в завуалированной форме выступали с критикой. Дело закончилось тем, что, забыв о стали и ирригационных сооружениях, решили — что было наиболее важным — распустить коммуны, вернув людям приусадебные участки и создав в деревне *производственные бригады* типа колхозов. Именно в это время Дэн, как считается, сформулировал свой хорошо известный ныне афоризм *неважно, какого цвета кошка, лишь бы она исправно ловила мышей.* На этом, собственно, стороны пришли к временному согласию. Что же касается *социалистического лагеря*, то не приходится говорить, что события в КНР привели к огромной трещине во взаимоотношениях между основной его частью во главе с СССР и полностью оторвавшимся от нее Китаем.

ИТОГОВЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Завершая обзор проблем, есть смысл подытожить все то, что привело исторический процесс в первой половине XX столетия к тем результатам, о которых шла речь. В самом общем виде можно прийти к выводу, что этот процесс был крайне противоречив. Об этом неопровержимо свидетельствует многое. Ведь в конце XIX в. современникам вполне могло казаться, что триумф буржуазного Запада с его явно выраженными тенденциями к глобализму и даже к некоторому, пусть не очень четко еще выраженному холизму, т.е. к единению устремлений всего модернизировавшегося (вестернизировавшегося) мира не может быть остановлен и имеет все основания считаться необратимым. Но уже в начале следующего столетия выяснилось, что это далеко не так. Мир как бы задумался, приостановился в своем триумфальном продвижении к материальному прогрессу и даже дал в некотором смысле обратный ход. Не то чтобы человечество отказалось от того, что было достигнуто с такими неимоверными сложностями за пред-

шествующее столетие. Но немалая его часть начала решительно высказываться за кардинальный пересмотр результатов достигнутого.

Одни ратовали за решительный территориальный передел как в западноевропейском регионе, так и в колониальном мире, включая все ту же Тропическую Африку. Другие были готовы с открытым забралом выступить против буржуазного триумфа как такового, считая, что настало время для попытки **любой ценой** (это следует особо подчеркнуть) навязать миру свои утопические представлении о всеобщем счастье на базе обобществления имуществ. Третьи, почувствовав силу возросших в процессе интенсивной вестернизации их индустриальных и экспансионистских потенций, вели дело к агрессии по отношению к соседям, особенно из числа явно недовольных зависимым положением колоний. Четвертые оказались озабоченными лишь региональными проблемами (речь об американцах с их доктриной Монро) и поначалу не стремились активно выступить на защиту либерально-демократических буржуазных ценностей. Словом, ситуация на планете решительно менялась. Кто шел в лес, а кто по дрова. И, коль скоро пути идущих то и дело пересекались, то все готова была решить голая сила. А силы в мире с начала XX столетия стало накапливаться все больше. Это и понятно. Индустриальный буржуазный переворот, проявившийся в многократном увеличении не только экономического, но технико-технологического потенциала, послужил реальной и очень весомой основой для интенсивного роста возможностей военной техники. Мир ощетинился обилием современного типа оружия, способного — начиная с изобретенных на рубеже XIX–XX вв. пулеметов — не просто увеличить мощь средств уничтожения, но и коренным образом изменить характер, а вместе с ним и масштабы военных столкновений. Ведь тот факт, что именно в XX в. произошли две мировые войны, вторая из которых завершилась, как хорошо известно, применением ядерного оружия массового уничтожения, отнюдь не случаен. Все шло именно к этому.

На долю поколения, родившегося где-то на рубеже веков, чуть раньше и несколько позже, и испытавшего все невзгоды, вплоть до очень широко распространившейся практики массового уничтожения мирного населения по классовому или расовому признаку, выпало более всего ударов безжалостной судьбы. Его лучшие представители миллионами и десятками миллионов оказывались жертвами тоталитарных режимов разного толка и кровавых мясорубок военных лет. Другие в столь же массовом количестве становились объектом свирепых гонений, жестоких преследований, а также невольных перемен в условиях жизни, включая силовое их перемещение (это еще терпимая мера насилия,

хотя и чреватая гибелью для тех, кто не был полон сил). Особо стоит напомнить о концентрационных лагерях, где по отношению к бесправным заключенным применялись бесчеловечные методы обращения, ведшие по большей части к их гибели. Прибавьте к сказанному просто террор укрепившихся у власти мерзавцев, для которых жизнь человека ничего не стоила. Развращающая безнаказанность выдвигала у них на передний план худшие черты их натуры, ее звериное начало.

Все это выпало на первую половину века, хотя кровавый шлейф кое-где продолжал тянуться и позже. Встает естественный вопрос, почему так получилось. И, пытаясь дать на него ответ, нельзя пройти мимо того, что в силу ряда обстоятельств исторический процесс в конце XIX в. оказался слишком быстрым. Человечество не привыкло к столь энергичному натиску нового и не имело времени подготовиться к этому. Или, иначе, люди остались в своем большинстве такими же, что были прежде, тогда как в их руки попали инструменты, как нельзя более удобные для реализации жестоких репрессий. Вооружившись этими инструментами и умело используя словесную лживую пропаганду, наиболее амбициозные и жестокие лидеры, пробравшись разными путями к власти, с легкостью и не особо задумываясь над последствиями, начинали применять в политике не сопоставимые с прошлыми средства, реально предоставлявшие им возможность для резкого увеличения масштабов и форм насилия над себе подобными. А поводов для такого насилия и неуклонного его возрастания оказалось, как и прежде, более чем достаточно. Мало того, появилось и немало новых. Так например, резкое обострение соперничества между державами, искусно стимулируемая шпиономания и постоянные напоминания о враждебном окружении, что было наиболее характерным в период существования СССР, но не ушло из политической жизни России и после его распада на части, сыграли в истории нашего отечества крайне отрицательную роль.

Итоговые выводы вполне очевидны. Единственным, что несколько смягчает ту суровую картину, которая только была представлена, следует считать смерть вождя, что — несмотря на неровность и противоречивость правления его преемников, начиная с Н. С. Хрущева, — можно считать, особенно после крушения СССР в 1991 г., началом нового периода не столько даже истории России, сколько всего человечества. Разумеется, и этот период исторического развития ровным и безоблачным считать не приходится. Более того, есть основания опасаться новых и не менее серьезных угроз.

Учебное издание

Леонид Сергеевич Васильев

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

В 6 томах

Том 5

ОТ НОВОГО ВРЕМЕНИ К СОВРЕМЕННОСТИ

Учебное пособие

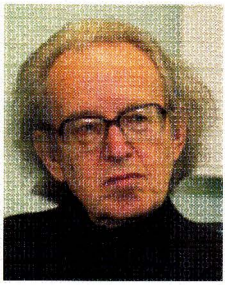
Зав. редакцией *Игнатова Е. С.*
Ведущий редактор *Климкин М. С.*
Корректор *Федотова А. Л.*
Художник *Терехова Г. Д.*
Компьютерная верстка *Чикин П. А.*

Директор издательства *Чепыжов В. В.*

Подписано в печать 06.08.12.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Petersburg». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 39,52. Тираж 500 экз. Заказ № Т-201-12.

ООО «Издательство «КДУ».
119234, Москва, а/я 587.
Тел./факс 939-44-91; 939-57-32.
www.kdu.ru; e-mail: kdu@kdu.ru

Том 5 посвящен первой половине XX в. Первая и Вторая мировые войны рассматриваются всесторонне и скрупулезно, помимо обычных в исторических книгах предпосылок, расстановки сил и итогов, дается общая картина всех государств мира того периода. Период между войнами показан как соперничество между тоталитаризмом левого и правого толка и сложная игра на их противоречиях с ослабевшей буржуазной демократией, представленной Англией и Францией.
Большое внимание в книге уделено России: большевики, гражданская война, роль в мировых войнах, внутренние проблемы и конфликты послевоенных периодов.
Пятый том насыщен важными событиями и соответственно авторским анализом и выводами, подчас неприятными как для читателя, так и для самого автора.

Леонид Сергеевич Васильев — доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией исторических исследований НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. Автор монографий, учебников и учебных пособий по всеобщей истории (макроистория), по теории истории и проблем исторического процесса (макросоциология), а также по истории и культуре Китая, истории Востока и истории религий (всего мира и Востока).

Из введенных им в науку новаций главная — формулировка, обоснование и разработка на протяжении многих десятилетий генеральной структуры власти-собственности, абсолютно господствовавшей в доантичном и небуржуазном восточном мире и широко представленной в отставших в развитии странах вплоть до нашего времени.

ISBN 978-5-98227-854-8

